

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

В. Н. Т О П О Р О В

ЛОКАТИВ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. Н. ТОПОРОВ

ЛОКАТИВ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. Б. БЕРНШТЕЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к исследованию, в котором сравнительно-исторический анализ должен играть весьма существенную роль, мы считаем необходимым сделать несколько замечаний о компетенции этого метода в связи с изучаемым нами явлением.

Как известно, славянские языки чрезвычайно близки друг к другу и представляют огромное количество общих фактов в фонетике, морфологии, словообразовании, синтаксисе и лексике, что объясняется сохранением общего праславянского наследия и параллельным развитием многих явлений. Подобная близость (наибольшая среди других языковых групп индоевропейских языков) становится понятной, если принять во внимание относительно позднее (по сравнению с другими языками-основами) распадение праславянского языкового единства и особую архаичность славянских языков в целом, уступающих в этом отношении, видимо, лишь балтийским языкам. Поэтому различия между славянскими языками в области тех или иных явлений восходят к эпохе гораздо менее древней, чем, например, различия между отдельными германскими и балтийскими языками.

Эти обстоятельства определяют особенности применения сравнительно-исторического метода в области славянских языков. Значительная их близость создает особенно благоприятные условия для сравнительно-исторического изучения этих языков. Целый ряд существенных препятствий, встречающихся при применении этого метода по отношению к другим языкам (неопределенность в области диалектного дробления языка-основы, неясность в соотношении языков, шаткость хронологических моментов, трудность в отделении генетически общих явлений от параллельных или заимствованных и т. д.), оказывается в очень значительной степени устраненным при сравнительно-историческом изучении славянских языков в период их письменного существования. Поэтому во многих случаях факты какого-либо одного славянского языка, общие и частные тенденции его развития получают объяснение лишь при учете данных других славянских языков. Добавим, что границы распространения отдельных явлений часто не совпадают с границами языков. Такие примеры известны в большом количестве.

С другой стороны, близость славянских языков между собой крайне суживает границы применения сравнительно-исторического метода в области реконструкции праславянских явлений, потому что незначительность различий между отдельными славянскими языками в раннеписьменный период (X—XIV вв.) и их относительно позднее происхождение не дает достаточных оснований для далеко идущих реконструкций. Другое дело, когда расхождения велики и обладают большой древностью, когда сам язык-основа не был столь монолитным, как праславянский. В этом случае на материале некоторых явлений можно про-

никнуть в весьма отдаленные эпохи, хотя, разумеется, достоверность такой реконструкции не особенно велика.

Следовательно, полномочия сравнительно-исторического метода в области славянских языков различны в зависимости от поставленных задач и связаны с вопросами хронологического порядка¹.

Точно так же различны границы применения сравнительно-исторического метода в зависимости от области, к которой мы этот метод применяем. Относительно его применения в фонетике и морфологии обычно не спорят. Сложнее обстоит дело, когда речь заходит о синтаксисе. Теоретического решения вопроса на современном уровне языкознания пока нет. Даже лучшие работы, посвященные сравнительно-историческому методу, обычно обходили вопрос о его применении в области синтаксиса. В последнее время интерес к теоретическому решению этой проблемы несколько оживился, хотя ощутимых результатов пока еще нет. Конкретные примеры применения сравнительно-исторического метода в области синтаксиса, многочисленные в прошлом и изредка встречающиеся и сейчас, нужно признать неудовлетворительными в методологическом плане. Поэтому можно сказать, что научные принципы применения сравнительно-исторического метода к синтаксису еще не выработаны в достаточной степени и мало надежны.

Даже если не соглашаться с узким определением сравнительно-исторического метода как метода, опирающегося на изучение родственных морфем, все-таки приходится скептически отнестись к возможности применения этого метода к синтаксису в полном объеме. Дело в том, что его применение предполагает немотивированность некоторых связей², обычную и в фонетике, и в морфологии; в синтаксисе же, наоборот, слишком многое мотивировано; вот, между прочим, почему именно в области синтаксических явлений приходится встречаться с поразительными совпадениями (даже в деталях) между языками самых различных групп. Кроме того, для выяснения значений какой-либо синтаксической категории необходимо знать более широкий контекст, который, собственно, и определяет в существенной степени значение данной категории. Восстановить же этот контекст для дописьменной эпохи практически невозможно, если не считать отдельных редких случаев (в частности, когда он запечатлен морфологически). Поэтому вопрос о применении сравнительно-исторического метода в отношении синтаксических явлений должен рассматриваться особо в каждом отдельном случае. Заметим лишь, что отдельные детали, по-видимому, могут быть реконструированы и некоторыми другими способами. Независимо от значения сравнительно-исторического метода в области синтаксиса остается бесспорной необходимостью сравнительно-исторических исследований в этой области.

— Монография „Локатив в славянских языках“³ посвящена одному из частных вопросов славянского синтаксиса в сравнительно-историческом плане. Вместе с другими работами, посвященными славянскому падежному синтаксису, она бы могла дать некоторое количество материала для сравнительного синтаксиса славянских языков, а в ряде случаев и для реконструкции отдельных деталей в локативных группах в праславянском языке.

¹ Некоторые замечания относительно „внутренней“ реконструкции см. во второй части исследования.

² Разумеется, что эта немотивированность связана с отношением к внешнему миру, а не с отношениями внутри системы языка. См. E. Benveniste. *Nature de signe linguistique*. — „Acta Linguistica“, I, 193) и отчасти Ch. Bally. *Sur la motivation des signes linguistiques*. — BSL, t. 41, 1940.

³ Эта работа была закончена в 1954 г. и защищена в качестве кандидатской диссертации.

Основная задача исследования заключается в том, чтобы дать историю славянского локатива⁴ от эпохи первых памятников до настоящего времени. Не следует думать, что оно должно состоять из истории лок. в отдельных славянских языках, хотя, несомненно, наличие работ по истории развития этого падежа в каждом языке принесло бы неоценимую пользу при исследовании общеславянского лок. Таких работ, к сожалению, нет, так как даже лучшие из исследований о лок. посвящены или описанию современного состояния или изучению лок. в какой-то ограниченный период развития. Поэтому нам пришлось потратить много времени и труда, чтобы восстановить (хотя бы в общих чертах) историю развития лок. в ряде славянских языков. Мы сознаем, что очерки, посвященные лок. в отдельных языках, далеки от желательной полноты и дают, собственно говоря, лишь схему развития. Однако сделать большее было бы трудно, так как потребовалось бы привлечь еще более значительный, новый материал, что привело бы к увеличению и без того большой по размерам работы; кроме того, самый характер исследования не позволял сделать его еще более подробным. Наконец, нас интересовало прежде всего то общее, что есть в лок. различных славянских языков; частные особенности для нашей цели были менее важны. Поэтому в ряде случаев мы с неодинаковой подробностью рассматривали историю лок. в отдельных языках, находили возможным не касаться некоторых типов локативных конструкций, если они в данном языке обнаруживали те же тенденции развития, что и в другом языке, где эти типы были рассмотрены.

С особым вниманием отнеслись мы к описанию лок. в древнейший период славянских языков. Посвященные этому разделы могут иметь и самостоятельное значение; для более поздних периодов нередко приходилось ограничиваться определением общей линии в развитии или общей (недетализированной) картиной локативных конструкций.

Наконец, следует отметить еще одну частную задачу, которую обычно не ставят в исследованиях, подобных нашему. Мы имеем в виду попытку реконструкции в праславянском языке отдельных деталей из области лок. на основании учета разнообразных славянских данных и с привлечением необходимых материалов из других индоевропейских языков.

Работа состоит из двух частей. В первой, составляющей большую часть всей работы, дано описание лок. в русском, белорусском, украинском, польском, кашубском, полабском, лужицких, чешском, словацком, старославянском, среднеболгарском, сербохорватском и словенском языках. Внутри каждого языка лок. анализируется в связи с наметенными нами формально-структурными группами: б/пр. лок., лок. с предлогами *o*, *po*, *pri*, *v*, *na* и т. д. Преимущественно семантический принцип рассмотрения падежей, осуществленный в ряде работ, написанных за последнее время, считаем в данном случае недопустимым, поскольку он в том виде, как его обычно используют, представляет собой отказ от собственно лингвистических методов. Внутри каждой группы анализ начинается с древнейшего состояния. По мере надобности указываются конструкции, находящиеся в формальном или смысловом контакте с соответствующими локативными группами. Специально оговорены случаи иноязычного влияния.

Несколько особо стоит раздел, посвященный лок. в русском языке. В силу ряда соображений (они изложены в первой части в разделе

⁴ Далее падеж и число в данной работе всегда указываются сокращенно: лок. — локатив, б/пр. лок. — беспредложный локатив, им. — именительный падеж, род. — родительный падеж, дат. — дательный падеж и т. д.; ед. ч. — единственное число, дв. ч. — двойственное число, мн. ч. — множественное число.

„Лок. в русском языке“) эта глава написана подробнее, чем другие, причем здесь мы старались показать некоторые принципы нашего анализа локативных конструкций (определение значений, сильная и слабая позиции падежа, основной тип и комбинаторные варианты падежа, условия контекста и т. д.), имеющие отношение ко всему исследованию, но из-за соображений краткости упомянутые лишь в этом разделе. Поэтому в некоторых случаях локативные конструкции русского языка используются как эталон для сравнения с ним лок. в других языках. Разумеется, это лишь условный технический прием, не отражающий сути дела, но удобный при описании. Условностью является и то, что мы постоянно (исключительно для краткости) говорим о лок. со значением места или времени, или основания действия, или причины и т. д. Все это только ярлыки, непосредственно не отражающие интересующие нас сущности, но, как правило, однозначно соответствующие им.

В качестве материалов исследования были использованы письменные памятники всех славянских языков, причем особенно полно привлекались памятники X—XVI вв. Чаще всего приводятся примеры из памятников, хорошо отражающих народный язык, по возможности лишенных иноязычных влияний. Для южно- и восточнославянских источников мы всегда старались определить их зависимость от церковнославянских текстов. Правда, иногда не удавалось достаточно последовательно осуществлять указанные принципы. В частности, наиболее точно отражающий живую речь дипломатический и эпиграфический материал оказался недостаточным ввиду ограниченности ситуаций, встречающихся в нем. По возможности полно старались мы использовать диалектные записи, произведения фольклора. Но и здесь иногда приходилось использовать второсортный материал: недостаточно надежные, отчасти „олитературенные“ записи, песенные тексты, синтаксис которых обладает рядом специфических особенностей, и т. д. Наконец, были привлечены и данные лингвистической литературы, словарей (одноязычных и двуязычных), показания старых грамматиков и т. д.⁵

Во второй части рассматриваются вопросы, связанные с возможностью реконструкции некоторых локативных типов в праславянском языке.

Что касается работ, посвященных славянскому лок., то они, собственно говоря, ограничиваются несколькими исследованиями по частным вопросам отдельных языков. Такими являются работы Ф. Миклошича, К. Пфуля, Ф. Бартоша, И. Зубатого, О. Гюльденштубе, Е. Тимченко, И. Бауэра, М. Ивич, Т. Хмары-Борщевской, У. Протопоповой и др., в той или иной степени использованные нами и в связи с этим упомянутые.

Лишь в одной работе сделана попытка собрать воедино примеры локативных конструкций из всех славянских языков, распределив их по группам (в зависимости от предлогов), а внутри групп — по значениям.

Речь идет о четвертом томе „Сравнительной грамматики славянских языков“ Ф. Миклошича⁶. Однако этот список примеров в настоящее время нельзя признать удовлетворительным. В нем совершенно не использованы данные белорусского, кашубского, полабского языков; из украинского, лужицких, словацкого, словенского языков приведены единичные примеры; материалы по тем языкам, которые представлены относительно полно, содержат существенные пробелы; источники, ис-

⁵ К сожалению, кое-что из текстов оказалось нам недоступным или известным лишь из неавторитетных изданий.

⁶ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV. Wien, 1868—1874.

пользованные Миклошичем, немногочисленны и часто неудовлетворительного качества (три четверти русских, сербских и др. примеров взяты из памятников церковнославянской литературы). Тем не менее эта коллекция образцов остается до сих пор самой полной.

Наибольшую помощь в работе над разделом, посвященным древнерусскому лок., оказало нам исследование А. Д. Григорьевой „К отношениям предложности и беспредложности локатива по древнейшим памятникам письменности“⁷ (на материале русского языка). Заметим, что содержание работы значительно шире, чем можно думать, судя по названию. Диссертация А. Д. Григорьевой представляет собой обстоятельное исследование в области древнерусского лок., основанное на большом и разнообразном материале. Не могут вызвать сколько-нибудь существенных возражений и методологические принципы, изложенные во вступительной части. Наиболее серьезный упрек можно сделать по поводу неправомерно большого привлечения данных церковнославянской письменности. Несмотря на то, что они всегда особо выделены, автор иногда на их основании делает выводы относительно лок. в русском языке в целом (см., например, некоторые типы б/пр. лок. при глаголах „тесной“ связи). Несколько частных возражений по поводу отдельных вопросов сделано нами в соответствующих местах первой части монографии. В некоторых случаях мы сочли возможным использовать примеры, собранные А. Д. Григорьевой, указывая на это заимствование лишь в связи с уникальными фактами, остававшимися неизвестными до ее работы. Перечисленными трудами, по сути дела, исчерпывается круг специальных исследований о лок. в славянских языках.

Понятно, что слабая разработанность вопросов, относящихся к истории лок. в славянских языках, заставила нас заниматься рядом весьма разнородных вещей (от вопросов, связанных с филологической интерпретацией текста и экзегезой, до сугубо теоретических, решение которых в настоящее время едва ли возможно в полном объеме). Понятно, что это никак не способствует целостности исследования и одинаковой строгости исходных методологических предпосылок. Тем не менее пришлось пойти на сознательный компромисс, который будет оправдан лишь в том случае, если выполнение указанных выше задач позволит в будущем воссоздать действительную историю славянского лок. с учетом его инвариантности в синхроническом и в диахроническом планах⁸. Разумеется, история лок., понимаемая таким образом, предполагает знание истории славянской падежной системы в целом. Поскольку же все это — дело не слишком близкого будущего, исследования, подобные этому, видимо, имеют известный смысл.

Нам остается сделать ряд предварительных замечаний относительно некоторых деталей анализа.

В предстоящем исследовании мы будем, как правило, говорить о значении локативной конструкции в целом, имея в виду сочетание лок., предлога, относящегося к нему (если таковой есть), и глагола (реже имени), связанного с лок. Такой выход кажется нам более целе-

⁷ А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива по древнейшим памятникам письменности. Канд. дисс. М., 1946. Краткое изложение части работы см. в „Докладах и сообщениях Института русского языка АН СССР“. М.—Л., 1948, стр. 127—156.

⁸ Работы, появившиеся во вторую четверть XX в. и посвященные падежному синтаксису в синхронном аспекте (см. исследования Р. О. Якобсона, Л. Ельмслева, Ю. Куриловича, А. В. де Гроота, В. Брендаля, Г. Фогта, Х. Сёренсена, М. Ивич, В. Скалички и др.), раскрывают разные стороны будущей картины. И все же они пока не более, чем фрагменты картины, которая должна включить в себя и историческую перспективу.

сообразным, чем любой иной, поскольку в целом ряде случаев определение значения отдельных частей конструкции оказывается невозможным (особенно в старых текстах) или рискованным (анализ в плане современных ассоциаций).

В связи с условиями употребления лок. мы старались в тех случаях, когда это казалось необходимым, особо выделить лок. при глаголах „сильной“ („тесной“) связи, имея в качестве примера книгу Г. Эртеля⁹ и диссертацию А. Д. Григорьевой.

В нашей работе мы считали излишним определять, как это делают некоторые исследователи, соотношение между значением падежа и его функцией, разумея под последней синтаксическое употребление падежа в качестве того или иного члена предложения. Вслед за рядом ученых мы считали ненужным оперировать понятием „члена предложения“¹⁰.

Наконец, в отличие от некоторых других работ, в этой книге, как правило, помимо локативных конструкций, приводится лишь минимальное количество других сочетаний, употребляющихся в той же ситуации и обладающих сходством с указанными локативными типами по крайней мере в части своей структуры. Подобные конструкции мы предпочитаем называть дублетными, или параллельными, поскольку эти названия более нейтральны, чем „синонимическая конструкция“. Поэтому *в ночи, в ночь, ночи* (б/пр. лок.) считаем дублетными типами (*ночью же — нет*); *пойти по грибах, пойти по грибы* — дублетны, *пойти за грибами, пойти в грибы* — нет и т. д. Смысл такого ограничения заключается в том, чтобы подчеркнуть значение формально-структурных моментов и определить центральные участки междупадежного взаимодействия.

* * *

За большую помощь в подготовке рукописи к печати я глубоко признателен Р. М. Цейтлин.

⁹ Н. Oertel. The Syntax of Cases in the Narrative and Descriptive Prose of the Brahmanas. Heidelberg, 1926, I. The Disjunkt Use of Cases.

¹⁰ В этом мы решительно расходимся с авторами книги „Творительный падеж в славянских языках“ (М., 1958) и с А. Б. Правдиным („Дательный прилагольный в старославянском и древнерусском языках“. — „Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII. М., 1956).

Часть I

I. ЛОКАТИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Приступая к анализу лок. в русском языке, необходимо отметить, что ни один из славянских языков не может дать такого обильного и ценного материала для изучения лок., как русский. Это объясняется не только значительной древностью и жанровым разнообразием древнерусских памятников, но и сохранением в русском языке в ряде случаев важных для истории лок. архаизмов, почти или совсем утраченных в других славянских языках. Так, например, лишь материалы русского языка представляют исследователю достаточное количество надежных примеров, позволяющих проследить переход от беспредложного употребления лок. к исключительно предложному¹ — явление первостепенной важности не только в развитии лок., но и для всей падежной системы, приведшее к существенному структурному сдвигу.

Следует заметить, что далеко не все древнерусские памятники могут быть использованы при исследовании лок. Мы не рискнули привлечь в полном объеме материалы таких ценнейших в других отношениях памятников, как Остромирово Евангелие, Изборники Святослава (1073, 1076 гг.), Архангельское Евангелие, Хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы и некоторые другие, поскольку они написаны на церковнославянском языке и находятся в русле церковнославянской стилистической традиции (вопрос о переводном характере их в данном случае менее существен). Весьма значительная близость лок. в русских и в церковнославянских памятниках не меняет сути дела, создавая дополнительные трудности в методологическом отношении. Мы позволяли себе приводить примеры из церковнославянских памятников лишь в тех случаях, когда они согласуются с примерами соответствующего типа из бесспорно русских памятников. Более того, даже в русских текстах мы старались, отмечая лок. в евангельских и библейских цитатах и выражениях, не придавать этим примерам первостепенного значения в связи с историей русского лок.

Разумеется, в ряде случаев нам не удалось быть до конца последовательными. Отдельные трудности и упущения, иногда ясные самому

¹ Разумеется, не меняют сути дела отдельные случаи б/пр. употребления лок. (например, в стихотворениях Д. Бурлюка, в письмах В. Маяковского). Хотя такое употребление лок. и является искусственным, оно все-таки предполагает некоторую избыточность предлога при лок. в целом ряде случаев.

автору, оказались неизбежными из-за отсутствия в некоторых случаях надежных критериев.

Наш анализ мы начнем с б/пр. лок., хотя даже в круге локальных значений он не занимает центрального положения даже в эпоху древнейших памятников. Будучи остатком более древнего состояния, б/пр. лок. уже в XI—XII вв. получил более авторитетные и распространенные предложные дублеты почти во всех случаях его употребления. Поэтому ни самый факт наличия б/пр. лок., ни его окончательное исчезновение к XIV в. не означали сколько-нибудь существенных изменений в системе значений, в структуре падежа. Они произошли, несомненно, гораздо раньше, а именно в тот период, когда последние единственные до тех пор значения б/пр. лок. получили предложные дублеты. Поэтому для эпохи древнейших русских памятников б/пр. лок. стоит уже несколько особняком, как остаток старого состояния, лишенный, по-видимому, особых, только ему присущих значений и употребляющийся, вероятно, лишь как определенный факультативный вариант, связанный, может быть, с известными стилистическими требованиями.

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Вопрос о том, является ли б/пр. лок. в первых памятниках русского языка живым явлением, бесспорно, следует разрешить в положительном смысле. Об этом свидетельствуют неоднократные случаи его употребления не только в памятниках художественной или религиозно-учительной литературы, где могло быть более или менее значительное влияние иноязычных традиций, но и в памятниках исторического, делового содержания (обычно юридических), наиболее полно отражающих народную речь. В определенных случаях б/пр. лок. в XI—XIII вв. еще является наиболее распространенным и продуктивным, в то время как его дублеты в этих условиях значительно уступают ему в употребительности. Больше того, некоторые исследователи готовы даже видеть иногда в б/пр. лок. вторичное явление, созданное pendant предложному лок. по образцу других случаев б/пр. лок.², предполагая тем самым известную продуктивность в относительно недавнюю (для древнерусского языка первых памятников) эпоху. И хотя последнее едва ли верно (об этом см. ниже), все же самый факт функционирования (а не просто наличия!) б/пр. лок. в древнерусском языке стоит вне всякого сомнения. Гораздо сложнее определить по возможности точно и полно границы распространения б/пр. лок. в жанровом, диалектном и временном отношении. Сложность этой задачи углубляется еще и тем обстоятельством, что не всегда с достаточной четкостью можно отделать русские особенности б/пр. лок. от южнославянских. А очень большая близость б/пр. лок. в древнерусском языке и в южнославянских при господстве в известных жанрах древнерусской литературы церковнославянского языка и стилистической традиции делало не только возможным, но

² См., например, утверждение А. Д. Григорьевой в ее диссертации о вторичности б/пр. лок. в значении источника действия.

часто и необходимым иноязычное влияние на русский язык, в частности в области лок. Поэтому почти полное отсутствие б/пр. лок.³ в древнерусских памятниках религиозного содержания, переведенных с древнеславянского или непосредственно с греческого, не является показательным для древнерусского языка. В данном случае едва ли существенно, с древнеславянского или с греческого языка сделан перевод, так как и в том и в другом случае важнее стилистическая традиция⁴.

То же в полной мере относится и к памятникам переводной светской литературы и в известной степени к той части оригинальной церковно-учительной литературы, которая ставила себе целью подражание наиболее авторитетной в этом жанре древнеславянской стилистической традиции и где поэтому б/пр. лок. почти полностью отсутствует, если не считать буквально несколько случаев, похожих на опisku. Укажем наиболее известные из них: *воемъ же ставшемъ на мѣстѣ, глѣмьмь Врѣтоградѣхъ*. Г. Ам., 513, 19⁵, — явно испорченное место, непонятное писцу (неверное согласование, обязанное своеобразной синтаксической аттракцией); *явишися вышѣнимъ Исѣмь*. Панд. Ант., Срезн., I, 489; здесь можно думать о характерном пропуске предлога *въ* перед *в* следующего слова, частом в древнерусских рукописях. Возможно, по этой же причине встречаем мнимый б/пр. лок. в *Житии Андрея Юродивого XV в.*: *неусыпающеи службѣ бывающеи въ стѣи божици сущии Влахернахъ*. Срезн., I, 142. Впрочем, здесь можно думать и о стремлении избежать повторения предлога или вообще о непонимании этого чуждого географического названия⁶. Хотя не исключена возможность встретить остатки б/пр. лок. в этих и им подобных памятниках, приведенные случаи едва ли, однако, можно рассматривать как б/пр. лок., так как у нас нет ни одного надежного примера, который бы не допускал иного объяснения. Кроме того, приведенные выше факты составляют такой ничтожный процент по отношению к предложному лок., что можно ими пренебречь. Ведь и в значительно более поздних памятниках, и в современных диалектных записях можно обнаружить примеры, которые, если подходить к ним слишком формально, совпа-

³ Пока мы намеренно опускаем б/пр. лок. [при известных глаголах, имеющих „сильное управление“ (А. М. Пешковский). Ср. лок. „тесной“ связи (А. Д. Григорьева)].

⁴ Особенно показателен в этом отношении перевод Хроники Георгия Амартола (с дополнением из Симеона Логофета), сделанный, как думал академик В. М. Истрин („Книги временныя и образныя Георгия Мниха“. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Пг., 1920—1930), непосредственно с греческого языка. В отношении б/пр. лок. он показывает точно такую же картину, как памятники, переведенные с древнеславянского (в противоположность русским памятникам деловой литературы). Впрочем, П. Лавров предполагает южнославянский перевод (см. „Slavia“, гоѣ. 3, 1925 и гоѣ. 4, 1926).

⁵ Ср. сходный случай из Пов. И. Новг. (по списку XVI в.): *и на плотъ положень нарѣцаемей рѣки Волховѣ*.

⁶ Ср. в К.-Печ. Пат.: *и царицино видение еже Влахернѣ повѣдаша* (9); *еже Влахернѣ царици* (6). Вообще морфологическое членение этого слова оставалось, по-видимому, мало понятным. Ср. более позднее: *Пришол к лахеренской богородице*. Дело Ник., № 40 и др.

дают с б/пр. лок. Памятники русской художественной литературы дошли до нас, как правило, в списках позднего времени (XV—XVII вв.) и потому сохраняют уже почти исключительно предложный лок. Это и понятно. Сверка списков одного и того же памятника убедительно показывает, что вставка предлогов в бывшие б/пр. конструкции является самой обычной для переписчиков, между прочим, и потому, что это не представляет серьезных трудностей с технической стороны. Сопоставление древнейшего списка „Сказания о Борисе и Глебе“ (в „Успенском сборнике“, XII в.), изданного А. Шахматовым и П. Лавровым, с более поздними списками (вплоть до XVIII в.) этого „Сказания“ и с соответствующими местами „Чтения о житии и о погублении Бориса и Глеба“ (XIV в.), а также сравнение одинаковых в текстологическом отношении мест из Новгородской 1-ой летописи по Синодальному списку, с одной стороны, и по Комиссионному, Академическому и Толстовскому, с другой, — показало почти совершенно регулярную вставку предлога *в* в ранее беспредложные конструкции лок.⁷ Между прочим, это относится и к предлогу *к* с дат.

Лишь в древнейших памятниках художественной литературы еще в достаточной степени сохранен б/пр. лок. (не только при известных глаголах). Таковы „Сказание о Борисе и Глебе“ (15 случаев б/пр. лок.), „Житие Феодосия Печерского“ (список XII в.), Киево-Печерский Патерик (Арсеньевская редакция 1406 г.). Примеры б/пр. лок. при глаголах „тесной связи“ („сильноуправляемые“) и б/пр. лок. от временных понятий представлены гораздо более широко; в общем они встречаются в большинстве памятников XII—XIV вв., а нередко и в более поздних (б/пр. лок. времени). Встречаются, хотя и в меньшей степени, две последние разновидности б/пр. лок. и в переводных памятниках художественной литературы.

Здесь уместно остановиться на ряде случаев из „Слова о полку Игореве“, которые иногда истолковываются как б/пр. лок. Некоторые исследователи (например, А. Д. Григорьева) видят б/пр. лок. в следующей фразе: *Ярославна рано плачет Путивлю городу на заборолѣ*, допуская возможность употребления здесь б/пр. лок. (ср. *а како Немецьский гость будеть Смоленське городе...* Догов. Смол. с Ригю и Готск. бер. 1229 г., 1-я ред. Д., ст. 19, ПРП; *быс пожарь великъ Киевѣ городѣ*. Лавр., 293), мы все-таки склоняемся к тому, что здесь целесообразнее видеть дат. Во-первых, в „Слове“ наблюдается употребление в лок. ед. ч. о-основ окончания *-у* в строгом соответствии с обычным для XII в. положением (в односложных словах и в словах, оканчивающихся на задненебный: 2 раза *о пѣлку*, 1 раз *на слѣду*): лок. *Путивлю городу* выглядел бы несколько необычно. Во-вторых,

⁷ Ср. *Переставися князь Мьстиславъ Новгородѣ*. Син. 36, но: *Преставися князь Мьстиславъ в Новгородѣ*. Комисс. 226; *Ярославу не сущю Новгородѣ*. Син., 72, но: *Ярославу не сущю в Новѣрадѣ*. Комисс., 282 и т. д. На крайнюю редкость б/пр. лок. в Комисс., Акад. и Толст. списках указывает и Е. С. Истрина („Синтаксические явления Синодального списка 1-ой Новгородской летописи.“ Пг., 1923, стр. 204).

кажется, верно интерпретировал это место автор „Задонщины“: *Марья рано плакашеса у Москвы града на заборолѣ*. Думается, что в нашем примере естественнее всего видеть дат. принадлежности⁸, весьма частый в таких случаях и нередко носящий несколько более энергичный оттенок, близкий к *dat. commodi*⁹. Такой же дат. видим мы и в отрывке *Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни*. Нельзя согласиться с А. Д. Григорьевой и в случае *уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ*. Здесь, несомненно, правильное видеть вин. мн. ч.¹⁰ Не должна вызывать у нас сомнения и форма *ужинѣ* (дат. ед. ч.) в фразе *избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ* ввиду им. ед. ч. *ужина* — ж. р. (новгор., псковск., тверск. говоры и т. д. Ср. у Даля.). Таким образом, кроме полунаречных б/пр. лок. времени и одного б/пр. лок. при глаголе (*обѣсися синѣ мьглѣ*), б/пр. лок. в „Слове“ больше не встречается, что находится в полном согласии и с данными других текстов того же времени. Следовательно, указанные выше группы памятников дают нам очень мало для изучения б/пр. лок. в древнерусском языке. Но еще ограниченнее те выводы, которые мы можем сделать на основании этих форм, так как надежность выводов в подобных случаях находится в обратной пропорциональной зависимости с употребительностью исследуемых явлений.

Основным источником наших сведений о б/пр. лок. в древнерусском языке, подтверждающим его довольно широкое распространение еще в XII—XIII вв., являются летописи, памятники деловой письменности, некоторые надписи. Именно на основании этих памятников и можно сделать выводы об употребительности б/пр. лок., условиях его употребления, хронологических границах его распространения и, в некоторой степени, о его географическом ареале¹¹. В этих памятниках наблюдается совершенно иное соотношение между отдельными группами б/пр. лок. по сравнению с памятниками церковно-учительной и художественной литературы. А именно, здесь значительно преобладает б/пр. лок. от названий мест и при обозначении времени, тогда как б/пр. лок. при известных глаголах крайне редок, причем в большинстве случаев он встречается в отрывках религиозного содержания (особенно в определенных формулах), похожих на цитаты. В памятниках же церковно-учительной и художественной литературы при крайне незначительном количестве б/пр. лок. первой группы б/пр. лок. при опреде-

⁸ См. также: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 165 и Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 181.

⁹ Ср. аналогичные случаи из „Слова“: *оттвори врата Новуграду; красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю* и т. д. Ср. довольно точные соответствия в других славянских языках, например, с.-хорв. *град лежи мору на обали*.

¹⁰ Ср. С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 151.

¹¹ Но и в этих памятниках немало трудностей: большое однообразие и частые клише в памятниках делового характера; сложные, нередко запутанные связи с предшествующими списками и т. д. — в летописях.

ленных глаголах весьма нередок (кстати, их круг шире, чем в летописях).

Б/пр. лок. в летописях — явление довольно частое. В трех важнейших списках (Лавр., Ипат. и Син.) он встречается немногим менее 700 раз: в Лавр. — более 200 раз, в Ипат. — более 250, в Син. — несколько менее 200 раз. Интересно, что и в более поздних списках, параллельных указанным или составленным на их основе, б/пр. лок. встречается, хотя и очень редко. Особенно показательным в этом отношении является сравнение Ипатьевского списка (20-е годы XV в.) и Хлебниковского (XVI в.), которые восходят к южнорусскому летописному своду конца XIII в.¹², а также соответствующих вариантов Погодинского списка (конец XVI в.), являющегося испорченной копией Хлебниковского, и Ермолаевского (переработка Погодинского списка). Хлебниковский список имеет лишь несколько случаев б/пр. лок., причем все они встречаются и в Ипатьевском. Два последующих списка вообще уже не имеют надежных б/пр. лок., если не считать нескольких наречных образований и случаев, похожих на описки. Б/пр. лок. встречается также в древнейших русских грамотах и надписях. Лучшее из них представлено б/пр. лок. времени, который, будучи на пути перехода к наречию, продолжал встречаться и значительно позже (вплоть до XVI в.).

Б/пр. лок. тесной связи в грамотах нам не встретился ни разу.

Б/пр. лок. при названиях городов в грамотах и надписях в общем редок. В собственно новгородских грамотах б/пр. лок. такого рода является лишь 7 раз, в Договоре Смоленска с Ригию и Готским берегом — 26 раз, но все от одного слова (Смоленск), в псковских, двинских, московских, южнорусских, а также в древнейших актах юго-западной и северо-восточной Руси надежных случаев нам не встретилось. То же относится и к Русской Правде, самый ранний список которой восходит, однако, лишь к XIV в. (Троицкий). Кстати, нужно отметить, что в тексте этого памятника совсем не встречается случаев, когда можно было бы ожидать б/пр. лок. даже в эпоху древнейших текстов¹³. Имеется несколько примеров б/пр. лок. и в приписках писцов или переписчиков, делавшихся обычно по окончании работы над памятником (ср. приписку дьяка Григория к Остромирову Евангелию или запись Упыря Лихого после Списка книг Пророческих). Несмотря на малочисленность б/пр. лок. в этих записях, духовных и договорных грамотах, законах и актах, мы считаем их одним из наиболее ценных источников для разрешения вопроса о б/пр. лок. Это объясняется двумя

¹² Эту дату выдвигает М. Д. Приселков („История русского летописания XI—XIV вв.“ Л., 1940, гл. II). А. А. Шахматов, предполагавший наличие „Владимирского Полихрона“, указывал на XIV в. (Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.-Л., 1938, гл. IV).

¹³ Единственное географическое название (Берестье) в лок. имеет предлог *на*: *созва дружину свою на Берестовѣмь*. Простр. ред., 48. Однако уже древнейшие летописные списки употребляют здесь этот предлог. Ср. *оумре же на Берестовѣмь*. Лавр., 130.

обстоятельствами: точной датировкой (что не всегда есть в летописях) и несомненно их русским, современным характером.

Обратимся теперь к вопросу о хронологических пределах употребления б/пр. лок. в древнерусском языке.

Наблюдения над распределением б/пр. лок. в летописях дают возможность заметить, что он сосредоточен за редким исключением в срединной части летописи. Так, в Лавр. списке до самого конца X в. б/пр. лок. встречается лишь спорадически. Основная масса б/пр. лок. приходится на период с конца X в. (точнее с 988 г.) до 30-х годов XIII в. (последний явный б/пр. лок. встречается в записи 1255 г.: *и посади сна своѣго Новѣгородѣ*. 474). В Ипат. списке более 90% б/пр. лок. сосредоточено в записях от начала XI в. до 70-х годов XII в., хотя последний случай употребления б/пр. лок. относится к 1250 г., правда, при глаголе „сильного“ управления в известной формуле: *и поа си дщерь его сноу си женѣ*. 809¹⁴. Более определенные случаи относятся к 1231 г. Новгородская 1-я летопись по Син. списку, начинающаяся с 1017 г., подавляющую часть б/пр. лок. фиксирует также до 30-х годов XIII в. Лишь 5 б/пр. лок. встречается после 30-х годов (кстати, все 5 при обозначении времени: *веснѣ*. 91, 94, 96, близкое к наречию; *том же лѣтѣ*. 99 и *одиномъ часѣ*. 85, ср. в Комисс. *одиномъ часе*. 315). Такие же случаи, как *той же осени*. 82 (1258 г.) и *той же ночи*. 83 (1262 г.), признать б/пр. лок. нет необходимости: во-первых, в род. ед. ч. к этому времени в новгородской области уже произошло обобщение по твердому различию, поэтому в *той* вполне можно видеть род. ед. ч.; во-вторых, случаи типа *той же весны*. 69, 93, *той же зимы*. 78, 82, 93, 94, 97, 99 лишний раз подтверждают наше предположение о род. ед. ч. Впрочем, едва ли можно отрицать, что этот бесспорный для XIII в. род. ед. ч. обязан своим появлением переосмыслению прежнего б/пр. лок., вызванному общей тенденцией к его исчезновению и поддержанному — и это очень важно — обобщением по твердому различию.

Если учесть все эти данные и вспомнить, что Лавр. список кончается изложением событий 1305 г. (правда, последняя приписка относится к 1372 г.), Ипат. — 1292 г., а Син. доводит описание до 1352 г., то становятся приблизительно ясными хронологические пределы употребления б/пр. лок. В качестве таковых полагаем середину XIII в. В этом убеждают нас и данные грамот, и таких памятников, как „Сказание о Борисе и Глебе“ и некоторых других. Так, новгородские грамоты XII—XIII вв. знают употребление б/пр. лок. В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг. б/пр. лок. решительно преобладает (6 случаев б/пр. и только 1 предложный, стр. 55—56). Примерно такая же картина наблюдается

¹⁴ Встречающееся в 1287 г. *Мьстиславоу же не соузоу тоу но близѣ города нѣкоемь мѣстѣ именею в Гаї* (908) из-за *в Гаї* не может считаться убедительным. Ср. вариант из Хлебн. сп.: *нѣ в коем мѣстѣ*.

и в договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. и в их соглашении 1230—70 гг. Правда, в б/пр. лок. в этих документах встречается только название Смоленска, тогда как остальные географические названия в лок. всегда предложны¹⁵. Последний очевидный случай употребления б/пр. лок. в грамотах Новгорода фиксируется 1270 г. (Гр. Новг. с Яросл. Яросл.: *тако пошло Новегородъ*. ГНП)¹⁶.

Примечание. Естественно, что онареченные б/пр. лок. со значением времени, встречающиеся в новгородских грамотах в течение всего XV в. (напр., *лѣтъ* в 1435 г., 1456 г. и т. д.), а в некоторых других памятниках и позже (ср. указанные у Б. О. Унбегауна — „La langue russe au XVI^e siècle“, I. Paris, 1935 — примеры из XVI в., а у А. Д. Григорьевой даже из XVII в.: *веснѣ* и *лѣтъ*, и *въ осени*. Арх. Стр. 77, 1606 г.¹⁷), никак не опровергают наше утверждение об исчезновении б/пр. лок. в середине XIII в. То же самое относится и к ряду случаев из московских и новгородских грамот XIV—XVI вв. (хотя, разумеется, нельзя отрицать возможности спорадического употребления б/пр. лок. и в то время, когда он уже перестал быть живым явлением): *а что б(у)д(е) судилъ (ко)гда великомъ княженьѣ и в отч(и)нѣ въ своен на Москвѣ*. Дух. гр. Сем. Иван. 1353 г. ДДГ; *не держати в нашеи воцинѣ) Москвѣ и великом княж(е)нии и Велик(о)мъ Новѣгород(ѣ)*. Гр. Вас. Дмитр. ок. 1396 г. ДДГ; *которыи буд(у)ть села о(т)ца моего великомъ княженьѣ куплѣ*. Гр. Дмитр. Иван. Ок. 1375 г. ДДГ; *Великомо островѣ кунциа*. Новг. бер., № 2, 25 стр. (конец XIV — начало XV вв.) и т. д.¹⁸; ср. также: *а стол царской пишется Новеграде*. Ив. Пересв. 162 (по Оболенскому списку; в полной редакции Музейного списка — в Новеграде).

В подобных случаях нужно видеть описки (перед *в* следующего слова, а иногда после *в* предыдущего слова. Ср. *пробыв (в) Труи*. Хрон. И. Мал., кн. V, 3) или в некоторых случаях, может быть, косвенное указание на относительную еще незакрепленность предлога в лок., допускающую дистантное его употребление в больших границах, чем, например, в современном языке (2-й пример). Это явление хорошо засвидетельствовано и в летописях, хотя и не было отмечено: *самъ сѣдѣ въ Галици, а Володимиръ Рюриковиць Киевѣ*. Син. 59; *имяше власть свою в Полотьскѣ, а Турыи Туровѣ*. Комисс. 125, ср. Ипат. 208 и т. д.

Если учесть все эти замечания, то предложенная нами граница употребления б/пр. лок. едва ли может быть отвергнута¹⁹. Понятно, что глубже в древность употребление б/пр. лок. было явлением еще более обычным и распространенным. К сожалению, крайняя скудость русских памятников XI в. и явно недостаточное (для наших целей) их

¹⁵ Разумеется, нельзя видеть б/пр. лок. во фразе; *тако, аже Руский гость биеться у Ризе или Готьскомъ березе*. Там же, 2-я ред., А.

¹⁶ О б/пр. лок. в новгородских берестяных грамотах см. „Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот“. М., 1955, стр. 154—155; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 150; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 137.

¹⁷ Здесь может быть пропуск предлога *в* перед *в* следующего слова.

¹⁸ Заметим, что в тех же грамотах встречаем и: *въ великомъ княженьи*. 26, 27, 28, 40 и т. д. ДДГ. Кстати, в ряде случаев (не в тех, что мы отметили) возможно фонетическое исчезновение *в* (прежде всего там, где оно было билабиальным), — явление, известное в той или иной степени и другим славянским языкам.

¹⁹ Укажем, что к началу XIII в. исчезает и б/пр. дат. типа *иду Новугороду*. Еще раньше подобный процесс произошел с беспредложной конструкцией в вин. типа *иду Киев*.

количество в XII в. не позволяют нам более полно восстановить картину распространения б/пр. лок., вынуждая ограничиться наблюдениями над ним на последнем этапе его существования. Постараемся объяснить некоторые детали, игнорирование которых мешало бы предельно точному выявлению состояния б/пр. лок. в древнерусском языке.

Прежде всего недостаточно просто указать распространение б/пр. лок. Необходимо выяснить, в каком отношении он находится с предложным лок., причем, если это возможно, по отдельным этапам. Мы в значительной степени избавлены от необходимости делать это, так как можем сослаться на таблицы в диссертации А. Д. Григорьевой²⁰, дающие количественное соотношение предложного и б/пр. лок. в 1-ой Новгородской летописи. Напомним, что в начале летописи решительно преобладает лок. с предлогом, в середине наблюдается приблизительное равновесие (с некоторым даже преобладанием б/пр. лок.), а в конце снова б/пр. лок. быстро уменьшается в количестве, пока не исчезает совсем. Наши наблюдения над Лавр. и Ипат. списками полностью подтвердили данные А. Д. Григорьевой. Нельзя, разумеется, не согласиться и с ее объяснением малого распространения б/пр. лок. в начальной части летописи (где составитель ее был сильнее всего связан с переводной литературой, особенно с Хроникой Георгия Амартола). Однако вопрос здесь несколько более сложный, чем это обычно представляют, чтобы позволить себе говорить о соотношении б/пр. лок. с предложным единственно на летописном материале. Дело в том, что, используя его, мы часто не знаем сложного отношения нашего списка к предшествующим; не знаем часто диалектной основы этих предшествующих списков (впрочем, для XI—XIII вв. это не так еще важно); не знаем объема того нового элемента, который внес переписчик, не знакомый уже с б/пр. лок. в живой речи. Поэтому исходить только из данных летописи в этом вопросе не вполне надежно. Более ценный материал доставляют грамоты, надписи, приписки. При исследовании этих древних памятников (был взят 21 документ, относящийся к XI—XII вв.)²¹ оказалось, что самые ранние из них содержат

²⁰ Две из них приведены в статье А. Д. Григорьевой „К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке“ („Доклады и сообщения Ин-та русского языка, АН СССР“, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 127—156).

²¹ А именно: Новгородские грамоты № 28 (1189—1199 гг.), № 79 (1125—1137 гг.), № 80 (1125—1137 гг.), № 81 (1130 г.), № 82 (1146—1155 гг.), № 102 (около 1147 г.), № 103 (около 1147 г.), № 104 (около 1192 г.); приписки к Остромир. Еванг., к Изборн. 1073 и 1076 гг., к Новг. служебным Минеям 1095—97 гг., приписка к Списку книг Пророч. Упыря Лихого (1047 г.); запись на Мстисл. Еванг. до 1117 г., надпись на чаре Владим. Давид. до 1151 г., надпись на кресте Евфрос. Полоцк. 1161 г.; письмо о Коромане № 7 (XII в.), письмо о короле № 8 (XII в.), письмо от Гостыи к Василью № 9 (XII в.) (Новг. грамоты на бересте); надпись на Тмутарак. камне 1068 г., надпись на антиминсе новг. церкви Николы ок. 1149 г. Грамоты XII в., известные в поздних списках, брались лишь в том случае, если в них встречался б/пр. лок. Поэтому такие грамоты, как Уставная Ростисл. Смоленск. 1150 г., Подтвердит. грамота епископа Мануила 1151 г., Дополнит. грамота о размере Погорелья и Пичества (XII в.), Грамота Ивана Ростисл. Берладника (1134), Вкладная посадника Славенского конца Ивана Фоми-

только б/пр. лок. (разумеется, в тех условиях, в которых он, хотя бы sporadически, встречался и позже, в данном случае при географических названиях без определяющего слова). Приведем примеры:

1047 г. *шко сподоби мя написати
книгы сия исъ коуриловицѣ
князю Владимиру Новгородѣ княжящю.*
Упырь Лихой. Др. пам., 12.

1057 г. *правляше столъ оца
своего прослава кыевѣ
а брата своего столъ поржчи
правити близокоу своему
остромироу новгородѣ.* Остр. Ев., 294 в.

1189—99 гг. *Новгородѣ* (6 раз). *оже тяжа родится в Новгородѣ*
Догов. гр. Новг. с Гот. бер. Догов. гр. Новг. с Гот. бер.
(ГНП, 55 ter, 56 ter). (ГНП, 56).

Как ни незначительны по количеству эти данные, они определенно говорят в пользу б/пр. лок., который в XI в. наверное, а в XII (может быть, в 1-ой половине) вероятно преобладал над предложным при названии городов. Эти соображения подкрепляются еще более тем негативным аргументом, что в указанных только что документах XI—XII вв. предложный лок. от названий городов встречается лишь 1 раз (1189—1199 гг.), а это ни в коем случае нельзя приписать случайности. Во всех же остальных случаях употребляется предложный лок. в соответствии с более поздней нормой (*въ Нѣмцехъ, въ Русьстѣи земли, въ мѣстѣ семь, въ монастыри, въ техъ погостехъ, въ князьехъ, въ своихъ гресѣхъ, въ разумѣхъ* и т. п.²²). Если присоединить к этим материалам данные „Сказания о Борисе и Глебе“ (XII в.), то можно будет с уверенностью считать б/пр. лок. при названии городов в XI—XII вв. правилом, тогда как в остальных случаях уже господствовали предложные конструкции.

Сколько-нибудь определенных сведений о диалектном распространении б/пр. лок. нет и едва ли их возможно получить: во-первых, памятников XI—XII вв. с точным географическим приурочением явно недостаточно для выводов; во-вторых, для этого периода различия в такого рода явлениях вряд ли могли быть существенны, если не считать колебаний в сроках исчезновения б/пр. лок. (в пределах, надо думать, XIII в.). Отметим, только, что б/пр. лок. довольно часто встречается в новгородских и киевских памятниках и реже в галицко-волинских²³,

на (1181—82 гг.) и др., известные в поздних списках, в данном случае не принимались в расчет.

²² Указанный материал не дает ни одного случая, где можно бы было выяснить употребительность (или неупотребительность) б/пр. лок. от временных понятий. Встретились лишь 2 случая лок. с местоимением (*въ село вѣцѣ* и *во ономо вѣцѣ*).

²³ Единственный источник наших сведений о галицко-волинских говорах (не считая грамоты Ивана Ростисл. Берладника 1134 г., „Рукописания“ князя Владим. Васильевича ок. 1237 г., приведенной в Ипат. сп., и Уставной грамоты кн. Мстисл. Роман. ок. 1289 г., приведенной там же, дошедших до нас в поздних

смоленских. Памятники северо-восточной Руси, известные с более позднего времени, представляют остатки б/пр. лок. лишь в оначенном виде, что, однако, с очевидностью свидетельствует о существовании б/пр. лок. в более раннюю, чем XIV в., эпоху²⁴.

Таково положение б/пр. лок. в памятниках древнерусского языка в связи с хронологическими данными.

Несмотря на довольно значительное число б/пр. лок. в XI—XIII вв., его ущербность и деградация станут нам особенно очевидными, если обратить внимание на условия его употребления, на сферу его применения. Именно в силу особой ограниченности в сфере употребления б/пр. лок. с необходимостью встает вопрос об условиях, в которых он встречается. Под условиями в данном случае следует понимать те основные моменты, которыми определяется употребление б/пр. лок. Для б/пр. лок. таких моментов два: круг имен, встречающихся в этой форме, и круг глаголов, требующих употребления б/пр. лок., а не какой-либо другой формы. Если подходить к б/пр. лок. как к чему-то единому, недифференцированному, то выявление условий его употребления может показаться ненужным, так как он в принципе может быть образован от любого имени и быть связан с любым глаголом. Однако сам материал показывает, что в одной части случаев употребление б/пр. лок. зависит от характера имени, стоящего в лок., а в другой части случаев — от характера глагола при известном безразличии к имени. Следовательно, такая перемена *principia divisionis* при определении условий употребления б/пр. лок. является несколько не ошибочной, а наоборот, необходимой, так как она, вытекая из материала древнерусских памятников, отражает двойственность природы б/пр. лок. Перейдем к анализу первой группы б/пр. лок., которая определяется качеством имени. В применении к другим членам падежной системы такого рода исследование оказалось бы ненужным, так как в принципе каждое имя может приобретать форму любого падежа. В нашем случае положение иное, так как для рассматриваемой группы случаев б/пр. лок. не является в полной степени обычным парадигматическим падежом. Дело в том, что падеж не единственное средство для выражения отношения имени к другим словам, а лишь наиболее частое, последовательное и — главное — всеобщее, парадигматическое (здесь имеются в виду языки с преоблада-

списках) представлен галицко-волынкой летописью, включенной в Ипат. сп. под 1201—1292 гг., а также отдельными заимствованиями из нее в том же списке (Ср. 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190, 1197 гг.). Однако трудно определить этот галицко-волынский вклад (разве только в лексике?); тем более, что в самой галицко-волынкой части есть извлечения из ростово-суздальских и, может быть, пинских летописных статей. См. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 71, 72; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 432, 433.

²⁴ Кажется, есть некоторые основания предполагать, что в северной части русских говоров б/пр. лок. был несколько устойчивее и держался, может быть, немного дольше, чем в южнорусской области.

нием синтетического строя, как русский). Есть и другие способы для выражения того же самого отношения, которые нельзя назвать падежными, хотя они и предполагают определенную оформленность имени соответствующим суффиксом или послелогом. Такие образования можно рассматривать как еще не развившиеся в падежи (или, наоборот, переставшие быть падежами) именно потому, что в отличие от падежей они употреблялись в значительно более ограниченных условиях и не успели стать парадигматическими образованиями. Именно такое положение было и в этой группе б/пр. лок. в древнерусском языке, переставшего быть парадигматическим, потерявшего способность образовываться от всех имен.

Какие же имена могли употребляться в б/пр. лок. первой группы в древнерусском языке?

Прежде всего б/пр. лок. употребляется от имен, обозначающих названия городов. В Лавр. списке летописи таких случаев около 150 (т. е. $\frac{3}{4}$ всех примеров б/пр. лок.); в Син. списке свыше 90 (т. е. половина); в грамотах и надписях XI—XII вв. б/пр. лок. употребляется только от названий городов (других случаев нет); то же относится к „Сказанию о Борисе и Глебе“. Приведем несколько примеров: *Переставися князь Мьстиславъ Новгородъ*. Син., 36; *а Михалко седе Володимири, а брата посади Переяславли*. Син., 34; *и бѣ мятежь Новгородъ*. Син., 25; *прѣставися Костянтинъ... Църниговъ*. Син., 30; *побѣдиша Ярослава Морѣдва Муромъ*. Син., 19; *а оже убьють купчину Новгородъ*.. ГНП (1189—1199 гг.); *тако пошло Новгородъ*. ГНП (1270 г.); *или Немечьскыи гость извиניתся Смоленьске*. Догов. Смол. с Ригю и Готск. бер. 1-я ред. Д., ст. 4 (1229 г. ПРП, II); *посади оубо сего оканьнаго Святопѣлка в княженіи Пиньскѣ, а Ярослава Новгородъ, а Бориса Ростовъ, а Глеба Муромъ*. Сказ. о Б. и Гл., 131; *бѣ бо тогда княжа Черниговъ*. К. Печ. Пат., 196 и т. д. Б/пр. лок. встретился в исследованном материале от следующих географических названий: Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов; Полоцк, Тьмутаракань, Вышгород, Переяславль, Туров, Псков²⁵, Курск, Муром, Владимир, Ростов, а также Луцк, Белгород, Теробовль, Белоозеро, Ропск, Дорогобуж, Дебрянск, Пинск, Витебск, Бужск, Суздаль, Белобережье, Царьград (последние 13 названий встречаются в б/пр. лок. лишь единично, чаще всего по одному разу).

Легко заметить, что б/пр. лок. имеют прежде всего названия старых, хорошо известных городов. Как показывают памятники XIII в., именно у них б/пр. лок. удержался дольше, чем в других случаях. Названия же малоизвестных городов и местечек обычно встречаются только в предложном лок. С еще большим основанием это можно сказать о названиях иностранных городов, если не считать примера из Ипат. списка: *их же проклѣша стии оци... С. и сборъ Црѣградъ*. 99.

²⁵ Между прочим, ср. *купилъ еси робу Плесковѣ*. Новг. бер. № 109. См. А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. — „Вопросы истории“, 1955, № 2, стр. 61—68.

Примечание. Утверждение Л. П. Якубинского²⁶, что б/пр. лок. употребляется лишь от названий городов в мужском роде нельзя принять по следующим соображениям. Во-первых, названия городов в древней Руси были почти всегда мужского рода (особенно у старых городов) и потому возможность проверки положения Якубинского фактически сведена на нет. Во-вторых, в тех случаях, когда названия городов или населенных пунктов немужского рода все-таки встречаются в лок., то оказывается, что они могут стоять и в б/пр. лок: в *Новгородѣ Словенѣ* и в *Полотьскѣ*, *Кривичи*, *Ростовѣ Меране*, *Бѣльозерѣ Веси*, *Муромѣ Муроме*. Ипат., 14; *зимовати въ вустѣи Днѣпра Бѣльбережи*. Лавр., 51. (впрочем, этот пример недостаточно надежен) и т. д.²⁷

В-третьих, данные некоторых других славянских языков очевидно опровергают утверждение Якубинского. См. об этом ниже.

Очень редко встречается б/пр. лок. от названий городов с определением: *быс пожаръ великъ Киевѣ городѣ*. Лавр., 293. Кстати, такие сочетания, состоящие из названия города с определением²⁸, вообще редки в древнерусских текстах. Гораздо сложнее вопрос о б/пр. лок. от нарицательных имен (с определением и без него). Некоторые готовы даже видеть в соответствующих примерах, обозначающих место, изредка встречающихся в лингвистической литературе, „описки переписчиков или выдумки исследователей“²⁹. Пока с уверенностью можно отметить лишь то, что от нарицательных имен с определением б/пр. лок. несомненно существовал: *тѣм же мѣстѣ*. Лавр., 273; *одиномь мѣстѣ*. Ипат., 537; *нѣкоемь мѣстѣ*. Ипат., 908; может быть, *вечи томь*. Ипат., 112; *Савѣкине дворе*. Син. 41 и др. Некоторые примеры, приводимые из переводной литературы (а изредка и из оригинальной, но подвергшейся сильному влиянию переводных памятников), кажутся нам недостаточно убедительными, чтобы на их основании делать выводы о распространении б/пр. лок. такого рода. В очень обширной категории случаев с точностью выяснить, имеем ли мы дело с б/пр. лок., дат. или даже род., весьма трудно. Ср., например, случаи типа: *и еста заступника Русьстѣи земли*. Лавр., 137; или даже: *и быс единовластечь Руской земли*. Ипат., 138 и т. д. Признавая трудность задачи и отказываясь определить падежную принадлежность подобных случаев в более древние, чем XI—XIV вв., периоды, все-таки полагаем, что здесь не б/пр. лок., а дат. или род., что вполне согласуется с данными (хотя и недостаточными) древнерусского синтаксиса и — для пе-

²⁶ Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 181.

²⁷ *Тьмутаракань*, *Суздаль* для XI в. уже определено имена мужского рода (ср. *от Тьмutorоканѣ*. Тьмутар. надп. 1068 г.; *приде Суздалю*. ПСРА, т. I, вып. 1, 147—148). Если в более ранний период эти слова были женского рода (ср. более древнее — *Таматарха*), то и тогда Якубинский не прав, так как от этих названий б/пр. лок. хорошо известен (ср. Лавр., 121, 146, 164, 166, 199, 204, 205; Комисс., 159, 184, 185 и т. д.; Ипат., 196, 196, 196 и т. д. — от *Тьмутаракань* и ср. Лавр., 348, 440; Ипат., 490; Син., 23 и т. д. — от *Суздаль*).

²⁸ Встретившийся в Ипат. сп. случай *Оуірѣхъ*. 764 считать б/пр. лок. никак нельзя: здесь выпущено *в* (биабинального, надо думать, характера), что подтверждается множеством примеров, в том числе: *иде оу Оуіры*. Ипат., 797).

²⁹ Л. П. Якубинский. Указ. соч., стр. 181.

реводных памятников — с соответствиями в греческом тексте. Заметим также, что (независимо от первоначальной падежной принадлежности) при условии совпадения форм двух или трех падежей спорная форма едва ли могла в рассматриваемый период восприниматься как б/пр. лок. (тем более, что и синтаксически она могла восприниматься как дат. или как род.). Поэтому более надежны такие случаи, где не может быть омонимии форм. Их, вероятно, и можно считать остатками б/пр. лок. от названий места (нарицательных). Таких примеров крайне мало: *и положиша и у святой Софьи притворъ*. Син., 100; *преставися игумень Моисьи у святыя Богородиця Антонове монастыри*. Син., 38; *и положиша и у святѣи Софии, головахъ у двѣа*. Син., 57.; может быть, *и поставиша и прѣмо цркви*. Ипат., 176, где, однако, целесообразнее видеть сочетание с предлогом *прѣмо*. Впрочем, и эти случаи не полностью доказательны, так как все они, кроме последнего, дают известные основания думать о синтаксической аттракции (спорные формы, обозначающие место, стоят после других определений места, хотя и более общих).

Из всего сказанного можно заключить, что б/пр. лок. от нарицательных существительных в древнерусском языке был еще менее распространен, чем б/пр. лок. предшествующей группы. Он почти полностью деградировал уже к эпохе первых памятников. Его вытеснение другими падежами или лок. с предлогом почти целиком относится к процессам дописьменного периода.

Наконец, особо нужно выделить б/пр. лок. от имен, обозначающих временной отрезок. В принципе этот случай является лишь частным примером б/пр. лок. от нарицательных существительных (обычно с определением). Однако его целесообразно выделить по следующим соображениям: 1) этот случай охватывает существительные, связанные между собой определенным узким единством значения, 2) как правило, б/пр. лок. от таких существительных в той или иной степени приближается к наречным образованиям; с этим тесно связана и 3) особая судьба этих б/пр. лок., сохраняющихся гораздо дольше, чем б/пр. лок. предшествующих групп. Их исчезновение приурочивается к XVI—XVII вв., хотя оно началось значительно раньше. Правда, в этот период они уже были самыми настоящими наречными образованиями. Последняя часть древнейших летописных списков, уже не имеющая (или почти не имеющая) б/пр. лок. места, сохраняет еще некоторую часть б/пр. лок. от имен, обозначающих время, хотя, разумеется, круг слов, выступающих в б/пр. лок., уже заметно сократился. По данным Григорьевой, в 1-ой Новгородской летописи с 1283 по 1352 г. встречается 6 б/пр. лок. времени, хотя нет ни одного б/пр. лок. места. Во второй половине Ипат. списка (1152—1292 гг.) б/пр. лок. времени в 2 с лишним раза больше, чем б/пр. лок. места. И только Лавр. список показывает обратное соотношение и в своей последней части. Новгородские грамоты, памятники художественной литературы и даже переводные тексты, не знающие б/пр. лок. места, свидетельствуют о преобладании б/пр. лок. от существительных, обозначающих

время. Причины большой стойкости лок. этого типа заключаются, вероятно, в большей способности к онаречиванию (что, между прочим, было связано с большей графаретностью б/пр. лок. времени и с большей изолированностью от других падежей) и в некоторых особенностях путей вытеснения б/пр. лок. времени (б/пр. лок. места вытеснялся исключительно предложными конструкциями, а б/пр. лок. от временных названий часто переоформлялся в б/пр. конструкцию, хотя и не с лок., а с род., а этот последний уже в более позднее время мог заменяться предложным образованием). Нельзя игнорировать и широко распространенные б/пр. конструкции вин. и твор., часто полностью совпадающие по оттенкам значения с б/пр. лок. времени.

Б/пр. лок. употреблялся обычно от следующих слов: *век, весна, вечер, год, година, день, зима, лето, месяц, ночь, осень, полночь, утро, час*. Чаще всего эти слова выступали в б/пр. лок. с определением (обычно с указательным местоимением). Некоторые из этих слов отмечены лишь вместе с определением (*век, година, час* и т. д.). Укажем ряд примеров: *и томъ часѣ бысѣ яко и мертвъ*. Лавр., 261, Ипат., 235; *и томъ вечере перевозися Ярославъ съ вои*. Син., 15; *томъ же лѣтѣ яша и на Рши*. Син., 17; *иде Всѣволодъ... на Чюдъ зимѣ*. Син., 22; *той же зимѣ приде Изяслав Новгороду*. Син., 28; *той же нощи бысть знамение въ лунѣ*. Син., 28; *той же осени присла Изяслав ис Кыева сына своего Ярослава*. Син., 28; *той же весне прѣставися архепископъ Нифонтъ*. Син., 29; *той же зимѣ*. Син., 32; *одиномъ часѣ*. Син., 85; *утрѣ*. Сл. о п. Иг.; *полунощи*. Там же; *вечеру*. Там же.

Из более поздних памятников: *зимѣ*. Аф. Ник., 13; *ночи*. Там же, 15; *ночи*. Там же, 16; *веснѣ*. Там же, 16; *ночи*. Там же, 18, 22, 23; *и лѣтѣ и зимѣ*. Домостр.; *а утрѣ*. Там же, 14; *вечере и утре*. Там же, 14; *лете*. Тамож. уст. гр. царя Ив. Вас., Сп. 1571 г.; *утре*. Жит. Мих. Клопск., 92; *той нощи*. Жит. Авв., 71; *нощи*. Там же, 155; *той ночи*. Ф. Шакл., 14. Мы неслучайно привели многочисленные примеры из памятников XV—XVI и даже XVII вв. Дело в том, что это необходимо не только для выяснения приблизительной границы (временной) б/пр. лок. времени, но и для того, чтобы нагляднее показать происшедшие в нем изменения. Приведенный материал показывает, что наиболее распространенный в XI—XIV вв. тип б/пр. лок. с определением становится в XV—XVI вв. крайне редким, что теперь решительно преобладают уже чисто наречные формы, пониманию которых как таковых определение только бы мешало. Очень интересно в этом отношении и наблюдение над б/пр. лок. времени в летописях. Под конец летописного повествования их становится все меньше и меньше, тогда как б/пр. род. времени появляется все чаще, пока не становится решительно преобладающим. Сошлемся на данные А. Д. Григорьевой³⁰. В серединной части 1-й Новгородской летописи отношение б/пр. лок. времени к б/пр. род. времени составляет 80 к 26 (первый раз б/пр. род.

³⁰ Указ. соч., стр. 139.

времени появляется здесь лишь в 1204 г.), а в заключительной — 6 к 75. Примерно такая же картина наблюдается и в Лавр. и в Ипат. списках, с той лишь разницей, что в них исчезновение б/пр. лок. времени и замена его б/пр. род. времени шли более энергично, чем в новгородской области. Может быть, вообще вернее говорить не об исчезновении б/пр. лок. времени, а об осознании его как б/пр. род., особенно если учесть проходившую в это время унификацию мягких и твердых основ по твердому различию, что привело к совпадению в ряде случаев форм лок. и род. ед. ч. (в основах на *-ja*)³¹.

От обязанности с большей точностью и обстоятельностью проследить процесс адвербиализации б/пр. лок. от имен, обозначающих время, мы освобождены как в силу общих соображений, так и потому, что этот вопрос с большой полнотой изучен в диссертации А. Д. Григорьевой, с основными положениями которой в этой части едва ли можно не согласиться.

Заметим в заключение обзора этой группы б/пр. лок., что и здесь сфера его употребления очень ограничена (не превышает полутора десятка слов). Даже не все слова с временным значением включены в этот узкий круг.

Определяющим условием употребления б/пр. лок. второй из основных групп является характер глагола. Что касается имени, выступающего в б/пр. лок., то оно может быть любым, не ограниченным, как в первой группе, определенными рамками значений, что, между прочим, лучше всего подчеркивается возможностью употребления в б/пр. лок. местоимений. Ср. *прикоснуса кьмь* и т. д. Вполне понятно, что связь между б/пр. лок. этой группы и глаголом является несравненно более тесной и обязательной, чем в первой группе. Поэтому целесообразно рассматривать во второй группе все те случаи, в которых употребление б/пр. лок. определяется характером глагола. В этом отношении мы поступаем иначе, чем А. Д. Григорьева, у которой деление б/пр. лок. на две основные группы (б/пр. лок. свободной и б/пр. лок. тесной связи) игнорирует определяющее условие употребления б/пр. лок., причем часть случаев, где определяющим является глагол, отнесена в одну группу, а часть — в другую. Объединение всех глаголов, которые определяют употребление б/пр. лок., по какому-нибудь одному принципу (кроме того, что при них стоит б/пр. лок.) едва ли возможно. Вероятно, это обусловлено тем, что эти глаголы представляют собой немногочисленные остатки некогда несравненно более широкой группы глаголов, многие составные, в том числе и связующие, промежуточные, звенья которой исчезли еще в дописьменный период. Поэтому внутри этой группы придется выделить несколько подгрупп, в которых глагольные конструкции с б/пр. лок. отличаются друг от друга по значению, а в большей части случаев и формально.

³¹ Может быть, это оказало какое-то влияние и на замену местоименного окончания в род. ед. ч. ж. р. *-ov* через *-oi*: *тоv* — *тои*, *новov* — *нови*. Фонетическое объяснение этого явления едва ли верно. Ср., однако, Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 156.

Первую группу — наиболее обширную и обладающую выразительной формальной и смысловой характеристикой (приставка *при-* у глаголов) — составляют те случаи употребления б/пр. лок., когда он стоит при глаголах, выражающих направление, определенное стремление к предмету, сближение с ним, вхождение в соприкосновение (как в конкретном, так и переносном значении). При определении круга глаголов, входящих в эту подгруппу, нельзя избежать очень больших, иногда непреодолимых трудностей. Дело в том, что подавляющее большинство примеров, приводимых исследователями, взято из переводных памятников (преимущественно религиозного содержания), при создании которых писец был под сильным влиянием древнеславянского оригинала и церковнославянской стилистической традиции, где как раз подобные глагольные конструкции с б/пр. лок. имели значительное распространение. Лучшим доказательством весьма малой целесообразности привлечения интересующих нас данных из указанных памятников для древнерусского языка является то обстоятельство, что в них нет надежных случаев употребления б/пр. лок. от названий городов (что противоречит древнерусскому состоянию) и много случаев употребления б/пр. лок. при известных глаголах (в древнерусских памятниках их, наоборот, крайне мало). Даже примеры из оригинальных текстов не всегда могут быть использованы с уверенностью, так как большинство этих примеров встречается в цитатах из ветхо- и новозаветных книг или в определенных словосочетаниях, ставших формулой. Кстати, подобные трудности неизбежны и при анализе других подгрупп. Поэтому точное установление круга глаголов, определяющих в этой подгруппе употребление б/пр. лок., представляется маловероятным. Однако совершенно очевидно, что их значительно меньше, чем обычно указывают исследователи (Григорьева указывает свыше 30 глаголов, Миклошич — гораздо больше). Сразу же можно исключить из числа глаголов, употребляющихся с б/пр. лок., те, которые не отмечены в оригинальных древнерусских памятниках, а встречаются лишь в переводной литературе, например, *приколесатися*, *примѣжати*, *примѣшатися*, *пристаяти*, *присцѣпитися*, *прикупитися* (в Лавр. есть *прикупъ*, ср. также *примѣсень* и др.). Критерием принадлежности б/пр. лок. при глаголах этой подгруппы к древнерусскому языку (хотя, разумеется, недостаточным может быть употребление б/пр. лок. в оригинальных памятниках, причем не только в местах с определенным влиянием церковнославянского языка, но и там, где такого влияния не наблюдается. Приведем примеры, более надежные, чем другие: *Прилежаше мѣстни*. Ипат., 550; *приблизитися горѣ той*. К.-Печ. Пат., 179; *приблизитися емь*. Жит. Феод. Печ., *приблизитися мѣнѣ*. Там же; *прильплѣющеса еи смѣть*. Лавр., 80; *есмь ѡхаль Киевѣ*. Ипат., 478; *заратиса Всеславѣ снѣ Брачиславѣ Полочьскѣ*. Лавр., 166³²; *прильпимса Ги*. Лавр.,

³² Некоторые из этих примеров не вполне достоверны, особенно если учесть варианты других списков. Так, в Радзивил. и в Ипат. списках вместо *Полочьскѣ* седьмого примера стоит *Полотьскыи*. В шестом примере *Киевѣ*, может быть, относится

169³³; *прилежаше двѣхъ*. Пов. Дм. Ив., Гудз., 164; может быть, *твоємь стадѣ... причти ма*. Ипат., 588, 917; *причетатися неправднѣмь томь свѣтѣ*. Жит. Феод. Печ.; К.-Печ. Пат., сл. 8; *вѣрѣ же латыньстви не прилучатися*. Феод. Печ. Сл. о вѣрѣ лат., Бусл.; *прикосну бо ся емь*. Жит. Феод. Печ.; *ни властѣ огнь не прикоснуся*. Новг. 1-я лет., Срезн. II, 1416; *прикосеса емь*. Ефр. Крм., 223, Срезн., II, 1416 (при этом глаголе б/пр. лок. встречается чаще, чем при других. Ср. еще у Кирилла Туровского несколько примеров, хотя для наших целей они второстепенны); *потергати брадѣ*. Лавр., 177 (в Ипат. в соответствующем месте: *поторъгати брадѣ*. 167); *обвѣсия синѣ мыгѣ*. Сл. о п. Иг. и т. д. Возможно, что эти примеры можно несколько увеличить, однако это не изменит по существу малой распространенности б/пр. лок. при этих глаголах. Относительно времени исчезновения подобных конструкций с б/пр. лок. с уверенностью сказать трудно. Полагаем, что оно относится к XIII в. Правда, отдельные примеры встречаются и в XIV в. (ср. Пов. о Дм. Ив.), и в XV в., причем в оригинальных памятниках. Но все они очень похожи на церковнославянизмы (тем более, что в церковнославянском языке русского извода некоторые из подобных конструкций с б/пр. лок. стали вполне обычными).

Примечание. Интересно отметить, что все указанные здесь примеры относятся к б/пр. лок. при приставочных глаголах (*при-*, а также *по-*, *за-*, *о-(об-)*). В более древний период при незакрепленности приставок при глаголах вопрос о характере подобных лок. стоит особо, но для древнерусского языка XI—XIII вв. нужно бесспорно говорить о б/пр. лок. В связи с этим особый интерес приобретает вопрос о том, был ли б/пр. лок. при бесприставочных глаголах (в этой подгруппе). Надежных примеров мало (ср. *ѣхалъ Киевѣ*), но, учитывая, что в переводных памятниках б/пр. лок. при бесприставочных глаголах встречается и что при глаголах других групп тоже есть отдельные (хотя и очень редкие) примеры б/пр. лок., — считаем; что б/пр. лок. при бесприставочных глаголах был, но рано стал исчезать, не будучи подкреплён приставкой глагола. Надежных примеров такого рода для древнерусского языка у нас нет. Некоторые другие аргументы в пользу этого мнения см. ниже.

Надо думать, что в XI в. и раньше б/пр. лок. в этой подгруппе был распространен гораздо шире, причем при большем числе глаголов.

Б/пр. лок. второй подгруппы встречается при еще более ограниченном круге глаголов, обозначающих пребывание лица или предмета (в том числе прямого объекта действия) в определенном состоянии или положении, выраженном существительным в б/пр. лок. Укажем

к следующему *посади ма Кыяне* (хотя это менее правдоподобно). Однако конъектуры позднейших списков вряд ли могут быть полностью доказательными. Указанные случаи, а также такие, как *.в. иривень... Кыеву, а тысящю Новгородѣ иривень раздаваху*. Ипат., 114 и др., кажется, заставляют принять для б/пр. лок. в древнерусском языке и значение направления, очевидное и в некоторых наречиях, восходящих к б/пр. лок.

³³ Пример из Комисс. сп. *прилѣпимся господѣ Бозѣ нашемъ*. 188 помещен в цитате из Пророков. Может быть, в эту же группу следует отнести пример из Жития Феодосия — *охопивъся емь*.

эти глаголы: *быти, пребывати, по(н)яти, яти, имѣти* (приводят также *удержати, ставити, вѣнчити*, однако б/пр. лок. встречается при этих глаголах не в древнерусских, а в церковнославянских памятниках). Примеры весьма немногочисленны: *обща сѧ работѣ быти емоу*. Ипат., 738; *общаша сѧ работѣ быти*. Ипат., 792; *общевахоу сѧ работѣ быти емоу*. Ипат., 835³⁴ (нечто вроде locativus cum infinitivo); *прѣбывати вѣрѣ властѣнѣ*. Ефр. Крм., Срезн., I, 274 (пример не совсем надежный); *оному же... емиюсѧ мольбѣ*. Лавр., 297 и, наконец, весьма частое в древнерусских памятниках выражение *пояти женѣ*, сохранившееся от более давних времен в виде формулы и стоящее одиноко среди других падежных конструкций при глаголе *пояти* (с твор., с вин. б/пр., с *в* + вин.)³⁵. В русских памятниках до середины XIII в. б/пр. лок. в этом случае был основной, наиболее распространенной конструкцией, хотя существовали и другие, лишь постепенно вытеснявшие б/пр. лок. способы. Укажем ряд примеров: *а саму поѧ женѣ*. Лавр., 300; *хоцю поѧти дщерь твою женѣ*. Ипат., 63; *а дщерь его Рогѣнѣдѣ поѧ женѣ*. Ипат., 64; *и поѧ собѣ женѣ*. Ипат., 133; *и поѧ си дщерь его сноу си женѣ*. Ипат., 809; *уже поиметь куметру... женѣ себѣ*. Зак. Греч., Срезн., I, 1362; *поѧ ю собѣ женѣ*. Лет. Пер. Сузд., 69 и т. д.³⁶

С точки зрения современного языкового восприятия понять эту конструкцию крайне трудно. Несомненно, этим вызван был тот факт, что ряд исследователей начиная с Миклошича³⁷ склоняется к тому, чтобы в указанной конструкции видеть дат. цели по аналогии со случаями типа *отдати дщере браку* и т. д. Однако подобное объяснение совершенно несостоятельно. Во-первых, приведенная „аналогия“ вовсе не является таковой, поскольку в ней наличествует глагол (*отдати*, при котором дат. обычен и вполне понятен; эта конструкция гораздо больше напоминает *постави и Ростову*. Лавр. 391 и многие другие подобного рода примеры, где дат. непрямого объекта приобретает легкий оттенок *commodi*, специфически распространенный на неодушевленные существительные. Во-вторых, дублетные конструкции к типу *пояти женѣ* нигде не показывают значения цели. Больше того, они вообще никак не могут подтвердить предположение о том, что в этой конструкции стоит б/пр. дат. (ср. *пояти в жену, пояти женой*). В-третьих, если предположить, что здесь был дат., то становится непонятным, почему он исчез бесследно, а не заменился, как другие

³⁴ Ср. в Ипат. *работѣ преда*. 48 (дат. ед. ч.).

³⁵ Ср. пример сохранения архаизма в той же лексико-семантической области: *выйти замуж*.

³⁶ Ср. в Библии 1499: *ю себѣ възмет женѣ*. Исх., 22, 16 (в исправлении: *въ женѣ*). Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1868, 271.

³⁷ F. Miklosich. *Vergl. Gram., Bd. IV, S. 611*; ср. также А. И. Никольский. О языке Ипатьевской летописи. — РФВ, т. XLII, 1899; Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. — ИОРЯС АН СССР, т. II, кн. 1, 1929; А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. — „Уч. зап. Ин-та славяноведения“, т. XIII, 1956, стр. 20, 22.

типы б/пр. дат., тем же падежом с предлогом *к* (*ити Киеву — ити к Киеву*) или род. с предлогом *для* (*вданъ бысть книжному поучению — отдан был для книжного поучения*). Помимо всего этого, дат. при *пояти* никак не объясняет конструкции. Понятно, что дат. видели здесь лишь потому, что признание *женѣ* местн. падежом с точки зрения современного языка еще более невероятно, чем признание дат. падежом. Кроме того, видимо, синтаксис б/пр. лок. был недостаточно знаком этим ученым, особенно в той части лок., где обнаруживаются пережитки более древних эпох, не сводимые с очевидностью к значению места, дальше которого исследователи не шли. В силу высказанных здесь соображений в конструкции *пояти женѣ* следует скорее видеть остаток б/пр. лок., чем дат. (по крайней мере для рассматриваемого, сейчас периода), хотя, строго говоря, у нас нет оснований для однозначного решения. Пределом употребления этой конструкции является XIII в. Надежных примеров из более позднего времени у нас нет.

В качестве третьей подгруппы б/пр. лок. можно выделить случаи, когда употребление этого падежа связано с глаголом *надеяться*. Несмотря на то, что выбор глаголов здесь предельно ограничен (других глаголов мы не встречали), эта конструкция довольно употребительна, причем она отмечена и в бесспорно русских памятниках: *надѣяся силѣ своеи*. Лавр., 307; *надѣя сѧ цѣловании крѣта*. Ипат., 156 (ср. то же в Лавр.); *надѣяся бгаствѣ*. Ипат., 147; *надѣяся плотнѣи силѣ*. Ипат., 572³⁸; *надѣя сѧ Бзѣ и силѣ*. Ипат., 329; *помощи надѣямьса*. Ефр. Крм., Срезн., II, 284; *ваших надѣюся молитвахъ*. Кир. Тур. Проп., XV, 139 и т. д. В переводных памятниках, а также в русской религиозной литературе такие случаи были еще более распространены и, возможно, иногда проникали в оригинальную литературу (художественную). Между прочим, это положение действительно и для некоторых из указанных примеров, представляющих библейскую фразеологию. После XIII в. надежных примеров б/пр. лок. при глаголе *надеяться* нет.

Некоторые исследователи (А. Д. Григорьева) выделяют еще одну разновидность б/пр. лок., имеющего значение источника действия и употребляющегося при глаголах двух групп: 1) *въпнати, възхотѣти* (= узнать), *въдати, глаголати, изложити, повѣдати, проповѣдати, помянути, помышляти, пощадѣти, съвѣдѣтельствовати, сътязатися* и 2) *промышляти, пеущися, поспѣшьствовати, въздревновати* и т. д. Наличие такого лок. в церковнославянских памятниках почти несомненно. Но доказать его существование в древнерусском языке XII—XIV вв. едва ли возможно. Приводимые примеры берутся из переводных памятников или из тех оригинальных, на которые сильнейшее влияние оказал церковнославянский язык. Но даже среди этих примеров многие правдоподобней объяснить иначе: или пропуском *о*, когда этот предлог был уже употреблен прежде (*начать въ прашати о телесѣ стою ... и (о) стѣь Борисѣ повѣдаша кму*. Бор. Гл., 103, Срезн., II, 493), или род. падежом (*не пощадѣвъса земныхъ*.

³⁸ Ср. *плотнѣи силѣ надѣяся*. Алекс., 33, сп. XV—XVI вв.

Мин., 1097, Срезн., II, 1336), в частности, в некоторых случаях, где род. формально совпал с лок. в результате унификации по твердому (*глють бо златѣи тои земли. Златоструй XII в.*) или по мягкому различию (*въсхощетъ царь добротѣ твоеи. Кир. Тур. Проп. или утаивъся женѣ. Син., 60*, где лишь следующее слово *дѣтий* ясно говорит о род.). Подобным образом объясняются и те единичные примеры, которые приводятся из действительно русских памятников (*не вѣдущю отънѣ смрти. Лавр., 140; отечнѣи смрти глѣ. Лет. Пер. Сузд. 6543 г.*). Таким образом, для древнерусского языка не находим ни одного достоверного примера б/пр. лок. при глаголах этой подгруппы. Разумеется, это не означает невозможности б/пр. лок. в подобных конструкциях в более ранние периоды. Вероятно, и круг глаголов, определявших употребление б/пр. лок., некогда был шире.

Остается разобрать еще 2—3 случая, небезынттересных для изучения истории б/пр. лок. Из этих случаев один представлен падежом в „тесной“ связи с глаголом. Мы имеем в виду сочетания типа *ходити ротѣ*, приобретшие характер формулы: *да ротѣ ходит. Лавр., 34; и ходи Игорь ротѣ. Лавр., 54; и ротѣ заходиша межю собѣ. Лавр., 84; ротѣ съ ними ходивѣ. Лавр., 227; к тобѣ ходаче ротѣ. Лавр., 227; заходилъ ротѣ с Володимером. Лавр., 263; ходивши ротѣ. Лавр., 279; ротѣ заходивше. Ипат., 23; ротѣ ходитъ своею вѣрою. Ипат., 25 заходивѣ к нему ротѣ. Ипат., 66, 71, 501 и т. д.; ротѣ ему ити Р. Пр. Простр. ред., ст. 17; ити ему самому ротѣ. Там же, ст. 44, 45; 47; 109, 112; идеть ротѣ: ГНП (1189—1199 гг.) и т. д., а также несколько иного типа: *водили суть уре наши ротѣ. Лавр., 53, Ипат., 42 послаша ротѣ водитѣ. Лавр., 53; Ипат., 42; и водивѣ ъ ротѣ. Ипат. 533 и т. д.* В таких случаях видят только дат., на что указывают или же не указывают, считая это само собой разумеющимся. Основанием для такого взгляда являются два фактора: большая понятность этой конструкции (с теперешней точки зрения) при предположении, что *ротѣ* — дат., и некоторые случаи замены оборота *ити ротѣ* в более позднее время: Ср. *водивѣ иѣ к ротѣ. Ипат., 674* (единичное) наряду с: *внидежь в роту. Ипат., 555, с нами роту взимающе. Ипат., 538; водиша. ... на роту. Ипат., 23; пойдуть на роту. Р. Пр. Простр. ред., ст. 43; ити. . . на роту. Там же, ст. 32 и т. д.* Заметим, что конструкция *ити ротѣ* древнее, чем *водити ротѣ*, которая встречается в поздних частях летописей. Несомненно, что случай типа *водити к ротѣ* представляет собой попытку переосмысления первоначальной конструкции. Впрочем, этот поздний дублет нельзя рассматривать как доказательство дативной принадлежности слова *ротѣ*: ведь, как известно, подобный дублет был и в целом ряде других случаев, где локативная принадлежность имени не вызывает сомнений (*прикоснутися комѣ — прикоснутися к кому* и т. д.) и где, тем не менее, переосмысление приводило к возможности понимания этой конструкции только как дативной. Если же *ротѣ* относят к дат. на основании дат. аналогичных конструкций *иде Киеву*, то можно с равным основанием отнести его и к б/пр. лок., вспомнив сочетания типа *вхал Киевѣ* или *приблизитися**

емь. Поэтому у нас нет оснований решительно высказываться в пользу дат., хотя предполагать, что в XI—XIII вв., когда в значении направления б/пр. дат. значительно преобладал над б/пр. лок., *rotъ* осознавалось как дат., можно с большим вероятием. Определить же первоначальную падежную принадлежность *rotъ* в конструкции *ити rotъ* на материале только русского языка невозможно. Уже самый факт почти одинаковой возможности отнесения слова к дат. и к лок. весьма симптоматичен, особенно при учете и ряда других подобных случаев.

Так же спорен и другой пример, где встречается *собъ* (*себъ*), имеющее значение отдельности, обособленности, изолированности субъекта при совершении действия, которое (значение) в определенном контексте иногда приобретает оттенок, *dat. sympathicus* или, как указывает Григорьева, оттенок, „указывающий на легкость протекания процесса“³⁹: *вы собе, а я собе*. Син., 68; *гдъ хочет ту собъ живетъ*. Пск. 1-я лет. 6979 г., Срезн., II, 129 и т. д. Если оттенки *dat. commodi* (*трупиа себъ двляче*. Сл. о п. Иг.; *не побъдными ль жребии собъ власти расхытите*. Там же.) говорят, как будто, в пользу дат., то дублиеты типа *створивъше ввче о собе*. Син., 53; *о собе поискати*. Ипат., 311 и т. д. заставляют подумать о б/пр. лок.

Наконец, встретилось нам указание на б/пр. лок. в объектном значении в сочетании *здвти руцъ* или при глаголе *обвситися*. Что касается первого случая, то, если здесь не вин. дв. ч., то все-таки трудно сделать на основании одного примера сколько-нибудь доказательный вывод (относительно *обвситися* см. выше). Представленными группами и исчерпываются условия употребления б/пр. лок. в древнерусском языке.

Попытаемся теперь определить значение б/пр. лок. Выяснение этого вопроса в применении к б/пр. лок. кажется нам особенно важным по двум соображениям: во-первых, б/пр. лок., являясь, бесспорно, более древним образованием, чем предложный лок., обещает и в своих значениях помочь выявлению более древнего состояния; во-вторых, при определении значений падежей (имеются в виду так называемые „частные“ значения, являющиеся, по сути дела, комбинаторными вариантами какого-то более общего значения) необходимо четко определить, какой вклад в эти значения вносит окружающий контекст (в нашем случае — глагол и характер имени, стоящего в лок.). Положение в б/пр. лок. яснее, чем в предложном, потому что в его значение не включается значение предлога и, следовательно, у него меньше условий, определяющих значение. Однако при определении значений б/пр. лок. есть и свои особые трудности. Они связаны прежде всего с тем обстоятельством, что у нас нет в некоторых случаях вполне надежных критериев для выяснения значений б/пр. лок., так как это образование не с чем сравнить в последующие этапы развития языка и оно слишком малоупотребительно, чтобы те или иные соображения проверить на конкретных примерах. Если добавить

³⁹ А. Д. Григорьева. Указ. дяс., стр. 112.

к этому возможность наличия в данном случае нескольких значений, то становится понятным, что зачастую определение значений б/пр. лок. становится крайне затруднительным.

Наконец, еще одно замечание. Отдельные частные значения б/пр. лок. интересуют нас не столько сами по себе, сколько в связи с возможностью воссоздания на их основе картины более древних и более общих типов, которые, в свою очередь, помогли бы установить древнейшие связи лок. с другими падежами и тем самым помогли бы получить еще один намек на значения этого падежа в дописьменный период.

Наиболее просто значение б/пр. лок. определяется в так называемых „сильных“ позициях, т. е. там, где он предельно независим от условий контекста. Такое положение наблюдается в б/пр. лок. от названий городов (очень редко — других названий места) и от названий времени. Понятно, что в этих условиях имя, стоящее в б/пр. лок., в известной степени независимое от глагола, выражает значение места или времени (где или когда совершается действие), понятых как определенная точка в пространстве или во времени (независимо от лексического значения слова). Лексическое значение слова может лишь разграничить значение места и значение времени. Поэтому нам представляется неправильным разделение этих двух значений с той резкостью, с какой это обычно делается в работах, затрагивающих этот вопрос, и приравнение к отношениям одного порядка отношений между местным, временным и, например, объектным значениями.

Бесспорно существенным представляется нам вопрос о соотношении значений б/пр. лок. места и времени с соответствующим предложным лок. Вопрос стоит так: была ли в древнерусском языке эпохи первых памятников разница в значении между случаями типа *Киевъ* и *в Киевѣ*, *лѣтъ* и *в лѣтъ*. Большинство исследователей игнорирует этот вопрос. Некоторые пытаются высказаться по этому поводу с большей или меньшей определенностью, однако, как правило, доказательства не приводятся. Лингвисты, предполагающие различия в значениях между указанными предложными и беспредложными конструкциями, видят их в большей или меньшей конкретности указания на место или время. А. Д. Григорьева считает, что „лексическое значение существительного представляет собой общее указание на место, где происходит действие“, в случае б/пр. лок. места и что „лексическое значение существительного дает общие указания на временные границы совершения действия“⁴⁰ в случае б/пр. лок. времени. Подобный взгляд представляется нам неверным, основанным на привнесении данных других, более поздних периодов, на недостаточном учете сферы распространения б/пр. лок. Прежде всего необходимо четко различать соотношения между значениями б/пр. и предложного лок. в эпоху первых памятников русского языка (XI—XIII вв.) и в предыдущую эпоху, когда б/пр. лок. был более распространен, чем в XI—XIII вв., и (еще раньше) даже преобладал над предложным лок. Естественно, что в этот период и соотношение

⁴⁰ А. Д. Григорьева. Указ. дис., стр. 53.

значений предложного и б/пр. лок. было иным. Но сейчас нас занимает положение в этой области лишь в XI—XIII вв. Причина заблуждений исследователей, которые указывают на более общий характер б/пр. лок., понятна: она заключается, несомненно, в том, что присутствие предлога *в*, по мнению этих ученых, привносит более конкретный, уточняющий оттенок в значение лок., тогда как отсутствие предлога делает значение лок. более общим, менее определенным. В принципе это мнение правильно, однако оно не разрешает всех возникающих вопросов. Дело в том, что большая или меньшая степень „общности“ или определенности указания может выражаться и рядом других средств, в том числе и лексическим значением слов. Подобно тому, как издавна установившееся соответствие членных и нечленных форм прилагательных нарушалось в известных звеньях (например, в ряде случаев, где само лексическое значение с достаточной полнотой выражало то, что в других примерах являлось функцией членности или нечленности), так и в нашем случае определенность и конкретность значения тех или иных слов могли делать до известного времени излишним присутствие предлога *в* при лок. Если припомнить, что в б/пр. лок. употреблялись существительные, обозначающие названия городов (причем хорошо известных) или временных отрезков (вполне определенных), то становится понятным б/пр. употребление лок. от этих имен: конкретность указания на место или время достигалась и без помощи предлога. Тщательный анализ употребления б/пр. и предложного лок. в одинаковых условиях от одних и тех же слов не дал нам возможности установить какую-нибудь разницу между *княжил Киевѣ* и *княжил в Киевѣ*, *помрѣ томь лѣтѣ* и *помрѣ в томь лѣтѣ*, обычными для древнерусского языка дублетами. Единственно, что можно заметить, — это предпочтение предложному лок. при названиях городов с определением и, наоборот, особая распространенность б/пр. лок. при названиях городов без определения. Однако эти факты не могут иметь серьезного значения в данном случае. Во-первых, для того, чтобы увидеть здесь разницу в значениях, необходимо поставить эти примеры в такие условия, чтобы они различались только предложностью — беспредложностью и ничем больше. А так как в разбираемых случаях это условие не соблюдено, то и говорить о различии в значениях нельзя. Во-вторых, помимо указанных типов *Киевѣ* (наряду с *в Киевѣ*), но *в Киевѣ городѣ*, наиболее частых в древнерусском языке, встречается и тип *Киевѣ городѣ*, хотя и очень редко. Впрочем, редкость этого типа вполне понятна, так как вообще подобные сочетания существительного, обозначающего название города с определением в лок. в древнерусском языке редки. Наконец, полное безразличие в употреблении аналогичных случаев от существительных, выражающих временные понятия (*томь лѣтѣ*, — *в томь лѣтѣ*), лишней раз показывает, что искать различий в значении между б/пр. и предложным лок. у нас нет оснований. Окончательное вытеснение б/пр. лок. предложным связано не с ликвидацией различий в значениях, не с большей конкретизацией указания на место или время, а с более глубоким и существенным

процессом — с усилением аналитических элементов в языке. Еще раз подчеркнем, что эти выводы относятся только к XI—XIII вв. Разница же в употреблении б/пр. и предложного лок. для XI—XII вв. связывалась, очевидно, с наличием различных лексических групп (у группы личных местных названий и у временных преобладал в это время б/пр. лок., у остальных — предложный). В конце XII—начале XIII вв., когда б/пр. лок. потерял свою монополию или преобладание в сфере указанных лексических групп и стал примерно столь же распространенным, как и предложный, употребление той или иной формы стало факультативным и, возможно, определялось стремлением избежать однообразия.

К указанным местному и временному значениям б/пр. лок. очень близко стоит значение б/пр. лок. в конструкциях типа *прѣбывати вѣрѣ* и т. д., где *вѣрѣ* обозначает определенное состояние, в котором находится субъект действия. Правда, в отличие от разобранных групп здесь наблюдается определенная зависимость от глаголов (субстанциональных), круг которых весьма узок. Кроме того, существительные, стоящие здесь в б/пр. лок., обозначают состояние (а не место или время). Однако связь между б/пр. лок. и глаголами в этой подгруппе не носит того обязательного характера, как, например, в случаях типа *коснуться емь*. Поэтому данный тип (*прѣбывати вѣрѣ, быти работѣ*), некогда, несомненно, более распространенный, по сути дела, одного порядка с двумя предыдущими и представляет собой лишь частный случай, правда, до некоторой степени обособившийся из-за утраты промежуточных звеньев. Принципиального различия между этими тремя значениями нет: единственное их различие определяется лексическим значением имен, стоящих в б/пр. лок.

Б/пр. лок. в условиях третьей подгруппы (*надѣяться силѣ*) приобретает значение основания действия, причем в этом типе б/пр. лок. связан с глаголом теснее, чем в предыдущих, так как глагол может быть только один. Вообще этот случай менее ясен, чем остальные, с точки зрения его места в истории развития значений б/пр. лок. Это объясняется не только тем, что этот тип представлен единственной конструкцией, а все посредствующие между этой и другими утрачены, но и тем, что далеко не все ясно относительно первоначальной структуры этого типа. Если учесть, что в более ранние периоды здесь могла быть конструкция „глагол+на+лок.“ (русский язык не дает нам определенных примеров на употребление здесь в прошлом б/пр. лок.), то положение становится еще менее ясным и отнесение б/пр. лок. со значением основания действия к значительно более ранним, чем XI—XIII вв., периодам становится весьма проблематичным.

Наконец, необходимо отметить еще два особые оттенка в употреблении б/пр. лок., которые позволяют нам заглянуть глубоко в древность и которые в предложном лок. в XI—XIII вв. почти уже исчезли. Мы имеем в виду значение направления (*ѣхал Киевѣ* и, может быть, *ити ротѣ*). Это значение б/пр. лок. существенно отличается от предыдущих тем, что точка приложения действия здесь находится вовне, что действие не укладывается в определенные рамки (местные,

временные и т. д.), а направляется извне к предмету, название которого стоит в б/пр. лок. Если все предыдущие значения прочно сохранились в лок. (предложном) до сих пор и дали повод говорить о „местном“ падеже, то значение направления в лок. исчезло без остатка. Близко к этому значению б/пр. лок. и в генетической связи с ним стоит объектное значение б/пр. лок., проявляющееся в условиях первой подгруппы (*коснуться емь*) и части второй (*пояти женѣ*). Значение направления еще прослеживается более или менее ясно в случае *коснуться емь*, однако в ряде других случаев центр тяжести переносится на значение смежности, соприкосновения. Нередко первоначальное значение направления проявляется как выражение цели движения (особенно при глаголах с приставкой *при-*). В случае *пояти женѣ* нужно, кажется, видеть значение прямого объекта. Во всяком случае, такое предположение сопряжено с меньшими трудностями, чем все другие. В этом значении лок. особенно приближается к вин. Может быть, и в конструкции *надѣяться комь* следует видеть б/пр. лок. прямого объекта (более точное определение значения этой конструкции возможно лишь при знании времени фиксации *на-* в качестве приставки).

Перечисленными материалами не исчерпываются сведения, которые может представить древнерусский язык о б/пр. лок. Мы имеем в виду ряд слов, которые дают важные указания относительно значений этой формы в более раннюю эпоху, хотя для XI—XIII вв. эти слова стоят вне падежной системы. Речь идет об определенном разряде наречий и предлогов, восходящих к б/пр. лок. (См. о них ниже). Здесь мы ограничимся их перечислением и указанием на круг значений, присущих им.

Наиболее значительную группу подобных слов составляют наречия, обозначающие место, время, направление, а иногда и более отвлеченные понятия, связь которых с перечисленными конкретными значениями в период древнейших памятников часто уже потеряна. Вот важнейшие из таких наречий: *вѣнѣ*, *вѣрху*, *горѣ*, *давѣ*, *долѣ*, *долу*, *зади (задѣ)*, *кромѣ*, *между*, *низу*, *нынѣ*, *олнѣ*, *переди (передѣ)*, *противу*, *развѣ*, *свѣнѣ*, *сквозѣ*, *средѣ*. Некоторые из этих наречий сохранили еще определенные связи с соответствующими существительными, хотя это несколько не мешает их наречному восприятию. Другие из этих слов могут употребляться и в качестве предлога, причем иногда даже преимущественно в этой роли, а с течением времени и единственно в ней, а иногда и в качестве частиц (ср. *развѣ*). В таком случае добраться до более древнего круга значений, естественно, труднее. Большинство пространственных наречий, указанных выше, совмещает значение места и значение направления, а иногда и некоторые другие оттенки значений. Особенно интересно в этом отношении *кромѣ*. Оно может обозначать место: а *Дѣдѣ Игоревичѣ сѣдѣше кромѣ*. Лавр., 274 (может быть, с подчеркиванием обособленности, отдельности). В этом значении *кромѣ* было утрачено довольно рано (XII—XIII вв.?). Весьма часто *кромѣ* выступает в значении направления: а *сама отѣиде кромѣ*. Комисс., 112, Лавр., 57; *Ростиславъ же отступи кромѣ*. Лавр., 163; и *отсѣкше главу, отъвѣрюша и кромѣ*. Сказ. о Б. и Гл., 91; и *реч Стославъ кромѣ*

зрѣ. Лавр., 71 (в сторону, вокруг?) и т. д. Но гораздо чаще *кромѣ* выступает как предлог, обладающий не только эксклюзивным значением (единственным для современного русского языка, иногда с оттенком дополнительности, добавления), но и еще рядом оттенков: вне, отдельно, около (?), снаружи. Например, *постави кромѣ храмины*. Лавр., 179 (в Ипат. *повѣси кромѣ храмины*. 169); *и посажашеть и кромѣ братьи*. Ипат., 186; Лавр., 194; *не лѣпо ми есть быти кромѣ ваю*. Ипат., 770 (Хлебн. список вместо *кромѣ* имеет *проче*); *тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы*. Сл. о п. Иг., 44; *(гора) есть же уединена кромѣ всѣхъ горъ*. Хож. иг. Дан. и т. д. Значение направления четко выделяется и в некоторых других наречиях: *и поидѣ по Днѣпру горѣ*. Лавр., 8; *поидоша възлѣ рѣку Оку горѣ*. Лавр., 430; *възрѣвъ же горѣ на небо*. К.-Печ. Пат., 3; *лодіа сама идяше горѣ*. К.-Печ. Пат., 8, 9; *по нима же взити горѣ*. Хож. иг. Дан., 25 и т. д., наряду с: *видѣхъ церковь горѣ*. К.-Печ. Пат., 4; *стояще горѣ*. Лавр., 331; *и горѣ написанъ Христось*. Хож. иг. Дан., 19; *и в техъ полатяхъ горѣ патриархъ живетъ*. Там же, 5, 6. Ср. также: *долу зря*. К.-Печ. Пат., Сл. 8; *слетѣвъ же долу*. К.-Печ. Пат., 121; *акы мѣсць долу рогама*. Лавр., 290, но: *долу же стоащии...* К.-Печ. Пат., 121 и т. д.

Остатками древнейшего б/пр. лок. являются и наречия, определяющие действие с качественной стороны: *добрѣ, злѣ, креплѣ (крепуѣ), худѣ, лютѣ, борзѣ, скорѣ, мудрѣ, тяжѣ, (не)льзѣ, тайнѣ, ѡвѣ, годѣ, малѣ* и т. д., получившие в некоторых других славянских языках большое распространение. В древнерусском языке круг наречий такого рода был уже очень узок. Он включал лишь несколько слов, употреблявшихся часто только в определенных положениях. Уже в древнейших русских памятниках засвидетельствован активный процесс вытеснения подобных наречий другими (*ѡвѣ — въѡвѣ, малѣ — въмалѣ, скорѣ — въскорѣ, тайнѣ — вътайнѣ, борзѣ — въборзѣ*), приведший вскоре к почти полному вытеснению наречий, восходящих к б/пр. лок. Однако замена этих наречий соответствующими предложными, а также некоторые случаи их употребления во множественном числе (*Мъстиславъ же ... поиде бѣрзѣхъ въ 5 сътъ*. Син., 55; в соответствующих местах Комисс., Акад., Толст. списков *в борзѣх*. 255; может быть, в первом случае пропуск *в*, ср. частое *въборзѣхъ*), кажется, дают основания предполагать, что перед нами выступают еще не полностью онаречившиеся слова. Иное дело со словами *добрѣ, мудрѣ, лютѣ, крепѣ* и т. д., для которых не засвидетельствовано соответствующих предложных дублетов, что способствовало более быстрому протеканию у них процесса адвербиализации.

Таким образом, обзор б/пр. лок. в древнерусском языке и некоторых других случаев, восходящих к б/пр. лок., показывает гораздо большее разнообразие значений, чем можно об этом судить по данным предложного лок. в более поздние времена или — в известной степени — в древнерусском языке. Это разнообразие очень велико; оно охватывает такие значения, сведение которых к одному более или менее общему

исходному значению для древнерусского языка невозможно. Это обстоятельство, между прочим, несомненно, было очень важным в эволюции лок. в дальнейшей истории русского языка, приведшей к значительному ограничению сферы его употребления. С другой стороны, именно благодаря этому обстоятельству у нас есть определенные основания для изучения истории лок. в дописьменный период, причем, кажется, в течение довольно длительного промежутка времени, так как наличие в пределах лок. отношений двух планов (местно-временные и направительно-объектные) заставляет предполагать долгий путь развития.

К концу XIII—началу XIV в. б/пр. лок. окончательно исчез, если не считать незначительных остатков его, окончательно потерявших связь с именами и превратившихся в несклоняемые части речи. Б/пр. лок. не просто исчез, не оставив следов, а был постепенно в результате долгого процесса вытеснен и заменен другими падежными и наречными конструкциями. Обычно их называют „дублетными“. Для б/пр. лок. в древнерусском языке такие дублеты довольно полно (хотя и не исчерпывающе) перечислены в диссертации А. И. Григорьевой. Считаем обязательным сделать по этому поводу одно замечание. Обычно под дублетными конструкциями исследователи понимают такие, значения которых совпадают или стоят близко хотя бы к части значений той конструкции, по отношению к которой последние являются дублетами. Так, например, для б/пр. лок. места указываются в качестве дублетов конструкции *в+лок.*, *на+лок.*, *к+дат.*, *в+вин.*, *при+лок.*; для б/пр. лок. времени — *в+лок.*, *на+лок.*, *в+вин.*, *на+вин.*, б/пр. твор., б/пр. род. Иначе говоря, все те случаи, которые покрывают какую-то часть значений б/пр. лок., признаются дублетными. Для определенных целей выявление такого рода дублетов может оказаться полезным. Однако для исследования такого плана, как настоящее, едва ли целесообразно выявление дублетов в указанном смысле. Дело в том, что эти дублеты важны не сами по себе, а в связи с тем, что они отражают некоторые живые конститутивные тенденции в развитии того или иного явления, они помогают до известного предела определить и специфику того явления, по отношению к которому они дублетны. Приведем пример. Для б/пр. лок. времени указывают в качестве дублетов, помимо *в+лок.*, еще *в+вин.*, б/пр. твор., б/пр. род. и т. д. Однако три последних конструкции признать для б/пр. лок. времени столь же существенными, как *в+лок.*, никак нельзя; *в+вин.*, б/пр. твор. и б/пр. род. действительно отражают какую-то часть значений б/пр. лок. времени, но они существовали и прежде, причем вне очевидной связи с б/пр. лок. времени: у них были и свои определенные оттенки значений, благодаря чему каждый из этих способов был вполне самостоятельным. Б/пр. лок. времени не был исторически предшественником и тем более прародителем этих конструкций, как и последние не были генетически связанными с ним его продолжателями. И только *в+лок.* может претендовать на эту роль. В период вытеснения (или, может быть, точнее переоформления) б/пр. лок. конструкция *в+лок.* обладала всеми теми значениями, что и б/пр. лок., не имея каких-то собственных оттенков, незнакомых

б/пр. лок. Поэтому, кажется, целесообразнее считать именно *в+лок.* времени дублетом к б/пр. лок. времени; во всяком случае, последняя конструкция переходит в первую, которая в свою очередь как раз и определяется характерными особенностями предыдущей конструкции. Следовательно, б/пр. лок. *ночи, зимѣ, лѣтѣ* были продолжены в конструкциях типа *в ночи, в зимѣ, в лѣтѣ*, которые в дальнейшем оказались большей частью малоупотребительными. Б/пр. твор. *ночью, зимой, лѣтом*, с нашей точки зрения, дублетами не являются. Значит ли это, однако, что между б/пр. твор. и б/пр. лок. нет никакой связи? Отнюдь нет. Хорошо известен факт взаимозависимости в употребительности этих двух форм: постепенное уменьшение б/пр. лок. времени вызывало постепенное возрастание употребительности соответствующего б/пр. твор. Но это уже связано с другими обстоятельствами, а именно с тем, что *в+лок.* времени в таких случаях, как *в ночи, в зимѣ, в лѣтѣ*, в силу ряда причин оказался малоупотребительным, стал принадлежностью определенного стиля или определенной группы говоров и т. д. и в дальнейшем мог даже и сузить круг своих прежних значений. В силу этого особенно продуктивными и распространенными оказались б/пр. твор. *ночью, зимой, лѣтом* и т. д., хотя они и не покрывали целиком круг значений прежнего б/пр. лок. Некоторые значения, выражавшиеся прежде б/пр. лок., вообще не выражаются теперь падежными формами: например, оттенок указания на время действия, понимаемое как точка, для таких слов, как *лето* или *зима*, утрачен, потому что он, видимо, был в этом случае не очень существен; *в лете, в зиме* сказать нельзя, а другие (даже самые близкие) падежные конструкции не отражают точности при указании на время.

В свете сказанного эволюция б/пр. лок. предполагает два момента: 1) вытеснение его предложным лок., точнее внедрение предлога в б/пр. лок., переоформление беспредложной конструкции в предложную (ср. лок. места, времени) и 2) полное исчезновение б/пр. лок. в ряде значений, отсутствие у него преемников, замену его другими конструкциями, наиболее близкими к нему, но все-таки не вполне тождественными по значению (ср. б/пр. лок. в объектной функции и т. д.).

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Предложный лок. в древнерусском языке составлял огромное большинство случаев употребления лок. вообще. Он обладал в XI—XIII вв. почти всеми значениями, которые могли выражаться лок. Примерно с конца XIII—начала XIV в. предложный лок. становится единственно возможным; это положение сохраняется и в дальнейшем. Будучи, несомненно, более поздним образованием, чем б/пр. лок., он, естественно, содержит ряд черт, развившихся в более поздние периоды и стоящих уже вне очевидной связи с более древними характерными особенностями падежа. В этом отношении ценность предложного лок. в древнерусском языке меньшая, чем б/пр. лок. Однако данными предложного лок. никак нельзя пренебрегать. Дело в том, что предложный лок. уже

в самых древних памятниках является преобладающим (в области лок.), его историю можно проследить на протяжении приблизительно девяти веков непрерывного развития и, наконец, материалы русских диалектов могут дать ряд немаловажных сведений относительно некоторых особенностей предложного лок. Всего этого мы лишены при изучении б/пр. лок. Поэтому в ряде отношений преимущество данных предложного лок. бесспорно.

В древнерусском языке лок. мог иметь при себе следующие предлоги: *о, по, при, в, на*. Такое же положение сохраняется и в современном русском языке, хотя объем употребления некоторых из этих предложных конструкций весьма существенно изменился. Обычно лок. с предлогами *о, по, при* отделяют от лок. с предлогами *в* и *на* на том основании, что лок. первой группы обозначает объект, вне которого происходит действие, а лок. второй группы представляет объект, в границах которого происходит действие. Не менее важным для наших целей является и тот факт, что такое разделение отражает и в общем различный темп развития конструкций этих двух групп, различный характер в выражении тех или иных значений лок. Несомненно, что эти различия не случайны и в какой-то степени позволяют увидеть более древние различия. Следует отметить также, что конструкции *о* с лок. и *по* с лок. в истории русского языка почти освободились от собственно локативных функций, что отчасти связано с процессом грамматикализации указанных предлогов.

Локатив с предлогом *о*

Локативные конструкции с предлогом *о* являются, пожалуй, наиболее сложными для рассмотрения среди остальных предложных типов лок. В частности, это зависит от того, что сфера употребления и круг значений этого типа предложного лок. подверглись наибольшему изменению в истории русского языка, а это, говоря в общем, привело к потере локальных значений в конструкции *о+лок.* и к созданию нового парадигматического образования, которое многие признают совершенно самостоятельным падежом, лишь генетически связанным со старым лок.⁴¹ Сложность исследования типа *о+лок.* усугубляется наличием уже в древнейших русских памятниках ряда довольно обособленных значений, причем некоторые из них представлены минимальным числом примеров, что в свою очередь затрудняет более точное определение зна-

⁴¹ Ср. об этом R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbe-deutungen der russischen Kasus. — TCLP, VI, 1936; Он же. Морфологические наблюдения над славянским склонением. — American contributions to the Fourth international congress of slavists. 's-Gravenhage, 1958; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953; Т. Э. Хмара-Борщевская. Предложный падеж с предлогом *о* (*об*) в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1947. См. гл. IV. Условия и время становления этого нового падежа до известной степени те же, что и в случае второго род., о котором недавно подробно писал Г. Хр. Сёренсен („Zum russischen Genitiv auf -a und -y im 17. Jahrh.“ — „Scando-Slavica“, t. IV, 1958).

чений и установление связей с другими типами. Известные трудности при установлении значений конструкций *о+лок.* связаны с недостаточным знанием подробностей процесса утраты лексического значения предлога *о*, который, понятно, происходил неодновременно (как в отношении отдельных типов сочетаний, так и в отношении различных говоров). Поэтому иногда правильное соотнесение древнерусских случаев *о+лок.* с более поздними, важное для установления значений, затруднительно; попытки же объяснить значение того или иного случая с точки зрения современного русского языка часто приводят к искажению исторической перспективы и к анахронизмам. Наконец, следует помнить, что в отношении конструкций *о+лок.* существует некоторое различие между данными русских и церковнославянских памятников, которое проявляется преимущественно в большей употребительности *лок.* с предлогом *о* при определенных глаголах в церковнославянском. Конструкция *о+лок.* по своей распространенности в различных условиях и значениях занимала одно из основных мест среди других локативных типов. Однако по употребительности она уступала конструкциям *в+лок.* и *на+лок.*, а также обычно и конструкции *по+лок.* Несомненное преимущество в употребительности было лишь по сравнению с конструкцией *при+лок.* и с *б/пр. лок.* Понятно, что многообразие условий употребления *лок.* с предлогом *о* было связано с приобретением этой конструкцией в ряде случаев особых значений, связь между которыми не всегда в достаточной степени прослеживается из-за небольшого в общем числа примеров. Однако при исследовании, подобном нашему, необходимо различать существенные условия, при изменении которых явно меняется и значение *лок.*, и условия второстепенные, вносящие лишь оттенки значения, представляющие собой варианты одного и того же значения в применении к данному конкретному случаю⁴². Поясним сказанное примером. Во фразах *се было о Рождествѣ* и *глаголати о Рождествѣ* существенным условием является качество глагола, который, собственно, и определяет значение конструкций (временное — в одном случае, изъянительное — в другом, хотя здесь имеют некоторое значение и условия более широкого контекста, так как при известной ситуации 2-й пример может приобрести и временное значение и т. д.). В случаях же типа *ходиша о Якунѣ* и *сташа (или быша) о Якунѣ* перед нами одно и то же значение места, но в первом случае осложненное оттенком подчиненности, зависящим, может быть, даже не столько от глагола, сколько от внеязыковых реалий. Бесспорно, что в известных условиях такая частная и частичная трансформация значений может стать отправным пунктом для создания самостоятельного значения, с очевидностью уже не связанного с другими, некогда предельно близкими (это зависит, между прочим, и от утраты этих или промежуточных типов). Так, например, случилось в конструкции *о+лок.*

⁴² Теперь отчасти можно использовать статью Р. Триомфа „Ob slave“ (сб. „Славянская филология“, I, М., 1958), в которой довольно подробно прослеживается изменение значения указанного предлога в зависимости от разных условий. К сожалению, привлекаемый автором русский материал минимален.

в изъяснительном значении в истории некоторых славянских языков. Однако, если для историка языка, пытающегося выяснить происхождение того или иного явления в современном языке, важнейшим делом является выяснение отдельных, пусть даже мелких нюансов значения, которые могли бы в дальнейшем дать начало интересующим нас современным явлениям, то для исследователя, идущего вглубь, важно иное, а именно, то общее, что связывает ряд отличающихся друг от друга случаев и что, следовательно, дает основание с большей или меньшей уверенностью проецировать данное явление в предыдущие эпохи. С такой точки зрения мы и постараемся проанализировать значение локативных конструкций с предлогом *о*.

Среди значений конструкций *о*+лок. представляется целесообразным выделить следующие.

О+лок. имени может указывать место *о*, в непосредственной близости которого (вокруг, около) или в смежности с которым (но все-таки вне его) происходит действие. Качество глагола в данном случае теоретически не является решающим, так как основную роль играет более широкий контекст (*сказати о семь мѣстѣ* может выражать в древнерусском языке две различные мысли, которые передаются средствами современного литературного языка, как „сказать об этом месте“ и „сказать около этого места“, а несколько позже и „сказать в этом месте“). Более существенным представляется качество имени, стоящего в лок. с предлогом *о*. Оно должно выражать то или иное местное понятие или понятие, которое в данном случае принимается как такое. Приведем некоторые примеры:

Съступиша море о фараонѣ и о воихъ его. Лавр., 96, Ипат., 83, Комисс., 140; *и стоял об Оке рѣке.* Пск. 3-я лет., 188; *възградиша църковь... о клѣтцѣ.* Жит. Б. и Гл.; *разбиша сѣни о нем.* Лавр., 318; *и бѣ о нею люди инѣхъ.* Ипат., 165; *и скопишася о немъ пруси... и сташа около его пълкомъ.* Син., 60 (ср. *о* и *около*); *и сташа о Нузлѣ.* Син. 74; *възъложи поясъ о чреслѣхъ его.* К.-Печ. Пат., 3 (клише новозаветных текстов); *и видѣхомъ царицю и множество вои о неи.* К.-Печ. Пат., 5; *о тои вои предстояще.* К.-Печ. Пат., 6; *сущии же о Александрѣ въстискаху суца о Дарию.* Алекс., 36; *самъ есмь держалъ и въ конюсѣхъ и о соколѣхъ и о истрабѣхъ.* Лавр., 251 (с оттенком сферы деятельности); *затворивъ дѣври о себѣ.* Жит. Феод. Печ.; *и запроша о нихъ истобѣку.* Лавр., 57 и т. д. (реликт местного значения можно видеть в наречиях типа *окромѣ*). Отметим, что в деловой письменности лок. с предлогом *о* в значении места не встречается. Уже в древнерусском языке эта конструкция в местном значении представлена лишь изредка, причем в части примеров в определенных устойчивых сочетаниях. Наряду с лок. при предлоге *о* в древнейших памятниках выступал в том же значении и вин. (*стрѣляющимъ о Лыбедѣ.* Лавр., 332)⁴³. История дальнейшего существования лок. с предлогом *о* в местном

⁴³ Ср. характерный пример из Лавр. списка: *стрѣляющимъ о рѣцѣ о Стугну* (!). 327. Ср. *лежит Добрыня о Почай-реку.* Гильф. Он. Был., III, 45.

значении представляет собой последовательное вытеснение этой конструкции. Решающим фактором, видимо, было исчезновение самостоятельного лексического значения в предлоге *о*, что обусловило полное вытеснение разбираемой конструкции, во-первых (позже XVI в. ее примеры единичны и носят случайный характер)⁴⁴, и, во-вторых, переосмысление ее, которое заключается в том, что теряется специфическая черта значения этой конструкции (действие происходит вне места, стоящего в лок., а лишь около него, в связи с ним) и она начинает отождествляться с лок. с предлогами *в* и *на* в местном значении. Именно в этом значении конструкция *о*+лок. удерживалась дольше всего (в редких остатках она сохранилась и сейчас по говорам). Укажем некоторые примеры: *река о том месте шириною с версту*. Жит. Авв., 90; *не больно о том месте широко*. Жит. Авв., 110; *о середкѣ отростокѣ кривѣ*. Арх. Стр., II, 761 (Писц. вып. 1631 г. 17 июня); *о своем ли ты уме*. Фонвизин. Недор., V, 2 и т. д. Примеры локативной конструкции с *о* в местном значении в говорах крайне малочисленны и, кажется, всегда тождественны по значению локативным конструкциям с предлогами *в* и *на*. Ср. *не стой о середине избы*. Арх. Холм. Гранд., 73⁴⁵; *ах, еще будут казаки о полу оне пути, о полупути пути будут*. Гильф. Он. Был., III, 33 (Водлозеро); *о полу реки да он припадывал*. Там же, II, 462; *о полу реки Чурило в воду вверзился*. Там же, II, 506 (два последние примера не совсем надежны ввиду обычного вин. с предлогом *о* при этих глаголах. Ср. *она падае, родима, о дубовый пол*. Барс., I, 39; *тут я грохнулась горюша о сыру землю*. Там же, I, 34 и т. д.) и некоторые другие⁴⁶. Несколько шире (хотя также весьма ограниченно) распространены по говорам и в старой литературе случаи *о*+лок. со значениями, производными от местного (см. ниже).

Указывают (А. Д. Григорьева), что сочетание *о*+лок. приобрело значение локативных конструкций с *в* и *на* лишь в XVI—XVII вв. Насколько это верно, сказать трудно. Следует лишь заметить, что окончательная хронология зависит от того, как воспринимались конструкции типа: *есмь беды принял о мѣсте семѣ*. Дух. Ант. Римл. 1147 г. ГНП; *чюдо показа о стѣмь томь мѣствѣ*. Жит. Феод. Печ.; возможно, и *азъ всѣдъ с Черниговци о двою коню*. Лавр., 248. и т. д. (т. е. речь идет о том, как долго в этих примерах лок. с предлогом *о* удерживал значение основания действия).

Несомненные связи с общим значением места представляют примеры *о*+лок. „подчинения“ (А. Д. Григорьева) типа: *тѣгда же ходиша на*

⁴⁴ Ср. у В. Майкова (XVIII в.): *о стеночке лепясь; будешь о Элеоноре врач*. Сип. Русск. пов. 139 (приведено у Т. Э. Хмары-Борщевской, 178; отчасти здесь уже выступает оттенок объектного значения).

⁴⁵ В некоторых случаях преобладание получают другие оттенки. Ср. *избушка о куриной ножке*. Ончук. Сев. ск., 10.

⁴⁶ Надо думать, что в связи с указанным явлением стоят и такие случаи, как: *подумали в том, что отвезли ее далеко*. Сок. Ск. Белоз., 178; *попрошу я вас в чем...* Там же, 16 и др. Ср. пример из Сб. Троиц. (XII в. 55): *помысли въ онѣхъ нищихъ*. Срезн., I, 1238.

Емь молодѹци о Вышатѣ о Василевици. Син., 38; *поѣхаше въ лодяхъ обѣ Иванѣ посадникѣ.* Пск. 6856, Срезн., II, 494⁴⁷ и т. д. Едва ли целесообразно выделять такую группу случаев в качестве полностью самостоятельной и независимой. Значение „подчинения“ в указанных примерах довольно второстепенно и случайно; оно взято не только из всего контекста в целом (причем очень широкого), но из источников иного рода, не имеющих отношения к языковым данным. Кроме того, признавая полную самостоятельность значения „подчинения“, Григорьева забывает о самостоятельности лексического значения предлога, еще сохранявшейся до известной степени в этот период. Наконец, значение „подчинения“ приобретаетсѣ будто бы лишь при глаголах движения особого типа. Однако нет никаких оснований отделять указанные примеры от таких, где глаголы движения отсутствуют: *и съѣдеша новгородци... о Якунѣ.* Син., 32; *новгородѹци же сташа твърдо о князи Романѣ о Мьстиславици, о Изяслави вѣнуцѣ, и о посадницѣ о Якунѣ.* Син., 33; *много паде головѣ о князи Юрьи.* Син., 96; *хотѣша умрети за святую Софию о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици.* Син., 64 и т. д.⁴⁸ Разумеетсѣ, нельзя отрицать, что в этих примерах на основное значение места наслаиваются оттенки социативности, подчиненности, причинности, основания действия и т. д. Таким образом, эта группа обнаруживает вполне прослеживаемые связи с соответствующими типами с общим значением места.

Очень редок в древнерусском языке лок. с предлогом *о* от существительных (иногда местоимений), обозначающих время. Эта группа случаев, употребляясь в тех же условиях, что и предыдущая, характеризуется указанием на какой-то временной ориентир, около которого или при котором происходит действие. Нужно отметить, что отличительной чертой лок. с предлогом *о* во временном значении является подчеркивание приблизительности и обобщенности временного приурочения действия (а не того, что действие происходит вне предмета, название которого стоит в лок. с предлогом *о*). В частности, это подтверждается отсутствием в древнерусском языке лок. с предлогом *о* при конкретных указаниях на время (*семь лѣтъ, въ третьем часѣ, въ 1238 году* и т. д.). Приведем некоторые примеры: *оубьикнѣ же быс... о светѣ.* Лавр. 369; *створи празньство свѣтло о приходѣ ихѣ.* Лавр., 441 (хотя здесь может быть и значение основания действия); *но егда придетъ осень да идути в домы своѣ Русь а о сихѣ иже то приходѣтъ Чернни Болгаре.* Ипат., 39. В XV—XVII вв. употребительность этой конструкции несколько возрастает: *и о тыхѣ часехѣ былѣ Па(нѣ) Сенько Григорьевичѣ посольством.* Пол., 19; *на весне обо вѣзнесенни Божиѣ... съшли наши Полоцькыи стругы.* Пол., 19; *отрокѣ быти о Филипově заговѣинѣ.* Пск. Судн. гр., 42; *придохѣ же в Бедерь о заговѣинѣ о Филипově.* Аф. Ник., 17; *продах жеребца своего о Рождествѣ.* Там же, 17; *к Первотѣ же яздыть о великомѣ заговѣинѣ.* Там же, 19; *пришли*

⁴⁷ В Строевском списке предлог пропущен. 99; в Архивском 2-м списке: *о иванне.*

⁴⁸ Подобные случаи известны почти исключительно памятникам северо-западной Руси.

о *Оспожий* дни. Там же, 27; и *отъчего* у них *сталось* и как *кончилось* и о *коем* часе дня или ночи. Посошк., 66; а о *сем* прощаются у *настоящего*. Домостр. (=при этом) и другие. Хотя изредка встречаются случаи, чуждые древнейшим памятникам (23 числа о 8 часах он *провождением* людей *поднялся*. Ведом., 93), в общем эта группа сохраняет свое первоначальное значение в целостности и в последующий период⁴⁹. Ср. *двое* о *святой* неделе с *колокольни* *свалились*. Фонвизин. Недор.; *Когда-то* о *весне* *зверями* в *надсмотрщики* *медведь* был *выбран* над *ульями*. Крылов; о *Рождестве* *была* у нас *пирушка*. Крылов; *там* о *заре* *прихлынут* *волны*. Пушкин; *сбирай* *мирские* *гривенки*. . . да *яйца* о *святой*. Некрасов и т. д. В современном литературном языке лок. с предлогом о в значении времени встречается лишь в случаях умышленной стилизации и архаизации, причем, кажется, круг имен, стоящих в этой форме, ограничивается только названиями праздников (исключения крайне редки, ср. у Крылова: о *весне*).

В говорах распространение этой конструкции более широкое, чем в литературном языке, но все-таки довольно ограниченное: *ты прими-тко мое* *яичко* о *Петрова-дни*. Олон. Гильф. Он. Был., III, 205; *не было* им ни *отдыху*, ни *покою* — ни о *Владычном* *празднике*, ни о *светлом* *Христовом* *воскресеньце*. Барс., II, XXXVIII; *сиротны* *малы* *детушки*. . . о *празднички* *гульвивые*. Там же, I, 47; *как* о *светлом* *Христове* *воскресеньце* о *Владычном* ли *Господнем* *Божьем* *праздничке*. Там же, I, 23; *это* было о *рождестве*. Волог. ИОРЯС, I, 959; *умереть* о *весне*. Новг. Там же, I, 982; о *Рождестве* был *мороз*. Tobол. Там же, 977; *аб* *масляной*, *аб* *Рожастве*. Ряз. Будде., 127; *дела* *была* *ап* *Пасхи*. Ворон. Филат. РФВ, 39; *ап* *св'атој*, *ап* *кр'ишиш'ен'ју*. Ворон. Гринк. ИОРЯС II, 1929, 96; *какошники* *носили* *ап* *Троицы*. Ворон. Гринк. Вор. диал., 64; *села* о *празднике* *за* *обед*. Чудинск., 110 (ср. однако и вин.: *прихади* к нам *аб* *масьлину*. Ворон. Дикар., 202 и т. д.).

Как и в случае б/пр. лок., лок. с предлогом о во временном значении сохранился полнее, чем эта же конструкция в местном значении.

Представляется целесообразным выделить со стороны значения особую группу случаев, условия употребления которой в общем напоминают те, которые были рассмотрены выше. Мы имеем в виду локативную конструкцию с предлогом о в значении сферы деятельности. Специфической чертой в условиях употребления этой конструкции является наличие в лок. с предлогом о имени, обозначающего сферу приложения действия. Это обуславливает преимущественное употребление отвлеченных имен и связанное с этим присутствие глаголов „морально-психического“ плана. Определение точных границ этой группы крайне затруднительно, так как она представляет собой промежуточное звено между локативными конструкциями с предлогом о в местном значении и в значении источника темы. Самостоятельность этой группы в древнерусском языке определяется особым кругом имен, особым кругом глаголов, более

⁴⁹ Ср. Н. И. Греч. Практическая грамматика русского языка, 2-е изд., СПб., 1834, стр. 303.

разрозненным со стороны значений, чем глаголы при лок. с предлогом *о* в значении источника темы. Для истории развития изъяснительной функции лок. эта группа дает материал первостепенного значения. Но так как это увело бы нас далеко в сторону от основной темы, мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Уже в ранних памятниках в этой группе преобладает указание на содержание действия: *Соломанъ покаквса о женах*. Лавр., 80; Ипат., 68; Комисс., 129; *аще ли са покаемъ о злобахъ своихъ*. Ипат., 158; *и каетьса о своєї винѣ всеи*. Ипат., 688; *хотѣ испитати о всѣхъ вѣрахъ*. Лавр., 106; Комисс., 148; *оттолѣ не взискаема о семь*. Ипат., 25; *о всихъ сихъ блгодарю*. Ипат., 589; *Ростислав же одинако не престааше о злобѣ своєї*. Ипат., 793; *о Бзѣ самодѣржцем*. Ипат., 24; *створить трижды о семь*. Ипат., 25; *о семь свершаетъ любви*. Ипат., 195; *о семь подражающю*. Жит. Феод. Печ.; *не обидѣте ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животѣ*. Дух. Новг. и Двин. XIV—XV вв., Срезн., II, 506.

По мере исчезновения местного значения у лок. с предлогом *о*, связанного с потерей предлогом лексического значения, все менее и менее тесными становились связи разбираемой группы с локативными конструкциями с предлогом *о* в местном значении. Случаи, обозначавшие раньше сферу деятельности, как и некоторые другие из выражавших значение источника темы, сближаются между собой, образуя устойчивые сочетания, в которых прежние значения заменяются иными, так как меняются и сами условия существования этих типов локативных конструкций. В XVI—XVII вв. примеры лок. с предлогом *о* такого рода довольно часты: *и рог его о том дѣлѣ надобен*. Письмо крымск. хана к моск. вел. кн. 1503 г. Сб. Имп. Р. Ист. Общ. XLI, 476; *о сем бог свидетель*. Посошк., 36; *покается о гресех*. Жит. Авв., 107; *благодарю о сих*. Там же, 282; *весел о боге*. Домостр.; *о том наказывати домощадцев*. Там же, ст. 11; *о томъ ваше благоволение будетъ*. Письма Петра I, I, 142; *аз тя прощаю о сем*. Сип. Русск. пов., 197 и др.⁵⁰ Отдельные случаи этого типа отмечены в русском литературном языке XVIII в. (например, при глаголе *трудиться*) и даже (в виде исключения) в первой половине XIX в.⁵¹ Однако лишь в очень редких случаях в период после XV в. в описываемой группе просвечивает прежнее значение, еще сохраняющее близость к лок. с предлогом *о* в местном значении: *лучится сидѣти... о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлахъ*. Котош., 24; *о той благополучной победе всехъ приветствовал*. Нащок., 185 (из диссертации Т. Э. Хмары-Борщевской) и др. Данные говоров почти полностью отсутствуют.

Следующей группой является лок. с предлогом *о* при глаголах речи, мысли; при глаголах, выражающих определенное эмоциональное состоя-

⁵⁰ Дублетные конструкции указаны в статье В. А. Ивановой „Предложные конструкции, выражавшие причинное значение в древнерусском языке“. — „Вестник МГУ“, 1957, № 2, стр. 133.

⁵¹ См. Т. Э. Хмары-Борщевская. Указ. дисс. (Раздел XVIII в.); Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, М, 1956, стр. 369 (о чем не сделати? П. Бажов).

ние; при глаголах со значением 'заботиться' и т. д. Он указывает на источник действия. Это наиболее многочисленный и наиболее пестрый со стороны значения тип локативных конструкций с предлогом *о* уже для эпохи первых памятников. Значение лок. с предлогом *о* при глаголах, обозначающих эмоциональное движение, вплотную приближается к значению предыдущей группы: *съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырьскихъ*. Син., 47; *печаальни быша о томъ*. Син., 61; *кто не просльзиться о сем*. Син., 69; *радуеть бо ся оканьными о кръвопролитии братни*. Син., 67; *князь же о томъ пожали*. Син., 54; *и кто, братье, о семь не поплачется*. Син., 75; *о томъ бо ся злыи радуеть*. Син., 73; *радуется о неи мъжь*. Лавр., 80 (так!); *веселхъса о службѣ ихъ*. Лавр., 118; *радость... о единомъ грѣшницѣ*. Лавр., 120; *печалень бы о оци и о брати и о дружинѣ*. Лавр., 141; *имѣху о томъ печаль*. Лавр., 188; *сжалиси о погыбели людьстви*. Лавр., 347; *пожалте си о Рускои земли*. Ипат., 538; *радукмси о прихожении твоемъ*. Жит. Феод. Печ.; *тешаше сѣрдце свое о словеси божи*. Сказ. о Б. и Гл.; *возвеселюся о царѣ своемъ*. Мол. Дан. Зат. и многие другие. Во всех этих случаях ощущим оттенок причины, повода или основания деятельности. Вытеснение этой группы другими конструкциями в литературном языке в основном завершилось в XVIII в., хотя и позднее изредка встречаются подобные случаи, сохранившиеся в просторечьи до сих пор. Ср. указанные Т. Э. Хмарой-Борщевской: *о том радуюс*. Сип. Русск. пов., 132; *спокойна буди о сем*. Ломоносов IV, 188; *веселящеся о сем*. Радищев, 327 и т. д. Подобные примеры известны и по говорам⁵². Отметим лишь случаи, не связанные непосредственно с указанной группой по происхождению, но обладающие теми же оттенками значений (иногда с присовокуплением еще целевого): *об этом табаку пожар был*. Астрах. Петр. РФВ, 1910; *о своей он бился о бойной головушке*. Олон. Гильф. Он. был; II, 574⁵³; *заехали мы на королевский двор... о добром деле о сватовстве*. Там же, 363; *об цем ты падаешь на колени*; Сок. Ск. Белоз., 223; *с верою лучинка о чем не свеча* (пословица);

⁵² Ср., впрочем, замечание Т. Э. Хмары-Борщевской, что при глаголах радости, веселья в фольклоре лок. с предлогом *о* не встречается.

Считаем необходимым указать на один из способов замены указанной конструкции, интересный для истории развития изъяснительной функции, а также в связи с данными южнославянских языков, а именно на вин. с предлогом *за* (ср. также *про* + вин.). Этот способ имеет довольно широкое распространение в говорах различных частей русского языка, хотя и приуроченное к довольно узкому кругу глаголов: *соскучился за ней*. Новг. Солов., 19; *за парня печалиться нечего*. Гол. Два века. 146 (ср. литературное *болеть за кого*) и даже (это относится уже к собственно изъяснительной функции): *я говорю за дом (= о)*. Брянск. Тихан. Сб. ОРЯС 76, 30; *толкуем за сено*. Там же, 30 и др. Особенное распространение эта конструкция получила в связи с глаголом *заботиться* (ср. у И. Бунина: *она за ним, небось, как за ребенком заботится*. Святые). Изредка (в южновеликорусских говорах) подобные случаи выступают и во временном значении: *за отца моего было то* и т. д. Иногда *за* сочетается в таких случаях с твор.

⁵³ Ср. интересный пример из Моления Даниила Заточника — *не бившися со псом об одномъ моклокѣ*, 68, при варианте *об один моклок*. Ср. также *и нача стязатися с нимъ о врачевнѣ хитрости*. К.-Печ. Пат., 197 (ср. 94).

биться об заклад о трехстах рублях. Афан. Нар. ск., II, 376; ап чом ты стоишь? ап пустым дели. Моск. Дурн. РФВ, 50, 130; ты о чем... осердиласи. Гол. Два века, 58⁵⁴. Ослабленное значение причины или основания действия присутствует в ряде случаев при глаголах с общим значением 'заботиться', довольно многочисленных в древнерусском языке (заботиться, печься, иметь попечение, тружdatися, промышляти, благоволити, милосердствовати, небрѣщи, отпадати, поалкати и т. д.⁵⁵): пекущеся о имѣнии и о ненависти брата. Син., 75; Олькса не печашеся о немъ. Син., 46; не печетсѣ мужь ея о дому своемъ. Лавр., 81; печашесѣ о дѣлахъ ихъ. Лавр., 212; много бо попечены створи о цркви. Лавр., 459; о немъ же блгоизволих. Ипат., 90, Комисс., 146; тружася о възграждении такового дому. Жит. Феод. Печ.; промышляютъ о живущихъ въ немъ. К.-Печ. Пат., 8⁵⁶ и др. Устойчивость локативной конструкции с о при этих глаголах на протяжении истории русского языка лучше всего подтверждается тем, что ряд глаголов с аналогичным значением, получивших особенное распространение в XVI—XVII вв., а раньше в сочетании с локативной конструкцией с предлогом о почти не встречавшихся, позднее стал употребляться именно с лок. при о: потщатися о правом суде. Посошк., 53; ни о чом тако не старатися, яко о правде. Там же, 54; надлежит постаратися о граматике. Там же, 22; радить о таком великом и страшном деле. Там же, 39; а о всѣхъ своихъ не радяше. Кат.-Рост., 622; о поклонех не стала радеть. Жит. Авв., 151; о правиле прилежала о церковном и о келейном. Там же, 151; о вере же и поученіи книжномъ... прилежа. Кат.-Рост., 621 и т. д. Если не считать довольно существенных изменений в круге глаголов этой группы, то можно сказать, что она сохранилась значительно лучше, чем все предшествующие. Думается, что это связано с более основательным забвением лексического значения предлога, чем в других группах, рассмотренных до сих пор, с большей степенью приближенности к изъяснительному значению. Еще более

⁵⁴ Подобные случаи известны и в более раннее время, однако не ранее XV в. Эта группа особенно распространилась в XVI—XVII вв. главным образом при глаголах движения: о сватовстве посла. Сказ. Авр. Палиц. 108; послати о миру пословъ. ДСП, I, 353 (1503 г.); посылають... о разныхъ Государственныхъ делехъ. Собр. Гос. Грам. и Дог., III, 55, 222 (1621 г.); приѣзжаютъ... о городономъ дѣлѣ. Арх. Стр., II, 1112; приѣхалъ инженеръ... о строении ситадели. Письма Петра I, т. I, 440 и др. и в вопросительных предложениях типа: о чомъ жо ты не искалъ на Ивашкѣ. Гр. Савв. Сторож. мон. 1491 г., Срезн., III, 1590; о чем они присланы. Котош.; о чем к нам не бывала. Домостр.; о чем, детки, не ядите? Жит. Мих. Клопск., 91; о чем аз сия руки не имам омочити... Артакс., 133; о чем долю не бросишь. Праздн. каб. яр., 83; и о том присылаю к ним. Ф. Шакл., 86 (при более обычном: и по кою послать. Там же, 12; прислал по него. Там же, 81 и др.).

⁵⁵ Некоторые из этих глаголов в значении 'заботиться' известны, кажется, лишь в церковнославянском: поалкати, отпадати (отъпадающе о спасении. Син. Пат., II), милосердствовати и т. д.

⁵⁶ В говорах (преимущественно в южнорусских) до сих пор еще встречаются такие специфические примеры, как: *Надейтеся на меня, как на каменную гору. Я об вас ночи не спад.* И. Бунин, *Последняя осень*;... *всю свою молодость об своей Людмилочке убивался.* Он же. *Исход* и др.

полное ослабление лексического значения предлога *о* встречается в локативных конструкциях при довольно большой группе глаголов речи, мысли, знания и т. д. Точное определение границ этой группы крайне затруднительно вследствие постепенного перехода одних случаев в другие и гораздо большей, чем в современном языке (особенно литературном), зависимости от контекста, что связано с многозначностью локативных конструкций с предлогом *о* в прошлом и единообразием в настоящем. Можно лишь сказать, что круг глаголов, употреблявшихся с лок. с предлогом *о* в древнерусском языке в значении темы глагольного действия, был шире в смысле семантических оттенков, чем сейчас. Приведем ряд примеров:

Что глаголати о бывшеи на нас от бога казни. Син., 70; *главь с ним о мирѣ.* Ипат., 35; *и о том Рамѣ... глаголетъ.* Хож. иг. Дан., 85; *и не сказа о мужи своемъ.* Син., 47; *скажемъ о взорѣ ихъ.* Лавр., 179; *почаша мѣлѣвити о Суждальстѣи воинѣ.* Син., 23; *въписахомъ о нихъ.* Син., 62; *о них же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съвѣдѣтельствуетъ.* Син., 61; *гадати... о чюдьскои речи.* Син., 57; *думавъше много о собе.* Син., 62; *о семь бы разумети.* Син., 29; *не вѣдѣше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша...* Син., 81; *молитися о сыну своемъ.* Син., 46; *мыс имали о бжѣи вѣре.* Лавр., 33; *повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ.* Лавр., 45; *поучи ю патрархъ о вѣрѣ.* Лавр., 61; *оучашеть ю о мѣтнѣ.* Ипат., 203; *и заповѣда еи о црквнѣи оуставѣ.* Лавр., 61; *мыслать о главѣ князя своего.* Лавр. 77; *обличати ю о безаконьи.* Лавр., 98; *прорицаите о отъверженьи Жидовьстѣ.* Лавр., 98; *думай о старои земленѣи и о ратехъ.* Лавр., 126; *о сихъ бо Гѣ Бѣ нашъ знамении провѣи.* Ипат., 667; *напоминаса емоу Володимиръ о томъ.* Ипат., 889; *оувѣдатъ о братѣ.* Ипат., 848; *розгадахъ о моемъ животѣ.* Дух. Ив. Кал. 1339 г. ДДГ; *слышавъ о мнѣ.* Грам. Дм. Ив. ок. 1367 г. ДДГ; *а о чемъ судѣи наши сопрутса.* Грам. Дм. Ив. 1382 г. ДДГ; *о немъ оуказавъ.* Жит. Феод. Печ. 52; *оуказавшю кму о любви.* Там же, 53; *не оукарлаше кю о томъ.* Там же, 53; *хваляю тебе о всемъ.* Ипат., 705; *негодоваша о томъ.* Ипат., 596; *о всих... славитьса.* Ипат., 713; *прослави Ба о бывшемъ.* Ипат., 826; *впрашати о здоровьи.* Ипат., 857; *оутвержениемъ... о Гѣ.* Ипат., 714 и т. д. Ряд подобных примеров вполне может быть понят и иначе (например, как лок. сферы деятельности). Кроме того, существуют глаголы, образующие в сочетании с лок. с предлогом *о* конструкции, значение которых колеблется между теми, что были разобраны выше (*праздновати, мстити, створити, нудити* и т. д. + *о* лок.).

Дальнейшая судьба этой группы заключалась в сужении круга глагольных значений⁵⁷ и вытеснении конструкций, переходных к дру-

⁵⁷ Этому, конечно, не противоречит распространение в XVI—XVII вв. в некоторых стилях деловой речи лок. с предлогом *о* при глаголах, раньше в таких ситуациях не встречавшихся: *бить челом о чем, кликать о чем, недоумевать о чем, выразуметь о чем, послать о чем* и т. д.

гим типам, содержание которых (не является в достаточной степени изъяснительным). Число же глаголов растет, так как значительно увеличивается количество глаголов, выражающих те или иные оттенки речи, мысли и т. д. Если в древнерусских памятниках этих глаголов было приблизительно два десятка, то в современном литературном языке их свыше 60. Кроме того, вообще значительно увеличивается употребительность локативной конструкции с предлогом *о* в значении темы действия, так как в древнерусском языке были и иные способы для выражения подобных ситуаций, а именно, широкое употребление прямой речи, значительное (хотя и не вполне упорядоченное) развитие косвенной речи и некоторые другие падежные конструкции (вин., род., *о*+вин., *про*+вин.⁵⁸ и др.).

Интересно, что говоры в своем большинстве представляют в отношении интересующей нас группы более архаическое состояние, чем литературный язык. Особенно характерны в этом смысле севернорусские говоры, где конструкции лок. с предлогом *о* в обстоятельственных значениях сильно преобладают над случаями изъяснительного значения, которое продолжает выражаться такими же средствами, что и в древнерусском языке. Соотношение между лок. с предлогом *о* в изъяснительном и в обстоятельственных значениях в говорах средней полосы и в южновеликорусских говорах иное: оно в пользу изъяснительной функции. И лишь в говорах, граничащих с украинским языком (например, в воронежских), в лок. с предлогом *о* снова преобладают обстоятельственные значения. Таким образом, в отличие от литературного языка обстоятельственные значения лок. с предлогом *о* в говорах не исчезли, но уцелели и кое-где даже преобладают. Не менее важен и другой момент: в говорах сохраняются некоторые из тех промежуточных случаев, которых было немало в более ранние периоды и которые к настоящему времени исчезли из литературного

⁵⁸ Обычно возникновение изъяснительного значения в глагольных конструкциях с вин. с предлогом *про* относят к слишком позднему времени. В действительности, уже в XIII—XIV вв. в некоторых случаях *про* почти полностью теряло причинное значение, и вся конструкция приобретала изъяснительное значение. Ср. *нача молвити про Володимерь*. Ипат. 850; *жалоуся про тебе*. Ипат., 685; *про то ту мене доложити*. Грам. Дм. Ив. ок. 1367 г. ДДГ; *и начяша князи про малое се великое мжвити*. Сл. о п. Иг. и т. д. Интересно отметить весьма нечеткое разграничение между *о*+лок. и *о*+вин. в изъяснительной функции в древнерусском языке, не отличавшимися, видимо, друг от друга по значению. Ср. *врже Всеславъ жребий о двяциу себъ любу*. Сл. о п. Иг.; „*О мѣсячннх рѣзѣ*“ наряду с „*о мѣсячнѣмъ рѣзѣ*“ в заглавии статей Русской Правды; *аже братья ростяжются передъ княземъ о задницю*. Р. Пр., 100 ст.; *борюшоуса крѣпко о градъ*. Ипат., 779; *повѣстоваста с ними о рѣкоу Вѣлюю*. Ипат., 767 и даже: *быхъ с нимъ радъ оучинилъ о землю и о города и о тобѣ... и о семь дѣтати о Изяславѣ*. Ипат., 901 (!!). Количество таких примеров можно бы было значительно увеличить. Любопытно, что в некоторых текстах со следами западнорусского влияния наблюдается тенденция употреблять *о*+вин. при определенном круге глаголов. Ср. в „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия (Виленский хронограф): *россворшешеса о честь, о волость*. 167; *бьяшеса... о Суринскую землю*. 167; *прящюся с ними о власть*. 171; *распреное имѣ о цесарство*. 178 и т. д.

языка. Ср. например, *ударить о чем, срядить о чем, послать о чем, бояться о чем (!)* (Ср. *Артем не бауца ап том*. Ворон. Филат. РФВ, 39) и др.

Следовательно, современный литературный язык представляет наиболее далеко продвинутое состояние в области лок. с предлогом *о* в значении источника действия, конкретнее, в значении темы действия. В результате ряда процессов локативная конструкция с предлогом *о* при определенных глаголах потеряла прежнюю „тесную связь“ с ними, стала гораздо менее обусловленной и зависимой от глагола (ср. развитие предложно-локативных конструкций от имен, не имеющих соответствующих глаголов, соединяющихся с *о+лок.*, или от имен неглагольного происхождения: *предложение о чем, указание о чем, утверждение о чем, представление о чем, соглашение о чем, заверение о чем, призыв о чем, требование о чем, сигнал о чем, материал о чем, пункт о чем* и т. д.)⁵⁹. Оставляя в стороне вопрос о том, можно ли *о+лок.* в современном литературном языке рассматривать как самостоятельный особый падеж, подчеркнем лишь тот факт, что полное утверждение изъяснительного значения у конструкции лок. с предлогом *о* при известных глаголах связано с потерей предлогом своего самостоятельного лексического значения и, значит, с вытеснением обстоятельственных значений в лок. с предлогом *о*. Бесспорно, что эти явления связаны, причем эта связь в основном хронологическая (хотя, конечно, нельзя отрицать факта их сосуществования в определенные периоды).

Локативные конструкции с предлогом *о* в ряде случаев приобретают значение средства деятельности, ее орудия. В качестве основного условия можно указать на наличие в лок. с предлогом *о* названия лица или предмета (гораздо реже), с помощью которого, во имя которого или в связи с которым совершается то или иное действие. В древнерусских памятниках XII—XIV вв. примеры подобного рода редки. Не отрицая наличия в это время в древнерусском языке лок. с предлогом *о* в этом значении, укажем, что в некоторых случаях можно думать и об иноязычном происхождении таких примеров: *сделать что-то о Божѣ, о Христѣ, о имени Господни* и т. д. В целом ряде случаев здесь ощущается еще несомненная связь с местным значением лок., на которое наслаиваются оттенки новых значений (между прочим, помимо указанных, следует отметить и оттенок источника действия). Поэтому значение средства деятельности представляется нам вторичным по сравнению с местным и развившимся из него при особых условиях в контексте. Укажем несколько примеров: *иже о тебѣ вѣрно цртвуеть*. Лавр., 255; *о Бзѣ удержати*. Лавр., 33; *о господѣ цѣломудрено и безъгрѣшно поживемъ*. Комисс., 363; может быть, сюда же относятся и некоторые случаи лок. с предлогом *о* от возвратного местоимения (*о себѣ*): *сами поидоша о собѣ*. Лавр., 397; *хотя о собѣ*

⁵⁹ Об этом см. Г. И. Рихтер. Синтаксис предлогов в языке современной русской публицистики. Канд. дисс. Сталино, 1951.

самъ сотворити браньъ съ Батыемъ. Пов. о прих. Бат. на Ряз., Гудз., 140; створивъше вѣче о собе. Син., 53 и др. Кстати, именно в этих случаях иногда особенно отчетливо видны связи с местным значением: *Подем же жившемъ особъ*. Лавр., 9, 12 и др.⁶⁰ Интересно, что в последующие века (XV—XVII) лок. с предлогом о в этом значении встречается чаще, чем в XII—XIV вв.: *о Христе бывает добро*. Жит. Авв., 113; *исцѣлел божию благодатью о Христе*. Там же, 148; *о имени господни повелеваю*. Там же, 158; *о Хѣ цѣлование сотворити*. Домостр.; *не о Бозѣ совершается*. Там же; *о нем же* (т. е. о Боге. — В. Т.) *живем и движемся есмы*. Переп. Ив. Грозн. (1-е письмо к Курбск.); *аще о бозѣ благо поживете*. Дух. гр. царя Ив. Вас. 1572 г. ДДГ; *сами о себе прибежище положили*. Там же; *и отверзошася двери церковныя сами о сѣбе*. Пов. И. Новг. 178; *двери церковны о собѣ затворишася*. Там же, 179 и др. Возможно, что в тех случаях, когда условия благоприятствовали, некоторые примеры переоформились в лок. с предлогом о в изъяснительном значении (ср. *помыслити о собѣ* и т. д.). В говорах до сих пор встречаются примеры лок. с предлогом о в значении средства или орудия действия: *ходить в эту землю о парусах*. Сок. Ск. Белоз., 130 (ср. там же: *стойте о парусах*, 130); *не о хлебе едином жив будеши*. Даль. Посл., II, 399; *без правды не жить, да и о правде не жить*. Там же, I, 235; *не об одной голове свет стоит*. Там же, I, 265; *может быть, о сыне только на свету живу*. Даль., II, 582; *у нас о дышле не ездят, все об оглоблях*. Там же, II, 582; *о надежде орати*. Там же, II, 582 и др. В последних двух примерах очень ощутим оттенок социативности, что, возможно, объясняет до известной степени последнюю из разбираемых нами групп лок. с предлогом о.

Мы имеем в виду случаи лок. с предлогом о в количественном определительном значении: *Дѣтища родистася единъ о дѣхногахъ, а други о двою главу*. Лавр., 165; *выиде пѣшь со своею женою об одной кобылѣ*. Ипат., 891; *церкви создана велика вверхъ о трехъ олтарехъ*. Хож. иг. Дан., 117; *трапезна... об единомъ столци*. Там же, 119; *градъ, о седми стѣнах каменных*. Комисс., 475 и т. д. Подобные случаи, несмотря на очень небольшую сферу их употребления в древнерусском языке, продолжали существовать и и позже⁶¹. Выйдя из употребления в современном литературном языке (кроме отдельных случаев с особой стилистической окраской), этот тип довольно широко еще распространен по говорам: *стоит Потап о четырех лап*. Даль. Посл., II; *тут и о двух головах пропадешь*. Там же; *идешь силен и могуч о трех головахъ*. Ончук. Сев. ск., 19; *лотка аб шасты вислах*. Смол. Добр., IV, 7; *змеиньцо о 3-ех головах*. Гильф. Он. был., II; *о 13 хоботах змея*. Там же; *дала ему свою*

⁶⁰ А. И. Соболевский видел остаток лок. и в наречии *особъ*. См. „Slavia“, гоѣ. 8, 1929, str. 485, 486.

⁶¹ Ср. *и каптаны бывають о дву оглоблях*. Котош., 13; *100 лютых звѣрей о двою чепѣхъ*. Аф. Ник., 27; *салдатская жена родила... младенца мертва о дву главахъ*. Ведом. 1703 г. и др.

каня об четырех крыльях. Афан. Нар. ск., II, 22 и т. д. Вероятно, к этой же группе нужно отнести и такой, впрочем, недостаточно надежный пример, как *осмьдесятъ лѣтъ о единой котызѣ пребыѣ*⁸². Жит. Пафн., Срезн., I, 1303, который А. Д. Григорьева относит к лок. со значением состояния субъекта (это единственный пример). Ближе к указанному количественно-определяющему значению стоят несколько случаев локативной конструкции с предлогом *о* типа: *и паде головъ о стехъ кѣметьства*. Син., 38; *и убиша ихъ новъгородъци нѣ о трѣхъ стехъ*. Син., 36⁸². В отличие от предыдущего типа здесь, возможно, наличествует оттенок приблизительности, хотя, согласно другой точке зрения, он зависит от инверсии (в 1-ом случае). Позднее эта группа не встречается.

Примечание. А. Д. Григорьева указывает еще лок. с предлогом *о* в значении косвенного объекта: *что ти въздамы о всѣхъ*. Лавр., 119; *яко же изволися ему о мнѣ*. Жит. Феод. Печ. и др. Ввиду крайней малочисленности этих случаев сказать что-либо определенное об этой группе не решаемся. В условиях очень широкого распространения конструкций [лок. с предлогом *о* в объектных значениях и крайне нечетких границ между разными группами появление таких примеров (иногда в качестве гиперграмматизма) вполне объяснимо. Ср. еще: *свою вотчину о всемъ малою*. Пск. 3-я лет., 187; *ирѣци ужасни быша о отвѣте*. К.-Печ. Пат., 8; *даль умирая о всемъ власть*. Ист. нуд. войны, 171; *терпѣливе о беззаконіихъ нашихъ*. Хож. иг. Дан., 76; *и спосыдадѣся побѣдени Египтъне о Египланѣхъ*. Библия. 1499 г. (Исх. 20), Срезн., III, 475.

Подводя итоги рассмотрению различных типов лок. с предлогом *о*, можно заметить, что их эволюция тесным образом связана с изменениями в значении самого предлога, который развивался по пути постепенной утраты своего лексического содержания и по пути превращения в аффикс имени. Однако забвение лексического значения предлога способствовало исчезновению обстоятельственных значений лок. и развитию в нём изъяснительного значения лишь при том условии, что предлог *о* не подвергался идентификации с другими предлогами, которые сохранили свое лексическое значение или, во всяком случае, обладали им в большей степени, чем предлог *о*. Именно по этому пути направилось развитие лок. с предлогом *о* в литературном языке и в большинстве средневеликорусских говоров. В противном случае обстоятельственные значения сохранялись, что отчасти мешало развитию изъяснительного значения. Однако обстоятельственные значения не оставались без изменения, так как прежние приурочение действия к пункту, находящемуся вне непосредственного проявления этого действия, заменилось иным (как у лок. с предлогами *в*, *на* и т. д.).

За известной пестротой значений лок. с предлогом *о* в древнейший период письменной истории русского языка можно еще видеть и то общее, что объединяло все значения лок. с предлогом *о* в один, еще довольно цельный падеж. Этим общим были ощутимые еще для XII—XIV вв. связи с местным (в широком смысле) значением, которое

⁸² Ср. любопытные дублиеты с вин.: *възми ... 50 ситовъ о 3 рублѣ*. Новг. бер., № 144.

в различных условиях приобретало ряд новых оттенков, в известной степени уже оттеснивших на задний план местное значение. По крайней мере старые памятники обладают достаточным набором контекстов, включающих лок. с предлогом *о*, чтобы было понятно, в каких условиях могли возникнуть наиболее отвлеченные значения у разбираемой сейчас конструкции.

Примечание. Рассматривая лок. этого типа, мы нигде не проводили различий между предлогами *о* и *об* в сочетании с лок., поскольку для древнерусского периода разница между ними не имеет сколько-нибудь существенного значения. Другое дело — более поздний период, когда в некоторых диалектах намечается тенденция к дифференциации (например, *о* + лок., но *об* + вин.), правда, нигде не осуществленная достаточно точно. Естественно, что правила распределения *о* и *об* в современном литературном языке (в основном фонетические), как и некоторые частные варианты их дифференциации (ср., например, предпочтение, оказываемое иногда Достоевским предлогу *об*, а также особое употребление предлога при местоимениях), не могут оправдать изолированное рассмотрение лок. с *о* и *об* в русском языке.

Локатив с предлогом *по*

Локативные конструкции с предлогом *по* во многом напоминают только что рассмотренные случаи лок. с предлогом *о*. Круг значений этих двух конструкций в древнерусском языке, а особенно их последующая судьба имеют много общего. Лок. с предлогом *по* в древнерусском языке был гораздо более распространен и имел более широкий круг значений, чем в современном языке. Однако различия в значении находились в такой очевидной зависимости от условий контекста, что не представляет собой трудности определить исходный пункт развития основной группы значений. Для этого необходимо выяснить значение лок. с предлогом *по* в обстановке наименьшей зависимости от окружающих условий, которая имеется в самой многочисленной группе лок. с предлогом *по*: *и по раздѣленьи языкъ прѣташа снѣ Симви вѣсточныа страны*. Лавр., 5; *и по смрти его пребывающе оу гроба*. Лавр., 40; *Свѣтополкъ же съдѣ Киевѣ по оци своемъ*, Лавр., 132; *и ни по колицѣхъ лѣтъ... опѣть возвратить*. Ипат., 656; *и по трехъ днехъ телеса ихъ... взѣта бывахоуть*. Ипат., 667; *по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его*. Русск. Пр. Простр. ред., ст. 2; *а по ее животѣ тѣ волости и села сыну моему*. Дух. гр. вел. кн. Ив. Ив. 1358 г. ДДГ; *а по ее животѣ то кнѣгинѣ моеи*. Гр. вел. кн. Дм. Ив. 1389 г. ДДГ; *да сего не посуживаи никтоже по моихъ днехъ*. Уст. гр. кн. Рост. 1150 г. ПРП, II; *и по сихъ начатѣ глати кмоу*. Жит. Феод. Печ.; *не по мнозѣхъ же днѣхъ разоумѣвъ блгыи кнѣзь тѣ прѣложение*. Там же, и др. Понятно, что лок. с предлогом *по* во всех случаях включает в себе указание на то, что действие совершается после какого-то определенного момента во времени, обозначенного именем, стоящим в лок. с *по*. Подобное же значение обнаруживается и у многочисленных, ставших уже полунаречными, а вскоре и совсем онаречившихся случаев типа: *посемъ же Володимерь живаше въ законѣ хъпанствѣ*. Лавр., 121; *по семь же*

прии власть его Ярославъ. Ипат., 138; и по том даща посадницъство. Син., 45. В этом значении лок. с предлогом *по* составляет приблизительно половину всех случаев употребления этой локативной конструкции в летописях (около 25 случаев из 60 в Син. списке, свыше 140 из 240 в Лавр. и т. д.) и 90% в памятниках деловой литературы, являясь повсюду основным средством для выражения указанного значения. Широко употребительная еще в XVI—XVII вв.⁶³, эта конструкция для выражения времени действия в течение XIX—XX вв. очень сильно сузила сферу своего применения⁶⁴ и в настоящее время является малоупотребительной и известной главным образом лишь официальным стилям речи⁶⁵. Даже материал русских говоров представляет лишь весьма скудные остатки лок. с предлогом *по* во временном значении.

Совершенно параллельное этому значению, но только приуроченное к пространственному плану имеем в ряде случаев, как-то: *и гнашася новгородци по нихъ*. Син., 45; *и тогда погна Исаковиць по цесари Олексъ*. Син., 47; *поидоша по Гюрги*. Син., 56; *по нихъ же идоша 9 дни*. Син., 63; *поидоша по русскихъ князихъ*. Син., 63; *и показаша путь по немь*. Син., 29; *гонися в лодияхъ по нихъ въ слѣдъ*. Син., 65; *хожаше по Олзѣ*. Лавр., 29; *еда кто женеть по насъ*. Лавр., 145; *бродишася по немь*. Лавр., 350; *поѣхати по нихъ*. Ипат., 458, ср. также 539, 563; *ехати по Стославѣ*. Ипат., 637; *бѣжа по сноу своемь*. Ипат., 782; *скакаша по рати поганыхъ татарь*. Задонщ., *ити по немь*. Р. Пр., ст. 32; *а дружинѣ повеле по собѣ ити*. Хож. иг. Дан. и т. д.⁶⁶ Подобные случаи также были хорошо известны древнерусскому языку и достаточно широко распространены (в Син. списке около 25 случаев из 60, т. е. приблизительно столько же, как и во временном значении; в Лавр. свыше 60 из 240; правда, в памятниках деловой письменности они редки). Однако выяснение значений локативных групп с предлогом *по* мы начали не с этого типа случаев, а с предыдущего по той причине, что в древнерусском языке конструкции типа *идоша по нихъ* в известной части ограничены определенным условием, а именно, они выступают обычно при глаголах движения, что накладывает на значение лок. с предлогом оттенки

⁶³ Ср. у Котошихина: *а по еі лѣтехъ всякие крепості поставлены. 121; и по нихъ дѣти і внучата... бывають вѣчно жъ. 91; учнетъ говорити по обѣдѣ молитву. 9; у Аввакума: по многом страдании изнемог. 81; по трех днех... его погребли. 86; а се по мале времени... обѣяша мя болезни смертныя. 74; в Домострое: по молении, перекрестяся, поѣловати; по сем же возлюбиши господа бога; у Посошкова: по смерти сродников своих земли делят. 18; по чтении книжном... учились бы писать. 29 и др.*

⁶⁴ См. У. М. Протопопова. Употребление предлогов *в, на, по, при* с предложным падежом существительных в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1952.

⁶⁵ См. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1911, стр. 178; там же см. о параллельных случаях с дат.: *по отбытию — по отбытии, по окончанию — по окончании* и т. д.

⁶⁶ Из этих примеров видно, что далеко не всегда можно точно отделить временное значение от пространственного. Интересен пример с дат. при предлоге *по*: *по Лахомъ женоушоу*. Ипат., 804.

цели, отсутствующий в предыдущем случае. Трудно сказать, является ли случайностью или нет почти полное отсутствие в древнерусском языке лок. с предлогом *по* при глаголах иного рода, чем моторные. Следует лишь заметить, что самая ситуация, требующая локативной конструкции с предлогом *по* в значении следования за кем-нибудь или за чем-нибудь в пространственном аспекте, возникает обычно лишь при глаголах движения. В XVI—XVII вв. подобных случаев уже немало, а в литературном языке последних полутора столетий они вообще неупотребительны. То же самое можно сказать и о диалектных материалах (оставляем сейчас в стороне случаи с более определенным целевым значением, распространенные в окраинных русских говорах)⁶⁷. В случаях типа: *поймъ по собѣ всѣ Рязанци*. Лавр., 434; *возъ бо по себѣ не возаше*. Ипат., 52; *пошаша по собѣ всю Русь*. Лавр., 20. Ипат., 14 и т. д. очевиден оттенок социативности.

При глаголе *послать* и других сходных с ним по значению оттенок целенаправленности нередко становится преобладающим, хотя и не настолько, чтобы существенно ослабить связь со значением следования за кем-нибудь: *посла по немъ втаинѣ Якуна*. Син., 81; *посла по ниѣ*. Лавр., 281, 308, 314, 328, 405; *посла... по Половцихъ*. Лавр. 363; Ипат., 562; *посла... по Ярославѣ*. Лавр., 149; Ипат., 136; *пусти по ниѣ*. Ипат., 527; *посласта по немъ*. Ипат., 636; *по тобѣ пошлю рать*. Ипат., 933; *нарѣди по немъ*. Ипат., 662 и др.⁶⁸.

Несомненна связь с основным значением и у небольшой группы случаев, получившей особое распространение с относительно позднего периода, характерных для определенных формул в юридических документах: *дале посадниковѣ... часть своєю земли и воды по своєю души и по своихъ родителейъ*. Вкладн. Ив. Фом. 1181-1182 гг. ГНП; *тот истец по комъ рука дана*. Пск. Судн. гр., 32; *дал по своемъ сестричиче по князе Семене Александровиче на поминокъ село*. Жалов. гр. Вас. Вас. 1445. ДДГ; *дал есмь село Морозовское... по души своего сына Федора*. Данная Вас. Алф. 1445—9. Акты; *а веле есмь дать сорокоуст по своєю душе*. Дух. инока Иова. 1470. Акты; *приказала есмь дати по души по своєю...* Гр. кн. Юлиан. 1503. ДДГ и др. Случаи такого рода не редки и позже. В Уложении Алексея Михайловича (1649 г.) они встречаются постоянно. Попадают они и у Котошихина. Однако в грамотах XVII в. подобных конструкций уже нет⁶⁹.

⁶⁷ Ср. *пойти по грибахъ, по ягодахъ* в говорах, смежных с белорусскими и с украинскими; *послать бы по тебе мило дитяtko*. Барс., I, 197 и др.

⁶⁸ Ср. примеры с вин.: *послаша по Половцѣ*. Лавр., 275; *посла... по Ростислава*. Лавр., 318; *посла по Оугры и по Лахи*. Лавр., 329; *присла по мѣ*. Лавр., 265 и др.; с дат. (редко): *посла... по товаромъ*. Лавр., 122; *сла по всемъ воємъ*. Лавр., 122 и др.

⁶⁹ См. М. Партенадзе. Предложные конструкции в грамотах XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1953. Исследование проведено на материале „Собрания Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел“. М., ч. III, 1822; ч. IV, 1828.

В качестве одной из разновидностей локативных конструкций с предлогом *по* с пространственно-временным значением, связанной с их переносным употреблением, выступают такие случаи, когда в лок. с предлогом *по* стоят слова, которые могут быть поняты как основание действия: *по Бзѣ братъ ми есь*. Ипат., 929; *ты по Бзѣ тамо оу Смоленскѣ*. Ипат., 459; *и реч̄ ему тамо братеꙗꙗ оу тебе по Бзѣ*. Ипат., 455; *а мы есмы по Бозѣ все кр̄тыяне*. Ипат., 387; *по бозѣ ты имъ будешь печалникъ*. Дух. Ив. Кал. ок. 1339 г. ДДГ; *а по бозѣ приказываю своеи братьѣ*. Дух. гр. Сем. Ив. 1353 г. ДДГ; и др. Случаи такого рода были малоупотребительны уже в древнейших памятниках, ограничиваясь лишь указанным типом. В дальнейшем примеры такого рода также редки: *жили по бозѣ*. Дух. гр. Ив. Вас. IV, 1572 г. ДДГ; *подобаетъ убо всякому християнину по Бозѣ жити*. Домостр.; *жить впредь по Христе*. Жит. Авв., 126; *понеже вси мы по Христе братия есмы*. Посошк., 33. Интересны некоторые случаи из Домостроя, где наблюдаются колебания между архаичным типом (*по+лок.*) и более употребительным в XVI—XVII вв. дат. с предлогом *по*: *а кто не по Бозѣ живетъ, не по християнскому житию...*; *аще кто по Бозѣ живетъ и по заповѣдемъ Господнимъ...*⁷⁰. В это же время встречаются примеры малооправданной с точки зрения предыдущего и последующего развития свободы контекстного употребления *по бозѣ*; ср. *по бозѣ аз не сумневаю*. Артакс., 235.

Мы не можем, однако (вопреки мнению Григорьевой), видеть прямое продолжение лок. с предлогом *по* в значении оснований действия в случаях типа: *обвиненного по писанныхъ шведскихъ законахъ*. Закон. акты, II, 1, 185 или: *и по тѣхъ царевичахъ и князехъ, и дѣти ихъ... называютца царевичи жъ*. Котош., 27; *уже пятой тому год, как желаем по словахъ дѣла*. Письма Петра I, III, 544 (1705); *хлопочет, как бы по них* (по инициалам.—В. Т.) *добраться до сочинителя*. И. Дмитриев (с оттенком средства), или, наконец, встретившееся нам: *жить по старыхъ правехъ*. Астрах. Петр. РФВ, 1910, № 1, 127. Дело в том, что уже в древнейших русских памятниках в подобных случаях употреблялся исключительно дат. с предлогом *по*, если не считать указанных выше случаев, ограниченных сочетаниями *по бозѣ* и (гораздо реже) *по Христѣ*, имевших полунаречный характер. Нам не встретилось ни одного примера, когда бы в данном значении лок. с предлогом *по* выступал в случае типа *писанные законы*, *старые права* и т. д. Едва ли можно замкнутые и изолированные в смысле аналогических влияний случаи *по бозѣ* и *по Христѣ* считать индуцирующими в отношении упомянутых примеров, которые, думается, лучше объяснить неупорядоченностью языковых норм в период XV—XVII вв. именно в области падежного управления предлога *по*, свойственной всем восточнославянским (и не только им) диалектам. Возможность употребления в ряде случаев в одном и том же значении при предлоге *по* и дат. и лок. могла

⁷⁰ Характерна ошибка в Духовной грамоте Ивана IV (1572 г.): *а что есми по отце своемъ душевнои грамотѣ и по брата своего князь Юрьеву приказу пожаловаль...* 44.

вызвать к существованию такие образования, как *по писанных законах*, которые, являясь спорадическими, исчезли при выработке норм литературного языка⁷¹. Интересно, что по такому же пути пошло развитие этого явления и в украинском и в белорусском языках. Вполне понятны связи с исходным значением и пути развития из него у группы случаев, значение которых несколько широко определяется как *loc. commodi*. Укажем некоторые примеры: *не вступатися ни по одномуь*. Син., 96; *а загородьци не всташа ни по сихъ, ни по сихъ*. Син., 58; *нъ оже богъ по насъ, кто на ны*. Син., 67; *мъстичъ же не быахоуся по Болеславъ с горожаны*. Ипат., 934; *биася плъком по Ярославъ*. К.-Печ. Пат., 3; *и начаша бити по немъ*. Пов. о прих. Бат. на Ряз.; *кто добрыхъ, тотъ по святой Софьи и по правои вѣрѣ*. Син., 82; *можемъ по тобѣ бороти*. Ипат., 128; *побарающа по Русьскѣи земли*. Лавр., 263, 264; *по бозѣ со иноплеменники боряшеся...* Пов. Дм. Ив., Гудз., 168; *и нам тако же по тобѣ помагати*. Гр. Дм. Ив. 1375 г. ДДГ; *тѣмъ же и пособита по своемъ отъчьствѣ*. Сказ. о Б. и Гл.; *пособляти ти, княже, по Новѣгородѣ*. Дог. гр. Новг. с Мих. Ал. 1371 г. ГНП; *потянемъ по своемъ князѣ и по Руской землѣ*. Комисс., 104; *потянемъ, дружино, и мы по князѣ*. Комисс., 113 и др. К XVI—XVII вв. этот тип образований выходит из употребления, не оставляя видимых следов ни в более поздних памятниках письменности, ни в говорах.

Примечание. К этой же группе, видимо, следует отнести пример из 19-й ст. Простр. ред. Р. Пр., где лок. с предлогом *по* обозначает объект платы, возмещения и т. д.: *а по костехъ и по мертвецю не платить верви*. Этот случай нельзя признать полностью надежным, так как он единичен. Учитывая однозначную конструкцию вин. с предлогом *по*, нельзя признать серьезными конъектуры некоторых ученых *vm. по (на, в, о)*.

Интересно и еще одно место из Русской Правды, также единичное (ст. 111): *ни по хлѣбе роботать, ни по придаѣцѣ*, в котором Срезневский видит значение цели (Срезн., II, 1398) и которое можно более точно определить как *loc. pretii* (ср. также современное *почѣм купил?* и т. д.).

Был ли в древнерусском языке лок. с предлогом *по* для обозначения превосходства (типа: *нѣсть болѣзни по болѣзни моею, ли напасти по напасти моею*. Жит. прор. Елис. Срезн., II, 984), сказать трудно. Во всяком случае, в наших материалах он не встретился.

Помимо различного рода обстоятельственных значений лок. с предлогом *по* при глаголах типа *плакати, сожалѣти, горѣвати, скорбѣти, тужити, печалитися, ревновати, поминати* и др. мог иметь и значение источника действия, параллельное такому же значению в локативных конструкциях с предлогом *о*. Это значение лок. с предлогом *по* наиболее удалено от исходного конкретного значения, хотя связь с ним через ряд промежуточных групп еще более очевидна, чем в случае лок. с предлогом *о*. В XI—XIV вв. лок. с предлогом *по* в этом

⁷¹ Ср., однако, лок. при местоимении: *это не по нихъ, по нем* и т. д.; явление, хорошо известное и в других случаях подробно описанное в работах русских языковедов XIX в. главным образом с точки зрения норм употребления. Ср. также: *фамилие по муже, а не по зяте*. Яросл. Мельн. или: *дочь по отце пошла* (= в отца). Даль, III, 135 и др. Ср. у Шевырева: *станет град же, наречен по строителе высокою*.

значении был довольно обычным явлением, хотя не все разновидности внутри этого типа были представлены с одинаковой полнотой. Основную группу случаев составляли локативные конструкции с предлогом *по* при глаголах, выражающих определенные эмоциональные движения, связанные с переживаниями: *плакаса по мужи своемъ*. Лавр., 57; *плакаса по неи*. Лавр., 68; *плакаса по братъ своимъ*. Лавр., 220; *пожалиша си по немъ*. Лавр., 221; *сжалиси по братъ своемъ*. Лавр., 257; *жалую болми по Игоръ братъ моемъ*. Ипат., 645; *сожалиси по немъ*. Ипат., 810; *сожалишаси по немъ*. Ипат., 817; *печаленъ быс по оци и по брату и о дружинъ (!)* Ипат., 128; *и жляху по немъ*. Син., 43; *плачюся по отци*. Сказ. о Б. и Гл.; *плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславъ*. Сл. о п. Иг. и др. Сфера распределения между этой конструкцией и локативной с предлогом *о* остается неясной⁷². Отметим лишь, что последняя конструкция была несколько употребительнее, так как употреблялась и при глаголах, выражавших радость, веселье и т. д. Эта локативная конструкция с общим значением источника темы обычно окрашивается в той или иной степени оттенками причины или повода. Среди остальных случаев лок. с предлогом *по* этот оказался в общем наиболее устойчивым (в литературном языке он, правда, уступает в этом отношении лок. с *по* во временном значении), хотя словари современного русского литературного языка снабжают лок. с предлогом *по* в этом значении пометами „устарелое“ и „областное“. Во всяком случае до XVIII в. лок. с предлогом *по* при глаголах, выражающих печаль, горе, тоску и т. п., не обнаруживает очевидных следов своего исчезновения. Он решительно преобладает в Домострое, в Житии Аввакума, в материалах Архива Строева, у Котошихина, в произведениях художественной литературы: *жалуют по мне*. Жит. Авв., 88; *и я по нем всегда плачю*. Там же, 133; *и сжалися по вѣрѣ*. Аф. Ник., 23; *плакахъ по вѣрѣ по хрестьянской*. Там же, 23; *и рыдаху по немъ вси людие*. Кат.-Рост., 600; *жалая по юноше...* Пов. о Сав. Грудц., Гудз., 382; *тужит по жене Бажена...* Там же, 383; *ходят в печали по государех своих*. Котош., 31 об., 13 и др. Лишь в XVIII в. произошло решительное ограничение лок. с *по* при соответствующих глаголах, когда от существительных, стоящих в множ. числе, стал употребляться не лок., а дат. с тем же предлогом⁷³. Именно такое состояние находим в языке Пушкина⁷⁴. Лишь позже начинается проникновение дат. с предлогом *по* и в единств. числа (как у существительных, так и у местоимений), где он получил преобладание лишь со второй половины XIX в.⁷⁵ В значи-

⁷² Те же самые отношения могли быть выражены и б/пр. род. п.: *сожалиси сна си Лва*. Ипат., 823; *плакахоуся чадъ своихъ*. Ипат., 854; *плакать брата своег*. Ипат., 469 и т. д.

⁷³ Ср., однако, еще у Радищева: *скорбящим... по чадах их, ... по супругах их*.

⁷⁴ См. И. Гомонов. Предлоги и предложные сочетания в прозе Пушкина. Л., 1951; А. Д. Григорьева. К изучению синтаксиса предложного управления в русском литературном языке первой трети XIX в. — сб. „Материалы и исследования по истории русского литературного языка“, П. М.—Л., 1951.

⁷⁵ У. Н. Протопопова. Указ. дисс.

тельной части говоров лок. с предлогом *по* при указанных глаголах и сейчас является употребительным, а иногда и единственно возможным. Приведем некоторые примеры: *пусти да ты обиднушка жалкой голос... по своем ты соколочке златокрылом, ты по светушке братце по родимом*. Олон. Барс., I, 199; *по повозничке расплачешься любимом*. Там же, I, 200, ср. также в заглавиях: *плач по муже, по сыне, по родном брате, по холостом рекруте* и др. Там же; *соскучились по своих родных*. Арханг. Ончук. Сев. ск., 173; *плакать по ком*. Яросл. Мат., ИОРЯС, VIII, 215⁷⁶, но и: *плакать по кому*. Там же; *полно девушки по миленьком тужить*. Луга. Каринск., РФВ, т. 40, 1898, 121; *соскучать по ком, плакать по государе, горевать по отце*. Новгород. Мат. ИОРЯС, I, 1896, 1003⁷⁷; *тосковать по ним*. Пск., ИОРЯС, III, 1898, 6; *тужу ни па им*. Смол. Добр., I, 55; *гудуть... па сваих радитилих*. Там же, I, 60; и: *вытница по мужу*. Там же, 323; *по сыну*. 325 и т. д.; *скучать по ком*. Тверск. Мат., ИОРЯС, VIII, 180; *плакать по ком*. Моск. Дурн., РФВ, 1903, т. 50, 130, 134, но и: *плакать по кому; очинна па ем бально*. Тульск. Будде, Сб. ОРЯС, 76, 45; *жалкуить по своей по родимой матушки*. Брянск. Тихан., Сб. ОРЯС, 76, 212; *с великой дасады по сыну моем*. Там же, 259; *я кт ем деушка заливаюся слязьми*. Курск. Хал., Сб. ОРЯС, 76, 65, но и: *я па мужу патужу*. Там же, 59; *паплачь, Машичка, па сваём горюшку, па вяликаму*. Обоян. Резанов, РФВ, т. 38, 1897, 124; ср. также смешение падежей: *па сваём дружку миламу, па Иванюшички*. Там же, 125; *девка плакала па сваём дружку па Иванушки*. Ряз. Будде., 163 и т. д. с постепенным преобладанием иных способов для передачи тех же отношений по+дат., о+лок. и др.) по мере приближения к средневеликорусским говорам⁷⁸.

В пределах значения источника действия у лок. с предлогом *по* есть еще группа случаев, засвидетельствованная в очень небольших остатках и большей частью позднего происхождения. Ср. со значением темы: *Димитрии по своемь отчьствѣ рекѣ*. Жит. Б. и Гл., может быть, *по Андрѣи поманушася*. Лавр., 372; *по мнѣ поминайте и по моеи попадьи*. ГНП (двин. гр. Фед. Фед.); *творите память по Дмитреи... по Ондрѣи, по Федосьи, по Данили*. Там же, 1445 г., 148; *тако же и по родителях представшихся память творят*. Домостр.; *по царѣхъ же и по царицахъ и по царевичахъ, и по царевнахъ... бывает поминание*. Котош., 22; может быть, *отъчаюхъ ся по тебѣ*. Сказ. о Б. и Гл.; *вопроси же по юноше оном*. Пов. о Сав. Грудц., 382; со значением объекта действия морально-психического плана: *ревную по идолѣхъ*. Лавр., 92, Ипат., 79; *по Ги нашемъ ісу Хѣ того рѣвниѣ*. Жит. Феод. Печ.; *по Христе ревную*. Жит. Авв., 75; может быть,

⁷⁶ Ср. также В. Волоцкой. Сборник материалов для изучения Ростовского говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 1902.

⁷⁷ Ср. также *соскучился за ней*. Новг. Солов. Сб. ОРЯС, т. 77, № 7, 19.

⁷⁸ Ср. однако по+дат. в подобных случаях в Доянской обл. (по+лок. здесь отсутствует). Шахматов. Мат. ИОРЯС, III, 1898, 129.

милкусяча по тебѣ. Лавр., 254, независимо от того, примем ли мы конъектуру С. М. Соловьева *милующися* или предшествующих комментаторов: *мила ся дѣюща*. В ряде таких случаев можно думать об индуцирующем влиянии конструкций лок. с предлогом *по* при глаголах типа *плакать*, *горевать* и т. д. С XVIII в. такие примеры уже больше, кажется, не встречаются, если не считать случаев лок. с предлогом *по* при глаголе *помянуть* (правда, уже в специализированном значении), встречающихся иногда в говорах. Выяснение основных типов локативных конструкций с предлогом *по* было бы неполным, если оставить в стороне одно очень важное, хотя и не получившее в русском языке такого широкого распространения, как в других славянских языках, явление. Мы имеем в виду лок. с предлогом *по* в значении распространения действия по определенной поверхности или протяжения во времени в плане. В ряде говоров русского языка для выражения значения распространения действия по поверхности служит лок. с предлогом *по*. Определить точные границы (географические) этого явления можно было бы лишь с помощью лингвистического атласа. Пока же ясно лишь то, что в этом значении лок. с предлогом *по* известен меньшинству русских говоров, распространенных, как правило, на территориях смежных с украинскими и белорусскими говорами, для которых подобное значение лок. с предлогом *по* обычно; кроме того, нельзя пройти мимо известной неупорядоченности в употреблении *по* с лок. и *по* с дат. в этом значении. Определить причины такого разнобоя и выяснить принципы распределения этих двух конструкций едва ли можно: они часто употребляются в речи одного и того же лица в совершенно одинаковых ситуациях. Независимо от возможности инодиалектных влияний нельзя отрицать, что подобное явление свидетельствует о зыбкости норм употребления, о том, что в отношении этого явления еще целый ряд говоров находится в процессе становления и унификации того или иного способа выражения. Укажем некоторые примеры локативной конструкции с предлогом *по*⁷⁹ в значении распространения по поверхности (в широком смысле слова): *стаў ходить пу вайтах*. Смол. Добр., 54; *па каноплях хувайтца*. Там же, I, 47; *хади, мой бычок, па мирском лужку*. Там же, IV, 3; *и давай ашмѣткым етым бить па нагах*. Там же, IV, 4; *и давай бить маладух па нагах асьметкым*. Там же, IV, 5; *па том баку Дунаю*. Там же, IV, 34; *Я золот перстинь хараню, я пы красных па девушках, пу малодых пу малодушках*. Там же, IV, 12 (но и: *разбигайтись па ўсем па углам*. Там же, IV, 1; *пасодить их пу местам*. Там же, IV, 4; *бьет маладух па нагам*. Там же, IV, 5, 7; *па тем па дарогам рассыпать*. Там же, IV, 658 и др.; в общем преобладание здесь дат. с предлогом *по* в русских говорах Смоленщины очевидно); *как па том разливишшу плавал лебедь*.

⁷⁹ Определение падежа, выступающего с предлогом *по*, не всегда очевидно, так как формы дат. и лок. в ед. ч. ж. р. совпадают; кроме того, именно в указанных говорах в лок. ед. ч. м. р. наблюдается особенно значительное влияние осг¹ на -у. Отсутствие надежных акцентуированных текстов еще более затрудняет задачу.

Обоян. Резанов, РФВ, т. 38, 1897, 130; *а па том па слядку и шумяць и гремяць*. Там же, 133; *я был па гарадах, па хрестьянах, па стянах, ... па свадьбах*. Ворон. Гринк., 55, 94; *па ажошках, по старанах, па деревьях, па садах, па нагах, па грязках*. Там же, 224 (но и: *ездили па дварам*. Там же, 101 и т. д.) *по всех церквах, городах, по садах*. Донск. Мат., ИОРЯС, III, 1898, 128; в равной степени употребителен и дат. с предлогом *по* и др.⁸⁰

Ряд случаев локативной конструкции с предлогом *по* в указанном значении встречается в памятниках XVI—XVII в.: *разшири говское имя по иных землях*. Закон. акты, II, 1, 183⁸¹; *ино, охъ милыи наши переходы: а кому будетъ по васъ да ходити*. Рич. Джемс., 6; *по тех пропастех побитой турецкой силы от нас многия тысящи*. Пов. об. Азов. сид., Гудз., 348; *пагубно же оному по градъ ходити* Сим. Пол., 8; *по нем же (по острову. — В. Т.) она хождиш*. Сим. Пол., 38; *по мори плаваше*. Сим. Пол., 47; *тех по дворах их по знакомым людем всюду... искали*. Сильвестр Медведев. Созерцание краткое и др. Таких случаев весьма немного; как правило, они встречаются в памятниках с более или менее сильными следами западно-русского или южнорусского влияния или просто написанных выходцами из Белоруссии или Украины. Именно этим объясняется тот факт, что основная масса лок. с предлогом *по* приходится на вирши и на драматические „действия“ конца XVII — первой четверти XVIII в. Однако все случаи этой конструкции едва ли могут быть объяснены таким же образом. Ср., например, лок. с предлогом *по* от местоимений: *чуден и мост, по коем мы пойдем*. Крылов; *и градом пот по нем катился*. Пушкин; *по них выстрелили из пушки*. Пушкин. Ист. Пуг.; *прошел ею по нем (= по портрету) несколько раз*. Гоголь. Портр.; *гремящая сабля ... проводящая по нем резкую царапину*. Гоголь. Невск. пр.; *по нем (= по лицу) пробежали судороги*. Дост. Прест. и наказ.; *но сад наш! //сад... //ведь и по нем весной //пройдут...* С. Есенин — вплоть до современного просторечья. В памятниках раньше XVI в. лок. с предлогом *по* в значении расположения или распространения по поверхности нам не встречался. Поэтому непервоначальность этой конструкции в русском языке совершенно очевидна⁸². Это явление позднего происхождения, причем в известной части иноязычное. Но самое проникновение иноязычной конструкции или ее влияние стали возможными лишь в условиях сосуществования *по* с дат. и *по* с лок. (часто в близких

⁸⁰ В тех же говорах встречается лок. с предлогом *по* и в значении протяженности во времени: *по ночах, по месяцах, по часах* (ср. еще *в|потьмах*) и т. д. Без рас-пределительного оттенка в литературном языке находим: *цыплят по осени считают; и чуть-чуть нагревает их летом, || и чуть-чуть по зиме холодит!* К. Случевский; *что взошел я новобранно || по заре на эшафот*. Н. Клюев; *Я видел, как ты || голубям, по весне || бросала зерно*. П. Васильев. В прозе таких примеров совсем мало, хотя, например, Достоевский нередко употребляет *по вечеру*, в котором, как и в предыдущих образцах, следует видеть не дат., а лок.

⁸¹ Пример из указ. дисс. Григорьевой, стр. 214.

⁸² Интересно, что более ранние памятники, написанные в тех местах, где позже встречается лок. с предлогом *по*, этой конструкции не знают.

значениях) и нечеткости границ между ними (между прочим, и в фонетическо-морфологическом плане). Подобным образом, вероятно, объясняются и некоторые иные случаи, известные из говоров⁸³.

Примечание. Некоторые исследователи считают, что лок. с предлогом *по* в зависимости от контекста и от лексического значения слова, стоящего в лок., мог в древнерусском языке совмещать указания на объект, за которым происходит действие, и на объект, по поверхности которого оно распространяется. В качестве иллюстрации второй группы А. Д. Григорьева приводит такие примеры, как: *Гюргеве же со Олыовичи. . . не смѣюцимъ же имъ пустити людей мимо Кыевъ. . . волочиша и берегомъ въ Золотьчу, по Золотьчи же внидоша въ Днѣпръ лодѣ ихъ*. Лавр., 331; *дѣлоша мостъ въсь церес Волохово, по стороне ветхаго, новъ весь*. Син., 27. Можно добавить и другие примеры типа: *а заводъ тои земли. . . съ прости возлѣ Ушьковскую ораницу по верхнеи сторонѣ да направо в лоѣ. . .* Грам. Из. Мст. 1146—1155 гг. ГНП; ср. также подобный пример в грамоте Всеволода Мстиславовича 1125—1137 гг. и др. Точное определение падежной принадлежности в указанных случаях весьма затруднительно из-за полного совпадения дат. и лок. по форме и из-за принципиальной допустимости двоякого истолкования значения приведенных примеров. Между прочим, двусмысленными оказываются и некоторые другие примеры, как-то: *инѣтяху по одрѣ его*. Жит. Алекс., 482 (здесь, кажется, проще видеть лок. в значении следования, если только это не описка; во всяком случае, другие списки в этой фразе содержат часто предлог *о*); *громъ бысть по заутренни*. Син., 52; *зажжена бысть церкви отъ грома. . . по вечернии, в часъ 10 дни*. Син., 37 (Что касается примеров временного плана, то, видимо, о лок. можно говорить лишь с более позднего времени).

Однако пока несомненно лишь одно: наличие лок. с предлогом *по* в значении места (= за кем) и дат. с тем же предлогом в значении распространения по пространству при преимущественной локализации первого при глаголах движения создавало предпосылки для возможных смешений, которые дополнялись иногда и фонетическими мотивами. Во всяком случае, ряд примеров остается не до конца разъясненным (ср. князю *Володимеру вѣсти по Новъгородѣ*. Дог. гр. Дм. Иван. 1371—1372 гг. ДДГ).

В заключение следует подчеркнуть факт первостепенной важности: на всем протяжении истории своего развития лок. с предлогом *по* находился в тесных отношениях с дат. с тем же предлогом. Эта связь, основанная, между прочим, на значительной близости ряда значений, делала возможными колебания в употреблении этих падежей. Интересно, что в XI—XV вв. связи между этими двумя падежами были более очевидны, чем в современном языке. В общем лок. с предлогом *по* получил слабое развитие в системе русского локатива и в течение 8—9 веков очень значительно сузил пределы своего распространения, причем для литературного языка ни в одном из значений лок. с предлогом *по* не является единственным или даже основным средством выражения тех или иных отношений.

Локативные конструкции с предлогом *по* развивались по пути формализации предлога (общий момент с лок. с предлогом *о*)⁸⁴, но так как предлог *о* (в сочетании с лок.) терял свой лексический смысл быстрее, то и в этом значении источника действия лок. с предлогом *по* уступил

⁸³ Ср. например, лок. с предлогом *по* в распределительном значении: *по кусочку по одному, по одному пирожку*. Олон. ИОРЯС, т. III, 1898, 107 и др. или даже известные из северо-русских говоров случаи типа *по лесами, по лужами, по озерами*. См. Зелен. Ск. Перм., 10, 11 и др.

⁸⁴ Другой общий момент (связанный с указанным) — бóльшая стойкость лок. с предлогом *по* в объектных значениях, чем в обстоятельственных.

первенство лок. с предлогом *о*. Эти явления и послужили основанием для превращения лок. с предлогом *по* в непродуктивное регрессирующее образование (если не считать некоторых глаголов).

Локатив с предлогом *при*

Локативные конструкции с предлогом *при* стоят несколько особняком среди других типов предложного лок. в русском языке, отличаясь рядом существенных особенностей даже от локативных конструкций с предлогами *по* и *о*. Основной особенностью лок. с предлогом *при* является наличие только обстоятельственных значений при полном отсутствии объектных. При этом сфера употребления лок. с предлогом *при* была гораздо ограниченнее, чем, например, сфера употребления лок. с предлогом *о* или *по* в тех же обстоятельственных значениях. Вероятно, сдерживающим моментом при употреблении этой конструкции было более конкретное и определенное значение предлога, лишь с трудом поддающееся встречному влиянию контекста. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что предлог *при* был возможен только при лок. Этот факт также способствовал особой замкнутости этой группы случаев, изолируя ее в достаточной степени от междупадежных влияний. Наконец, почти полное отсутствие локативных конструкций с предлогом *при*, стоящих в „тесной“ связи с глаголом, делало эти конструкции малоблагоприятными для развития идиоматики в значениях, для лексикализации тех или иных разновидностей значений. Бесспорно, что этот факт обеспечивал полную сохранность значения самого предлога. В силу всех этих особенностей локативные конструкции с предлогом *при* оказались в дальнейшем в положении более тесного соседства с лок. с предлогами *в* и *на*, чем с лок. с предлогами *о* и *по*. Впрочем, это объясняется не столько характером развития лок. с предлогом *при*, сколько особенностями развития бывших партнеров по группе лок. с предлогом *при*: лок. с предлогом *о* и лок. с предлогом *по*. Правда, этому способствовало и то, что в ряде случаев лок. с *при*, по сути дела, выступал в тех условиях, где лок. с предлогами *в* или *на* не встречался и как бы был их вариантом, что, кстати, было связано с потускнением ряда оттенков, свойственных некогда лок. с предлогом *при*. Данные древнерусского языка относительно лок. с предлогом *при* лишь немногим отличаются от данных современного русского языка. Интересующая нас конструкция является наиболее редкой среди других типов лок., в том числе и б/пр. Достаточно сказать, что в Син. списке она встречается всего 20 раз (в 14 местах), в Лавр. около 50 раз. Очень ограничено и разнообразие условий, при которых употребляется лок. с предлогом *при*. С этим связан и тот факт, что отдельные конкретные значения, приобретаемые в тех или иных условиях, разнятся друг от друга лишь самым незначительным образом, являясь весьма близкими вариантами одного общего значения. Когда в лок. с предлогом *при* стоит имя, могущее служить местным ориентиром, то локативная конструкция приобретает значение места около, вблизи которого происходит действие. Правда,

в некоторых случаях оттенков 'около', 'вблизи', 'рядом' отодвигается на задний план. Приведем некоторые примеры этой конструкции из памятников древнерусского языка: *стокашетъ при вратѣхъ сильныхъ*. Лавр., 477; *ополчатъ же тѣмъ при березѣхъ си Орити*. Ипат., 30; *быхоу бо сѧ идоуще в кругъ при езерѣ*. Ипат., 642; *и видѣ при березѣ гороу красную*. Ипат., 828; *начатъ жительство имѣти при морѣ*. Жит. Ант. Римл., 141; *стояще при пути*. Мол. Дан. Зат., 55; *при вратехъ сильныхъ присѣдитъ*. Жит. Ал. Невск., 1; *секира при корени древа лежитъ*. Жит. Стеф. Перм., Гудз., 177 и др. В общем, таких случаев в древнерусском языке XI—XV вв. совсем немного. В качестве особой группы можно отметить случаи, когда в лок. с предлогом *при* стоит название лица, в присутствии которого происходит действие. В ряде примеров эта группа тесно связана с локативными конструкциями с предлогом *при* во временном значении: *аже надобе ему болше помѣчи, тот наимуи при послусахъ*. Догов. Смол. с Ригою и Готск. бер. 1229 г. А. ПРП II; *а ты своего скота ищи при видоуѣ*. Р. Пр. Акад. сп. (кратк. ред.), ст. 15; *на всѣмъ хръстѣ ѹловати... при нашихъ послѣхъ*. ГНП (1266 г.; формула); *ѹблуди хръстѣ при нашей братии, при послѣхъ*. ГНП (1304—05 гг.); *а чело и гривну, то есмь дал при собѣ*. Дух. гр. Ив. Кал. 1339 г. ДДГ; *а при которыхъ докладшикехъ соудѣ расказет ино темѣ докладшикомѣ тотѣ соудѣ кончатъ*. Новг. Судн. гр., ст. 20. ПРП II и др. Обе эти группы лок. с предлогом *при* сохранились и в дальнейшем без особых изменений⁸⁵. Может быть, следует отметить лишь некоторые случаи употребления лок. с предлогом *при*, которые в древнейший период не встречались: *не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге*. Жит. Авв., 73; *таковыхъ стариковъ много и при Москве видал*. Посошк., 39 и др. Кроме того, в лок. с предлогом *при*, обозначающем место, сильнее, чем в древнерусском языке, развивается оттенок подчиненности, зависимости: *40 тысящъ янычанъ при себе держит*. Ив. Пересв., 156; *велелъ при томъ месте быть*. Там же, 229; *а стольникъ тотъ Нащекинъ в великой милости при царе*. Пов. о Фр. Скоб., Гудз., 394; *та мамка живетъ всегда при Аннушке*. Там же, 394; *и имелъ бы... при себе фузею*. Посошк., 50; *и где кто ево не увидитъ, аще не при полку то поимать ево можетъ*. Там же, 51 и др. Подобные примеры хорошо известны и в современном языке (в литературном и говорах).

Примечание. До сих пор не обращали внимания на любопытный случай из Син. списка: *и въсаженъ бысть въ бочку, имущи 3 дна при единѣмъ конци*. 46. Видимо, случаи, подобные этому, могли иметь близкое к социативному значение. Возможно, они связаны с конструкцией, распространившейся позже: *быть при орденѣхъ, при полной формѣ, при деньгахъ, дача при двухъ комнатахъ* и т. д. Впрочем, индустрирующим мог оказаться и иной тип — лок. с предлогом *при* в значении состояния, правда, крайне редкий.

⁸⁵ Можно отметить некоторое увеличение круга имен, выступающих с предлогом *при*: *выручи тѣбе прѣи фсѣй ѹлицы прѣи дѣфкахъ*. Ворон. Гринк. ИОРЯС АН СССР, II, 1929, 113; *при людей насъ острамили*. Олон. ИОРЯС, III, 1898 107, (род!); *при народе; при обществе* и т. д.

Наиболее употребительны в древнерусском языке были локативные конструкции с предлогом *при* от имен, служащих временным ориентиром для действия, которое как раз и развертывается в пределах временного отрезка, обозначенного именем в лок. с предлогом *при*: *заложи Съдко Сытиниць церковь камяну... при князи Святославе Ростиславици, при архиепископѣ Илии*. Син., 32; *И святи юладыка Мартурии на зиму... при игумене Онисиме*. Син., 42; *и оукраши юго златомь и серебромъ при блговѣрнѣмь князи велицѣмь Георгии*. Лавр., 460; *сего не бывало... ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при оцехъ нашихъ*. Лавр., 262; *такоже быс при побѣдѣ Александровѣ*. Лавр., 480; *какъ было при нашемъ отцѣ, при великомъ князи*. Гр. Вас. Дм. 1390. ДДГ; *како то было при моихъ дядяхъ и при моемъ брате при стареишемъ*. ГНП (1328—41 гг.); *молити за ны бога и при животѣ и въ сѣмьрти*. Гр. Мст. Вл. 1130 г. ГНП.; *а при напасти паче врази обретаются*. Мол. Дан. Зат. и др. И в дальнейшем эта конструкция с временным значением продолжала оставаться устойчивой, хотя в части случаев и уступила место образованиям типа *во время чего*⁸⁶. Пожалуй, наиболее значительными среди локативных конструкций с предлогом *при* были изменения в группе случаев, где лок. с предлогом означает состояние или сопутствующее обстоятельство. Сколько-нибудь надежных примеров с этим значением в памятниках XI—XV вв. нам не встретилось (в XVI и особенно в XVII вв. примеров типа *при радостехъ такихъ*. Артакс. 128 уже немало). В современном языке локативные конструкции с этим значением довольно употребительны⁸⁷: *быть при смерти, при таком положении, при своем мнении, при желании* и т. д. Ср. некоторые примеры из говоров: *што иду бедна горюша при обидушке*. Барс., I, 43; *на слезахъ стоятъ стекольчаты околенки, при обидушке косевцяты окошечки*. Там же, I, 20; *не покинули б сиротной вашей матушки все при древней при глубокой меня старости*. Там же, I, 33 (временной оттенок здесь, кажется, менее важен); *при том деле я был*. Курск. Труды, I, 1911, 233; *пр'и пам'ет'и с'уды... залаз'ил нарѣт*. Ворон. Гринк. Изв. II, 1929, 114; *все при делахъ, при какой он должности*. Олон. Мат., ИОРЯС, III, 1898, 107; *создай мне, дескать, господи, единую чаду, при младых лет на посмотрение, при старости на призрение*. И. Бунин. Божье древо (имитация южнорусской диалектной речи). Ср. *Дай бог мне сына или дочь, при младости на утеху, при старости на замену*. Верхоянск (Худяк., 288) и др. Генетическая связь с предшествующими группами бесспорна. Ясен и путь становления этой категории случаев, заключающийся в расширении круга слов, выступающих в лок. с предлогом *при*.

⁸⁶ Правда, данные литературного языка и говоров показывают некоторое расширение круга слов, употребляемых в лок. с предлогом *при*, так что для современного языка, может быть, даже целесообразно выделять значение условия или обстановки, в которых протекает действие (*при луне, при ясном небе, при наличии большинства* и т. д.), а иногда и состояния.

⁸⁷ Таких случаев немало уже в XVII в. Ср. у Котошихина и Аввакума.

Несколько интересных примеров локативной конструкции с предлогом *при*, не рассмотренных пока, встречается в древнерусских текстах. Эти случаи единичны, что заставляет нас воздержаться от сколько-нибудь определенных выводов, хотя некоторые из примеров позволяют думать об отношениях несколько иного плана, чем те, о которых мы знаем. Укажем на два случая из более позднего дополнения к „Сказанию о Борисе и Глебе“: *въ свѣтъхъ мудрѣ и разумнѣ при всемъ, покаяся при всемъ отцю*. Возможно, что в этих примерах произошел уже сдвиг в значении (от значения сферы деятельности к значению дополнительного обстоятельства [= при этом]). Однако пример из Синайского Патерика XI в., указанный Срезневским⁸⁸, заставляет предполагать первоначальное значение сферы деятельности: *скудота бысть при водѣ*. Подобные случаи напоминают соответствующие примеры лок. с предлогом *о*. Других примеров такого рода нам не встретилось.

Особо интересные случаи представляет лок. при некоторых глаголах с приставкой *при-* (*приблизится емь* и др.). Однако ввиду наличия некоторых бесприставочных глаголов, связанных с лок., едва ли можно только на материале древнерусского языка предполагать переход предлога через преверб в приставку глагола: иначе говоря, предполагать наличие в древнерусском языке дописьменного периода лок. с предлогом *при* в сочетании с этими глаголами. Данные древнерусского языка в этом вопросе встанут на свое место лишь при учете свидетельств других славянских (а также и неславянских) языков.

Заключая рассмотрение лок. с предлогом *при*, еще раз подчеркнем большую устойчивость этого образования и за небольшим исключением (исчезновение нескольких архаичных примеров и некоторое увеличение круга слов, выступающих в лок. с *при*) — сохранение всех основных типов этого лок. с XI—XIII вв. до настоящего времени⁸⁹.

Примечание. По говорам известны случаи употребления предлога *при* не с лок., а с род. или (очень редко) с дат.: *при гостей, при дялоф, при господ; при нам* и др. (кстати, такая же мена падежей встречается и при других предлогах). Заметим, что вытеснение здесь лок. при предлоге *при* и др. едва ли связано с какими-либо существенными изменениями в семантике значения падежа или предлога. Решающими, кажется, были явления иного порядка: довольно интенсивное стирание различий по родам и тенденция к объединению всех трех родов во множественном числе, вызвавшая известную неупорядоченность во флексиях мн. ч. В качестве от-

⁸⁸ Срезн., II, 1377. Там же пример из Иоанна Экзарха: *при малѣ еси вѣрнѣ надѣ мнозѣмъ тѣ поставлю*. Ср. также лок. с предлогом *при* в значении повода действия, основания: *а мы слюбуемъ ему, при нашей вѣри... тыи 4 тысячи рубліи воротити исполна*. Закладн. Польск. к. Влад. 1388. Срезн., II, 1377.

⁸⁹ Среди всех других предложно-падежных конструкций в современном языке падежные конструкции с *при* занимают одно из последних мест по употребительности. Так, из 9000 примеров в „Северных сказках“ Н. Ончукова на долю *при* с лок. приходится лишь 13 случаев (меньше только у предлога *для* с род. п.). См. Н. С. Петрикина. Предложные конструкции в северовеликорусских сказках (на материале сб. Н. Е. Ончукова). Канд. дисс. М., 1952.

дельных частных причин могут быть названы и явления фонологического порядка. Ср., например, неполное вхождение в ряде говоров в фонетическую систему *ф*, в результате чего не достаточно четко выражается противопоставление *ф*: *х*, что в свою очередь влечет за собой неупорядоченность в употреблении *ф* и *х*. Именно в таких говорах прежде всего и смешиваются флексии лок. и род. (ср. целый ряд южнорусских говоров). Поэтому не всегда можно говорить об изменении падежных связей предлогов.

Локатив с предлогом *в*

Эти конструкции уже в древнерусском языке были наиболее употребительны по сравнению с другими локативными типами. В ряде случаев они были не только преобладающими, но и единственными. Интересно отметить, что почти все типы локативных конструкций с предлогом *в*, имевшиеся в древнерусском языке, сохранились и до настоящего времени (редкое явление для локативных конструкций, рассмотренных до сих пор). Больше того, дальнейшая судьба лок. с предлогом *в* состояла в вовлечении все большего круга слов в эти конструкции, что создавало исключительное многообразие оттенков в пределах лок. с предлогом *в*. Уже в древнерусском языке лок. с предлогом *в* в этом отношении превосходит все другие локативные конструкции. Несмотря на то, что в XI—XIV вв. в целом ряде случаев лок. с предлогом *в* выступает как явление бесспорно вторичное и позднее, несмотря на то, что в кругу его значений отношения более ранних периодов развития затуханы в гораздо большей степени, чем, например, в б/пр. лок., все-таки нельзя недооценивать данные лок. с предлогом *в*: о его относительной „молодости“ можно говорить лишь в применении к праславянскому языку. В русском же языке с самого начала его самостоятельного существования лок. с предлогом *в* был хорошо известен и отличался от предыдущих локативных конструкций лишь значительно большей продуктивностью.

Основную группу лок. с предлогом *в* составляют те случаи, когда в лок. стоит название предмета, обозначающего место, где происходит действие. В связи со значительным количеством слов, употреблявшихся уже в древнерусском языке в лок. с *в*, это общее значение в различных условиях осложнялось рядом дополнительных оттенков, часто настолько специализированных, что общее значение места отодвигалось на задний план. Укажем несколько примеров, где ясно выступает значение места, внутри которого или в границах которого происходит действие (в лок., как правило, стоят названия населенных пунктов, помещений, предметов, частей тела и т. д.; глаголы движения обычно отсутствуют): *и изнемогоша въ градѣ*. Син., 37; *прѣставися Володимирь... въ Новгородѣ*. Син., 16; *бысть вода велика въ Днѣпри и въ Деснѣ и въ Припетѣ*. Син., 19; *въ истьбѣ сѣдѣше*. Син., 25; *прѣставися въ Руси всѣволодѣ*. Син., 27; *посади и въ Печерьстѣмъ манастыри*. Син., 28; *съкры ю въ сердци своемъ*. Син., 58; *в Афетовѣ же части сѣдѣть Русь...* Лавр., 4; *бѣда аки в Роднѣ*. Лавр., 77; *въ поли седѣхоу*. Лавр., 29; *сѣдоша в лѣсѣхъ*. Лавр., 6; *заченишимъ въ чревѣ*. Лавр., 16; *похорони вои въ лодыяхъ*. Лавр., 23; *аки бисеръ*

в калѣ. Лавр., 68; и положиша и въ гробѣ. Ипат., 90; зачатъ... в вутробѣ. Лавр., 102; сѣдло в головахъ. Лавр., 64 и др.⁹⁰

В качестве особой подгруппы следует выделить те случаи, когда в лок. с предлогом *в* стоит название определенной части людей (иногда животных), в среде которых происходит действие. Некоторые исследователи видят в таких случаях особый партитивный оттенок: *гради собѣ монастырь въ христьянехъ*. Син., 84; *не бысть пакости въ людѣхъ*. Син., 39; *първи въ боярехъ*. Син., 47; *а вы сочите такового мужа въ попѣхъ ли, в ыгуменехъ ли, в черенцихъ ли*. Син., 68; *блѣна ты в женах рускиѣхъ*. Лавр., 61; *имѣ моѣ прослависъ въ языцѣхъ*. Лавр., 98; *сумножившемъсѣ грѣхомъ въ члвчѣхъ*. Лавр., 105; *ни птица во птихецѣ сычъ, ни в звѣрехъ зверь еж, ни рыба в рыбахъ ракъ, ни скот во скотехъ коза, ни холопъ в холопехъ, хто у холопа работает, ни муж в мужехъ, кто жены слушаетъ*. Мол. Дан. Зат., 69 и др. В составе этой подгруппы наиболее выделяются те случаи, когда в лок. (обычно во мн. ч.) с предлогом *в* стоит название народа, через которое обозначается страна, населенная этим народом: *и зимова въ Татарѣхъ*. Син., 83; *оже родится тяжа в Нѣмцехъ новгородцю*. Дог. гр. Новг. с Готск. бер. 1189—1199 гг. ГНП; *грамота есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунаискихъ*. Лавр., 26; *посади... Ольга в Деревѣхъ*. Лавр., 69; *почаша родъ ихъ княженъ в Полѣхъ, а въ Деревлѣхъ свое*. Лавр., 10; *родисѣ Моисѣи в Жидѣхъ*. Лавр., 94, Комисс., 139; *бысть моръ в Египтянахъ*. Комисс., 140; *и есть могила его близъ града Коростеня въ Древахъ*. Комисс., 110 и др. Эта подгруппа в дальнейшем была вытеснена иными образованиями. Близка к этой подгруппе и особая категория случаев, когда лок. (как правило, мн. ч.) с предлогом *в* обозначает какую-либо должность, профессию, положение в данный момент и т. д. От предыдущей подгруппы отличается тем, что весьма часто здесь употребляются глаголы движения: *и послаша въ сторожихъ Якуна*. Син., 63; *тогда посла Еремѣя въ сторожихъ*. Син., 75; *кто у князя в талехъ*. Син., 95; *вѣдѣше напереду в сторожихъ*. Лавр., 395; *престависѣ Мстиславъ Мстиславицъ в чернцѣхъ*. Лавр., 450; *стоѣще въ пѣшцѣхъ*. Лавр., 201; *пришелъ есмь въ сторожихъ*. Лавр., 66, Комисс., 119; *а отъ горожанъ Петръ Бяртолтъ, а въ торговыхъ Федор Волковъникъ*. Смол. гр. 1284 г. и др. В отличие от предыдущих типов, где преобладает оттенок 'среди', здесь на первое место выходит значение качества, положения, в котором выступает то или иное лицо. Поэтому в ряде случаев этот тип локативных конструкций с предлогом *в* смыкается с локативными конструкциями в значении состояния⁹¹.

⁹⁰ Сюда же следует отнести и те примеры, когда в лок. стоят слова более отвлеченного значения: *сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ*. Син., 58; *помысли въ себѣ*. Лавр., 67; *единъ праведенъ въ родѣ семь*. Лавр., 90; *Олегъ же приимъ въ оумѣ си рѣчъ*. Лавр., 38; *помышляше же в оумѣ своемъ*. Сказ. о Б. и Гл.; *и глааше въ срѣдци своемъ*. Там же; *и оужасесѣ въ оумѣ*. Жит. Феод. Печ. и др.

⁹¹ От этих случаев отличны такие, как: *она у нас в ключахъ ходила*. Даль, I, 282 (= была ключницей), имеющие метонимический характер.

Особый оттенок социативности приобретает лок. с предлогом *в*, когда имеется указание на количество (указание на сопутствующий объект): *и поиде в силе велице*. Жит. Ал. Невск., 2; *въ малѣ дружинѣ... повѣха*. Сказ. о Б. и Г.; *придоша... в силѣ велицѣ*. Син., 74, 77, 87, 91; *приде Изяславъ... в силѣ тяжѣ*. Син., 74; *в мале шли*. Син., 28, а также: *поиде... въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары*. Син., 59; *прѣиде в 1000 вои*. Син., 63; *придоша... ратью нѣ въ тысящи*. Син., 28; *а ходить на море въ дватцати человекѣ*. ГНП (1328—1341 гг.). В этой подгруппе решительно преобладают глаголы движения. Однако были возможны и иные глаголы, хотя примеров весьма немного; к тому же, некоторые из них спорны: *оступиша... градѣ в силѣ велицѣ*. Лавр., 65; *и ту ся издѣхоша въ множествѣ*. Син., 56; может быть, сюда же следует отнести и некоторые случаи, где нет указания на количество: *поидоша съ вѣца въ оружии*. Син., 67; *сташа въ оружии*. Син., 30; *пристрои Ратиборѣ отроки в оружьи*. Лавр., 227; *и поганых Половецѣ множество въ оружьи*. Лавр., 440 и др.

Особой разновидностью являются случаи, когда в лок. с предлогом *в* выступает название одежды, доспехов или украшений: *ты самыя порты в них же ходит*. Лавр., 34; *и порты въ нихъ же ходят*. Лавр., 52; *лучше бы ми в дерюзе служити тебѣ, нежели в багрянце*. Мол. Дан. Зат.; *лучше бы ми нога своя видѣти в лыченицы в дому твоємъ, нежели в черленѣ сапозѣ*. Там же; *видѣвы и въ такои одежи соущаго*. Жит. Феод. Печ.; *суть вси в сапозѣх*. Лавр., 84, Ипат., 71, Комисс., 132; *одени в брѣне*. Син., 48; *и поидоша они половицѣ и до дѣтинѣ въ бронях, въ шоломах*. Комисс., 259 (ср. Син., 58); *из нарядивъ... половчѣ множество въ оружии*. Син., 58; *да приидеши в венце и в лутчих утварех*. Артакс., 135; *в венце своем убравшись и в прочих утварех*. Там же, 131 и др. Не можем согласиться с мнением Григорьевой, что эта локативная конструкция употребляется только присубстантивно. Приведенные примеры противоречат этому (во всяком случае, в отношении древнерусского языка). Примеры, подобные указанным, полностью сохранились и в дальнейшем, еще более увеличившись за счет тех случаев, когда в лок. с предлогом *в* выступают имена, обозначающие нечто покрывающее поверхность: *лицо в прыщах, нос в грязи, рубаха в крови, одеяло в пуху* и т. д.⁹²

Своеобразной модификацией чисто местного значения при глаголах движения являются случаи, когда в лок. с предлогом *в* стоят существительные, обозначающие то или иное средство сообщения, средство деятельности. Отсюда понятно и значение такого лок. с предлогом *в*. Отметим, что в значении этого типа лок. определяющую роль играет глагол. Примеры лок. с предлогом *в* в значении средства деятельности в древнерусском языке были хорошо известны: *ходиша новгородци въ лодяхъ и в лоивахъ въ озеро*. Син., 92; *а инии в на-*

⁹² Некоторые из подобных примеров допускают инверсию членов, выступающих в лок. с предлогом. Ср. у Маяковского: *У взрослых дела // В рублях карманы* (т. е. рубли в карманах).

садѣхъ повѣхаша. Син., 87; или въ 3 лодьяхъ. Син., 26 (ср. лок. со-
путствующего объекта, который близок в данном случае к указанному
примеру); везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары. Син., 66; ѣздаче
в лодьяхъ. Лавр., 331; понесѣте ны в лодьи. Лавр., 56; иде... въ лодьяхъ.
Лавр., 84; оже придетъ въ своей лодьи. Догов. гр. Новг. с Готск. бер.
1189—1199 гг. ГНП; и отпусти я в лодьи. Комисс., 111; придоша...
в кораблехъ. Комисс., 105 и др.⁹³ Как видно, случаи лок. с предло-
гом *в* в значении средства деятельности ограничиваются весьма узким
кругом слов, выступающих в лок. В памятниках более позднего времени
расширяется возможность выбора слов, обозначающих средство сообще-
ния. (Ср. у Афанасия Никитина: *привозять все моремъ въ та-
вахъ*. 13; У Котошихина: *принимають въ корѣтахъ*. 61; *ѣдутъ...
в саняхъ*, 151⁹⁴; *пловущим же им по реце в судахъ*. Пов. о П. и
Февр., Гудз., 261 и т. д.), хотя наряду с этим употребляется и более
старый способ для передачи тех же отношений (б/пр. твор.).

В тех случаях, когда в лок. с предлогом *в* находится слово отвле-
ченного значения, локативная конструкция служит обычно для выра-
жения определенного состояния, при котором совершается действие:
держаше въ милости. Син., 26; *служивъшю ему... въ кротости и
сѣмерении и богобоязньствѣ*. Син., 39; *въ той же немочи пребы
7 недѣль*. Син., 60; *сталъ бѣ в недоумѣнии и страствѣ*. Син., 76; и
пребываше съ ним въ любви. Лавр., 60; *не изволи ходити в законѣ
Гни*. Лавр., 97; и *начаша жити... въ братолюбьствѣ*. Лавр., 149;
в трудѣхъ пребыва, въ бдѣнни и в молтѣвахъ. Лавр., 157; *в немощи
лежа*. Лавр., 145; *а мать свою нам... держати в матерствѣ и
во чти*. Гр. Вас. Дм. ок. 1390 г. ДДГ; *в любви... быти*. Гр. Дм. Ив. 1382 г.
ДДГ; *если в велицей мнозе нужи и печали*. Мол. Дан. Зат., 60;
въ велицѣ печали бяше Володимеръ. Сказ. о Б. и Гл.; и *бяше
сънь его въ мнозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ*. Там же; *въ княжихъ
крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась*. Сл. о п. Иг.; *коли соколъ въ мы-
техъ бываетъ*. Там же; *въ мнозѣ недоумѣнни бывѣ*. К.-Печ. Пат., 180;
въ страствѣ бывѣ. Жит. Феод. Печ.; *въ правовѣрнѣи вѣрѣ роженъ и
воспитанъ въ добрѣ наказаньи*. Сл. о вере лат. Феод. Печ.; *въ не-
дузѣ лежаща*. Кир. Тур. Проп.; *азъ же неподобно ходихъ... во вся-
кой лѣности и слабости и во пьянствѣ*. Хож. иг. Дан., 2; *в радо-
стехъ пребываю*. Артакс., 129 и др. В случаях, когда в лок. с пред-
логом *в* выступают слова с более конкретным значением, различия
между этой группой и группой случаев с местным, а иногда и времен-
ным значениями становятся весьма нечеткими. Ср. случаи типа *в ратяхъ,
в битвахъ, в огне, в пламени* и т. д. В последующие периоды эта
группа случаев весьма существенно расширилась, и некоторые иссле-
дователи считают даже необходимым выделить несколько групп, гене-

⁹³ но: *и похорони вои въ лодьяхъ*. Лавр., 23; *и потаистася въ лодьяхъ*.
Комисс., 103 и др., где лок. с предлогом *в* выступает в своем основном значении
места.

⁹⁴ Ср. в Сказ. о Б. и Гл.: *везше на саняхъ*.

тически восходящих к лок. с предлогом *в* в значении состояния деятельности.

Особенный интерес представляют некоторые случаи лок. с предлогом *в* от слов, обозначающих местные понятия, при глаголах движения. Примеры такого рода в древнерусском языке чрезвычайно редки, а в дальнейшем и вовсе не встречаются. В ряде случаев они допускают и иное объяснение, иногда вполне очевидное⁹⁵. Однако несомненное наличие подобных лок. с предлогом *в* в значении направления (с точки зрения рассматриваемого периода) в более ранние эпохи развития языка (об этом см. 2-ю часть), колебания в тех случаях, когда моторность глаголов выражена предельно слабо (например, при более обычном: *положиша въ гробъ* нередко встречается и *положиша въ гробѣ*. Ипат., 90, Комисс., 146 и т. д. Ср. подобные же примеры у лок. с предлогом *на*: *посади на столъ* и *посади на столѣ* и т. д.) в сочетании с некоторыми (пусть даже не до конца достоверными) случаями лок. с другими предлогами и без них — все это, кажется, говорит о возможности сохранения в некоторых примерах лок. с предлогом *в* в значении направления. Еще раз заметим, что каждый отдельный пример такого лок. не является показательным сам по себе и может быть объяснен опиской или синтаксической аттракцией, но во всей своей совокупности достоверность лок. в значении направления становится довольно правдоподобной. Приведем примеры: *сего внесше утръ в пещерѣ, положиша, и толми въ смердѣ, яко и бесловеснымъ бѣгати тоя пещеры*. К.-Печ. Пат., 179 (впрочем, в *пещерѣ* могло бы относиться и к следующему глаголу *положиша*, что, однако, также не очень вероятно); *придут в погостѣ*. Лавр., 175; *привезоша его в манастиры*. Син., 100, может быть, и *вложи князю грѣхъ въ сердци*. Син., 60 (возможна здесь и мена *е* — *и*, тогда здесь вин.); *забежавши тамо от крещенья Русково в Болгарских жилищах*. ПСРЛ, XIX, 12 (исторические сведения подтверждают, что речь идет именно о бегстве в Камскую Болгарию) и некоторые другие с такой же степенью достоверности.

Особую весьма распространенную группу лок. с предлогом *в* составляли в древнерусском языке случаи со значением времени. Впрочем, эта группа была ограничена лишь небольшим числом слов, обозначавших временные понятия и выступавших в лок. с предлогом *в*: *въ ононь въцѣ стати со всѣми*. Син., 87; *приде князь Олександръ... въ осенинѣ*. Син., 83; *въ ноци велить сѣцися*. Син., 15; *въ пятници, в час б дни опять приде*. Син., 17; *во мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунави*. Лавр., 5; *почитае е часто в ноци и въ днѣ*. Лавр., 151—152; *и не бѣ сего слышано в днѣхъ первых*. Лавр., 226; *в том же лѣтѣ Ярополкъ ходи на Половѣцкую землю*. Лавр., 291; *и в зорѣ переправи полци своя*. Ипат., 507; *дивно съдѣвася в полуноци*. Ипат., 527; *судить ему б(ог)ъ в семь въцѣ и*

⁹⁵ Ср. которые напередъ того въ станицахъ еживали. Собр. Гос. гр. и Дог. III, 1822, 19, 99, 1613.

въ будущемъ. Дух. гр. Сем. Ив. 1353 г. ДДГ, ср. гр. вел. кн. Всев. Мст. 1125—1137 гг.; *въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою.* Сл. о п. Иг.; *обращет ю въ животѣ вѣчнѣмъ.* Сказ. о Б. и Гл.; *молити за ны бога и при животѣ и въ сѣмьрти.* Гр. Мст. Вл. 1130 г. ГНП; *отдастъ во ономъ вѣце.* Вкладн. Ив. Фом. 1181—1182 гг. ГНП и др. Некоторое расширение круга слов, употреблявшихся в лок. с предлогом *в*, наблюдается в XVI—XVII вв., между прочим, за счет слов, не обозначающих непосредственно времени (*в обеде, в трапезе* и т. д.). Становятся довольно обычными прежде редкие случаи типа: *Василей в краткомъ часѣ повелѣваетъ сему князю Михаилу.* Кат.-Рост., 592; *въ прошлыхъ государь, лѣтѣхъ в 7048 году били челомъ.* Арх. Стр., II, 286 и др. Как существенную деталь следует отметить, что в этот, как и в предыдущий период, лок. с предлогом *в* выражал время действия в более общем виде, менее, чем сейчас, дифференцированном со стороны оттенков значения, охватывая не только случаи точечного указания на время, но и случаи, указывающие на полный охват временного отрезка действием: *въ трѣхъ днѣхъ, во мнозѣхъ временахъ* и др. Однако в период создания литературного языка лок. с предлогом *в* в значении времени сосредоточился на узком круге случаев⁹⁶, уступив значительно вин. падежу с предлогом *в* в этом же значении, который и раньше был гораздо более распространен, чем в лок. с предлогом *в*.

В ряде случаев лок. с предлогом *в* служит указанием на то, в чем обнаруживается или заключается что-либо. Даже в том случае, если в лок. с предлогом *в* стоит название места, оно в этом типе локативных конструкций имеет не прямое значение, а переносное. Действие совершается (или же подчеркивается какое-либо свойство, качество субъекта — в случаях приименного лок.), приурочиваясь не к определенному месту, а лишь в отношении его, в связи с ним, по поводу его. Поэтому обычное определение значения лок. с предлогом *в* в этом случае как лок. „сферы деятельности“ нужно признать недостаточным и неточным из-за его узости. Им можно было бы пользоваться лишь условно. Кстати, и круг имен, выступающих в лок. с предлогом *в* в этой группе, охватывает и такие случаи, понимание которых как сферы деятельности исключено полностью.

Для эпохи древнейших памятников русского языка можно наметить ряд типов в пределах этой группы, в зависимости от характера слова, при котором стоит лок. с предлогом *в*, и от характера имени, выступающего в лок. (эти двоякого рода *principia divisionis* в части случаев взаимно перекрещиваются). Укажем основные типы:

I. Глаголы отвлеченного значения или глаголы конкретные, употребленные в переносном значении, имеющие отношение к явлениям из области духовной жизни, в сочетании с именами, обозначающими абстрактные понятия или носящими обобщающий характер: *не створи*

⁹⁶ См. А. Кока. Беспредложные и предложные падежные конструкции в временном значении в русском языке. Канд. дисс. М., 1952.

ему, Г̄и, в семь грѣха. Комисс., 171; не свѣдуше въ болѣзняхъ своихъ. Лавр., 217; а и въ мнозѣ богѣ, и въ малѣ богѣ и правда. Син., 55; вины ему в томъ нѣтуть. Р. Пр. Простр. ред. ст., 20 (ср. сходное в ст. 84, 108); а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ. Гр. Дм. Ив. ок. 1367 г. ДДГ, ср. его же грамоту 1375 г., грамоту вел. кн. Вас. Дм. 1396 г.; а положитъ на насъ в томъ ц(а)рь виноу. Там же.

II. Краткие прилагательные как отвлеченного, так и более конкретного плана (*верен, виновен, волен, грешен, доволен, крепок, лжив, начитан, послушен, прилежен, правдив, прав, справедлив, свершен, услужлив, чредим, высок, тонок, храбр, изящен, дивен, широк* и т. д.), причем первые обычно сочетаются с лок. имен, подобных вышеуказанным, а вторые в основном с именами, обозначающими более конкретные понятия: *свершенъ в любви*. Лавр., 203; *прослувий в побѣдах*. Лавр., 293; *свершенъ во всякой добродѣтели*. К.-Печ. Пат., 179; *и вы вольны въ князѣхъ*. Син., 53; *воленъ в нем... и въ его женѣ и въ его дѣтехъ*. Гр. Сем. Ив. ок. 1350—51 гг. ДДГ; *а въ томъ оудѣлѣ воленъ сынъ мой*. Дух. гр. Дм. Ив. 1389 г. ДДГ; *а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгини*. Там же; *крѣпокъ в замыслех*. Мол. Дан. Зат., 58; *в словесѣхъ крѣпок*. Мол. Дан. Зат., 57; *въ свѣтѣхъ мудрѣ*. Сказ. о Б. и Гл.; *въ ратѣхъ храбрѣ*. Там же; *тѣнѣхъ въ чресла* (так!) (ввиду нескольких лок. подряд вин. здесь сомнителен). Там же⁹⁷, и др. В большинстве подобных примеров можно видеть loc. limitationis.

III. Лок. с предлогом *в* от имен, обозначающих лицо или предмет, оцениваемые при установлении штрафа, при торговых сделках и т. д. (характерно для древнерусских юридических документов, прежде всего для Русской Правды): *а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ*. Р. Пр. Кратк. ред., ст. 21; *80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своем конюсѣ*. Там же, ст. 21; *а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривенѣ, а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ*. Там же, ст. 22; *а въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ*. Там же, ст. 23; *а въ княжѣ борти 3 гривенѣ*. Там же, ст. 30; *а въ гнищанинѣ и в тивоуницѣ и в мечницѣ 12 гривенѣ*. Там же, ст. 33; *а въ голоубѣ и въ коуряти 9 коунѣ*. Там же, ст. 35; *а оже ли оубьютъ... то платити в немъ*. Там же, ст. 38; *а в холопѣ и в робѣ виры нѣтуть*. Р. Пр. Простр. ред., ст. 84; *не платит мьта ни в чемъ*. Лавр., 31, 32 и т. д.

IV. При словах, обозначающих какую-то часть или недостаток чего-то, прибыль в чем-то и т. д.: *нужа же князю в томъ в десятой части божи*. Уст. кн. Свят. Ольг. 1137 г. (Син. Кормчая 1282 г.); *приказываю... братаничу моему... в намѣстничтвѣ треть, и в тамзѣ, в мытѣхъ и в пошлинахъ городскихъ треть*. Дух. гр. Ив. Ив. 1358 г. ДДГ; *а тремъ сыномъ моим половина и в пошлинахъ в городскихъ половина*. Дух. гр. Дм. Ив. 1389 г. ДДГ и др.

⁹⁷ Впрочем, в таких случаях преобладает твор.: *тѣломъ бяше краснѣ, высокѣ, лицемъ круглѣмъ* (так!)... *веселѣ лицемъ... крѣпкѣ тѣлѣмъ*. Сказ. о Б. и Гл. Доп.

В XV—XVII вв. наблюдается в целом увеличение примеров этой группы, хотя отдельные типы (III, например) исчезли или существенно сузили сферу своего употребления, ограничиваясь теми или иными ситуациями в определенных стилях речи и письма. Развитие же основной части типов пошло по пути расширения употребительности за счет вовлечения новых пластов слов в качестве членов локативной синтагмы. Можно было бы привести немало примеров такого рода, однако их вторичность и переносный характер значения настолько очевидны, что делают излишним дальнейшее перечисление примеров.

Существует еще ряд особых случаев употребления лок. с предлогом *в*, осложненных теми или иными оттенками значений. Как правило, эти случаи единичны. Ср., например, лок. *materiae*: *суть дѣлани руками в деревѣ*. Лавр., 82, Ипат., 70, Комисс., 130; *а делати их в ветляном древе*. Ив. Пересв., 163; лок. с предлогом *в* при существительном значении: *знаменья бо въ нбси или звѣздахъ*. Лавр., 165; *бысть знаменье в слнци*. Лавр., 214; *быс знаменьк в небеси*. Лавр., 215; *бысть знамение въ солнци*. Син., 20; *бысть знамение въ лунѣ*. Син., 28 и др.; ср. пример лок. с предлогом *в* из Псковской Судной грамоты: *жиоучи в одном хлебе*. 182; из Договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г.: *аже удѣржитъ, у томъ ся можете учинити пагуба*. Сп. А (=от), а также нередкие случаи переносного употребления лок. в примерах из библейской и новозаветной литературы: *едино Бжѣтво въ трехъ лицахъ*. Лавр., 112; *въскрѣсь въ своєї плоти*. Лавр., 113; *проклѣта землѣ в дѣлѣхъ твоихъ*. Лавр., 89 и др. Однако они ничего принципиально нового, по сравнению с уже рассмотренными, не дают: это лишь варианты, хотя часто и довольно обособленные, предыдущих типов.

Указывают еще на одну группу локативных конструкций с предлогом *в*, где лок. имеет значение источника действия (темы, причины). В подтверждение приводят примеры лок. с предлогом *в* в связи с существительными *спор*, *челобитная*, *платежная*, *грамота* и т. д. и глаголами (с существительным) *бить челом*, *иметь спор* и т. д. Согласиться с подобным мнением едва ли можно. Во-первых, в древнерусском языке таких случаев не было: они появились, видимо, не ранее XV в. и стали более или менее употребительными в XVI—XVII вв. в деловых стилях (прежде всего в Москве). Появление и распространение этих типов, несомненно, было связано с расширением той группы локативных конструкций с предлогом *в*, которой приписывают значение сферы деятельности. Во-вторых, ни потеря локативной группой свойства указывать на пребывание в пределах предмета, выступающего в лок., ни приобретение новых параллельных конструкций не образуют еще самостоятельной группы с особым значением лок. Они лишь создают предпосылки к появлению нового типа, ставшего возможным только позже, когда круг слов, с которыми был связан в данном случае лок., сильно расширился, причем и за счет слов, раньше не входивших в состав той локативной группы, из которой развился новый тип. Тем более нельзя видеть значение темы или причины в таких примерах из

древнерусского языка, как: *не свѣдуще в болѣзняхъ своихъ*. Лавр., 217; *изънемогли в осаждѣ*. Лавр., 59 и др. или из более позднего времени: *в огне и в дыму не мочно... видеть*. Пов. об Азов. сид., Гудз., 347 и т. д. Поэтому о появлении объектных значений в лок. с предлогом *в* можно говорить лишь в применении к позднему периоду в развитии русского языка.

Примечание. Изредка встречающиеся в севернорусских говорах случаи типа *подумать в чем* (= о чем) другого рода: они обязаны своим происхождением почти полному отсутствию *о* с лок. в изъяснительном значении и, наоборот, сохранению его в обстоятельственных значениях. См. об этом выше.

В заключение отметим наречия, образовавшиеся из лок. с предлогом *в*: *въскорѣ крѣтиса*. Ипат., 96, Комисс., 151; *имъ же въскорѣ обрѣтается близъ скърбящихъ*. Сказ. о Б. и Гл.; *нельзѣ въскорѣ сотворити*. Хож. иг. Дан.; *идяста оба въкупѣ*. Там же; *вкупѣ жихъ съ тобою*. Пов. Дм. Ив., Гудз., 166; *вси въкупѣ мертви легоша*. Пов. о прих. Бат. на Ряз. и др. (*вътаинѣ, въдлѣ, вътишѣ, въмѣстѣ, въширѣ, въглублѣ, воторопѣ, въсмердѣ* (К.-Печ. Пат., 179), *въкѣвѣ, въновѣ, вскрытѣ* (часто в Розыских делах о Федоре Шаковитом) и др.). Несколько особое место занимает *въборзѣ* (*въбързѣ приде*. Син., 70; *поиди въборзѣ*. Лавр., 135; *въборзѣ повѣха*. Ипат., 202; *приди въ бързѣ*. Сказ. о Б. и Гл. и др.) ввиду: *поиде въ борзѣхъ*. Син., 68 и под. В отношении значений эти случаи напоминают соответствующие б/пр. примеры. Симптоматично отсутствие предложных (*в*) наречий из лок. в значении направления (ср. в противоположность этому *горѣ, върхоу, низоу, долу* и др.).

Таким образом, локативные конструкции с предлогом *в* в основном и до сих пор сохраняют прежние типы, правда, значительно расширив их. В настоящее время лок. с предлогом *в*, бесспорно, наиболее распространенная конструкция среди других предложных конструкций с этим падежом⁹⁸. Нельзя также не отметить весьма важного процесса формирования новых предлогов сложного состава (*вроде, ввиду, в лице, в деле, в отношении, в области, в смысле, в целях, в духе, в ходе, во вкусе* и т. д.)⁹⁹, что, разумеется, стоит в связи с наличием крайне широкого круга значений в современном языке у лок. с предлогом *в* (в том числе и переносных, в части случаев уже порвавших непосредственную связь с более конкретными значениями). Материалы говоров далеки, конечно, во многих случаях от положения литературного языка в отношении лок. с предлогом *в*, который в них не получил такого далеко идущего развития.

Примечание. В некоторых русских говорах в ряде случаев при лок. отсутствует предлог *в*. Ср. *дух запирайтца грудѣ*. Колым., Селищ., 131; *рыба так и*

⁹⁸ По подсчетам проф. М. Н. Петерсона она составляет в современном литературном языке 59% всех предложных конструкций с лок. („Синтаксис русского языка“. М., 1930, стр. 75).

⁹⁹ См. об этом: В. В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, стр. 682 и особенно Я. Рословец. Употребление предлогов в формальных значениях в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1953.

запрыгала неводу. Там же, 131, *поищи кустах.* Там же, 131; *бул Нижном.* Там же, 131. Такие примеры известны и из некоторых других областей на северо-востоке Сибири, в Коми АССР и т. д. Вероятнее всего (поневоле оставляем в стороне вопросы, связанные с возможным действием субстрата) причину подобных явлений нужно видеть в фактах фонетического порядка (*w* билабиальное, ср. также исчезновение *k* в ряде случаев в этих же говорах, что часто бывает взаимосвязано. Ср. некоторые лужицкие говоры). Явно неудовлетворительна попытка А. М. Селищева объяснить подобные случаи не только фонетически, но и синтаксически. Он видит в них б/пр. лок. такого же типа, как в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи. Позднее время колонизации Сибири и диалектная принадлежность колонизационного населения исключают подобное объяснение: в XVI—XVIII вв. ни один говор европейской части России не имел б/пр. лок. Внешне похожий пример из Орловской обл. (Ливенский р-н):

*Дешка платью мыла, чиста паласкала,
Чиста паласкала, чистам полю слала,
Чистам полю слала, поли при дароги,
Поли при дароги, при зилонай дубрави, —*

возможно, объясняется особенностями песенной эвфонии.

Локатив с предлогом *на*

Локативные конструкции с предлогом *на* в древнерусском языке очень во многом параллельны предыдущему типу лок. с предлогом *в*. Поэтому и разделение лок. с предлогом *на* на группы в соответствии с условиями употребления и в соответствии со значениями часто повторяет разделение в пределах лок. с предлогом *в*, причем отличие нередко сводится к разнице предложных значений или к мелким отклонениям в условиях употребления той или иной конструкции. И дальнейшее развитие лок. с этими двумя предлогами во многом шло сходными путями. Ср., например, появление в лок. в известных случаях при предлогах *в* и *на* группы слов с окончанием *-у* вместо обычного *-е*, употребляемого в части примеров с некоторым различием в значении.

Как и в предыдущем случае, наиболее часто лок. с предлогом *на* употреблялся от слов, выражавших местное понятие. Естественно, что лок. с предлогом *на* приобретал здесь значение места, где разворачивается действие. Следует только отметить, что в зависимости от контекста локальное значение может конкретизироваться в целом ряде случаев, различных по оттенкам значения, в которых основное значение 'на поверхности чего-либо' может отступить на задний план.

Приведем ряд примеров: *и посадиша новгородьци Мьстислава на столѣ, а Яропѣлка на Новемь тѣргу, а Ярослава на Ламьскемь волюе.* Син., 35; *сташа новгородьци на островѣ.* Син., 28; *и бишася на Ждани горѣ.* Син., 23; *и много бысть тяготы на Низовьскои земли.* Син., 97; *и ста ... на березѣ.* Лавр., 8; *писано на харатьи.* Лавр., 53; *и положиша и на коврѣ.* Лавр., 75; *на санехъ сѣдѣ.* Лавр., 241; *положилъ еси на главѣ кю вѣнецъ.* Лавр., 421; *на древѣ распятыся.* Комисс., 147; *цто есмь руцил у Петра на Городищѣ.* Новг. бер., № 4, 31; *аще оубьють татя на своемь дворѣ.* Р. Пр. Кратк. ред., ст. 38; *роздадѣть ... на Москвѣ.* Дух. гр. Ив. Дан. Кал. ок. 1339 г.

ДДГ; на Москвѣ кони рѣжут. Задонщ.; въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море. Сл. о п. Иг. и др.¹⁰⁰

Примечание. Многочисленны примеры лок. с предлогом *на* от названий *ѣрек*, озер и т. д., где *на* теряет свое первоначальное значение в результате метонимии: и Якуна яша на Плиств. Син., 26; побѣдиша Всѣслава на Немизѣ. Син., 17; избиша Илоловчѣ на Дунаи. Син., 19; сѣдоша на Вислѣ. Лавр., 6; сѣрѣте е на рѣцѣ Пищанѣ. Лавр., 83; сретѣ и на Трубеши. Лавр., 122; начаша чинити городъ на Наровѣ. Син., 81; на Немизѣ снопы стелють головами. Сл. о п. Иг.; на Бѣлѣ-озерѣ сѣдѣть Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Мерѣ. Лавр., 10; и устрѣтоша полоуяне. . . на озѣре на Касѣпле. Син., 44 и др.

С указанным в примечании случаем сходно и употребление лок. с предлогом *на* в примерах типа: и срубѣиша городъ на порозѣ новѣ. Син., 92; заложена бысть церкы на воротѣхъ. Син., 72, 92, 93 и т. д.; заложѣ церковь на воротѣхъ городнихъ. Син., 41; церковь на великихъ вратѣхъ създа. Илар. и др.

В ряде случаев в лок. с предлогом *на* в значении места указываются страны света: на западѣ явися звѣзда велика. Син., 17; насади Бѣ раи на вѣстоцѣ. Лавр., 88; быд знаменък на западѣ. Лавр., 170; и сѣдѣть . . . на полунощныхъ странахъ. Лавр., 235. Одной из разновидностей местного значения являются случаи, когда в лок. (обычно во множ. ч.) с предлогом *на* выступает название народа или вообще определенного коллектива людей: воеваху на Словѣнѣхъ. Лавр., 11; на странахъ роса, на Жидехъ суша. Комисс., 147; на тѣхъ бываетъ побѣда. Мол. Дан. Зат., 57 и др.¹⁰¹ Наконец, в ряде случаев лок. с предлогом *на* подчеркивает, что действие происходит на всем пространстве, указанном в лок. (может быть, с оттенком непрерывности, постоянства?). В лок. в этом случае есть указание на размеры этого пространства. Ср. гониша ихъ бѣюче . . . на семи верствѣ. Син., 87; биша ихъ на 5 верст. Комисс. и др. Отчасти близки к этому типу и такие примеры: на путехъ же деръзновение водить. Комисс., 115; на левои странѣ идучи. Хож. иг. Дан., 4 и др.

Как и в группе лок. с предлогом *в*, существует лок. с предлогом *на*, обозначающий средство сообщения. Непременное условие для появления такого значения состоит в наличии глаголов движения: и вывезоша и на санкахъ. Син., 60; сѣньмѣшемся всѣмъ на исадѣхъ. Син., 58; поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ. Лавр., 29; вѣдиши на нѣмъ. Лавр., 38; на конихъ ришющимъ. Лавр., 164; приведе на конихъ. Лавр., 84; и несяхуть и на носилѣхъ. Лавр., 145; на возѣ допривадити. Жит. Феод. Печ.; на свинии ездячи. Мол. Дан. Зат.; и несяхуть его на носилехъ. Сказ. о Б. и Гл.; везѣше на саньхъ.

¹⁰⁰ Разумеется, к этой же группе относятся и такие случаи, как: ты веси, яко мне бедной есть на моей мысли. Артакс., 160.

¹⁰¹ Некоторые похожие на эти примеры обозначают лицо или группу лиц, в присутствии которых происходит действие: на томъ миру . . . то написати, како то держати. Догов. Смол. с Ригю и Готск. бер. 1229 г. ПРП; цѣловаше к Юрю князю на меньшихъ дѣтѣхъ на Михалцѣ и на братѣ юю. Лавр., 372 и др. (впрочем, последний пример допускает и иные объяснения). Ср. быть на людях; на миру и смерть красна и т. д.

Там же; *поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ*. Задонщ. и др. Значение средства деятельности содержится и в таких лок. с предлогом *на*, как в примере: *говѣдину на оуглех испекъ*. Лавр., 64, Комисс., 117 и т. д., близких к только что рассмотренным случаям.

Древнерусскому языку был хорошо известен лок. с предлогом *на* от имен, которые могут рассматриваться как некое основание для совершения того или иного действия. Обычно в лок. выступают здесь имена, обозначающие отвлеченные понятия или конкретные, но взятые в переносном значении. Связь этой группы лок. с лок. места оспорить едва ли можно. Однако на примере этой группы понятно, что связь с лок. с предлогом *на* в значении места гораздо более сложна и опосредствована, чем обычно думают, так как она предполагает уже весьма значительное развитие лок. с предлогом *на* в переносных значениях.

Подобные конструкции, как правило, являлись принадлежностью деловых жанров древнерусской письменности, хотя встречались и в памятниках иного рода, главным образом, в виде определенных формул: *и даша имъ миръ на всѣи воли своеи*. Син., 45; *и вда имъ Всеволода на всѣи воли новгородѣсти*. Син., 60; *хотяще мира на всеи воли...* Син., 80; *князя въвести на своеи воли*. Син., 81, 87, 89, 70; *крестъ цѣлюю на всеи воли вашей*. Син., 88; *на томъ на всемъ далъ есмь правду*. Смол. гр. 1386 г.; *послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдѣ*. Дог. гр. Новг. с Готск. бер. 1189—1199 гг. ГНП; *положаче на Бзѣ оупование свое*. Ипат., 639; *созда прадѣдъ твои на право-вѣрнѣи основѣ*. Ипат., 922; *и тако цѣловаста... хртѣ на всеи любви*. Ипат., 477; *Мѣстиславъ же положи то на Бзѣ*. Ипат., 536; *цѣловаль есмь крѣтъ на томъ*. Ипат., 694, ср. 701; *прашають же грѣхы на дару*. Комисс., 155; *на всѣи воли нашей и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь*. Син., 67; *взя с ними миръ на всеи правдѣ своеи*. Син., 73; *на семь ти, княже, хрѣстъ цѣловати*. Дог. гр. Новг. с Яр. Яр. 1264 г. ГНП, ср. также новгородские грамоты 1266, 1270, 1307—08, 1318—19 гг. и т. д.; *послалъ на сеи правдѣ*. ГНП (1262—1263 гг.); *аще оумирая раздѣлти домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти*. Р. Пр. Простр. ред. ст. 87; *положилъ есмь на бозѣ*. Дог. гр. Сем. Ив. 1353 г. ДДГ; ср. также московские грамоты следующих годов и многие другие примеры, впрочем, крайне однообразные. В XVI—XVII вв. таких случаев весьма немного; они явно исчезают, хотя в рамках лок. с предлогом *на* в значении основания деятельности появляется немало новых примеров, уже не носящих характера идиом. Именно эти образования сохранились и в современном русском языке.

Когда в лок. с предлогом *на* стоит слово, выражающее определенное чувство, душевное состояние, положение, должность и т. п., то он (лок.) приобретает значение состояния. В древнерусском языке такие примеры насчитываются единицами: *и на гнѣвѣхъ замысли тѣготу Кианомъ*. Лавр., 366 (при обычном *въ гнѣвѣхъ*); *передалса Стославъ на льсти*. Лавр., 403; *стоиши на борони*. Сл. о п. Иг.; *а на отводѣ*

были... Отводн. Алекс. Ник. 1392—1427 гг. Акты, 9 (обязательная формула всех отводных); *будет ли сталь на разбои*. Р. Пр. Простр. ред., ст. 5 и др. Дальнейшая судьба лок. этой группы весьма сходна с предыдущей: исчезновение полунаречных типов (*на гнѣвѣхъ* и т. д.) и расширение за счет новых примеров.

В ряде случаев лок. с предлогом *на* от имен, обозначающих местное понятие, употребляется в связи с глаголами движения. Естественно, у лок. здесь возникает значение направления. Такие случаи в древнерусском языке гораздо более часты, чем лок. с предлогом *в* в этом же значении. Однако и здесь не все примеры достаточно убедительны и иногда могут быть объяснены иначе. В частности, нередко можно видеть в примерах такого рода не значение направления, а значение распространения действия по пространству, что вполне возможно ввиду особых оттенков в значении предлога. К сожалению, подобные случаи (лок. с предлогом *на* в значении направления и сходные с ним примеры) до сих пор не отмечались. Причина этого заключается, вероятно, в относительной малочисленности подобных лок. и в отсутствии каких-либо соответствий в современном языке, что, однако, никак не может извинить такого важного упущения. Приведем некоторые примеры: *воротишася на Новемь Тѣргу*. Син., 27; *въспятишася на Дубровьнѣ*. Син., 25; *пришедѣ Бонжкѣ зимѣ на Зарубѣ*. Ипат., 257; *и послаша сторожѣ Литва на озерѣ Зыатѣ*. Ипат., 818; *а приведутѣ... на Тфери к великому князю*. 1446—47 гг. ГНП (здесь также допустимо и другое объяснение). Ср. также: *вержеся на персехѣ*. Жит. Алекс., 477¹⁰²; *паде на прсехѣ*. Там же, 481; *изыдемѣ на полудни* (= на юг). Хожд. бог., так или иначе подтверждаемые и чисто русскими памятниками: *падѣ на лицѣ*. К.-Печ. Пат., 179; может быть, *падѣ на ногу старцу*. Там же, 3 и др. Ср. также обычный для древнерусского языка лок. с предлогом *на* при глаголах *положити*, *поставити*, *повѣсити* и др. (*поставляше на своихъ мѣстѣхъ*. К.-Печ. Пат., 34 и т. д.).

Как и в локативных конструкциях с предлогом *в*, лок. с предлогом *на* мог иметь значение времени, если он был образован от слов, обозначающих определенный временной отрезок или какое-то событие, момент и т. д., которые могут восприниматься и во временном плане (в этом случае не всегда возможно четкое выделение временного значения среди некоторых других). Укажем примеры: *и сдѣ казнѣ приимають и на ономъ вѣцѣ муку вѣчную*. Син., 87; *на той же недѣли погорѣ Ильина улица*. Син., 99; *приѣхаша... на страстной недѣли*. Син., 99; *на зимѣ не даѣ собѣ оупокоѣ*. Лавр., 251; *стоащю на оутрени*. Лавр., 191; *сѣдлащю на обѣдѣ*. Лавр., 239; *самъ ксмь створилъ дѣла на воинѣ и на ловѣхъ*. Лавр., 251; *исправлаху на всѣхъ сборѣхъ*. Лавр., 115; *велѣлъ ксмь бити въ нѣ на обѣдѣ*. Грам. Мст. Волод. 1130 г. Др. пам.; *мнозѣ избиеиѣ на полку*. Комисс., 123 и др. Изредка встречаются примеры, где в лок. с предлогом *на* более четко выражена протяженность вре-

¹⁰² Так в Троицкой редакции. В других — иные варианты. Между прочим и в Троицкой редакции однажды встречается: *вержеся на перси*. 481.

мени, в течение которого происходит действие (ср. аналогичный оттенок в лок. с *на* в местном значении): *сдѣлали бо ся бяху на мале часу*. Син., 36; *солнце помърче яко на часу*. Син., 37; *на долѣвъ вопиющу*. Пов. И. Новг., 178; *и на долѣвъ ищущимъ*. Ипат., 589; *познаеть ли на долѣвъ оу кого то купиль*. Р. Пр. Простр. ред., ст. 32 (в последних трех примерах *надолѣвъ* уже сильно онаречено). Эта группа случаев в дальнейшем исчезла. Что же касается предыдущей группы, то она развивалась не равномерно: лок. с предлогом *на* от слов, выражающих собственно временные понятия, сильно сузил границы своего употребления (*на той неделе, на 3-м году* и т. д.), а лок. от имен, приобретающих временное значение лишь в известных случаях, сохранился лучше¹⁰³, хотя в ряде примеров и он уступил место типу *во время* + род.

Остальные локативные группы с предлогом *на* очень сильно ограничены в отношении возможных при них глаголов, что в значительной степени и обусловило их узко специальный, часто формулообразный характер. Такие случаи, как правило, были распространены в деловых стилях. Так, лок. с предлогом *на* при глаголе *дать* обозначает обычно предмет или лицо, оцениваемые во время акта купли—продажи, и параллелен соответствующей группе лок. с предлогом *в* (*а въ смердѣ 5 гривень*): *елико же же (так!) далъ будеть на немъ*. Лавр., 50; *дати на собѣ злато*. Лавр., 279; *дастъ дань на нихъ*. Комисс., 110; *и даша на немъ рублеи гривну*. Купч. Акинф. 1359 г. ГНП; *а на селѣхъ его кунъ ему даемъ*. Грам. с жалоб. на Фед. Мих. ГНП; *и даша на том сели на Мидни... девдансто рублев*. Купч. Мих. Фед. ок. 1380—1417, Акты; *далъ есмь Фоме на немъ пятнадцать рублев*. Купч. Троицк. монаст. 1392—1427 гг. Акты; *далъ есми на немъ пятнадцать рублев*. Дух. гр. Патрик. Строева 1392—1427. Акты; *колько далъ боудеть на немъ*. Р. Пр. Кратк. ред., ст. 17; *на ком дал пословицею*. Гр. Дм. Иван. 1375 г. ДДГ и другие.

Лок. с предлогом *на* от имен, обозначающих название плательщиков, должников и т. д., при глаголах *брать, взять, (по)имать, искать, получать, докончатъ* и т. д. приобретает значение „источника объекта“ (Григорьева): *имаша на нихъ нѣ с полуторы тысяце гривенъ*. Син., 24; ср. там же, 51, 68, 74, 88; Комисс., 106; *имати дань на насъ и на инѣхъ странах*. Лавр., 17; ср. там же, 19, 65; Ипат., 835; *на мнѣ... възалле 12 гривенъ*. Новг. бер., № 155; ср. особенно грамоту № 162, целиком построенную на таких формулах (но без глагола); *а кунъ емати на нихъ*. ГНП (1304—1305 гг.); *на тѣхъ селѣхъ кунъ имати*. Дог. гр. Мих. Яр. 1317 г. ГНП; *емати скотъ варягу на русинѣ*. Догов. гр. Новг. с Готск. бер. 1189—1199 гг. ГНП; *паки ли прииметь на немъ кунъ*. Р. Пр. Простр. ред., ст. 55 и т. д.; *възяши всю дань, а на суждальскихъ смердѣхъ другую*. Син., 33; *дань на нихъ възя*. Син., 52; *возми на нас дань*. Комисс., 123, Лавр. 70; *и дань възати на своихъ ботарехъ*. Грам. Дм. Ив. ок. 1367 г. ДДГ; *будет на комъ*

¹⁰³ Во всяком случае в XVI—XVII вв. эта группа представлена богаче, чем в древнерусском языке. Любопытен пример из Жития Михаила Клопского: *и полъ покадив во церкви на девятой песни да пошел в келию*. 89.

не взято. Грам. Дм. Ив. 1375 г. ДДГ; на томъ взяти за полсохи. ГНП (1448—1461 гг.); *взяти ми на Пануть рубль*. Дух. гр. Патрик. Строева 1392—1427 гг. Акты; *взять... на виноватом на боярине 50 рублей*. Новг. Судн. грам., ст. 6 ПРП II; *взять на том заклад*. Там же, ст. 37 и т. д.; *искати на новгородцехъ или на новоторжцехъ*. ГНП (1446—47 гг.); *аще кто възыщеть кунъ на друзъ*. Р. Пр. Простр. ред., ст. 43; *аже гдѣ възыщеть на друзъ*. Р. Пр. Кратк. ред., ст. 14; *а чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ*. Грам. Дм. Ив. ок. 1367 г. ДДГ и др.; *а брати... на новоторжскихъ волостехъ на всехъ*. ГНП (1448—61 гг.); *и на собѣ докончаша 50 000 гривен серебра*. Син., 95; *на Копысе полюдья четыре гривны, а на перевозе четыре гривны, а... на Прупои 10 гривенъ*. Смол. гр. 1150 г. ПРП II; *и взяла на Коньстянтине граде тяжчайшую дань*. Сказ. о кн. владим., 176 и др. В этот период лок. с предлогом *на* в этом значении явно преобладал над конструкцией род. п. с предлогом *с*. То же в полной степени относится и к XVI—XVII вв.¹⁰⁴ Лишь в последние 2—3 века эта конструкция стала редкой и сохранилась преимущественно в говорах¹⁰⁵.

Упомянем еще об одной столь же однообразной группе локативных конструкций, тесно связанных с глаголами *дать власть, иметь власть, изливать милость, делать насилие, мщение* и т. д. Значение этой конструкции определяется пониманием объекта как сферы деятельности. Примеров этой конструкции в древнерусском языке в общем мало (да и в XV—XVII вв. лишь немногим больше): *и Михаило створивъ прелестъ на Даниль*. Син., 74; *и положили есте укоръ на всѣхъ*. Син., 53; *туга, бѣда на всѣхъ*. Син., 22; *повеле зажещи на нихъ огнемъ*. Комисс., 112; *и начаша Варязи насилие дѣяти на мужатых женахъ*. Комисс., 174 и т. д. Ср. в Остромировом евангелии: *дасть имъ силъ и власть на всѣхъ. бѣсѣхъ* 100а; *даяше имъ власть на дусѣхъ нечистыхъ*. 290а и др. Возможно, число примеров нужно увеличить за счет некоторых других случаев, обладающих еще и иными оттенками значений. В дальнейшем эта группа лок. оказалась непродуктивной и почти полностью исчезла.

Таковы основные типы локативных конструкций с предлогом *на*.

В соответствии с наречиями из лок. с предлогом *в* существуют и наречия из лок. с предлогом *на* с таким же кругом значений (иногда они отличаются только предложной частью). Правда, их гораздо меньше: *набързѣ* (и *въбързѣ*), *наединѣ*, *назадѣ*, *напередѣ*, *навѣрху*, *надолу*, *накривѣ* (*накривѣ послушествует*. Домостр.) и др.

¹⁰⁴ Ср. *взыщеть на них*. Посошк., 22; у Котошихина: *на немъ же... возьмутъ пеню большую, на виноватомъ возьмутъ зарядъ* и т. д. Ср. многочисленные примеры в „Архиве Строева“, в „Собрании Государственных грамот и договоров“, ч. III, IV, в „Уложенияхъ царя Алексея Михайловича“, в „Юридическихъ Актахъ“, изд. Археограф. ком. и в других памятниках того времени.

¹⁰⁵ Впрочем, и за их пределами встречаются отдельные примеры. Ср. у Достоевского: *был у покойного мужа потерян на одномъ здешнемъ петербургскомъ купце капиталъ; можете искать на мне завтра в мировомъ суде; а что не взыскали добрые люди на его горемычной доле и простоте* и т. д.

В более поздние периоды (вплоть до настоящего) лок. с предлогом *на* продолжал оставаться второй по распространенности конструкцией¹⁰⁶, употребительной в целом ряде довольно разнообразных значений. Однако нельзя пройти мимо исчезновения ряда отдельных типов лок. с предлогом *на* в истории русского языка, ставших непродуктивными и употреблявшихся лишь в узких границах тех или иных стилей (см. выше). Оставшиеся же типы значительно расширились за счет целого ряда новых примеров такого же рода, как и в лок. с предлогом *в*.

¹⁰⁶ По данным М. Н. Петерсона, она составляет 22% всех предложных локативных конструкций („Синтаксис русского языка“, стр. 75).

II. ЛОКАТИВ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В белорусском языке лок. употребляется с предлогами *а, аб, у (ў), на, па, пры*. Так как в предыдущем разделе при рассмотрении лок. были использованы и древние западнорусские памятники (включая XIV в.), то здесь придется остановиться лишь на особенностях белорусского лок. в более поздний период, точнее, на тех отличиях в лок. от русского языка, которые могут (хотя бы в виде намека) помочь при выяснении более древнего состояния лок.

Естественно, что памятники белорусского языка не знают б/пр. лок., если не считать нескольких наречий, по происхождению являющихся б/пр. лок: *балазе, годзе, добре, доле*, может быть, диалектное *вонках (вунках)*¹. Наречий типа *зиме, лете, начы*² и т. д., известных по материалам украинских говоров (и даже русских), в белорусских говорах нам не встретилось. Правда, в старых западнорусских памятниках XV—XVI вв. подобные наречия еще имеются, хотя и довольно редко. Примеры их наиболее полно собраны в фундаментальном труде Е. Ф. Карского „Белорусы“ (т. II, вып. 3, стр. 161—163), причем во внимание были приняты главным образом рукописные сборники, в основном религиозного содержания. Поэтому в достоверности ряда примеров Карского, приводимых им в качестве особенностей белорусского лок., можно усомниться. Более надежными были бы показания памятников делового содержания и западнорусских летописей. Однако в первых таких случаях очень мало, в последних почти вовсе нет, если не считать приводимого Карским из рукописного сборника XV в. под названием „Летопись Авраамки“ примера: *той зимѣ*. 252в., который, однако, отсутствует в Виленском списке XVI в. этой летописи, где всюду выступает род. *тое ж зимы*. 198, 198, 199, 203, как и в Уваровском списке, относящемся к XV в. (см. 90, 94, 96, 98, 105, *того же льта*. 109), и в Супрасльском списке XVI в. (*той зимы* 16, 27, 29,

¹ См. *вонках* 'вне', 'на дворе': *вода вонках; не сваволь, вонках будзеш, уступившись за татку, будуць биць, уступлюся за милого, вонках быць*. Носов. 66.

² А. К. Сержпутовский указывает следующий пример в говоре дер. Чудина Слуцкого уезда: *але поуначы на беравах не муожна прайци* (СПб., 1911, отд. отт. из Со. ОРЯС, т. LXXXIX). Однако Е. Ф. Карский склонен видеть здесь пропуск *ў* („Белорусы“ т. II, вып. 3, Варшава, 1912, стр. 163).

30, 30, 31, 31, 32, 33, 33, 34 и т. д.). В этом отношении западно-русские памятники напоминают другие тексты северо-западной Руси (ср. новгородские и псковскую летописи), где на месте прежних б/пр. лок. времени почти во всех случаях утвердился род. (в других местах в с вин., твор. без предлога, род.).

Достоверных примеров б/пр. лок. места, разумеется, нет. Отдельные случаи, напоминающие старый б/пр. лок., объясняются иначе. Ср. *положили его возъ цеса(р)скомъ*. Алекс., 62; *посади его на великомъ кнѣжи Вилни*. Лет. лит. (Супр. сп. 72) при *оу Вилни* в соответствующем месте „Летописи Авраамки“, где можно думать о пропуске предлога, понятном в данных условиях, или об отнесении предлога *на* и к слову *Вилни*. Никак не может свидетельствовать о сохранении б/пр. лок. в XV—XVI вв. и пример из Псалтыри XVI в., указанный Е. Карским³: *Гь нбсе^с зготоваѡ прѣль*. Псалт. XVI в., 1026⁴ или при известных глаголах: *ни власъ огонь не прікоснул*. Лет. Авр., 89 б. и т. п.⁵

Примечание. В современных белорусских говорах довольно часто встречаем употребляемое в причинном значении вопросительное местоимение *чом* (*а чом нильга?* Шейн, II, 3; *чом на бѣру блудзішь?* Виленск. Карск. РФЗ 183), № 2, 243; *чом на улицу не выходзішь?* Радченко, 5; *чом не пашешь*. Там же, 167; *чом на воду схилилася*. Могил. Е. Роман. Бел. сб., т. I, 25, и др.) при обясненіи *чаму* (*чаму волю доць ты забылася?* Я. Куп., II, 19 и др.). Изредка встречаются *том*: *том я его полюбила, што ён не пьяница*. Маг. Гродн. Роман., I, 143. Эти формы известны и украинскому языку. Их одинаковое происхождение несомненно. Видеть в них б/пр. лок., разумеется, никак нельзя. Их принадлежность к дат. (сокращенная форма) понятна и в белорусском⁶, и в особенности в украинском языках. Кстати, корневой вокализм этого слова в белорусском и в украинском заставляет предположить относительно позднее происхождение *чом*: после падения редуцированных в конечном положении (иначе в украинском было бы *чим*), но перед возникновением аканья (иначе в белорусском было бы *чам*)⁷.

Таким образом, памятники белорусского языка представляют фактически исключительно предложный лок.

Локативные конструкции с предлогом *а* и *аб* в белорусском языке получили несколько меньшее развитие, чем в русском. Интересно, что в применении к белорусскому языку можно говорить о самостоятельных предлогах *а* и *аб*, так как, во-первых, они не являются сейчас эвфоническими вариантами одного и того же предлога (как, например, отчасти в русском) и, во-вторых, они обладают особыми, не совпадающими друг с другом значениями.

³ Е. Ф. Карский. Западно-русские переводы Псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896, стр. 243.

⁴ В Псалтыри XVII в. в соответствующем месте стоит *на небе*.

⁵ Ср. *ваших надеюсь молитвах*. Гильгебр. Сб. Сев.-зап., 139.

⁶ Однако изредка в говорах встречаются случаи типа: *апчом ты думку маешь*. Малев., 40 (Слуцкий уезд).

⁷ Более точная датировка [зависит от] определения времени начала аканья в белорусском языке. Явные примеры его встречаются, кажется, лишь в Полоцкой грамоте 1278 г. (более ранние примеры, приведенные Карскими, малоубедительны).

Предлог *a* употребляется с лок. имен, обозначающих временные понятия: *о поўначы, о дванацатай гадзіне, а поўдні; встану о полудні*. Булгаковский, 3, 48; то же и в старых памятниках: *отправовати печати мають в року пришлом 1589 о трехъ кролехъ святе*. Стат. 1588 г., IV; *о четвертой сторожи ночной пришлоъ*. Тяпинск. ев. 1570 г. лист 51; *пѣтухъ... о полночи какарѣкаетъ*. Мяс., 64 и др. Нужно сказать, что лок. с предлогом *a*, имея очень ограниченную сферу употребления, весьма редок и в литературном языке и в говорах и является своеобразным „синтаксическим идиоматизмом“, в гораздо большей степени, чем в других восточнославянских языках. Локативные конструкции с этим предлогом в значении места в белорусском языке вообще не засвидетельствованы.

Лок. с предлогом *аб* в современном языке употребляется почти исключительно в изъяснительном значении: *гаварыце, думкі, пакуль сонца ходзе, аб маей старонцы, аб майм народзе*. Ян. Куп., II, 53; *а яны раскажуць аб маей старонцы*. Он же, II, 57; *няхай апявае аб сонцы, аб зорах*. Он же, II, 74; *талкуюць аб гэтым*. Он же, II, 79 и т. д. То же в говорах: *прочула аб гэтым*. Борис. Шейн, II, 28; *ина клопоцитуца аб яго дзецях*. Там же; *яны аб гэтым вельми плакалі*. Минск. Там же, 72; *думаць об булаве*. Борис. Там же, 89; *апчом ты думку думаешъ*. Малев. 40; *об чим плачеш?* Могил. Бел. сб., I, 3, 5 и др. Круг глаголов, при которых выступает эта конструкция, в основном такой же, как и в русском языке. Интересно отметить, что в старых западнорусских памятниках с лок. с предлогом *аб* в этом значении соперничал вин. с тем же предлогом: *о сполное доброе всихъ мало дбали*. Стат. 1588 г., V; *ведучы право о кгрунтъ пенный*. Там же, 248; *о певный долъ записалъ*. Там же, 49; *о чужие справы недбал*. Касьян Рымл. Ерамита, 226; *о покору не дбати*. Там же, 173; *молитса о месилша*. Псалт. XVI в., 137; *просила его о домъ свои и о села свол*. Скорина Ц., 200, — и особенно в заглавиях, где вин. с предлогом *о* решительно преобладает: *слова о чужоложъстве*. Тяпинск. Ев., 26; *о речь земленую*. Стат. 1588 г., 2; *о листы заручьные*. Там же, 2; *о довод квалту*. Там же, 18; *о дома шляхетские*. Там же, 6; *о бабровые гоны*. Там же, 17; ср. также эту конструкцию в писцовых книгах XVI—XVII вв. и особенно в западнорусских псалтырях того же времени⁸. Во многих из подобных примеров, вероятно, нужно видеть полонизмы. В частности, характерны глаголы, при которых выступает вин.: *просить, молить, дбать*, которые и в польском языке употреблялись с этим же падежом. Однако нельзя оспаривать белорусскую принадлежность основной массы этих случаев. Между прочим, подобные конструкции известны и по говорам: *гаворат аб жаніцьбаньку свою*. Ковенск. Каминск., 38⁹; *говорит об мяне мо-*

⁸ См. примеры у Е. Ф. Карского. „Западнорусские переводы псалтыри XV—XVII вв.“ (Варшава, 1896) и „Два памятника старого западнорусского наречия“. — ЖМНП, 1893, № 8 (особенно в католическом катехизисе 1585 г.). В западнорусских летописях почти исключительно употребляется лок. с предлогом *о/об*.

⁹ Может быть, в связи с соответствующей литовской конструкцией.

лоду. Лепельск. Шейн, I, № 134 и др.¹⁰ Однако сейчас с лок. с предлогом *аб* соперничает в основном другая конструкция — вин. с предлогом *про*. В литературном языке эта последняя несколько уступает лок. с предлогом *аб*, а в говорах нередко преобладает (ср., например, северско-белорусский говор, описанный Расторгуевым)¹¹. Старые памятники сохраняют некоторые случаи лок. с предлогом *аб* и в других значениях, прежде всего — основания действия. Однако подавляющее большинство их известно нам из памятников религиозного содержания (обычно переводных). Поэтому во многих из них можно видеть иноязычное влияние¹². В западнорусских летописях они встречаются главным образом в общерусской части; в позднейших частях таких примеров мало, и они не представляют ничего нового по сравнению с аналогичными русскими примерами. Лишь в исключительно редких случаях в говорах белорусского языка встречаются остатки локативных конструкций с предлогом *аб* не в изъянительном значении. Ср. *аб туюй пары піэўни запіэли*. Слуцк. Сержпут., 47; *прыдзьзі ка мне ў вечар аб яснай сьвя'цы, як я маладзьенька на караваці*. Минск. Малев., 67; *об тым я пила и ела*. Могил. Бел., сб., I, вып. 3, 6 (!). Однако таких примеров (как и иного рода: *о мні забув*. Пинч. Булгаковский, 61 [видимо украинизм]) настолько мало, что принцип дифференциации предлогов *а* и *аб* можно считать осуществленным и в говорах.

Еще большее различие по сравнению с русским языком наблюдается в лок. с предлогом *па*, который в белорусском языке весьма употребителен. Как и в русском языке, в западнорусских памятниках до XV в. в значении распространения действия по поверхности употреблялся исключительно дат. с предлогом *по*. Преобладающим в этом значении является он и в XV в. и в первой половине XVI в. Достаточно сказать, что в Супрасльском и Уваровском списках, в Летописце великих князей литовских (по Супрасльскому списку), в „Летописи Авраамки“ (Виленский список), в „Похвале Витовту“, в „Литовскому роду починке“, в Статуте 1588 г. и в грамотах (см. об этом ниже) встречается исключительно дат. с предлогом *по*. Локативных же конструкций с предлогом *по* в местном значении в указанных памятниках не встретилось. Не отмечены они и в Радзивилловском списке, сделанном в конце XV в. в западнорусской языковой области¹³. Разумеется, не все эти памятники вполне доказательны, так как в известной части

¹⁰ В „Материалах для изучения белорусских говоров“. — ИОРЯС, III, 3, 1898, стр. 1—67; Карский таких случаев не отмечает.

¹¹ П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927. В этой связи странным кажется утверждение Карского, что „в белорусском языке *про* в значении *о* встречается довольно редко“ („Белорусы“, II, вып. 3. См. о *про*).

¹² См. Е. Карский. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв., стр. 172.

¹³ См. А. А. Шахматов. Заметка о месте составления Радзивилловского (Кевицбергского) списка летописи. — „Сборник в честь Д. Н. Анучина“. М., 1913.

они зависели от других, более ранних списков (особенно в тех частях, где излагались общерусские события). Однако, учитывая наиболее достоверное из этих памятников, а также религиозных памятников XV в. (псалтыри, Четья 1489 г., описанная М. Карпинским¹⁴, и др.) и грамот, можно заключить, что в XV в. лок. с предлогом *по* в значении места был еще крайне редок и не употреблялся в письменной речи. Однако памятники XVI в. содержат уже целый ряд случаев подобной конструкции, правда, преимущественно в переводных произведениях религиозного содержания: *иже суть по всехъ землѣхъ нашихъ розпрашены*. Скорина. Есфер., 345¹⁵; *по рѣдохъ*. Скорина. Исход, 53, 283; *по домехъ*. Скорина. Числа 56., 283, ср. *по домох*. Скорина. Апост., 596, 283; *по поколониехъ*. Скорина. Числа 6, 283; *жити по городехъ*. Brückner. Codex Racz. AfslPh, IX, 367; *дивно има по всемъ свѣте*. Псалт. XVI в., 116, 12, 48; *по сухихъ мѣстцахъ*. Псалт. XVII в., 1126; *по горахъ*. Там же, 306; *освѣчали по всемъ свѣте*. Там же, 636; *овоцы по деревьяхъ ниско висѣат*. Касьян Рымл. Ерамита, 82; *по турмахъ вязнемъ*. Фунд. Сапеги 1588 г.; *идуци... по праве*. Акты Вил. Ком., № 113 и др. (впрочем и здесь в ряде случаев можно думать о полонизмах или чехизмах, например у Скорины, хотя язык Псалтыри 1517 г. он и называет „русским“ в отличие от „словенского“). С XVI в. локативные конструкции с предлогом *по* в местном значении (а затем и в ряде других) появляются и в языке деловой письменности (правда, еще довольно рѣдко). Впрочем, известен нам и более ранний пример из грамоты князя Мстиславского Ивана Юрьевича от 1463 г.: *по всихъ иныхъ меншихъ престолахъ свѣщенники... службу божую... спѣвать мають*. Белор. Арх. др. гр., I, 3. Однако эта грамота дошла до нас в поздней копии. В различных говорах белорусского языка процесс вытеснения локативной конструкцией с предлогом *по* дат. с тем же предлогом шел с различной интенсивностью. Если в говорах, легших в основу литературного языка, этот процесс почти полностью закончился в пользу лок., то по другим говорам наблюдается довольно пестрая картина сосуществования тех и других форм, видимо, с попыткой в некоторых говорах провести дифференциацию по числам (в ед. ч. — *па* с дат., во мн. ч. — *па* с лок.). Во многих случаях определение падежа при предлоге *па* представляет значительную трудность, так как при почти полном тождестве значений дат. и лок. с предлогом *по* они в большей части случаев совпадают и по форме. (Кстати, между ед. ч. и мн. ч., в котором эти падежи различаются, нет полного параллелизма.) Укажем некоторые примеры лок. с предлогом *па* из говоров: *па столе пакаціла*. Ковенск. Каминск., 26; *красна дзѣўка па сянехъ ходзиць*. Там же, 35; *пайду па тѣхъ стежечкахъ*. Там же, 45; *по томъ брусью братъ с сѣстрою йшоў*. Старод. Нечаев, 106;

¹⁴ М. Карпинский. Западнорусская Четья 1489 г. — РФВ, т. XXI, № 1, 1889, стр. 59, 60.

¹⁵ Указаны страницы книги П. В. Владимирова „Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык“ (СПб., 1888), где даны отрывки из трудов Скорины.

по следах его перстнем покатила. Радченко, 114, ср. 113; па чыстым полю люди гаманяць. Полесье. Сербов, 166; гуляе по вышневым саду. Пинч. Булгаковский, 67; распустила свою русу косу по билих плечицах. Там же, 100 (возможно, украинский говор); обгукнулася по тым боцы синя мора. Могил. Бел. сб.; I, 448; по сенях ходя. Там же, 51; хто по гэтых местах будзець жиць. Витебск. Бел. сб.; I, 4, 12; па садзі хадзила. Новозыбк. Полевой, 43; поведзе раз по струнах. Погост. Шейн, II, 15; по молоцэ плавая. Минск. Там же, II, 45; летая по болоце. Слуцк. Там же, II, 85; пошоў по ўсім свеци. Борис. Там же, II, 106 и др. Отметим, что довольно часто точное определение падежной принадлежности имени при предлоге *па* в ед. ч. в говорах затруднено.

Проникновение лок. с предлогом *па* не ограничивается только местным значением: оно происходит почти во всех случаях, когда существует дат. с этим предлогом. В соответствии с указанной конструкцией в местном значении существует лок. с предлогом *па* во временном значении: *збірацца па святых, рос пы годам, як пы часах*. Могил. Бел. сб., I, 3, 99; *царэвич рос не па часох, а па днёх*. Полесье. Сербов., 128 (но чаще: *росли яны ни по годам, а по месяцам*. Борис. Шейн, II, 61 и др.); *што па ночы ходишь*. Старод. Нечаев, 40; *я буду по ночи мыць, я буду по ночи прасць, я буду по ночи шиць*. Гродн. Шейн, II, 65; *ходзиць по ночках*. Носов. Послов., 13 и др. Следует, впрочем, заметить, что литературный язык и многие говоры предпочитают в этом значении употреблять твор. или вин. с предлогом *у*.

Довольно частый в старых западнорусских памятниках лок. с предлогом *по* от имен, обозначающих предмет, за которым следует другой, в современном литературном языке исчез, а в говорах очень редок (ср. *по мне хмары идуть*. Булгаковский, 73 и др.); его место заняли другие конструкции (*услед+за+твор.*). Зато соответствующая конструкция временного плана известна гораздо лучше: *збегла па гэтым дзён нешта са тры*. Ян. Куп., II, 51; *суд ідзе па судзе*. Ян. Куп., II, 55 (с оттенком очередности); *па не малум часе забрахали сабаки*. Слуцк. Сержпут., 64; *до Духа не здзевай кожуха, а по Дусе в том же кожусе*. Носов. Послов., I, 296; *по добром кусе я й воды напьюся*. Там же, 129; *у ниділю по обіди ходив пан Бог по всим світи*. Гродн. Бычко-Машко, 37; *отправця по им по живом на тей свет*. Быховск. Бел. сб., III, 141 и др.

Довольно употребительны в белорусском языке локативные конструкции с предлогом *па* в объектном значении (типа *плакать по ком*): *па ём журуся*. Минск. Малев., 80; *па вяльмуожнуй пани званэ зазваніли*. Там же, 55; *па ком... сьлёзы льеш?* Там же, 72; *плаче по вуолах, по коровах*. Белост. Гильтебр. Сб. сев.-зап., 95; *як по тобі... плаче*. Гродн. Бычко-Машко, 34; *по йим плаче старенькая мати*. Там же, 40; *ніхай па ём тужиць*. Ново-Алекс. Каминск., 54; *ні па ком так ні страдала*. Там же, 64; *по ем тужить земля*. Радченко, 161; *па ём плакать ни вилять*. Старод. Нечаев, 47; *клапатуя вельми*

мати па радненьком да дитяти. Полесье. Сербов, 147; *по милом буду плакати*. Гомельск. Бел. сб., I, 42 и др. Между прочим, здесь же употребляется и дат. с предлогом *па*, хотя и реже: *по милому тужячи*. Гродн. Бычко-Машко, 10; *паплать девачка... па миламу па Иванюшечки*. Старод. Нечаев, 51; *па свайму сынку убиваетца*. Могил. Бел. сб., I, 30 и др.

Лок с предлогом *па* употребляется и в случаях типа *пазнаць па голасе*: *па усім відаць*. Шамяк., 28; *пачом... пазнаў*. Минск. Малев., 68; *па прыметах примічай, ні найшоў ён па прыметах*. Старод. Нечаев, 118; *видно по вочках, хто ходзіць по ночках*. Носов. Послов., 13 и др.

Характерна локативная конструкция с предлогом *па*, имеющая оттенок цели: *хадзіли па грыбуох*. Слуцк. Сержпут., 47; *хаділи па грыбох*. Полесье. Сербов, 127; *хадзіць пы грыбах*. Витебск. Карск. Мат., ИОРЯС, IV, 4, 67, Минск. Там же, III, 3, 18, 25 и др. наряду с однозначной конструкцией *хадзіць у грыбы*¹⁶. Наконец, существует в белорусском языке целый ряд случаев, когда весьма заметна тенденция к употреблению в ед. ч. дат. с предлогом *па*, а во мн. ч. — лок, с тем же предлогом. Особое развитие эта дифференциация получила в литературном языке, хотя и здесь она не проведена со всей обязательностью. Укажем ряд примеров: *па году — па годах, па панядзелках* (во временном значении); *старэйшы па ўзросту — найлепшы па здольнасцях* (основание, loc. limitationis); *таварыш па універсітэту — па працах; ісці па сонцу* (но и *па сонцы*) — *па зорках; рабіць па загаду — па загадах; спаборніцтва па футболе — па шахматах*; ср. также в разделительном значении: *па адным чырвонцы — па сорок чырвонцах* (вин). Эти и некоторые другие факты дают основание говорить о тенденции к смешению дат. и лок. при предлоге *па* в белорусском языке, причем это смешение носит компромиссный характер, так как в ед. ч. во многих случаях индуцирующим является дат., а во мн. ч. — лок. И хотя этот процесс возник в относительно позднее время, его источники, несомненно, крылись в гораздо более ранних периодах развития языка.

То же самое относится и к локативным конструкциям с предлогом *на* и *у* (*в*) как в старых памятниках, так и в современном литературном языке и в говорах. Отдельные мелкие отличия большей частью позднего происхождения и, во всяком случае, никак не могут помочь при исследовании древнейших судеб локативных конструкций.

И вообще белорусские материалы по лок. имеют для нас значение не в плане сохранения тех или иных архаизмов, а лишь в том отношении, что они представляют особую (позднюю) ступень в развитии лок., которая по сравнению с развитием лок. в других языках создает благоприятные условия для восстановления более древнего состояния.

¹⁶ *Хадзіць па грыбы*. Карск. Мат., ИОРЯС, III, 37 имеет другой оттенок.

III. ЛОКАТИВ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Если учесть, что в разделе, посвященном древнерусскому лок., фактически дана характеристика восточнославянского лок., поскольку каких-либо диалектных различий по интересующему нас вопросу в XI—XIII вв. не обнаружилось, то данные украинского языка едва ли могут прибавить что-либо существенное к той картине древнего восточнославянского лок., которая была представлена выше. В тех случаях, когда памятники украинского языка или его диалекты отражают те или иные архаичные особенности лок., они, понятно, более полно представлены в древнейших восточнославянских памятниках XI—XIV вв. Поэтому гораздо интереснее остановиться на различиях в лок. между украинским языком и русским, хотя бы эти различия и были вторичного порядка. В тех же случаях, где украинские данные совпадают с данными русского языка, а отличия носят лишь количественный характер, мы ограничимся только краткими замечаниями.

В южнорусской языковой области после XIII в. б/пр. лок., как правило, не встречается, хотя в более ранний период его существование в известных случаях бесспорно. Правда, в украинских грамотах XIV в. встречается несколько случаев, которые иногда истолковываются как б/пр. лок. В наиболее обстоятельной работе, посвященной лок. в украинском языке, Е. Тимченко указывает пример, относящийся к концу XIV в.: *што коли княжѣнѣя пустынь с убою сторону*. Гр. 1377., Тимч. Уже из того, что нам известно об условиях употребления б/пр. лок., локативная принадлежность этого случая должна быть взята под сомнение. Если посмотреть на окружающий контекст, который Тимченко неосмотрительно опускает, то наши сомнения увеличатся еще больше: *дали есмы... и полѣ всѣ што суть по рѣцѣ тои и все то што коли княжѣнѣя пустынь с убою сторону... што же коли кѣсть тамъ тоѣ пустынь княжѣнѣя то все далъ кѣмъ ладомирови*. Гр. Влад. 1377 г., Розов, 24. Второй пример говорит в пользу род. и формально и по смыслу. Поэтому, несмотря на некоторую запутанность конструкции, искать в ней б/пр. лок. едва ли правильно. Гораздо больше было бы оснований видеть б/пр. лок. в следующем примере: *а што тои грамотѣ писано тую жь правду... держати*. Дог. гр. лит.-русс. кн. 1352 г., Розов, 7 (исследователями этот случай не отмечен). Однако, учитывая единичность этого примера и особенности условий употребления б/пр. лок., было бы методологи-

чески более верным воздержаться от признания *тои грамотѣ* б/пр. лок., объясняя этот пример иным образом.

Помимо этого, в памятниках XIV—XVII вв. в общем нередко случаи употребления наречных форм, восходящих к б/пр. лок.: *а ко млину граница горѣ смотричемъ до мосту*. Гр. Алекс. Кориат. 1375 г., Розов, 20; *о приложенье печатей тых пановъ верху писаных*. Палеогр. Изб., № 14 (XV в.), Тимч.; *казано утрѣ рано отправити ихъ*. Акты Южн. и Зап. Росс., 11, 112 (1594 г.); *сила конци стола*. Акты Зап. Росс., 1, 212; *установляем ярмарки два: один зими, а другой литѣ*. Там же, 3, 256; *зимѣ ден мали*. Там же, 30; *зимѣ татаре были на Подолу*. Львовск. лет. 1558 г., 233; *абы не было оутѣкане вше зимѣ*. Стеф. Зиван. Пам. XVI—XVII вв., 77; *никогда могу от его отпасти мисли, цару богу и горѣ и долѣ царица соцарствую*. Царство нат. Акт 1, сд. 2. Резанов. Драма укр.; и даже у Феофана Прокоповича: *храм низу и горѣ весь икони украшен*. Владим., V, явл. 2 и др. Подобного рода примеры встречаются и в современных говорах, преимущественно в западноукраинских, где они вообще нередки (разумеется, это наречные формы): *та я з вами та дружила як лѣтѣ, так зимѣ*. Де-Волл., 242; *иду горѣ селом*. Там же, 32; *однойі зими вин вогорит так*. Верхр. Бат., 94; *далѣ за Днепр уступили*. Голов. Галицк.-Угорск., I, 32; *йак тот человек домі прийде (!)*. Гнат. Пряш., 51; *ой горі, горі пави літали*. Покутье. Kolb., I, 115; *зими сонічко гріє*. Roszk. Тимч., 8; *сидить кінци полу, другий кінци стола*. Бессар. Мат. для этн. Херс. губ. 201; *сидить же він кінци стола*. Етн. 36., 35, 8; *ой пливе качарь долі водою*. Етн. 36, 36, 324 и др. (кромі [наряду с крім, крем], нині, межи, колись и др.). Приблизительно такое же географическое распространение имеют наречия типа *слушні, розьмаїтї, диварні, ріжні, ладні, певні, паскудні, звицайні, виїдні, невинні, наглі, вірні* и др. (Верхр. Заміш., 3; Верхр. Доливск., 35, 36; Верхр. Знадоби 27—30, 40, 44, 45 и др.), также восходящие к б/пр. лок. Следует отметить, что подобные наречия часты еще в XV—XVII вв. (см. в Словаре П. Беринды 1627 г.: *щире*. 40, *певне*. 40, *власне*. 46, *смѣле*. 51, *добровольне*. 25 и др.¹). Ср. также приведенные у Е. Тимченко случаи типа *хільці, назирці, нирці, згоді* и др.² (сюда же некоторые относят *ледві* [из лок.] при *ледви* [из вин. мн. ч.])³.

Особого рода явления, представленные в некоторых карпатских говорах Украины и отмеченные И. Верхратским, заслуживают пристального внимания. Мы имеем в виду случаи б/пр. лок. (причем не наречные), существующие в говорах батюков и значительно реже

¹ І. Огієнко. Курс українського язика. 2-е изд. Киев, 1918, стр. 236.

² Е. Тимченко. Льокатив в українській мові. Київ, 1925, стр. 6, 7. Случаи типа: *року 1636, 1637* в украинских летописях являются рад. ед. ч. Ср. там же: *того же року*. 78. Многочисленные примеры типа *приїхав темної ночі* см. Ващенко. Полт., 256.

³ См. К. Т. Німчинов. До етимології та правопису українського прислівника „ледви“ і“. — „Наукові Записки Харківської науково-дослідчої катедри мовознавства“, 1927, стр. 57—60.

лемков и бойков⁴: *щось ріцьї хляпоче*. Верхр. Бат., 77; *солодкий міднові коновойцьї*. Там же; *маю я добрий розум своїї головоцьї*. Там же; *ци беш місты*. Там же; *одинайцяті годині підеш до хсьондза*. Етн. Зб., I, 6 и др. Подобные случаи очень редки и встречаются почти исключительно в песнях⁵. Утверждение Верхратского, поддержанное Тимченко, что в этих случаях нужно видеть старый б/пр. лок., кажется нам недостаточно обоснованным, несмотря даже на факт значительного распространения наречных образований из б/пр. лок. в этих говорах. Сохранение б/пр. лок. в этих условиях при отсутствии его, например, при названии городов совершенно необъяснимо с точки зрения истории славянского б/пр. лок., насколько она известна со времени древнейших памятников. Учитывая обычные в этих говорах *в чистім поли, у вишневім саду* и т. д. и отсутствие регулярного выпадения звука *в*, можно предположить, что своим возникновением б/пр. формы обязаны требованиям песенной эвфонии, что становится особенно понятным в условиях значительного развития сандхи. Кстати, подобные примеры известны и в песенных текстах других мест (см. выше). Здесь же отметим б/пр. лок. при вопросе *чом?*⁶, чередующийся без видимых оснований (даже в пределах одного говора) с *чому*: *а ти чом мині ни вічинив?* Черниг. Курило., 36; *чом ты не прядешь?* Бессар. Херс., 64; *чом до мене не говоришь?* Голов. Галицк.-Угорск., т. I, 124; *чом ты воду не пьешь?* Там же, 267; *чом нерано изіходила?* Там же, II, ч. 1, 119; *чом ты не вкрав?* Полт. Милорад., 57; *чом не ходишь до нас?* Де-Волл., 60; *чом ны ходышь?* Волян. Каминск., 277; *чом мени, каже, неподывыться?* Харьк. Манж., 12 и т. д. наряду с *чому люди не чуте?* Голов. Галицк.-Угорск., I, 44; *чому-сьтэ го не бралы?* Галиц. Яворск., Вып. 1, 1, 6; *а чому ж ты... не весела?* Гуцул. Шухевич, III, 112 и т. д. И в старых памятниках существовали эти два типа: *чому ся ты... смѣеш*. Вишенск., 25; *а чому на свѣцинице не стоить?* Перестор. нач. XVII в. Хрест., 130; *чому ж воло-*

⁴ I. Верхратський. Говір Батюків. Über die Mundart der galizischen Lemken. Ein Beitrag zur slav. Dialektologie. — AfslPh, Bd. XIV, XV, XVI; Про говір галицких лемків. — „Зб. Філол. сек.“, V, 1902.

⁵ Между прочим, И. Панькевич („Українські говори...“) подобных случаев не отмечает. Не встречаются они в старых памятниках подкарпатской литературы; не только в древнейших грамотах (А. Петров. — Sborn. Filol. Sv. VIII, č. 1, 1926, стр. 179—184; Грамота 1360 г. Феодора Кариатовича, как установлено, подложная) и у старых писателей (А. Бачинский. Oběžník; М. Лучкай. Церковн. беседы и др.), но даже и в памятниках религиозной литературы (Бодяньское Учительное Евангелие. Прага, 1936, Изд. J. Javorsky. Поучение на Евангелие по Няговскому списку 1758 г. и др.). См. А. Петров. VII. Памятники церковно-религиозной жизни угро-руссов XVI—XVII вв. Тексты. СПб., 1914; Fr. Tichý. Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi, Praha, 1938.

⁶ См. стр. 83. В форме *чом*, кажется, лучше всего видеть компромисс между дат. *чому* и старым лок. *-чїм*, понятный в условиях формальной унификации этих падежей. См. И. Панькевич. Сполучник „чом“ в підрядних реченнях причини в українських закарпатських літературних пам'ятках. — „Československá zústistika“. 1958, № 2—2, стр. 115—121.

куть, тянут силою нашу церковь. Полемич. соч. XVII в., Петров. Мат., IV, 39; чом я так не мудри биў-ем? Гаватов. Интерм. Хрест., 162; чом иншого не маме. Сб. песен XVIII в. Петров. Мат., IV, 45 (то же постоянно в Няговском толковом Евангелии) и т. д. В говорах русского языка таких случаев несравненно меньше⁷.

Локативные конструкции с предлогом *о* не получили в украинском языке значительного развития. Судьба лок. с предлогом *о* в пространственно-временных значениях в общем сходна с судьбой этих локативных конструкций в русском языке с той лишь разницей, что в местном значении лок. почти совершенно исчез, а во временном получил несколько более широкое распространение, чем в говорах русского языка: *знов о дванадцяти годині приходять*. Верхр. Бат., 106; *поприходили о дванадцятій годині*. Там же, 106; *о півночи, о Різдві, о Великодни, о Покрові*. Там же, 82; *за́снуа роботу о двоох годупосч*. Рахов. Паньк. Укр. гов., 520; *як задзвонят о девятой године*. Голов. Галицк.-Угорск., II, 733; *о півночи полочу*. Там же, 206; *о першим, о другім когуті*. Галиц. Верхр. Знадоби., 44; *о півночи сонок ми си приснив*. Гуцул. Шухевич., 142; *о розсвіті стадо гнати*. Зап. Укр. Чубинск., IV, 919; *о півночи нагайка шуміла*. Покутье. Kolb., II, 178; *о пивночи сходятьця*. Екатер. Манчж., 73 и др.⁸

В старых памятниках и в говорах изредка встречается лок. с предлогом *о*, представляющий собой переходную стадию между изъяснительным и причинным значениями. Как правило, такое значение приобретается при вопросе. Укажем примеры: *о чом барзо много...ест протестацій*. Апокрис. кон. XVI в., IV, 9; *на суд позвано о квалте*. Акты Зап. Росс., I, 7, 1347 г.; *о чом почувши орда*. Лет. Самов., 95; *о чом християне возрадовашася*. Путеш. Иерус., 15; *об чім ти мене душиш?* Лубенск. Милорад., К. стар. 20; *ішов Конон красти коней, ішов Антин і той об тим*. Черниг. Курило, 25 и др. Столь же редки случаи типа *летів птах об восьми ногах*. Номис., 295; *стіл о трох ногах*. Верхр. Бат., 82 и т. д. Совсем единичны примеры лок. с предлогом *о* в значении состояния, известные, кажется, лишь из материалов

⁷ В западных говорах Украины довольно часто встречается употребление одного и того же слова при указании на место и на направление: *ой, где ты їдешь, мой миленький од мене?* Голов. Галицк.-Угорск. III, отд. 1, 152; *де ти їдешь?* Гнат. Пряш., 53, 54; *де идеш миленька?* Покутье. Kolb., III, 39; *прійихаў там*. Галиц. Яворск., 12; *прійжджав там, де мені не хотіло ся*. Ж. Стар., IV, 260 и др. Ср. аналогичные польские факты.

⁸ То же и в старых памятниках: в Львовской летописи с 1498 г.: *татарє о Покрове были*. 234; *о Вознесении*. 237; *земля ся трясла о годинѣ*. 238, 255; *земля тряслась с суботы на неделю о курогашении*. Лет. Самов., 77; *о Рождествѣ Христовѣ было жито до 16 золотых, а о масницы по 10 золотых стало*. Там же, 78; *пустил двор свой власный... о празнику стѣх верховних апостол Петра и Павла в року 1693*. Акт. Стародубск. 1693 г., 6; *хотѣа ей о недавно мимошедших Рождесвенских свѣтах... вчинити насиліе*. Там же, 15; *за коня, взятою... торюм о ярмарку*. Там же, 20, 50; *о свѣтах Рождества Христова одну копу отдати*. Там же, 116; *о том полунощном часѣ... янычаре... всѣ оная улицѣ и переулки собою наполнили*. Лет. Величка XVI и др.; ср. любопытный пример из Перестороги: *видячи Христа Избавителя о молодых лѣтах*. 28.

по западноукраинским говорам Верхратского: *о холоді, о голоді*. Верхр. Бат., 82. Иное дело: *милость о голоді не сита*. Номис, № 8916.

Старый украинский язык знал (правда, мало) и такие случаи локативной конструкции с предлогом *о* в тесной связи с глаголами, как: *о его же имени поклонитъся*. Баран. Трубы слов. 1674., Хрест.; *укараемъся о господѣ*. Там же; *о тебѣ побѣдихомъ*. Прокоп. Мил. бож., IV, явл. 1., Хрест. и др. Однако в современном языке они не сохранились. Да и в старых текстах самостоятельность и оригинальность этих конструкций вызывает известные сомнения.

Интересна судьба локативных конструкций с предлогом *о* при глаголах, выражающих речь, мысль, заботу, скорбь и т. д. В противоположность русскому литературному языку в украинском языке этот тип лок. не только не получил значительного развития, но со временем сильно деградировал даже по сравнению с XV—XVII вв. Ср., например, явное преобладание лок. с предлогом *о* в Перестороге, в сочинениях И. Вишенского по сравнению с другими дублетными типами; правда, стоит отметить, что лок. с *о* в изъяснительном значении особенно характерен как раз для текстов с сильно выраженной церковнославянской традицией и все более и более вытеснялся вин. с предлогами *про*⁹, *за*, изредка *на*¹⁰ (*на бога забули*. Номис, № 1448; *на бідного пам'ятав*. Там же, № 1457; *на мене й дбайте*. Метлинск., 243) и даже *в* с лок. (*чей я собі перестану в дівчини гадати* [=о девчине]¹¹. Верхр. Бат., 82; ср. также: *в чом мене не женишь, в чом мене не дружишь?* Полт. Гнедич, II, ч. 1, 37 и др.). Примеры лок. с предлогом *о* в этом значении довольно редки и, во всяком случае, очень сильно уступают вышеуказанным конструкциям вин. с *про* и *за*: *a što tobi o tom znat'i*; Рахов. Паньк. Укр. гов., 522; *пан ся о тім довідаў*. Верхр. Бат., 82; ср. также Знадоби, 112; *я гадаю о сусіді*. Верхр. Доливск., 88; *він о тім знав*. Там же, 88; *мыслити о кім, пам'ятати о чим*. Там же, 88; *о тім ем не чуў ніколи*. Там же, 89; *о тим знаў о всим*. Галиц. Яворск., 5; *a вин о ній не знаў*. Галиц. Яворск., 15; *об чоботах йому байдуже*. Smal-St.—Gartn., 438; *не ведає о своїй тяжкій беде*. Галиц. Голов., I, 18; *учувши о неславе*. Там же, I, 15; *балакати об мені*. Зап. Укр. Чубинск., V, 863; *лях о грошах не думав*. Там же, V, 236; *ми о нем нині всі веселімся*. Етн., 36., 35, 27; *о тім казети пишут*. Там же, 16, 496; *о тим не таюся*. Зап. Укр. Чубинск., V, 141 и даже: *я о тім не стою*. Покутьє. Kolb., II, 151 (?) и др.

Важно отметить, что большинство таких примеров относится к западноукраинским говорам, где лок. с предлогом *о* получил значительно

⁹ Интересно отметить, что значение причины и *сommodi* предлог *про* потерял прежде всего в южнорусской области. Ср. галицко-волинскую летопись, украинские грамоты, изданные Розовым, и др. В последних лок. с *о* встречается лишь один раз; в указанном значении обычным является вин. с *про* и с *о*.

¹⁰ См. А. С. Колодяжний. Функции предлогов в современном украинском литературном языке. Канд. дисс. Харьков, 1953.

¹¹ Правда, здесь появление *в* некоторые исследователи объясняют фонетически (*о > у > в*). Это же относится к целому ряду гуцульских говоров. См. Е. Тимченко. Указ. соч. (объяснение едва ли достаточное).

большее распространение, чем в говорах центральных и восточных областей. Больше того, в говорах Галиции в изъяснительном значении преобладающим является лок. с предлогом *о*, а не вин. с предлогами *про* и *за* (см. Верхр. Знадоби, 112). В применении к литературному языку и большинству говоров правильное говорить не о недостаточном развитии лок. с предлогом *о*, а о сильном ограничении его употребления в относительно поздний период¹². С другой стороны, в старых памятниках был весьма нередок вин. с предлогом *о*: *просячи господа бога о милосердии и о помочь*. Мам. поб., гл. 10; *о всякую реч... просили*. Г. Смотрицк. Ключ царства., Хрест., 94, 95; *о тое судити*. Апокр., IV, 9; *мовчати о тое*. Там же; *просячи бога о дар*. Вишенск., 167; *о сьно ся стараєт*. Вирши Клим. Зин., Хрест.; *тмгаль... о дворище*. Розов, 43; *о то никды упоминати*. Там же, 51; *просили о границу*. Там же, 37; *спиралися о озеро*. Гр. Витовта 1392—1429, Голов. Пам., 18; *о кмѣрку дань, о панске право*. Русск. Урбар. Петров., Мат., V, 55, 60 (при более обычных в заглавии: *о кмѣкуимъ телеку*. 46; *о кмѣкуей работѣ*. 49 и т. д.); *и якъ собѣ очи лупали о панстве*. Перестор., 26 и т. д. В современных говорах таких случаев мало. То же можно сказать и о дат. с предлогом *о*¹³.

Примечание. При глаголах *плакати, тужити, вспоминати* и т. д. обычно стоит вин. с предлогом *за* (или дат. с предлогом *по*). Именно по этой линии намечается дифференциация между *про* и *за* с вин. в ряде говоров¹⁴.

Таковы вкратце особенности этого типа лок. в украинском языке.

Наибольшие различия в лок. между русским и украинским языками приходится на локативные конструкции с предлогом *по*. В подавляющем большинстве русских говоров и в литературном языке лок. в сочетании с предлогом *по* сильно сузил сферу своего употребления в отношении выражения конкретных (прежде всего пространственно-временных) значений. Наоборот, лок. с *по* оказался в ряде случаев более устойчивым в объектных значениях. Иначе обстояло дело в украинском языке, где лок. с предлогом *по* прочно укрепился в пространственно-временных значениях. Лок. с *по* для выражения распространения действия по поверхности появился относительно поздно и в течение долгого времени употреблялся лишь спорадически наряду с обычным в этом случае дат. с *по*. Первые достоверные примеры встречаются лишь в XV—XVI вв.: *по обохъ сторонахъ тое реки земля лежача*. Жал. гр. Сем. Оленьк. 1459 г., Розов, 93¹⁵; *ходять по иныхъ речькахъ*. Опис. Киевск. Зам-

¹² В „Энеиде“ Котляревского лок. с предлогом *о* в этом значении встречается около 30 раз: *йому не спилось о приказі; і сами о світі не знали; щоб їх о пеклі розпитати; базікали о всіх ділах; і о бідах їх пожурившись; і все о плитнях говорили* и т. д.

¹³ См. примеры в „Курсе украинского языка“ А. Крымского, стр. 165 (в старых памятниках); то же в говорах (*казати аб свайму їменшаму брату*. Черн. губ., Ковот. у., Курило, 120 и др.).

¹⁴ С другой стороны, в отдельных диалектах преобладает сочетание *за* с твор. См. В. С. Ващенко. Указ. соч., стр. 250.

¹⁵ Единственный пример лок. с предлогом *по* в значении места на 89 лок. с *по* в других значениях в украинских грамотах В. Розова. В галицко-волынских грамо-

ков 1552 г., 113; *уходы по речкахъ*. Там же, 84; *по рекахъ вышейписаныхъ*. Там же, 85; *по вежахъ и по бланкахъ кличуть*. Там же, 601; *по дахахъ, по домахъ щось писало и падовало на землю*. Львовск. лет., 235 (1598 г.); *по улицахъ и домахъ лежали*. Там же, 243; *узаконѣте собѣ день молитвѣный по всѣхъ градѣхъ*. Вишенск., 24; *по Римѣ гонячие*. Там же, 73 и некоторые другие¹⁶.

Примечание. Для хронологии возникновения этого типа лок. не можем признать вполне достоверным ряд примеров из памятников относительно раннего времени: *по обоихъ сторонахъ рѣки Неправды безчисленное [множество] лежало*. Сказ. о Мам. поб. кон. XIV—нач. XV в. (западнорусский список лишь с XVII в.); *по многихъ [странахъ] прослави ся блаженный Антоній*. Жит. Ант. Вел. XIII в., Апокр., V, 1 (львовская рукопись XVI—XVII вв.) и др. Не являются авторитетными и некоторые примеры из молдавских грамот XIV—XV вв. типа: *по земляхъ (и панствомъ)*. Прис. господаря Ильи королю Владиславу. Ярош. Молд., так как писались они не украинцами и могли отражать иноязычные влияния. Возможно, что это же следует сказать и о примерах из Евангелия 1581 г. в переводе В. Негаевского (*по улицахъ*. 13; *по селахъ*. 40 и др.) с польского евангелия Мартина Чеховича 1577 г. хотя полной уверенности здесь нет¹⁷.

В XVII—XVIII вв. лок. с предлогом *по* в указанном значении становится постепенно преобладающим: *издячи по местѣхъ*. Перестор., 41; *присмотрѣтесе, як по многихъ повѣтахъ бѣднии мѣщане*. Зах. Копист. Палинодия, Хрест., 131; *нуж тою палицю гараст його по хребти*. Гаватов. Интерм., Хрест., 64; *труп его волочено по улицахъ рымскихъ*. Галят. Ключ разум., 239; *яко по иныхъ чужоземскихъ странахъ творят*. Лет. Грабянки., Хрест., 275; *по обохъ странахъ Днѣпра... учинили*. Там же, 279; *кріючися по тернахъ и комишахъ*. Там же, 280; *а повны пали были трупу козацкого по мѣстахъ*. Лет. Самов., 78; *по остромъ пути как буду шествовати*. Действ. на стр. Христ. Резанов., Драма укр., вып., 3, 87; ср. 86; *и постили по всѣхъ царствахъ попы*. Поуч. на Еванг. по Няговск. сп., Петров., Мат., VII, 15 и др. Впрочем, дат. с предлогом *по* в этом значении был распространен также довольно широко. Не касаясь более ранних примеров (их очень много), укажем лишь, что в „Энеиде“ Котляревского они нисколько не уступают по количеству лок. с предлогом *по*: *що мчалися зо все сили по чорнимъ пінявимъ водамъ; і поблудивши по морямъ; по Стікові, як стрілка, мчався; що їздили по ярмаркамъ; ходили в північ по пусткамъ и т. д.* Впрочем, в его драматических произведениях таких случаев гораздо меньше. И в позднейшей литературе изредка встречается еще дат. с предлогом *по*, не говоря уже о довольно многочисленных диалектных примерах: *по законови, по простому шляху*. Верхр. Бат., 78; *посадились по містамъ, ай, по древахъ, по древамъ високомъ (I)*. Полт. Гнедич, II, ч. 1, 35; *вдоуш по улицамъ ходив*. Там же, 11; *по улицямъ*

тах XIV—XV вв. лок. с предлогом *по* в значении места вообще не встречается. См. W. Kuraszkie wicz. Gramoty halicko-wolyńskie XIV—XV w. Kraków, 1934.

¹⁶ Интересно, что в религиозной литературе лок. с предлогом *по* в значении места начинает появляться именно с конца XVI—начала XVII в., тогда как более ранние памятники его не знают.

¹⁷ Ср. А. А. Назаревский. Язык Евангелия 1581 г. Киев, 1911.

ходить. Там же, 51; по домам улетел. Там же, IV, 112; по усим юлонькам ходыть. Там же, 25; по сеням походы. Там же, 28; ой китворкит по загирячкам скик. Лубенск. Милород., 40; ой, по горам, по долинам, по козацьким українам сивый голуб льтав: Метлинск.; насыпаты по чотырём вуглам жита. Харьк. Сб., VII, 414; любопытен пример из Волянского Полесья: по полю ходів... по островах ходів... по хлэвам ходів... по хатам ходів. Ж. Стар., XI, 1901, 272 и др. Впрочем не все примеры такого рода вполне достоверны, так как некоторые из них могут быть объяснены влиянием русских говоров¹⁸. Примеров лок. с предлогом *по* в значении места из современного украинского языка и говоров приводить не будем, так как они общеизвестны и повсюду преобладают. Точно так же нет смысла приводить и другие примеры лок. с предлогом *по*, генетически связанные со старым дат. с этим же предлогом. Укажем лишь на существование встречающегося во многих славянских языках лок. с предлогом *по* при глаголах *знати*, *пізнати*, а также при *видно*, где он приобретает значение основания действия: *видно пана по халявах*. Послов; *знати галоньку по літалоньку*. Чубинск., V, 236; *пізнаю по голосі*. Там же, V, 391; *по зорях пізнав напрям, по чом же'сь мя испознала*. Галиц. Голов., I, 44; *пу тім йа пізнаў, шу йе риба*. Брюхов. Львовск. Приступа, 115 (кстати, иногда в этих случаях выступает и дат.).

Оставим в стороне еще некоторые локативные конструкции с предлогом *по*, не представляющие непосредственного интереса для нашей основной задачи (при глаголах *плакати*, *тужити*, *голосити*, *сумувати*, *журитись*, *банувати* и т. д., иногда употребляющихся с дат.; в выражениях типа *що дурному по розумі*. Етн. 36., 23, 7, 2; *що ж вам по мені*. Чубинск., V, 670; *що мен по грошах*. Ж. Стар., V, 452 в разделительном значении, в значении 'в соответствии' и др.).

В украинском языке гораздо полнее, чем в русском, сохранились локативные конструкции с предлогом *по* в значении времени, причем имя с лок. обозначает не только какой-то временной отрезок или точку во времени, после которых совершается действие (*він руздїлив їх по свої смирті*. Могил. Курило, 51; *по вечері шоў собі до себе*. Верхр. Бат., 102; *по ubld'it s'tly na brički*. Паньк. Укр. гов., 438; *пу прис'аз'і, пу трох м'іс'іц'ах пускали вже дудому*. Брюхов. Львовск. Приступа, 114; *пу роц'і нас зв'іл'нили*. Там же, 115; см. также Ващенко. Полт., 259—260 — в старых текстах таких примеров очень много), но и определенный отрезок времени, в течение которого происходило действие (в соответствии с лок. места¹⁹): *по ночи всі корови чорні*. Чубинск., I, 275; *гуляй... хоть по цілій ночі*. Там же, III, 394; *щоб по ночах не ходила*. Там же, III, 199; *ходи пу ц'ілих ночах*. Брюхов. Львовск. Приступа, 96; *по цілих днях він вештавсь од стодоли до стайні*. Коцю-

¹⁸ В говорах известно и смешение дат. с лок. при предлоге *по* при вопросе о цене: *по чім (по чом) и по чому: по чом свечка?* Екатер. Маняж., 118; *по ц'ому полотн'і*. Житом. Гладкий., 157; *по чому продає?* Щепет. Курило., 73 и др.

¹⁹ Ср. также случаи вроде: *крикнула лебідонька по тім боці ставу*. Полт. Щепотьев., 15 и др.

бинский и др. Эти случаи (типа *по ночах*) в общем редки. Надежных примеров их в старых памятниках нам не встретилось. Нужно думать, что лок. с предлогом *по* в этом значении также вторичен, как и в локальном плане — *по містах* (тем более, что в ряде говоров до сих пор преобладает дат.: ср. *вин по ночам ходыть*. Холмск. Шимановск., VI и др.).

В заключение обзора лок. с предлогом *по* в украинском языке еще раз подчеркнем, что исключительное расширение сферы его употребления в современном языке — факт бесспорно вторичного, довольно позднего происхождения, вызванный целым рядом причин фонетико-морфологического и синтаксического порядка. До сих пор в ряде случаев нет достаточно четких границ между сферами употребления лок. и дат. с предлогом *по*; нередко употребление того или иного падежа факультативно. Больше того, в ряде говоров вследствие совпадения в ед. ч. дат. и лок. также в мужском и среднем родах основ на *-о* картина еще запутаннее. Возникает вопрос, правомерно ли продолжать разделять эти два падежа в подобных случаях (ср., однако, формы мн. ч. и противопоставленность лок. и дат. в других ситуациях).

Примечание. Интересно, что в некоторых положениях, где смешение дат. и лок. встречает те или иные препятствия, наблюдается постепенное вытеснение таких случаев конструкциями иного рода: *по правилам — за усіма правилами, по приговору — за вироком, по моим наблюдениям — за моїми спостереженнями* и т. д. Особенно показательно в этом отношении сравнение с языком старых памятников²⁰.

Локативные конструкции с предлогом *при* имеют довольно узкую сферу употребления, приблизительно такую же, как в русском языке. В местном значении лок. с предлогом *при* в ряде случаев как будто лишен того дополнительного оттенка подчиненности, вспомогательности, который присутствует в соответствующих русских конструкциях; поэтому у него наблюдается особенная близость с падежными конструкциями с предлогами *біля, близько, коло, край, поблизу, у*. Вероятно, с этим связано и то обстоятельство, что иногда в лок. с предлогом *при* на первое место выступает чистое значение места (без оттенка 'около', 'вблизи'): *при зеленій сіножаті добре жито жати*. Чубинск., V, 326; *то ся здрадує весь звір при лісі*. Етн. 36., 35, 180; *а їдь, синоньку, при середині*. Житом. Кравченко, 25; *стану собі при куточку*. Чубинск., V, 309; *при пол'ск'ім в'ійску буї... при п'іхот'і*. Брюхов. Львовск. Приступа, 114 и др.

Несколько более широко, чем в русском языке, представлен лок. с предлогом *при* от имен, обозначающих состояние (тип *бути при розумі, при здоров'ю, при нещасній долі, при біді, при старості* и др.). Наконец, необходимо отметить, что во временном значении в ряде случаев лок. с предлогом *при* уступил место некоторым другим конструкциям (прежде всего род. с *за*)²¹. Изредка с предлогом *при* выступает дат.:

²⁰ Ср. у И. Вишневого: *по вашей м'рв'і*. 13; ... *по правилах святых отец да восходят, а не по своих волях*. Там же, 24; *по закону*. Там же, 47 при современном: *в міру чого; за законом, згідно з законом, по закону* и т. д.

²¹ См. Е. Тимченко. Указ. соч., стр. 63.

при потокові. Гуцул. Лукьяненко, 100; при тому ліжечкові. Верхр. Бат., 208 и др.

Крайне редок в украинском языке лок. со сложным предлогом *по-при*: *не ходи по-при нас*. Угр. Де-Волл., 188; *так ся баба по-при хлопцях збогатила*. Галиц. Яворск., I, 83; *йшов пішки по-при нім*. Федк., *взяв він єю по-при коні*. Галиц. Паули, I, 43; *ворон яў летыти по-при земли*. Верхр. Знадоби, 118 и др. Происхождение этой конструкции бесспорно позднее. Предлог *по-при* употребляется и с вин. По-видимому, подобные конструкции известны лишь части западноукраинских говоров (ср. наличие этого предлога в словацком языке)²².

Локативные конструкции с предлогами *в* и *на* принадлежат к числу наиболее распространенных в украинском языке. Богатую коллекцию примеров в сопровождении необходимых объяснений можно найти в упомянутой работе Е. Тимченко (стр. 7—49). Ввиду этого, а также из-за того, что эти конструкции для решения основной задачи нашего исследования ничего принципиально нового не дают (по сравнению с русским языком), позволим себе не останавливаться на анализе этих локативных конструкций. Отметим лишь, что, несмотря на ряд частных различий (ср. особенно лок. с предлогом *на* в связи с некоторыми глаголами) между этими конструкциями в восточнославянских языках, общее направление их развития в целом совпадает.

В заключение отметим, что основное отличие лок. в украинском языке от русского сводится к значительному расширению его употребления с предлогом *по*, с чем связано все большее и большее сужение употребления дат. с тем же предлогом. История этой предложной конструкции лишней раз показывает особо тесную связь между дат. и лок. уже в поздний период развития.

²² Ср. также пример, указанный Ф. Миклошичем („Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“, Bd. IV, S. 678): *póde ty holos po pod nebesach*. Паули. Р., II, 59. Ср. сходные факты нижнелужицкого и кашубского (собственно словинского говора) языков. В примере из Минского апрокоса XIV в., описанного М. Драй-Хмарой („Зб. для дослідж. іст. укр. мови“, I, 1931, 141—246): *опрошася от храминѣ тои*. 2 л. — нужно видеть опisku (вм. о, ср. соответствующее место в Мар. Ев.: *н оларѣша са храминѣ тон*. 21 (πρὸς ἑλοφᾶν τῆ δίκιᾳ ἔχειν)). Так же в Галицком Четвероев. 1144 г. и в Остр. Ев. 1056—57 гг.). Иное дело — примеры из молдавских грамот: *отъ землахъ, отъ туркохъ*. Ярош., 20, 32 в соответствии с рум. *de la*. Миклошич (Указ. соч., IV, 683) приводит пример лок. с предлогом *про*: *про парубках наговоритса*. Малор. пов., 437.

IV. ЛОКАТИВ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Памятники польской письменности начинаются с гораздо более позднего времени, чем русской. Кроме того, если на древнерусском языке от XIII—XIV вв. до нас дошло значительное количество памятников самых различных стилей, то на польском языке сравнительно обширная литература появляется лишь в XV в.

Впрочем, памятники XIV в. (весьма еще немногочисленные) могут быть полностью использованы для выяснения интересующей нас проблемы. В этом существенное различие по сравнению с древнейшими памятниками русской письменности, где все время приходится отделять русские элементы от церковнославянских. Бесспорно, что иноязычные влияния были и в польской (главным образом, религиозной) письменности (прежде всего латинское и чешское). Однако в данном случае этими влияниями позволительно пренебречь. Дело в том, что чешское влияние в древнепольских памятниках проявлялось в области орфографии, лексики, фонетики и (очень редко) морфологии¹.

Разумеется, что в целом ряде случаев закономерно было бы предположить и влияние в области синтаксиса (в первую очередь в Библии королевы Софии 1455 г.², а также в Флорианской Псалтыри XIV в.³ и, может быть, через нее в Пулавской XV в.⁴).

¹ См. Al. Brückner. *Dzieje języka polskiego*. Kraków. 1913; W. Nehring. *Altpolnische Sprachdenkmäler*. Berlin, 1886 и др. Из работ последнего времени отметим лишь важнейшие: T. Lehr-Spławiński. *Związki kulturalne polsko-czeskie do końca w. XVI*. — „Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian”. Warszawa, 1954, str. 189—234; J. Lorent. *Czechizmy w „Żywotaoh filozofów” i w pierwszym wydaniu „Kroniki świata” Marcina Bielskiego*. — „Rozpr. Kom. Jęz.”, t. 2. Łódź, 1955, str. 201—214.

² О зависимости и связях этой Библии с чешским источником писалось много, начиная с Добровского. Итоги были подведены Нерингом в „Einfluss des Altčechischen auf das Altpolnische”, IV, — *AfsIph*, Bd. VI, S. 153. В последнее время дискуссия разгорелась с новой силой. См. хотя бы работы: С. Урбанчик. „Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich”. Cz. 1. *Biblia królowej Zofii a staroczeskie przekłady Pisma św.* — *PAU*. — „Pr. Kom. Jęz.”, LXVII, N 2, 1946; В. Куас. *Za českou předlohou staropolské bible*, — „Slavia”, roč. XXII, 1953, str. 112—124 и др., в той или иной степени откликающиеся на старое исследование Врштыла, опровергнувшего наиболее авторитетное до тех пор мнение Иречка о связях Библии королевы Софии с 1-й чешской редакцией Библии.

³ О чехизмах в Флорианской Псалтыри см.: W. Nehring. — *AfsIph*, Bd. II, S. 409, а также K. Małkowski. *Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego*. Warszawa, 1872, str. 49 (несколько иначе, чем у Неринга).

⁴ См. A. Małeckí. *Prolegomena zur Sophienbibel*, str. 44 (автор видит в Пу-

Однако в силу ряда обстоятельств невозможно установить даже следы подобного влияния. Во всяком случае, сравнение чисто польских памятников, не подвергшихся иноязычным влияниям, и чешских не позволяет сделать какие-либо выводы о возможности влияния одного языка на другой в области локативных конструкций (даже если оно было; ср. более позднее утверждение в польском языке лок. с предлогом *po* в местном значении).

Зависимость от синтаксиса латинских источников вполне ощутима, хотя она и проявляется прежде всего в порядке слов в предложении. Едва ли можно ожидать латинское влияние в нашем случае (при сравнении польского текста Флорианской Псалтыри с латинским и Библии королевы Софии с Вульгатой примеров латинского влияния в локативных конструкциях не обнаружено)⁵.

Хронологические пределы данных польского языка могли бы быть несколько отодвинуты вглубь, если учесть, что уже в XIII в., видимо, сложилась определенная традиция в чтении псалмов на польском языке⁶, несомненно, использованная в древнейших собраниях псалмов (Свидзинский список, Флорианская Псалтырь, отдельные псалмы из „Modlitwy Wacława“), а также если принять во внимание польские слова и глоссы в латинских документах. Однако данные этих памятников крайне скудны. Как правило, польские слова в латинских грамотах, актах, хрониках стоят в им., причем обычно они целиком связаны с синтаксическими требованиями латинской фразы. Так, например, обстоит дело в „Золотой“ булле 1136 г., где из 400 личных и местных названий нет ни одного в лок. То же относится и к другим документам, помещенным

лавской псалтыри модернизированной копии Флорианской). Иначе W. Nehring. *Altpr. Sprd.*, S. 111, 112, что однако не снимает вопроса о чешском влиянии, которое можно подтвердить сравнительным анализом отдельных псалмов Пулавской и Виттенбергской Псалтырей (в противоположность соответствующим местам из Флорианской).

⁵ Для Библии королевы Софии даже не найден латинский оригинал. См. E. Nanišch. *Zur Verständnis einiger Lesarten der Sárospataker altpoln. Bibelhandschrift (sog. Sofienbibel)*. — *AfslPh*, Bd. 34, S. 402; см. сноску 2 на стр. 179. То же относится и к возможным украинским влияниям в Библии королевы Софии. См. E. Ogońkowski. — *AfslPh*, Bd. IV, S. 243, 353. Тем более нельзя говорить о влиянии в области падежного синтаксиса со стороны русского или немецкого языков, хотя в некоторых других отношениях оно может и проявляться. Ср. В. В. Макушев. Следы русского влияния на старопольскую письменность. — „Славянский сборник“, т. 3. СПб., 1876, стр. 166—182; F. Schmidbauer. *Bemerkungen zum altpoln. Alexiuslied*. — *AfslPh*, Bd. 39, S. 126—132; L. Zatočil. *Olomoucká legenda o sv. Alexiovi (B) a poznámky k legendě polské*. — *VKČSN*, 1947, č. 11, 1948. Ср. рецензию в *СМФ*, 1950, № 2-4 и др. Как известно, образцом для Катехизиса Секлюциана послужил меланктоновский катехизис. Об иноязычных влияниях в более позднее время см. T. Lehr-Spławiński. *Wzajemne wpływy polsko-ruskie w dziedzinie językowej*. — „*Przegląd Współczesny*“, 1928, luty, N 70.

⁶ Ср. в „Житии св. Кунигунды“ (1313—1329): „*Consuetudo sibi inerat, quod decem psalmos in vulgari, antequam ecclesia exiret, Deo persolvebat addens oracionem: Omnipotens Deus, qui vivorum dominaris et mortuorum, et sic totum psalterium per ordinem complebat pro bono statu ecclesiae*“ (цит. по указ. работе Неринга, стр. 97). См. также *AfslPh*, Bd. VII, S. 645.

в „Monumenta Poloniae palaeographica“⁷, Иное дело польские роты в латинских документах. Здесь локативные конструкции (хотя и очень однообразные) встречаются. Однако эти роты начинаются лишь с XIV в. Таким образом, уже а priori можно предположить, что данные польского языка в области лок. (в смысле сохранения архаизмов) менее ценны, чем материалы русского языка древнейших памятников. При конкретном исследовании это предположение подтверждается.

Памятники древнепольского языка лишь в самой незначительной степени свидетельствуют о былом существовании б/пр. лок.

Нам не встретилось ни в исследованных памятниках, ни в научной литературе ни одного надежного примера б/пр. лок. со значением места. Единичные случаи, как-то: *do ciebie swiatle(m) obtoce przyde*. Гнезн. проп., 22 (*in candida nube*); *przebiwacz bødze... w nyem iako poscely wszitke Jzcn bidlicz bødze*. Библия. Соф. Deut., 33; *a (w) tobye bødze pozegnano wszitko zemskie pokolenye*. Там же, Gen. XII,— можно с вероятностью объяснить иначе, тем более, что примеров б/пр. лок. такого рода нет и в тех языках, которые вообще сохранили б./пр. лок. в своих древнейших памятниках. Кстати, эти примеры взяты из памятников XV в. Во Флорианской Псалтыри, Свентокржижских проповедах и ротах XIV в. таких случаев нет (ср. *w obloczech*. Флор., 17, 13). Не может быть доказательным и пример, взятый нами из отрывка одного древнепольского стихотворения во славу Марии, описанного и приведенного впервые Кентшинским (Kat. mon. BO, 160), ввиду его исключительной насыщенности латинскими словами (как раз в конце строк, как и в нашем примере: ... *ona (n)as dome [szczyła... Altp. Sprd., 296* и ... *domye] scisnas ...* Там же). То же относится и к трем примерам, обнаруженным нами в варшавских документах XV в.: *Jakom go ya nyeszbyl samowthor v yana hardego (wgospodze) warschevye sthouycz...* Kur.-W., 152 (1489—1496 rr.); *Jakom ya Jemv myecza Nyewsal gwalthem narynkv warschevye...* Kur.-W., 155 (1489—1496 rr.); *Jakom ja nyeszbyl Jana Rzepczicza nawliczy warszewye...* Kur.-W., 126 (1478—1479 rr.)⁸.

Собственно говоря, всеми этими случаями и исчерпываются примеры, дающие возможность думать о б/пр. лок. со значением места⁹.

⁷ Понятно, что в известном труде И. Бодуэна-де-Куртена „О древнепольском языке до XIV ст.“ (Leipzig, 1870) нет никаких данных о лок.; в книге Я. Лося „Początki piśmiennictwa polskiego“ (Lwów—Warszawa—Kraków, 1922), где указаны все польские слова и выражения из латинских документов, также нет ни одного лок. Впрочем, некоторые случаи в Mon. PP. дают кое-какие основания для размышлений (имеется в виду тип *esse Warszawa* [или *-ae-*] конец XIII—XIV в., где можно было бы предполагать б/пр. лок.).

⁸ Ср. также в одном из списков песни „Богородица“: *Ty siedzisz u Boga wieci* (при: *w wieci* в списке, приведенном Р. Пилятом. *Pieśń Boga Rodzica*. — „Pam. AU“, Kraków, t. IV, 1880).

⁹ А. Брюкнер, *Dzieje*, стр. 133, указывает, что в старом языке говорилось *zimie, lecie, poście, Rzymie* и т. д. Последнее слово нам не встретилось. Вероятно, это реконструкция самого Брюкнера.

В значении времени б/пр. лок. сохранился гораздо лучше, правда, или уже в онареченном виде, или в форме, совпадающей с род. ед. ч.¹⁰

Круг слов, выступающих в б/пр. лок. в этом значении, приблизительно такой же, как и в древнерусском: *zima, lato, noc, dzień, północ, jutro*, также *post* и некоторые другие: *a bądno geszcz tyasso tey noczi*. Библ. Соф., Еход. XII; *abi dnyu szwyćczylo... abi noczi szwyćczylo*. Там же, Gen. I, 16; *tey istey noćy Cristus Swõtemu sye Blaszeju pokazal...* Жит. Блаж.; *nie mają roztargać ani dzielić między sobą, ale jestli zimie, tedy za tydzień, a jestli lecie, tedy za dwie niedzieli*. Висл. стат., 17; *ja jutrze do ciebie... przyde*. Гнезн. проп., 22; *tej nosy z niq gadał*. Лег. о св. Алекс. Brückner. Średn. p., 28. Такого рода случаи оказались довольно устойчивыми в польском языке; они довольно часто встречаются и в памятниках XVI—XVII вв. и даже позже (вплоть до современных диалектов): *czemu vzdy tyessem zapuszczesz, gdi ie przed shie poszcze iadasz?* Komed. o miasop., 542; *leczye yachał do pomorzanow*. Хвальч. Krön., I, 149; *zymye z Kyowa wypędził*. Там же. II, 39; *zeby mi zimie śiana nie dawano*. Ян Кохан., III, 254; *tej nosy, której miał być wydan*. Секлюц. Katech. 1545 г. (в соответствии с лат. *in ea nocte qua traditus est*); в Testam. Now. 1553 г. в этом месте: *w onej nosy*, а также *czasu potopu*. Post. polska., 1556 г. 46, 54; *czasu pokuty*. Там же, 62; *czasu głosu*. Там же, 80; *czasu jęstwa babilońskiego*. Małeck. Nowy Testam. 1552, 1; *czasu przeprowadzenia*. Murzynowski 1551 г.¹¹; *zimie, lecie* Бельск. Krön. Mikl.; *przydało sie jednej nosy...* Poncjан. 1540 г., 8 (ср. *przydało sie onego dnia...* Там же, 105); *tejże nosy zabito Balthazara*. Бирк. Kwiaty koron. 1633 г., Брандт, 134; *widziano nosy tej*. Он же, Kaz. przygodne. 1621 г., Брандт, 136¹²; *kto lecie próżnuje, zimie głód poczuje, kto lecie nie zbiera, zimie przymier*. Кнапск. Thesaur., 1643 г.

В диалектах современного польского языка такие случаи в общем не часты, если не считать южносилезских говоров, где постоянно встречаются *leće, jęsyni, źimie*¹³, а также (в несколько меньшей степени) меховских говоров (только *jęsyni*) и у курпев (*poście, zińe*; очень редко *leće*)¹⁴. В диалектах различных частей Польши употребительно также *łoni*.

¹⁰ Поэтому определение падежной принадлежности случаев вроде *tej nosy* требует целого ряда дополнительных условий.

¹¹ Примеры взяты из исследования С. Роспонда. *Studia nad językiem polskim XVI w.* Wrocław, 1949. По поводу последнего примера см. любопытную конъектуру Яна Малюцкого (1546 г.), опиравшегося в данном случае на чешский перевод. См. S. Rospond. *Druki mazurskie XVI w.* Olsztyn, 1948, str. 103; ср. еще str. 107—109.

¹² Ср. также у А. Мицкевича: *jużbym tej nosy nie zasnął* и др.

¹³ См. Gram. jęz. pol., str. 475. А. Паздуровна указывает, что в говоре деревни Вздол (Келецкий повят) наряду с *w źimie, w jesiени* возможны и *źimie, jęseńi*, а также *leće*. См. А. Pazdурówna. *Gwara wsi Wzdół w powiecie kieleckim*. — „Rozpr. Kom. Jęz.“, V, 1957, str. 163.

¹⁴ Немало примеров типа *nosy* встретилось нам в хелминско-добжинских говорах: *co śia stało ty nosy*; Gryf, VI, 1922, str. 206; то же у К. Няча (Wybór, str. 167); *tak beło pierwszy nosy*. Там же, 165 и др. См. также МРКJ, III, str. 337—338 и др.

Б/пр. лок. при определенных глаголах в древнепольских памятниках полностью отсутствует. К этому времени уже оформились конструкции иного рода (ср. *na krzyżu wisiat*. Cantil., 299; *ku tobe... ne przibliszi se*. Флор., 90, 7; *przyblyszyly sę se asz do wrot*. Там же, 106, 18; *przystal gesm swadeczstwom*. Там же, 118, 31 и др.).

Ничего нового не прибавляют нам старые или диалектные наречия и предлоги типа *kromie* (оно не имеет тех оттенков, что были в соответствующем древнерусском слове), *kola*, *między* (в литературном языке), *nynie* и т. д.¹⁵

То же можно сказать и о наречиях типа *wysoce*, *dobrze*, *rychle*, *biegle*, *źle* и т. д., чрезвычайно широко распространенных в современном польском языке и многочисленных уже в древнейших памятниках¹⁶ (во Флорианской Псалтыри: *prawie*, *dobrze*, *jawnie*, *groznie*, *chwalne*, *nagle*, *źle* и др.). Эти наречия скорее всего восходят к б/пр. лок., обладавшему, видимо, значением состояния. Однако не представляется возможным точно выделить древнейший круг слов, употреблявшихся таким образом, так как впоследствии этот тип наречного образования оказался обобщенным и распространился на все подобные случаи. Понятно, что этот процесс мог протекать лишь при условии полного забвения первоначального локативного значения. Поэтому широкое распространение подобных наречий уже в самых ранних польских памятниках лишний раз подтверждает факт еще более раннего исчезновения б/пр. лок. в польском языке.

Примечание. Б/пр. лок. нередко предполагают и в некоторых единичных случаях: *dwa reńskie śrebrze* (= w śrebrze). А. Małeckі. Gram. większa, 327; прежде склонны были видеть б/пр. лок. (по происхождению) в деепричастиях на *-ocy*, *-szy*¹⁷ (*stojęcy piśać* и др.), с чем трудно согласиться.

В общем немногочисленные остатки б/пр. лок. в польском языке не позволяют извлечь из них сколько-нибудь существенные данные о их значении и о хронологических пределах их распространения.

¹⁵ Относительно *inaczej*, *inacej* (старый лок., расширенный через *j*) см. теперь М. Караś. — „Por. jęz.“, 1957, zes. 10, str. 447.

¹⁶ См. обстоятельное исследование Ст. Добжицкого „Przysłówki na *-o* i *-ę* utworzone od przymiotników w języku staropolskim“. — „Pr. Fil.“, VI, str. 56—150, а также ряд более поздних работ, из которых особого внимания заслуживают: S. Szober. Skąd powstała przysłówkowa forma orzecznika w zdaniach z bezokolicznikiem w podmiocie. — JP, XVI, 1931, str. 85—87; J. Nowakowska. Określniki sposobu w języku polskim (studium opisowe). Lwów, 1933; W. Śmiech. O polskich przysłówkach odprzymiotnikowych na *-o*, *-ę*. — „Rozpr. Kom. Jęz.“, t. 5, 1957, str. 61—76. Ряд мнимых исключений в произведениях некоторых старых польских писателей (Т. Шимович, С. и Б. Зиморовичи) указывает С. Грабец. См. S. Hrabec. Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII wieku. Toruń, 1949, str. 83, 94, 104.

¹⁷ См. А. Małeckі. Ibid., str. 327—7; А. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszawa, 1910, str. 169 и др. О подобных случаях см. W. Taszycki. — „Rozpr. AU w Krakowie. Wydz. Fil.“, LXI, 1924.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Локатив с предлогом o

Перейдем к локативным конструкциям с предлогами. Лок. с предлогом o в древнепольских памятниках в ряде случаев существенно отличался от соответствующей русской конструкции (в меньшей степени от украинской и белорусской), хотя общее направление в развитии этой конструкции приблизительно такое же.

Старые польские памятники еще сохраняли в небольших остатках лок. с предлогом o в значении места, около или вокруг которого совершается действие: *zamknij drzwi o sobie*. Библ. Леоп. кон. XVI в. 4, 4; *zamknął i zapieczętował o nim*. Там же; *bramę o nich zamknęli*. Стрыйк. Крон. XVI в. и некоторые другие примеры, приведенные в словаре Линде (III, 368). Вероятно, близки к указанным и такие случаи, как: *o nas źle z każdej strony*. Pieśni, Brückner, 74; *siłą więc trzymacie o sobie*. Опалинск., Ks. IV, Sat. 1; *sędzyego każdy ma o sobie*. Рей. Wizer; *wiele wołów o niej chodzi*. Ян Кохан., II, 163 (изд. 1884 г.) и др.

Интересно, что в самых ранних памятниках таких случаев, видимо, не встречается, если не считать единственного примера из Флорианской Псалтыри: *prze braczuś moję u blyznie moje molwach pokoju o tobie*. 121, 8; то же, видимо, относится и к польским говорам¹⁸. Однако некоторые другие случаи лок. с предлогом o в конкретных значениях, связанных с местным, были распространены раньше несколько шире и сохраняются иногда вплоть до современного периода. Ср., например, случаи, когда в лок. с предлогом o стоит слово, обозначающее состояние или средство, с помощью которого осуществляется действие, или сопровождающее обстоятельство, качество, присущее предмету, или, наконец, количество тех или иных предметов, частей, имеющихя у субъекта, и т. д.: *Jadąc o głodzie i o pragnieniu Turkom ledwo nie wszystkie konie pozdychały*. Бельск. Крон., Линде, III, 368; *o głodzie nie chce się tańcować*. Ян Кохан; *on szedł o swej mocy*. Скарга. Żyw., I, 101; *wtóry Adam duchownie o iedney żenie jest*. Там же, II, 222; *ujrzałem kogoś przed sobą starego, który o lasce, nie o swej stał mocy*. П. Кохан. Goffr., Линде, III, 368; *o czym chodził*. Pieśni o św. Krzyst. XV w., Brückner. Średn. p., 50; *o kiju tylko iednym przeszedłem Jordan ten*. Библ. Леоп., Gen., 32, 10; *piechoty, której bardzo o male, więcej*. Жолкевск., 30; *wóz o dwu kołach*. Княпск., Thesaur., Линде, III, 368; *zoltarz o dziesięci stron*. Библ. Леоп., Psalt., 91, 3 (в соответствующем месте Флор. Пс.: *w dziesięci strun szaltarza*; так же в Пул. Пс.) и др. Ср. в современном языке: *mknęły... wiosenne stroje kobiece o barwach czystych*. Жеромск.; *blondynka z twarzą o cerze mętej*. Он же; *podniosła oczy niewinne o przedziwnym jakimś wyrazie*. Он же; *miury o kolorze zakurzonego grynszpanu*. Он же; *twarz*

¹⁸ См. *o granice przybywał*. Kolb. Pozn., V, 173. Ср. J. Karłowicz. Sł. gw. p. (o).

o spuszczonej powiekach. Он же; *motor o sile blisko tysiąca koni*. Он же; ср. еще: *posadzony o chlebie i wodzie; człowiek o wybitnych zdolnościach; dom o jednym piętrze; chodzić o kulach; skok o tyczce*; ср. диалектные *o cémże ja będę do dziewczyny chodził?* Zbiór WAK, XII, 127; *co cem wy robiecie? co ty garści siana*. Там же, XV, 62; *o pańskim obiedzie niedaleko zajedzie*. Силез., Cinciały, 28; *tego by musi nie sterminował na karteluszu, choćby mu o plachcie było* (=choćby był równy plachcie). Каминск., Chłop polski, 159. Карлович. Sł. gw. p, III, 341.

Едва ли во всех этих случаях можно видеть сохранение архаизмов. Дело в том, что в ряде примеров особенности употребления и значения лок. с предлогом *o* заставляют видеть в них результат весьма значительного расширения более ранних границ. Кажется, такое предположение подтверждается рядом соображений, как-то: преимущественным употреблением этой конструкции в одном значении (часто близком к значению твор. с предлогом *s*), отсутствием конструкций типа *człowiek o wybitnych zdolnościach* или *roślina o żółtych kwiatach* и др. в языке самых старых памятников, аналогичными явлениями в других западнославянских языках. Впрочем, расширение сферы употребления указанной конструкции в определенных случаях никак не могло бы иметь место, если бы не наличие в языке более раннего периода ряда похожих образцов, которые и вызвали к жизни новые типы (особенно нужно подчеркнуть, что, несмотря на узкую, в общем, сферу употребления этих конструкций, как правило, они не превратились в синтаксические идиоматизмы). Детальное исследование этого вопроса увело бы нас несколько в сторону (к тому же оно возможно лишь при наличии достаточного количества материала из польского просторечья). Однако уже указанные случаи, а также примеры аккумулятивных конструкций с предлогом *o* (*wyższy o głowę, o krok dalej, o dwa lata młodsza, wyprowadzić o metr*; ср. также наречные *o ile, o tyle* и др.) дают достаточное представление об особенностях этих конструкций, во многом определяющихся сохранением конкретного значения предлога *o* в названных ситуациях.

В связи со сказанным вполне понятно довольно широкое распространение лок. с предлогом *o* во временном значении в польском языке (и в старых памятниках, и в диалектах, и в литературном языке). Правда, в памятниках XIV в. лок. с предлогом *o* в этом значении нам не встретился. В XV—XVII вв. он довольно част, но говоря уже о более поздних периодах. Укажем лишь некоторые примеры: *y stalo sze gest o polnoczy*. Библия, Соф., Еход. XII, 29; *z kryża zjęt o miesporze*. Pieśni p. w. XV w., 68; *seym powinien być tylko o świętym Michale*. Немцев. (XVIII в.); *na każdym miejscu i o każdej dobie... wszędzie i zawsze będę przy tobie*. Мицкевич; *o północnej godzinie nikt... miejsc tych bez trwogi nie minie*. Он же; *każdą noc prawie o jednej porze pod tym się widzą modrzewiem*. Он же; *o kurów pianiu*. Он же; *o której godzinie wychodzi stąd ten czupirak*. Жеромский. Широкое распространение лок. с предлогом *o* во временном значении показывают мате-

риалы говорюв: *o jednej wnocy stanyu gazda i rozdziu. Силез. Nitsch. Wybór., 4; wo tym čaše zaúyrovaуа do kornika. Там же, 5; роіежеж wo godziúe. Там же, 4; *o púntej p'sišua Halka. Там же, 6; *o d'wónastej g'odziúe w nocу zamk'n'et'au. Опольск. Малин. Powieści, II, 240; *o północу prziszło triceć koni. Малоп. Góru. Mat. AAE I, 1896, 419; o wieczoreczku Janek u mnie bywa. Kolb. Krak., II, 463; jedzą tego dnia o gwiazdzie. Zbiór WAK, X, 197; p'ozno w nocу ó samу punocy ó samу dwunasty goziúe... Малоп. MPKJ, VII, 1915, 176; zešli se luže rano o pónty goziúe. Малоп. Nitsch. Wybór, 93; śli... o jedynastyj goziúe. Мавовше. Wisła, XVII, 1903, 456; rano o pionti jechał od ni. Любавск. Nitsch. Wybór, 216; *o tšeci goziúe rano iuš fstać. Куявск. Sobier., 115; wo pónty goziúe... pšejexauу. JP, XXXVI, 1956, 301; o czwartej godzinie poprzychodzili nazad. Bajki Warm. Maz., 40; w Boży Narodzyúni jest o púntej rano iúšna. Steuer. Сулковск., 38; o šustej. Там же, 44; w žimu staуcaim o puł šustej. Steuer. Бабор., 58; *o kogutax. Келецк. Pazdur., 164 и др.¹⁹

Ряд примеров из приведенного материала, а также из современного литературного языка (o zmroku, o świecie, o świtaniu и др.) дает основание, как и в предыдущей группе, думать о существенном расширении сферы употребления данной конструкции²⁰ (поскольку такие случаи или не отмечены в старопольской письменности и являются относительно поздними образованиями, или не встречаются в других славянских языках; что создает существенные затруднения при попытке отнесения указанных польских примеров к ранним периодам).

Таков приблизительно состав локативных конструкций с предлогом o в пространственно-временных (и производных от них) значениях в польском языке.

Наиболее употребительными в современном польском языке являются локативные конструкции с предлогом o в изъяснительном значении, употребляющиеся при известных глаголах говорения, мышления и т. д.: mówić, powiadać, rozprawiаć, świadczyć, zawiadomić, oznajmić, zapewnić, dowodzić, pamięтаć, zapomnieć, czyтаć, wątpić, słyhać, wspominać, opowiedzieć, gadać, dumać, śpiewać, pisać, donieść, śqdzić, myśleć, wiedzieć и др.

Круг глаголов, при жоторых в польском языке употребляется лок. с предлогом o, значительно ўже, чем в русском и даже белорусском. Ряд глаголов выступает лишь в сочетании с вин. с предлогом o. В ряде случаев существуют колебания между падежными формами при неко-

¹⁹ Странный пример содержится в мазовецких текстах Козловского: *Maryja z Janasem śli o jednym czasie*. Козл. Pieśni, 193 (в других случаях такое употребление не встречалось; необычное *czasem*, надо думать, обязано рифме). В одном из среднелазурских текстов встречается: *o dziesiontej do dwunastej to nienieckie*. Nitsch. Póln.-p. teksty gwag., 62 (имеется в виду, что с 10 до 12 часов служба в церкви идет на немецком языке). Ясно, что здесь речь идет о предлоге *od* (ср. дальше: *a od dwunastej do drugiej*...)

²⁰ См. такие примеры, как: *o tej godzinie, o której wzięli tego króla stracić*. Силез. Малин. Powieści, 26; *jak przyszło o północу*... Там же, 17.

торых глаголах²¹, особенно если принять во внимание диалектные данные²². Без предварительного исследования трудно определить все условия и обстоятельства подобного разграничения сфер употребления этих надежных конструкций с предлогом *o*. Несомненной кажется лишь большая ограниченность по сравнению с русским языком локативных конструкций, поскольку они вполне авторитетны только в тех случаях, когда глагол выражает акт говорения (писания, чтения и т. д.) или мышления. В тех же случаях, где глагол обозначает душевное движение, волеизъявление, заботу, желание и т. д., гораздо более употребителен вин. с предлогом *o* (ср. *prosić, starać się, dbać*²³, *modlić, walczyć, żałować, żalić się, lamentować, pamiętać*, также *pytać* (!), *iść* в выражении *o co idzie?* и др.).

Однако значительное количество исключений препятствует более определенным выводам. В древнепольских памятниках тенденция к дифференциации была выражена слабее. Кроме того, вин. с предлогом *o* употреблялся при некоторых глаголах, которые в дальнейшем потеряли способность сочетаться с указанной конструкцией (это относится прежде всего к языку деловых документов). Наконец, в отдельных случаях существовали и иные способы выражения: *nad zbawenim twoym radować se bódze*. Флор. 20, 1; 39, 22; *iegosz sóp ne wedzeli*. Там же, 34, 13; 34, 9; *y mislicz bódó za moy grzech*. Там же, 37, 19; *prawdó twojó... molwil iesm*. Там же, 39, 13; *wem zbawene moie*. Там же, 61, 1; *na to rozmyślił*. Гнезн. проп., 20; *na to rozpamiętać*. Там же, 21; *na swą miłą matuchę i teże na świętego Jana był rozpamiętał*. Там же, 35; *ná to pomnieli*. Реф. Еванг., 10; *pomniąc ná tho*. Там же, 13; *na to niedbamý*. Реф. Wizer; *ná ogień niedbáły*. П. Кохан. Goffr. Tasz., 141; *Pan Kriski powiedział na to*. Гурницк. Dworz., Ks. 1; *a na piękne syjońskie wspominając grody*. Ян Кохан. Psalt., Daw. II, 297; *nadzejó ymal yest w panu*. Флор., 113, 18²⁴; *yestlybych ya w ktorým uatpila*. Рук. XVI в. (Эрланг. Ун-т). Малин., 9). Поэтому естественно, что доля локативных конструкций с предлогом *o* в общей массе средств для выражения изъяснительного значения в древнепольском была меньшей, чем в современном языке. Так, во Флорианской Псалтыри из приблизительно 60 случаев конструкций с изъяснительным значением лишь 7 приходится на лок. с предлогом *o*. Приведем некоторые примеры этого рода (изъяснительное значение в широком смысле) из старых памятников: *o sobie nijedne piecze ne imają*. Свентокрж., 28; *o jemże pisze święty Lukasz*. Там же, 28, 32; *o nichże mówi Ieremiasz*. Там же, 30; *uznamionaw o jego silnem ubostwie*. Там же, 31; *slawona rzeczona só o tobe*. Флор., 86, 2; *kazal o tobe*.

²¹ Ср. у Ю. Туви́ма: *Gdy będzie o mnie kilkaset miast spreczać się jak o Homera*.

²² Характерно, что в польских диалектах лок. с предлогом *o* в изъяснительном значении довольно редок и во всяком случае значительно уступает аналогичной конструкции в литературном языке.

²³ Ср., однако, *o mnie już niedba*. Мазовше. Nitsch. Wybór, 202.

²⁴ См. E. Ramberg. Beiträge zur altpolnischen Syntax aus dem Florianer Psalter.—Afs!Ph, Bd. XXXIV, S. 435.

Там же, 90, 11; *posnal gesm o swadeczstwech twogych*. Там же, 120, 152; *gdy uczynysz o nasczygajóczych mye sód?* Там же, 118, 84; *o jego narodzeniu sąc nam byli powiedali*. Гнезн. проп., 1; *o tem to (często) stychacie*. Там же, 1 (из имеющихся в этом памятнике локативных конструкций с *o* почти все обнаруживают чисто изъяснительное значение, ср. 15, 16, 28, 31, 32, 33, 34, 36 и др.); *o gego slepocye wyedzely*. Библ. Соф., Tob. XI; *o nyem towyl*. Там же, Tob. VII; *o tem na miszly przemisliat*. Там же, Tob. VII; *ustawiámy o panie sandomirskiém*. Висл. стат., 24; *o tem sądzi*. Там же, 44; *o dobreu moneczue ustawa*. Диковск. код. XVI в., 61; *o sweu sthrawue maуq czyagnacz*. Там же, 61; *rzeczy o duchownych*. Страдомск. код. 1503 г., 414; *na rozumieć o tych ksiąszkach*. Реф. Wizer; *o wolnym stanie... rokuj*. Там же; *radzić o sobie sami będziemy*. Ожеховск. Rozmowa, 17; *o sobie zwątpić*. Ян Кохан. Wrózki III, 220; *i o rozumie toż na koniec mniemat*. Он же. Fraszki; *nie ostawił nadziei o twym świętym plemieniu*. Реф. Еванг., 11; *wierę snadz będzie kłopot na ten rok o chlebie*. Он же. Wizer; *opowiedzieli wszystko y o onych...* Бельск., Tasz., 51; *o dobrym pospolitym radzićie*. Скарга. Kaz. sejm., Tasz., 119; *nie rozprawiam bowiem o tym*. Моджевск. Мову, 88; *o czym się starać będę*. Fortunat., 24; *o tym radzili*. Hist. Troj., 34; *naradziwszy się tedy spólnie o tym*. Там же, 33; *o wielkim hetmanie myślić mieli*. Там же, 35; *traktować o tym*. Pasek. Pam., 287; *o zasługach zaś w żadnę nie wchodzę kontrowersyiq*. Pasek. Там же, 288; *o piątym punkcie rzecz mieć będę*. Gdacjusz. Append. Tazsi, 197; *o ktorej się rzecz traktuie*. Lubom. О stylu, Tasz. 203; *o której potym nigdyм się dopytać nie mógt*. Тушинск. Два пам. z XVII в., 26 и др.

Некоторые из этих глаголов употреблялись в тех же памятниках и в сочетании с вин. с предлогом *o* (*ustawiać, jednać, uczynić, przysądzić, odpowiadać, wiedzieć*). Особенное распространение эта конструкция получила в деловой письменности. В ротах краковской (Hube, Ul.) и варшавской (Kur.-W) земель, в кодексах XVI—нач. XVII вв.²⁵ вин. с предлогом *o* преобладает над лок. с предлогом *o* в том же значении, а в заглавиях статей он вообще вне конкуренции (ср. похожее положение и в старых памятниках других славянских языков). Наличие двух падежных конструкций с предлогом *o* с одинаковым (в основном) кругом объектных значений, бесспорно, основывается на существовании этих двух падежных конструкций с предлогом *o* в пространственных значениях²⁶. Более точное выяснение взаимоотношений

²⁵ См. Стародомский, Диковский, Дялынский и др. Ср. также Серадскую рукопись 1386 г., приведенную у В. Мацевского. Pam. słow., II, str. 331—345.

²⁶ Особый случай представлен в золотовском, тухольском и коцевском говорах, где *o* часто употребляется с дат.: ср. *čitaūm o 'ojcu śvantamu*. См. К. Nitsh. Dial. Pr. Zach.—WPP, III, str. 175; ср. еще *o* с род. п. в Восточной Пруссии: *gożinki do najśfentši panni*. Nitsch. Ibid. III, str. 314 и т. д. С другой стороны, *o* с дат. отмечено и на южной окраине польской территории. См. Е. Pawłowski. О gwarze łapszańskiej. — JP, XXXVI, 1, 1956, str. 24: *o Franuśowi*.

этих конструкций в изъяснительном значении на материале польского языка представляется нам весьма важным. Можно думать, что в известных случаях картина, представленная в польском, параллельна тому, что более отчетливо вырисовывается на чешском материале.

Локатив с предлогом *po*

Локатив с предлогом *po* получил в польском языке (как и в некоторых других) особенно широкое развитие, почти полностью вытеснив дат. с тем же предлогом, переняв его значение. Вместе с тем польский язык сумел сохранить и локативные конструкции с предлогом *po*, существовавшие еще в общеславянский период. Отсюда многообразие их значений в польском языке.

Среди локативных конструкций с предлогом *po* наиболее употребительны те, где в лок. стоит слово, обозначающее поверхность, по которой распространяется действие. Это значение нередко осложняется особым оттенком кратности или распределения действия по нескольким поверхностям в том случае, когда в лок. с предлогом *po* стоит название ряда отдельных предметов. Уже в памятниках XIV—XV вв. лок. в этом значении является, видимо, преобладающим²⁷. Однако и дат. с предлогом *po* еще не редок, причем никакой разницы у него по сравнению с локативной конструкцией нет. Приведем некоторые примеры: *po wszystkim królestwom posli bieżq.* Гнезн. проп., 1; *po świecie rofz]slani.* Там же, 33 (характерно, что в этом значении в Гнезненских проповедях нет лок. с предлогом *po*, в Свентокржижских проповедях есть лишь один пример *po drodze*. 33, падежную принадлежность которого определить трудно); *jeżdżąc po ziemiach królestwa naszego,* Висл. стат.²⁸; *będzie sądzić po jinszym miastóm.* Там же, 24²⁹; *po swym że ziemiach ciągnq.* Arch. Kom. Prawn., VIII, 1, 21 (XVI в.); *tułali się... po wszemu świecie.* Реѣ. Rozmyśl., 26; *które się rozsiadły po wszemu świecie.* Он же. Zwierc., 25; *pałac był barzo cudny oprawion po ścianach złotem.* Hist. o św. Józ. 1530 r., 9; *po plecami się rozciągające.* Ореѣ. 1522 (wyb. Haller); *rozestał po wszym ziemiach lud.* Лег. о св. Алекс. Brückner. Średn. p., 30; *szło już wszystko jak po sznurowi.* Бельск. Kron. и др.³⁰

²⁷ Так, во Флорианской Псалтыри из 8 случаев с этим значением нет ни одного надежного примера дат. с *po* (5 случаев спорных: *po drodze*, *po zemi*, *po susy* и т. д.) и 3 примера лок.: *chodź po drogach gego.* 127, 1; *po drogach mnogich bil chodzil.* 80, 12; *odwodl me po stdzach sprawedlnosci.* 22, 3. В памятниках делового содержания положение иное. Впрочем, более полное решение этого вопроса требует выяснения хронологии проникновения во флексию лок. ед. ч. *o*-основ (особенно мягкого различия и основ на заднеязычный) *-i* (из *u*-основ). В зависимости от этого и будет определена падежная принадлежность таких случаев, как: *po polu*, *po powetrzu*, *po wierzchu* и др.

²⁸ В Диковском кодексе в соответствующем месте: *guezdqc po zyemi...* 30.

²⁹ Примеров лок. с предлогом *po* (надежных) в этом значении в Вислицком Статуте вообще нет.

³⁰ Падежная принадлежность в ряде случаев остается не совсем ясной и зависит от хронологических условий. Ср. у Я. Вуйка в переводе псалма 90: *pádnie po boku*

Дальнейшая история этой конструкции представляет собой последовательное вытеснение ее лок. с предлогом *po*; хотя отдельные случаи ее изредка встречаются и позже (в том числе и в говорах), можно сказать, что с XVI в. она оказалась почти полностью вытесненной. Укажем несколько примеров лок. с предлогом *po* в значении поверхности, по которой распространяется действие (в прямом и в переносном смысле), взятых из старопольской письменности: *a wyesili dzyeci za glowy po wszech domyech swich*. Библия. Соф., Machab., I, 1; *weszmy kaszdi z was barana po czyelyadzach a po domoch swich*. Там же, Exod. XII, 3; *weszmyczye dobidczyó po czeladzach swich*. Там же, Exod. XII; *nye wstópyysz po wschodzech ku oltarzu temu*. Там же, Exod. XX; *po suchem dno przeslysmi Yordan*. Там же, Jozue IV; *po swiecie chodzq*. Рея. Wizer; *macierze szuka po górach ustrónnych*. Ян Кохан. Pieśni., I, 282; *siedzq po niskich brzegach*. Он же. Psalt., Daw. CXXXVII; *po twardym płynie kamieniu*. Збылит. Wieśn.; *po swiecie pielgrzymuje*. Там же; *po drzewie ptastwo igra*. Кленов. Flis; *po wszystkich domach szukano*. Лег. о св. Алекс. Brückner. Średn. p. 32; *po wszystkim swiecie słyńło*. Pieśń o św. Jopie. Там же, 44; *po wszem swiecie zamierzknienie*. Pieśni p. w., 93; *po wszystkich głowach... jeździ łakomstwo*. Скарга. Kaz. przygod., X. Интересно отметить, что в древнейших польских памятниках делового содержания лок. с предлогом *po* в этом значении крайне редок (имеются в виду лишь достоверные случаи). Достаточно сказать, что в этих памятниках до начала XV в. он нам не встретился. Правда, в связи с очень ограниченным и однообразным по содержанию материалом трудно делать далеко идущие выводы. Однако конструкции дат. с предлогом *po* в местном значении в этих памятниках отмечены несколько раз. Примеров локативных конструкций с предлогом *po* из польских говоров приводить не будем, так как в этом значении лок. с *po* распространен по всей Польше и совпадает с подобной конструкцией литературного языка³¹.

Старопольские памятники и современный язык сохранили конструкции, где лок. с предлогом *po* обозначает предмет, за которым (в пространственном плане) разворачивается действие: *prziwedzoni bódó scelowi dziewicze po ney*. Флор., 44, 16; *gydó po nas*. Библия. Соф., Tob. XI; *ale czy, gesto byli poslani, gonicz po nich po drodze*. Там же, Jozue II; *potem po nyem wipuszczyl golóbya*. Там же, Gen. VIII; *wynidz po mnye*. Там же, Machab. I, 1, 23; *Wyszedl... po poslech*. Там же., Jerem, 29, 18 (здесь может быть и временной оттенок); *gydzy po nyey*. Altp. Sprd. (XV в.), 261; *idzie... po niej*. Кленов. Worek Jud., I, VII; *i po grobie jego tańcowala*. Шимон. Siel., V; *wiatr po*

twoim tysiąc, a dziesięć tysięcy po prawéy stronie. Буек, 569 (Ян Леополита переводит это место: *od boku twego... od prawey strony*); лишь прилагательное *po... twoim* позволяет четко определить лок. Ср. также *po boku śli* в современных говорах. См. В. L i n d e r t ó w n a. Gwara gminy Spiczyn w województwie lubelskim. — „Stud. z fil. pol. i słow.“ I, str. 220.

³¹ Исключения или вариации не представляются существенными. Ср. *po morafsk'ix kópkach*. Силез. Nitsch. Dial. p. Śląska, 220 (=w).

tobie dmie. Кленов. Flis, 116 и др.; ср. в говорах: *fx*ożyu jedyn po drugim.* Лопен. Tomasz., 96; *po tobie hodzu.* Малоп. Góry. Nitsch. Wybór, 45; *má po mnie przyjc.* Малоп. Lud. XX, 1919, 250; *po łobuze... pošli.* Хелм. Добж. (Коцеувь). Nitsch. Wybór, 173; *jeden po drugim goniyli.* Zbiór WAK, V, 248; *i nufcik po nim.* Силез. Вақ, 2 и др.

В литературном языке подобные случаи крайне редки. Следует отметить, что почти всегда основное значение лок. с предлогом *po* осложнено дополнительными оттенками (временной, целевой и др.). Существует ряд ситуаций, где различие временного или целевого значения от указанного практически невозможно. Помимо более широкого контекста в определении значения этой локативной конструкции имеет значение и характер слова, выступающего в лок. с предлогом *po* (например, *pošet po prośunam xleb'je.* Хелм.-Добж. Nitsch. Wybór, 170; *chodził chęор po kołędzie* (= kołędzie). Малоп. Lud. XX, 1919, 246; *jeździł po żogniu.* Малоп. Zbiór WAK, VII, 26; *pá żebrax xużili.* JP, XXXVI, 1, 1956, 39 (польские говоры на зап. Украине); *pi mnie pszijachoł.* Южн.-Великоп. JP, XXXVI, 2, 1956, 140, где значение цели очевидно. Ср. также: *jechać po wodzie, po potrzebie*³² и т. д.).

Указанным пространственным значениям в польском языке соответствуют временные, также выражающиеся лок. с предлогом *po*. Но если случаи локативных конструкций с предлогом *po* в значении распространения действия в течение определенного отрезка времени были единичны в старом языке³³ и довольно редки сейчас, что в связи с некоторыми другими соображениями заставляет предположить вторичный их характер и относительно позднее происхождение (до середины XVI в. они нам не встречались), то локативные конструкции с этим же предлогом, указывающие на определенный пункт во времени, после которого происходит действие, были весьма употребительны в старых памятниках и стали еще более частыми в современном языке (при резкой разнице в употребительности лок. с *po* в этом значении в пространственном и временном планах и при наличии известного сдвига в значении соответствующих пространственных конструкций можно говорить уже о предпосылках к ликвидации параллелизма этих двух планов в современном польском языке).

Приведем несколько примеров первого рода: *nie na żadną kradzież godzę, chocia tak po nosy chodzę.* Ян Кохан. Pieśni, I, 302; *pojdziemy po praznikach do dobrego piwa.* Зимор. Siel., IV; *kthorzi po noczi czeklują.* Komed. o miasop., 552; *chodzo po nosy.* Вост. Малоп. Wisła, XVIII, 1904; *całować po caluskiej nosy.* Подгалье. Zejszner, 52; *adyć Vocéx tero po saуу dñax.* Серадз. Wisła XIII, 1899, 531 и др.

В старых памятниках в таких случаях преобладали и другие конструкции (между прочим *po* с вин. Ср. *po wszitky nosy*, постоянное

³² Однако *posłać po co, po kogoś (po co tu obce towy?* Мицкев.; *po co wokoło Świtezi wody błędzisz przy świetle księżyca?* Он же) и даже *przyjść po kogoś.*

³³ Интересен пример: *madlythwa... która ma bicz mowiona naboznyje poranu...* Рук. XVI в. Малин., 12.

в Флорианской и Пулавской псалтырях; *robyl po thy latha*. Плач умир. Altr. Sprd., 294 и др.)³⁴. Укажем ряд примеров с лок: *a po tich slowyech bila tego czasu wynnycza Nabotowa*. Библ. Соф., Król. III, XXI; *po Abimalechu uczynyon wodzem w Jsrahelu Tola*. Там же, Sędziowie X; *y bil gest Adam po porodzeniu tego syna... oszemset lat*. Там же, Gen. V; *y ostala szona syrotó po dwu sinu y po mószu*. Там же, Rut. I, 5; *a po porodzeniu jest (ci) teze ona dziewicą była zostata*. Гнезн. проп., 7; любопытная вариация этого типа представлена в двух примерах из этого же памятника³⁵: *ociec święty, jenżec jest był po świętem Pietrze trzeci*. 14; *Piotr miał (ci) jest on być po Bodze pirzwym p[ra]łatem*. 28 (в последнем примере появляется и новый оттенок значения); *dać... po żywocie rajski przebyt*. Песнь Богородицы; *w jego śmierci i po jego śmierci*. Навойк. Молитв. XV в. Вержб., 9; *po śmierci Crakowey... zabił go brát młodszy*. Бельск. Крон. Брандт., 23; *panował po ojcu śwym*. Там же, 23; *paknięli to uczyni po rocé jedném*. Висл. стат., 37. Диковск. код., 33; *wdowa po śmierci mąża swého weźmie dzieci*. Там же, 57; *po czwarthkowej wieczeri czassu iutrzennego... modlił*. Brückner. Drobne zab., 24; в диалектах: *zaś p^o śydymżeśontym r^ooku, p^o ty francusk'i uęińe, pšybyuо рwre M'ymcáf*. Лопен. Tomasz., 95; *po śnodańu sykł'i xuop'i dal'i*. Силез. Nitsch. Wybór, 7; *po ob'eże legnyu se gazda*. Силез. Там же, 9; *po uob'eże p'el'i my p'iwu*. Опольск. Малин. Powieści., II, 215; *po spowiedzi baranek sie uodbywát*. Малооп. Góry. Zbiór WAK, VII, 1883, 76; *po śwę'tem Michale wolno paś pocale*. Малооп. Крак. МРКJ, VII, 1920, 398; *po śpulowańu śe snuje na snowalńi*. Мазовше. Nitsch. Wybór, 200; *po kroxmaleńu trzeba... trónać*. Мазовше. Там же, 208; *po psiérski śfatowí wojnie zag'inuła łórelka*. Nitsch. Póln.-p. teksty gwar., 55; *do obiadu i po obiedzie*. Там же, 60; *i po noci Nienca niez'iwégo naleźli*. Там же, 72; *ťsy dńi xorował po tym młaceńu*. Сувалкск. JP, XXXVI, 3, 1956, 219; *po *obziedzie*. Bajki Warm. Maz., 23; *owce strzygą się na wiosnę po Jurzym*. Силез. Малин. Powieści, 37; *po śmierci ojca on obdzierzył ten majątek*. Там же, 47; *po roku miał sie żynić*. Силез. Вąк., 25; *a po potejdnü he-süm ich nazayd*. Steuer. Сулковск., 44; *po pohšeb'e dostały kołauć*. Steuer. Бабор., 71; *Po drugej uорoуежі śl'i uoba... Сходня. Gołab, 177; pü dńov'i (= gdy ma świtać)*. Подегр. Pawł., 238; Ср. также широко употребительное и в старых памятниках и теперь *potem, potym*, давно уже ставшее наречием, но хорошо свидетельствующее о древности этой конструкции в указанном значении.

То же самое значение, осложненное некоторыми другими оттенками, засвидетельствовано в довольно большой группе случаев, употребитель-

³⁴ В ряде случаев специфический оттенок длительности, кажется, исчезает, что можно сравнить с некоторыми примерами местного плана: *pożoył se chłop ten placek po boku*. Wista, VI, 312; *a puo prawuj stronie wilgie bójcko*. Великоп. Nitsch. Wybór, 142; *rozatku za jńšymí; jęchoz za nimi po zatku*. Силез. Nitsch. Wybór, 5, 6 и др.

³⁵ Ср. также *pierwszy po króliu*. Кнапск. Thesaur.; *dostojność królewska, która po kapłańskiej nawiększa jest*. Скарга. Kaz. przygodn., X; *Jantek po Berdyce* (смысл последнего); *Walek po Makuchu*. Карлович, Sł. gw. p., IV, 146 и т. д.

ных и прежде и теперь (как правило, при глаголах *zostać, zostawać, dać, wziąć* и др.): *ony známienite dzieje po sobie zostawiły*. Бельск. Kron. Tasz., 50; *stawę po sobie zostawił*. Ожеховск. Rozmowa, 16; *wszystko to po nim zostaje*. Збылит. Wieśn.; *i po nim zostanie*. Шимон. Siel., XIII; *zosthaly po rodzyezach swych*. Магдеб. право (польск. пер.). Рукон. 1500 г. Kalina; *a beneficium po nim ma wziąć kto inszy?* Гурницк. Dworz., Ks. II; *wziął po jej maceri*. Крак. роты 1398 г. Hube, 10; *miecz po ojcu wziąwszy*. Жолкевск., 381; *gdi tu ye dal po yego zenye*. Кур.-W., 4; *a po mojej głowie pożytek zbierać będą*. Зимор. Siel., IV и др. Следующую ступень по пути развития от пространственно-временных значений к объектным представляет группа локативных конструкций, более тесно связанных с глаголом, чем в предыдущих группах (при *spytać, płakać, trapić (się), żałować, żalić się* и некоторых других): *żałoby jego po pierwszej małżonce Annie*. Гроховск. Kołęda. Брандт., 102; *żona po nim jeko spita*. Лег. о св. Алекс. Brückner. Średn. p., 29; *a gdyż to po nim uznali* (= о нем). Там же, 30; *więc się po nim pytano*. Там же, 32; *tego się po mnie nic nie boj*. Там же, 28; *kiedy po nim lud prosty tak płacze*. Мицкевич; *czegoż tam płakać za kim i po kim, kiedy nikt po mnie niepłacze*. Он же; *był jesć po fćorajšym barzo цutrop'яny*. Силез. Nitsch. Wybór, 10 и др.

Следует отметить, что такие случаи распространены в польском языке весьма слабо (и прежде и теперь), встречаются лишь при очень ограниченном числе глаголов, способных выражать те же значения и с помощью других конструкций. В указанных случаях лок. присущ оттенок причинности (если не считать чисто изъяснительного значения в (s)pytać). Более полно оно проявляется в ряде примеров, вторичных по происхождению: *poznacie mię po głosie*. Мицкевич; *po czym ja się, Jasiu, spodobała tobie*. Zbiór WAK, X, 266³⁶; *i po tem mi się podobaćcie*. Kolb. Kiel., 1,75; *po cem zas' ich poznała... po konikach po wronych, po pasikach czerwonych*. Василевск. Jag., 185; *a baby p'o ćmi ĩe poznały*. Силез. Nitsch. Wybór, 3 и др. Тот же оттенок можно отметить и в конструкциях несколько иного рода: *stąd oléy, po którym twarz głádnie*. Ян Кохан. Psalt. Daw.

Польский язык обладает и рядом других локативных типов с предлогом *po*, которые в русском языке крайне редки или вовсе отсутствуют (им соответствует дат.). В большинстве случаев определение падежной принадлежности для древнепольского языка невозможно ввиду ограниченного числа примеров и неразличения в ряде положений местного и дательного падежей. Укажем основные группы. Лок. в значении 'в соответствии': *powiedzieć po sprawiedliwości, mówić po złości, po dobrości, robić po chęci, po swojej woli* и т. д.; надежных примеров для определения падежной принадлежности в старопольских памятниках не встречалось. Лок. основания действия, близкий при некоторых условиях к предыдущему типу, в польском языке оказался почти вытес-

³⁶ Ср. *po czemu co chodzi, nie wie*. Кнапск. Thesaur. Линде.

ненным конструкциями род. с предлогом *według/podług*³⁷. Ближе к этой группе стоит лок. *pretii*, часто перемежающийся с соответствующим дат. (*pytał'i śe, po cemu* (дат.) *tu weyna, po dukacie*. Вост. Малоп. Rozpr. AU., VIII, 1880, 226; *sprzedac po guldenie* и др.). В старых памятниках и во многих говорах здесь дат.: *po czerwonym złotemu* и т. д.; примеры общеизвестны (особенно в говорах восточной Польши). Примерно такие же колебания наблюдаются и в тех отчасти похожих на предыдущий тип случаях, когда лок. с предлогом *po* выступает в распределительном значении: с одной стороны — *rozdac po guldenie, po rublu, po trzech*; с другой — *rozdac po złotemu, po jednemu dukatowi; rozdzieliła matka między dzieci po całym jaju święconemu*. Витв. О Нусулах, 103; *dai po jednym jarłkowi*. Вост. Малоп. МРКJ, VII, 1915, 177; *dostał'i po jednym wup'ic*. Сходня. Gołab, 177 и др. В львовских и некоторых других окраинных говорах последняя конструкция решительно преобладает. Так же в старопольских памятниках (ср. *po jednemu groszu zapłacić*. Prawa maz. Brückner. P. pr. średn., 241; *(dać)... tedy kmieczyo(m) po yednomu volu*. Страдомск. код., 350 и др.)³⁸.

Иногда встречается лок. с предлогом *po* в значении средства, с помощью которого совершается действие: *pojechał'i po woze*. Крак. МРКJ, VII, 1920, 398; *jeździł po swoich nogach*. Kolb. Pozn., VI, 87; *chodziła po-człotech*. Там же, VII, 141; *iję po nogach*. Силез. Nitsch. Dial. p. Śląska, 220 и др.

Наконец, укажем некоторые близкие к идиоматическим выражения, в которых выступает лок. с предлогом *po*: *co po tym, że...* Гурск. Рада, 1597, 32; *a mnie co po tem*. Гроховск. Тор. посу. Брандт, 107; *co po tych herbach, co po tych nadgrobkach*. Опалинск. Ks. IV, Sat. 1; *a coż po takich stylach*. Lubom. О stylu. Tasz., 204; *zjadła wszystkie rozumy, // więc co jej po rozumie*. Тувим; *co mi p'o tak'ym paropku*. Крак. МРКJ, VII, 1920, 395; *co mi po tym*. Вост. Малоп. Wisła, XI, 1898, 458; ср., однако, у гуралей: *co po takim człowiekowi*. JP, XXXVI, 1,52; *nie dopełnil, co wszyscy po nim wytagali*. Smith., 210; частое в конце сказок — *i po bajce* (...*wzięła kij i kotka zbzita — i po bajce*. Bajki Warm. Maz., 26); *żyli po społu* (=вместе). Там же, 26; *po arapie* (=по wszystkim), *po nosie* (-miło, przyjemnie); *po biedzie* (=lichy); *po łacinie*, но: *po polsku, po niemiecku* и т. д.; *chodzi po spacerze* и

³⁷ Исключения редки. Ср. у Мицкевича в послании к Лелевелю: *tu po obsyck świadectwach droga myśli ślizka* (в старом языке иначе). Более часты случаи вроде: *po imieniu zawoła*. Bajki Warm. Maz., 41 или: *mógł'bym po imieniu wymienić tych*. Моджевск. Мову, 88.

³⁸ Прилагательные с предлогом *po* (я местоимения) дольше сохраняют свою принадлежность к дат. Помимо перечисленных случаев, ср. *po modnetu, po tojetu zdaniu* (наряду с *toim zdaniem*), *po staremu, po jednemu, po cichu* и т. д. и даже в исконно локативной области: *po wszystkim zaśli do karcmy*. Świętka. Lud Nadrab-ski (см. Карлович. Sl. gw. p., IV, 146). Однако видеть в них разграничение между дат. и лок. с *po* такого рода, как в известных случаях в белорусском и отчасти украинском языках (сд. ч. — дат., мн. ч. — лок.), было бы, пожалуй слишком смелым.

др.³⁹; некоторые причисляют к локативным конструкциям: *po drugie*, *po trzecie* и т. д. Будучи весьма редкими, эти случаи, однако, не являются достаточно древними и достаточно самостоятельными по значению в отношении к разобраным группам. Поэтому они не дают нам нового материала.

Таким образом, польский язык обладает большим разнообразием локативных конструкций с предлогом *po*. Окончательно утвердившись уже в начале письменного периода польского языка, они и в дальнейшем ходе развития продолжали захватывать новые ряды значений, вытесняя конструкции дат. с предлогом *po*, которые в настоящее время крайне сузили сферу своего употребления. Интересно отметить, что при сохранении старых общеславянских локативных конструкций с предлогом *po* и развитии новых (в пространственно-временных значениях по преимуществу) конструкции с объектными значениями не получили широкого распространения; наоборот, круг глаголов, в сочетании с которыми они употребляются, сузился. Однако в общем лок. с предлогом *po* оказался в польском языке весьма продуктивной конструкцией, в значительной степени определившей дальнейшие пути развития ряда других предложно-падежных сочетаний.

Локатив с предлогом *przy*

Эта конструкция менее употребительна в польском языке, чем другие предложно-локативные типы. Она обладает весьма узким кругом значений, связь которых между собой совершенно очевидна. Даже при употреблении в переносном значении лок. с предлогом *przy* продолжает сохранять связи с конкретными (пространственно-временными) значениями этой конструкции. Этому способствует то обстоятельство, что переносное употребление локативной конструкции с предлогом *przy* не приводит к образованию существенных новых оттенков значения по сравнению с непосредственным употреблением этой конструкции. Эта ограниченность указанных типов и привела их к известной изоляции и к сужению возможностей развития. В древнепольском языке XIV—XVI вв. лок. с предлогом *przy* в подавляющем большинстве случаев выступал в пространственно-временных значениях. Так, при наличии в лок. с предлогом *przy* слова, обозначающего определенное место, конструкция приобретала местное значение, причем действие происходило вне места, выраженного словом в лок., а лишь около, вблизи его (случай, хорошо известный и другим славянским языкам): *przebiwacz będzie przy tobie*. Флор., 5, 5; *upatrzył sobie miejsce... przy osobnej górze*

³⁹ Интересен пример из силезских говоров: *tyń żondoł pó mńe, żeby mi pokozoł*... Силез. Вақ., 60. Такой тип изредка встречается и в старых текстах. Ср. ... *Pliniusz... godzien iest pochwały, bo rzecz swą doskonale y przyrodzonym, a nie nádętym stylem wyráził, iáko iego Máteryя po nim potrzebowała*. Lubom. O stylu. Tasz., 203; ср. у Яна Кохановского: *czego dalej chcesz po mnie*. Этот случай отмечен Ст. Слонским. См. St. Słoiński. O języku Jana Kochanowskiego. Warszawa, 1949, str. 72.

Awentyńskiej. Кленов. *Worek Jud.*, I, VII; *stać przy przyjacielu*. Ян Кохан. *Odpr. posł.*, III, 95; *stoi przy Panu swoim*. Реф. Еванг., 16; *jabym wolał... wisieć, niżli się raz przy trupie położyć*. Шимон. *Siel.*, V; *niech będzie i ze złota urywał, przecię go na stole nie postawią, ale tam przy łóżku gdzie nisko*. Опалинск., Кс. IV, Sat. 1; *przy sobie zadzierżać*. *Hist. Troj.*, 32. Подобные примеры хорошо известны и из позднейших памятников вплоть до современного языка, причем особенно широкое употребление указанных случаев можно встретить в говорах⁴⁰. Приведем некоторые примеры: *przy dolinie wółki paśta*. Карлович. *Pieśni maz.*, Pr. fil., II, 2, 567; *xléb dajóm przy kościele*. Малоп. *Rozpr. AI*, VIII, 1880 г., 225; *pśy stajnce k^ojsk'i sfińa sy ny mu^ouđ*. Вост. Малоп. МРКJ, VII, 1915, 177; *wycesał sie przy stole*. Сев. Малоп. *Wisła VI*, 1892, 308; *stoi pśy żóax*. Мазовше. *Nitsch. Wybór*, 124; *miel'i pśi boku pas*. Крайна. *Nitsch. Wybór*, 152; *przybij deski jednę przy drugiej*. Карлович. *Sł. gw. p.*, IV, 406; *legła i spała, a xłop při ni*. Силез. *Nitsch. Wybór*, 3; *przy sziji... psziszite*. *Nitsch. Póln.-p. teksty gwar.*, 42. В памятниках XVII—XVIII вв. и в современном языке в ряде случаев преобладает в этих конструкциях оттенок подчиненности, несамостоятельности.

Примечание. Заслуживает внимания тип: *być przy wojsku*⁴¹; *przy ułanach*; *przy piechocie*; *służyć przy gimajnie*. *Ustawa z Galicji* (см. Карлович. *Sł. gw. p.*, IV, 406). Однако такие случаи весьма малочисленны и употребление их ограничено рядом особых условий. Дialeктный материал как будто указывает на распространение подобных примеров преимущественно в окраинных восточнопольских говорах⁴².

Без наличия у конструкции *przy* с лок. значения подчиненности, видимо, трудно было бы объяснить и ряд случаев, когда в лок. с предлогом *przy* стоит слово, выражающее сопутствующий предмет или качество. Таких примеров в польском языке немало (впрочем, в памятниках XIV—XV вв. их почти нет, что связано, может быть, с особенностями памятников этого времени): *być przy pieniądzech*; *przy nadzieji*; *przy głosie*, *przy smysłach*; *przy swojej prawdzie*; *przy zdrowiu*, *przy zdolnościach*; *tańczyć przy muzyce*; *przy swoim uporze stojąc* (Скарга); *przy affektach*. *Pasek. Pamiętn.*, 196. Четкое выделение этой группы случаев среди остальных представляется затруднительным, особенно если учесть состав слов, выступающих в лок. (конкретные и отвлеченные понятия). Так же расплывчат и круг значений, где часто сосуществуют социативный, условный, причинный и другие оттенки, более четко выявляющиеся лишь в условиях широкого контекста.

В старопольских памятниках самой распространенной локативной конструкцией с предлогом *przy* была временная. Ее значение существ-

⁴⁰ О существовании подобной конструкции косвенно свидетельствуют и такие названия, как *Przyrynek* (улица в Варшаве) и т. д.

⁴¹ Ср. уже у М. Семпа Шагинского: *przy wojsku zbitem*. С.-Шаж. *Pieśń o Strusie*. Такого рода примеры характерны и для украинского. С другой стороны, в говорах нередко и такие примеры, как: *půtaцгаły pśy roboće*. *Steuer. Сулковск.*, 47.

⁴² Однако есть и исключения: ср. *pszі wojsku*. *Nitsch. Póln.-p. teksty gwar.*, 62 (среднемазурский диалект); *pśi w^ojsku*. Силез. *Nitsch. Dial. p. Śląsku*, 223.

венно отличалось от соответствующей конструкции местного плана тем, что действие совершалось в пределах временных границ (точнее: одновременно с ними), указанных в лок., а не вне их (как в местной конструкции). В связи с этим в таких конструкциях особенно ощутим оттенок одновременности явлений или действий. Памятники делового содержания особенно богаты подобными примерами: *przitem bijl.* Hube, 5, 8, 9, 11 (известная формула); *jako przitem bil.* Серадзск. рук. 1386 г. Мацевск., II, 334; *eze bili przy té.* Там же, 345; *jacom ya przitem bil.* Kur.-W. 2 (3 раза), 39, 127 и т. д. Диалектные тексты сохраняют конструкции подобного типа, как, впрочем, и несколько иные. Ср. *při kopaniu mel'i dva kosyk'i.* Gołab, 174. Более разнообразны эти конструкции в памятниках другого рода. Укажем некоторые примеры: *przy Wojcechach albo Stanislawoch był.* Ожеховск. Dial. polit., 61; *gdyż przy sądziech wierni sądzie nie mają mieć ani baczyć gniewu.* Висл. стат., 76; *przy skonanyu ya posznacze.* Mors et magister. Altp. Sprd., 283; *a przy nim leci Pogoda.* Ян Кохан. Pieśni, I; *aby jedno przy drugim lepsze się zdało.* Гурнидк. Dworz., Ks. 1.; *przy tem je wszystkim bez naruszenia zachować.* Верец. Regula, 90; *którzy byli przy Szalbierzu.* Жолкевск., 30; *przy takowej sprawie huk był wielki.* Он же, 120; *przy koronacyej zaś Salomonowej nie wspomina żadnej korony.* Бирк. Kwiaty koron. Брандт, 133 и др.

В современном польском языке сфера употребления этой конструкции несколько уже, между прочим, за счет вытеснения ряда чисто временных случаев (ср. *za* + ред. и др. или осложнение их некоторыми другими оттенками); ср., однако, *byłi pși kup'e* (=gazem). Куявск. Sobier., 110, отсутствовавшее в старых текстах.

Ввиду известной монолитности и единообразия локативных конструкций с предлогом *przy*, а также учитывая их устойчивость и весьма малую изменяемость на протяжении письменной истории польского языка (и других), можно смело проецировать положение с этой конструкцией в более ранний период развития польского языка, однако это же самое единство сильно ограничивает наши возможности при установлении связей с другими конструкциями и при попытках выяснить пути развития этого локативного сочетания⁴³.

Локатив с предлогами *w* и *na*

Наиболее распространенными в истории польского языка оказались локативные конструкции с предлогами *w* и *na*⁴⁴. В большей части случаев значения этих конструкций (лок. с *w* и лок. с *na*) близки между собой, причем часто можно говорить о параллелизме этих конструкций (особенно показательны в этом отношении случаи, когда конструкции

⁴³ Ясно, что отмеченные К. Ничем случаи употребления *przy* с дат. вторичны и связаны с заменой лок. через дат., уже упоминавшейся выше. Ср. *zostanie pși staramu.* К. Nitsch. WPP, III, 177. Такую же конструкцию отмечает и F. Steuer. Сулковск., 122 (*stoi pși нуми...*); Бабор., 118.

⁴⁴ Так, на несколько сот локативных конструкций с *w* и *na* в Флорьянской Псалтыри приходится лишь 20 локативов с *o*, *po* и *przy*. В общем такое же соотношение сохранилось и в современном языке.

разнятся между собой лишь постольку, поскольку это зависит от различия в значениях предлогов). Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вместе локативные конструкции с *w* и с *na*, отмечая их различия в употребительности в том или ином значении, в способности к соединению с другими словами конструкции, в оттенках значения.

Лок. с указанными предлогами чаще всего употребляется в местном значении (от слов, обозначающих понятия, воспринимаемые как место, где происходит действие). Такие случаи хорошо известны всем славянским языкам. Полно и всесторонне засвидетельствованы они и в древнепольском языке. Укажем лишь некоторые примеры: *kość rybia w gardle uwięzła*. Жит. Блаж.; *czom myal w skrzyni y w komorze*. Жал. умир. Altp. Sprd., 293; *w koszceze czy zabyly*. Песня Андр. Тенч. Altp. Sprd., 267; *czte w jednych księgach*. Лег. о св. Алекс. Brückner. Sredn. p., 26; *W Rzymie jedno panie było*. Там же, 26; *przydał się być interdykt w Krakowie*. Висл. стат., 11; *przebiwaić na conozoch*. Флор., 64,8⁴⁵; *na wyrzbach... zaweszely gesmy organy nasze*. Флор., 136,2; *na tem to świecie... służył*. Гнеан. проп., 2; *to gi ranil na swe dziedzini*. Позн. рота 1389 г. Магеевск. Pam. słow., II, 331; *urzał studnyczó na polu*. Библ. Соф., Gen. XXIX; *zabitemu na polu abo na drodze*. Висл. стат., 53 и др. Сюда же относятся и примеры лок. при глаголах типа *położyć, stawić, pokładać, posadzić* и др.⁴⁶, употребительные и в прошлом и в настоящем (в древнерусском языке в таких случаях обычен был вин., хотя изредка встречался и лок.): *na wysokosczech postawiał me*. Флор., 17, 36; *poloszil ies zamóty na chrzepcze naszym*. Там же, 65, 10; *poloszili w bodze nadzeiř swoiř*. Там же, 77, 9; *w slunczi poloszil przebytek swoy*. Там же. 18, 5 (в двух последних примерах местное значение оттеснено на задний план)⁴⁷ и др. Так же, как и восточнославянские языки, древнепольский знал лок. с предлогом *w* от слов, обозначающих одежду или оружие; от слов, обозначающих определенную совокупность людей (тип *być w Czechach: przebiwal w ludzoch*. Флор., 77, 66; *dziedziczem bódziesz we wszecz pogonoch*. Там же, 81, 8; *ne iest rowennik tobe w bodzech*. Там же, 85, 7; ср. 88, 7; *any chodzil gesm w welykych*. Там же, 130, 2; *Moyses i Aaron w kaplanech iego*. Там же, 98,6 и др.). В старопольских памятниках художественной и особенно религиозной литературы очень широкое значение получили локативные конструкции с предлогами *w* и *na* от слов, выражающих отвлеченные понятия⁴⁸. Связь с местным зна-

⁴⁵ О синтаксисе лок. в Флорианской Псалтыри см. статью E. Ramberg, указанную выше; впрочем, она весьма неполна, как в плане польских примеров, так и в плане латинских эквивалентов.

⁴⁶ Недавно об этом типе в связи с соответствующим аккузативным появилась статья С. Комара „Czy rusucyzmu?“ — JP, XXXVII, 4, 1957, str. 252—260, сопровождаемая интересным замечанием Э. Клеменевича. Там же, стр. 260—261.

⁴⁷ Ср. очень редкое диалектное явление: *nie malujcie djabla na ścianę*. Wisła, VIII, 793 (см. Карлович. St. gw. p., III, 209).

⁴⁸ Впрочем, в таких случаях могут в лок. выступать и существительные, обозначающие конкретные понятия. Тогда вся конструкция приобретает особый оттенок; ср: *kto ne ma dziedzicztwa v szemi*. Позн. роты 395 г. Магеевск., II, 139.

чением в большинстве примеров очевидна, хотя в ряде случаев она затупевывается, и в зависимости от характера слова, стоящего в лок., возникает то или иное значение, чаще всего значение состояния, сферы действия, способа совершения действия и т. д. Вот несколько примеров: *weselicz se bódzem we zbaweniu twoim*. Флор., 19, 5; 118, 81; *yw zacone iego bódze mislicz*. Там же, 1, 2; *w gnewe rozdraszjali sô wisokego w przezwođu*. Там же, 77, 20; *w penawyscy ymal gesm*. Там же, 118, 113; 118, 128; 118, 163; *w mislach twogich*. Там же, 39, 7; *w zprawedlnosczy*. Там же, 68, 32; *weszla gest we czmach swatloscz*. Там же, 111, 4; *w potyóczy ymal gesm*. Там же, 118, 55; *we szlach, w wesely bódó*. Там же, 125, 6; *przeszedł gesm w starosczy*. Там же, 118, 147; *we złych skutcech przespiwającego*. Свентокрж., 29; *oczecz byl w dzerzeniu pyantey czanszi*. Крак. роты 1399 г. Hube; *zalozyl yes zemyó na ustawyczstwye* (= *syper stalitatem*). Флор., 103, 6 (ср. предыдущий подтип); *chowal je na wszelkiej krasie*. Лег. о св. Алекс. Brückner. Średn. p., 26; *język polski na małey pieczy małq*. Реф. Wizer.; *zbytki tak w piciu, iako y wiedzeniu, thákze też w nástrzępionych... przyprawach y w chodzeniu y w poieździech nászych*. Там же и др.

Преобладание тех или иных оттенков значения определяется в основном контекстом (в более подробный анализ мы не вдаемся, так как, во-первых, он бы не дал ничего нового для более древних периодов в развитии локативных конструкций, а, во-вторых, он почти во всех существенных деталях совпал бы с теперешним состоянием, о котором можно узнать из соответствующих разделов трудов по синтаксису падежей в современном польском языке)⁴⁹.

Особой группой локативных конструкций с предлогами *w* и *na*, самостоятельность которой определяется специфической семантикой глагола (или отглагольного имени), является лок., выражающий средство совершения действия (в лок. стоит название этого средства, орудия и т. д.): тип *jechać na saniach, na kolach* (ср. *latal iest na perzu watrow*. Флор., 17, 12), широко распространенный и теперь, и более редкие случаи лок. с *w* и *na* при глаголах *grać, śpiewać* и т. д. Ср. примеры из Флорианской Псалтыри (в Пулавской так же): *pouczyc gospodnu w góslach, w góslach i we glosse psalmowem, w tróbach gióczich*, 97, 7; *na bąbnyech a na zoltarzy chwalczye yego*. Addenda. 149, 17; 150, 27 и др.

Распространенными являются локативные конструкции с временным значением (правда, преимущественно у лок. с предлогом *w*): ср. в Флорианской Псалтыри: *w noczy* (= *nocte*). 118, 55; 1, 2; 31, 4; 16, 4; *we wszecch dnoch naszich*. 89, 16; *i wstal gest Ffarao w noczy*. Библия. Соф., Еход. XII; *bych morzyła ve thnye y w noczy*. Mors et magister; *wstanó na switanu* (= *diluculo*). Флор., 56, 11; 107, 2; *na poczhótku* (initio). Там же, 101, 26; *na brzeszdzenu* (= *diluculo*). Там же, 118, 148 и др. В истории польского языка локативные конструкции с предлогом *w* во временном плане не только сохранили основные типы оттенков значе-

⁴⁹ Ср. хотя бы А. Крaсноwоlski. Указ. соч.; Z. Клемeнсiеwicz. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937; его же. Zarys składni polskiej. Warszawa, 1953 и др.

ния, но и в ряде случаев развили новые, отсутствовавшие у этой конструкции в прошлом. Прежде всего мы имеем в виду случаи типа: *w kielku niedzielach przyjeżdża ten zbój*. Kolb. Krak., IV, 179; *w kielku dniach przystała królowna...* Там же, IV, 74 (но: *w parę dniach rodzice przyjchali*. Kolb. Pozn., VI, 269), где в лок. стоит слово, выражающее срок, по прошествии которого совершилось действие. Нельзя не отметить и весьма значительное распространение в современном польском языке нечастых прежде случаев типа *na jeśeni*. Nitsch. Dial. Pr. Zach., III, 175; *to było w zimy, w leci nie*. JP, XXXVI, 1, 1958, 38; *w jesini... była w naszych czasach, w trzech dniach wyrzucił dom*. Zbiór WAK, XI, 124; *w trzech dniach świnia zginie*. Там же, V, 167 и др.

В современном польском языке наблюдается значительный рост числа локативных конструкций с *w* и с *na*, в которых лок. связан с глаголом теснее, чем в рассмотренных до сих пор случаях. В ряде конструкций можно уже говорить о полной грамматикализации предлога, в других — об определенной тенденции к этому. Ср. лок. с предлогом *w* при глаголах: *ufać, mieć ufność, pokładać nadzieję, zakochać, zasmakować, gustować, ćwiczyć się* и др.; лок. с предлогом *na* при глаголах: *zależać, zaktadać, polegać, zasadzać (się), stać, opierać (się)* и др. Случаев такого рода в древнейших польских памятниках весьма немного, причем были и иные, гораздо более употребительные способы выражения при тех же самых глаголах. Укажем лишь те случаи, в которых лексическое значение предлога утеряно в большей степени, чем в других, и где объектное значение лок. очевиднее: *duffay w bodze*. Флор., Add., 41, 7, 41, 16; *duffa czlowyiek w panye*. Там же, Add., 129, 6 (ср. у Я. Кохан: *ufam w miłosierdziu twoem*); *bo w nem weselicz se bódze sercze nasze*. Там же, 32, 21; *weselicz se bódze w gospodne*. Там же, 34, 10; *kochay se v bodze*. Там же, 36, 4; *na tem nye wótpuř*. Библ. Соф., Tob. VII; *na tym zawisto*. Mikl. и др. В отношении развития этих конструкций польский язык занимает промежуточное место между украинским и белорусским, с одной стороны, и чешским и словацким — с другой.

Не будем подробно останавливаться на целом ряде локативных конструкций с предлогами *w* и *na*, обладающих некоторыми другими значениями, так как они или уже известны нам из восточнославянских языков (где они были разобраны более обстоятельно), или более позднего происхождения, или, наконец, являются производными от других, уже упомянутых случаев. Поэтому ограничимся лишь кратким перечислением примеров: *By był prostak na postawie*. Сатира на ленив. мужика, 47; *moczny na czyele*. Хвальч. Kron., I, 231; *nikt na tym instrumencie nie wyrówna w bieglności, w guście i w talencie*. Мицкевич; *wyleczony na duszy i na cieie* и др. (со значением loc. limitationis); *w wienie co wziąć*. Mikl.; *dać za zastawę w dziesięci grzywien*. Крак. судов. земск. кн. 1394 г. (JP, XXXVII, 130); *zostawił majątek w srebrach*. Линде, VI; *postąpił mi część Podola w pewnej sumie pieniędzy*. Там же, VI; *we słowie co obiecał*. Там же, VI; *darow na przezwinnich ne bral iest*. Флор., 14, 6 (лок. объекта, с которого что-то взимается, требуется

и т. д.; случаев лок. с предлогом *na* при глаголе *dać* в древнепольских текстах не встретилось); *stanąc w płomieniach*; *dać w darze*; *swachny niech spiewają, bo są na tem*. Kolb. Pozn., II, 262 (=dla tego)⁵⁰; *co komu na tem?* Козл. Pieśni, 283; а также многочисленные наречные и полунаречные образования типа: *na male*, *na kratce*, *na dobrze*, *na podsobku*, *na przodku*, *na lecie*, *na kupie*, *w bosu*, *w całku*, *w zadku*, *w ostatku*, *na nogach* (вм. *piechotę* — так у гуралей) и др.⁵¹

Примечание. Несколько особое положение наблюдается в юго-западных малопольских говорах, где ввиду перехода *h* в *f* совпали лок. и род. во мн. ч. (ср. еще в Пулавской Псалтыри: *w smętkow* и гиперграмматизмы типа: *czasoch*, *porządkoch* — род. мн. ч. в тех же говорах⁵²). В этих и некоторых других случаях, разумеется, нельзя говорить о совпадении падежей, так как в других аналогичных примерах противопоставление сохраняется. Однако формальное совпадение падежных флексий, хотя бы частичное, бесспорно, способствует и известным сдвигам в значениях, их частичному перераспределению и т. д.

⁵⁰ О типе *na*+род. в том же значении см. JP, XXXII, 34, 35; XXXV, 65, 66 и XXXVII, 63, 64.

⁵¹ См. подробнее у Я. Карловича (St. gw. p., III, 209—213; VI, 60—62); некоторые исчезнувшие теперь случаи отмечает в языке Яна Кохановского Ст. Слонский. Указ. соч. 71—72.

⁵² См. H. Gärtner. Z przeszłości dzisiejszych cech gwarowych. — Prace fil., XV, 1931, str. 369—393. Правда, в последних работах в Пулавской Псалтыри видят отражение говоров, лежащих на границе Малопольши и Великопольши. См. S. Rospond. — JP XXXII, 5, str. 229 и M. Zembatówna. Czy Psalterz Puławski jest zbytkiem środkowo-malopolskim. Ibid., str. 223—228.

V. ЛОКАТИВ В КАШУБСКОМ ЯЗЫКЕ

Кашубский язык в основной массе своих исторических памятников письменности, не идущих дальше самого конца XVI в.¹, и диалектов не представляет ничего сколько-нибудь существенно отличного в лок. от польского языка. Тексты ранних кашубских памятников (сборник Крофея и перевод катехизиса Понтанусом), естественно, оказались нам неизвестными, а в работах, посвященных этим произведениям, вопросы синтаксиса полностью обойдены². Кстати, язык указанных произведений не чисто кашубский. То же относится и к большей части письменных памятников кашубской литературы, в основе которых лежат южнокашубские говоры³, очень близкие к великопольским (в сфере локативных конструкций нам не удалось заметить каких-либо отличий между южнокашубскими говорами и говорами Забожа, с одной стороны, и куявскими, хелминско-добжинскими, краинскими и говорами Коцевья — с другой⁴). Лишь северокашубские говоры обладают рядом оригинальных особенностей лок., неизвестных в южнокашубских говорах и в польском языке. Однако, как правило, они позднего происхождения. Поэтому, отметив эти особенности, мы лишь в общем укажем остальные типы локативных конструкций, знакомых уже нам из польского языка и (до известной степени) из некоторых других.

¹ Отдельные слова известны с более раннего времени, однако для нашей цели они бесполезны. См. Ф. Лоренц. О померельском (древнекашубском) языке до половины XV столетия. — ИОРЯС, т. X, кн. 1, 1905; т. X, кн. 3, 1906. Совсем недавно появилась статья Г. Поповской, в которой высказывается мнение, что так называемые „Dutki ziemskie brzeskie“, опубликованные еще К. Малковским, можно рассматривать как древнейший памятник кашубского языка. См. Н. Ророўска. Czyżby najdawniejszy zabytek kaszubski? — JP, XXXVII, 5, 1957, str. 346—351. В пяти известных фрагментах этого текста, относящихся к 1402 г., встречаются локативные примеры: *po crolewe wjęgechani*, *po switem marcine* и т. д.

² См. Ф. Лоренц. Исчезнувший диалект поморский. — ИОРЯС, т. XVII, стр. 141—160. Он же. Die Sprache des Pontanus. — „Slavia Occid.“, III, str. 188—214.

³ На северокашубских говорах писали немногие (главным образом старшие деятели кашубского Возрождения, например, Цейнова). О южнокашубской основе языка Дердовского см. Н. Ророўска. Poemat H. Derdowskiego „O panu Czorlińskim, co do Pucka po sece jachoł“ jako próba stworzenia kaszubskiego języka literackiego. — JP, XXXVIII, 1, 1958, str. 21—27.

⁴ По крайней мере часть этих говоров находится в местах прежнего распространения кашубской речи.

Лок. с предлогом *до* (<*o) в кашубском языке преимущественно ограничивается употреблением при глаголах, выражающих говорение, мышление, заботу и т. д.: *o tym oni dobrze wiedzą*. Дерд. О рапу Czorł., 85; *o dówných dzějach gòdacié*. Будз. Nów. Spiéwě, 9; *o tym są Antk dowiedzoł*. Gryf, II, 1910, 123; *a o tych niezapłaconych jajach zaboczéł*. Gryf, I, 1909, 234; *o mnie się kłopoce, o mnie się frasuje*. Там же, I, 173; *już o innej myśli*. Там же, I, 173; *o tym je ciężko są doznac*. Там же, I, 81; *o tym nie wiedzoł*. Там же, I, 105; *pogodol o twoich wojnach*. Там же, I, 14; *zwątpiel o podfryszteku*. Там же, I, 10; *pon nie wiedzel wo' tim*. Словинц. Гильф., 95 (наряду с *pon to nie widziol*. Там же, 96), ср. также 107; *o mnie Pan Bog nie zabaczi*. Там же, 44; *nie miej o tem są jiscec*. Там же, 134; *gòdél o królach*. Ram. Teksty kasz., 292; *woe tim nic te vjezelé*. Там же, 285; **o tim gòdac*. Зап. Прусс. Nitsch. WPP, III, 96; *tän król cút do tım šepře*. Лоренц. Gesch., 215; *pon né panątoł nijak do tї sturї brútcе*. Там же, 215; *jo do tım cətoł*. Там же, 215 и др.

Изредка употребляется и вин. с предлогом *до*: *o miłę czuc*. Gryf, III, 1911, 66; *o co dziewczę płaczesz*. Там же, II, 349; наконец, постоянно при глаголе *prosic* (*o nię proseł*. Gryf, I, 73; *prosec o jego córke*. Там же, I, 73; *on prosel o noclyg*. Там же, I, 51; *proseła o chleb i o mąkę*. Gryf, II, 129; *wo' to prosze*. Гильф., 146 и др.). Видимо, колебания между вин. и лок. наблюдаются преимущественно при глаголах, у которых изъянительное значение осложнено некоторыми оттенками. Более точное определение сферы употребления этих двух конструкций затруднено из-за недостаточности материала.

Нередко лок. с предлогом *до* выступает в значении времени (приблизительное указание): **o ru'nosə jedni iidə ... po wodq*. Зап. Прусс. Nitsch. WPP, III, 73; *jo p'šəjəxou ryno... *o *ušmi gozəne*. Там же, III, 73; *jedni nosə bəlo ce p'jerszi guedzəne*. Пуцк. Паток. Volkslieder Mitt., II, H. 1, 45; *srana o b gozine*. Нейштадт. Паток. Там же, 99; *o osmi gozine se bisze prsibili do domu*. Там же, 100; *šed v nocé woe dvanósti*. Ram. Teksty kasz., 293, ср. 291, 295; *o północe stoł są więdzi wiater*. Gryf, I, 48, 49; *do mrok'u*. Лоренц. Gesch., 215 и др.⁵ Лишь однажды встретился нам лок. с предлогом *до* в значении места (причем уже с потерей первоначального значения приблизительности): *to je tak gwəsno jak Amen w kuescela*. Mitt., II. H. 1, Sprichwörter aus Strelin, 91. Этот пример, сохраненный в пословице, вероятно, единственный. Во всяком случае, нам больше таких случаев не встречалось. Не отмечен он и в словарных и грамматических трудах Лоренца, Рамулта, Рудницкого и других. Так же единичны примеры типа: *je pisóne, że bądze o kaszëbski ozproce chodzone, pitone*. Гильф., 26 (с целевым значением);

⁵ Изредка встречается вин. с предлогом *до/доб*: *уєб noc cęstăc*. Лоренц. Т. rom., № 908; *Wob jesen, ale o' b zėmą ja muszą mec dóbry o'blek*. Около Лэбск. оз. Гильф., 121; *доп до štəro nęzele m'siřtą rąqą g'wořic*. Лоренц. Gesch., 217 и др. Ср. также *до* с вин. в значении времени езды или ходьбы, на которое предмет удален от цели движения. Предлог *доб*, редкий в кашубском языке, встречается, как правило, лишь в указанных случаях.

oviedzec, ce tq o Remiaszu bëto. Там же, 134 (=s Remiaszem; в польском таких примеров не отмечено); *wojska wroga bëtë o male licznieszy.* Gryf, III, 61 и др.

Гораздо разнообразнее локативные конструкции с предлогом *p^o*, впрочем, повторяющие такие же типы в польском языке. Перечислим их.

Лок. с предлогом *p^o* в значении места, по поверхности которого разворачивается действие: *wëdrowalë trzë frelanë puzë Šwarzewci kërpe tebski kòsciot.* Mitt., II, 14, 93; *jëmu so snitò, że gòwno po pëckù chodzëto.* Паток., II, 4, 50; *a po polu wrona lötö.* Паток. Там же, 2, 8, 153⁶; *yon sq drapwöt p^o głóve.* Лоренц. Gesch., 214; *woen po tim zòmku xoezët.* Ram. Teksty kasz., 292; *ta mo^ora cho^odzi pó doku.* Словинц. Гильф., 109; *jo muszã po^o mo^orze, pò^o vo^odze lätac.* Словинц. Там же, 110; *ta muszi po lätach tër-zac* (=кусок сукна). Словинц. Там же, 110; *a yon ruzowöt po swiece.* Gryf, III, 256 и др.; чисто местное значение: *te won má po prawëj abo lewëj.* Nitsch. Póln.-p. teksty gwar., 14. — МРКJ VI, 1913; *leži poe lewy stroñe droži... kamiñ.* Ram. Teksty kasz., 294; *p^o prawì rãce, p^o jejiix stroñe.* Лоренц. Gesch., 214 и др. Изредка встречается лок. (с *p^o*) предмета, за которым (в пространственном плане) совершается действие: *po nim ... jidze.* Гильф., 130 и т. д.⁷

Лок. с предлогом *p^o* может также указывать время, после которого происходит действие: **ün po sm^oyrcë m^owy červüny znañy.* Зап. Прусс. Nitsch. WPP, III, 73; *a to bëwo zãrw pòë mebieze.* Лоренц. Т. rom., № 801; *pòë tym véselü to zuòti uòbùci žžínquë.* Там же, № 807; *pòë tì vòëñe yon jëxwü ... názwöt.* Там же, № 807; *po štýrex látax pùcta názüt.* Там же, № 977; *neduògo pò tym ta krùlevjünka bíya òd jedního snòxa úkradu.* Там же, № 977; *te bëwo pòë veselì.* Там же, № 432; *po bitwie uceköt.* Gryf, III, 62; *poe vébudovañu klòštore... ksòže rozgæřët sq na téx zòkaenñików.* Ram. Teksty kasz., 295; *začqlé jedno pø dregjim wumjerac.* Там же, 285; *pø sm^oirci moeji ... níxt vas ñemze mòk pødobëc.* Смочинск., 82; *a *on sqm *edpoczüt so p^e wiprawie.* K. Iberfeld. Por. jëz. 1955 г., 10, 388 и др.⁸ Ближе к этому типу стоят примеры вроде: *nie dał nic po sobie.* Gryf, I, 102; *zuostali po tym* и др.; в ряде примеров лок. с предлогом *p^o* обозначает временной отрезок во всей его протяженности: *lëze p^owsejò p^o nosax.* Лоренц. Gesch., 215; значение основания деятельности представлено в таких случаях, как: *va p^oznaieta vílka p^o jëg^o głosü.* Лоренц. Gesch., 215; *tu ona zaru roznała po chlebie.* Gryf, I, 80; ср. также некоторые примеры, в которых лок. с предлогом *p^o* от имени отвлеченного содержания приобре-

⁶ О флексии лок. см. у Лоренца. Gesch. и особенно (по говорам) у Г. Броняша. Kaschubische Dialektstudien. — AfslPh. Bd. 18, 1896.

⁷ Ср. также: *a-jädën dõym po-drähim bët-porvòuni vot-tëx vüik* (с оттенком очерденности).

⁸ Ср. также *p^ootem* (*p^ootim*) и *p^ootemu* (последнее несколько более употребительно, хотя оно, надо думать, позднего происхождения). Иногда лок. с предлогом *p^o*, кажется, употребляется в чисто временном значении: *jo pùòšet po pèudñu d^oe-karëme.* Nitsch. Studia kaszubska. Gwara luziñska. МРКJ, I. В значении *post quem* употребляется с предлогом *p^o* и вин.: *to bëto p^o úveselë.* См. Лоренц. Gesch., 210.

тает дополнительный оттенок способа совершения действия или указания на то, в соответствии с чем происходит действие: *ale jutro pokozesz, cze te po prowdze co umniesz*. Gryf, I, 165; *p^o dobrości, p^o radze* и т. д. Интересно, что при прилагательных и местоимениях в подобных случаях регулярно выступает дат.: *p^o našém^u, p^o kašěbsk^u, p^o bėlack^u, p^o trzewjem^u*; ср. также: *p^o čem^u* (в причинном значении); *p^o pėřšem^u, p^o drėg'ėm^u* (последние два примера, обозначающие порядок перечисления, встречаются исключительно в словинцком наречии); *p^o vřatkėm^u* (во временном значении) и др. Значение цели яснее всего в *tė rėw x^oożo p^o praxorce* (= żebrazka). Лоренц. Gesch., 215; значение причины, повода: *p^o ti w^ooze ĉon m^oog znaw^w wıżec; p^o ti laxi droze m^ooi w^ooz sq skaził*. Там же, 215; *a tedė pae tih dwłuch chmjėlach werostuch nazėnało sq Chmjelno*. Лоренц. Т. rom., № 415 (предельная отнесенность временного значения ясна; причинный оттенок становится еще более ощутимым при учете широкого контекста); распределительное значение: *dom po cieliszku wódcı*. Gryf, I, 170; *mė dpmė p^o talaře*. Лоренц. Gesch., 215; *p^o dv^ux, p^o tėsocı* и т. д.⁹; особые выражения, в конечном счете восходящие к временному значению (post quem): *čėř mė iė p^o tım pórel; cuz tam po tobie!* Gryf, I, 48 и др.

Примечание. Ввиду значительного сходства в значении между конструкциями лок. и дат. с предлогом *p^o* и из-за недостаточной четкости формальной характеристики этих падежей в кашубском языке выяснение падежной принадлежности того или иного случая часто сопряжено со значительными трудностями, далеко не всегда разрешимыми. Известная работа Брониша и исследования Лоренца познакомили нас с исключительно пестрой картиной флексий в дат. и в лок. в кашубских говорах. Условия появления этих флексий (в основном *-e* или *-u* у *o*-основ) окончательно не выяснены, так как основы, оканчивающиеся на один и тот же согласный звук, в разных говорах приобретают различные флексии. Говоря лишь в самых общих чертах, можно из числа кашубских говоров выделить словинцкий, цеценовский, гловицкий и лėбский диалекты, которые в рассматриваемом отношении противопоставят другим говорам: в лок. ед. ч. *o*-основ флексия *-e* имеет большее распространение, чем *-u*: в частности, она встречается после губных (кроме слова *dım*), задненебных и часто даже после *-z* и *-z* (в соответствии с *-u* других говоров). Поэтому в указанной группе говоров случаи типа: *ĉon łoz p^o dak^u, x^oożi p^o lasu* и т. д. следует рассматривать как дат. Необходимо отметить, что в этих говорах, особенно в словинцских, противопоставление флексии дат. и лок. ед. ч. *o*-основ выражено более четко, чем в других говорах, где, говоря в общем, возобладал иной принцип распределения флексий (в зависимости от строения основы, от различий между частями речи [именами] и, как и в других западнославянских языках, от категории одушевленности).

Локативные конструкции с предлогом *přə* в точности повторяют соответствующие польские случаи: *dwa kamienie přə Sójetojansk'ii karčmje*. Смочинск., 84; *jeden přė dregjim beł*. Ram. Teksty kasz. 283; *a przı stole posadzonı*. Гильф., 120; *p'řə droze ... leżec*. Зап. Прусс. Nitsch. WPP, III, 96; *a łona bėła paechoewqñö ... p'szė koescele*. Лоренц. Т. rom., № 415; *bėłi p'řb iėdni karčmje*. Там же, № 766; *iw bană p'řb guóuje stojęc*. Там же, № 766; *přə tım dąņbie stwıaję iėdnw*

⁹ Ср., однако, дат. *tı saldwa stoielə p^o stu vgrėpe; ĉoni řlə p^o iėdnėm^u* или вин. *doł kołdymu po sto talarów*.

křevádŭě. Там же, № 496; *yon nosŭ ũedno kŭat pŕa pŕsax*. Лоренц. Gesch., 214; *mielä ũela buęactwow pŕze siebie* Lebski kósciól. Mitt., II, 92; *pŕé nim bĕł*. Ram. Teksty kasz., 288; *jadła pŕzi tim i tiż grzĕnjca*. Гильф., 121; *nie pŕzindq pŕzi tej rebelioni*. Гильф., 121; *Antk jesz bĕł pŕze žecu*. Gryf, II, 124; *iĕdän xłop nalwz pŕa ėorańim ũele pĕńgŭ*. Лоренц. Gesch., 214; *yon to pŕäsŭg pŕa ũšatkiŭ sŭqtax*. Там же, 214; *ŭo ĭem pŕa sŭi dĕši twŭ brĕtka*. Там же, 214. Более интересные случаи: *to ũsziskŭ jest już pŕzi zgońie*. Гильф., 121 ('наготове'); *więle ludu pŕzi grĕpie bĕli*. Там же, 112 ('вместе'); *na pĕłniu pŕze pĕłnie oni sĕdzeli*. Там же, 116 ('в полдень за обедом') и др. Принадлежащие исключительно кашубскому языку случаи представлены, во-первых, отдельными германизмами (например, словинцское *pŕa mońe w^ołac*; ср. чешск. диал. *na milĕho zovolala* в соответствии с немецким *nach mir rufen*) и, во-вторых, изредка встречающимися совпадениями в некоторых говорах кашубского языка указанного предлога с предлогом *pŕé* (< *pŕze*), засвидетельствованным в западнославянских языках и сохранившимся до сих пор кое-где по кашубским говорам¹⁰. Предлог *pŕé* употребляется исключительно с вин.

На локативных конструкциях с предлогами *u* и *na* мы останавливаться не будем во избежание повторений уже известного по польскому языку материала. Кроме того, об этих конструкциях более или менее подробно говорится в грамматике Лоренца и в соответствующих статьях кашубского словаря Рамулта и словинцкого словаря Лоренца. Однако всеми рассмотренными случаями не исчерпываются локативные конструкции в кашубском языке. В ряде говоров лок. встречается при предлогах *p^ood*, *nad*, *pŕed*, обозначая место, под, над или перед которым происходит действие. Точное определение района распространения подобных конструкций установить едва ли можно. В поморских текстах, собранных Лоренцом, их не более полутора десятков. Как правило, они относятся к говорам Забожа (северная часть?)¹¹. Однако в этих же самых говорах (иногда в записях речи одного и того же лица) встречаются случаи с твор. и вин. при этих же предлогах. Конструкции твор. с указанными предлогами имеют точно такое же значение, что и лок. с ними. Вин. с *nad* и *pŕed* (*p^ood* с ним не отмечено) несколько отличается по значению от соответствующих локативных типов, но эта разница слишком незначительна; по сути дела, здесь однозначные конструкции (тем более, что они являются вариантами, употребляющимися при различных глаголах). Приведем несколько примеров локативных конструкций из „Поморских текстов“ Лоренца¹²: *ũnĭ šezeli pŕwŭje pŕšĕd dŭyržami pod ĭĕdnĭm drzĕwŭje*. № 977; *pŕed tim pĕłacu bĕł ũelgŭĭ kam, tĕn lezi nad scańe, ta ksożka leżała p^ood stole*. Лоренц. Gesch., 215 и др. Позднее происхождение этих случаев бесспорно. Однако причины и условия их возникновения остаются неясными, как и в соответ-

¹⁰ В словинцских, гловицком, цеценовском, харбров-лѣбском говорах.

¹¹ В словинцских текстах и вообще в северозападных говорах таких примеров не встретилось.

¹² В словаре Ст. Рамулта подобные случаи даже не отмечены.

ствующих конструкциях нижнелужицких говоров (*pod*+лок.). Более или менее очевидным является лишь то, что возникновение подобных примеров связано с частичным забвением существа славянского лок.

Таковы данные о кашубском лок. К сожалению, они оказались суммарными и не раскрывают систему лок. как что-то единое с взаимнообусловленными частями. Но для того, чтобы сделать это, потребовалось бы гораздо большее количество текстов по отдельным говорам (учитывая разнообразие кашубских диалектов в исследуемом вопросе) и более основательная разработка кашубского падежного синтаксиса, исследованного до сих пор лишь отчасти¹³.

¹³ К сожалению, осталась без продолжения работа Лоренца „Zarys ogólnej pisowni i składni“. — Gryf, III, 1911, 161—186. Между прочим, поучительным могло бы оказаться и изучение кашубской топонимики, среди которой есть окаменевшие старые лок. мн. ч.; ср. *Lugowach, Pioskowach* и т. д. См. Гильф., стр. 55, 56. То же можно сказать и о случаях вроде *a tĩ kùzlakĩ ùdstelĩ sãma dõmũ*. Лоренц. Т. ром., № 758 (ср. сходные серболужицкие факты).

VI. ДАННЫЕ ПОЛАБСКОГО ЯЗЫКА О ЛОКАТИВЕ

Крайняя скудость полабских текстов не дает возможности в полной степени восстановить общую картину лок. в этом языке, выяснить особенности локативных конструкций и их значения. Это вполне понятно, если учесть, что во всех полабских текстах насчитывается едва три десятка лок., причем около десяти примеров одинаковых, столько же состоит лишь из лок. с соответствующим предлогом вне контекста (правда, о нем можно с уверенностью догадаться); ряд примеров возможно объяснить и иначе. Все это, а также позднее происхождение известных нам полабских памятников (конец XVII—начало XVIII в.) делает данные полабского языка фактически бесполезными для выяснения более древнего состояния лок. Кроме того, наличие текстов, относящихся к одному и тому же периоду, делает невозможным прослеживание хотя бы отдельных моментов в развитии лок. в полабском языке. Поэтому ограничимся кратким указанием на полабские данные (имеется в виду наречие населения Люнебургского округа).

В полабском языке лок. засвидетельствован при предлогах *u*, *pa* и *ro*. Лок. с предлогом *va/vü* (из **o*) в текстах отсутствует (*va/vü* выступает лишь как префикс). Разумеется, следует согласиться с Т. Лером-Сплавинским¹, что в этом нужно видеть случайность, возможную лишь при очень ограниченном материале². Кроме того, заметим, что в немецкой части немецко-полабских текстов отсутствует предлог *über*, соответствующий по значению предлогу *o*, когда он выступает при лок. в изъяснительном значении³. Точно так же не встре-

¹ T. Lehr-Splawinski. Gramatyka połabska. [Lwów, 1929, str. 243. Впрочем, едва ли можно не обратить внимания на совпадение в полабском *va* старых *o* и *u*?

² Может быть, племенное название „ободриты“ содержит в себе указание на существование подобной конструкции. П. Кюнель, предложивший этимологию этого слова (*ob + odra*), определял его первоначальное значение, как „die um Gewässer wohnen“. См. „Die slavischen Ortsnamen in Meklenburg“. — „Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Altertumskunde“, Bd. 46, 1891 (так же думали Первольф, Лер-Сплавинский, а еще раньше, Лелевель). Уточнения В. Кругманна (Obodriti. — KZ, Bd. 65, 1938, S. 138 — 140) не меняют сути дела. Едва ли можно согласиться с недавним объяснением М. Рудницкого (M. Rudnicki. „Geograf bawarski“ w oświetleniu językoznawczym. Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958, str. 195).

³ Немецкое *won* переведено лишь как *wit* (*vüt* < **otъ*), выступающее при род. Один раз встречается предлог *vüb* (< **obъ*), но с вин.: *wippe niedehl.* П.-Ш.; = *vüß nidélъ* 'vorige Woche'.

чается и лок. с предлогом *prei/prai* (<*pri), известным лишь из префиксальных образований (*Priveneitz, Prielacken, Prielip*⁴ и др.).

Больше всего дошло примеров лок. с предлогом *vã* (<*vъ). Приведем их.

1) В значении места: *waa nohs wieza*. Генн.⁵ ('in unserem Hause'); *pitjang wa smila*. Генн. ('braten in der Hölle'); *wa püeláy*. Генн. (неправильно переведено 'ins Feld' вместо 'im Feld'); *wiltge dara wa sime*. Генн. ('ein gross Loch in der Erde'); *schinyôt, как wa Nebiesáy*. Генн.; *wa toile, wa dile*. Генн.; *wassibe*. Генн. ('innerlich'); *wa Zartje*. П.-Ш. ('in die Kirche'); *kosei we stijeibe*. Там же. ('Schimmel im Brod'); до некоторой степени показательны примеры мюллеровского „Vater unser“⁶, где *vã* регулярно заменяется через *en* (ср. нем. *in*): *toy bist en Neby*. 51; *tija wilja blyoye kock en Neby koick en Simea*. 51 (*blyoye = blywoye*, ср. н.-нем. *bliwen*); ср. также два примера из так называемой „Wendische Beichte“: *toy bist en Neby u tija wilja blyoye kock en Neby*. В ряде случаев в ситуациях, где ожидается лок., стоят слова, в форме которых нельзя признать лок. (возможно, здесь описки): *tôjis wattuem nibisien, tua willia mossa schjniot wan nibisjeu* (оба примера из письма амтмана Митгофа к гофрату Хр. Шрадеру от 16 мая 1691 г., 47). Наконец, совсем непонятным является пример из этого же письма: *krie wa ganzen Weltie afstôrial* в соответствии с 'den Krieg absteuern von der ganzen Welt' (ср. н.-нем. *afstüren*)⁷.

2) В значении времени: *wa seryâch*. Генн. ('Morgendämmerung'); *wa sweitonye*. Генн. ('im Tage Licht'); *wa pnidela*. Генн. ('auf dem Montag'); *wa seima*. П.-Ш. ('im Winter')⁸. Вин. должно видеть в примерах Геннига (*wennützt*) и Парум-Шульце (*winnützt*), передающих немецкое 'bei der Nacht' и 'des Nachtes' (в лок. ожидалось бы *wennützái*). Ср. подобный случай в другом значении: *müh Lohlja un mohtey jista din wat tung kläud = 'mein Vater und Mutter sind auch in den Gedanken*. П.-Ш.

3) В значении состояния: *wa chlada*. Генн.

⁴ Таких образований особенно много в топонимических материалах из других полабских говоров. Ср. St. Papierkowski. Szcątki języka słowiańskich mieszkańców Starej Marchji i okolic Magdeburga. — „Slavia Occid.“, t. IX, 1930, str. 73—104 и особенно J. Łęgowski. Szcątki języka dawnych słowiańskich mieszkańców wyspy Rugji. — „Slavia Occid.“, t. II, str. 114—136 (данные относятся к XV в.).

⁵ *waa nohss Wiesaa*. П.-Ш. Все примеры цитируются по текстам из книги П. Поста „Die Sprachreste der Dravāno-Polaben in Hannöverschen“. Leipzig, 1879.

⁶ Aus dem Nachlasse von F. Müller. (Пост.) Факт предполагаемой подложности этого текста не может заставить нас поверить, что формы типа *en Neby* не существовали в полабском языке. См. J. Koblišcke. Das sogenannte Müller'sche Vaterunser — eine plumpe Mystifikation. — AfslPh, Bd. 28, 1906, S. 444—449.

⁷ Предлагаем следующее объяснение этого примера: в соответствии с нем. *vol* полабские имели в одних случаях *vüt*, в других — *vã/vü*. Митгоф, несомненно, плохо знавший полабский язык и сам переводивший немецкие фразы на полабский язык, ошибся в переводе предлога *vol* в данном случае. В этом предположении нас особенно утверждает бесспорный лок. *Weltie*. Указанный пример является единственным прямым намеком на существование в полабском языке лок. с предлогом *vã/vü* (из *o).

⁸ Не совсем ясен пример из П.-Ш.: *walecht 'im Sommer'* (Генн. *wa leet*).

Почти в такой же степени представлены примеры лок. с предлогом *na*: *schümo no uoada*. Генн. ('Wasserblase'); *no moráy* Генн. ('Meer'), нужно бы 'auf dem Meer'; *na chardé komôt*. Генн. ('auf dem Amte erscheinen'); *gang na Swatta*. Генн. ('er ist auf der Welt'); *no Soolstey*. П.-Ш. (название горы); *no Báne*. Генн. ('auf dem Boden'); *tua willia mossa schjniot ... noossime*. Митгоф.; *toy giss na Nebi sgáy*. Генн.; *tok kak no Sime*. Генн.

В ряде примеров из словаря Парум-Шульце дан неправильный перевод: *no Jüllang* 'auf der grossen Heide'. 66 (ср. в.-луж. *hola*, н.-луж. *gola*); *no sielang* 'auf dem Grasse'. 79. 2. Путаница, возможно, отражающая состояние полабской речи в то время, содержится в примере из П.-Ш.: *noh tühe wungss mühse hist drehn rühst* 'auf deinem Bart kann noch Dorn wachsen'.

Лок. с предлогом *pü/pö* встречается лишь дважды: *pitt tgola dibra pützeiwóna*. Генн.⁹ ('nach der Arbeit ist gut zu ruhen'); *pu zeime*. Генн. ('Frühling'); в обоих примерах лок. обозначает время, после которого совершается действие.

Примечание. Падежная принадлежность *pitt tgola* — спорна. Почти все исследователи (Шлейхер, Рост, Хейдзянка и др.) видят здесь лок. Однако Лер-Славинский высказывается в пользу дат., правда, не приводя аргументов. Нужно думать, что польский лингвист имел в виду то, что в ряде случаев дат. ед. ч. о-основ имел флексию -э (в написании -а) из -и; кроме того, в полабском засвидетельствовано: *dirze no tgolt*. Генн. ('auf Arbeit halten'), в котором признают лок. Последнее не кажется нам достаточно удовлетворительным объяснением. После исследования Трубецкого о судьбе общеславянского *о в полабском языке¹⁰ становится понятным, что -i в *no tgolt* является обычным в этом положении рефлексом *о и передает дифтонг -ii. Следовательно, здесь можно думать о вин., а не только о лок. Почти исключительное написание -i для передачи этого дифтонга в конечном положении у Геннига имеет свое объяснение, хотя это написание находится в противоречии с графикой Парум-Шульце и отчасти Пфеффингара. Если учесть, что *pitt tgola* (*pü d'ól'*э) может восходить не только к **po dëlu*¹¹, но и к *po dëlë*, что другой полабский пример с тем же значением (*pü zeime*) допускает возможность двойного толкования¹² и, наконец, что данные кашубского языка свидетельствуют об употреблении в подобных случаях и дат. и лок., то становится очевидным, что без каких-либо дополнительных соображений едва ли можно точно определить падежную принадлежность указанного примера. Тем не менее мы более склонны присоединиться к той точке зрения, которая видит здесь лок., на том основании, что считаем кашубские данные (*p^o + дат.* в значении времени, *post quem*) малопоказательными ввиду особого принципа распределения дат. и лок. в подобном положении в кашубских говорах, основанном на различии между существительными и прилагательными — числительными-местоимениями.

Приведенными материалами и ограничиваются наши сведения о лок. в полабском языке. На основании их трудно сделать какие-

⁹ В другом списке, использованном в работе Я. Хейдзянки „Szczałki składni połabskiej“ („Slavia Occid.“, t. VI, str. 26—29), единственной по синтаксису полабского языка, но далеко не полной, находим: *pi tgola dibra putreiwóna* (так!).

¹⁰ Н. С. Трубецкой. Отражение общеславянского *о в полабском языке. — „Slavia“, роč. IV, str. 228—237.

¹¹ Ср. явный дат. *katgole*. Генн. (*kã d'ólë*). Интересен и самый факт совпадения дат. и лок. в данной парадигме.

¹² Представляется рискованной попытка Роста (указ. соч., 412) видеть в местном названии *Pagolumsweg*, 266 дат. с предлогом *po*.

либо общие выводы. Можно лишь особо отметить, что в ряде случаев существует в полабских текстах путаница между вин. и лок., вполне понятная в условиях интенсивного немецкого влияния и двуязычия. Видеть в вышеприведенных примерах исключительно ошибки при переводе едва ли правильно.

Довольно большие топонимические полабские и поморские материалы, содержащиеся в немецких и латинских документах X—XV вв., к сожалению, ничего не дают для исследуемого вопроса по тем же причинам, что и польские данные в латинских текстах¹³.

¹³ Так, например, в фундаментальном собрании грамот и актов, относящихся к истории Рюгена и прилегающего побережья, среди приблизительно 700 слов нет ни одного случая лок. См. С. G. Fabricius. *Urkunden zur Geschichte des Fürstentums Rügen unter den eingeborenen Fürsten*, I—IV, 1843—1859. (Материалы с 1170 по 1330 г. использованы в указанном труде Лэнговского). Разумеется, что в случаях типа *Blischowe* при *Blyscow*, *Bonowe* при *Bonow*, *Divitze* при *Divitz*, *Drechowe* при *Drechow*, *Lositze* при *Losiz*, *Roye* при *Roia* и др. нужно видеть следы хорошо известного процесса онемечивания славянских местных названий. Ср., например, по данным рюгенской топонимики: *Pyask* — 1232 г., 1249 г., *Peatsk* — 1297 г.; *Pyaske* — 1314 г.; *Pazeke* — 1319 г. и, наконец, *Patzig* впоследствии (примерно такое же направление в онемечивании фиксируется и в балтийской области, см. W. Fenzlau. *Die deutschen Formen der litauischen Orts- und Personennamen des Memelgebietes*. Halle, 1936). Точно так же бесполезными оказались материалы из окрестностей Магдебурга и других мест.

VII. ЛОКАТИВ В ЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ

Оценивая значение данных сербо-лужицких говоров для реконструкции праславянского состояния, следует признать, что оно очень невелико и уступает данным других славянских языков (кроме кашубского и полабского). В частности, это зависит от того, что практически для наших целей можно использовать памятники начиная лишь с XVI в. и то в очень ограниченном количестве (их мало вообще и еще меньше издано)¹. Понятно, что исчезновение лужицкой речи на обширных территориях к западу от теперешней верхней и нижней Лужицы² и сокращение ее употребления в других местах³ еще более суживает значение лужицких данных, тем более, что среди „вендизмов“ немецкой речи нет никаких намеков относительно лок. Если добавить, что в языке некоторых важнейших старых памятников⁴ и в целом ряде современных говоров явственно

¹ Практически не дают никаких материалов относительно лок. и более ранние остатки лужицкого языка, как-то: Магдебургская рукопись XII в., содержащая древнейшее лужицкое предложение и некоторые слова (так называемые „виггертовы глоссы“); впрочем, здесь встречается первый по времени пример лужицкого лок. (*a ně jest nič zbytle na njem*). См. М. Н ó r n i k. Staroserbske słowa w Magdeburgskim rukopisu 12. lětstotka. — ČMS, 1875, str. 80—82 и F. W i g g e r t. Scherflein zur Förderung der Kenntnis älterer deutscher Mundarten und Schriften. Magdeburg, 1832; некоторые слова из латинских документов. Ср. Е. М u k a. Staroserbske słowa we laćanskej listinje z lěta 1241. — ČMS, 1894, str. 127—130. Codex diplomaticus Anhaltins I, (XII—XIV вв.); древнейшая сербо-лужицкая присяга XV в. содержит два примера лок. (*w noci, při radže*). См. М. Н ó r n i k. Serbska přisaha, pomnik ryče z třećeje štwórcé 15. lětstotka. — ČMS, 1875, str. 49—53. Беспольными для нас оказались и некоторые более поздние материалы, как-то: глоссы у Кр. Блэбеля, собрания слов Мегисера (XVI—XVII вв.), а также приведенные в ČMS, 1892, 1900, 1901 и др. слова из документов XV—XVI вв. (о так называемой Хойнянской печати см. S. T. P f u h l. Zbytki dorínskeje serbšćiny, а также: Dodawk wo Khójnjanskim pječatu. — ČMS, 1888).

² См. по этому вопросу среди многочисленной литературы: L. N i e d e r l e. Slovanské starožitnosti, Díl III. Praha, 1919; J. P á t a, Lužice. Praha, 1919; его же. Úvod do studia lužickoserbského písemnictví. Praha, 1925 (введение); J. P i l k. Podtlóčenje Serbowstwa při Módle, Solawje a srjedźnym Łobiu — ČMS, 1900, str. 73—80; E. M u k a. Prásydlo Slowjanow a lužiskich Serbow. — ČMS, 1922, str. 27—42; A. F r i n t a. Lužičti srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955.

³ См., например: O. T r a u t m a n n. Zur Geschichte der Besiedlung der Dresdener Gegend. — «Mitteilungen des Vereins für Geschichte Dresdens». Dresden, 1912, XXI и др.

⁴ См. о зависимости от немецкого языка (и в гораздо меньшей степени от еврейской Псалтыри и Вульгаты) переводчика Вольфенбюттельской Псалтыри XVI в. (более точная ее хронология определяется зависимостью от лютеранских псалтырей Люфти

ощущается влияние немецкого падежного синтаксиса, то станет ясной ограниченность лужицких данных о лок.

В качестве одной из наиболее интересных особенностей лужицкого лок. исследователи считают б/пр. лок., который сравнивают со старославянским, древнерусским и т. д. Точное географическое распространение этого явления по лужицким говорам определить трудно. Однако сразу же заметим, что оно встречается в различных говорах верхней и нижней Лужицы, хотя будышинский и коттбусский говоры, лежащие в основе письменного языка, избегают б/пр. лок. Нельзя полностью согласиться с точкой зрения Э. Муки⁵, что в нижнелужицком и в мужаковском диалекте вместо б/пр. лок. выступает *we* (*wo*, *wó*) с лок. Достаточно привести данные из старых нижнелужицких памятников (см. ниже), из мужаковского диалекта (*wy w bédli mužakow. Щерба, 95; wy jo nofæmber'e čijet. Там же, 95; tæw jo prašaŭ, wic sě tě běta Kiju. Там же, 17; žens jo jormaŋk mužakow. Там же, 18; tó běto gražincæ. Там же, 23; zagor'u gšlicki graja. Там же, 41; ten bě jormaŋk uosporku. Там же, 41; našim došr'e wiliki kamen. Там же, 46; co sæ staŭ rutburku. Там же, 47; ta jo nowe komorcæ. Там же, 48; dš sæm ja uuskizi... bět. Там же, 50; Jabtojnju... seži cart. Там же, 54 и др.)⁶ или нижнелужицких говоров (*lěše jo jogo wóda zymna a zymje jo sópla. Сев.-погран. Nyčka, 17; lony ty mój luby běšo. Мука. Deln. p., 5; co jo zymje zelene? H.-Schm., II, 69⁷; luby tón je daloko cuzym kraju. Там же, I, 67; peršćen sylzach plówaše. Там же, I, 73 и др.⁸), чтобы увидеть неточность замечания Муки, который не сумел разграничить фонетический процесс от морфологического.**

1540 г. и „Psalter mit den Summarien“. Leipzig, 1561) у Р. Траутманна („Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter“. Leipzig, 1928, XI), у А. Парчевского („Delnjoserbski Psalter we Wolfenbüttel“. — CMS, 1907, str. 3—39) и у О. Хейнemann („Die Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Wolfenbüttel“, Bd. 3, 1898, S. 209). О влиянии на „Новый Завет“ Якубицы со стороны немецкого, латинского и даже чешского см. у Х. Лотца („Der Brief des Jakobus. In wendischer Übersetzung aus der Berliner Handschrift vom Jahre 1548“. Leipzig, 1867). Об этой точке зрения нам известно из труда А. Лескина „Das sorbische Neue Testament von 1548“. — AfslPh, Bd. I, 1876, S. 161—249. См. также К. А. Јенč. Najstaršej serbskaj rukopisaj. — ČMS, 1862, str. 46—50. О влиянии латинского языка на верхнелужицкий перевод библии Светлика (1688) см. В. Šolta. Přeni hornjoserbski přeložk biblije wot Swätliku J. H. — ČMS, 1921, str. 326. Старое мнение Зелинга о словенском [влиянии (религиозные писания Трубаря предназначались, будто бы, для лужичан) было отвергнуто Фр. Кидричем (Die protestantische Kirchenordnung der Slovenen im 16. Jahrhundert. Heidelberg, 1919), с чем согласился и К. Х. Мейер (Die slovenische protestantische Drucke bei den Lausitzer Wenden. — AfslPh, Bd. 39, 1925, S. 93—106), хотя он не отрицал знакомства лужичан со словенскими изданиями (ср. упоминание о них у Варихия, М. Френцеля и А. Френцеля, Э. Берлинга, в Библии 1728 г. последний раз).

⁵ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891, S. 242—245.

⁶ Ср. также примеры из статьи М. Горника „Přikład mužakowskeje podryče“. — ČMS, 1869, str. 122—123.

⁷ Последние примеры не вполне надежны из-за их наречного характера.

⁸ См. коллекцию примеров в книге Е. Новикова „О важнейших особенностях лужицких наречий“. М., 1849, стр. 120.

В старых памятниках примеров б/пр. лок. очень много: *ty derbisch tweho wotca a twoiu Maczyr czesczi myez*. Варих., 1, 19; *domach* (sc. жить). Там же, 3, 9; *kisch je nebessach*. Там же, 6, 2; *a ty dawasch ijm ijch speisu swoiŋm czassu*. Там же, 12, 4; *runi ako won ie hori stanul wod smerczy schiewe ie a kneischi tei wicznósczi*. Там же, 25, 15; *ale my prosemie tei prostwi*. Там же, 32, 1; 34, 5; 35, 2; *tak pische Moizes tech knihach*. Там же, 56, 12 и др.; *sswoy plohd sswojom tzassu pshinásso*. Вольф. Псалт., I, 3; *něchoyshy tom rashenü tihch zlossnihch*. Там же, I, 1; *kack kshassne jo twojoměh schihch sēmäch*. Там же, VIII, 2; *togodlah ja na tēbho spomenam, tey zēmŷ pshi Jordanē*. Там же, XLII, 7; *bohŷ, my zakamü twojeje dobroschy, twojom templē*. Там же, XLVIII, 10; *bohŷ stawa tom sgrommashenü bohsshem*. Там же, LXXXII, 1 и др.; *seczi tej prawiczi boschej*. Рукоп. агенда от 1667 г., 46; *tón khez pytaše domach Saru*, Genes., XXI, 1; *steješe horkäch*. Там же, XXVIII, 13; *drohich črijach wobute*. Jes., III, 16; *mjesto delkach budze ponižene*. Jes., XXXII, 19; *či kiž skalach bydla*. Jes., XLII, 11 (в соответствующем месте нижнелужицкого перевода: *na tych kaŋenišćach*); *pječ a dwacetem lječŷ*. Jezech., XL, 1⁹; *putaisch... Lubraze*. Любор. прис., 70. Не считая наречных образований, б/пр. лок., кажется, не встречается у Фабрициуса, Фрица и Якубицы, кроме одного случая: *zescho won tschich dnach*. Фабриц. Joh., XXV, 1. К сожалению, нам оказались недоступными такие важнейшие нижнелужицкие памятники, как Малый Катехизис Альбина Моллера 1574 г. (любенский диалект [Lübbener Dialekt]), Enchiridion Vandalicum A. Таря 1610 г. (Thareus) (беесков-сторковский диалект [Beeskow-Storkower Dialekt]) и рукописный лютольский песенник 1655 г. (письменный диалект), известный нам лишь в извлечениях (ČMS, 1874 и ČMS, 1880). Исследование этих памятников помогло бы с большей определенностью установить распространение б/пр. лок. в нижнелужицком языке, засвидетельствованного пока главным образом в Вольфенбюттельской Псалтыри, диалектная принадлежность которой не установлена (бесспорно лишь, что она написана на одном из нижнелужицких диалектов). Впрочем, не все ясно и в отношении верхнелужицкого языка, так как иногда вместо ожидаемого б/пр. лок. является предложный, а существующие грамматики оставляют этот вопрос открытым (Маттеи 1721 г., Зейлер, Шнейдер, Иордан, Пфуль, Краль, Швела, Пата, Миташ и др.).

В связи с этим встает ряд интересных вопросов, удовлетворительное разрешение которых едва ли возможно без большой предварительной работы. Ограничимся постановкой некоторых из них и отдельными предложениями в связи с ними.

Как понимать письменные верхнелужицкие (собственно будышинские) формы типа: *w domje*, *w měšće*, *w wozu*, *w woknje*, *w wohnju*, *w Budyšinje* и т. д.? Судя по орфоэпическим нормам носителей будышинского диалекта и по записям живой речи (в том числе и в фонетической транскрипции), впрочем, недостаточным, в подобных случаях в произноше-

⁹ Примеры из Библии взяты из исследования Е. Новикова, стр. 121.

нии предлог *w* опускается и произносится просто *domje, měšće, wozu, woknje, wohnju, Budyšinje* и т. д.

Не является ли в подобных случаях предлог *w* лишь „зрительной“ или „письменной“ морфемой, наподобие тех, которые встречаются в таких примерах, как франц. *je sais* и *il sait, je ferme* и *tu fermes* и др.? Бесспорно, что формы *domje, měšće, woknje* и т. д. обязаны своим происхождением не фонетическому процессу (исчезновение *w* в начале слова в верхнелужицком явление, в общем, очень ограниченное; иное дело в нижнелужицком), а морфологическому, хотя последний и имел при своем возникновении в основе явления фонетического порядка. Кажется, целесообразно обратить внимание на развитие протетического гласного (в том числе *w*)¹⁰ и на исчезновение *w* перед некоторыми согласными в верхнелужицком. Тогда можно было бы представить суть дела в таком виде:

- I. *w mēšće w oknje;*
- II. *mēšće woknje* (фонетический процесс)
- III. *we mēšće we woknje.*

Верхнелужицкий остановился на II стадии, нижнелужицкий находится на III стадии, которая, впрочем, могла получиться и без посредства II. Интересно, что письменный диалект нижних лужичан, в котором исчезновение *w* в начале слова распространено несравненно шире, чем в верхнелужицком, тем не менее не имеет б/пр. лок. Заметим, что и в верхнелужицком встречается лок. с предлогом *we* или даже *wo* (он часто смешивается с *wo* из **o*). Несмотря на значительное число исключений, все-таки, как будто, намечается тенденция к употреблению б/пр. лок. при обозначении собственно места (в конкретном значении)¹¹ и *we*+лок. в иных случаях (*we tom, we winje być, we swojim prawje być, we Božej mocy ležeć, we prawdosći, we nuži, we nadžiji być, we běhu časow, we wěčnym žiwjenju być* и т. д.). Впрочем, в ряде случаев можно думать и о фонетических принципах разграничения б/пр. лок. от предложного. Более частный случай разграничения б/пр. лок. от предложного можно видеть в примерах типа: *Budyšinje bydlíš? w (we) nim*, нередких в диалектных записях (см. также Schneider. Gramm., 225 и др.).

Наконец, самый существенный для нас вопрос: является ли б/пр. лок. в лужицком непосредственным продолжением праславянского б/пр. лок., сохранявшегося еще в ранних памятниках некоторых славянских языков? Разумеется, нельзя думать, что лужицкий б/пр. лок. во всем своем объеме восходит к древнему б/пр. лок. Этому противоречит все, что мы до сих пор видели в других славянских языках, а также и некоторые очевидные факты относительно позднего возникновения отдельных

¹⁰ Не меняют сути дела отдельные (редкие) примеры с отсутствием протезы; большей частью, это слова иностранного происхождения, новообразования, имеющие вариант и с протезой, или слова междометийного характера.

¹¹ Ср. нередкие в XIX в. даже в письменном языке случаи типа *Barlinju, Budyšinje* и др.

случаев б/пр. лок. из предложного. Однако определенно выяснить, есть ли среди б/пр. лок. в современном лужицком хоть один небольшой разряд случаев (например, при названиях городов: *Budyšinje* и др.), непосредственно продолжающих старый б/пр. лок, довольно трудно¹². Возможность положительного решения вопроса была бы реальной лишь при условии, если бы удалось доказать, что исчезновение *w* в начале слова перед согласными и появление протетического *w* в лужицком произошло в конце XII—начале XIII в., когда, судя по данным других славянских языков, б/пр. лок., видимо, еще существовал в ряде случаев и в языке лужицких сербов. В этом случае остатки б/пр. лок. были бы поддержаны со стороны фонетических процессов и могли бы стать устойчивым типом с перспективой стать образцом для аналогических новообразований. Следовательно, многое зависит от выяснения хронологии случаев типа: *domje* вместо *w domje* и *woknje* вместо *w oknje*. Однако именно здесь и заключается трудность. Если связывать эти явления с падением конечных редуцированных, то они относятся, видимо, к концу XII—XIII вв. (в XII в. в лужицком конечные редуцированные, видимо, еще существовали; во всяком случае, они засвидетельствованы в виггертовых глоссах). Но исчезновение начального *w* в одних случаях и появление его в других могло произойти и позднее, вне всякой видимой связи с историей редуцированных, как это было, например, в чешском, где случаи типа *voko*, *vokno* и др. раньше XVI в. не встречаются. Мы склоняемся к последнему предположению (тем более, что латинские грамоты лужичан не содержат ни одного действительного случая с протетическим *w* перед начальным гласным или с потерей *w* перед начальным согласным раньше XV в.¹³). Если же верно, что фонетический импульс для современного б/пр. лок. появился уже после исчезновения старого б/пр. лок., то, следовательно, наш вопрос разрешается в отрицательном смысле: между современным и древним б/пр. лок. в лужицком языке генетической связи нет. Поэтому и сравнение случаев вроде *Budyšinje*, *domje* и др. с примерами типа *Киевъ*, *Новгородъ* и др. не имеет под собой почвы¹⁴.

Примечание. Наши выводы находятся в противоречии с мыслями, высказанными по этому поводу три четверти века тому назад Пфулем в статье „Lokativ bjez předložki «we». Appell na słowjanskich wučepnych“. — ČMS, 1879, str. 102—131. Существование статьи сводится к следующему. Серболужицкий б/пр. лок. является продолжателем праславянского б/пр. лок. Не может быть и речи о фонетическом выпадении *w* (в таком случае лужичане говорили бы „*w Ostritzu*“, а не „*Ostritzu*“, как принято теперь). Наличие *w* перед лок. в старых памятниках (иногда исключительное) объясняется тем, что переводчики имели перед собой оригиналы на старославян-

¹² Разумеется, исключаются случаи типа *loni*, *poci*, *dolu* и т. д. Латинские грамоты не показательны при выяснении наличия б/пр. лок. (ср. латинские документы Польши).

¹³ Этот процесс стал возможным лишь после падения редуцированных.

¹⁴ Другое дело лужицкие наречия: *delkach*, *horkach*, *wonkach*, *nutřkach*, может быть, даже *dotach*. К выводу об исчезновении старого б/пр. лок. приходит, видимо, и Г. Либш. См. G. Liebsch. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz, Bautzen, 1884, S. 157—173.

ском (!?), чешском и других языках, где лок. употреблялся с предлогом *wo*, во-первых, и тем, что в самом лужицком языке был уже предлог *we*. Наречия *jutře (witře)*, *loni*, *pozdže (po + zady!?)* и др. лишний раз доказывают беспредложность лужицкого лок. Наконец, основной аргумент: „было бы невероятным, если бы лужицкий язык снова вернулся к б/пр. лок., тогда как другие славянские языки в соответствии с логикой перешли от б/пр. лок. к предложному“, 113. Если при лок. употребляется предлог *we*, то имеется в виду или противопоставление или подчеркивание именно того слова, которое стоит в лок. В заключение автор выступает против написания предлога *wo* или *we* перед лок. Как видим, аргументация чрезвычайно слаба и наивна и, по сути дела, едва ли достойна опровержения. Отметим лишь, что *Ostritz* — недавнее заимствование из немецкого (между прочим, об этом свидетельствует отсутствие начального *w*). Кроме того, создание б/пр. лок. — морфологический процесс, а не фонетический¹⁵; поэтому и нельзя ожидать случаев типа *wo Ostritzu*. Оставляя на совести автора его этимологии (*we* и *wo* восходят к глаголу **ām*, ср. лат. *eto*, слав. *jeŕti* и т. д.), укажем, что нам не удалось обнаружить между б/пр. лок. и лок. с предлогом той разницы, о которой писал Пфуль. В качестве свидетельства можно сослаться на показания М. Горника, отрицательно оценившего статью Пфуля. См. ČMS, 1879, str. 129—131.

Локативные конструкции с предлогом *wo* (из *o*) в языке лужичан потерпели значительный (особенно в нижнелужицком) ущерб. Об этом мы можем судить, зная сферу распространения этих конструкций в других славянских языках. Старые памятники лужицкой письменности не дают сколько-нибудь ценных материалов для сравнения, так как для нижнелужицких памятников (а их большинство) эта конструкция вообще мала характерна, а верхнелужицкие тексты XVI—XVIII вв. малочисленны, известны большей частью лишь по небольшим отрывкам — см. Будышинскую присягу конца XV в. (ČMS, 1875, 49—53), песенник кантора Юршика (ČMS, 1874, 49), церковную агенду Ухистера 1667 г. (ČMS, 1869, 45), духовные песни Коклы (ČMS, 1870, 96), Д. Грегориуса (ČMS, 1884, 166), переводы М. Френцеля (ČMS, 1871, 55) и некоторые другие — и относятся в общем к более позднему времени, чем нижнелужицкие памятники (кроме Катехизиса Варихия). При анализе лужицких материалов известную трудность представляет и тот факт, что не всегда легко определить, в каких случаях *wo* (в н.-луж. нередко *ho*) восходит к *o*, а в каких — к *o*¹⁶. Вторичными по сравнению с указанными являются те примеры, когда *we* выступает как заместитель и *o*, и *o*. Подобные случаи интересовали уже М. Гауптмана¹⁷. В основном они распространены в нижнелужицком.

Локативные конструкции с предлогом *wo* в конкретных значениях чрезвычайно редки в лужицком языке. Более или менее употребительны лишь случаи с временным значением (причем и они недостаточно надежны): *pšišto je wo pół nocy tam*. Н.-Schm., I, 76; *dyž roča wo pół nocy być*. Там же, I, 160; *nepřijdu ja wo zimje, přijdu doch wo lěše*. Мука. Deln., р. 1, 15; *ho dnju*. ČMS. 1890, 2, 88; *to je mi wo dwanaće*.

¹⁵ Ср., например, вин., при котором *wo*, как правило, сохраняется.

¹⁶ Вероятно, то же явление можно иногда видеть в кашубском *woe* и полабских *wi*, *wd*.

¹⁷ М. G. Hauptmann. Nieder-lausitzische Wendische Grammatica. Lübben, 1761.

H.-Schm., I, 276; в качестве устаревших приводит Пфуль следующие примеры из библейских переводов: *wo tym času, wo nowym lěće, wo jutrach, rano wo sedmich*. Pf., 804¹⁸. Лишь из словаря известны нам такие случаи, как: *wo samoće być, wo blizkości, wo hladže być* (уже у Фабрициуса, Фрица и Якубицы всюду в этих примерах — *w*), *wo khlěbje a wodže žiwic (žiwu być), złótnik wo złoće džěta, khěža wo štyrjoch (štyri) poskhodach, widty wo třoch (tři) zubach; wo swojej woli, wo swojej mocy, wo zawisci* и др. (три последние примера непозвательны, так как в них, видимо, наблюдается смешение с предлогом *woł*, весьма характерное для лужицкого языка). Нужно заметить, что большая часть этих примеров представляется нам довольно сомнительной: они не отмечены в словарях Муки, Краля, Цвара, Паты, в собрании слов Мегисера (ČMS, 1878) и Буновском собрании (ČMS, 1876), в словаре слепянского наречия (Handr.) и др. и встречаются лишь в словаре Пфуля, возможно, как изобретение автора по аналогии с примерами из других славянских языков. В известных нам старых текстах (ветхо- и новозаветных) в соответствующих местах стоят иные конструкции. Впрочем, существование в прошлом некоторых из приведенных случаев подтверждается сохранившимся до сих пор наречием *wósebje* и засвидетельствованным еще у Якубицы в значении 'особенно' (ср. также производный глагол *wósebiš* в н.-луж.).

Даже в изъяснительном значении лок. с предлогом *wo* не получил широкого распространения. Особенно это относится к нижнелужицкому языку, где (не считая заглавий статей: *wo literatuře, wo wobstejnosćach, słowo wo Seilerju* и т. д.) примеры немногочисленны: *wo kotorym wy tu molwysche*. Якуб., XIV, 71 (кажется, единственный случай в тексте, изданном Лескином): *něco groniš wo rěcy serbskego luda*. J. Krygaf (XVII в.). Chrest., 57; *aby powjedaš mogli wo nowej rěcy*. Там же, 57; *wo tom powjedaš*. Там же, 57; *powjedaš wo naglědnosci a mocy serbskeje rěcy*. Там же, 58; *wo rozšyrjowanju ochranowstwa*. K. G. Fabricius. Chrest., 103; *budu pisaš wo psigranicujucych městach ... a wo wjas-kach*. Там же, 116; *powjesć wo wobydlarjach města*. В. В. Lademann. Chrest., 135; *wo mne njeroži*. Мука. Lud., p. 109, ср. 111 (*wo mnjo njeroži*), 113 (*wona pak wo mnje njeroži* и *wo nju njerožach*); *njegroň mi wo kwasu*. Там же, 115; *wo nej powjedaju*. Radyserb., 8; *wo tom lofše spěwajuce*. Мука. Deln., p. 15. Уже в самых ранних нижнелужицких памятниках почти постоянной заменой лок. с предлогом *wo* является род. с предлогом *woł* (ср. нем. *von*). То же наблюдается и в современных говорах, хотя иногда встречаются конструкции вин. с предлогом *wo*

¹⁸ Отметим, что обычно в значении времени с предлогом *wo* выступает почти исключительно вин.: *wo khwilu, ho chylu*. 2. Mójz., 19, 22, 1 Kor., 16, 7; *wo tři mězacy, ho tři mjasece*. 2. Mójz., 2, 2; *wo pól hodžiny, ho pól štundy* и т. д. (с оттенком значения 'в течение'). Такое же значение и у вин. с предлогом *wob*: *wob džen, wob nóc (wob lěto, wob tydžeň, wob tři mězacy* только в старых памятниках). Ср. также *wo* + вин. в значении места действия: *wo dom khodźić* (= 'около, вокруг'; но и *wob dom khodźić*) или случаи типа: *wo jaden groš drošy, wo lěto staršy, wo tak čete wěcej* и др.

(*wo něco wěžeš; wo mójogo bratša dete stoj; wo někogo płakaš, žalo-
waš; wo něco se bójaš; wo takego cłowéka nichten heroži; staraj se wo
jogo hudowu*¹⁹; *wo klěb pšosyš; wo pomoc wółaš*. Мука. Wb., II, 901
и даже: *wo to wam gronim*. Мука. Lud., P. Rog. 171 и др.). Укажем
некоторые примеры, выражающие изъяснительное значение: *pscheto won
jo ten, wot kotaregož groňone jo*. Фабриц. Math., III, 3; *powescz wot
logo*. Там же, IV, 24; *gronascho se wot schykných tych wezow*. Там же,
Luka, I, 65; *wot tego swetła znanit*. Там же, Joh., I, 15; *wot kotare-
gož ja wam gronit som*. Там же, I, 30; *kenž to wot Jana słyschaschtej*.
Там же, I, 40; *won pak gronascho wot tego templa*. Там же, II, 21; *ten
samy jo wotemño pisał*. Там же, Joh., V, 46; *wele groňe wot mojeje
dusche*. Фриц, III, 3; *wot nich gronisch*. Там же, XL, 6; *powedasch wot
twojeje kschasneje redneje pyschnosczi*. Там же, CXLV, 5; *wot tego
rozpraiowatz*. Якуб. Mark., I, 45; *powechu ... wot tich swienach*.
Там же, V, 16; *wot nogo wieschee*. Там же, VII, 15; *wot nogo nederyly
prawitcz*. Там же, VIII, 30; *wot nogo pyssano*. Там же, XIV, 21; *wot
jogo kahžnow gronih*. Вольф. Псалт., I, 2; *wot nihch gronisch*. Там же,
XL, 6; *moje husta dərbě wot mudrohstzy gronihsch, a moja hutschoba
wot rosuta powědahsch*. Там же, XLIX, 4; *wot nich napominać*. Луж.
прис. XV в., ČMS, 1875, 51; в говорах: *staræ luže wšt těx caso šelak
véza*. Щерба, 22; *wšt těx ruso wulicować*. Там же, 22; *wot ćelečki
powedachu*. Н.-Schm., I, 79; *to je ta powjesć wot morweho dola*.
Wjełan, 6 и др.; ср. также: *spomne na to słowo*. Фабриц. Mark.,
XIV, 72; *spomnej na mño*. Там же, Luka, XXIII, 42; *za tych chudých
se staral*. Там же, Joh., XII, 6; *pschosym za nich*. Там же, XVII, 9;
ja se na to mysltm. Фриц, XLII, 5; *spominam ja na tebe*. Там же, XLII,
7; XLIII, 7; *ja se pomyslijom na te negajsche zasy*. Там же, CXLIII, 5;
na Sion spominachmy. Там же, CXXXVII, 1; *pack sse za mñoh starah*.
Вольф. Псалт., XL, 18; *natěbhó spomenam*. Там же, XLII, 7; *na moju
lubku spominać*. Н.-Schm., I, 51; *budžeš na mñe spominać*. Там же, I,
38; *na swoju sotru spominać*. Там же, I, 58; *na mne wón je zabyć
móhł*. Там же, I, 73; *hdyž tam stajnje na tebje mysl*. Hórník. Dodaw.,
71; *spominaj na Humpaka*. Нычка, 17 и др. Такие случаи особенно
часты в нижнелужицких и в северной части верхнелужицких говоров.
Некоторые же из них стали обычными на всей территории Лужиц
(ср. *myslić na со, myslíš na со* и т. д.).

В верхнелужицком локативные конструкции с предлогом *wo* в изъяс-
нительном значении более употребительны; в письменном варианте при
глаголах говорения, знания, чувства только они и возможны²⁰. Гораздо
реже попадают они в говорах, так как обычно в подобных ситуациях
бывает прямая речь или придаточное предложение. При глаголах, вы-
ражающих заботу, а также при глаголах со значением 'просить', 'молить',

¹⁹ Ср. еще: *musachu se starás wo swojo studowanje*. Н. Tara (1570—1638).
Chrest., 45; *až starachu se wo nju kejžory*. J. Krygał. Chrest., 57; *se starás wo té
boge duše a wósebnje wo ta młožinu*. В. Fabricius. Chrest., 95 и др.

²⁰ Ср. *njeje ničo wjace pytnýć wo „hordých dobyčerjach“; powěsć wo jich šmjerći,
wo tym aparacie njerozumju; rěčeć wo sowjetskej ofensiwje...* Кренц.

'помнить' и др. вместо лок. с предлогом *wo* употребляется вин. с тем же предлогом.

Примечание. Предлог *wob* (*hob*) употребляется исключительно при вин. и, как правило, в конкретных значениях.

Лок. с предлогом *po* в лужицких языках не представляет особого интереса, так как уже с памятников XVI в. в нем нет ничего нового по сравнению с подобными конструкциями других западнославянских языков. Отметим некоторые частности. В ниже- и верхнелужицком отсутствует лок. с предлогом *po* от имени, обозначающего предмет, вслед за которым (в пространственном плане) происходит движение другого предмета. В таком случае употребляется твор. с предлогом *za*. Однако нельзя переоценивать значение этого факта: и в других языках (в том числе и в западнославянских) лок. с предлогом *po* в указанном значении рано стал идти на убыль, кое-где окончательно исчезнув в XV—XVII вв. Весьма редко лок. с предлогом *po* в значении цели (обычно при глаголах движения): *po pěcnej dani khodźić*, *po próstwje jěc*. Radyserb., 10; *po nałogach chojzisch*. Фабриц. Posol. stat., XXI, 21 и т. д. Обычно в таких случаях выступает вин.

Также нечасты примеры типа: *po twojej rjanosci sym tebe znať*, *po twojej falšnosći će nespóznať*. Н.-Schm., I, 154; *ja će nihdy njepóznať po twojej wulkej falšnosći*. ČMS, 1875, 71; *po hłosu so znać*. и др., их заменяют локативные конструкции с предлогом *na*: *poznať na falšnosći će*. Отчасти то же можно сказать и о способах выражения лок. отношения (особенно loc. limitationis), где преобладают конструкции с предлогом *na*. Лишь однажды встретился нам лок. с предлогом *po* при прилагательном, выражающем горестное чувство (при глаголах таких случаев нет): *po tych górach wěle tužna*. Н.-Schm., II, 67. Лок. с предлогом *po* в значении времени имеет двойное значение: 'после' и 'в течение' (ср. *pye tom sešu ordujo uocene*. Жилов. Stieber, 160; *ja deru jězdziš po tych nocach*, *po tych mi smjatych wjacorych*. Н.-Schm., II, 32; *njechojžiť za mnu po poť nocach*, *po takich smjatych wjacorach*. Chrest, 75 и др.).

Интересны случаи типа *po nogach chójžiš*, *nić po rukach*, выражающие способ действия. Отметим также *po drugim* 'во второй раз'. В дистрибутивном значении при предлоге *po* встречается только лок.

Наконец, следует подчеркнуть, что дат. с предлогом *po* в лужицком исчез: следы этой конструкции сохранились лишь в некоторых однородных случаях (*po serbsku*, *po němsku*, *po bursku*, *po slowecku*. Якуб. (= *po slowecnu*); *po śichu*, *po wšyknu*, *po rědu*; ср. также: *po štyrjom lězc*. ČMS, 1877, 96; *spokojny wuraz jeho wobliča po swojim wukładowasche*. Lipa serb., 1879, 42 и др.

Примечание. В Катехизисе Варихия однажды при предлоге *po* наблюдается смешение лок. с твор.: *po nim nasche schiweni wiedzeme*. 29,5.

Локативные конструкции с предлогом *při* (*pśi*) в лужицком также не представляют особого интереса и повторяют в общем ту же картину, с которой мы уже встречались в польском языке. Следует отме-

тить лишь то, что в некоторых нижнелужицких говорах (злокоморовский, зефтенбергский и др.) *psi* употребляется с род. (*psi kaški, psi tog'duba, psi doma* и т. д.) или безразлично с лок. и с род. Видимо, следует согласиться с мнением лужицких исследователей, объясняющих эту конструкцию аналогией с сочетанием предлога *pla* < **pola* (см. Вольф. Псалт. *pola nass*) < **podle*, близкого по значению к *psi*, с род. Со своей стороны, в качестве аргумента приведем тот (пока неотмеченный) факт, что род. при предлоге *psi* употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет о конкретном предмете; в иных примерах в тех же самых говорах встречаем *psi rozomje, psi smerci* и т. д. Кроме того, кое-где взаимодействие *psi* и *pla* еще более тесное: в ряде нижнелужицких говоров (вокруг Коттбуса) оно привело к созданию нового предлога *psa*, употребляющегося с род.²¹

Некоторые исследователи отмечают еще лок. с предлогом *pod* в лужицких говорах²². К известным до сих пор примерам (*pod žtawt-nosczech khleba ha wina. Schneider. Gramm., 224* и *spód jabłonce zóvča tši. Н.-Schm., II, 85*) добавим еще три (лок. с предлогом *nad*), найденные у Якубицы и в Вольфенбюттельской Псалтыри: *pscheto ze wony niczego rozsumneysche nebichu nad tich chlebach. Якуб., VI, 52; hopokahsh twoju dobrohsch nad Zionē. Вольф. Псалт., LI, 19; à twoja zehstz nad schiknom sswěschē. Там же, LVII, 6. Понятно, что столь ограниченное число примеров не дает возможности для каких-либо выводов (даже учитывая аналогичные данные словинцских говоров кашубского языка). Однако нельзя не обратить внимания на такие случаи лок. и твор., как, например, у Варихия: *ja so k tebi wolam natem twojtm sluschomnikom. 45, 13; kneschtei nad riebami w tem moaru a nad ptakami... a nad schitkei swierini. 62, 7; scho psches tu sboschnu Lijawicu na nim budze. 48, 4, 5*²³.*

На случаи колебания *na* и *nad* в нижнелужицких говорах указал в своем словаре Мука (I, 966). Вероятно, и примеры лок. с предлогом *pod* обязаны своим происхождением смешению *po* и *pod* (ср., между прочим, пример из Шнейдера). Наше предположение подкрепится лишним аргументом, если указать еще на смешение *wo* и *wot*.

Примечание. Случаи смешения *na* и *nad*, *po* и *pod*, *wo* и *wot* свидетельствуют о том, что в лужицком языке уже была подготовлена почва для вытеснения в связи с немецким влиянием лок. с предлогом *wo* конструкцией род. с предлогом *wot*.

Анализ локативных конструкций с предлогами *w* и *na*, повторяющих аналогичные конструкции других западнославянских языков, проводить не будем. Необходимые сведения о них (впрочем, немногочисленные; преимущественно примеры) можно найти в работах Либша и Муки²⁴, а также в указанных раньше грамматиках и словарных статьях.

²¹ Ср. *psa rek'i laže. Жилов. Stieber, A. 160.*

²² См. Fr. Schneider. *Ibid.*, S. 224; Fr. Miklosich. *Vergl. Gramm. d. slav. Sprachen. IV, S. 678*; и Шнейдер и Миклошич приводят по одному примеру.

²³ Ср. подобные примеры из среднеболгарских памятников в исследовании К. Х. Мейера „*Untergang der Deklination im Bulgarischen*“. Heidelberg, 1923.

²⁴ Е. Мука. *Wo předložkach w serbšcinje. — CMS, 1890, str. 75—96.*

VIII. ЛОКАТИВ В ЧЕШСКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Совместное рассмотрение чешского и словацкого лок. представляется целесообразным, вследствие того, что словацкий язык в качестве письменного получил распространение в поздний период, когда его данные в исследуемом вопросе не могли уже непосредственно быть связаны с данными о древнейшем состоянии славянского лок., известного по памятникам. Кроме того, старейшие памятники словацкого языка, которые дают достаточно материала для суждения о словацком лок., показывают почти полное сходство с состоянием чешского лок. в то же время (отдельные расхождения малопоказательны, если учесть значительно меньшее количество словацких текстов, чем чешских). Наконец, памятники XV—XVI вв., написанные на территории Словакии, писались, как правило, на чешском языке с большей или меньшей примесью „словакизмов“, определить которые в синтаксическом плане не представляется возможным. Наличие же совершенно различных точек зрения¹ по вопросу о соотношении чешского и словацкого языков в XV—XVI вв., о сфере применения чешского языка в Словакии, о путях его распространения² и даже о языковой принадлежности отдельных документов сделало бы крайне рискованным и мало достоверным исследование о лок. в словацком языке этого периода. Поэтому методологически более правильным будет совместное исследование лок. в этих двух языках с преимущественным (в силу особенностей материала) вниманием к чешскому лок. при привлечении данных словацкого языка позднего периода (прежде всего диалектных). Всюду, где

¹ Ср., например, теорию В. Халоупецкого (*Kniha Žilinská*. Bratislava, 1934; *Středověké listy ze Slovenska*. Bratislava—Praha, 1937), утверждающего, что документы XV в. из Словакии написаны на словацком языке. Другие ученые предполагают, что они стали писаться по-словацки лишь с XVII в. См. W. Semkowicz. *Materiały źródłowe do dziejów osadnictwa Górnej Orawy*, I. Zakopane, 1932; St. Kniezsa. *Středověké české listiny*. Budapest, 1952 и другие работы.

² Ср. старое мнение Цамбеля („*Príspevok k dejinam jazyka slovenského*“). Budapest, 1887, стр. 132) о занесении чешского языка в Словакию во время гуситских войн и об употреблении его в качестве церковного языка (уже в 20-х годах XX в. к Цамбелю присоединились Влчек и Шкудытети). Иного мнения придерживается Б. Варсик („*Husiti a reformácia na Slovensku do Žilinskej synody*“). Bratislava, 1932). Ср. также E. Pauliny. *Dejiny spisovnej slovenčiny*. Bratislava, 1949.

это будет необходимо, мы будем отмечать отличия в лок. между этими двумя языками.

Данные древнечешского языка о лок. весьма ценны. Древнейшие чешские памятники сохраняют ряд таких архаичных особенностей лок., которые вскоре исчезают и в чешских текстах, а в большинстве других славянских языков нередко вообще отсутствуют. И хотя лишь в XIV в. появляются тексты, на основании которых можно воссоздать полную картину древнечешского лок., иногда можно получить отдельные представления о лок. и из более ранних данных (прежде всего из нескольких текстов XIII в., из глосс XI—XIII вв. в латинских документах или даже из некоторых чешских слов топонимического характера, встречающихся в латинских грамотах и хрониках). Иногда чешские датированные материалы оказываются древнейшими среди других славянских текстов (см. б/пр. лок. в латинских документах X—XI вв.).

Разумеется, не все памятники, созданные в чешско-моравской языковой области и имеющие отдельные ярко выраженные „богемизмы“, могут быть использованы при исследовании древнейших особенностей чешского лок. (ср., например, „Пражские отрывки“). Дело в том, что если латинским влиянием можно было бы пренебречь³, то по отношению к старославянскому влиянию мы обязаны быть внимательными. Однако трудность заключается в определении памятников чешской письменности, подвергшихся влиянию старославянского языка, и в выяснении способов осуществления этого влияния. Лишь в отношении очень немногих памятников существует определенное, твердо установленное мнение о значительном влиянии на них старославянского языка⁴. В отношении же этого влияния на ряд весьма важных чешских памятников (ранняя редакция Библии и отчасти евангелическая литература) между учеными нет согласия, и спор, начавшийся свыше полутора веков тому назад, остается не решенным до конца⁵.

³ См. об этом в соответствующем месте раздела, посвященного древнепольскому лок. Точно так же несущественны для нас и другие возможные влияния, предполагаемые некоторыми исследователями. Ср. C. Davidsson. *Der alttschechische Wittenberger Psalter und sein Verhältnis zu den mittelalterlichen deutscher Psalterübersetzungen*. Uppsala, 1952; W. Schmidt. *Der alttschechische Mastičkář und sein Verhältnis zu den deutschen Osterspielen*. — *ZfSl*, Bd. II, 1957, S. 223—242 и др.

⁴ Например, Легенда о св. Прокопе, Легенда о Вячеславе. См. статью В. Вондрака „Zur Würdigung der altslovenischen Wenzelslegende und der Legende vom heiligen Prokop“. — „Sitzungsberichte der Wiener Akademie“, Bd. CXXVII, 1892, S. 56—67.

⁵ Этот спор в своем развитии имел два основных этапа: 1-й — в конце XVIII—начале XIX в., когда против категорического отрицания старославянского влияния на указанные памятники Добровским („*interpretes bohemos hac verslone usos nego*“, т. е. старослав.) выступили Дурих, Добнер, Альтер и Унгар, и 2-й этап — в 90-х годах XIX в., когда против Вондрака (*Die Spuren der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung in der altböhmischen Literatur*. — „Sitzungsberichte der Wiener Akademie“, Bd. CXXIX, 1893; *K otázce o vlivu církevní slovanštiny na starou češtinu*. — „*Čas. Mus.*“, 1895, str. 301—314; *K námitkám stran vlivu církevní slovanštiny na starou češtinu*. — Там же, str. 498—501 и др.), отстаивавшего теорию о старославянском влиянии и поддержанного Квицалой („*Česke Museum Filologické*“, roč. I. seš. 1,

Впрочем для наших целей важнее было бы не просто разрешение этого вопроса, а выяснение сферы влияния (если таковое было) старославянских памятников. К сожалению, почти исключительное внимание обращалось при решении этого вопроса на лексику, что, впрочем вполне понятно. Учитывая современное состояние этого вопроса, мы считаем целесообразным использование материалов этих памятников лишь в том случае, когда они подтверждены свидетельствами других памятников (бесспорно чешских, без следов иноязычных влияний в области синтаксиса).

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Древнейшим чешским памятникам хорошо известно беспредложное употребление лок., отмечаемое большинством исследователей (ср. грамматики Добровского, Шафарика, Зикмунда, Квета, Иречка, Гебауэра и др.). Однако обычно ограничиваются перечислением примеров, далеко не полным даже в наиболее обстоятельных трудах (см. у Гебауэра и Зикмунда). Вопросы, касающиеся условий употребления б/пр. лок., хронологического распространения отдельных типов б/пр. лок., соотношения б/пр. лок. с предложным и др., не получили никакого освещения. Больше того, в ряде случаев смешение фонетических и морфологических явлений давало основание для неверных выводов. Поэтому позволим себе остановиться на этом вопросе более подробно.

Значительную группу б/пр. лок. составляют те случаи, когда он употребляется при названиях географических мест (точнее, населенных пунктов), приобретая значение места совершения действия. В отличие от обычной точки зрения считаем, что в собственно чешских текстах нет сколько-нибудь надежных примеров б/пр. лок. в местном значении (об этом см. ниже). Наиболее надежными являются два примера, представляющие собой чешские фразы и находящиеся в конце известной Литомержицкой грамоты 1507 г.: *Pavel dal iest Plosskovicich zemu, Wlach dal iest Doleass zemu Bogu i ssvatemu Scepanu sse dvema dussnicoma*. Достоверность остальных примеров, засвидетельствованных главным образом в „*Scripta Bohemorum*“ пражского каноника Космы и особенно в собрании латинских актов и грамот — „*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*“, Pars 1 (annorum 600—

str. 71—78), выступил В. Флайшганс (Lf., XXI и особенно „*K otázce o vlivu církevní slovanštiny na starou češtinu*“ — „*Čas. Mus.*“, 1895, str. 485—498), выдвигнувший ряд серьезных возражений. Ряд работ по этому вопросу опубликован уже в послевоенное время.

И. Полявка („*Čas. Mus.*“, 1895, str. 501—502) предполагает влияние на раннюю чешскую евангелическую редакцию со стороны южнорусской редакции XII в. (правда, это предположение сделано на основании одинакового перевода лишь одного греческого слова *παράκλητος*). Добавим, что в XI в. существовали связи между южнорусской областью и Сазавским монастырем. Впрочем, и в послесазавскую пору церковнославянская письменность продолжала некоторое время жить у чехов, о чем свидетельствуют, например, любопытные глоссы XII в., опубликованные А. Патерой (Pat. Gl.).

1253), — зависит от решения более общего вопроса, в латинской или в чешской форме употребляются чешские слова в латинском контексте. Кстати, выяснение этого вопроса не так просто, как может показаться вначале. Дело в том, что обычные локативные окончания в единственном числе *-e (-i)* могут соответствовать не только чешским *-ě (-i)*, но и латинским *-ae* (gen. sg. *ā*-основ), *-i* (gen. sg. *o*-основ), *-e* (abl. sg. основ на согласный), а именно gen. и abl. в первую очередь используются в латинском языке для обозначения места (особенно при названиях городов). Но даже это затруднение, по последнему мнению⁶, решающее, не является основным. В латинских документах весьма часто (у Космы только 1 раз — *Rokycanech*, 169) встречаются случаи, где флексия лок. бесспорно чешская (в мн. ч.), ср. примеры типа: *Vilelmus Pocudicih dedit terram*. Reg., 1057, 53 (совр. *Počudice*). Однако являются ли подобные случаи б/пр. лок.? На основании только одних примеров ответить на этот вопрос с уверенностью невозможно, так как нам неизвестно, насколько распространялась самостоятельность писца в отношении предложных конъектур. Не было бы ничего удивительного, если при имени с чешской флексией правила употребления или неупотребления предлогов оставались латинскими. Во всяком случае, в некоторых латинских документах значительно более позднего времени, когда б/пр. лок. уже определено не было, случаи типа *Vilelmus Pocudicih dedit terram* существовали. Однако сравнение с указанными выше чешскими примерами и наличие таких случаев, как *na wranie*, *na chlumcy*, *na sternicy*, *na gradisci*, *na golini*, *na lubnem* и даже (крайне редко) *v gradisci*. Reg., 1167; *w locoti*. Reg., 1088; *wlaze*. Reg., 1228; *v topolanech*. Reg., 1131 и др., с достаточной уверенностью говорят в пользу б/пр. лок. в случае *Pocudicich* и др. Разумеется, что примеры типа *in Plizeni*. Reg., 993 ни прямо, ни косвенно не опровергают наше утверждение, так как здесь обычное позднелатинское употребление *in* при названиях городов (в классической латыни в этих случаях *in* встречается гораздо реже: *Carthagine*, но *in urbe*).

Примечания. 1. Интересно, что в ряде случаев первоначально встретившиеся примеры типа *in Plizeni* регулярно пишутся, как *Plizeni*, *Pilzni* (без предлога). Ср. Reg., 1130.

2. Названия наиболее известных в то время чешских городов в латинских документах стоят или в латинской форме (*Pragae*) или с предлогом *in* (*Praga*, *Olomouc*, *Vyšegrad*, *Velehrad*, *Bruna/Brno*, *Vratislav(-ia)*, *Znojmo*)⁷. То же относится к названиям иноземных городов. Таким образом, условия употребления б/пр. лок. места в чешском в общем те же, что и в древнерусском, если не считать сохранения б/пр. формы в древнерусском преимущественно при названиях старых городов (различие, обусловленное, видимо, причинами хронологического порядка).

⁶ См. Н. В а т о в с к у. *Materiał językowy czeski w „Kronice Czechów“ kanonika praskiego Kosmy*. — „Slav. Occid.“, IX, 1930, str. 8—72, в противоположность старой точке зрения (ср. J. G e b a u e r. *Historická mluvnice jazyka českého*, I, str. 116, V. F l a j š h a n s. *Nejstarší památky jazyka a písemnictví českého*), которая утверждала, что чешские слова в латинских документах употребляются в чешской форме.

⁷ У Космы встречаем: *Vyšehradě*, 14; *Znojmě*, 145; *Vratislavě*, 158. *Olomouci* — не б/пр. лок., а прилагательное. См. J. G e b a u e r. I, 499.

3. Весьма часто случается, что при обычном для грамот перечислении многочисленных населенных пунктов (несколько десятков), из которых название каждого входит в состав целого предложения, лишь при первом названии стоит предлог *in*; остальные же названия стоят в лок. без предлога. Едва ли можно в подобных случаях с уверенностью относить *in* и к последующим словам.

4. Нельзя смешивать б/пр. лок. с некоторыми случаями онемечивания названий чешских населенных пунктов: *Godinge* при *Hodonin* (позже *Godingen*), *Culme* при *Culm* (раньше *Chlum*), *Chambe* при *Champ*, *Hodove* при *Hodov* и др.

Приведем несколько примеров б/пр. лок. из латинских документов: *et cum secundum praedecessorum meorum instituta decimam marcam de annuo tributo idem fratres in his civitatibus habeant, videlicet: Pragae, Wisegrad, Satci, Sedleic, Lutomeric, Beline, Dacine, Bolezlai, Camenci, Gradci, Opocne, Hrudimi, Kurimi, Pilzni, Lubici, Wratine*. Reg., 1130; *Udalricus, piae memoriae dux (Boemorum) orationis causa ad Ostrowiense coenobium haec donaria tradidit: Swoysicych, Na horubyech, Poryesichyh*. Reg., 1012—1037; *Haec sunt villae ad Olomucensem ecclesiam pertinentes: V doba, tota villa, Biscupci tota, ... Nemilaz terra sufficiens uno aratro, Tasalech I, Virouaz II, Velpridech II, Nenacunicih tota, Dirsouicih II, Sarouicih II, Melouicih tota*... Reg., 1131 и др.

Поскольку возможно более полное собрание примеров б/пр. лок. места с датировкой было бы полезным для истории чешского лок. (и даже общеславянского) и ввиду того, что приведенные Паладким в „*Čas. Mus.*“ за 1836 г. отрывки с примерами б/пр. лок. не исчерпывают многочисленных случаев б/пр. лок. места в латинских документах, приведем их полностью из Хроники Космы и Регесты⁸ (всего около 350 примеров).

Хроника Космы: *Chrudimi*. 86; *Lysé, Vratislavě*. 158; *Vyšegradě*. 14; *Znojmě*. 145; *Ztbečně*. 7; *Rokycanech*. 169⁹; может быть, *Byšici*¹⁰ (*Olšavě* — дат.¹¹).

Regesta: *Bantih*. 1052; *Bazci*. 1088; *Bechamirih*. 1052; *Beline*. 1130; *Benovicih*. 1228; *Bnisici*. 1228; *Bezne*. 1088; *Beztrouicih*. 1131; *Biscouicih*. 1131; *Blsaz*. 1228; *Bogsicih*. 1088; *Bosez*. 1228; *Boianoue*. 1030; *Boyanowicyh*. 1107—1109; *Boleradicih*. 1131; *Bolezlai*. 1130; *Borkovaz*. 1209; *Boizez*. 1088; *Branice*. 1088; *Bresti*. 1132; *Brtez*. 1135; *Bubneh*. 1088; *Budegosticih*. 1045; *Budisine*. 1088; *Bukouaz*. 1131; *Butouicih*. 1088; *Cetisouicih*. 1131; *Cetohouicih*. 1131; *Cekouicih*. 1088 (от *Čachovice*); *Cekouicih*. 1135 (от *Čakovice*); *Czazlai*. 1130; *Cechah*. 1131; *Canatih*. 1188; *Cerncine*. 1131; *Cernicouicih*. 1131; *Cyrninye*. 1037—55; *Cerninoue*. 1131; *Cirnosicich*. 1115; *Cirnoticih*. 1143; *Crynucy*. 1205; *Cisicih*. 1115; *Dacine*. 1130; *Dedicih*. 1131; *Diuoceph*. 1131; *Dilgonicih*. 1131; *Dlascovicih*. 1057; *Dobrochouicih*. 1131; *Doleass*.

⁸ Б/пр. лок. от одного и того же названия, встречающийся несколько раз, приводим лишь однажды.

⁹ В. Фляйшганс видит здесь род. мн. ч., едва ли возможный при предшествующем *in villa*.

¹⁰ См. J. Jireček. — „*Čas. Mus.*“ 68, стр. 116.

¹¹ См. Н. Ватовски. Указ. соч.

1057; *Dolnem.* 1052; *Domaboricich.* 1131; *Domasilicich.* 993; *Dragaucicich.* 1186; *Draglicih.* 1088; *Drahinicih.* 1228; *Drazowichich.* 999—1003; *Drisech.* 1052; *Dernouicich.* 1131; *Droznouicich.* 1131; *Drozdouicich.* 1131; *Druseticich.* 1228; *Dirsouicich.* 1131; *Dubci.* 1088; *Dvdlebcih.* 1228; *Hercaz.* 1055—61; *Glupcicich.* 1131; *Gneunicih.* 1115; *Gobsowicich.* 1228; *Gogolicih.* 1088; *Golonizih.* 1143; *Gonezouicich.* 1115; *Goresowicich.* 1228; *Horuticyh.* 1205; *Goricicich.* 1143; *Gozteni.* 1088; *Hostouicich.* 1244; *Gozchas.* 1227; *Gradci.* 1130; *Gradisci.* 1088; *Grusouaz.* 1131; *Hizleh.* 1131; *Hotsove.* 1057; *Choline.* 1131; *Chomutowocyh.* 1205; *Hochauicich.* 1115; *Hotesoue.* 1057; *Hoteseuicich.* 1115; *Hotetove.* 1057; *Hotisi.* 1088; *Hrastouicich.* 1131; *Chrudimi.* 993; *Chrustomichih.* 1037—55; *Hudonicih.* 1143; *Hwalowicich.* 1228; *Hualah.* 1088; *Chuoayne.* 1088; *Hinone.* 1130; *Jazenici.* 1088; *Gemniceh.* 1228; *Jancic.* 1115 (вместо *Jancih*); *Janisenicich.* 1088; *Janoseuicich.* 1143; *Gerchas.* 1239; *Jessine.* 1228; *Ninonicih.* 1088 (вместо *Jinonicih*); *Givnaz.* 1228; *Kalinicich.* 1045; *Camenci.* 1130; *Canicich.* 1045; *Cladorubeh.* 1222; *Cladesche.* 1183; *Clenouicich.* 1115; *Knasawezi* (= *Kněži ves*). 1088; *Knouizi.* 1088; *Kohouicich.* 1088; *Coitaticih.* 1088; *Colowrathih.* 1205; *Comoraz.* 1088; *Konicih.* 1143; *Copisteh.* 1057; *Kororupeh.* 1131; *Kostelaz.* 1181; *Kostelci.* 1131; *Kosseticich.* 1186; *Cosowicyh.* 1037—55; *Koualouicich.* 1131; *Kozleh.* 1052; *Kozolupech.* 1186; *Cralupech.* 993; *Crekouicich.* 1131; *Crisanouicich.* 1131; *Kuclichi.* 1233; *Cuncouicich.* 1131; *Kurimi.* 993; *Quasicich.* 1131; *Lahowicyh.* 999—1003; *Lazniceh.* 1065; *Laschaz.* 1078; *Lenih.* 1115; *Lesskah.* 1057; *Leschas.* 1115; *Lescine.* 1115; *Leteh.* 1088; *Lubczas.* 1086; *Lubcicich.* 993; *Lutbohovass.* 1057; *Lubochowicych.* 1205; *Lubosine.* 1052; *Lutincicich.* 1131; *Lutomisli.* 1108; *Lutosicich.* 1167; *Lobeci.* 1088; *Cloumazicich.* 1088; *Losenicig.* 1052; *Loucicich.* 1131; *Tubne.* 1057 (*Lubno*); *Lucaz.* 1131; *Luchone.* 1057; *Lukouicich.* 1057; *Lunih.* 1088; *Lutotine.* 1131; *Lusas.* 1052; *Luscowicich.* 1228; *Mamnowe.* 1239; *Martinicich.* 1131; *Maslouicich.* 1052; *Masouicich.* 1052; *Melouicich.* 1131; *Mileuicich.* 1131; *Modriluzeh.* 1088; *Mochowe.* 1251; *Mostcaz.* 1131; *Mrace-
nicich.* 993; *Midlouareh.* 1115; *Mizlechouicich.* 1131; *Nahosicich.* 1115; *Na horubyech* (?). 1012—37; *Namesci* (?). 1131; *Nedetovicich.* 1228; *Nedosine.* 1167; *Nemilaz.* 1131; *Nenacunicich.* 1131; *Nerestci.* 1233; *Nutovicich.* 1045; *Networycyh.* 1205; *Nezabudicich.* 1186; *Nesaticich.* 1131; *Nawakouicich.* 1228; *Nuncycyh.* 1037—55; *Nuchnicih.* 1057; *Obrini.* 1088; *Ogniscouicich.* 1131; *Ogrozimi.* 1131; *Olsas.* 1228; *Opatovie.* 1086; *Opatouicich.* 1131; *Oplocaz.* 1131; *Opcne.* 1130; *Orechouem.* 1131; *Osece.* 1052; *Ozluchove.* 1233; *Ozcicich.* 1131; *Ostrouaz.* 1131; *Otesicich.* 1228; *Otrocynyewsy.* 1037—55; *Otrocouicich.* 1131; *Pacezlaucich.* 1159; *Parisouicich.* 1131; *Pecotulceh.* 1131; *Pencicich.* 1131; *Pehreh.* 1228; *Plesitih.* 1052; *Plichoue.* 1228; *Plosskovicich.* 1057; *Pilzni.* 1130; *Poc-
tacych.* 1205; *Pocudicich.* 1057; *Podiuicich.* 1131; *Podmocleh.* 1045; *Poc-
raticich.* 1057; *Poryesicyh.* 1012—37; *Poztrizine.* 1052; *Postupicych.* 1205; *Pracih.* 1190; *Prachaticih.* 1088; *Prestaz.* 1131; *Prestaelcicich.* 1131; *Probicich.* 1131; *Prosmiceh.* 1057; *Prosteiouicich.* 1131; *Pruzech.* 1131; *Pzarih.* 1088; *Raduyne.* 1057; *Racovicich.* 1045; *Rastileh.* 1088;

Rassine. 1143; *Rasouicih*. 1131; *Ratagih*. 1131; *Ratbori*. 1115; *Ratiscouicih*. 1131; *Regleh*. 1228; *Repine*. 1167; *Repsine*. 1131; *Sebeh*. 1131; *Resetarih*. 1088; *Raseh*. 1088; *Robci*. 1116; *Rogozouicih*. 1131; *Rostinicih*. 1131; *Roscitticih*. 1131; *Reptech*. 1186; *Zazisich*. 1186; *Zedleich*. 1088; *Zedelisti*. 1143; *Sechiras*. 1239; *Semitesicih*. 1131; *Senadicih*. 1115; *Zlatine*. 1115; *Slusine*. 1131; *Smersicih*. 1131; *Sobegribeh*. 1131; *Soberrazi*. 1131; *Sobolcouicih*. 1131; *Zerbcih*. 1131; *Stode*. 1235; *Strassicih*. 1143; *Strelcih*. 1131; *Zrebrniceh*. 1131; *Sutticih*. 1088; *Suinarih*. 1088; *Swoysicych*. 1012—37; *Scitarih*. 1088; *Telci*. 1207; *Topolaz*. 1087; *Trebani*. 999—1003; *Trebenycich*. 1055—61; *Trebsine*. 1131; *Trbusicih*. 1228; *Trebutichih*. 1057; *Tasalech*. 1131; *Ternovaz*. 1057; *Trisine*. 1228; *Thuclecyech*. 1205; *Turouicih*. 1131; *Tuscoue*. 1115; *Vgercih*. 1088; *Ugoscas*. 1088; *Ugricih*. 1131; *Vgezdci*. 1131; *Uncine*. 1131. *Wsauicih*. 1115; *Vscicych*. 1205; *Vateroue*. 1131; *Vargosci*. 1131; *Velesovicih*. 1131; *Velpridech*. 1131; *Vinori*. 1088; *Virouaz*. 1131; *Wlencich*. 993; *Woderadeh*. 1088; *Vykouicih*. 1088; *Voycouicih*. 1131; *Wranas*. 1228; *Wratne*. 1130; *Wirbcaz*. 1088; *Wrsovich*. 1088; *Wsetycih*. 1061—86; *Vicapeh*. 1131; *Zabehlicih*. 1088; *Zablacaz*. 1131; *Geherzas*. 1186; *Zalasz*. 1167; *Zalezlech*. 1057; *Sbirne*. 1143; *Zlobicich*. 1160; *Znouichichih*. 1052; *Izuestouicih*. 1131; *Sadlouicih*. 1131; *Satci*. 1130; *Segrovicih*. 1045; *Selci dole*. 1181; *Siratine*. 1131; *Sestocech*. 1115; *Sihlicih*. 1088; *Zimatitcih*. 1115; *Sinaz*. 1061—86; *Siracouicih*. 1131; *Syritih*. 1052; *Sitinicih*. 1088; *Sirne*. 1115; *Siuhoschi*. 1057.

Интересно отметить, что лишь в трех случаях сосуществует б/пр. лок. и лок. с предлогом *na*: *Gradisci — na Gradisci*, *Choline — na Choline*, *Luchone (Lukowe) — na Lucowe* и в одном б/пр. лок. и лок. с предлогом *v*: *Gradisci — v Gradisci*. Учитывая, что лок. с предлогом *na* при названиях места довольно част (несколько десятков примеров), а лок. с предлогом *v* крайне редок и увеличивается лишь в XIII в., приходится заключить, что б/пр. лок. является прямым предшественником лок. с предлогом *v*, тогда как лок. с предлогом *na* и б/пр. различались в употреблении в одно и то же время. Легко заметить, что в начале XIII в. распространение б/пр. лок. места (от названий городов) было еще довольно широким. Лишь с 30-х годов наблюдается его сокращение (последний случай, зафиксированный в Регесте, относится к 1251 г.). Любопытным представляются свидетельства чешской грамоты 1248 г. (ср. *dán v Litoměřicích* и др.), а также материалы чешских и латинских грамот 1287, 1291, 1295, 1297, 1320, 1321 и др. годов (см. AP, II, 331—392), уже не знающих б/пр. лок. такого рода. Опираясь именно на эти данные, а также на соображения, почерпнутые из практики описок, основанных отчасти на фонетических особенностях сочетаний звуков, мы должны признать примеры б/пр. лок. места, приводимые обычно из собственно чешских памятников, ненадежными.

Примечания. 1. К такого рода примерам относятся прежде всего многочисленные случаи лок. от названий мест, начинающихся с *v*. Ср. примеры из *Libri citationum et sententiarum seu Knihy pŕihonné a nálezové*, приведенные Гебауэром: *tu Veselém, tu Vážanech, tu Veseličku, tu Vlkoši, mých lidí Vrahovicích* и др.

Ср. также: *ande bradatice, hrálě ve krvi jakžto vodě kalie*. Алекс. Будейов., сп. 74; *vzmluvi velikej pokoře*. Алекс. Индржих., сп. 63; *ten Velehradě křtil Cechá*. Далим. М., 23; *Wltawe*. Reg., 993; *Jan z Bystřice dal mi 10 gr., a Vratislavi židu uzal*. Oberpf., 53; *těž sem uzal Vysokým Oujezdě konvici krčmáři*. Там же, 53; *to Votičích v krčmě povídal*. Там же, 53; *u Pavlátky Voděradech uzal sem dvě kozy*. Там же, 53; *máslo vědyrce a s hrnečkem*. Там же, 53; *který seděl zde vězení*. Там же, 53 и др. Случаи, подобные этим, хорошо известны и по говорам современного чешского и словацкого языков: *tam Vochozi začal ščekat rev*. Поленск., Нош. I, 107; *tuhle Vochozi dělali dříví*. Там же, 88; *Vedrovicích, Vémyslicích, Veškově, Vlachovým lesi* и др. Bart., II, 1895, 287; ср. Stan. Lipt., 187 и др. Нельзя видеть б/пр. лок. и в таких примерах, как: *kazal jeho jieti a žaláři zamknúti*. Пасс., 170 ('in carcerem condere'); *mládec k svatému tělu hlavách přistúpiv*. Там же, 146; *Jan řecký čtvrtých knihách piše*. Там же, 918; *nerod'te dotýcati mazaných mých a prořečech mých nerod'te zlostiti* ('in prophetis meis') Клем. Псалт.; *zle porobenství žiti*. Лег. Катер., 139 ('in servitute vivere'); *Bambeřicích, Prostihově, Postřelmově, Mladkově, Dubicku, Dvořiskách, Letovle* и др. Bart., II, 287; *stojí tyčka . . . dvoře*. Sušil, 749; *Ostali hanbe, d'esátem měsáci, kolkátém roku*. Štolc., 182 и др. (ср. там же 69, 70); *to bolo strnás'tom*. Stan. Lipt., 404 (правда, здесь можно предполагать исчезновение не *v*, а *o*); *hlave, humne, hlubokej cestě*. Pastrnek. Sl. P., 1894, 745 и др.

Дело в том, что довольно широко распространенное по говорам Чехии (особенно на юге), Моравии и Словакии билабиальное произношение *v* (*υ*) способствует выпадению этого звука перед определенными звуками: губными, фрикативными, *h, l, d, č* (по говорам условия выпадения могут меняться)¹² или его изменению. Аналогичные явления, несомненно, могли иметь место и в более ранние периоды. Кроме того, древнечешские тексты вообще не знают б/пр. лок. в случаях, указанных выше. Это же относится и к случаям типа: *zakonnici duchovní časích budúcích býti měli*. Пасс. Z., 170 (временное значение); *těchto stupniech chod' tiemto řádem*. Альб. Бел. Ráj duše (рук. 1383 г., в другой рукописи — *v*) и др.

Нет достаточных оснований видеть б/пр. лок. в известном месте Александриды: *na mo(s)cě Prazie nebude viděti čecha*. Будейов. спис., 86, так как *na* мог относиться и к *Prazie* (тем более, что в XIV—XV вв. сочетание *na Prazie* было хорошо известно) или — по понятным причинам — быть пропущен.

2. Видимо, ошибочно встречаются б/пр. лок. в 2 местах Регесты: *Johannes... clauastro Luthomizliensi confert villas duas, quarum „una Hostouicich, altera Blathniche“ vocatur*. 1244, 523; *una* (т. е. villa) *cum provincia Sarowe dicta*. 1012, 38 (= Žarov).

Древнейшие памятники чешской письменности сохраняют еще довольно частые случаи употребления б/пр. лок. от имен, выражающих временные понятия. Круг слов, выступающих в б/пр. лок. с временным значением, довольно узок и в общем повторяет уже известное нам из других языков положение:

Noci — a ot nich mnoho čeledi, jež jedné noci Čech osledi. Далим., 2; *mráz veliký ty noci bieše*. Gesta Rom., II, Jireč., 98; *tvá žena této noci má pojieti jiného muže*. Olom. pov., 40; *ostante zde teto noczy*. IV kn. Num., XXII, 8; *ostaly této noczi*. Там же. XXII, 19 (но: *w noczy*. 20); *ale jestliže této noci nebudeš... Markolt., 90; dne ni noci přestanúce*. Алекс. Индржих., 67; *s'noci jest s tobú večerál*. Град. рук., 55 в; *s'nuoci sem vám pověděl*. Пасс., 366. Вопрос о том, когда подобные случаи стали восприниматься как род., требует специального исследования.

¹² Подробнее см. об этом в исследовании А. Фрэнты „Fonetická royaume a historický vývoj souhlásky *v* ve slovanštině“. Praha, 1916.

Dne см. пример из Александреиды (*dne ni noci*). Ср. в словаре Юнгманна: *bíle dně se ukaže klat, něco bíle dne povážiti* и др.

Jitře — *neb jim bě v(ěd)ěti dáno že jakž jitřě bude ráno kda se slunce prosvěti*. Алекс., Сватов. сп., 31; *veždy boj jutřě ztrat(im)*. Там же, Индржих. сп., 69.

Zimě — *ale až bude onde zimě inhed se o to s tebi swadie*. Флашка. Podk. Šaf., 954; *aby zimě i létě ovoce na tobě bylo*. Modl. leg. Šaf. Výb., 400; *věnc zelený, jenž zimě i létě při své barvě ostával*. Ткадл., 4 в.; *kak jest róže zimě nekrásná káкто létě král nebeský okrášlil hubenú trávičku*. Альб. Бел. Кн. мр., 78 а; *ať běhánie vaše nebude zimě*. Штитн. Řeči., 232 в.

Létě — *na vše strany strěly létie jakžto kropě z búrě létě*. Алекс., Будейов. сп., 73; *létě vždьcky dělal*. Gesta Rom. Novák, 259; *jako létě býti zněhu*. Ткадл., 3 в; см. также примеры к предыдущему разделу. Едва ли можно отнести сюда случай: *hospodin nás dřevnjem létě poslal*, так как здесь правдоподобнее видеть опущение *u*.

Hodě — *tojuž bude pozdě hodě*. Алекс., Будейов.-Муз. сп., 84; *a již pozdě hodě bieše*. Рук. Бавор.¹³ и др. См. примеры у Гебауэра, IV, 399.

Lóni — *kterýž se lóni stal w Praze*. Dop. táb. 1441, AP, 358; *lone*. Пат. Gl., 547 и др.

Chville — *slyš mé málo tej to chville*. Лег. Катер., 309; *Kristus tej chville učini se jej tak jasen*. Živ. Jež. Кг. и др.

Hodině — *inhed té hodině*. Рукоп. Оломоуцкой 6-ки, 1482, 249а (Гебауэр, IV, 399) и др.¹⁴

Дальнейшая судьба б/пр. лок. такого типа находилась в зависимости от способности этих форм к переходу в наречия или от возможности восприятия их в плане иного падежа (род. ед. ч.). Поэтому сколько-нибудь точное определение хронологического предела в употреблении б/пр. лок. времени не представляется возможным. Между прочим, следует отметить, что уже в древнейших чешских текстах известны и случаи типа *u noci*, *u létě*, *u zimě*. Во всяком случае, у Штитного, Далимила и других крупнейших авторов XIV в. они преобладают. Надо думать, что выбор между этими двумя возможностями (были, впрочем, и другие) определялся в зависимости от диалектной основы языка того или иного произведения или от стилистических соображений. Приведем ряд примеров из современных чешских и словацких говоров: *a jutře... pujdem heť*. Спешск. Szamb., 212, повсюду *lóni* (единственный пример б/пр. лок. времени, сохранившийся по всем говорам и в литературных вариантах чешского и словацкого языков). Как род. ед. ч. воспринимается сейчас *tej noci*, очень широко распространенное в говорах и, надо думать, восходящее (по крайней мере, отчасти) к б/пр. лок. времени (см. соответствующее явление в русском языке; там же объяснения). Ср. *som*

¹³ См. AfsIPh, Bd. 11, S. 81; L o r i š. — Rozpr. Č. Ak., tr. III, 1903, str. 116.

¹⁴ Другие примеры можно найти в соответствующих местах „Slovníka staročeského“ Я. Гебауэра.

buľa pri vas tej noci. Спшшск. Czamb., 210; *co mňa s'e tej noci snilo.* Там же, 361; *kdo na naše dvéři tej noci zaklepa.* Моравск. Sušil., 266; *teto noci mne ztratíte.* Там же, 50; *jedné noci běl jeden Hanák v nélepčim spánkô.* Ганацк. Navr., 135; может быть, *půl noci strhl se vítr.* Kub. Кладск., ср. чешск. литер. *té noci* и др.

Примечание. Выпадение *v* нужно видеть в диалектных примерах типа: *a tom tejdni Mikeš poslal... psaní.* Kub. Кладск., I, 115; *jednou zeimním čase to bylo.* Там же, II, 3; *to bylo zrovna vosumnaštyrycátým roce.* Полевск. Ноš., 88 и др. Примеры см. выше.

Наличие б/пр. лок. со значением способа или образа действия можно предполагать на основании древнечешских наречий на *-ě*, образованных от качественных прилагательных. Однако в истории чешского языка подобные формы (*dobře, zle, hlasně, krásně, rychle* и др. выступают исключительно как наречия, уже утратив непосредственную связь с б/пр. лок. Кроме того, вне наших возможностей выяснить на материале древнечешских памятников какие-либо различия между *dluho* и *dlázě, vysoko* и *vysocě* и т. д.

Примечание. Устанавливаемые некоторыми исследователями различные оттенки в значениях между наречиями на *-ě* и на *-o* (см. Ф. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, стр. 238, русск. перев.; он же. *Historická mluvnice česká*, III, Skladba. Praha, 1956, стр. 128, 129; А. Г. Широкова. Очерк грамматики чешского языка. М., 1952, стр. 166 [примечание] и др.) в древнейших текстах не прослеживаются.

Нельзя с определенностью объяснить, почему древнечешские тексты знают только *dobře, krutě, mutně, hlasně, tiše, lze, chytřě, chrabrě* и др., с одной стороны, и только *málo, brzo, blízko* и т. д. — с другой. Бесспорно, что состав той и другой группы с течением времени изменялся, как об этом свидетельствует письменная история чешского и словацкого языков. Поэтому непосредственное использование указанных данных для чешского лок. едва ли возможно. Они уведут нас в более древние периоды, обрисовывая лишь основное и оставляя в тени подробности. Некоторые результаты могли бы быть достигнуты при точном учете состава наречных групп на *-ě* и на *-o*, тем более, что соотношение этих групп в разных языках уже в их древнейший период было различным. Так, в чешском языке XIII—XIV вв. наречий на *-ě* было значительно больше, чем на *-o*¹⁵. В дальнейшем преимущество наречий на *-ě* несколько сократилось, в некоторых же говорах (например, моравских) наречия на *-ě* теперь решительно уступают наречиям на *-o*. То же преобладание наречий на *-o* встречаем и в словацком языке (в литературном варианте и в говорах). Является ли такое положение результатом позднейшей экспансии наречий на *-o* или эти формы здесь

¹⁵ См. E. Smetánka. *Adjektivná adverbia na -o a -ě v staročeštině.* Lf., 1895, str. 22, 91, 92. Интересные данные об употребительности этих наречных групп находим у Гебауэра, который на основании их анализа находит лишний аргумент в пользу подложности рассматриваемых им рукописей. См. J. Gebauer. *Unechtheit der Königinhofer und Grüneberger Handschrift.* — *AfslPh*, Bd. X, 1887, S. 547, 548.

исконны, — за неимением древних текстов, сказать трудно. Примеров наречий на *-ě*, восходящих к б/пр. лок., приводить не будем: они хорошо известны и неоднократно уже отмечались учеными. Укажем лишь один оригинальный случай, довольно частый в старых текстах: *latině stojí: tabernacula*. Ян Гус. Пост., 306; *latině ficus fatua*. Там же, 411; *latině bonorum meorum*. Там же, 413; *neuměji latině*. Штит., 71; *otázal sem se jednoho Vlacha latině*. Jan Lobk. Putov., 9в; *řikal žalm latině*. Oldř. Pref., 87 и др. Впрочем, некоторые исследователи предпочитают видеть здесь латинское наречие *latině*. Отметим также современное *těměř* из старого б/пр. лок. *tej měřě*.

Примечание. Некоторые затруднения связаны с анализом немецких переделок чешских топонимов: ср. *Grussbach* (чешск. *Grušovane*. 1131), *Turas* (чешск. *Turjane*), *Saras* (чешск. *Zahražane*), *Eibis* (чешск. *Ejvany*); *Salzach*, *Steinach*, *Laibach*, *Villach* в Словакии и др., восходящие к лок. мн. ч., как это убедительно доказано И. Иречком в статье „Reste des Local-Suffixes -as und -ach in deutschen Umbildungen slavischer Ortsnamen“. — *AfslPh*, II, 336, 337. Дело в том, что такие случаи обычно начинаются лишь с XIV в. С другой стороны, ср. *Welbine* (< *ve Lbině*), *Welhan* (< *ve Lhaně*), *Welhütten* (< *ve Lhotě*), *Nalhütten* (< *na Lhotě*) и др. Впрочем, есть и более древние примеры: *Vduleniduur* в соответствии с др.-в.-н. *Nidrinhof*. См. *Monumenta Germaniae historica. Diplomata*, I, 530 (пример относится к 970 г.), *Ve zduhovicieh*. *Reg.*, I, 44 (1045 г.). *W zasadi* (1057) и др. данные, важные для хронологии б/пр. лок. и лок. с предлогом *v*.

Примеры б/пр. лок. при известных глаголах в древнечешских памятниках буквально единичны и не дают оснований для сколько-нибудь надежных выводов: *tomť přisahají*. *Živ. Jež. Kr.*; *přidržala sie pastwě duše má*. Клем. Псалт. (ср. в Витт. Псалт.: *przidirzal sem sie swie-deczstwy twich*. 118, 31); может быть, *bohatství, krása, múdrost příležitě tobě, a však milovánt ženská přidrzi se tobě*. *Markolt*, 100 (первое *tobě* для этого времени, видимо, уже дат.) и т. д. Так как нет ни одного надежного примера б/пр. лок. при бесприставочном глаголе, то можно думать в приведенных случаях о влиянии глагольной приставки *při-*. Падежную принадлежность *ženě* в нередких примерах старых памятников типа: *chci ji mieti sobě ženě* или *rojať sobě ženě rannu* — с уверенностью определить затрудняемся.

Отметим, наконец, восходящие к б/пр. лок. предлоги и наречия *kromě, mezi*¹⁶, *dole, dolu, vñe, skrzě, zádu, venku* (только в словацких и в моравских говорах¹⁷), *hore* (теперь только в словацком и восточно-моравских говорах) и др., в той или иной степени сохранившиеся до сих пор: *zešol dolu*. Спишск. *Czamb.*, 216; *staň hore*. Там же, 227; *spotñi i na nas hore v ñebe*. Там же, 237; *voža po mesce hore-dolu*. Шаришск. Там же, 257; *at' to idě hore*. Моравск. *Sušil*, 552; *pozri sa*

¹⁶ Древнейшие чешские тексты (до перегласовки) и не имеющие перегласовки говоры знают исключительно *mezi*, которое, следовательно, нельзя сравнивать с *между*.

¹⁷ Ср. в дольском наречии. J. Belič. *Dolská nářečí na Moravě*. Praha, 1954, str. 230, 234, 244.

Mariško hore. Оравск. Pauliny, 110; *lehni si hore bruxom*. Stan. Lipt., 489; *dolu g Dunaju maširoval'i*. Там же, 500; *jeli dolu*. Ляшск. Havr., 183 и др.

Примечание. О соотношении причинного *četi* и *čet*, *čot* (особенно употребительного в восточнословацких говорах) см. выше.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Локатив с предлогом *o*

Среди локативных конструкций с предлогом *o* в памятниках старочешской письменности довольно полно представлены те, которые имеют пространственно-временные и другие, тесно с ними связанные, значения.

Несколько десятков раз отмечен в памятниках XIV—XV вв. лок. с предлогом *o* в значении места, около которого происходит действие. Интересно, что в других западнославянских языках подобные конструкции или исчезли уже ко времени первых памятников, или сохранились в виде отдельных единичных примеров. Укажем ряд примеров, взятых из древнечешских памятников: *něduho o nich ostůpa*. Алекс., 39; *sě o nich lidé brojíe*. Маст. Нанка, V, 208; *Tehdy Matěj Uhrův mnoho sebra a třmi sty o Hradišči vše vsi vzebra*. Далим. Дор., 2; *rytierstvo sě o něm shrnu*. Алекс., 34; *nebo smutek o blyzu yest*. Витт. Псалт., 21, 12; *i byli o nye město zavřeli*. Markolt. A., 165a; *po ten celý čas o domě sem neměl (tohoto)*. Карл Жер., 123 (1628); *y kaza chodom o nyemczych y o sobye les zarubyty*. Далим. М., 44; *o jiných zažhu město Bavoři*. Далим., 89; *Oldřich o Postoloprtech bieše*. Далим., Н., 41; *vždy o švabych biešta*. Далим. М., 97¹⁸; *zavřel jest dveři o dietěti*. Олом. Еванг. 1421 г., 125 в.; *město o sobě pevně zavřeli*. Лет. Троян.; *strejc můj o domě byl*. Катер. Жер., 264; *o prostředce mdlejší (položeni byli)*. Викт. Корн., 72a; *pokoj o nich zapálil*. Пасс.; *o blizce proskakuje*. Там же, II, 164; *ihned se o něm nebesa zavřela*. Пасс., 665; и др. Некоторые из этих примеров весьма древнего происхождения (см., например, случаи, аналогичные соответствующим древнерусским примерам: при глаголах *shrnuti se*, *zavřiti*, *zaklopiti* и др.), в других же — целесообразнее предполагать относительно позднее явление, обязанное своим происхождением аналогии с архаичными типами при ослаблении лексической самостоятельности предлога *o* (имеются в виду случаи, где стоящее в лок. слово является непосредственным местом действия: *o domě = v domě*; показательно, что такие примеры относятся главным образом к XVI и особенно к XVII вв., ср. примеры из „Карла и Катерины из Жеротина“ и др.). Любопытно, что те говоры, которым известен лок. с предлогом *o* в значении места, сохраняют его именно в том виде, который получил распространение в XVI—XVII вв. (т. е. *o domě = v domě*). Это относится прежде всего к моравским говорам

¹⁸ Ср. и *Švábův biešta*. Далим., 97 (по изд. 1957 г.).

(включая ляхские): *je vo domě, delá vo domě, dělali sme vo lesť, vo dříví, vo hnoji, práca vo hnoji* и др. Bart., II, 288; *o b'lezce seděl'e Francek a karamad*. Там же, 59; *je o domje dycky byva o blisku*. Kellner. Štramb., 94 (ср. соответствующее место в книге Кельнера о восточноляшском наречии) и т. д. Однако другие говоры почти вовсе не знают локативных конструкций с предлогом *o* в местном значении¹⁹.

Не менее широко представлены в древнечешских памятниках локативные конструкции с предлогом *o* в значении приблизительного указания на время действия: *stalo se léta MCCCXLV, w sobotu o suchých dnech adventních*. Výp. pr., 337; ср. *o suchých dnech postních*. Там же, 338; *o suchých dnech letničných*. Там же, 336; *a o těch rocěch, jakož sme w Tyně ... rokowali, ... stalo se...* Dop. zvuk., 322; *vyjel s královnou z Prahy o polední*. Барт. Хрон. Праж. гл., 5, 19; *se stal v tom čase o nešpořtch*. Там же, гл. 2, 12; *o půl noci vzdvihl se jest do Korutan*. Пулк. Хрон., гл. 83; *o swate Katharzinie (bylo)*. Stred. č. list., 120 (1525 г.); *o tom čase velmi trudném ... o tom dni súdném, z něhož pojedú rozděleně sie i oni wňuz po pleně ... Král na lovu*. Šaf. Výb., 175; *Julianus o puol noci ustav odpočíváše*. Gesta Rom. Jireč., IV, 98 (ср. Olom. pov., 81); *o puol noci chce [tě] zabiti*. Olom. pov., 92; *a když bylo ve čtvrtek o puol noci*. Там же, 93; *o novém létě císař sněm veliký stavil*. Лет., 201; *o třech králích do Olomouce vezena byla*. Záp. Žer., II, 87; *o hromnicích vlci v stádech chodili*. Лет., 135; *o tomto čase zítra pošli služebníky*. Бр. Библ. (примеры из Братской Библии взяты в зикмундовском „Синтаксисе“); *i rozšel se lid o polední*. Там же и др. Обращает на себя внимание большая емкость этой конструкции по сравнению с подобными конструкциями до сих пор рассмотренных языков. Легко заметить, что, как и в случае лок. с предлогом *o* в значении места, древнейшие чешские тексты беднее локативными конструкциями с предлогом *o* во временном значении, чем тексты XVI—XVII вв. или некоторые диалектные записи теперешнего времени. Кроме того, в XIII—XIV вв. конструкции с *o* обычно в лок. имеют очень узкий круг слов; довольно редко в лок. выступает сочетание существительного с прилагательным (и то главным образом в названиях праздников). В более поздний период положение меняется. Бесспорно, что и в этих случаях происходила утрата (хотя бы частичная) лексического значения предлога, однако в силу специфичности временных конструкций они не были полностью параллельны соответствующим местным конструкциям²⁰, и с очевидностью проследить процесс нарушения первоначального положения трудно. Однако примеры такого типа, как *Neb dietky o rocě a málem stařjšie biechu*. Далим., 102,

¹⁹ Ср., однако, восточночешские (поленские) примеры, стоящие в связи с моравскими: *ted' sedlák pracuje vo svejch polích* и др. Ноš. (I, 91) видят здесь поленский идиоматизм.

²⁰ Лок. с предлогом *o* в значении места указывает место, вне которого разворачивается действие, а лок. с предлогом *o* во временном значении может указывать отрезок времени, в течение которого происходит действие, подчеркивая лишь приблизительное его приурочение ко времени.

сами по себе достаточно красноречиво говорят об изменении прежних отношений. Современные говоры в достаточном количестве сохранили локативные конструкции с предлогом *o* в значении времени, хотя распределение их по диалектам неравномерно: в Чехии таких случаев немного, в Моравии их число увеличивается, а в Словакии они весьма многочисленны (ср. обилие подобных конструкций в украинских говорах Закарпатья). Укажем ряд примеров: *vo pŕlnoci chtĕla se Popelka vytratiť*. Kub. Подкркон., 106; *a o jedenáctý hodínĕ prišlo zas to malý mužátko*. Kub. Кладск., I, 119; *jednou vo pŕl noci sem šel ze Březový*. Там же, II, 250; *vo svatym Ondřeji sešli se sedláci*. Поленск. Нош., 114; *pásival kolikrát vo pŕlnoci*. Там же, 118; *osiřelo dítě o pŕl druhem létĕ*. Erb. Prost., 467 (несколько отличный от предыдущих случаев, указывающий возраст); *jest li o hromnicích teplo*. Там же, 47; *jest-li o jitřní hvĕzдно*. Там же, 37; *kterak dne přibývá: na boží narození o kuřt pokročení*. Там же, 37; *o puř šestej, o puřnocy, o posviceňu*. Опавск. Lampr., 86; *do desate v nocy přyšli*. Havr., 184; *o štireč u sem poklouzát koňe, o pŕl sestej u sem vijĕť*. Дольск. Bĕlič, 230; *o štirech seša mlatit*. Там же, 234; *o pŕl noci došel k němu trpaslík*. Там же, 242; *o pŕl osmĕj su tam*. Там же, 255; *o dvŕoch, o třech... hod'inách*. Урчицк. Кор., 119 (также: *o vánocích* вм. *na vánoce*; *o této dobje* вм. *tóto dóbo*); *fčera o tym času, o sv. Janĕ*. Kellner. Štramb., 94; *jeden raz — o jarmaku — seč sem kosit*. Мор.-слов. Vážný, 244; *o dvanástej hod'inĕ ... mala vid'ĕť... toho*. Зап.-слов. Там же, 296; *pošoť na faru o pol dzevjatej v'eč'ar*. Спишск. Czamb., 211; *o šestej hodziňe rano prišla*. Там же, 213, 219; *o polnoci ten džadek prišol*. Там же, 245; *o dvanastej zobudziť princa*. Шаршск. Czamb., 283; *višla o dvanastej hodziňe*. Земпл. Czamb., 393; *išel o d'esatej l'ebo o jedenactej*. Оравск. Pauliny, 101; *o dvanact'i rokof som sa trapil*. Там же, 112; *o svite, o hod'ĕx, o Janĕ, o dvanastej*. Stan. Lipt., 409; *o desát'i id'em do d'áru, o jedenást'i hodinách*. Štolc, 181; *o dvanástej o povnoci mladej ňevest'e doč zvezmú vence s hlave*. Ondrus, 201; *o edonácteĕj hod'inĕ už bolo*. Там же, 207; *o uosmeĕj hod'inĕ začal'i hod'it'*. Там же, 207; *potom o d'eviateĕj poprixázal'i*. Там же, 207; ср. также 155, 211, 212, 213, 221, 224 и др. (среди них такие интересные случаи, как: *a po obed'e prĕdu nazad, o dvoč hod'inax*. 212; *a v pondelok o polnoci upadla mi do ňemoci*. Slov. l'ud. P. Polocz., II, 83 и др.²¹ В ряде случаев и литературные варианты чешского и словацкого языков сохраняют подобные конструкции. Заметим, что в качестве конкурирующей конструкции изредка выступает вин. с тем же предлогом: *oces išol ich opatric o tri roki*. Спишск. Czamb., 243; *o paru časi prišl'i ho volac na vešel'e*. Абауйск. Czamb., 335; *вдоп о тіжд'еň прїд'е*. Средне-слов. Vážný, 298 и др. Однако практически конкуренция с соответствующими локативными конструкциями ограничена лишь единичными случаями, так как различия между лок. и вин. с предлогом *o* в значениях, как правило,

²¹ Ср. еще при обозначении времени — *o Janĕ, o Michale* и т. д. См. Е. Паулину, J. Štolc, J. Ružička. Slovenská gramatika. Martin, 1955, str. 285.

очевидны. Кстати, особое распространение вин. с предлогом *o* во временных значениях получил в восточной части чехословацкой языковой области.

Примечание. Выпадение *t* перед *t* следующего слова нужно видеть в примерах типа: *o téj dobi trúst kukuška vajca po cuzích hňtldoch*. Мор.-слов. Vážný, 232; *o tíx čias viac tam nemátao*. Липт. Stan., 496; *až o tech špású a spievu f krku vyšichalo*. Дольск. Bělíč, 247; *chodil s tálerkem, dum o dumu*. Там же, 248; *a o tej dobi ešte nič nehorelo*. Там же, 250; ср. также 251, 252, 256 (дважды) и др., особенно частых в моравских и словацких говорах. См. Bart., Stan. Lipt. и др.

Древнечешские памятники свидетельствуют о существовании в языке еще ряда локативных групп с предлогом *o*, близких по характеру к уже описанным случаям и в большей части случаев несомненно единых по происхождению. Значения этих групп меняются в зависимости от характера глагола и связанного с ним имени в лок. Однако излишняя детализация для наших целей не нужна: она могла бы оттеснить на задний план общие для ряда групп особенности. Поэтому, выделяя как особую группу локативные конструкции с предлогом *o* со значением способа действия, нужно помнить, что в определенных ситуациях целесообразнее было бы говорить о лок. средства деятельности, о лок. состояния, о лок. основания, иногда о лок. с социативным оттенком и т. д. Эта группа в старых чешских памятниках представлена более или менее значительным количеством надежных примеров (по сравнению с другими славянскими языками): *o tom musíš živ býti*. Флашка, NR, 890; *o rybách živ jest*. Велесл. Kal. hist.; *o jednom chlebu živ jest člověk*. Živ. Jež. Kr., 34; *o holi chodí*. Викт. Корн., 23а; *o jedné noze skákal*. К. Poh., 244; *o svémš umě toho neučinil*. Далим., 36; *dva groše mám a o těch chci dojiti domů*. К. Poh., 711; *o suchém listí dobytek chová*. Велесл.; *o blaze bude*. Ян Гус. List., 270 и др. В чешском и словацком литературных языках, а также в говорах некоторые лок. такого рода сохраняются и сейчас: ср. *býti o hladu*, *o své ujmě*, *o samotě*, *o sobě* (ср. *věc o sobě*), *choditi o berlich*; *štěstí o berle se vleče*; *bož som o hlade*, *bol'i zme l'en o xl'ebe a vod'e*; *xod'i o pal'ici*, *o hlad'e a o smed'e nemóže robiť*. Stan. Lipt., 410; *dělej vo svém* и др. Моравск., Bart, II, 288; *děta o svej stravje*, *o svej mocy*, *chodí o brtách*, *pujdem každý o sven*, *žyje o hľade a o vode*. Kellner. Štramb., 94; *tejt' diš už moch chod'it vo bedli a vo húlce*. Юго.-зап. Voráč, 91; *chož'yu o brtách*, *skače o jednej noze*, *robi o hľaz'e*, *ž'yla sem enem o kafeju*. Опавск. Lampr., 86 и др.²² В ряде случаев слово, стоящее в лок., является названием цели действия, указанием на объект, ради которого совершается действие. Чаще всего такого рода лок. выступает при глаголах *jiti*, *jeti*, *choditi* и др.: *Jidáš o jeho smrti chodieše*. Živ. Jež. Kr., 354; *o nemž posly pojeli*. Кн. Rosenb. AP, I, 484; *jdieše o boju*. Алекс., 54; *o dědictwie příšlé*. Андр. D. Šaf., I; *o nás chodiš*. Дух. песни. Напка, V, 62 и др.²³ (ср. *vo nej příšla* и др. Kub. Кладск., 126). Ср. также му-

²² См. F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1951, str. 1277.

²³ „Glossarium bohemoslavicum“ (vyd. V. Vážný, 1937) знает в таких случаях

šeji lidé o pokrmu a o voděou pracovati. Штит. Опат. сб., 334; *a suxém xlebe moseli robit.* Jaz. štúd., II, 346; *každí robi o groši, otec robija o groše.* Stan. Lipt., 410 при более обычном *robi o groš* или даже *robi na groš, pre groš, gu grošu (=ku)*. В современных чешских говорах такого типа лок., видимо, нет.

Весьма устойчивой в чешском языке оказалась локативная конструкция с предлогом *o* в том случае, когда в лок. стоит существительное с числительным, указывающее, из скольких частей состоит предмет (количественно-определяющее значение). Необходимо подчеркнуть, что судьба этой конструкции сложилась в общем так же, как и в предыдущих группах, с той только разницей, что эта конструкция оказалась довольно широко распространенной и — что важнее — продуктивной и даже (в ряде случаев) способной оказать влияние на некоторые другие типы. Если в старых памятниках локативные конструкции с количественно-определяющим значением были немногочисленны и в основном не отличались от тех, которые известны из древнерусского языка (*w zaltarzyu o dessyeti strun pieyte gemu.* Витт. Псалт., 32, 2; *na štítě byl osel o jedné hlavě.* Лет., 213; *da jemu lva o jednom ocasě.* Далим., 48; *bylo přiti o jednom rozě kozlu.* Алекс. Будейов., спис. *Gebauer*, IV, 468; *nádoba o dvou uchách.* Велесл. и др.), то впоследствии эти конструкции получают гораздо более широкое употребление, причем суть этого явления заключалась не только в количественном увеличении, но и в качественном. Дело в том, что в связи с переосмыслением значения предлога *o* в этой конструкции (кстати, она уже в древнейших памятниках была близка к синтаксическому идиоматизму) в направлении сближения его с предлогом *s* в социативном значении решительно изменились возможности этой конструкции: она стала более емкой, способной к выражению многих случаев определения предмета в социативном плане. Довольно рано стали появляться примеры типа: *jsi člověk o malém smyslu.* Ткадл., 2а; *potvora o mnohých hlavách.* Řeh. Нг.; *mlýn o více kolách.* Зар. Žer., II, 128 и др. (ср. также *o-všem*). И хотя в литературном языке они недопустимы, в просторечии и в говорах они весьма употребительны, лишь немногим уступая в этом отношении польскому языку. Для просторечия обычны такие примеры, как *potrubí o nízkém tlaku, tabulka o hladkém povrchu, žárovky o různé svítivosti* и др.²⁴ Притягательная сила подобных примеров велика²⁵. Широкое их распространение заставляет ученых особо огова-

только вин. Ср. *přieti o něco* = про пёсо. 46; ср. *chodili o to k pánu Lvovi.* Лет., 399; *oč by přišel.* Троян. Лет., 102 и др. Такая конструкция была вообще гораздо шире распространена, хотя ее отличие от соответствующего локативного типа остается неясным.

²⁴ Примеры взяты из статьи А. О правила „О předložkách. Nejčastější chyby při užívání jich“. — „Druhé hovory“. Praha, 1947, str. 116—149.

²⁵ В указанной статье Оправил отмечает чрезмерное (*přes míru*) распространение подобных конструкций в тех случаях, где раньше их не было. Между прочим, Оправил считает недопустимым их употребление, если в языке старых памятников они отсутствовали. Но в таком случае он противоречит самому себе, указывая, что рас-

ривать эти случаи в нормативных грамматиках, допуская их лишь в примерах с количественно-определятельным значением. Однако и в этих последних произошел значительный сдвиг (по сравнению с древнечешским языком) от полуидиоматических сочетаний к отчетливо членимому продуктивному типу (*pokoj o jednom okně, dům o třech patrech, armáda o osmi milionech vojáků, veselohra o třech jednáních, rodiny o třech a více členech, mlýn o několikerém složení* и т. д.). В ряде говоров в подобных случаях решительно предпочитается аккумулятивная конструкция. Особенно это относится к восточнословацким говорам (ср. *jeden o pejc hlavi, druhi o dzešec a treci o petnac*. Абауйск. Czamb., 346 и др.). Отметим характерный для чешского языка лок. „отношения“²⁶, известный уже в старых текстах: *již jest velmi zle o tobě*. Antol., I, 74; *synu swému o tom o všem poručil*. Psaní Vil. Pernšt. (1520) AP, I, 84; *jest velmi zle o tobě*. Град. рук., 130 в; *jakž jest o něm*. Там же, 36а; *pověz pravdu kterak jest o těch šatech*. Кн. svěd.; *o něm král... rady klade*. Далим. Доп., 2; *těž jest i o naději*. Ян Гус. Пост., 421; *druhé jest o věcech přítomných*. Ян Гус. Výkl., I, 5 и др.²⁷ Наряду с этим существовала и конструкция вин. с предлогом *o* (ср. *jde o něco, co je o to* и др.). Даже в старых текстах указанные локативные конструкции не являются чем-то единообразным: очевидны связи с другими типами лок. с предлогом *o*, прежде всего с группой случаев, обладающих изъяснительным значением.

Как и в большинстве других славянских языков, наиболее употребительным является лок. с предлогом *o*, стоящий в тесной связи с определенными глаголами и имеющий изъяснительное (в широком смысле слова) значение. Дальнейшая судьба подобных локативных конструкций представляет значительный интерес ввиду конкурирующих аккумулятивных конструкций (в том числе с тем же предлогом). Ни в одном из славянских языков это явление не представлено с такой полнотой и притом с такой непоследовательностью. Между прочим, среди локативных конструкций рассматриваемого типа намечаются некоторые заметные расхождения между чешским и словацким языком (в первую очередь это относится к кругу глаголов, выступающих в связи с лок. с предлогом *o* в изъяснительном значении). В старых чешских памятниках лок. с предлогом *o* в тесной связи с глаголом образует несколько групп, различия между которыми определяются различиями в глаголах, входящих в состав этих групп. Практически целесообразным представляется выделение следующих категорий случаев лок. с предлогом *o*: 1) при глаголах, выражающих речь, пение, чтение, писание, слушание и т. д.; 2) при глаголах, выражающих процессы мышления, познания; 3) при глаголах, выражающих чувства (горестные по преимуществу); 4) при глаголах

сма^триваемые конструкции допустимы лишь тогда, когда они обозначают „rozsaň nebo velikost alebo množství něčeho“, стр. 123. Однако язык старых памятников знал, собственно, лишь последний тип. Ср. также F. Trávníček. Mluvn. spis., č. II, Praha, 1951, str. 1277.

²⁶ „Vztah volnější“. См. Fr. Kott. Česko-německý slovník, II, str. 200.

²⁷ Ср. совр. *platiti o něčem* и др.

волеизъявления; 5) при глаголах, выражающих заботу, внимание, и, наконец, 6) при глаголах, имеющих значение 'договориться', 'советоваться', 'сойтись в мнениях' и др.

1. Первая группа наиболее употребительная и, пожалуй, менее всего подверженная изменениям. Не считая того, что некоторые старые глаголы вышли в современном языке из употребления, и того, что появился ряд новых глаголов, не встречавшихся в древних памятниках, можно сказать, что рассматриваемый тип локативных конструкций представлен сейчас приблизительно в том же виде, что и в XIII—XIV вв. Приведем ряд примеров из старых памятников: *o niž syn boží mluvíše*. Далим., 30; *o nichž mrzko i mluviti*. Штитн., I, 8; *mluvě o súdném dni*. Штитн., I, 23; *mluví o svatě trojici*. Штитн., I, 25; *o těch mluví*. Штитн. Там же, 27; *o tom chci mluviti*. Штитн. Там же, 27; *o nichž sem již pomluvil*. Штитн. Там же, 53; *chci o něm najpro pomluviti*. Штитн. Там же, 61; *něco o každém stavu pomluviti*. Штитн. Там же, 118; *o tom sem mnoho mluvil*. Штитн. Там же; 179; *k nemu sě o mně wzmluvila*. Desat. káz. Град. рук. Šaf., 247; *jmu o súkně wzmluví*. Там же, 255; *o ješitných věcech mluvíce*. Živ. Jež. Kr., 353; *o ní nechci wiece mluviti*. Флашка. NR, 881; *o tom wiece mluviti nechci*. Андр. Д. Šaf., 1006; *dále o tom mluviti*. Psaní Sigm. 1414—1437, AP, I, 6; *o něm i o jeho zemi nebylo mluweno*. Там же, 10; *o lidech... mluwili*. Там же, 9; *o své věci... rozmluwiti*. Там же, 43; *o ženách zle nemluvil*. Markolt, 102; *mluveno gesto o súdu zemském*. Викт. Корн., кн. 4, гл. I, Čas. Mus. 1863, 13; *mluvě o božských ustavených a o kostelných*. Jan. Příbr. Erb. Výb., 420; *povedieti o tom*. Штитн., Там же, 25; *jakž o tom dále každým povědě něco*. Штитн. Там же, 60; *o ní nic dobrého nepovědie*. Штитн. Там же, 103; *povědieti o nich*. Штитн. Там же, 240; *powiz o swých dietkách*. Сат. о ремесл., 211; *powiem o tom*. Там же, 221; *o tej vem divně povědě*. Далим., 18; *o nemž wám powěst powědě*. Desat. káz. Град. рук., 233; *o kupcích také powědě*. Там же, 255; *chci powědieti o dědicewi slowenském ciž o Prokorowi swatém*. Лег. Прок., 181; *co o kom powědieno*. Альб. Вел. Кн. мр., 349; *powiem o těch wšech zmatciech*. Андр. Д., 993; *byl o sobě řekl*. Штитн., 2; *o němž jest řekl Kristus*. Штитн., 54; *o těch jest sám Kristus řekl*. Штитн., 144; *o tom riekáme*. Ян Гус. Пост., 4; *řka o panně Marii*. Jan. Příbr., 415; *protož o Bohu měli by sobě rozprávěti*. Штитн., 112; *o tobě rozpráví*. Markolt, 82; *o tom navštieveň die*. Ян Гус. Пост., 3; *o nichž die David*. Там же, 321; *o nich die spasitel*. Там же, 322; *o nich Buoh di*. Пост. Хельч. Erb. Výb., 638; *di o této věci*. Велесл., Erb. Výb., 181; *o nichž die sv. Řehoř*. Jan. Příbr., 423; *o nichž praví svatý Pavel*. Штитн., 40; *pak o všedkých hřiešiech praví*. Штитн. Там же, 243; *o tom bylo by mnoho prawiti*. Лег. Прок., 5; *o týchž praví hospodin*. Альб. Вел. Кн. мр., 349; *o niež žádný toho newyprawil*. Флашка. NR, 857; *o tom prawiti*. Он же, R. otce, 914; *ktož mi o lepšiem bydlu prawí*. Он же. Podk., 944; *o něm prawili*. Доп. звик. 1458—1477 г., I, 228; *o spasiteli našem praví toto čtenie*. Ян Гус. Пост., 1414, 402; *prawiti o onom životu věčném*.

Ян Гус. Výkl., 41; o tom mistr Ipokras praví. Léčít., 450; počal jest jim praviti o všech věcech. Сольф., 472; praví o chudém Lazarovi. Пост. Хельч., 629; o kterémžto trhu... wyprawowati budu. Викт. Корн., гл. 3, 19; o tom vypravoval. Комен. Корр., II, 2; opowiedati ... o stawování. Кн. Rosenb., 474; o Jesu Kristowi kázal. Živ. Klim. Šaf., 282; wzkazowali o naše zemi i koruně. Psaní Sigm., 10; o tom ... rozkázati. Доп. звик., 229; neb jest prorocstwie o Českých kniežetiech dávno prorokováno. Živ. Jiř., 311; o mých předcích ... sě... nedoptá. Psaní Vil. Pernšt. 1520, AP, II, 72; pytati o všem. Олом. Библ. Экклез., 1, 13; i tázal sem jeho o tom. Доп. таб. 1441—1447, AP, I, 359; o tom pilně tázal. Sedmn. psaní, 269; o smutčě jeho otázá. Desat. káz. Град. рук., 243; aby sě o českej prosbě nic netázal. Далим., 99; o mých sloviach propovědie. Алекс., 2; o nich zpievati budu. Штитн., 65; ale ne o tom zpievajte. Штитн., 112; zpiewaji o smilstwie piesni. Desat. káz. Град. рук., 236; a o tom z mrtvých vstání slavíme dnes den svatý veliký. Ян Гус. Пост., 134 (с преобладанием причинного оттенка); čta o Bohu. Штитн., 5; o němž se ... čte. Штитн., 10; čti o božiem městu knihy svatého Augustina. Штитн., 7; o něm w knihách čtemy. Лег. Прок., 181; jakž sě čte o Rulantovi. Далим., 50; čisti ... o rozliczných dvorných zemiech. Markolt, A, 157a (ср. постоянное в Оломоуцких рассказах начало типа: čte sě o jednom bohatém člověku... 46 и т. д.); o blaženém muži psano. Штитн., 4; napsal o čistotě trojiego stavu. Штитн., 60; o tez pissi. Stred. č. list. (1468—72), 21; o ní počnem psáti. Альб. Вел. Кн. мр., 345; o němžto tuto psáti nechci. Андр. Д., 973; a o zemanech jakož píšeš. Доп. звик., 228; budu o JM^u rozpisowati. Там же, 322; o této ženě ... napsal. Markolt, 75; o jiných rozpisovali. Барт. Хрон. Праж., гл. 21, 71; o těch věcech něco napsal. Комен. Корр., I, 1; o tom píšem. Psaní Sigm., 10; o něm posluchaly. Штитн., 37; slyšeti o tom drahém vezdajšiem chlebu. Там же, 53; o tomže slyssycim. Stred. č. list. (1478), 27; o tom dobře uslyšite. Лег. Прок., 181; o sobě slyšeti. Алекс., 5; slyšaw mši swatú o swaté trojici. Пулк. хрон., гл. 73; Což sem o něm sleychal. Zbyt. č. písní. Čas. Mus. 1879, 54; slyšel sem o tobě. Markolt, 76; o našem Slezsky nic neslyšeti. Карл Жер., 140; o WM^u nic neslušného slyšal. Доп. звик., 323; o němž o všem tuto mlčím. Андр. Д., 973; o duchovních skutciech nás učiti. Živ. sv. otc., 142b; o věcech pomínulých wyučiti. Велесл., 177; o věčnosti naučil. Лег. Петр., 268 и др.

Сюда же относятся многочисленные случаи приименного употребления лок. с предлогом о, которые, по существу, ничем не отличаются от приведенных приглагольных случаев²⁸ лок. с предлогом о в заглавиях²⁹, а также ряд локативных примеров при глаголах, которые наряду с собственно изъяснительным значением обладают и некоторыми иными

²⁸ Ср. также лок. с предлогом о при выражениях: klásti lest, činiti zprávu, soud, radu и т. д.

²⁹ Единственное отличие заключается в том, что в заглавиях лок. с предлогом о в старых текстах иногда чередуется с род. с предлогом od (особенно часто у Далимилы).

оттенками, смыкаясь в известных случаях с другими локативными группами. Нами приведено большое количество примеров лок. с предлогом *o* в собственно изъявительном значении, взятых из памятников различных жанров и различного содержания, различных по своей диалектной основе и по времени написания (в пределах четырех веков). Это сделано не случайно. Дело в том, что в тех же самых памятниках, как, впрочем, и в дальнейшей истории чешского и словацкого языков, встречаются довольно часто вместо локативных конструкций с предлогом *o* аккумулятивные с тем же предлогом; в тех же ситуациях и без видимого различия в значениях. Это явление известно и в других славянских языках, однако нигде оно не получило такого распространения, как в чешском и словацком языках (обычно аккумулятивные конструкции закрепляются при определенных глаголах, не входящих, строго говоря, в рассматриваемую сейчас группу). Поэтому лишь сопоставление значительного количества аналогичных локативных и аккумулятивных конструкций может дать некоторые основания для предположений о различии между ними. Приведем ряд примеров вин. с предлогом *o* при глаголах описываемой группы, из тех же памятников: *o to mluviti*. Ткадл., 629; *o to mluviechu*. Živ. sv. otc., 199a; *o to mezi sobá mluviechu*. Там же, 45; *o to pomluváchu*. Там же, 319b; *promluv o to...* AP, II, 87; *a pakliby sě o to smluviti nemohli*. Řád zem. (1348—1355) AP, II, 42; *mluvíc se mnou o to, abych ji zabil*. Oberpf., 57; *že s ním o to Funda mluvil, aby...* Там же, 57; *poručiti rozmluviti o další rok*. Комен. Korr., II, 3; *o ty věci s ním uplnějie rozmluvíme*. Psaní Sigm., 18; *o své věci všechny budeš moci rozmluviti*. Там же, 43; *a o to jsem já JM⁴ dosti mluvíwal*. Psaní Vil. Pernšt., 76; *o tu věc mluvil*. Там же, 83; *o to s nimi mluvil sem*. Dop. zvik., 227; *o to ustně mluviti*. Там же, 228; *o se i o ně mluviti*. Там же, 228; *nemá o to býti mluveno*. Кн. půh., I, 209; *o takovou věc s ním mluvil*. Výp., kn. svéd., XII. Čas. Mus., 1863, 311; *o to měli pomluvenie*. Алекс., 12; *umluwa o řády obecni*. Záp. praž. (1428), 220 (ср. также нередкие конструкции типа *mluviti to*); *já o to praví vám*. Tristr. Hanka, IV; *o ty věci rozkázali*. Nejst. list. č. Václ. (1394—1404) AP, I, 66; *o les Dobronicków tak Táboři řekli*. Dop. táb., 388; *chceme sami o to wyrieči*. Nejst. list. č. (1386. 6. XI) Šaf., 1018; *také wypowiedáme o ty dluchy*. Там же, 1019; *má o to potaz snadný*. Алекс., 3; *o to potáza*. Там же, 11; *o to ... tázal*. Záp. osób. (1398—1428) AP, III, 272; *o to potaz jměchu*. Tristr.; *o to nejsem tázán*. Андр. Д., 973; *piší o všecky věci*. Андр. Д., 1003; *jenž mi pissete o Pawla*. Slov. listy, Varsík, 107 (1512); *yak pyssete o kneze Ondreya (!)*. Там же, 224 (1541); *jakož mi pišete o jakéhoš pana Bohuslava*. Psaní Vil. Pernšt., 79; *píšeš o toho lotra svého*. Там же, 78; *píše o ta zástie*. Dop. zvik., 321; *neb sem o to často psal*. Там же, 322; *psali o pana Petra Zmrzlika*. Там же, 322; *o takovou věc ... slyšeti ráčíte*. Барт. Хрон. Праж., гл. 36, 114; *přednašel o statek*. Záp. Žer., II, 107 и др. Сюда же относятся и частые вин. с предлогом *o* в заглавиях (безглагольных). Определить употребительность подобных конструкций в самых ранних чеш-

ских памятниках крайне трудно из-за недостатка материалов. Однако с уверенностью можно сказать, что в XIII—XIV вв. их было меньше и сфера их распространения была уже, чем в памятниках XV—XVI вв., когда аккумулятивные конструкции с предлогом *o* в данных ситуациях были, пожалуй, распространены более широко, чем когда бы то ни было. Бросается в глаза и другая особенность аккумулятивных конструкций с предлогом *o*: они, как правило, чаще всего встречаются в текстах деловых стилей, что характерно и для других славянских языков, имеющих подобную конструкцию. Бесспорно, что распространение в указанный период в памятниках делового содержания вин. с предлогом *o* отражает живой процесс, имевший место и в других случаях, но, надо думать, начавшийся там несколько раньше. Данные современных говоров Чехии, Моравии и Словакии в большей степени, чем чешский и словацкий литературные языки, сохраняют результаты этого процесса. Тенденции к дифференциации, с одной стороны, и к унификации одинаковых или предельно близких по значению случаев, с другой стороны, действующие с особой последовательностью в литературном языке, в значительной степени затемнили то состояние, которое зафиксировано в памятниках XV—XVI вв. Кроме того, и данные этих памятников недостаточны для выяснения различий между локативными и аккумулятивными конструкциями с *o* при глаголах говорения. Наличие обеих конструкций в совершенно одинаковых условиях и при очевидном тождестве значений в тексте одного и того же памятника заставляет предположить известную свободу в их употреблении. Поэтому более целесообразным представляется говорить лишь о некоторых направлениях при дифференциации этих конструкций, помня, что для XV—XVI вв. ни одно из этих направлений не было выдержано с последовательностью. Прежде всего следует отметить, что больше половины встретившихся нам локативных конструкций с предлогом *o* при глаголах рассматриваемой группы в XV—XVI вв. выступает, собственно говоря, не как объект при глаголе, а как определение объекта, уточнение его, конкретизация. С другой стороны, аккумулятивные конструкции с предлогом *o* в соответствующих случаях выступают, кажется, исключительно в виде объекта в непосредственной связи с глаголом. Следовательно, типичным является такое положение: *mluviti něco o tom*, но: *mluviti o to*. Разумеется, что это лишь наиболее общая формула распределения лок. и вин. с предлогом *o* при глаголах говорения, так как известны и случаи типа *mluviti o tom* и др. Между прочим, можно заметить, что иногда лок. с предлогом *o* выступает как объект при глаголе, но в таком случае обычно глагол определяется и иначе, например, *mluviti dlouze o tom*, *psáti přesně o tom* и т. д.

Весьма часты случаи, когда при бесприставочных глаголах выступает лок. с предлогом *o*, а при приставочных — вин. с тем же предлогом (по формуле: *mluviti o tom* — *promluviti o to*). Однако причина подобного разграничения, видимо, глубже: она, кажется, кроется в семантике глагола, зависящей в свою очередь, разумеется, и от наличия приставки или ее отсутствия. В этой мысли утверждает нас тот факт,

что глаголы с наиболее грамматикализованными и наименее самостоятельными в лексическом плане приставками ведут себя так, как бесприставочные глаголы (т. е. при них выступает лок. с предлогом *o*): ср. *promluviti o tom*. Кроме того, из приведенных выше примеров видно, что лок. с предлогом *o* предпочтительно употребляется в связи с глаголами, изъяснительное значение которых выступает в наиболее чистом виде, тогда как вин. с предлогом *o* чаще употребляется при глаголах, изъяснительное значение которых или менее явно, или сопровождается некоторыми другими оттенками: ср. в этой связи решительное преобладание аккузативных конструкций при других глаголах (*prositi, starati se, míti peči, dbáti, ukládati, žádati, modliti se, snažiti se, pokusiti se, volati, jednati* и др.).

Наконец, в некоторых случаях можно предполагать, что лок. с предлогом *o* отличался от вин. с тем же предлогом в том отношении, что последний обозначал цель действия, в то время как лок. с предлогом *o* этого значения не имел: *mluviti o tom, mluviti o to* (= за то). Однако в XV—XVI вв. такое противопоставление было развито слабее, чем сейчас, когда разница между типом *mluviti o míru* и типом *mluviti o mír* очевидна (Kott, II, 199). Впрочем, этот путь дифференциации между обеими конструкциями весьма близок к предыдущему (правда, сферой проявления различий здесь является не глагол, а имя в лок. или в вин. с предлогом)³⁰. Относительно принципов распределения локативной и аккузативной конструкций в современном литературном чешском языке существуют подробные указания (с соответствующими примерами) в книге В. Шмилауера³¹, соответствующий материал по словацкому языку (в том числе и по говорам) также собран. Поэтому, а также ввиду того, что подробное исследование данного вопроса в современном языке не входит в наши задачи, ограничимся лишь указанием на то, что в современном чешском и словацком языках круг глаголов, при которых выступает лок. с предлогом *o*, сильно расширился, в результате чего произошли сближения между отдельными локативными группами, намеченными нами для старочешского периода.

2. Укажем некоторые примеры локативных конструкций с предлогом *o* при глаголах, выражающих процессы мышления, познания и т. д., взятые из старых чешских памятников: *o tom všem hlúpi lidé mysle. Živ. sv. otc., 1b; o tomto světu myslíj.* Там же, 120; *chci pomyslíti o tom.* Там же, 491a; *pomyslí o mně.* Град. рук., 131в; *o tom múdře a úžitečně přemýšlévajte.* Штитн., 6; *o tom myslí.* Там же, 36; *o tom budete mysliti pilně.* Там же, 37; *o každém zoláště pomyslme slovu.* Там же, 46; *a vždy myslé o nich.* Там же, 63; *pomyslív o tom.* Там же, 72; *o duši pomyslíli.* Там же, 108; *jedno ty pomyslí o mně.* Сат. о ремесл., 219; *nepomyslíši o sobě.* Desat. káz., 256; *nemysl'...o tom.* Алекс., 22;

³⁰ Нельзя не упомянуть и о развитии особых конструкций типа *ptáti na* + вин., существовавших уже в старочешских памятниках, но получивших широкое распространение позже.

³¹ V. Šmilauer. *Novočeská skladba.* Praha, 1947, str. 228—230. См. также F. Trávníček. *Mluvn. spis., č. II,* str. 1275—1276.

i pomysli o tom nemálo. Trist.; *zle o tobě mysl'e.* Лер. Петр., 275; *zde ráda o něm myslí.* Ян Гус. Výkl. Šal., 26; *co o tom smyšleti.* Комен. Korr., СХСII, 214; *až teskno o tom mysliti.* Сольф., 473; *o sobě mysliti máme.* Велесл., 175; *známost' o něm jmáme.* Штитн., 26; *o rybníce... wyznávají.* Nejst. list. č. (1384), 1012; *aby vyznával o Janovi Hlasovi.* Барт. Хрон. Праж., гл. 21, 72; *oznámil o tom.* Там же, гл. 1, 123; *málo o sobě znáti dávajíc.* Комен. Korr., ССII, 226; *o turnejich vědě.* Штитн., 166; *ješče o nich vědě mnoho.* Desat. káz., 242; *o poběže nevědu.* Алекс., 43; *věděl o snopě... věděl o cepu.* Там же, 54; *o tom upěšení nic newie.* Пулк. Хрон., гл. 78; *newěděl nic o tomto uložení.* Trist.; *o tom jiní neměli věděti.* Psaní Vil. Pernšt., 73; *ale o těch jistě já newím.* Там же, 83; *jest svědomo o tomto o všem.* Záp. Štern. (1386—1432) AP, I, 142; *věděl-li by co o jejim muži.* Olom. pov., 40; *o těch tak jest rozuměti.* Штитн., 24; *o těch pak válkách tak rozumiem.* Там же, 166; *o svém umučení srozuměw.* Лер. Петр., 281; *o pokoji take nerozumie.* Флашка. NR, 872; *o pánu Bohu právě rozumějí.* Ян Гус. Výkl. Šal., 12; *domnievaj se o Augustinovi.* Ян Гус. O šesti blud., 227; *o tom svém příchodu často napomínal.* Ян Гус. Výkl., 20; *připomínal o tom člověku.* Кн. svěд.; *pochybujice o jeho z mrtvých vstání.* Ян Гус. Пост., 26; *o tom nepochybujl.* Барт. Хрон. Праж., гл. 2, 11; *o ranu Kustošovi pochybují.* Комен. Korr., II, 2; *o kom uweřiti.* Андр. Д., 974; *věřiti o té věci.* Ян Гус. O šesti blud., 214; *viera naše jest o provdách budúčich.* Ян Гус. Výkl., 5 и др.³²

Как и в предыдущей группе, среди конкурирующих типов были распространены аккузативные конструкции с предлогом *o*, употреблявшиеся приблизительно в тех же условиях, что и в первой группе. Укажем ряд примеров: *mysliti o jiné lide.* Psaní Sigm., 16; *o to mnoho myslil.* Барт. Хрон. Праж., гл. 1, 10; *o to myslil.* Přem. Otak. Čas. Mus., 1828, 53; *o to... smayšleje.* Гаек.; *swedomy o ten dom.* Stred. č. list. (1479), 29; *také o rád kněžský wiemy.* Psaní Sigm., 7; *wěděti o tu při.* Záp. osób. (1398—1428), 272; *atbychme se o to dowedowali.* Stred. č. list. (1485), 55; *o to upomina.* Там же (1480), 38; *o ty věci toho nezpomnati.* Záp. praž., 192, 193 и др. Постоянно употребляется вин. с предлогом *o* при глаголе *souditi*, в ряде случаев близком к глаголам этой группы³³.

Однако не этой конструкции суждено было сыграть основную роль в дальнейшем развитии предложно-падежных оборотов при указанных глаголах. Она выпала на долю вин. с предлогом *na* (особенно у таких глаголов, как *mysliti*, *zpomínati*, *patatovati*, *zarotněti* и др.).

Подобная конструкция, известная еще в XIV—XV вв. (*romniž na ny.* Штитн., 68; *romni na to.* R. otce. Hanka, V, 153; *na takom věc pomysliti.* AP, I, 70; *na to wždy myslili.* Там же, I, 15; *a také na nich*

³² Ян Гус в „O šesti bludích“ пытается определять различия в значении между этой и некоторыми другими конструкциями: „V boha věřiti“ jest vieru majice boha najviese milovati; ale „o bohu věřiti“ jest, pismo, jenž o něm jest, za pravé mieti; a pak „bohu věřiti“ jest, vše což boh die, za pravdu mieti. 214.

³³ Ср., однако, такие случаи, как *saud činite o věsеч.* Комен. Korr., СХСII, 214.

znám. Там же, I, 229; *potní na to*. Сольф., 486; *pomyslte na to*. Алекс., 32; *vzroměň na mě hriešneho*. Град. рук., 91а; *vzroměň na mě*. Витт. Псалт., 24, 7; *potní na to*. Modl. leg., 23в и др.), особое распространение получила в дальнейшем, став при указанных глаголах основной, особенно в словацком языке, где примеры лок. с предлогом *o* очень редки в этих случаях, если не считать восточнословацких говоров, которые в этом отношении сходны с украинскими говорами (см., например, у Цамбея 215, 269, 278, 465 и др.), и отдельных случаев в других говорах (ср., например, отсутствие вин. с *na* при глаголе *zabudnuť* в липтовских говорах и др.³⁴). Несколько чаще лок. с предлогом *o* при глаголах типа *mysliť* в чешском языке, хотя и здесь вин. с предлогом *na* преобладает³⁵. С другой стороны, некоторые глаголы из этой группы (например, *vědět*³⁶, *znáti*, *rozumět* и др.) прочно удерживают при себе локативную конструкцию.

3. Малочисленны в старых текстах случаи употребления лок. с предлогом *o* при глаголах, выражающих преимущественно горестные чувства (эта группа случаев близка к первой): *ač ne ovšem túž*. Штитн., 34; *o príkrovi čo sobě stýskáš?* Desat. káz., 251; *že se o tomto hněváte*. Алекс. Индржих. спис., 69; *až teskno o tom*. Сольф., 473; *ale o přihlaveníem dluhu... jest žaloba*. Андр. Д., 981; *zeloval o tom*. Велесл.; *o zemi velmi sů plakali*. Olom. pov., 35—36 и некоторые другие. Учитывая разнородность отдельных примеров и часто недостаточную доказательность их, а также тот факт, что в старочешских памятниках нам не встретились надежные случаи лок. с предлогом *o* при таких глаголах, как *plakati*, *toužiti*, *trápati se* и др., можно бы было не выделять эти разрозненные примеры в особую группу. Однако, принимая во внимание, что в более ранние периоды подобный тип был представлен несомненно шире, и то, что в отдельных случаях он сохранился и до сих пор (ср., например, обычные в словацком языке *plakat' o niekom*, *bát' sa o niekom*, *trápiť sa o niekom* и т. д., изредка встречающиеся и в чешском), приходится особо отметить вышеприведенные примеры (тем более что исследователи, указывая при этих глаголах вин. с предлогами *o*, *za* и *na* и лок. с предлогом *o*, не отмечают примеры лок. с предлогом *o*).

4. Столь же редки и примеры лок. с предлогом *o* при глаголах следующей группы: *prosym o tych*. Kr., 12; *o práwiech, o svědomí, o dskách, o úřednicích dobrú a jistú naději maje*. Викт. Корн., II, 36; *o němž mám naději*. Ян Гус. List., 288; *o němžto se vel'mi priechu*. Алекс., 18; *modlil se o něm*. Živ. sv. Otc., 212 и др. Эти примеры выглядят исключениями среди обычных конструкций вин. с предлогом *o*

³⁴ В языке старых словацких писателей лок. с предлогом *o* в этих случаях сохраняется лучше. Так, у Фандля (*Pilný domajší a pol'ni hospodár*, 1792), Я. Ботто (*Smrt' Jánošíkova*, 1847) при *zabudnuť* и *zamätat'* преобладает лок. с предлогом *o* (ср. *aby som zabudol o vaškej nevoľi*. Ботто).

³⁵ Впрочем, в языке некоторых современных писателей положение несколько иное.

³⁶ Ср., однако, еще в XV в.: *o ten statek... viedieti vam davame*. Slov. listy. Varsik, 93 (1483).

или лок. с предлогом *po*, решительно преобладавших и в старых памятниках и в современном чешском и словацком языках (в литературных вариантах и по говорам). Ср. соврем. чешск.: *dychtiti, bažiti, toužiti, prahnouti, žizniti, lačněti*, словацк. *dychtyť, bažiť, tažiť* и др., при которых обычно выступает лок. с предлогом *po*, или чешск. *žádati, prositi, modliti se, přičinili se, žadoniti, ucházeti se, pokusiti se, usilovatí, snažiti se* и др. и соответствующие словацкие глаголы, связанные с вин. с предлогом *o*³⁷.

5. В ряде случаев эта группа тесно связана с локативными конструкциями при глаголах, выражающих заботу, внимание. Однако в этой категории случаев в старых чешских памятниках преобладает лок. с предлогом *o*: *o swém mistře niče netbáš?* Маст., 69; *o jiném nic netbaje*. Далим., 29; *o tobě netbají*. Там же, 35; *nebo o něm wiece tbaji, než o duši i o božě*. Desat. káz., 233; *o tělu, duši netbaju*. Там же, 239; *a o svatei mši netbají*. Там же, 236; *o nich welmi málo tbaji*. Там же, 237; *netbají o krásném loži*. Там же, 262; *svoji o něm nepodbacu*. Алекс., 4; *dbajú o múdrosti*. Там же, 6; *ni o něm již dbají svoji*. Там же, 43; *měj péči o sobě*. Далим., 9; *vsak takú má péči o těle*. Штитн., 6; *snažnú péči o něm jmieti*. Лег. Прок., 183; *o něm všeccko zlé pečujíce*. Алекс., 56; *kdež bě péče ne o domu*. Там же, 59; *majúc péču o komoře*. Там же, Индрж. спис., 62; *o nás jako o swých syniech péči měla*. Лег. Петр., 271; *o twé dobré rádi pečuji*. Флашка. NR, 887; *pilnau péči o sobě mti*. Psaní Vil. Pernšt., 72; *peču bych o duši jměla*. Мар. Čas. Mus. 1879, 121; *máme péči mieti o dušech*. Пост. Хельч., 637; *nestaráme-li se o lékaře a zdrawí*. Велесл., 176; *pomáhali o těch o všech wěsech*. Václ., I, 58; *poče o něm mieti prací*. Gesta Rom. Jireč., II, 94. Сюда же, может быть, следует отнести лок. с предлогом *o* при глаголе *státi* (хотя гораздо чаще здесь выступает вин. с тем же предлогом).

Наряду с этим ср.: *o to pilně tbáti*. Флашка. NR, 878; *majíce velikú péči o platy a o tělestné potřeby*. Ян Гус. Пост., 50; *pečlivá jest o zdraví muže svého i o čeled svou*. Markolt, 100; *způsobie o všech rádích... i o wše wšicknu prawdu*. (так!). Nejst. list., č. (1394), 1032; *sam sie o to staraj*. AP, II, 31 и др. Лишь со временем аккузативные конструкции стали здесь единственно употребительными³⁸, разделив общую судьбу с предыдущей группой и с соответствующими случаями в ряде других языков (прежде всего западнославянских).

В заключение разбора локативных (с предлогом *o*) групп при глаголах, стоящих в тесной связи с ними, укажем на еще один, представленный в старочешских текстах лишь несколькими отдельными случаями, тип конструкций, являющийся при глаголах со значением 'договориться', 'сойтись во мнении', 'разойтись во мнении', 'советоваться' и др.: *o tom jednati se*. Пулк. Хрон., гл. 32, 49, 64, 87; *o všem se s nim sejdu*. Далим.; *o tom zjednáme*. AP, III, 122; *o něm se raditi*. Přem. Otak.;

³⁷ Примеры типа *což na nich žádáte*. Desat. káz., 248 и др. в старых памятниках реже, чем вин. + *o*. К тому же они не образовывали конструкций с тесной связью.

³⁸ Исключения встретились нам лишь в говорах. Ср., например, *já o něj nedbám*. Erb. Prost., 217 и др.

o čem jsi ustanovil. AP, II, 314 и др. Некоторые случаи подобного рода встречаются и сейчас (ср. лок. с предлогом *o* при чешск. *smluviti se, domlouwati se, raditi se, dohodnouti* и др., словацк. *radit'sa, shovárat'sa, shodnúť'sa* [более обычная конструкция при этом глаголе лок. с *na*] и др.). Однако локативные конструкции с предлогом *o* при этих глаголах, видимо, обязаны своим происхождением аналогии с некоторыми другими типами (в части случаев с первой группой). Во всяком случае, в современных чешском и словацком языках лок. с предлогом *o* является при тех глаголах, которые в старых памятниках или не встречались вообще, или имели при себе другую предложно-падежную конструкцию (исключение представляет лишь лок. с *o* при глаголе *raditi se*, дважды встретившийся нам в старочешских памятниках). С другой стороны, приведенные нами примеры локативных конструкций с предлогом *o* при указанных глаголах единичны; более употребительными были конструкции вин. с предлогом *o* и (реже) лок. с предлогом *u*.

Мы остановились на рассмотрении лок. с предлогом *o* при известных глаголах в чешском языке гораздо подробнее, чем делали это до сих пор при рассмотрении соответствующих случаев в других славянских языках. Дело в том, что чешские тексты XIII—XVII вв. дают возможность с большой подробностью проследить взаимоотношения между локативными и иноподлежащими конструкциями при глаголах говорения, мышления, заботы и т. д., установить относительно позднее распространение вин. с предлогами *o* и *na* там, где был лок. с предлогом *o*, выяснить первоначальный раздел в значениях и — шире — в условиях употребления этих конструкций, определить хотя бы в самом общем виде относительную хронологию распространения падежных конструкций, конкурирующих с лок. с предлогом *o*, при глаголах. Раньше всего они возобладали в третьей, четвертой и шестой группах, где в начале письменной эпохи лок. с предлогом *o* уже крайне редок, а в дальнейшем или полностью исчезает, или получает некоторое распространение в связи с очевидными аналогическими влияниями; расширение сферы применения вин. с предлогом *o* (и некоторых других конструкций) и сужение употребления лок. с предлогом *o* в пятой группе (при глаголах, выражающих заботу) имело место уже в первый период письменной истории чешского языка (сначала преобладание локативных конструкций, потом — аккузативных, а затем и окончательное вытеснение первых последними); локативные конструкции первой и второй групп оказались наиболее устойчивыми и в общем сохранили первоначальную сферу своего употребления, однако и они подверглись некоторому влиянию аккузативных конструкций, которое, впрочем, сразу же было локализовано на определенных случаях, не затрагивая большей части примеров.

Из вышеприведенных материалов видно, что лок. с предлогом *o* в истории чешского и словацкого языков оказался более устойчивым при глаголах с собственно изъяснительным значением и гораздо менее стойким при глаголах, значение которых было осложнено иными оттенками. Некоторые различия в этом плане между чешским и словацким

языками дают лишние основания для отнесения этого процесса дифференциации к относительно позднему времени.

Примечание. Разумеется, указанными примерами не исчерпываются все случаи лок. с предлогом *o* при глаголах. В старых памятниках круг глаголов, при которых выступал лок. с предлогом *o*, был гораздо шире, чем впоследствии и, следовательно, круг значений также был многообразнее, причем нередко встречались случаи, когда трудно было с уверенностью отграничить по значению одну конструкцию от другой. Укажем некоторые глаголы, при которых в старых памятниках иногда выступал лок. с предлогом *o*: *lahoditi, klasti lest, míti trud, míti práci, zaváditi, kliditi se, znamenati, pracovati, losovati, hašteřiti se, upraviti, opustiti, činiti* и др.

Локатив с предлогом *po*

Остановимся теперь на случаях лок. с предлогом *po*. В отношении этой конструкции чешский и словацкий языки показывают в общем ту же картину, что и польский. Даже в частности наблюдается немало совпадений между данными этих языков. Разумеется, что и основная тенденция в развитии указанной конструкции и ее результаты (почти полное вытеснение дат. с предлогом *po* и утверждение лок. с тем же предлогом) оказались сходными. Кроме того, анализ этой конструкции дан Бартошем (см. *Lf.* 1876 г.). Ввиду этого ограничимся лишь некоторыми примерами. В древнечешском языке в значении места совершения действия при предлоге *po* выступал лок., единственно возможный в этих условиях и в современном чешском и словацком языках: *právěť wesde jeho jmě swětie; krátce řkúce, po všem swětě*. *Маст.*, 68; *počě po ostrvách v hrad lézti*. *Далим.*, 38; *a chodili sme dosti po nesnadných cestách*. *Штитн.*, 24; *a na tom sniemie ma se take gednati wo czyzozemcze, wo poprawcze po krajich*. *Stred. č. list.* (1501), 68; *po všem domu hledati*. *Кн. Rošenb.*, 454; *jež jest po těch dworiéch*. Там же, 483; *nemóž kobyľ po kobyľém poli pustiti*. Там же, 484; *had po skalach lazi*. *Алекс.*, 1; *po nůmž* (т. е. море) *plovú*. Там же, 15; *krestanská wiera po všem sě swětě rozplodila*. *Živ. Vítá*, 308; *po všem městu wláčiti*. *Živ. Jiř.*, 305; *po všech kosteléch slúpy jest kázal učiniti*. *Пулк. Хрон.*, гл. 73; *po lesiech semo tamo blúdiece*. Там же, гл. 74; *po moři přiřlúl k Pisi*. Там же, гл. 83; *byl rozeslal poslów mnoho...po všech krajich*. *Флашка. NR*, 849; *po kráľowých městech na zemanech berú*. *Nejst. list.*, č. (1395), 1035; *neb JM^{is} w Čechách po městech rozpisuje*. *Dop. bav.*, 1440—1512 (1450), 322; *jezdí po swatbách*. *Dop. táb.*, 388; *pájde po našem břehu*. *Výp. kn. svéd.*, 307; *pogyde po poly*. *Num.*, XXII, *Čas. Muz.*, 1895, 23; *po lyšine jeho muchy létají*. *Markolt*, 98; *po mnohich světa vlastech zputoval jest*. *Манд. В.*, 1а; *plúti po dunagi*. Там же, А, 158а; *býval také chatrným žákem po školách*. *Барт. Хрон. Праж.*, гл. 5, 20; *aby niřádný nevelebil očistce po tomto světě*. *Jan Přeb.*, 415; *po všem světě zachovávají*. Там же, 420; *jměno jeho slavně bylo po všech krajinách*. *Herb. Erb. Výb.*, 457; *po tomto hradě projedu*. *Гаек*, 94; *po nebi voziti*. *Велесл.*, 176; *po všech stranách plno polie*. *Комен. La-byr.*, 356; *po těch hlubínách chodili*. *Živ. sv. Otc.*, 2а; *po mieste jdúce*. Там же, 33в; к этой же группе случаев относятся и такие примеры,

как: *chtě jej zatieti po lici*. Алекс., 41; *uderi jej v helm po vrchu*. Там же, 41; *uderi krále po hlavě*. Там же, 51; *po lici bitie*. Алекс., 51; *dám peštiú po tvém liciu*. Там же; *bil kamením po boctch a po stranách*. Oberpf., 62 и др. Следует отметить также и случаи, когда лок. с предлогом *po* имеет собственно местное значение или (в зависимости от контекста) значение направления: *ale po levici pravice hledá*. Штитн., 22; *pusti mecz polewy stranye*. Алекс., 40; *některí po levé, a někteří...po pravé ruce JKM⁶ sedati mají*. Викт. Корн., 36; *a čtyři po pravé sedati mají*. Там же, 36; *posazen jest po levé ruce*. Зáp. Žer., II, 136; *já po předku půjdu*. К. Poh., 676 и др.

В современном языке количество подобных примеров сильно возросло по сравнению с языком старых памятников: *po straně palášek místo panny*. Sušil, 575; *biła hura nam była po prave straně*. Kellner-Štramb., 91; *byť po zatku*. Подкркон. Havr., 133; *a jen se po straně usmívala*. Kub. Подкркон., 105; *po pravý strané fšecky ležely*. Ноš., 178; *(šli) po zádech*. Барт., II, 34; ср. также *po boku, po předu, po zadu* и др. Такие случаи известны и словацкому языку, хотя и реже: так, например, они не встретились нам в липтовских, спишских, шаршских и некоторых других диалектных текстах³⁹. Очевидных примеров дат. при предлоге *po* в значении места в древнечешском языке обнаружить не удалось⁴⁰. В большей части случаев трудно бы было с уверенностью различить дат. и лок., если бы не некоторые дополнительные соображения. Лишь во множественном числе противопоставление этих двух падежей было выражено вполне четко. Впрочем, в ряде случаев и в единственном числе можно достаточно четко отделить следы бывшего дат., переосмысленного уже ко времени первых чешских памятников как лок. Мы имеем в виду случаи колебания типа *po všem světu, po všem světě*, часто встречающиеся в древнечешских памятниках (подобного рода колебания были и в других примерах: *na světě — na světu*. Алекс., 4; *v hříše — v hříechu* и др., однако, во-первых, они были менее распространены, и, во-вторых, они не были определяющими; их появление было вполне закономерно в период формирования некоторых новых грамматических категорий на базе прежних). Ср. наряду с уже приведенными примерами типа *po všem světě* такие, как: *po všem svietu*. Кунг. рук. ок. 1330, 148в⁴¹; *po swijetu*. Штитн., Řeči⁴²; *než sú se po světu rozešli*. Штитн., 12; *kteříž sú po všem světu*. Там же, 67; *po světu blúdíte*. Лег. Прок., 199; *by tma světu po všem*. Алекс., 57; *po svietu chodiec*. Лег. Петр., 265; *po všem světu slovútných*. Živ.

³⁹ Не отмечены они и в крупнейших диалектологических работах Станислава, Паулини, Штольца, Важного и др. Ср. однако: *a edon šou po epom boku, a druhú po druhon*. Ondrus, 225. Здесь же укажем один трудно классифицируемый и осложненный рядом оттенков случай из говора Долгой Луки: *xto to tam, po tim hrobe hrebe?* Buffa, 121.

⁴⁰ В. Ганка в соответствии с предполагаемым состоянием помещает в Зеленогорской рукописи: *seber glasy po národu světu*.

⁴¹ Песня „Vítaj králu všemohúci“. См. J. Gebauer. III, 39.

⁴² Правда, в рифме с *prypryjetu*.

Vita., 310; *po všem světu rozděleno*. Р. duch. Hanka, V, 58; *bude toto čtenie po všem světu*. Pašije. (из Олом. Еванг. 1421) и т. д.

Подобные случаи, как это доказал В. Вондрак⁴³, являются несомненными продолжателями прежнего дат. с предлогом *po*, переосмысленными в локативном плане (особо обстоит дело с местоимениями в этих примерах). Если учесть, что *-i* утверждалось в указанных случаях прежде всего у неодушевленных существительных, и то, что *-ovi* появлялось приблизительно в это же время в дат. одушевленных существительных (ср. *dawidowi*. Клем. Псалт., 88, 36; *hospodinowi*. Витт. Псалт., 95, 7; *beranowi*. Алекс., 6 и др.), становится очевидной ведущая тенденция к разграничению одушевленных существительных от неодушевленных, действующая часто в ущерб прежнему противопоставлению лок. и дат.

Примечание. Схематически эту картину можно представить в следующем виде:

		Основы на -o		
		Одуш.	Неодуш.	
Дат.	-i	-i		I период
Лок.	-ě	-ě		
Дат.	-ovi	-i		II период
Лок.	-ě	-i		

Еще раз отметим, что эта схема отражает лишь в самом общем виде суть явления, не принимая во внимание ряда деталей, например, фонетической обусловленности флексии в зависимости от исхода основы и некоторых других моментов.

Лишь на фоне этих процессов, в той или иной мере имевших место в ряде славянских языков, а также при учете некоторых случаев употребления лок. с предлогом *po* можно понять появление локативных конструкций с предлогом *po* в значении места.

В старых памятниках чешского языка были хорошо известны случаи, когда в лок. с предлогом *po* стояло имя, обозначающее лицо или предмет, вслед за которым (в пространственном плане) совершается действие. Естественно, что подобные случаи имели место обычно при глаголах движения и очень редко при глаголах, выражающих пребывание в определенном месте (как правило, при этих глаголах локативная конструкция приобретала особое значение). Ограничимся рядом примеров: *tužie po nich na zvoditý most zběžěchu*. Далим., 15 (за девицами. — В. Т.); *po té má jíti*. Штитн., 11; *po něm běžie*. Град. рук., 227 (Bájka o lišce a čbánu); *abych po tobě wešken liud obrátil*. Маст., 70; *po Boze lidi obrátil*. Алекс., 8; *po těch stáchu málem dálě*. Алекс., 9; *chtye ponych prwe uteczy*. Алекс., 33; *ten po něm prospěl*. Алекс., 34; *kóň po sobě vlěče*. Алекс., 43; *po těch pak na lěvej straně... bieše postaven, ... za tím jeho syn (F)ilota... a po těch vítěž Severuš*. Алекс., 36 (особенно показательный пример!); *sam jide po nich*. Živ. sv. otc., 32b; *tehdy pojidú jedni po nás, a druzi před námi*. Živ. sv. otc., 121b; *chod' po něm*. Витт. Псалт., 33, 15; *po nich pojde*. Флашка. NR, 879; *rychle se po nich zdvihni*. Там же, 891; *táhne svůj ccas po sobie*. Манд. А, 201a; *drak*

⁴³ V. Vondrák. — AfsIPh, Bd. IX, S. 624.

plazi se po nyet (т. е. младенец). Там же, А, 163а (= за); *roběhnú všickni ... po nych*. Там же, А, 206в; *a kteříž po něm jdiechu, voláchu řkúce*. Ян Гус. Пост., 3; *po těch třech úřednicích má sedati dvanácte pápów*. Викт. Корн., 36 и др.⁴⁴ В дальнейшем сфера употребления таких конструкций сильно сократилась; они уцелели лишь в ряде говоров (в литературных вариантах чешского и словацкого языков *za*+твор.⁴⁵): *po něm běžel*. Erb. Prost., 217; *chodí po ni syněček*. Моравск. Sušil, 421; *vetahť pěkně jeden po druhym*. Моравск. Bart., II, 56; *voda po ňom id'e*. Среднеслов. Vážný, 296; *po otci sin ide*. Slov. l'ud. p. Polocz., II, 63; *po tomto vlaku pojed' e hñet?* Stan. Lipt., 413 (ср. также генетически близкие случаи с целевым или временным оттенками: *Jano, ti prid'ež aš po mñe, po Hañe prišla Mara, a po Mare Jano* и др. Там же, 413; *z chládku sa vyť ahovali chlap po chlapovi*. Mináč. и др.).

В ряде случаев очевиден целевой оттенок: *račil jest po patriarchách a prorociích poslati*. Штитн., 5; *jdiese ... po zboží*. Алекс., 51; *po jiedlu ... pochoditi*. Léčit., 452; *že se mnozí po štríbru a ztátu ... obrátili*. Гаек, 93; *přijědu po hvězdě*. Град. рук., 120b и др. Ср. диалектные: *muš hod' iť po špekulácii, iš' i po zemax*. Stan. Lipt., 413; *pujdzem po žobraníu*. Маришск. Czamb., 267; *po kom já je poslat mám?* Erb. Prost., 203; *přišla ... po chlebbe*. Вост.-чешск. Иречек, 345; *šel po svý práci*. Куб. Кладск., I, 51; ср. также *choditi po koledě, po žebrotě, jdi po svých* (словацк. *id' po svojom*), *jiti po svých potřebách* и др.⁴⁶; интересные примеры отмечены Оберпфальцером: *potom se vandroual po témž řemesle*. 62; *vandruje po řemesle*. 62; ср. также F. Trávníček. Mluvn. spis. č. II, 1284.

Следует отметить также многочисленные случаи лок. с предлогом *po* при глаголе *státi*: *protož nestojme po tom*. Штитн., 10; *abychom stáli po tom*. Там же, 29; *aby lidé po těchto věcech dobrých ... stáli*. Там же, 49; *stojí po leckakýchs věcech*. Там же, 84; *ktož po něm stojie*. Там же, 144; *by rádi po pravdě stáli*. Там же, 166; *kreríž po čsti stojé*. Алекс., 2; *sta ... po zbožíu*. Там же, 51; *a tak vždy po tej* (т. е. земля) *spolu státi*. Václ., 52, ср. 60; *po dobrých skutcích i po čsti stojichu*. Živ. sv. otc., 83а; *jenž pilně po tom stáli*. Там же, 451b и др.⁴⁷

Лок. с предлогом *po* в значении времени был представлен в старочешских текстах теми же разновидностями, что и в польском языке, но с решительным преобладанием основного типа (= 'после чего'): *a po*

⁴⁴ Любопытен пример из Бартошевой хроники: *jsou po jiných a za jinými*. Кн. 3, гл. 7, стр. 223. Ряд иллюстраций из современного языка приведен Травничком. См. Mluvn. spis., č. II, str. 1284.

⁴⁵ Не считая отдельных выражений идиоматического характера.

⁴⁶ Ср. также обычный в чешских псалтырях перевод лат. *pro panibus se locaverunt*. Апп. 5: *po chlebě se usadili*. Витт. Псалт., Staročeské glossy v lat. žaltáři mus. XIII stol., но: *za chleb ustavili sú*. Клем. Псалт. Ср. также вин. с предлогом *po* в значении цели, довольно частый в говорах восточной Словакии.

⁴⁷ В старых памятниках в подобных случаях употреблялся и вин. с предлогом *po*: *bych stál po to*. Рудн. рук. XIV в., 37b (см. Gebauer, IV, 474); *pojdu po motyku*. Živ. sv. otc., 411а; *nikam nejezdies po to*. Штитн., 96; *poslachu po kñežě Bořivojě*. Далми. — М., 55.

boji psóm jiesti dachu. Далим., 15; *po třech letech kaza jeho do Prahy přiněsti.* Там же, 31; *ostanu po mužī.* Штитн., 10; *když jest on vstal z mrtvých po tom potlačení.* Там же, 21; *po súdném dni nebudem mieti naděje.* Там же, 33; *po smrti prvého muže k druhému se přiložiti.* Там же, 83; *po hněvu přijde teskná a smutná tužebnost'.* Там же, 242; *po malych dnech giný pustennicy po nas przigidechu.* Živ. sv. otc., 10a; *po mnohém rokování na tom zůstali.* Гаек, 93; *po tmě choditi.* К. Poh., II, 134 (ср. литературн. и диалектн. *po tmě každá kráva černá.* Kott., II, 605); *poněwadž jsme po swrchu psaném našem milém bratru té koruně prawý a sprawedliwý dědic.* Psaní Sigm., 8; *a medu po sobě ne ostawuj.* Там же, 43; *pač já po několiko létech bral sem se odtud.* Sezn. svědk. (1453—1456), AP, 160; *po něm držal to zbožie.* Там же, 159; *po 42 letech od Tita.* Ян Гус. Пост., 307; *po čtyřidceti dnech po svém vzkříšení... z mrtvých vstal.* Ян Гус. Výkl., 19; *po nemnohé chvíli korunován jest.* Барт. Хрон. Праж., гл. 1, 9; *po mně ostavi.* Алекс. Индржих. спис.; *psan...w pondielu po Swatem Jakubie.* Stred., č. list., 57; *abych tě po třech dnech nalezl.* Modl., 65в; *jej po otci knězem volichu.* Далим., 25; *czos jim wstawało po Ambruzoue smrti.* Slov. listy, Varsík, 225; ср. *potem, už je po něm, co je mi po něm; co chce po nas, co č'у je po něm.* Опавск. Lampr., 86; *hovno je po něm.* Урчицк. Кор., 130, частые и раньше и теперь, и др.⁴⁸

Весьма распространено в старых текстах повторение лок. с предлогом *po* при обозначении даты: *Léta od narozenie Jezukrista milostivého po tisíciiu po dvě stú po třechčētech druhého.* Далим., 82; *dáno léta ot narození syna božieho po tisící po třech stech osmdesátého.* Nejst. list., č. (1380), 1009 (характерная концовка огромного большинства грамот); *ot narozenie syna božieho po tisící let po pětídcát pátého šel Prokop.* (так!). Лег. Прок., 204 и др.

Для старочешских памятников характерно было употребление лок. с предлогом *po* при прилагательных в превосходной степени: *po něm večšieh nenie.* Алекс.; *odděluji své syny, Hynka najstaršieho... a Indřicha po něm najstaršieho.* Nejst. list. č. (1391), 1026; *najbližší po božiem krščení.* Václ., 55; *po pánu Bohu nejdražší.* Комен. Korr., I, 1; *po něm lahodnějši.* Флашка. Svár., 148; ср. соврем. *po Labi největší řeka v Čechách Vltava jest; první po něm* и др.

Наряду с отдельными (в общем редкими) случаями употребления лок. с предлогом *po* в причинном значении (*rana po tom balsámu se zhoila.* Гарант. Cesta, 1608; *ten lid židovský po temnosti své nevěry uyzná světlo.* Ян Гус. Пост., 77; *po křtu mučedníci.* Там же, 53 и др. примеры, где еще ясно чувствуются более ранние оттенки значений), в памятниках старой чешской литературы выступает особая категория случаев,

⁴⁸ Заслуживают внимания диалектные примеры вроде *a hod'ila po nocjах za mlač-číta xlarта.* Ondrus, 291; *po nocjах hod'ja.* Там же, 291; *po večerох.* Там же, 221; *ta in in hozil vartovac po pol'и po noci.* Долголуцк. Buffa, 118; *hozil na pol'e po noci.* Там же, 118 и т. д., более частые в словацких говорах. Любопытным продолжением лок. с предлогом *po* в значении 'после' является встреченный в среднесловацких говорах случай: *ket sa uvarja, do miski vil'ejeme a po nej na vrh škarke dáme.* Ondrus, 224.

обладающих уже потускневшим причинным значением, которое уступает место изъяснительному. Мы имеем в виду локативные конструкции при определенных глаголах, прежде всего при глаголах, выражающих скорбь, горе, сожаление и т. д.: *ješto túži po něm*. Штитн., 4; *Casto welmi po něm bolí*. Сат. о ремесл., 223; *po němž srdcem viec stonala*. Алекс. Индржих. спис., 64; *a' twé srdce po tom túži*. Флашка. R. otce., 913; *a po dobrých skutcích vzdy túžiti*. Там же, 928; *po ní túžim*. Písne sv. Erb. Výb., 641; *abychom po tobě srdečne túžili*. Modl., 34b; *nebud' tebe po tom túha*. Živ. Kateř. 172; *po němžto jsem srdcem vadla*. Там же, 62; *po tobě... vadli*. Modl., 34b; *po slávě a cti dychtiti*. Комен. Labyr., 113; *často bude žena mieti po té věšt'bě naději*. Штитн., 10; *počne se po kúzlech ptáti*. Там же, 38; *protož slušie se ptáti po lidech pokorných*. Там же, 63; *prosím odpovědi po tomto poslu*. Sedmn. psaní, 263; *tu jsem se ptal po svých koních*. Кн. рѹh., I, 64; *po mně toho žádати neračте*. Listy Žer., I, 23 и др. Ср. диалектные: *bude tebe teskno po tvém milém ješče*. Моравск. Sušil, 579; *o jak je mně teskno po tobě*. Там же, 242; *co po tobě ptajú*. Там же, 595; *je mně po tobě teskno*. Erb. Prost., 151; *po milým netoužim*. Там же, 221; *už mé černé oči po horách se točí, po horách, po lesích, po mém nejmilejším*. Там же, 492; *mám já dosti hoře po dceři Barboře*. Там же, 467; *ale po mili vouci ani památka*. Kub. Подкркон., 14; *se začlo po něm náramně stejskat*. Там же, 116; *a po vlcích uš tam nebyla zádna památka*. Там же, 245; *jak si zasteskla po milim Honzój*. Там же, 255; *po svú ženě se poptaval*. Kub. Кладск., 125; *každej se jen po ní díval*. Там же, 64; *ani památka po Hejkalovi nejni*. Поленск. Ноš., 112; *po ni tesknil*. Моравск. Bart., II, 86; *žádej po něm mladého lvy*. Моравск. K. Poh., 100; *toho já po vás nežádám*. Там же, 88 и др. В современном литературном чешском языке подобные конструкции встречаются при гораздо большем числе глаголов (*toužiti, dychtiti, prahnouti, lačněti, žízni, stýskati se, stonati, plakati, ptáti se, volati, dotazovati se, pátrati, sháněti se, dívati se, koukati se, obraceti se, ohlížeti se, šilhati, otáčeti se, sáhnouti* и др.)⁴⁹.

Несколько иное положение в словацком языке, где круг глаголов при исследуемой конструкции уже (*túžiť', bažiť', dychtit'* и др.), причем в связи с этими глаголами выступают и другие конструкции. Еще меньше таких конструкций в говорах: если в западно- и среднесловацких говорах они изредка встречаются, то в восточнословацких текстах они нам не попадались⁵⁰.

Еще в одной группе лок. с предлогом *po* значение лок. определялось в зависимости от глагола: *po tom poznaji všichni*. Штитн., 37; *ved' milost' po skutciech poznáš*. Там же, 42 (впрочем, возможно и иное истолкование этого примера); *po těchto věcech dobrých... pogo-*

⁴⁹ Примеры см. у В. Шмилауэра. Novoč. skl.

⁵⁰ Я. Станислав (Указ. соч., стр. 413) отмечает отсутствие в липтовских говорах *po* с лок. при *žadati'*. Не упоминает об этом типе и Я. Оравец („Súčasný stav väzieb pri slovese žiadati' (si) a pri jeho odvodeninach“. — „Slovenská reč“, roč. XX, č. 6, 1955, str. 343—350). С другой стороны, эта конструкция представлена в чешском языке.

zuměli. Там же, 49; *čuju to po tvém vzdychání*. Pil. Jud. Čas. Mus., 1829, 69; *po nichž bych ja pöhon mohl zwéděti*. Kn. Rozenb., 455; *po radě pána poznati jest*. Флашка. NR, 862; *viděti jest po skutcích*. Пост. Хельч., 623; *po nemž by... poznán býti mohl*. Комен. Labyr., 356; *ti se po krásném štítě znají*. Далим., 22; *po niejšto bylo znáti*. Алекс., Будеёв. спис. и др. Эта конструкция известна приблизительно в том же объеме и в современных чешских и словацких языках, между прочим, и в говорах: *po čom' s mia roznača? po vraném koničku*. Моравск. Sušil., 572; *po pars'úne ho poznávam; to nepoznát'e po zubaх*. Stan. Lipt., 413; *po tom persceňu ho pozna*. Спишск. Czamb., 238; *po tobje nepozna němocy*. Kellner. Štramb., 94; *po razurkach poznac*. Kellner. Východol.; *po hlase poznala*. Куб. Кладск., 201; *nebylo po nich vidět*. Моравск. Bart., II, 265 и др.

Отметим еще ряд локативных конструкций с предлогом *po*, существовавших в древнечешском языке. В дистрибутивном значении лок. с предлогом *po* выступал в таких примерах, как: *po dewieti stech haléřow móž wdáti*. Kn. Rosenb., 482; *po tisyczy zlatych a po koffliku pozlatitem dati ma*. Stred., č. list., 51; *dal sem jim platu po desieti kopách*. List. soukr., II, 54; *sestrám mým wydjaj po čtyřidceti kopách*. Там же, 71; *mají po jednom oku*. Манд.: *dal po sedmdesáti kreycarčich*. Карл. Жер., 124; *netolik po zlatě, ale po drahém kameni dal*. Алекс., Индржих. спис., 2, 32; *po trzích sukna prodával*. Kn. svéd.; *a dal... po kusu*. Oberpf., 58; *těm všem dali po pardusu*. Там же, 58 и др.

Впрочем, в ряде случаев трудно отличить дат. от лок., и (для древнейшего периода) можно сомневаться относительно падежной принадлежности того или иного случая, тем более, что исследователями были отмечены и явные дат. с предлогом *po*: *vdávati každý kól po třem stom* (т. е. *haléřou*). Kn. Rosenb. (см. Gebauer IV, 474); *dal po kusu pečeníe*. Олом. Библ., 2, Reg., 6, 19; *dal po třem haléřóm*. Práva praž., XV в., 261; *z lánu platí po jednomu kuřeti*. Urbář, 148; *jmieti po dvěma stoma*. Kn. рüh., II, 42 и др. В чешском литературном языке в указанном значении утвердился лок. (независимо от первоначальной падежной принадлежности формы); то же относится и к чешским и моравским говорам: *tem malém začkovém po jedném dávala*. Моравск. Sušil, 79; *na každé větvi po čtyřech hnízdách, a v každém hnízdě po sedmi vajíčkách*. Erb. Prost., 12; *dala po groši širokým, po zlatým kulatým*. Там же, 38; *každý vzal po ovci*. Там же, 491; *rozřízl po dylce celej*. Поленск. Ноš., 115; *mám po piš'alku*. Куб. Кладск., 150; *a zas ji ho po kouskách dával*. Куб. Подкркон., 254 и др. Словацкие говоры, наоборот, имеют обычно вин. с предлогом *po*: *maž som po tri koňe, mával'i zme po dve kurički, zaplat'il'i nám po štiri koruni*. Stan. Lipt., 412; *po dva pohariki*. Шаришск. Czamb., 251; ср. также обычные *po dva raz*. Земплинск., Спишск., Шаришск., Абауйск., Унгск. и др. Czamb. Между прочим, Кельнер отмечает такие же случаи в ляшских говорах: *ty sy už skladamy po deset korun; dostaněť každy po trzy koruny*. Štramb. Východol. С другой стороны, и словацкие говоры знают лок. с предлогом *po* в разделительном значении: в за-

падной части Словакии он чаще, в восточной реже, причем обычно он выступает лишь в единственном числе, хотя иногда бывает и иначе: ср. *dam vam po jednim mladim*. Спшск. Czamb., 243; *dajte nám po jenom koni, dal'i nám po šestáku, po dvox po trox zme ix tam dali*. Stan. Lipt., 412; *det'i hod'jevale po ednom, al'e najojac štirja-šjest'i*. Ondrus, 224; *mjeli kaž'dy po pivje*. Опавск. Lampr., 86; *dostały zmy po litře*. Там же, 86 и др.

Весьма распространенной в старочешских текстах является локативная конструкция с предлогом *po* в значении основания, в соответствии с которым совершается действие (как правило, исследователи видели здесь значение способа действия, что, с нашей точки зрения, является слишком общим определением, включающим целый ряд разнородных случаев). Укажем некоторые примеры: *vše po naju wólú bude*. Маст., 71; *jini mistři po swém práwu maži swými mastmi hlavu*. Там же, 78; *Máme zemi po svéj wóli*. Далим., 2; *Nechce-li po našej wóli býti*. Далим., 72; *to vše bude po twéj wuoli*. Živ. Kateř., 180; *abych po wiere... o něm řeč povzdvihl*. Штитн., 45; *postupili po jich smilstvoě*. Там же, 64; *až utrži po svej wóli*. Сат. о ремесл., 224; *po dskách zprawil sem se*. Кн. Rosenb., 446; *po svém práwu míše ženu*. Алекс., 2; *po svej wóli tu přebýwau*. Алекс., Будейов. спис., 79; *po své jest wóli zjednal*. Пулк. Хрон., гл. 87; *wždyli se jim trefilo po jich wóli a po jich úmyslech*. Ткадл., 632; *uchopi tě wzdy po wóli*. Флашка. NR, 888; *po tejto žalobě... má jich sedm byti*. Андр. Д., 983; ср. там же: *po přísahách*. 989; *panování po staných práwíech*. Там же, 995; *ještět' těch věcí twé Mti po listu... vzkázati nesmiem*. Nejst., list. č. (1400), 1056; *a žet' sie po twé wuoli nezvedlo*. Psaní Sigm., 14; *můžete tomu po našich prvních lietech dobře rozuměti*. Dop. táb., 360; *přidati... po přátelské radě*. List. soukr., 48; *nemuž po woli mluwiti*. Markolt, 82; *bud' po naši wuoli*. Olom. pov., 67 и др. Ср. единственный в своем роде пример из хроники Далимила: *vřet' každému srdce po jazyku světu*. 41, где выступает дат. с предлогом *po*. Тесно связан с этой группой ряд случаев, в большинстве с очевидностью восходящих к старому дат. и удержавших свою старую форму благодаря своей близости к идиоматическим сочетаниям: *ale po hřiechu*. Штитн., 143; *a po našem hřiechu nyníel Desat. káz.*, 262; *juž po hřiechu se stává*. Алекс., 7; *děláti něco po své hlavě*. Záp. Žer., II, 170; ср. также: *po sčestí, po čsti, po chuti, po zlu, po dobru, po málu, po staru, po nenáhlú, po hostinu, po tichu, po židovsku, po pohansku, po česku*⁵¹ и др.: *ukradla sukna po málu*. Град. рук., 113b; *něbo se ten po méj čsti na jevě zrači*. Алекс., 49; *ale ujímal po málu*. Штитн., 98 и т. д. С точностью определить падежную принадлежность подобных случаев не всегда возможно, особенно если учесть такие примеры, как *bylo zámutkóu*

⁵¹ Ср. согр. словацк. *po čertech* (= čertovský); *to sa šecko l'en maďarski viprawuje-Gen po maďarskem*. Ondrus, 213; *po našem neumijú zanořit*. Дольск. Bělič, 233 (однако в словацких говорах часто: *šicko tu po staremu; neh buze po twojemu; uš po šickemu; po našemu hutori* и т. д.: Долголуцк. Buffa, 111 и др.) и т. д. В болгарско-чешских глоссах XIII в. встречается *po podaněmu*. Čas. Mus., 1878, 550.

mnoho po Arnoštovi dobrému, po tom muži šlechtnému. Рук. Бавор., 269⁵².

Отметим лок. с предлогом *po* при обозначении цены: *po čem jest víno.* Práva. praž.; *po čem šenkována mají býti.* Там же; ср. у Юнгманна: *po třech zlatých platil* — конструкция крайне редкая⁵³.

Столь же редки обычно игнорируемые исследователями случаи лок. отношения (или loc. limitationis): *vědě, že jsi po letech mladý.* Алекс., 24; *velmi výtečná po tváři.* Olom. pov., 64; совр. *příbuzní po teči, po přeslici; po jmenu.*

Примечание. В ряде чешских, моравских и словацких говоров встречаются случаи типа: *a tak vstali po tou šibenicej.* Kub. Кладск., 48; *po tím šipkem byly dveře.* Kub. Подкркон., 21; *daj i tomu po tím.* Stan. Lipt., 499; *po себе.* Дольск. Bělič, 256 и др. Здесь выступает предлог *pod*, теряющий конечный согласный перед следующими *d, t.*

Рассмотрение локативных конструкций с предлогом *po* дает основание для заключения об относительно позднем распространении лок. в ряде случаев, где раньше выступал дат. Древнечешские тексты сохранили отдельные примеры дат. с предлогом *po* (в дистрибутивном, основания действия, способа и др. значениях). В указанных случаях лок. утвердился позже или вовсе не утвердился (в наречных образованиях). Есть все основания предполагать, исходя исключительно из чешского материала, что и в значении места (распространение по поверхности) локативу с предлогом *po* предшествовал дат. с тем же предлогом. Бесспорно, что распространению локативных конструкций с предлогом *po* в числе ряда других факторов способствовало формирование некоторых новых категорий в чешском языке, особенно ярко проявляющихся в склонении.

Локатив с предлогом *při*

Как и в других славянских языках, в чешском локативные конструкции с предлогом *při* менее употребительны и более однообразны по кругу значений, чем другие предложно-локативные конструкции.

В языке старых памятников чешской письменности лок. с предлогом *při* в значении места, около которого происходит действие, был нередок, причем дополнительные оттенки значений, легко развивающиеся в этом случае, часто могли быть минимальны: *při morském by březě.* Алекс., 13; *tehdy král' Dariuš... k svým vojem při jedný horě mluví.* Алекс., 32 (но и: *bydlili při dvorě.* Алекс., Индржих, спис., 62); *a při kostelu svatém my také ostaňme.* Psaní Sigm., 8; *jáma, przu nyžto bylo přiloženo dřevo.* Манд., А, 281b; *kteří z nich blíž przu miestie bydlé.* Там же, А, 174b; *při tomto klášteře měli míti veliký poklad.* Гаек, 98; *przi nem biechu.* Živ. sv. otc., 159 (*aderant*); *liste, při němž visí pečet' jeho.* Кн. пұh., II, 75; *stáli sú při něm.* Олом. Библи.; 1. Reg., 22, 4; *že by při tý fůře se co více pos-*

⁵² См. J. Gebauer. Hist. ml., IV, 476.

⁵³ См. V. Zikmund. Skladba. 271.

lati mohlo. Кат. Жер., 217; *že ho páni při městě nikterak trpěti neráčt.* Ехс. кн. Рам. из Архива Лоунского (1574 г.), 487 и др.

В дальнейшей судьбе этой конструкции наблюдаются некоторые различия между чешскими и словацкими говорами и литературными языками. В чешском языке лок. с предлогом *při* в значении места более редок (обычно в определенных сочетаниях: *při zemi bydlí, při domě*; ср. также: *při řece Visle rozkládala se... charvátská země.* Ирасек; *hovořili jako oni, a dále také v krajinách při Labi řece.* Ирасек; *hledící dvěma okny do Vikářské uličky a jedním ke dvorku při Jelením příkopu.* С. Чех; *mušeli d'elat při dvoře.* Юго-западн. Voráč, 101 и др.⁵⁴), обычно он заменяется иными конструкциями (прежде всего с предлогами *u, vedle, okolo*, в говорах также *kole, koťo*⁵⁵ и др.). В говорах восточной Чехии и Моравии лок. с предлогом *při* в указанном значении встречается чаще: *rob hnízdečko při dolině, při zelenej bukovině.* Моравск. Sušil, 688; *udělej si na horách při zbojnických komorách.* Там же, 698; *bys při mně stál.* Там же, 231; *při Morave má paretka, při Morave, při Trenčíně pás.* Там же, 552; *bo já při svojej mačičce.* Там же, 497; *gdo mněl několik mtr pole při chaloupce.* Поленск. Нош., 112; *budete mévat' při konopjách.* Ганацк. Bart., II, 34 и др. (в ляхских говорах таких случаев нам не встретилось; не отмечает их в своих исследованиях и Кельнер; впрочем, ср. *přu kravach spívač.* Навр., 181). В словацком языке подобные случаи весьма распространены и вполне обычны; не приводя всем хорошо известных примеров из литературного языка, укажем некоторые образцы из говоров: *a pri stol'e veľiki pach.* Спишск. Czamb., 220; *preco taki smrod pri nej.* Там же, 220; *pri jednim valal'e... boť jeden domek.* Там же, 236; *pri kudzeli bi dzen i noc sedzelo.* Там же, 248; *pri stole kladla jim.* Там же, 251; *pri mňe možece dobre žic.* Шаршск. Czamb., 255; *Marička pri oltaru kl'eči.* Там же, 263; *sedzel pri ohňu.* Там же, 272 (впрочем, можно думать и о дат.; ср. также: *stali pri němü.* Восточнослав. Vážný, 308; *sedza oňi pri temu ohňu.* Абауйск. Czamb., 337); *štire svički pri nich horel'i.* Земпл. Czamb., 357; *sedzel'i pri stol'e.* Там же, 367; *mať šablu pri boku.* Лучивн. Czamb., 431; *pri tebe budu.* Унгск. Czamb., 391; *potom som bol šez rokoю pri Nad'baňi.* Оравск. Pauliny, 112; *pri Piski som bol.* Там же, 113; *pri L'ipňaku... stal'i.* Там же, 101; *já robím pri ríčice, šak som tu pri t'ebe, pri zemágy mójho starého tatu som robil, pri každiy dverách stáli Němci, pri malinách* и др. Комарн., Веспремск. стол. Štolc, 182; *stáų pri studňičke, pri vřbe, pri vod'e, stojí pri stol'e.* Stan. Lipt., 415; *hrobi kopali už pod lipami pri palangu.* Среднеслов. Vážný, 300; *lezä pri cinteríne.* Там же, 300; *ako hrach pri ceste.* Малогонт. Срезн., 159; *id'en raz z Bíru a pri bieloň krži... zíd'e mi do rozumu... Ondrus,* 202; *ona spávala na kraj post'el'i a ja pri st'eňe.* Там же, 207; *na*

⁵⁴ Ср. также диалектное: *ona se tam modlí při božím těle.* Erb. Prost., 502, ощущаемое как архаизм (пример взят из духовной песни).

⁵⁵ Особенно в ляхских говорах.

enom stol'e pri mexu... bola vel'ka náková. Там же, 239; *a pri nej bož kámeň.* Там же, 291; ср. также 154; *pri tvojom dome t'ie grunt'i t'i dát.* Брезнянск. Mihál, 204; *zme tu robil'i pri štefanskej huce.* Спишск. Stieber, 91; *som robil pri unternemeroh a potom pri derekciji.* Там же, 91 и др. Примеров такого рода из западнословацких говоров привести не можем, что до известной степени связано и с недостаточным количеством текстов из западной Словакии, имевшихся в нашем распоряжении.

Весьма отчетливо оттенок подчиненности выступал в таких случаях, как: *mnogo lida jest pri králi.* Алекс., 26; *málot' lidi jmám pri sobě.* Алекс., 27; *obyčejně pri něm sūce.* Алекс., Индржих. спис., 62; *měj to také při sobě.* Ткадл., 693; *ješto běchu při sněmu.* Флашка, NR, 853; *měj... při sobě.* Там же, 887; *zlato miewaj wzdi při sobě.* Там же, 902; *že máš Ježiše při sobě.* Там же, 903; *kteřížto su při nás byli.* Nejst., list. č. (1386 г.), 1017; *při sobě jmieti.* Там же (1400), 1056; *przy tweg milosti pecziety mussiliby bity.* Stred., č. list., 37; *při sobě ostavili.* Psaní Sigm., 19; *jiného při mně nenie.* Psaní Vil. Pernšt., 71; *při mně stůj.* Zibrť. Zb. svět. Čas. Mus. 1895, 111; *zachovej to při sobě.* Markolt, 92; *při něm byl.* Ян Гус. Пост., 1414; *král maje při sobě radu svou.* Барт. Хрон. Праж., гл. 3, 15; *při králi mnoho jiných panův.* Там же, гл. 4, 18; *maje při sobě.* Гаек, 93; *przi sobie majtc.* Živ. sv. otc., 96 и др.⁵⁶ Такие случаи известны и теперь (примерно с таким же распределением по говорам, как и в предыдущем типе).

Необходимо отметить также довольно многочисленные прежде локативные конструкции с предлогом *při*, связанные по происхождению с предыдущими типами и обладающие довольно широким кругом значений в зависимости от условий контекста. Приведем ряд примеров: *daj nám při téj milosti ostati.* Modl., 66в; *jest při zdravem rozumu.* Комен. Labyr.; *všichni mají naděje málo při duchovných věcech i při tělesných.* Штитн. 31; *aby snažna byla při čeledi.* Там же, 102; *já při tom stojím.* Барт. Хрон. Праж., гл. 10, 147; *že jsme velmi pobloudili při věře a při svátostech... a nejvíce při svátosti těla a krve boží i při jiných svátostech velebných.* Там же, гл. 10, 147; *jměj se při paměti.* Živ. sv. otc., 363а; *při našich právích a při našich svobodách nás zachováti.* Psaní Vil. Pernšt., 81; *dcera jeho pri cti zuostala.* Olom. pov., 47; *při zdraví, při nemoci, při veselí, při myslí, při věře, při síle, při penězích* и др. В ряде случаев на первый план выступает оттенок одновременности основного действия с тем, название которого стоит в лок. с *při*: *při póhoniach со práwo* (заглавие статьи). Кн. Rosenb., 473; *při proním tažení a mučení vyznal.* Oberpf., 64; *při sudu zpravití.* Викт. Корн., гл. I, 13; *o čemž při št'astném shledání s VM^{ti}, dá-li pán Bůh, oustně rozmluviti žádostiv jsem.* Комен. Korr., II, 2, 3; *při skonání předešlé noci.* Snář. Erb. Výb., 576; *byl chud... při svém umieraní.* Крумл. рук., 316б; *při lámání chleba poznán jest.* Гарант. Cesta., 1608; *zatmí se slunce při vycházení svém.* Бр. Библ. и др. В противо-

⁵⁶ Ср. обычные в старом языке: (*býti*) *při vojsku, při sněmu* и др.

положность современному словацкому языку, чешский литературный язык и говоры, по-видимому, довольно сильно сократили возможности употребления этой конструкции (ср., впрочем, в говорах: *míra při česání je vjertel az dodneska*. Юго-западн. Voráč, 86; *při práci sme lecos povídali*. Там же, 90; *při tej praňici*. Там же, 109; *spívali zme na poli při práci*. Дольск. Bělič, 233; *a při tím hudba hrála*. Там же, 251; *při kopání uhla*. Там же, 253; *při kuplování huntů*. Там же, 253 и др.⁵⁷). То же относится и к лок. с предлогом *při* в значении времени, кажется, почти исчезнувшему в теперешних чешских и моравских говорах⁵⁸ (в словацких он существует: *ta jim při ostatnej hodziňe povedala sédlačka*. Шаришск. Czamb., 264; *při omši, při spoved'i*. Stan. Lipt., 415; *při večeri iwaril'i hrachu*. Среднеслов. Vážný, 296; *při narozeňi sa váččmi t'ešja xlapcovi*. Ondrus, 199 и др.), но нередкому в старых памятниках: *při tom času u Moravě zle se dějieše*. Далим. Дор., 2; *ukradl se jim všem s oči ... při takovém temném času*. Флашка. NR., 888; *při té chvíli na raddě seděli*. Nejst list., č. (1402), 1054; *při počátku sem nebyla*. Výp. kn. svéd. XI, 2, 306; *při času svatého Ondřeje*. Oberpf., 64; *při večeru*. Там же, 64; *při sv. Markétě lidé zápisní...* *všickni gsú se zdvihli*. Викт. Корн., IV, 23; *léta 1515 při času svaté Maří Magdaleny sjezd byl v Vidni*. Барт. Хрон. Праж., гл. 2, 13; *při tom čase ... odjal*. Там же, кн. I, гл. 5, 18; *by vlastná máte při tom času*. Алекс., Музейн. спис., 83; *by jednu při temné noci*. Рук. Бавор., 12; *při tom trudném času potratil svú svatú krásu*. Modl., 53a; *při čase sv. Ducha bývá zde žeň*. Гарант. Cesta., 1608 и др. Понятно, что эта группа тесно связана с предыдущей по характеру локативной конструкции и по значению.

В старочешских памятниках встречаются еще некоторые случаи локативных конструкций с предлогом *při*, отмеченные Гебауэром⁵⁹. Однако и у них легко прослеживается связь с уже разобранными типами как в структурном, так и в семасиологическом планах. Вопрос о причинах некоторого сужения сферы применения лок. с предлогом *při* в чешском языке при сохранении соответствующих случаев в словацком⁶⁰ мог бы стать предметом специального исследования, которое, впрочем, для наших целей не обязательно. Укажем пока лишь на то, что при сравнении чешских и словацких грамот XVII в. различия в употреблении лок. с предлогом *při* отметить не удалось, что, однако, может и не отражать с точностью действительное положение (принимая

⁵⁷ О лок. с предлогом *při* в опавском наречии см. Lampr., 86.

⁵⁸ Ср., однако, *mač'uč'ka umřeli při mje*. Опавск. Lampr., 104.

⁵⁹ J. Gebauer, IV, 485, 486. Современное состояние освещено Травничком (Mluvn. spis., č. II, 1294—1295).

⁶⁰ Ср. довольно разнообразную гамму оттенков у этой конструкции в средне-словацких говорах Венгрии. См. P. Ondrus, стр. 154—157. С другой стороны, заслуживает внимания довольно четкое различие конструкций с *při* и с *u* в словацком языке. См. E. Pauliny, J. Štolc, J. Ružička. Slovenská gramatika, Bratislava, 1955, стр. 288—289. Впрочем, известны и исключения, начинающиеся довольно рано. Ср. K. Habovštiaková. Jazykový rozbor pamiatky Inventarium rerum arcis Arvensis z r. 1611. — „Jaz. štúd.“, II. Bratislava, 1957, стр. 241.

во внимание некоторые особенности этих документов)⁶¹. Кажется, что гораздо более важным для решения вопроса являются источники XVIII—первой половины XIX в.

Следует отметить особую локативную конструкцию в словацком языке (в литературном варианте и по говорам), а именно, лок. со сложным предлогом *popri*. Документальных сведений об употреблении этого предлога раньше XIX в. у нас нет (у ряда писателей первой половины XIX в. он не редок). Укажем некоторые примеры: *popri voloch kráča mladenec*. Кукучин; *plne skrine, pozostavené popri stenach*. Кукучин; *strom po pri strome*. Slov pov., 69; *chod' touto dolinou po pri tom potoku*. Там же, 85; *aj deti popadali popri ňom*. Илемницкий; *i ocas ocas mi ruki až popri pl'ecu*. Шаришск. Czamb., 268; *l'ebo že mi inakši obidva ruki odětnu až popri pl'ecoch*. Там же, 267; *popri ňom sa i mĕe dostaĕe*. Stan. Lipt., 421; *obit' si popri humĕe*. Там же, 421; *xot' popri brázdz'e*. Там же, 421; *šjoц som práve popri kostol'e*. Там же, 421. *Mam jedneho znameho popri Ĥisi*. Керепешск., Štolc, 348; *on se trimal em popri ocovi (!)*. Там же, 340; *tak som išoц popri ňej*. Ondrus, 202; *pes sa popri ňix st'jahoц*. Ondrus, 206; *traja xlapci zastál'i popri ena druhom*. Ondrus, 221; *a uš teras popri ňon druhí dvaja stál'i*. Ondrus, 221; *poton id'e popri kraji seno*. Ondrus, 236 и др. Примеры иного употребления этой конструкции (в частности, в переносном значении) единичны (ср. у П. Илемницкого: *popri vel'kom hrdinstve a obetavosti bagali sme kdetu ... Kronika* и др.).

Локативные конструкции с предлогами *u* и *na* уже в первых по времени чешских памятниках были наиболее широко распространены среди других локативных конструкций, составляя около $\frac{3}{4}$ всего их числа. Такое же положение сохранилось в основном и теперь. В древнейших текстах засвидетельствованы многочисленные и весьма разнообразные примеры лок. с указанными предлогами. Их дальнейшее развитие было связано с расширением возможностей употребления *u* и *na* с именами в лок. и с увеличением круга глаголов, связанных с локативными конструкциями. Это привело к необычайному многообразию структурных и семасиологических типов подобных конструкций, далеко превосходящему локативные сочетания с другими предлогами. Наиболее отошедшим от первоначального состояния типом следует считать лок. с предлогом *u* при глаголах *mysliti*, *věřiti*, *chváliti*, *báti se*, *jmiti naději*, *hněvati se* и др. и особенно лок. с предлогом *na* при глаголах *žádati*, *prositi*, *potřebovati*, *ptáti*, *tázati*, *uzvěděti* и др.⁶² В этом отношении чешский и словацкий языки пошли дальше, чем польский, обнаруживая еще в целом ряде случаев тенденцию к формализации этих предлогов, хотя и в меньшей степени, чем в указанных примерах. Мы не будем перечислять многочисленные и хорошо известные образцы

⁶¹ Между прочим, эти документы совершенно недостаточны и для выяснения различий между чешским и словацким языками в отношении род. с предлогами *u*, *podle*, *okolo* и т. д., употребительность которого стояла в связи с употребительностью лок. с предлогом *při*.

⁶² См. Ф. Кореџпý. Zákl. č. skl., 212.

лок. с предлогами *u* и *na* в значении места, времени, цели, причины, способа действия, средства действия, основания деятельности, отношения, цены и т. д., так как они собраны в огромном количестве (несколько сот надежных примеров) в исследованиях ряда лингвистов⁶³, во-первых, и так как вряд ли из них можно извлечь что-либо новое по сравнению с данными других языков в отношении этой конструкции (отличное от других языков будет относиться почти исключительно к последнему этапу в развитии языка), во-вторых. Во всяком случае, для уяснения древнейшего состояния славянского лок. с указанными предлогами чешский и словацкий языки не могут дать принципиально нового по сравнению с другими языками⁶⁴.

⁶³ Помимо соответствующих мест в словарях Юнгманна и Котта, укажем некоторые важнейшие труды о лок. с предлогами *u* и *na*: Zikmund. Skladba, 241—247, 256—262; Bart. Skladba (Примеры разбросаны по различным локативным группам, в основу которых положен семантический принцип); Bartoš. O předložkách *u*, *nad*, *pod*, *před*. Lf., IV, 1877, str. 226—230; Bartoš. O předložce *na*. — Lf., II, 1875, str. 296; J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, IV. Praha, 1949, str. 456—461, 500—502 (диалектных примеров почти нет); J. Gebauer. Sl. staroč. II, str. 433—436 (огромное количество хорошо подобранных примеров; к сожалению, мало иллюстраций из памятников деловой письменности); J. Orlovský. Používanie predložiek v spisovnej slovenčine. — „Jaz. štúd.“, I, 1956, str. 75—78, 98—100 (между прочим, в этой же статье немало примеров лок. и с другими предлогами); J. Stanislav. Dějiny, II, str. 608—611, 623—625, там же см. о лок. с *o* (612—613), с *po* (615—617) и с *pri* (620).

⁶⁴ А. Лампрехт, видимо, ошибочно указывает на конструкцию лок. с предлогом *nad* (Указ. соч., стр. 85).

IX. ЛОКАТИВ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Значительная древность старославянских памятников делает их важнейшими источниками при решении целого ряда проблем общеславянского языкознания. Бесспорно, что и для наших целей их значение велико. Однако некоторые особенности этих памятников существенно ограничивают возможности исследования, не давая оснований для окончательных выводов. Прежде всего мы имеем в виду очень ограниченное количество старославянских памятников, причем значительная их часть повторяет друг друга. Содержание памятников ограничено, как правило, религиозными текстами из Евангелия, Псалтыри, статей, относящихся к ритуальным обрядам (несколько более разнообразно содержание Супрасльской рукописи). Поэтому не всегда понятна разница между живыми конструкциями и клише, продолжавшими употребляться и впоследствии в церковнославянской литературе некоторых славянских народов. Также предельно ограничена возможность сделать какие-либо выводы на основании некоторых различий в области лок. между памятниками разной диалектной принадлежности (например, македонскими и восточноболгарскими) или хронологически различными древними памятниками.

Наконец, все старославянские тексты являются переводными, не считая надписи царя Самуила, отрывков преславских надписей (глаголической и кириллической), нескольких строчек из латинской рукописи, найденной в Райграде, Македонского кирилловского листка, едва насчитывающих 2—3 лок.¹ Греческий оригинал не мог не оказать влияния на старославянские переводы², причем учесть это влияние в области падежного синтаксиса представляется крайне затруднительным. Несмотря на то, что о греческом влиянии на славянский лок. писалось немало (Буслаев, Ягич, Вондрак, Грюненталь, Лось, Маргулиес, Бауэр и др.), несмотря на исчерпывающий труд Грюненталья о технике перевода евангелических текстов³ и важное исследование К. Горалека

¹ Предположение Я. Лося об отсутствии греческого оригинала и у Календаря Ассеманиева евангелия остается недоказанным. См. J. Łoś. Gram.

² Думать о влиянии Вульгаты (см. В. Погорелов. — Sborník Filosofické Fakulty University Komenského v Bratislave, III, 32 [6], 1925) нет никаких оснований, особенно после статьи А. Мейе. „L'hypothèse d'une influence de la Vulgate sur la traduction slave de l'évangile“ (RESI, t. VI, p. 39—41).

³ O. Grünenthal. Die Übersetzungstechnik der altksl. Evangelienübersetzung. — AfsI/Ph, Bd. 31, 1910, S. 321—366; 507—528; Bd. 32, 1911, S. 1—48. Упомянем также

Evang., все-таки трудно определить конкретные формы этого влияния и условия его проявления (кроме, может быть, некоторых случаев из области беспредложного употребления лок.). Более того, не решен вопрос и об общем характере зависимости отдельных старославянских текстов от греческого⁴. Все это нередко заставляет исследователя говорить о некоторых явлениях без достаточной определенности.

Примечание. Данные о лок. таких старославянских памятников равных изводов, как Остромирово Евангелие, Чудовская Псалтырь, XIII слов Григория Богослова, Пандекты Антиоха, Венские листки, отрывок глаголического апостола Гершковича, Мирославово и Вуканово евангелия, Шишатовадский апостол, ряд среднеболгарских памятников и других, в той или иной степени использованных нами и в процессе работы, мы приводим лишь изредка по той причине, что в подавляющем большинстве случаев они повторяют соответствующие конструкции классических старославянских памятников (к тому же, как правило, более древних); в тех же случаях, когда эти (более поздние) памятники представляют специфические конструкции, неизвестные старославянским памятникам (древним) — что, кстати, бывает довольно редко — было бы методологически неверным относить эти факты к старославянскому языку. Несколько иное положение с среднеболгарскими памятниками, примеры из которых используются нами шире, но лишь в тех случаях, когда они отклоняются от старославянских норм и представляют интерес для истории болгарского языка.

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Б/пр. лок. в старославянском языке не раз был предметом подробного исследования. Не считая старой работы Миклошича⁵ и менее значительных экскурсов в эту область, отметим недавно появившееся исследование Бауэра⁶, исчерпывающее этот вопрос в евангелических памятниках в плане описательного анализа. Поэтому ограничимся лишь суммарным описанием б/пр. лок. в старославянском языке, приводя примеры и из неевангелической литературы.

Случаи б/пр. лок. в значении места в старославянском языке чрезвычайно редки, так что с уверенностью определить условия его употребления трудно. Впрочем, можно думать об условиях, напоминающих те, которые были описаны в разделе, посвященном древнерусскому б/пр. лок. Приведем соответствующие примеры: *стаго оца на го фёддора архиеппа цриградѣ*. Асс. fol., 135; *бъивших при градѣ*. Асс., fol., 127

соответствующий раздел (стр. 468—474) в статье В. Ягича «О грамматических особенностях памятника „Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus“» (СПб., 1883) и в исследовании И. Евсеева «Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе» (СПб., 1897, стр. 78—152).

⁴ Ср. разные точки зрения на отношения Мар. и Зогр. кодексов к Асс., Савв. и Остр. и к греческому оригиналу у Вондрака („Altslovenische Studien“. Wien, 1890, S. 64) и Мейе („Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave“, I. Paris, 1902, p. 40, 42).

⁵ F. Miklosich. Der praepositionslose Lokal in den slavischen Sprachen. — Sitzungsberichte d. kais. Akad. d. Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. LXVII, 8, 1867, S. 351—358.

⁶ J. Bauer. Bezpředložkový lokál w staroslovenských evangelích. — „Slavia“, roč. 20, 1951, str. 40—56. Эта статья представляет собой главу из рукописной работы „Syntax lokálu ve stsl. evangelích“, к сожалению, пока не изданной.

(Чрнчич, 143 и Рачки, 164 ошибочно вставляют въ); и ста оца нашег стаѣ великаг василана кесари. Асс., fol., 135 (у Чрнчича здесь на кесаринска 152; Зоѣ. Грам., 178 предлагает: на кесарини); Глігора вѣгословц(а) еппа вѣивша нанзианзин. Асс., fol., 141 (у Чрнчича ошибочно въ 158). Кроме того, обычно приводят еще некоторые примеры из Супр.: съкочъча сватыи нисии оусорогѣ свои кмоу въси. 47, 12—13; льстиж прѣвѣстъ оусорогѣ въси. 47, 18 (ἐν Σοροβφ); сжтъ; съхранѣны кости наша семь мѣстѣ. 81, 3 (ἐν τῷδε τῷ τόπῳ). Не все эти примеры одинаково надежны для иллюстрации б/пр. лок. места. Тщательные текстологические, а иногда и экзегетические исследования уже привели к ограничению ряда случаев, раньше признававшихся б/пр. лок. места. Так, в примере из Супр.: сжштоу ... никаконъстѣѣмъ градѣ. 541, 26—27 Северьянову удалось обнаружить вѣ; в примере: на выи а не иномъ мѣстѣ. Супр. 364, 27 (ἐπὶ τὸν τράχηλον οὐχὶ δὲ ἐπὶ ἄλλομέρος) должно видеть влияние на; некоторые сомнения вызывает б/пр. лок. в абиѣ же прикосновени тонлоты палти кго растаавъши. Супр., 93, 14 (εὐθὺς αὐτῷ τῆς σαρκὸς ἐν τῇ προσβολῇ τῆς θέρμης διαλυθείσης). У нас нет никаких оснований ожидать в подобном случае б/пр. лок. Если только здесь не гаплография (при прикосновении), то, может быть, некоторую роль при опущении предлога сыграли беспредложные конструкции при слове прикосновение и т. д. Весьма возможно, что искусственным является и пример б/пр. лок. оусорогѣ⁷. В свете всех евангельских текстов не совсем понятен пример из Зогр.: градегъ часъ, егда ни горѣ сеі ни вѣ ерлмѣхъ поклонитеса оцю. Иоанн, IV, 21⁸.

Этими примерами, собственно, и исчерпываются все случаи подобного рода. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что все эти примеры относятся лишь к двум памятникам: к Ассеманиеву Евангелию (собственно, к Календарю, приложенному к нему и, возможно, не связанному с каноническим греческим текстом) и к Супрасльской рукописи. Б/пр. лок. в Календаре напоминает такое же явление в приписке к Остромирову Евангелию. Надо думать, что это было вызвано од-

⁷ A. Margulies. („Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis“. Heidelberg. 1927, S. 108) видит в этой форме неправильно понятый род. ед. ч. Впрочем, и в этом случае показательна самая возможность осмысления спорной формы как б/пр. лок.

⁸ Интересно, что въ в этом примере кирилловское, а не глаголическое. Ср. также въ горѣ в Мар. Столь же недостоверны и некоторые другие примеры: нсоу же вывѣшю ватани въ домоу. Зогр., Матф., 26, 6 (обычная гаплография; в остальных евангелиях: въ втанни); I вксеі стрѣнк I юдѣ ісцѣи повѣдеми вѣахъ ган син. Зогр., Лука, 1, 65 (Мар. въ вксен); нвсе. Мар., Матф., 6, 20; Марк, 10, 21 (ср. там же, Матф., 7, 11; 18, 10; 23, 9; Лука, 19, 38); нвсее, нвсеехъ; егда пьж I новъ црсьи вжин. Зогр., Марк, 14, 25. Ср. J. Kurz. L. fil., 50, 1923, 230 (Ягич делит: Іно въ...); моленье мое не оустынахъ льстивахъ. Син. Пс., 16 в.; аште исть разоумъ вышннимъ. Син. Пс., 72^в₁₁; вѣспож славѣ мosen. Син. Пс., 107^в₂; оугождж ... странѣ живѣштнхъ. Син. Пс., 114^в₉; слава и богатьство домоу. Син. Пс., 111^в₃; живемъ во вѣкко влгоговѣрне и чистотѣ. Син. Треби., 19а, а также ряд примеров из среднеболгарских памятников (въсен во земан. Бол. Пс., 18^{вк}₅; въ хлѣбаннж не живѣше, нь гровѣхъ. Верков. Ев., 49; оузреть хѣ прѣстоулъ славынѣ. Софийск., 82^{вк}₁₈; сад и прѣстоулъ славы. Погод., 23^к₁₀ и др.). Ср. в Туровской Псалтыри: овѣмъ долѣ влпнѣштемъ. 45.

ними и теми же причинами. Труднее объяснить б/пр. в Супрасльской рукописи. Может быть, некоторую ясность внесут статистические данные, относящиеся к употреблению б/пр. лок. (не только места). По подсчетам Бауэра (указ. соч., стр. 53—54), б/пр. лок. в Саввиной книге составляет 4,2% от общего числа локативных конструкций, в Маринском Евангелии — 3,7%, в Зографском — 3,5%, в Ассеманиевом — 3,3%. По нашим подсчетам, б/пр. лок. в Супрасльской рукописи составляет более высокий процент, чем в Саввиной книге (более точный подсчет затруднен наличием некоторых спорных случаев). Если учесть, что в евангельских текстах и в Супрасльской рукописи локативные конструкции встречаются свыше 7000 раз, то случайность в приведенных данных почти исключена. Как видим, наибольший процент б/пр. лок. приходится на Супрасльскую рукопись и на Саввину книгу. Оба эти памятника относятся к восточноболгарской языковой области⁹ (в противоположность македонскому изводу большинства старославянских памятников). Не отражаются ли в таком случае в распределении б/пр. лок. некоторые особенности восточноболгарских говоров XI в. по сравнению с македонскими? Интересно, что и в некоторых других отношениях восточноболгарские говоры более архаичны, чем македонские.

В древнейших текстах, не относящихся непосредственно к традиционному кругу старославянских памятников, примеров б/пр. лок. места почти нет. Не считая явных гаплографий, например, дважды встречающееся в Охридском апостоле XII в. **Блахѣрнахъ**. 112в, 110в (соответствующие русские примеры; ср. также из Троянской притчи: и прѣмагааше ихъ въсакои игръ. Иван., 251), можно указать лишь несколько примеров: **сжштѣ тѣчно горахъ**. Чуд. Пс., 31в. (в бумажном списке XV в.: **горамъ**); **стра стму мкчу поликарпоу еппоу вывѣшоу змурни**. Охр. Апост., 104в 1 (впрочем, и этот не безупречен); **сѣди подъножни ми**. Шишат. Апост., Яс., 2, 3 (*κάθου ὡδε ὑπό τὸ ὑποπόδιον μου*); **живуштен Междурѣчн**. Шишат. Апост., Аст., 2, 9 (*κατοικοῦντες τὴν Μεσοποταμίαν*); **поставленъ высть епискоупомъ Ямисонѣхъ**. Прол. XIV в. (см. Miklosich, IV, 636); **нѣсмь видѣль аныгела семь мѣстѣ**. Ном. var. XIII в. сербск. редакц. (см. Miklosich, IV, 636) и нек. др. гораздо менее очевидные. Спорными представляются нам два примера из грамоты Иоанна Асеня II (1218—1241), в которых Г. Ильинский видит б/пр. лок.: **да не имаж(т)ъ по всѣхъ хора^т црми и г(ра)доѣхъ и клисура^т запрѣтени**. 8 (кажется, проще здесь видеть влияние предлога *по*); **Карвунъскыѣ хоры придж**: или **Кръ^тстѣи хорѣ**: или **Борунс(тѣ)и**: или в **Одри^н** и в **Димот** или **въ Екваскжж хорж**. 5 (с нашей точки зре-

⁹ См. A. Margulies, Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927, S. 227—241; В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899 (о говоре писца). Особое значение данных Саввиной книги заключается и в том, что она яснее, чем другие памятники, отражает живой говор XI в. См. В. Н. Щепкин. Саввина книга. — „Памятники старославянского языка“, I, 2. СПб., 1903, стр. I.

ния, здесь характерное для среднеболгарских памятников смешение вин. и лок. при обозначении направления).

Был ли б/пр. лок. места в старославянском языке живым явлением? По-видимому, на этот вопрос нужно ответить положительно, учитывая при этом, что б/пр. формы были уже в состоянии деградации (вспомним, что в том же Календаре Ассеманиева Евангелия преобладает лок. с предлогом къ. Ср. 37, 138, 140, 140, 142, 151, 170, 170, 173). Выбирая из нескольких возможных вариантов тот, который более соответствовал греческому тексту, переводчики, естественно, употребляли предложные лок. (в греческом тексте в соответствующих местах всегда выступал дат. с предлогом ἐν). Отдельные случаи б/пр. лок. нужно рассматривать как ляпсусы со стороны писцов. Характерно, что они обычно появляются в тех текстах, где особенно отчетливо выражены индивидуальные черты говора писца. Некоторые особенности в употреблении б/пр. лок. других типов, менее связанных с греческим текстом, или таких, где греческий текст не препятствовал б/пр. употреблению лок., еще более утверждают нас в нашем предположении о существовании б/пр. лок. места в старославянском языке.

Значительно чаще в лок. без предлога стоят имена, обозначающие время и в той или иной степени приближающиеся к наречиям или даже ставшие ими. Именно это обстоятельство, а также слабое развитие в старославянском языке род. времени (чаще всего он употреблялся в специфическом значении указания на дату; примеры преимущественно из Супр.) привело к тому, что в соответствии с обычным греческим род. времени (кстати, тоже полунаречным¹⁰) в старославянских текстах нередко стоит б/пр. лок.

Укажем некоторые примеры: полоу ношти же въплъ въс. Матф., 25, 6 (так же Супр., 369) (μῆρας δε νυκτός); не вѣсте во кѣгда гѣ домоу придетъ вечеръ ли ли полоу ношти. Зогр., Марк, 13, 35¹¹ (в Мар.: къ полу ношти; вопреки Бауэру, VI; μεσονυκτίου); і идетъ къ нѣмоу полоуношти. Лука, 11, 5; да не вѣдетъ вѣство каше зимѣ. Матф., 24, 20; Марк, 13, 18 (в Асс. къ) (χειμῶνος)¹²; а оутрѣ къ огнь вѣмѣтаемо. Матф., 6, 30 (Савв. оутро; πρωί), ср. Лука, 12, 28 (Зогр., Мар.), Лука, 13, 33 (Мар.); иже вѣ архierei томъ лѣтѣ. Савв., Иоанн, 18, 13 (Зогр., Мар., Асс. лѣтоу томоу; τοῦ ἐνιαυτοῦ ἐξείνου; именно так и переведено в Добрейшовом Четвероевангелии: лѣта того); томъ часѣ нозѣ кмоу оутвердиѣ. Супр., 358, ср. 553, 427 (къдомъ часѣ); і исцѣлѣ отрокъ томъ часѣ. Мар., Асс., Матф., 17, 18 (в Савв. в соответствии с греч. ἀπὸ τῆς ὥρας ἐξείνης — отъ того часа)¹³; дньсь сжшта а оутрѣ оумиражшта. Супр., 165. Спорным примером является: і ютро пробрѣзгоу зѣло вѣстакъ изидѣ. Марк, 1, 35 (πρωί ἐννοχον; ср. русск. *брезг*, чешск.

¹⁰ Ср. νυκτός, ἡμέρας но с определением τῆδε τῆ νυκτί, τῆ ἡμέρα и др.

¹¹ Ср. не вѣсте кѣгда господня домоу придетъ вечеръ или полоу ношти. Тырн. Ев. В других среднеболгарских евангелиях: къ полу ношти.

¹² То же в Толковой Псалтыри Исихия. Песни, I, 8. См. В. Ягич. Бол. Пс.

¹³ Некоторые исследователи указывают подобный пример и в Зогр., хотя как раз это место в этом памятнике интерполировано.

brask, польск. *brzask*), в котором Грюненталь (указ. соч., 362) видит б/пр. лок., а Миклошич (Vd. IV) — дат. Изредка встречаются подобные примеры и в памятниках сербского, русского и среднеболгарского извода. Новых примеров б/пр. лок. времени, существенно отличных от приведенных, обнаружить не удалось¹⁴.

Не будем останавливаться на окончательно онаречившихся б/пр. лок. времени (нынѣ: см. Матф., 3, 15; 26, 53; 26, 65; 27, 42; 27, 43 и др.; поздѣ: см. Матф., 8, 16; 14, 23; 27, 57; Марк, 1, 32; лани и др.) и места (горѣ, долоу, долѣ, низоу, вѣнѣ¹⁵, вѣноу, зади, врѣхоу, междуу, тоу, ници [падѣ на земі ниці. Клоц., 179]; домоу [домоу выѣ. Зогр., Марк, 9, 33; и сжштю емоу... домоу Симона. Зогр., Марк, 14, 3]), а также на случаях типа: сквозѣ, кромѣ, развѣ, трѣвѣ, добрѣ, годѣ, зълѣ, пркѣ, лютѣ, квѣ, льзѣ и нек. др.

Наиболее многочисленной группой б/пр. лок. в старославянском языке, бесспорно, преобладающей над конкурирующими предложными конструкциями, являются случаи приглагольного употребления лок. без предлога. Обычно такой лок. встречается при глаголах с приставкой при-: и прикоснѣ сѣ ржцѣ еѣ. Матф., 8, 15 (ἤφατο τῆς χειρός αὐτῆς; в Савв. и коснѣ сѣ еі ржцѣ); прикоснѣтъ сѣ вѣскрилли ризѣ его. Матф., 14, 36; ср. Марк, 6, 56; Мар., Асс., Матф., 9, 20 (ἤφατο τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ); и елико сѣ прикоснѣша емь. Матф., 14, 36; прикоснѣ сѣ вѣригахъ овлежаштнихъ о вын его. Супр., 182; и не прикоснѣша сѣ ю. Супр., 183; прикоснѣвши сѣ божиныхъ ребрѣхъ. Супр., 457¹⁶; вѣсь-мрътънѣ врсѣ прикасаетъ сѣ. Син. Требн., 3а; прикасажшта сѣ емь. Син. Требн., 3а; не прикасите сѣ крѣстѣхъ моухъ. Син. Пс., 135в; прикасаши сѣ горахъ. Там же, 134в; прикоснѣсѣ ризѣ его. Ундольск., л. 4, 64, 65; прикоснѣсѣ мѣнѣ. Там же, 71; кѣто прикоснѣсѣ ризахъ моухъ. Там же, 69 (так же в Мар., Асс., Савв., Остр., Марк; 5, 30; в Зогр.: ризѣ моухъ), ср. также Мар., Асс., Матф., 17, 7; Зогр., Мар., Марк, 3, 10; Зогр., Мар., Асс., Савв., Лука, 6, 19; Зогр., Мар., Асс., Лука, 7, 39; Зогр., Мар., Асс., Савв., Лука, 8, 47; Зогр., Мар., Асс., Остр., Матф., 20, 34; Савв., Лука, 8, 44; Зогр., Мар., Асс., Савв., Марк, 5, 27; 5, 28; Асс., Матф., 9, 21 (Мар. род. п.); Зогр., Мар., Асс., Савв., Марк, 5, 31; Савв., Асс., Лука, 8, 45; Зогр., Мар., Асс., Савв., Лука, 8, 46; Мар., Асс., Иоанн, 20, 17; Зогр., Мар., Лука, 11, 46; Зогр.,

¹⁴ В среднеболг. Погодинской рукописи встречается: елико вѣцѣ семь вѣнидѣтъ. 125₅ (в Бол. Пс., Софийск. — вѣ вѣцѣ семь): пример заимствован из книги К. Мейера „Der Untergang der Deklination im Bulgarischen“ (Heidelberg, 1920, S. 34). Здесь, вероятно, гаплография. В отрывке из Апостола Томича, приведенном в предложении к исследованию Щепкина о Болонской Псалтыри, встречаем: сѣвотѣ нмжш⁴ лѣтъ. 252; в житии папы Климента — ношти (τῆς νοχτός). 23 об. См. А. И. Соболевский. Житие папы Климента. СПб., 1905, 3 отд. См. F. Miklosich. Указ. соч., Vd. IV, S. 648—651. Материал по б/пр. лок. времени в среднеболгарском собран И. Баувром (см. ниже).

¹⁵ Есть и вѣнѣ: ср. Зогр., Матф., 24, 75; Лука, 20, 15; Иоанн, 9, 35; 11, 43; 15, 6 и др.

¹⁶ Ср. пример из Златоуста XIII—XIV вв.: прикоснѣши сѣ вѣнихъ ребрѣ. Злат. Яг., 232.

Мар., Асс., Иоанн, 4, 9 и др. В собственно старославянских текстах б/пр. лок. при этом глагоде решительно преобладает. По подсчетам Бауэра, указанная конструкция в Зогр., Мар., Асс., Савв. встречается 57 раз в 22 евангельских местах, тогда как род. при этом глагоде встречается лишь в 2 местах (Зогр., Марк, 5, 30, см. выше, и Мар., Матф., 9, 21: *прикоснѣ сѧ ризы кѣго*). В других текстах конструкции, конкурирующие с б/пр. лок., чаще, но все-таки в меньшинстве: ср. род. в соответствии с греч. *ἄπτειν* с род. (Супр., 165, 566; Остр., 61в¹, 132в¹), вин. (Остр., 93а¹: *коснѣвъ одръ*, если только здесь не гаплография), вин. с предлогом *къ* (особенно часто в памятниках русского извода. Ср. Остр. 293в¹, 132в¹⁷; примеры из Чудовской Псалтыри и Пандектов Антиоха), дат. (с предлогом: *прикоснетъ сѧ къ нѣмоу*. Супр., 18 и без него, преимущественно в среднеболгарских текстах: *прикоснѣ сѧ ризам*. Пражск. ев., Марк, 5, 28; *въскрилю . . . прикоснѣтъ сѧ*. Там же, Марк, 6, 56; *да сѧ прикоснѣтъ кѣмоу*. Сречков. Ев., Марк, 3, 10; *прикасаахъ сѧ кѣмоу*. Там же, Марк, 6, 56; Лука, 6, 19; 7, 39; 8, 47; *прикоснѣша сѧ кѣмоу*. Добрейш., Матф., 14, 36; *прикапати сѧ кѣмоу*. Там же, Лука, 6, 19; 7, 39; 8, 47 и др.) и т. д.¹⁸

Примечание. Как долго продолжали существовать б/пр. лок. при подобных условиях, решить трудно, так как у нас почти совсем нет надежных критериев для различения письменной традиции от живого употребления. Поэтому приходится ограничиться лишь указанием на то, что в среднеболгарских памятниках б/пр. лок. при *прикоснѣти сѧ/прикапати сѧ* и ряде других глаголов продолжает встречаться еще долгое время, в ряде случаев употребляясь монополично (таково, например, положение в уже упомянутом Тырн. Ев., где указанный глагол встречается 17 раз и всегда с б/пр. лок.: Матф., 9, 20, 21, 29; 14, 36; 17, 7; 20, 34; Марк, 3, 10; 5, 27, 28; 6, 56; Лука, 6, 19; 7, 39; 8, 47; 11, 46; 18, 15; Иоанн, 4, 9; 20, 17). То же относится и к более поздним памятникам других изводов. Ср. Миросл. Ев.: *ни прикасають бо се нюдѣи самарѣнѣхъ*. Иоанн, 4, 9; старорусские церковнославянские памятники и т. д. (см. раздел, посвященный русскому б/пр. лок.)¹⁹.

Обычно имеют при себе б/пр. лок. и другие глаголы с приставкой *при-*: *приложити, прилежати, прилѣпити сѧ, пристати, причастити сѧ, пригвоздити, пристѣпити, присѣдѣти, припадати, приелзати, приближати сѧ, прислазати* и др.: *приложити тѣлеси своемъ лактъѣ единѣ*. Матф., 6, 27; Лука, 12, 25. (Савв. *възложити на тѣло свое*. Асс. *приложити тѣлеси своемуу*; *προσθεῖναι ἐπὶ τὴν ἡλικίαν*); *приложимъ ѣ чѣко гороушьнѣ зрънѣ*. Марк, 4, 31; ср. дат. при этом глагоде: *приложатъ сѧ камъ*. Матф., 6, 33; ср. Лука, 12, 31; Марк, 4, 24; *приложимамъ върж*. Зогр. Мар., Савв.; *приложъша сѧ къ исоусономъ оустомъ*. Супр., 457; *приложъшии сѧ къ божию лицуу*. Супр., 458 и др.; и *прилежа емъ*. Лука, 10, 34 (*ἐπεμελλήθη αὐτοῦ*) Лука, 10, 35 (так же); *прилежа молитвѣ и въздръжаніи іностанънѣмъ исповѣданіи*. Супр., 529; *жидовьстѣ съворѣ приложенѣ быти смокви*. Супр., 346—347 (*τῆ τῶν Ἰουδαίων συναγωγῆ παρεικασμένην εἶναι*); *приложи сѧ скотѣхъ несъмыслъныхъ*. Син. Пс., 62₃, 63₄ (*παρὰσυνεβλήθη*

¹⁷ Характерно, что в Остр. глагол во всех указанных случаях без приставки.

¹⁸ То же наблюдается и при других глаголах с приставкой *при-*.

¹⁹ Более подробные сведения см. у И. Бауэра (см. ниже).

τοῖς κήνεσι τοῖς ἀνοήτοις); **прильпѣи ѿзѣкъ моѣ грѣтани моеѣмъ**. Син. Пс., 177₃ (κολληθεῖη ἡ γλῶσσα μου τῷ λάρυγγί μου), 25₁₅ (то же); **прильпе земі жтрова наша**. Син. Пс., 58₁₀ (ἐκολλήθη εἰς γῆν ἡ γαστήρ ἡμῶν). 156₁₀ (то же); **не прильпе мьнѣ**. Син. Пс., 129₃ (οὐκ ἐκολλήθη μοι); **прильпе кость моѣ пѣти моѣ**. Там же (ἐκολλήθη τὸ ὀστοῦν μου τῇ σαρκί μου); **прилѣпихъ сѣ съвѣдѣниихъ твоихъ**. Син. Пс., 156₈²⁰ (ἐκολλήθη τὸς μαρτυρίαις σου); ср. там же, 30₈, 92₄; и **прахъ прильпѣши насъ от града вашего въ ногахъ (н)ашихъ**. Лука, 10, 11²¹; **прилѣпи сѣ единомъ отъ жителъ**. Лука, 15, 15 (ἐκολλήθη ἐνί); **прилѣпитъ сѣ женѣ своѣи**. Матф., 19, 5 (ср. Марк, 10, 7: **и прилѣпитъ сѣ къ женѣ своѣи**); **мьнѣ же прилѣпѣти сѣ Бѣѣ**. Син. Требн., 72; **прильпе земли дша моя**. Бол. Пс., СХVІІІ, 25; **не пристаѣѣтъ ризѣ ветъсѣ**. Марк, 2, 21 (ἐπὶ ἱματίῳ παλαιῷ), Мар., Матф., 9, 16 (так же); **можетъ быть**, Матф., 26, 53; **приказаша стаго джеѣ соуѣ акоронѣ**. Супр., 18 (προσέδησαν τον ἅγιον ἐπὶ δένδρου πλατάνου ξηροῦ), ср. там же: **прикажете паула на немъ**. 12; **приказати къ дрѣвоу**. 13 и др.²²; **не вѣ присталъ съѣтѣ и дѣлѣ ихъ**. Мар., Лука, 23, 51; **источнищѣхъ водъныхъ прикладакма вѣхъ жочеса**. Супр., 397; **привѣштити ма паки стадѣ твоѣмъ**. Син. Требн., 78в; **животъ мой адѣ приближи сѣ**. Син. Пс., 115в, ср. 50₈ (ἡ ζωή μου τῷ ἄδῃ ἤγγισε); **причастниша сѣ вельфѣгорѣ**. Син. Пс., 139в (ἐτελέσθησαν τῷ Βεελφεγῶρ); **присѣдѣтъ м'нѣ**. Матф., 15, 32 (Савв. ма); то же в Зогр., Мар., Марк, 8, 2; **причаѣ стѣмъ и мыслѣмъ твоѣмъ стадѣ**. Син. Требн., 26в; **пригвозди страѣ твоѣмъ пѣтъ моѣ**. Син. Пс., 163 (καθήλωσον ἐκ τοῦ φόβου τὰς ἀρχὰς μου); **причастниша сѣ крѣви и пѣти**. Хиланд. лл. 1, Аа; **причастисѣ тѣхъ**. Там же, 1 Аа; **можетъ быть, причастьнѣи стѣи вѣцѣ**. Киев. мисс., ср. также Клод., 506 (но 545); **приподобѣтъ сѣ црѣкьнѣи крѣмькнициѣ дѣтѣхъ**. Супр., 384; **присѣзи образѣ**. Супр., 511; **привѣштити ны таинахъ**. Клод., 48 и др. Некоторые из этих случаев недостаточно показательны и допускают иное толкование. Однако во всей своей совокупности они с очевидностью рисуют картину распространения б/пр. лок. при глаголах указанного типа в старославянском языке. Заметим, что глаголы движения с приставкой **при-** гораздо реже имеют при себе б/пр. лок., чем глаголы, выражающие местопребывание. Такие глаголы, как **принити, прилѣхати, прилѣгати, приносити, привозити, приходити** и т. д., вообще не знают б/пр. лок. ни в старославянских текстах, ни в более поздних, связанных с первыми традицией²³. Второй факт, достойный внимания, заключается в наличии весьма значительного числа конструкций при данных глаголах, конкурирующих с б/пр. лок., причем число их увеличивается по мере приближения к среднеболгарскому периоду. Однако и б/пр.

²⁰ Ср. в Бол. Пс.: **прилѣпихъ сѣ съдѣнии твоихъ**. СХVІІІ, 31.

²¹ Впрочем, Бауэр видит здесь род. мн. ч., что несравненно менее вероятно, чем б/пр. лок.

²² В болгарской рукописи XVII в. „Слово стога Алексія Бож. члка“ (Лавр. Обз.) встречается: **привязанъ о дръво**. 17; **прикованъ о землѣ**. 17.

²³ Любопытен пример из среднеболгарского Физиолога: **да не онѣмъ приближивши се**. Иван., 316.

лок. в ряде случаев держится очень долго. Больше того, в ряде относительно поздних памятников церковнославянской литературы древней Руси, Болгарии и Сербии встречается б/пр. лок. при таких глаголах с при-, которые были неизвестны в старославянском. Ср. хотя бы списки таких примеров у Миклошича. Иногда в таких случаях, по-видимому, нужно видеть не архаизм, а местное изобретение по старославянскому образцу.

Поскольку именно старославянский язык особенно богат б/пр. лок. при приставочных (с при-) глаголах, то как раз здесь уместно поставить вопрос о природе б/пр. лок. такого типа, о его генетических связях. Намечаются два направления в решении этого вопроса: первое — в конструкциях типа *прикоснѣти сѧ емь* нужно видеть исконный б/пр. лок., который удерживался долгое время благодаря наличию приставки *при-* у глаголов; второе — б/пр. лок. в указанной конструкции относительно недавнего происхождения; своим возникновением он обязан переразложению старой конструкции *коснѣти сѧ при емь*, связанному с фиксацией преверба при глаголе. Несмотря на то, что для полноты аргументации нам не хватает знания ряда важных деталей (например, время фиксации *при-* при глаголе, объем и условия употребления б/пр. лок. в этот период и т. д.), нельзя сомневаться, что решение проблемы нужно искать в первом из указанных направлений. Соответствующие данные из области других индоевропейских языков, подтверждающие эту мысль, будут приведены во второй главе. Здесь же мы ограничимся лишь указанием на некоторые факты старославянского языка, имеющие непосредственное отношение к исследуемому вопросу. В старославянских памятниках сохранилось еще два типа б/пр. лок., стоящего в тесной связи с глаголом. Они гораздо менее многочисленны, чем б/пр. лок. при глаголах с приставкой *при-*, но тем не менее их вполне достаточно, чтобы быть застрахованным от случайностей. Во-первых, мы имеем в виду группу случаев, когда б/пр. лок. выступает при приставочных глаголах (с приставками: *къ-, на-, за-, объ-, прѣ-, съ-, оу-*). Большая часть этих приставок, будучи предлогами, ни в письменный период, ни в дописьменный (насколько можно судить по данным сравнительно-исторического синтаксиса) не была связана с лок. вообще, так что думать о переразложении в данном случае никак нельзя. Но даже если предположить, что исходным пунктом развития были случаи типа *коснѣти сѧ при емь*, *падахъ на емь* и т. д., то ожидалось бы в дальнейшем *прикоснѣти сѧ при емь*, *нападахъ на емь*, а не то, что засвидетельствовано в старославянских текстах. Во всяком случае, имеющиеся данные о развитии аналитических элементов свидетельствуют именно о таком пути эволюции. Приведем соответствующие примеры: *вълежиши книгахъ*. Супр., 334; *належаштю емь народоу*. Зогр., Лука, 5, 1 (в Мар. *належаштю емоу народоу*; в Зогр. и Мар, Иоанн, 11, 38; *належаше на неі*); *нападахъ емь*. Марк, 3, 10 (ср. Матф., 7, 25: *нападъ на храмнижъ тж*. Лука, 1, 12: *нападе на нь*; Лука, 15, 20: *нападе на выжъ его*; Иоанн, 13, 25: *нападъ же тако на прѣси ісѣы*; тем более это относится к более поздним памятникам: *нападе на мѧ*. Бол. Пс., 54, 5; *нападе*

на нѣ. Охр. Апост., 20, 10 и т. д.); надѣа са словеси владычнии. Супр., 556²⁴; овѣшж са выи твоки. Супр., 242 (ср. овѣсиса синѣ мьгѣ. Сл. о п. Иг.); друугъ друузѣ прѣтыкам са. Супр., 466; съвѣкоуплено же кождо кождо. Супр., 318; емже са сутъкнѣаше. Клод., 582; опрѣша са храмине тои. Матф., 7, 27; потъкж са храмине тои. Савв., Матф., 7, 27 (впрочем, два последние примера спорны²⁵); зазѣ рѣти глѣ его. Лука, 20, 26 (ἐπιλαβέσθαι τοῦ ῥήματος αὐτοῦ)²⁶. Следует, пожалуй, согласиться с Бауэром, взявшим под сомнение два примера: сътаза са съ ними словеси (καὶ συναίρει μετ' αὐτῶν λόγον). Зогр., Матф., 25, 19 (в других евангелиях встречается и о словеси; в интерполированном тексте Зогр., Матф., 18, 23: сътаза са о словеси); и вѣмѣстити пишемыхъ кънигахъ. Савв., Иоанн, 21, 4; (Зогр., Асс., Савв., Иоанн, 21, 25: вѣмѣстити пишемыхъ кънигъ). Бауэру же принадлежит указание на явную ошибку у Миклошича (IV, 640), видевшего б/пр. лок. во фразе: яко нирихъ печаше са. Савв., Иоанн, 12, 6, взятой им из издания И. Срезневского, который пропустил о (см. щепкинское издание, а также Зогр., Мар., Асс., имеющие о). В древнейших церковнославянских памятниках (особенно русских) встречается еще ряд приставочных глаголов (въсхотѣти, пощадитиса, въздрекновати, поспѣшьствовати, въпнати, изложити, съвѣдѣтельствовати (ср., впрочем, добротѣ старчи съвѣдѣтельствоуа. Супр., 220), помышляти, промышляти, въпрашати, наставити, облачити и др.), при которых иногда стоит б/пр. лок. К сожалению, истолкование этих случаев в силу ряда обстоятельств наталкивается на значительные трудности.

Во-вторых, в старославянских текстах есть несколько случаев, когда б/пр. лок. находится в тесной связи с бесприставочным глаголом. Чаще всего это случается при глаголе коснжтиса²⁷: коснж са въскриани ризѣ его. Лука, 8, 44 (как и в случаях прикоснж са въскриани ризѣ его; греч. перевод одинаков: ἤφατο τοῦ κραπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ); кѣто естъ коснжвы са мѣнѣ. Лука, 8, 45; да би са ихъ коснжлъ. Лука, 18, 15; коснж са емь. Савв., Матф., 8, 3 (в других текстах вин.); тогда коснж са очию има. Савв., Матф., 9, 29 (Зогр., Мар., Асс. — вин., Остр. — прикоснж са очесоу); коснж са очию. Савв., Матф., 20, 34 (в других — прикоснж са очию); коснж са краі ризѣ его. Савв., Матф., 9, 20; 9, 21 (в других — прикоснж са краі ризѣ его); коснж са еі ржцѣ. Савв.,

²⁴ Ср. своени силѣ надѣжште са. Чуд. Пс., 38в.; и надѣнса къ боу. Там же, 15в.; надѣжшиса въсѣхъ васъ. Панд. Ант.; на нашии силѣ наи постѣ надѣнмса, въсемь надѣжти са. Там же; стѣмъ Климентѣ надѣюси. Жит. Конст.; в Бол. Пс.: азъ же милости твои надѣах са. XII, 6 и т. д., но и: наиз надѣашиса. Октоих XIII в. из собрания А. Попова (см. Лавр. Обз., 241) и др.

²⁵ Миклошич и Нильссон считают храмине лок.; Щепкин и Слонский — дат.; Бауэр воздерживается от определения этого случая.

²⁶ Ср., однако, указание В. Ягича в сноске на 125 стр. его издания Зогр.: „in lacuna quae post зазрѣти apparet una vel duae literae erasae“. На этом основании Бауэр полагает, что здесь, возможно, были пропущены вѣ или о. В Тырн. Ев. б/пр. лок. без всякой лакуны. То же в проповедях Григория Назианзина XI в.: и врачи нѣкѣто зазрѣтъ; в восточковском сбор. XI в.: не зазрѣи емь, зазрѣти своелъ напросѣтъѣ. I, 263.

²⁷ В евангельских текстах 15 раз в 9 местах (полочеты Бауэра).

Матф., 8, 15 (в других евангельских текстах — *прикоснѣ сѧ рѣцѣ ѿнѧ*); *коснѣхѣ сѧ дѣврѣхѣ*. Супр., 297; *хѣу ногу касажшти сѧ*. Супр., 281; *касааше сѧ соустѣ рѣцѣ*. Супр., 362 и др.²⁸ С вики. коснѣти выступает несколько чаще: в 9 местах 24 раза (в евангельских текстах). Интересно, что в Саввиной книге вики. при указанном глаголе встречается лишь 2 раза (гораздо меньше, чем в любом другом евангелии). Если же учесть, что б/пр. лок. при этом глаголе чаще всего находим в той же Саввиной книге (причем часто вопреки показаниям всех других евангельских текстов), то наше предположение об особой древности этого памятника в отношении б/пр. лок. получит еще один важный аргумент в свою пользу. Впрочем, нужно заметить, что б/пр. лок. при этом глаголе недостаточно доказателен, так как он мог здесь возникнуть по аналогии с *прикоснѣти сѧ*. Однако другие примеры б/пр. лок. при бесприставочных глаголах, не имевших соответствующих приставочных (с *при-*), с очевидностью убеждают в древности б/пр. лок. и при глаголе *коснѣти сѧ*: *сею овою заповѣдню ... вислѣтъ*. Савв., Матф., 22, 40 (опять архаизм! В Зогр., Мар., Асс.: *къ въсею овою заповѣдню*); *выи вислѣтъ*. Супр., 43 (там же: *на дрѣвѣ вислѣшти*. 455²⁹); *ѿмже дрѣжитѣ сѧ крилѣ*. Исих., ХС, 4 (в Киев. мисс.: *да сѧ тебе дрѣжимъ 'ut te sequatur'*³⁰).

В указанных примерах приглагольного б/пр. лок. для X—XII вв. нетрудно выделить два значения: места пребывания предмета и места, по направлению к которому происходит движение. Церковнославянские памятники богаты не только б/пр. лок. с названными значениями; они имеют также некоторые случаи с очевидными объектными значениями, которые полностью отсутствуют в старославянских памятниках. Едва ли можно из этого обстоятельства сделать сколько-нибудь надежные выводы. Дело в том, что даже наиболее полное собрание примеров такого рода, имеющееся у Миклошича, отражает материалы лишь очень незначительной части огромной церковнославянской литературы, как уже изданной, так и находящейся в рукописях. Кроме того, далеко не все примеры Миклошича убедительны: за прошедшие 80 лет многие из них признаны неверными. Лишь обстоятельное обследование церковнославянской литературы Руси, Болгарии и Сербии даст возможность сделать надежные выводы. Пока же лишь отметим, что б/пр. лок.

²⁸ Ср. *касаѣ сѧ ѿмѧ*. Панд. Ант.; *касаѣ пѣклѣ*. Поуч. Ефр. Сир., XII; *коснѣ сѧ по(до)лѣцѣ рѣзы ѿго*. Тырн. Ев., Лука, 8, 44; *къто ѿстѣ коснѣви сѧ мнѣ*. Лука, 8, 45; в Пражском Евангелии: *коснѣ сѧ оучню ѿ* (так!). Матф., 9, 29; *да коснѣ сѧ нѣ*. Марк, 10, 13; *да ѿн нѣ коснѣлѣ*. Лука, 18, 15; *да не въсгоуѣнѣлѣ прѣвѣнѣцѣхѣ ѿхѣ коснѣти сѧ*. Шишат. Апост., Евр., 11, 28 (так же в Слѣпч. Апост.); *косноу сѧ въскрѣнѣнѣ рѣзы ѿго*. Никольск. Ев.; *коснѣмѣ сѧ мнѣ*. Врач. Ев. Лука, 8, 45; 81а; *по не коснѣмѣ сѧ мнѣ*. Лука, 8, 45; 81а; *коснѣ сѧ ѿмѧ*. Лука, 8, 47; 81в вместо *ѿмѣ*; *коснѣ нѣ*. Марк, 7, 33; 108а и др.

²⁹ На дрѣвѣ висѣща. Злат., 186.

³⁰ Больше таких случаев в церковнославянской литературе: *чѣташти нѣ сѧ дѣлѣ стѣ*. Панд. Ант.; *каза по рога садѣ Гавѣцѣ*. Бытие, 22, 13. Опис. Синод., I, 14. М., 1855; *дрѣжати сѧ самѣмѣ свѣ*. Там же, 2, 2, 305; также *прѣнѣти сѧ*, *рѣтовати сѧ*, *сѣзати* и др.

приобретает объектное значение, по-видимому, лишь в таких условиях, когда глагол первоначально конкретного содержания начинает употребляться в переносном значении для выражения понятий морально-психического характера.

Примечание. Укажем еще один пример, относительно падежной принадлежности которого мнения исследователей расходятся: *ѣднѣ длѣжннѣ тѣмѣ тѣлѣнѣтъ*. Савв., Матф., 18, 24, Миклошич (IV, 640) и Грюненталь (AfsI Ph, Bd. 31, 362) считают *тѣмѣ* б/пр. лок. Бауэр считает, что здесь в соответствии с греч. род. (*ὄψεϊλέτης μωρίων τάλαντων*) стоит дат.; б/пр. лок. же едва ли мог существовать в таких условиях³¹. Для нас вопрос остается открытым. Встречающиеся в Мар., Асс. Ев. *длѣжннѣ тѣмѣ тѣлѣнѣтъ* сводит на нет доказательную силу бауэровских рассуждений. Миклошич (IV, 638) приводит еще один пример: *гѣмѣхъ и хѣлѣмѣхъ вѣдѣнѣтъ точнѣ*, взятый им из одного русского церковнославянского памятника. Может быть, это архаизм (*тѣчнѣ < *tčk-ьлѣ; ср. б/пр. лок. при глаголах этого корня: прѣтъкати сѣ, оутѣкати сѣ и др.*). При *подѣвѣнѣ, равѣнѣ, похѣжѣ* б/пр. лок. не отмечен.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Локатив с предлогом о

Весьма разнообразны и сложны в старославянском языке локативные конструкции с предлогом о. Иногда их понимание связано с большими трудностями и может претендовать лишь на приблизительно верное отражение существовавшего у конструкции значения. Греческий текст не в состоянии разрешить все сомнения. Дело в том, что именно в отношении рассматриваемых случаев (в противоположность подавляющему большинству других предложных конструкций) нельзя говорить об аутентичности греческого и старославянского текстов. Девятнадцать греческих предложных конструкций (*ἐν + дат.; ἐπί + дат.; ἐπί + вин.; ἐπί + род.; ὑπὲρ + род.; περὶ + род.; περὶ + вин.; περὶ + дат.; εἰς + вин.; κατὰ + вин.; κατὰ + род.; μετὰ + вин.; ἀπο + род.; πρὸς + вин.; δια + вин.; ἐξ + род.; παρὰ + род.; ὑπὸ + род.; συν + дат.*) и четыре беспредложных (*дат. б/пр., вин. б/пр., род. б/пр., φθῆς τοῦ ἐγκαίνισμοῦ — пѣсни о свяще(ньи) и αὐτοματί — о севѣ*) одинаково передаются в старославянских памятниках через лок. с предлогом о. Нередко можно наблюдать колебания между стремлением к формально адекватному переводу (иногда в ущерб ясности понимания) и попыткой передать общий смысл фразы (иногда в отступление от подлинника). Все это создает дополнительные трудности при исследовании значения этих конструкций.

Сравнительно небольшим числом случаев представлены в старославянских текстах локативные конструкции с предлогом о в значении места, около или вокруг которого (более детальная дифференциация значений сопряжена с непреодолимыми трудностями) происходит действие: и *поѣсъ оусъмѣнѣ о чрѣслѣхѣ его*. Марк, 1, 6 (*καὶ ζώνην δερματίνην περὶ τὴν ὀσφῶν αὐτοῦ*)³²; *сѣвѣра сѣ народѣ много о немѣ*. Марк, 5, 21 (*ἐπ*

³¹ Ср., однако, редакцию: *προσπερὶ ἑαυτοῦ εἰς μωρίων τάλαντων*.

³² То же в Никольском и Мирославовом евангелиях. В среднеболгарских недельных евангелиях это место обычно опускается.

αὐτόν); видѣ народъ много о нихъ. Марк, 9, 14 (περὶ αὐτοῦς); аште обложитъ камень жръновѣны о выи (Зогр. о вы) его. Марк, 9, 42 (περὶ τὸν τράχηλον); веригахъ облѣжаштнхъ о выи юю. Супр., 182 (ἐπὶ τὸν τράχηλον); о нихъ же стнѣмъшемъ са тѣмамъ народа. Зогр., Лука, 12, 1 (ἐν οἷς); и стрѣжште стражж ноштынжж о стадѣ своемъ. Лука, 2, 8 (ἐπὶ τὴν ποίμνην); сѣдѣаше о немъ народъ. Мар., Марк, 3, 32; иже вѣхж о немъ. Мар., Лука, 22, 49 (Зогр.: съ нимъ); и сжштеи о турѣ и сидонѣ. Мар., Марк, 3, 8 (Зогр. ошибочно: отъ турѣ и сидона; περὶ Τύρον καὶ Σίδων)³³; и вса сжщала съ нимъ о ловитеѣ рыбѣ. Лука, 5, 9 (καὶ πάντα τοὺς σὺν αὐτῷ, ἐπὶ τῇ ἄρτῃ τῶν ἰχθύων убеждает нас в предположении местного значения); оста же о севѣ кдинъ расты. Супр., 26 (κατὰ ἑαυτόν); о палатинѣ выѣшоумоу чоудоу. Супр., 563; обложатъ брази твоѣ острогъ о тевѣ. Зогр., Лука, 19, 43 (περιβαλοῦσιν); кзеро о немъже и градъ сѣтворенъ выстѣ. Супр., 90 (ἐν ἧ); видевъ много народъ о севѣ. Савв., Матф., 8, 18 (в других текстах — окръсть севѣ)³⁴; ты во о мнѣ и азъ о тевѣ кдино ... есѣ лице. Супр., 468 (так же Злат. Яг., 480). Специфичен следующий пример: потъкж са о наковаалѣ непобѣдимѣемъ. Клоц., 780, евангельские тексты. Матф., 4, 6; в Зогр. лакуна: о камен. (πρὸς λίθον); о наковаалнѣ непобѣдимѣ. Злат. Яг., 21; потъкжша са ... о камень. Супр., 448. Миклошич (IV, 636 и Lexicon) приводит еще примеры из церковнославянских текстов: коснүкши о ранѣ его, обѣшается о выи.

В церковнославянских памятниках таких примеров еще меньше (выѣшыми имъ о своемъ градѣ. Чуд. Пс. 37 г.; о немъже вышомоу в крслимѣ. Апост. Том., 25, 13; о немъже сташж клеветници. Там же, 25, 13; сташа о стѣнахъ градоу. Тихонр. Пам., I, 277; загревета ими о мнѣ. Там же, II, 66; сѣстави се море о фараонехъ. Там же, II, 443; иже вѣхж о немъ. Врач. Ев., 3а; иже вѣхж о немъ. Добрейш., Лука, 22, 49 и др.), причем в дальнейшем они полностью вытесняются другими типами³⁵.

В старославянских памятниках нет ни одного случая лок. с предлогом о во временном значении. Почти полностью отсутствуют они в церковнославянских текстах.

Ослабление лексического значения предлога о можно наблюдать в ряде случаев со значением основания деятельности, средства, отношения, сферы деятельности, социативности и т. д. Следует отметить, что в примерах подобного типа собственное значение лок. с предлогом о большей частью крайне неопределенно³⁶ и поэтому постоянно приходится прибегать к помощи контекста, что (до известной степени) снижает цен-

³³ В Галицком Евангелии 1144 г.: о турѣ и сидонѣ.

³⁴ См. любопытную контаминацию в Никольском Евангелии окръсть стоимти о немъ. Марк, 3, 34 (περὶ αὐτόν).

³⁵ Среди них окръсть + род., наиболее точно отражающая первоначальное значение.

³⁶ См. Вайян. Руков., 223. В этой связи характерна несостоятельность детальной классификации подобных конструкций у Миклошича (Bd. IV, S. 668—678 и Lexicon „о“); Срезневского (Матер. „о“), Вондрака (Vgl. slav. Gramm., Bd. II, S. 379) и их взаимная противоречивость.

ность этих примеров при исследовании древнейших судеб рассматриваемых конструкций. Приведем ряд примеров: о имени твоёмъ изгонашта вѣсы. Зоґр., Лука, 9, 49 (ἐπὶ τῷ ὀνόματι); о вельзѣоулѣ ... изгонитъ вѣсы. Лука, 11, 15 (ἐν Βεελζεβοῦλ); о кѣнази вѣсъ изгонитъ вѣсы. Марк, 3, 22 (ἐν τῷ ἄρχοντι); Лука, 11, 18—19 (то же); Матф., 9, 34 (то же); Матф., 12, 24; 12, 27 (2х); 12, 28 (то же); Марк, 9, 38 (то же); о малѣ вѣ вѣрънѣ. Матф., 25, 21; 25, 23 (ἐπὶ ὀλίγα); о малѣ вы вѣрънѣ. Лука, 19, 17 (ἐν ἐλαχίστω); не о хлѣбѣ единомъ поживетъ чкъ · нѣ о всемъ глѣ исходаштинѣмъ из оустъ вѣи. Матф., 4, 4; Лука, 4, 4 (то же) (οὐκ ἐπ' ἄρτω μόνω... ἀλλ' ἐν παντὶ ῥήματι); творитъ силъ о моемъ имени. Марк., 9, 39; и вѣси повинуюжтъ са намъ о имени твоёмъ. Лука, 10, 17; ѣко свѣта нѣсть о немъ. Иоанн, 11, 10 (ἐν αὐτῷ); аште же соль овоуѣетъ, о чемъ оубо осолитъ са. Лука, 14, 34; Марк, 9, 50 (то же) (ἐν τίνι); силы дѣжтъ са о немъ. Матф., 14, 2; Марк, 6, 14; шдѣ же приемы д талан'тѣ. дѣла о нихъ. Матф., 25, 16 (ἐν αὐτοῖς); дѣло бо добро съдѣла о мнѣ. Матф., 26, 10; Марк, 14, 6 (то же) (εἰς ἐμέ); творено естъ о немъ. Лука, 23, 15; розга не можетъ плода творити о себѣ. Иоанн, 15, 4 (ἀφ' ἑαυτοῦ); вѣсѣкж разж о мнѣ не твораштж плода. Там же, Иоанн, 15, 2; і о себѣ ничесоже не творж. Иоанн, 8, 28; Иоанн, 5, 19; 5, 30 (то же); не о себѣ бо придѣ. Иоанн, 8, 42 (Иоанн, 7, 28 — то же) (ἀπ' ἑαυτοῦ); твори кже хоштели о насъ. Супр., 176; мы во готовы ксмъ о къпрашани твоимъ. Супр., 177; о насъ же цѣсарствоужштѣ. Супр., 185; покажи о мнѣ. Супр., 21; нѣсть се мок дѣло о семъ во чиноу. Супр., 171; поститъ са о хлѣбѣ о водѣ. Син. Требн., 104в; и сами о себѣ можемъ въспранжти. Клоц., 222; о крѣви съкѣтъ творимъ. Клоц., 237; і нынѣ о себѣ... бранѣ теоратъ. Клоц., 367; не о себѣ во выс ... мжа. Клоц., 615; о немъже жрътва принесена выс. Клоц., 508; нѣсть спнѣ о всѣ его. Син. Пс., 3; о всѣ створимъ силъ. Син. Пс., 74₁₀; о имени твоёмъ въздеждж ржцѣ моі. Син. Пс., 76; о имени твоёмъ исповѣмъ са. Син. Пс., 57₆; ср. 56₁₉, 117₂₂; о чемъ исправитъ юноі пжтъ свої. Син. Пс., 155₄ (ἐν τίνι κаторθώσει νεώτερος τὴν ὀδὸν αὐτοῦ); о всѣ спнѣ мое. Син. Пс., 75₁₂; да ни посрамѣжтъ же са о мнѣ Син. Пс., 72_{вз} (πῆδη ἐντραπέησαν ἐπ' ἐμέ); о мнѣ поѣхж. Син. Пс., 83₄ (εἰς ἐμέ ἔψαλλον); онъ же драселъ выгъ о словесе. Марк, 10, 22; лѣтоу коньчавшоу о такой слоужьбѣ. Супр., 260 и т. д. В ряде примеров связь с местным значением более очевидна или более понятна в историческом плане: съконьчакъшж са о господи. Супр., 14; прѣждѣте о вѣрѣ хсовѣ. Супр., 16; съконьча о возѣ. Супр. 302; азъ съвазаныи о ги. Зоґр. лл., III, 1 и др. Но особенно очевидны связи с изъяснительным значением, которое в старославянском языке не было столь автономно, как например, в большинстве современных славянских языков. Граница между значениями уже приведенных примеров и собственно изъяснительным значением заполнена целым рядом переходных случаев, в дальнейшем исчезнувших или переосмысленных. В самом деле, такие случаи, как прославити са о немъ, хвалити са о немъ, оужасати са о немъ, обличати о немъ, съблазнити са о немъ, оутешати о немъ,

ГНѢРАТИ СЯ О НЕМЪ, КАЖТИ СЯ О НЕМЪ и подобные, в которых лок. с предлогом о ощутимо выражает причину или повод указанного глаголом действия, с другой стороны, являются указанием на содержание прославления, похвалы, ужаса, обличения, гнева и т. д. Именно эта группа примеров нагляднее всего отражает процесс становления изъяснительного значения. Приведем некоторую часть иллюстративного материала: и въ прослави сѧ о немѣ. Иоанн, 13, 31 (ἐν αὐτῷ); Иоанн, 13, 32 (то же); да прославитъ сѧ оць о снѣ. Иоанн, 14, 13; о сѣмь бо прослави сѧ оць мой. Иоанн, 15, 8; славашта бога о чоудесехъ. Супр., 6; о сѣтъ слава ба. Супр., 563; слава ба о поданѣи кѣмоу цѣльѣ. Супр., 564; да о сѣмь прославитъ сѧ. Син. Требн., 21а; о хѣ исѣ гї нашимъ... слава. Син. Требн., 26в; ср. 27а; о всѣ похвалім сѧ. Син. Пс., 57₅, ср. 69₂₀, 69₁₈, 40в₁₀, 127₃; хвалаште и славаште ба о всѣхъ. Лука, 2, 20; да покаетъ сѧ о хлѣбѣ о водѣ. Син. Требн., 104в³⁷; ср. 105а, 105в, 103а; да не постыдѧтъ сѧ о мнѣ. Син. Пс., 82₂; да не посрамѣѧтъ же сѧ о мнѣ. Син. Пс., 82₅; о мнѣ глаоумѣхѣ (вместо ꙗ) сѧ. Син. Пс., 83₂ (κατ' ἐμοῦ ἠδολέσθουσι); иже не съблазнитъ сѧ о мнѣ. Матф., 11, 6 (ἐν ἐμοί); блаженѣахъ сѧ о немѣ. Матф., 13, 57; ср. Матф., 26, 31; 26, 33 (2х); Марк, 6, 3; 14, 27; Лука, 7, 23; Супр., 31; обличаемъ имь о родѣдѣ женѣ вратра своего и о всѣмь зълѣ. Лука, 3, 19 (περὶ Ἠρωδίου τῆς γυναίκος); обличаетъ ма о грѣсѣ. Иоанн, 8, 46 (περὶ ἁμαρτίας); ср. Иоанн, 16, 8, 9, 10, 11; обличи о мнѣ сила божества. Супр., 22; ажкавѣнова врагъ о сѣтѣемь твоѣмь. Син. Пс., 93₅. Ср. 135₁₈ (ἐπονηρέωσατο ὁ ἐχθρὸς ἐν τῷ ἁγίῳ σου); насладитъ сѧ о съпасени его. Син. Пс., 42₁₀, ср. 125₂₁ (τερφθήσεται ἐπὶ τῷ σωτηρίῳ αὐτοῦ); въ обличеніихъ о безаконенкі. Син. Пс., 51₁₃ (ἐν ἐλεγμοῖς ὑπὲρ ἀνομίας); обличі о нѣхъ црѣ. Син. Пс., 135₈ (ἠλεγξεν ὑπὲρ αὐτῶν βασιλεῖς); не обрѣтъ ни единоваже о чѣсѣ сѣмь вины. Лука, 23, 14; вины не имѧтъ о грѣсѣ сѣмь. Иоанн, 15, 22; да оутѣшатъ і о вратѣ ею. Иоанн, 11, 19; сѧпротивѧтъ сѧ о томъ. Супр., 174; і о своі женѣ догѣлѣти сѧ. Клоц., 121; о нѣхъже наоучилъ сѧ еси. Лука, 1, 4.

Особую группу случаев представляют лок. с предлогом о при глаголах, выражающих энергичное проявление чувства радости, веселья, удивления, негодования, гнева, ужаса и т. д.: разгнѣвавъ же сѧ князь о съкроушени богъ своихъ. Супр., 180; оужасахъ сѧ о словесехъ его. Марк, 10, 24 (ἐπὶ τοῖς λόγοις); начаша негодовати о іѣковѣ і оаннѣ. Марк, 10, 41 (περὶ Ἰακώβου καὶ Ἰωάννου); і оужасахъ сѧ о оучениі его. Лука, 4, 32; сѧмѧте сѧ о словеси его. Лука, 1, 29; о зѣловѣ же не негодова. Син. Пс., 45₇ (τῇ δὲ κακίᾳ οὐ προσώχθισε); і чюднша сѧ о немѣ. Марк, 12, 17 (ἐπ' αὐτῷ); чюдашта сѧ о глѣмышъ. Лука, 2, 33; чюдаштемъ сѧ о кѣхъ. Лука, 9, 43; въсчюуди сѧ о старчи прозорнѣемь дароу. Супр., 299; днѣл'бахъ сѧ народи о оучениі его. Матф., 7, 28; ср. Марк, 1, 22; 6, 2; 11, 18; Лука, 2, 33; 9, 43; 20, 26; Иоанн, 9, 30 (о сѣмь оубо днѣно естъ)³⁸; мнози о рождѣствѣ его въздрадоуѧтъ сѧ.

³⁷ Ср. в Супр. покаити сѧ ... о святою. 6.

³⁸ Ср. в Син. Требн.: имени твоемоу днѣмъ сѧ. 1а.

Лука, 1, 14; о семь не радујте сѧ. Лука, 10, 20; ср. Лука, 1, 47; 13, 17; 15, 10; въздрадоуж(тъ) сѧ ютро о милос(т)і твоѣ. Син. Пс., 73₆ (ἀγαλλιάσασθαι τὸ πρωὶ τὸ ἔλεός σου); радујте сѧ ... о гнѣ. Син. Пс., 39₄; възвеселіть сѧ правѣдникъ о гнѣ. Син. Пс., 77₁₄, ср. 137₁₄, 76₂; радујетъ сѧ о мирѣ. Супр., 29, ср. 447; о немъ въсмѣятъ сѧ. Син. Пс., 66₁₈ и др.

Еще ближе к изъяснительному значению локативные конструкции с предлогом о при глаголах, выражающих горестные чувства: скръвѣ о окамененіи сръдѣца. Марк, 2, 5 (ἐπὶ τῇ πωρόσει); плака сѧ о немъ. Лука, 19, 41; не плачите сѧ о мнѣ. Иоанн, 23, 28; почто о нѣхъ же... тѣжиши. Супр., 309; и облягъчити печаль о иног ошьстни но празднистѣѣ ми о нѣхъ конхъ напастѣхъ. Зогр. лл., I, 4—5 и др. Впрочем, эта группа весьма немногочисленна.

Лок. с предлогом о употреблялся в старославянских текстах и при глаголах, выражающих заботу: і о одежди чѣто сѧ печете. Матф., 6, 28 (περὶ ἐνδύματος); ср. Матф., 6, 34: не п'цѣте сѧ оубо на оутрѣби; а о друзѣмъ не брѣшти въчнетъ. Лука, 16, 13; і не брѣжетъ о овьцахъ. Иоанн, 10, 13; о ништнхъ печаше сѧ. Иоанн, 12, 6; онъ о прѣданкѣ тѣшташе сѧ. а снѣ о слоужьбѣ. Клоц., 248; о телеси гнѣ не родѧ. нъ о юдѣ не родѧ. Клоц., 433—434; неврѣгж о томъ. Супр., 169; не радѣбахъ о мжкахъ. Супр. 180; и о мжкахъ твоихъ неврѣжегѣ. Супр., 181; печаше сѧ о възѣштѣнѣмъ искоустѣ. Супр., 295; попци сѧ о доуши свои. Супр. 569; и попекж сѧ о грѣсѣхъ моухъ. Син. Требн., 76в³⁹; о немъ же благоволихъ. Матф., 3, 17; ср. Марк, 1, 11; Лука, 3, 22; милорѣдова о нѣхъ. Матф., 9, 36; ср. Матф., 14, 15; 15, 32. Ср. также лок. с предлогом о при молити (сѧ) и вѣровати: і молиша і о неі. Лука, 4, 38; (περὶ αὐτῆς); і молиша і въсь народъ о власти. Лука, 8, 37; ср. Лука, 14, 32; 22, 32; Иоанн, 16, 26 (азъ оумол'иж оца о васъ); Иоанн, 17, 9 (3x); молаште сѧ о нею. Супр., 6; о семъ бога молаше. Супр., 296, ср. 455, 564; молимъ тѧ о всѣхъ насъ. Син. Требн., 20в; помо ... о вышъним о мирѣ всего. Син. Требн., 9а (ср. 8а: молимъ ... спни нашего), ср. также интересный пример: помолимъ сѧ за освещеніе всѣхъ нас дшъ ... о съподобити сѧ намъ црствью нетѣлѣжщю ... о быти намъ храмоу и жилищю ... о съхраненнѣ намъ бес колѣваніѣ; вѣровати о всѣхъ. Лука, 24, 25 (ἐπὶ πάντων); не ѧса же вѣры юдѣ о немъ. Иоанн, 9, 18; о семь вѣроуемъ. Иоанн, 16, 30 и др.

Наконец, наиболее значительная часть примеров лок. с предлогом о приходится на те случаи, когда лок. выступает при глаголах речи, мышления, знания и т. д. Необходимо отметить два момента. Первое — примеры с собственно изъяснительным значением, будучи наиболее многочисленной среди остальных группой, тем не менее не составляют абсолютного большинства (беспрецедентный случай в славянских языках). Так, например, в евангельских текстах их число колеблется между

³⁹ Ср. пики сѧ жидою. Чуд. Пс., 10 г. (в рукописи XV в.: жидани).

100 и 115 примерами⁴⁰; остальные же локативные конструкции с предлогом о насчитывают 110—130 случаев. Второе, говоря о собственно изъяснительном значении лок. с предлогом о в старославянском языке, ва неимением сколько-нибудь надежных критериев поневоле приходится пренебрегать важными деталями, а именно, мы никогда не сможем определить, насколько значение данной конструкции отошло от первоначально более конкретного значения; поэтому для нас нет особой специфики в случаях типа: сказати о немь, писати о немь, бесѣдокати о немь, мыслити о немь, вѣдѣти о немь, кънига о немь и т. д. по сравнению с соответствующими примерами в современных славянских языках. Ввиду этого обстоятельства, а также вследствие того, что лок. с предлогом о в изъяснительном значении хорошо известен, ограничимся лишь некоторыми примерами: мышѣ .ф. о томьзе цѣсарьстѣѣ нашемь. Киев. мисс. (несколько раз); глати народомъ о юаннѣ. Матф., 11, 7; ср. Марк, 1, 30; 6, 2; 8, 30; Лука, 2, 33; 20, 38; 7, 24; 9, 11; 19, 41; 20, 5; Иоанн, 2, 21; 7, 18; 8, 26; 9, 17; 9, 21; 11, 13; 12, 41; 12, 49; 13, 18; 13, 22; 14, 10; 16, 13; Макед. глаг. л., III, 3; Супр., 8, 169 и т. д.; Син. Требн., 19а; Син. Пс., 157₈, 169₁₀ и др.; о хлѣвѣхъ... рѣхъ. Матф., 16, 11; Лука, 6, 26; 24, 19; Иоанн, 1, 30; 7, 39; 10, 41; 11, 13; 11, 51; 18, 34; Супр., 365, 370, 456 и др.; Син. Пс., 114₈ и т. д.; сказаша о глѣ. Лука, 2, 17; повѣдѣша... о свиннѣхъ. Марк, 5, 16; Лука, 1, 1; 7, 18 (и възвѣстиша... о всѣхъ сихъ); Лука, 13, 1; Иоанн, 16, 25; Супр., 292, 294, 295, 299, 299 и др.; бесѣдоваашете... о всѣхъ сихъ. Лука, 24, 14; Супр., 306, 365 и др.; да свѣдѣтельствоуетъ о свѣтѣ. Иоанн, 1, 7; ср. 1, 8; 1, 15; 2, 25; 5, 31; 5, 32 (2х); 5, 33; 5, 36; 5, 37; 5, 39; 7, 7; 8, 13; 8, 14; 8, 18 (2х); 15, 26; 18, 23; 28, 37; 21, 24; Супр., 10 и др.⁴¹; пророчествова о васъ. Матф., 15, 7; и мльвиши о мноѣ. Лука, 10, 41; ръпѣтахъ же юден о немь. Иоанн, 6, 41; 6, 61; 7, 12; 7, 32 и т. д.; въпрашаахъ... о притъчи. Марк., 7, 17; ср. 10, 10; Лука, 9, 45; Иоанн, 18, 19; Супр., 447 и др.; въздаждь отвѣтъ о приставленни домовнѣемь. Лука, 16, 2; Клоц., 725; Супр. 14, 14, 185 и т. д.; яко кони рѣжжште о добротѣ. Супр., 2; онемьже естъ псано. Матф., 11, 10; ср., 26, 24; Марк, 7, 6; 9, 12; 9, 13; 14, 21; Лука, 7, 27; 18, 31; Иоанн, 5, 46; 12, 16; Син. Пс., 52₁₄ и т. д.; также при словах: кънига, слово, псалмъ, слоухъ, пѣсна, пѣние, завѣтъ, свѣтъ, въспоминание, глава, рѣпѣтъ, шумъ и т. д.; о а дни томь и о годинѣ тои никтоже не вѣстъ. Матф., 24, 36 (ср. Матф., 25, 13: не вѣсте дни ни часа); Марк, 13, 32; Лука, 20, 6 (извѣстно бо еѣ... о юаннѣ); 21, 30; Супр., 23, 25, 171; Клоц., 694; Хиланд. лл., IIВ, 6. 10; не разоумѣша бо о хлѣвѣхъ. Марк, 6, 52; Иоанн, 7, 17; 13, 35; помышлѣжштемъ... о юаннѣ. Лука, 3, 15; ср. Лука, 24, 4 (домыслаштамъ са... о сѣмь); Иоанн, 13, 22; Супр., 181 (примыслаши о наю); слышагъше о ісѣ. Марк, 5, 27; ср. 7, 25; Лука, 2, 47 (послоушажште

⁴⁰ Мы не считали встречающиеся в начале евангелия от Луки (Зогр.) 75 заглавий, начинающихся с о + лок. (о наспани, о стрѣгжштихъ пастоуѣхъ, о симонѣ и т. д.).

⁴¹ Ср. Марк, 14, 56; 14, 57; свѣдѣтельствоваахъ на нь.

его о разумѣ); 9, 9; 16, 2; 23, 8; Супр., 299, 450 и т. д.; Ундольск. л., 63; о себѣ не сждите. Лука, 12, 57 и др.

Церковнославянские памятники сначала довольно точно воспроизвели в отношении локативных типов с предлогом о ту же картину, что и собственно старославянские тексты (особенно показательны в этом отношении Остромирово и Добрейшово евангелия). В дальнейшем начинается исчезновение лок. с предлогом о в конкретных значениях, а в памятниках сербского и болгарского изводов появляются примеры, свидетельствующие о неустойчивости лок. с предлогом о и в изъяснительном значении (за). С другой стороны, церковнославянские тексты иногда (правда, редко) содержат примеры, отсутствующие в старославянских памятниках. Ср. о десяти розѣхъ, дѣвица о кдиной русѣ, сѣдлобагъ съты о шѣсти оуголъ, походить о жезлѣ (примеры взяты у Миклошича) и др.

Примечания. 1. Аккузативные конструкции с предлогом о в старославянском редки. В ряде случаев они выступают в том же значении, что и соответствующие локативные конструкции: ср. о дѣнжѣ⁴², о шорѣжѣ, о дѣжѣ, обѣ очѣ полѣ; древность этих случаев не подлежит сомнению. Во временном значении употребляется обѣ ношѣ, а в Супр. рук. даже о лѣтѣ. 301. В евангельских текстах вин. регулярен при сочетании мѣтати жрѣбни: мѣтѣмъ жрѣбнѣ о нь. Иоанн, 19, 24 (περὶ αὐτοῦ); о матизмѣ. Там же, (ἐπὶ τὸν ἱματισμόν); о нь. Матф., 15, 24⁴³. Однако уже в Болонской Псалтыри встречаем: и о матизмѣ мои мѣташа жрѣбнѣ. XXI, 19. Чрезвычайно любопытны такие случаи, как: вѣзѣтиша всѣ и о вѣсною. Матф., 8, 30; сказаннѣ о блажнаго Даудѣ. Супр., 359; кръвѣ... о нжи ты съѣштанѣши. Супр., 415.

2. В отличие от ряда исследователей не можем согласиться, что об является вариантом предлога о (например, Вайян. Руков., 218, 224). Несмотря на то, что он крайне редок, очевидно, что он и фонетически (обѣ очѣ полѣ, обѣ ношѣ), и синтаксически (об + вин., о + лок., вин.), и семантически (только он употребляется в указанных выше выражениях) самостоятелен. Лишь в дальнейшей истории языка он становится фонетическим вариантом в силу редкой употребляемости, незначительного смыслового отличия от о + лок. и формальной близости о + лок.

Локатив с предлогом по

Локативные конструкции с предлогом по в старославянских текстах имеют крайне ограниченный круг значений, представленный рядом однообразных по структуре примеров. Лишь две группы случаев можно проиллюстрировать достаточным материалом. В первой из них существительное, стоящее в лок. с предлогом по, обозначает предмет, вслед за которым (в пространственном плане) происходит движение. В евангельских текстах содержится немногим более 50 таких случаев (Зогр. — 54; всего же локативных конструкций с предлогом по — 99). Следовательно, эта группа наиболее многочисленная. Исключение представляет Саввина книга, где подобного рода примеры не являются самыми многочисленными, уступая конструкциям временного плана. Еще более возрастает преимущество примеров последнего рода в Супрасльской рукописи, где их уже в несколько раз больше, чем лок. с предлогом

⁴² В Сречковичевом Еванг. встречаем: сѣдлацѣ о десныхъ. Марк, 16, 5.

⁴³ Ср. то же в Сян. Пс.: о рнж мож мѣташа жрѣбнѣ. 26в. (ἐπὶ τὸν ἱματισμόν μου ἔβαλον κλήρους).

по в значении предмета, вслед за которым происходит действие. В церковнославянских памятниках Болгарии эта тенденция продолжала прогрессировать, приведя довольно рано к окончательному вытеснению рассматриваемого типа (ср. болг. *върви след мене*).

Укажем примеры лок. этой группы: по немъ идосте. Матф., 4, 20; 4, 22 (ἠκολούθησαν); по немъ идоша народи мнози. Матф., 4, 25; градъштинимъ по немъ. Матф., 8, 10; гради по мнѣ. Матф., 8, 22; и ходитъ по мнѣ. Лука, 9, 23, ср. также: Матф., 8, 19; 8, 23; 9, 9 (2x); 9, 27; 14, 13; 26 58; 27, 55; Марк, 1, 18; 1, 20; 2, 14; 2, 15; 5, 24; 5, 37; 6, 1; 8, 34 (2x); 9, 38; 10, 52; 14, 13; 14, 51; 15, 41; Лука, 5, 27; 9, 23 (2x); 18, 22; 22, 10; 22, 39; Иоанн, 1, 15; 1, 27; 1, 37; 1, 38; 1, 41; 1, 44; 6, 2; 6, 35; 8, 12; 10, 4; 10, 5; 10, 27; 11, 31; 12, 19; 12, 26; 13, 36 (2x); 13, 37; 18, 15; 21, 19; 21, 22; Супр., 308 и др.; Син. Требн., 90а; Син. Пс.: привеждѣтъ съ црю дѣвы по неи. 59₂₄ (ἀπερχθήσονται τῷ βασιλεῖ παρθένοι ὀπίσω αὐτῆς); при помощи ὀπίσω передано в греческом тексте соответствующее место у Марка, 8, 34. Нужно сказать, что указанная старославянская конструкция не была единственной для передачи греч. ἀκολουθεῖν, реже ὀπίσω. В Зографском и Мариинском евангелиях по 6—8 раз, а в Саввиной книге — 16 раз (в Супрасльской рукописи — почти постоянно) встречаем ити въ слѣдѣ. Какой-либо разницы в условиях употребления этой конструкции по сравнению с первой нам не удалось обнаружить. До известной степени то же можно сказать о типе ити за мѣнож. Зогр., Марк, 8, 33; Матф., 16, 23; Супр., 99 (без указания на движение: *зади за вѣсьми стол*) и о типе ити за ма. Савв., Остр., Матф. 4, 10 и др.

Примечание. Бесспорно, позднейшей является конструкция, встретившаяся во Врач. Ев.: по іса идоша народи мнози. Матф., 12, 15 (в Добрейш. Ев.: по немъ идоша). Кстати, подобное вытеснение лок. винительным при предлоге по в среднеболгарских евангелиях встречается и в других случаях. Ср. Врач. Ев., Матф., 20, 13; 27, 53; Лука, 12, 15 и др.

Вторая большая группа локативных конструкций с предлогом по выражает те же отношения следования, но во временном плане: *абие же по кръви (так!) дѣнии тѣхъ слънце мръкнетъ*. Матф., 24, 29 (μετά τήν θλίψιν); по *мнозѣхъ же вѣременехъ приде гъ*. Матф., 25, 19 (μετά πολλόν χρόνον); *вѣсте ѣко по дѣвою дѣноу пасха выветъ*. Матф., 26, 2; по *вѣскръсновени же моемъ варѣж вы въ галилен*. Матф., 26, 32; ср. также Матф., 27, 53; 27, 63; Марк, 2, 1; 4, 17; 4, 28 (2x); 7, 5; 8, 25; 9, 2; 10, 30 (по изгнанні — μετά διωγμῶν — род. I); 14, 1; 14, 28; 16, 12; Лука, 1, 3; 1, 24; 5, 27; 6 23 (по сиѣхъ во теорѣахъ — κατά ταῦτα)⁴⁴; 8, 1; 8, 12; 9, 28; 10, 1; 12, 4; 12, 5; 15, 13; 17, 8; 22, 20; может быть, 23, 26; Иоанн, 2, 12; 4, 43; 5, 1; 5, 14; 6, 1; 11, 7; 13, 5; 13, 27; 19, 27; 19, 38; 21, 1; Клоц., II, 41, 86, 302, 755, 900, 904; Супр. 6, 9, 10, 11, 13, 171, 292, 294, 296, 452, 564 (2x) и др.; Зогр. лл., I, 3; Син. Пс., 15₁₁, 62₆, 171₃; Охр. глаг. лл., II, 1; Унд. лл., 51; возможно, дважды в Макед. кирилл. листках (в испорченных местах).

⁴⁴ По томъ обычно соответствует греч. *εἰ τα*.

Дважды в Зогр., Мар., Остр. (а также Добрейш. и Макед. Апостоле⁴⁵ Деян., 27, 14) встречается дат.: *нѣ по мѣноу*. Матф., 26, 73; Марк, 14, 70 в соответствии с *нѣ по мнѣзѣ* в Асс. и Савв. (*μετὰ μικροῦ*). Есть и еще один пример такого же рода: они же *начаша скръѣсти* і глаги *ѣмоу единѣ по единѣмоу*. Марк, 14, 19. Лишь единичные случаи дают намек на перспективы развития подобных конструкций в дальнейшем. Так, собственно временное значение обнаруживается в примере из евангелия: *по дньхъ цра ірода пришли еѣ Ірсламъ вахъви*. Матф., 2, 1 ('во время', а не 'после', ср. греч. *δῑ ἡμερῶν* и *ἐν ἡμέραις*)⁴⁶; в Зогр., Асс. встречаем: *приде къ прѣдѣлы іудейскы по ономъ полоу іордана*. Марк, 10, 1 (*πέραν τοῦ Ἰορδάνου*); во всех остальных случаях здесь всегда выступает дат. с предлогом *по*.

Примечание. В дальнейшей истории болгарского языка последняя конструкция начинает появляться все чаще и чаще (ср. да не *нмаж(т)а по ескъ хорахъ*. Грам. Иоанна Асеня II, но и: *по всему Загоріу (ходлѣ)*. Там же; *по Гръцѣ снлж вонскъ съврати*. Троян. притча, 254; *искаѣ иго ескъ градоѣ*. Там же, 258; труднее определить случаи типа: *по градоу*. 255, *по сѣтоу*. 254, *по соуху*. 265; *по мѣстаха, по пираха, по двори* (Лавр. Обз.) и др.

Весьма сложно определить надежную принадлежность *по срдѣкѣ* (*ἐν μέσῳ*). Матф., 10, 16; 13, 25; 14, 6; 14, 24; Марк 3, 3; 6, 47; 9, 36; 14, 60; Лука, 2, 46; 4, 30; 4, 35; 6, 8; 8, 7; 10, 3; 21, 21; 22, 27; 22, 55 (2x); Иоанн, 1, 26; 8, 3; 8, 9; 8, 59; 19, 18; Клоц., 351, 574, 861, 862, 863, 866, 867, 869, 870, 871, 873, 875 и др.⁴⁷ То же относится и к примеру из Бол. Пс.: *вѣпоши са оруженма твоима по вѣдрѣ твои*. XLIV, 4; также в Чуд. Пс., 24г и 25а (впрочем, ср. в Троянской притче: *опашн снма златымъ мичимъ по оржию своему*. 260). В местном значении иногда выступает с предлогом *по вин.*: *тржси по мѣста*. Матф., 24, 7 (*κατὰ τόπους*); Марк, 13, 8; Лука, 21, 11; *поставьж(т) по всѣа грады*. Супр., 1 и др. Ср. параллельные случаи временного плана: *по всѣа дни* и т. д. Об этих типах см. Вайян. Руков., 225—226.

Приведем еще несколько примеров лок. с предлогом *по*: *ни оумрѣти по томъ можтѣ*. Лука, 20, 36 (предшествующий и последующий текст, кажется, дают основания видеть в этом примере переход от временного значения к причинному)⁴⁸; *иже во нѣстѣ на вы по васѣ естѣ*. Марк, 9, 40; Лука, 9, 50 (*ὅς γάρ οὐκ ἔστιν καθ' ἑμῶν ὅτι οὐκ ἔστιν*); *по господи борѣ*. Клоц., 681; *плака по нихъ*. Супр., 38; *жалова во н тѣ по Лазарѣ и Іюдѣ*. Супр., 382; *и тръпнѣ по нихъ*. Савв., Лука, 18, 7 (*ἐπ' αὐτοῖς*); в остальных евангелиях менее точное на нихъ, показывающее, что переводчики не смогли правильно понять греч. *μακροθυμεῖ ἐπ' αὐτοῖς*; *прильпе дша моѣ по тебѣ*. Син. Пс., 76, 15 (*ἐκολλήθη ἡ ψυχὴ μου ὀπίσω σου*); *иждивнѣ воудоу по душахъ вашихъ*. Шишат. Апост., 2 кар., 12, 15 (*ὕπερ τῶν ψυχῶν*) и др. Ср. *по намъ подати* (т. е. *повѣдати*). Злат. Яг., 325; *по благочѣстни очи ходити*. Чуд. Пс., 27в и др. Болгарские па-

⁴⁵ В Шишат. Апост. в соответствующем месте: *по мнѣзѣ*.

⁴⁶ В Мар., Асс., Савв. встречаем в этом месте: *къ дни ірода црк.* . .

⁴⁷ В. Вондрак видит здесь лок. *Glagolita Clozŭv*. 861 и др.

⁴⁸ Может быть, сюда же относится: *да не приложит са по томъ влнчати са чакѣу на зман*. Бол. Пс., IX, 39.

мятники XII—XV вв. не дают достаточных оснований для рассуждений о дальнейшей эволюции значений локативных типов с предлогом по вследствие рано начавшегося смещения падежей, а затем их постепенной утраты⁴⁹.

Локатив с предлогом при

Еще уже круг локативных типов с предлогом при. И вообще они весьма не часты в старославянских текстах (в евангельских текстах они встречаются менее 40 раз). В подавляющем большинстве случаев лок. с предлогом при обозначает место, около которого происходит действие (как правило, без ощутимого оттенка зависимости): **ХОДА ЖЕ ПРИ МОРИ ГАЛИЛИСЦЬЕМЪ**. Матф., 4, 18 (παρὰ τὴν θάλασσαν); ср. то же у Матф., 13, 1; 15, 29; Марк, 1, 16; 5, 21; **СЪДЪСТА ПРИ ПЖТИ**. Матф., 20, 30 (παρὰ τὴν ὁδόν); ср. то же Матф., 13, 4; 13, 19; Марк, 10, 46; **ЛУКА, 8, 5; 18, 35; ВЪ ЖЕ ТОУ СТАЛО СВИНО ПАСОМО ВЕЛЬЕ ПРИ ГОРЪ**. Марк, 5, 11; **СТА ИС ПРИ ВРЪСЪ**. Иоанн, 21, 4; **СТОЯЖ ПРИ ЕЗЕРЪ ЁНИСАРЕТЬСЦЪ**. Лука, 5, 1; 5, 2; **СЕКЫРА ПРИ КОРЕНЕ ДРЪКА ЛЕЖИТЪ**. Лука, 3, 9 (πρὸς τὴν ρίζαν); **ПРИ КЖПИНЪ КАКО РЕЧЕ**. Марк, 12, 26; Лука, 20, 37; **ЛЕЖАШЕ ПРИ ВРАТЪХЪ**. Лука, 16, 20 (πρὸς τὸν πύλωνα); **ПРИВЪЗАНЕ ПРИ ДВЪРЕХЪ**. Матф., 24, 33; Марк, 11, 4; 13, 29; Иоанн, 18, 16; **СТОЪХЪ ЖЕ ПРИ КРСТЪ ИСЪ**. Иоанн, 19, 25; **И СТАВЪШИ ЗАДИ ПРИ НОГОУ ЕГО**. Лука, 7, 38; 8, 35; 8, 41; **ГРЪЖА СА ПРИ СВЪШТИ**. Марк, 14, 54; **ДА ЕСТЬ ПРИ НЕМЪ ЛАДИЦА**. Марк, 3, 9 (с оттенком значения 'для него'); **СЪДЪАХЪ ПРИ ВАСЪ**. Мар., Асс., Матф., 26, 55 (Ζογρ. съ вами; πρὸς ὑμῶν); несколько отличный случай следует видеть в таких примерах, как: **НЕ СЪТЖИТЕ ЗЛАТА НИ СЪРЪБРА НИ МЪДИ ПРИ ПОЪСЪХЪ ВАШИХЪ**. Матф., 10, 9 (εἰς ζῶνας ἡμῶν); Марк, 6, 8; **ОУСТЪНЫ НАША ПРИ НАСЪ СЖТЪ**. Син. Пс., 12₄ (παρ' ἡμῶν). Примеры, подобные указанным, встречаются чаще всего и в других памятниках. В ряде случаев лок. с предлогом при выражает временные отношения: **ПРИ ДЕКАТЪИ ЖЕ ГОДИНЪ ВЪЗЪПИ ИС**. Матф., 27, 46 (περὶ τὴν ἐνάτην ὥραν); **ВЪ ВО ВЪТРЪ ПРОТИВЪНЪ ІМЪ І ПРИ ЧЕТВЪРТЪИ СТРАЖИ НОШЪНЪИ**. Зогр., Асс., Марк, 6, 48 (Мар. въ третьжъ годинжъ); **ВЪНИДЕ ВЪ ХРАМЪ ВЖІИ ПРИ ФВИ(АВИА)ФАРЪ АРХИЕРЕН**. Марк, 2, 26 (ἐπὶ Ἀβιάθαρ ἀρχιερέως); **ЧЕТВЪРЪТОВАЛЪСТЕОУЖШТУ АВИЛИННЕЖ ПРИ АРХИЕРЕІ АН'НЪ И КАІЪФЪ**. Лука, 3, 2; **ЪКО ПРИ ВЕЧЕРЪ ЕСТЬ**. Лука, 24, 29 (πρὸς ἑσπέραν); **РАСПАТЫИ ПРИ ПЖНТЬСТЪМЪ ПИЛАТЪ**. Супр., 173; **ПРЪЛОЖЕИ ПРИ МОСТЪИ ВОДЖ ГОРЪКЖЖ ... ВЪ СЛАДЪКЖЖ, ... ПРИ ЕЛІСЪИ**. Син. Требн., 6в; **ПРИ ПРАВЕДЪНЪЕМЪ НОН**. Син. Требн., 16а, и др. Иногда в лок. с предлогом при выступает имя, обозначающее определенное условие или состояние, при котором совершается действие: **СЪДАШТЪ ПРИ СВЪТЪ**. Лука, 22, 56 (πρὸς φῶς); **ВЪЗВРАТИЛЪ НЫ ЕСИ ВЪСПАТЪ ПРИ ВРАТЪХЪ НАШИХЪ**. Син. Пс., 57₁₂ (παρὰ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν); **ПРИ СТРАШЪИ ВО ВЪАХЪ**. Зогр. Марк, 9, 6 (ἐκφοβοὶ γὰρ ἐγένοντο); **СЛОВЖСТАА ПРИ ЛОУТОСТИ И ПРИ ДРЪЗОСТИ**. Супр., 212 и др. Любопытен пример из Саввиной книги:

⁴⁹Ряд примеров лок. с предлогом по в церковнославянских памятниках можно найти у Миклошича (Bd. IV, S. 677—678).

при одежди что са печете. Матф., 6, 28 (περὶ ἐνδύματος). Ср. при иномъ оубо въ здръжа вѣшаше. Супр., 298.

Церковнославянские памятники продолжают в общем сохранять указанные случаи, что, видимо, связано со значительной замкнутостью (изолированностью) этих конструкций. Впрочем, некоторые специфические примеры все-таки можно отметить: при малѣ еси вѣрънѣ. Иоанн, Эвз. Болг.; скудота высть при водѣ. Син. Пат.; ависа при толицѣмъ сану. Г. Амарт., 196, 24 и др.

И в применении к среднеболгарским памятникам можно говорить об устойчивости локативных конструкций с предлогом при в основных из намеченных нами значениях; особенно это относится к примерам с временным значением.

Локатив с предлогами въ и на

Старославянские локативные конструкции с предлогами въ и на в основном повторяют уже известные нам из предшествующего изложения случаи. Как и в других славянских языках, в старославянских текстах эти конструкции являются наиболее многочисленными среди других предложно-локативных сочетаний. Следует лишь отметить, что распределение примеров по группам с определенными значениями в старославянских памятниках несколько иное, чем в других языках, что, разумеется, нужно связывать с особенностями содержания этих памятников. Укажем суммарно основные типы локативных конструкций с предлогами въ и на, встречающиеся в старославянских текстах. Группа случаев с местным значением (самая распространенная): иже хотѣшаше съкончати (са) въ имѣ. Лука, 9, 31; въ поустѣхъ мѣстѣхъ вѣ. Марк, 1, 45; сжштимъ въ чрѣвѣ. Клоц., 447; въ ѣслехъ раждаѣ са. Клоц., 867; въ водѣ погребенѣ. Хиланд. лл., 1В6 10; вѣста въ огни. Супр., 5; на одрѣ лежащѣ. Матф., 9, 2; и отъца не нарицаше себѣ на земли. Матф., 23, 9; сѣдашѣ на мытници. Марк, 2, 14; цѣлованиѣ на тръжишнихъ і прѣждесѣданнѣ на сънъмишнихъ і прѣвовъзлеженѣ на вечерѣхъ. Матф., 23, 6—7; Марк, 12, 38—39; вѣсшті... на водахъ. Клоц., 564; обѣшъшаша на крстѣ. Клоц., 685. Сюда же следует отнести и такие случаи, как: имы въ срѣдци съкръвена, не ино въ оустѣхъ носѣ, ино же въ оумѣ. Клоц., 410, ср. 431; на срѣдцихъ. Савв., Лука, 21, 14; иже въ одежди славнѣ...сжште. Лука, 7, 25; сташе... въ ризахъ вѣшташтахъ са. Лука, 24, 4; въ веригахъ вѣхъ. Супр., 368; мжжъ въ одежди свѣтлѣ. Супр., 25; мънози вѣци обѣходатъ въ одеждахъ овѣчахъ. Хиланд. лл., II, Аб. 15⁵⁰; мѣва вѣдетъ въ людѣхъ. Марк, 14, 2; бѣгена ты въ женахъ. Лука, 1, 42; еже естъ въ чѣхъ. Лука, 16, 15; покаание... въ вѣхъ ѣзыцѣхъ начнѣше. Лука, 24, 47; естъ п'сано въ пророцѣхъ. Иоанн, 6, 45; хождааше въ іудеихъ. Иоанн, 11, 54 и др. Лишь контекст (иногда

⁵⁰ Ср. одѣнъ въ одеждѣ вѣж. Марк, 16, 5.

и греческий текст) дает возможность выделить ряд случаев со значением способа или орудия, с помощью которых совершается действие: **сво** на **рамѣхъ**...носитѣ. Супр., 458; **принесенаго** на **носилѣхъ**. Син. Требн., 39а; **принесоша** **главѣ** его на **вкладѣ**. Матф., 14, 11; **приносити** на **одрѣхъ**. Марк, 4, 54; Лука, 5, 18; **исповѣда(н)те** **сѣ** въ **гослѣхъ**. Син. Пс., 39₈, 56₁₇; **въспомж**...къ **г(а)жслѣхъ**. Син. Пс., 88₁₀.

Единичен пример от Луки, 21, 25: **і** **вждятъ** **знаменьѣ** въ **слънцѣ**.

Дважды встречается loc. materiae: **іже** **исѣче** въ **камени**. Матф., 27, 60; **і** **въложи** **і** въ **гровъ** **і** **же** **вѣ** **исѣченъ** въ **каменѣ**. Марк, 15, 46. Именно такое (а не местное) значение подтверждается греческим текстом (*ὁ ἦν ἐν τῷ ἀπολιθῆναι τῶν πέτρων*), а также некоторыми другими памятниками (ср. в Остр. отъ каменѣ, во Врач. Ев. ис каменн. 1596).

Примеры с временным значением весьма ограничены: **си** **заматерѣвъши** въ **днѣхъ** **мнозѣхъ**. Лука, 2, 36; **аште** **къто** **ходитъ** въ **днѣ**... Иоанн, 11, 9; **отчасти**: **так** **оубо** **и** **къ** **семь** **жити**. Зогр. лл., 1, 15; 2, 5; **въ** **животѣ** **моемъ**. Син. Пс., 76, 3; **въ** **вѣчнѣмъ** **животѣ**. Киев. мисс.⁵¹, а также: **і** **не** **хотѣаше** на **дльзѣ** **же** **врѣмени**. Лука, 18, 4; **дъшти** **моѣ** на **коньчинѣ** **естъ**. Марк, 5, 23; **отчасти**: **на** **овѣдѣхъ**. Лука, 20, 46; **многашти** на **семь** **жити** **пакость** **творилъ** **есі**. Клоц., 489; **да** **не** **како** **ослабѣжтъ** на **пжти**. Матф., 15, 32; Марк, 8, 3; **может** **быть**, Марк, 10, 32. Гораздо чаще и разнообразнее конструкции **вин.** с этими же предлогами. В Супрасльской рукописи во временном значении с предлогом **къ** встречается и род. Ср. 72, 427.

Многочисленны в старославянских текстах локативные конструкции с предлогом **въ**, обозначающие пребывание в определенном состоянии. Особая употребительность подобных примеров зависит от содержания памятников. Приведем некоторые примеры: **прішеды** въ **сѣмѣрени**. Клоц., 42; **градмі** въ **славѣ**. Клоц., 43; **въ** **колицѣ** **кротости**... **да** **прѣвыкаемъ**. Клоц., II, 88; **прѣвыкажтъ** въ **зълостѣ** **своеі**. Клоц., 189; **сѣдаштеі** **къ** **тѣмѣ** **і** **въ** **сѣні** **сѣмрътънѣ**. Клоц., 801; ср. также Матф., 4, 16; **прѣвыбавшиѣ** **намъ** въ **дръзости**. Син. Требн., 24а; **въ** **вѣлицѣ** **мжцѣ** **сы** **нача** **пѣти**. Супр., 17; **въ** **толицѣ** **печали** **бывѣшоу**. Супр., 295; **въ** **гнѣвѣ** **враждовахъ** **мне**. Син. Пс., 67₂₀; **въ** **законѣ** **его** **пооу(ч)ит(ъ)сл**. Син. Пс., 1₁₈, ср. 100₄; **въ** **старості** **маститѣ**. Там же, 122₁₈; **въ** **скрѣви**. Там же, 3; **къ** **грьдости**. Там же, 9₁₈, ср. 72₁₃; **въ** **вѣрѣ**. Там же, 39₁₅; **въ** **благости**. Там же, 138₅; **въ** **благололені** **твоемъ**. Там же, 117₂₈; **въ** **недѣлѣ** **своемъ**. Иоанн, 5, 5; **въ** **чѣсти**, **въ** **мжчени**, **въ** **вълюбленіи** **твоемъ**. Киев. мисс. и др.

Несколько особо стоят такие случаи, как: **въ** **пжтехъ** **его** **ходиша**. Син. Пс., 154₈; **въ** **заповѣдехъ** **его** **въсхощетъ** **зѣло**. Син. Пс., 148₂, 157₉; **въ** **законѣ**... **ходити**. Син. Пс., 100₁₄; ср. Лука, 1, 6.

Указание на сферу действия можно видеть в таких случаях, как **въ** **малѣ** **высть** **вѣренъ**. Клоц., II, 19; **въ** **въ** **малѣ** **оусъпе**. Клоц., 763; Супр., 456; **вѣрѣны** **въ** **малѣ** **і** **въ** **мнозѣ** **вѣрянъ** **естъ**. Лука, 16, 10;

⁵¹ Весьма любопытен уникальный пример: **показа** **емоу** **вѣстка** **црстантѣ** **въ** **свѣтѣ** **въ** **чѣстѣ** **врѣмннѣ**. Мар. Лука 4, 5 (*ἐν στίμῃ χρόνου*).

Иоанн, 16, 16; близки к этим примерам и некоторые другие, значение которых иногда осложнено дополнительными оттенками: **ИЗЫТЪКОУЕМЪ** во **всѣкомъ дѣлѣ владѣ**. Син. Требн., 17а; **поглоумажь сѧ въ чудесехъ твоихъ**. Син. Пс., 156₁₇; **да оутвердимъ сѧ въ словесехъ**. Клоц., II, 82; **въ словеси догъльное**. Зогр. лл., III, 14 и др.

Единичными примерами представлены такие случаи, как: (приде) **въ малѣ дружинѣ**. Г. Амарт., 341; **въ чемъ гыбѣль си... высть**. Марк, 14, 4; полунаречный характер приобрело **въ коупѣ**. Ср. Клоц., 877; Лука, 14, 18; 22, 55; Иоанн, 4, 36; 21, 2 и др. Ср. также **въскорѣ** и др.

Среди локативных конструкций с предлогом на довольно значительным числом случаев представлены примеры, в которых встречается лок. объекта или сферы деятельности: **дасть имъ власть на доустѣхъ нечистыхъ**. Матф., 10, 1; Марк, 6, 7; Лука, 9, 1; **иже имѣаше на немъ**. Клоц., II, 69; **область даль есть на нечистыхъ вѣсѣхъ**. Клоц., II, 117; **(о)утвердилъ есть гъ милость своихъ на боашихъ сѧ его**. Син. Пс., 132₁₂, ср. 49₁₅, 46₁₆; **на немъже близокъколи дша моя**. Савв., Матф., 12, 18 и др. Подобные конструкции встречаются и при глаголах со значением 'брать', 'взимать' и т. д.: **мыта на неповинныхъ не приять**. Син. Пс., 14₁₈; **на кръвѣ владычнѣ цѣнжъ възѣмаше**. Клоц., 250; и **дша на сѣлѣ скждельничи**. Матф., 27, 10; и др.

В ряде примеров локативные конструкции с предлогом на имеют значение цены: **не продана высть на трыхъ сѣтѣхъ пѣназь**. Иоанн, 12, 5; **прѣдалъ еси на хъхъ сѣребрницѣхъ**. Клоц., 386; **можаше во се муро продано быти на мнозѣ**. Матф., 26, 9.

Встречается и еще несколько обособленных случаев: **потрѣпи на мнѣ**. Матф., 18, 26; **оба на десате** (в евангельских текстах встречается более 20 раз); **на м'нозѣ мжчимъ**. Супр., 4; особенно интересен в свете дальнейшего развития пример от Матфея, 6, 34; **не п'цѣте сѧ оубо на оутрѣни**. **оутрѣни во днь собож нечетъ сѧ** (ср. также вин. с предлогом на вместо обычного лок. с о при глаголе **сѣкѣдѣтельствовати**. Ср. Матф., 26, 59; 26, 62; Марк, 14, 56; 14, 57).

Следует отметить продуктивность и постоянство употребления в одинаковых ситуациях большинства из этих конструкций. Это проявляется, во-первых, в минимальном количестве конструкций (и то уже обычно исчезающих), параллельных лок. с **въ** и **на**, и, во-вторых, в необычайной редкости вариантов в тех случаях, когда одно и то же место, содержащее лок. с указанными предлогами, засвидетельствовано несколькими памятниками. Показательность этих данных особенно велика, если учесть огромное число локативных конструкций с **въ** и **на**. Остановимся на одном весьма оригинальном явлении, довольно редко встречающемся в таком объеме в других славянских языках, а именно на употреблении лок. с **въ** и **на** при глаголах, выражающих движение особого рода: **положити, възложити, поставити, сѣяти, въсѣяти, падати, поклонити сѧ, сѣсти, възлѣшити**: и **положи е въ новѣмъ своемъ гробѣ**. Матф., 27, 60; Марк, 6, 29; Лука, 23, 53; **положи і въ ѣслехъ**. Лука, 2, 7; **въ кдномъ гробѣ положи**. Супр., 26; **положи и въ мѣстѣхъ прѣподовѣ-**

ныхъ. Супр., 296; въ вѣчныхъ твоихъ съкровищихъ съподоби положи. Син. Требн., 13в; въ оумѣ положивъ. Зогр. лл., II, 5 (иное дело два примера из Синайской Псалтыри: і законъ положи в інаі. 99; положиши... въ избытъцѣхъ твоихъ. 24₈); падъ въ земли. Иоанн, 12, 24 (но: падъшеє въ трънѣ. Зогр., Лука, 8, 14; Мар. въ трънни; Савв. въ трънни; Асс. въ тръни); сѣанокъ въ срѣдци кго. Матф., 13, 19; паджтъ въ острии меча. Лука, 21, 24; положити мира на земли. Зогр., Матф., 10, 34 (в Мар. въврѣщи мира на земляж, ср. Зогр., Лука, 12, 51); положъ дхъ мой на немъ. Матф., 12, 18; положи мнѣ на очию. Иоанн, 9, 15; положи і на крстѣ. Иоанн, 19, 19; и положиша вси слышавъшеі на срѣдцихъ своихъ. Лука, 1, 66; полагаж память... (н)а крстѣхъ си(хъ). Надп. Самуила 993 г.; положиша на мѣстѣ нарочитѣ. Супр., 181; 185; положиахъ есі на главѣ его вѣнъць. Син. Пс., 23₁₉⁵²; постави на камні. Син. Пс., 52₁₁; постави на крилѣ цркъвънѣемъ. Матф., 4, 5; Мар., Лука, 4, 9; поставлѣжтъ... на свѣщницѣ. Матф., 5, 15; не падетъ на земли. Матф., 10, 29; на колѣноу падаа. Марк, 1, 40; падъ на земли Марк, 9, 20; 14, 35; Лука, 8, 6; 8, 8; Иоанн, 18, 6; паде емоу на ногуу. Иоанн, 11, 32; падоша на каменнихъ. Матф., 13, 5; паде на каменнѣемъ. Марк, 4, 5 (но и: домъ на домъ падаетъ. Лука, 11, 17; на наже паде стлѣпъ. Лука, 13, 4; ср. также компромиссный случай: і паде ница на ногуу. Лука, 17, 16); вѣсѣѣ на селѣ своемъ. Матф., 13, 31; сѣаное на доврѣ земли. Матф., 13, 23; ср. 13, 24; Марк, 4, 20; іже на каменнихъ сѣемн. Марк, 4, 16; поклонше са прѣдъ нимъ на колѣноу. Матф., 27, 29; Марк, 10, 17; възлешти на трѣвѣ. Матф., 14, 19; възлешти на земли. Матф., 15, 35; Марк, 8, 6; садетъ на прѣстолаѣ славы своего. Матф. 25, 31; садете на прѣстолахъ. Лука, 22, 30; не сяди на прѣдънимъ мѣстѣ. Лука, 14, 8; на немъже нѣсть никътоже вѣсѣлъ. Зогр., Марк, 11, 2; посадити на трѣвѣ зеленѣ. Зогр., Марк, 6, 39; і на ржкахъ възъмжтъ тл (!). Зогр., Матф., 4, 6; възмъзъ на трѣсти. Зогр., Марк, 15, 36 (Мар.: възложикъ на трѣсть) и др. Есть и еще более интересные примеры, которые в некоторых случаях могли бы быть поняты как имеющие значение направления: егда придеши в црси твоємъ. Зогр., Мар., Лука, 23, 42⁵³. Позднейшие памятники, относящиеся уже к среднеболгарскому периоду, рисуют весьма хаотическую картину употребления лок. и вин. при этих глаголах (то же и в ряде других случаев)⁵⁴. Все же можно заметить, что преобладают случаи с вин., в дальнейшем окончательно вытеснившим лок. Однако встречаются примеры и иного рода: на свѣщницѣ положенъ вѣдетъ. Пражск. Ев., Марк, 4, 21 при вин. в соответствующем месте Зогр., Мар. и др.

⁵² При глаголе възложити всегда употребляется вин. с предлогом на. Ср. Матф., 27, 29; Марк, 4, 21; Лука, 17, 2; Праж. глаг. отр., II, 17; вопреки Мейеру (Указ. соч., 38) и вслед за Кульбакиным („Slavia“, I, 1922, str. 127—133) видим вин. дв. ч. в примере от Луки, 15, 5: възлагитъ на рамѣ.

⁵³ Однако придеши употребляется здесь в значении 'появиться'.

⁵⁴ Ср. уже в старослав. текстах: іже живим во вѣкко благовѣрни и чистотѣ. Син. Требн., 19а; сжити въ точнии краи. Зогр., Лука, 8, 43; может быть, зачатъ сна въ старость свож. Лука, 1, 36 (в Савв. въ старости) и др.

Х. ЛОКАТИВ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Уже в некоторых старославянских памятниках (особенно в Супрасльской рукописи) можно наблюдать отдельные (правда, еще весьма незначительные) симптомы будущего разрушения падежной системы. В еще большей степени заметны они в среднеболгарских памятниках, хотя и выступают часто в завуалированном виде, затрудняя выяснение настоящего положения вещей. Прежде всего это относится к памятникам церковной литературы, в очень многом зависящей от более древних оригиналов. Нужно также учитывать и деятельность патриарха Евфимия по исправлению церковных и даже некоторых других книг, аналогичную предпринятому митрополита Макария в XVI в. Но и памятники до XIV в. не могут нас полностью удовлетворить. Дело в том, что почти все они принадлежат к религиозной литературе, которая и до Евфимия в той или иной степени подвергалась правке в соответствии с греческим текстом. Наглядные результаты этой правки можно видеть, например, в случаях, приведенных в уже упоминавшемся труде Мейера, когда среднеболгарские памятники текстуально совпадают с греческим оригиналом и противостоят соответствующим местам старославянских памятников (в отношении лок. немецкий ученый приводит свыше 40 случаев такого рода, хотя в своем исследовании опирается на сравнительно небольшой материал). Правда, подобные примеры могут объясняться и иначе (а именно, начавшимся смещением падежей — факт, очевидно, несомненный для XIII в.)¹. А надежных критериев для различения этих явлений разного плана часто не существует. Более ценными могли бы оказаться данные эпиграфики и дипломатики, но, к сожалению, в XII—

¹ См. статью С. Младенова в „Ежегоднике Софийского университета“ (т. XXXI, 1935): „Значението на Боянския надпис за българската езикова история“ (при царство-българское), а также указания на процесс „генерализации“ в Боянском Евангелии, Златоусте Ягича, Загребском Октоихе, Софийском Октоихе, Хлудовой Триоди, Отрывке Четвероевангелия Григоровича, Евангелии Верковича, Врачанском, Стречковичевом, Македонском Апостоле и других памятниках XIII в. Есть и более ранние примеры. См. С. Кульбакии. Охридская рукопись Апостола конца XII в. — „Български старини“, кн. III, 1907. То же, кажется, можно сказать и о Добромировом Евангелии XII в., описанном Ягичем. В нашем предположении мы опираемся на такие примеры, как: Лука 21, 24; 7, 17; Иоанн 7, 1; Марк 13, 10; 16, 9 и некоторые другие. Смещение лок. и твор. отмечено в Македонском Евангелии попа Иована. См. В. Мошин. Македонско евангелие на поп Иован. Скопје, 1954, стр. 25.

XIII вв. они крайне скудны (Боянская надпись, Дубровницкая и Ватопедская грамоты Ивана Асеня II, Виргинская грамота Константина Асеня) и иногда плохо сохранились (Ватопедская грамота)². Чергедские тексты и грамоты из Валахии XIV—XV вв. с несомненностью свидетельствуют об установлении в основном аналитического склонения и, следовательно, также не могут быть нами использованы. Отдельные следы лок. (иногда не только наречного типа), которые встречаются в более поздних памятниках (Фрѣли го на земан. Коприш. дамаск., 227; ходѣше по горахъ. Там же, 435; по пещерахъ. Там же, 213; ходех от узуре дор' ду пладне. Свищ. дамаск., 464; глѣда Христа на съне. Там же, 547, ср. также 464, 569 и др.; о прѣселенин во егуптѣ. Лет. Йовча³, 310; по днѣхъ рождества христова. Там же, 315 и др. Ср. также Лавр. Обз., 140—141, 155) и в современных говорах (повсюду: и в западноболгарских⁴, и в восточноболгарских), особенно в рупских⁵ и в македонских⁶ и т. д.⁷, не дают оснований для рассуждений об особенностях лок. Заметим кстати, что следы лок. встречаются в болгарских говорах гораздо реже, чем других падежей, не считая твор.

Таким образом, лишь сравнительно небольшой материал может быть привлечен при исследовании лок. в болгарском языке⁸. Но каким образом можно использовать его? А priori ясно, что болгарские памятники XII—XIII вв. в отдельных случаях могли бы дать более ценные сведения о лок., чем, например, старославянские памятники X—XI вв., ввиду гораздо большего материала (ср. аналогичное положение в древнерусском языке), во-первых, и ввиду разной диалектной основы, во-вторых. Тем не менее было бы методологически неверно искать в болгарских памятниках XII—XIV вв. (и позже) подобные архаизмы в области лок. в условиях расшатывания прежней падежной системы и перехода к аналитическому склонению (ср. также весьма слабое представление о болгарской исторической диалектологии в современной славистике).

² Тем более не приходится говорить о таких надписях, как глаголическая 982 г. (Иверский монастырь), Варошская 996 г., Керчевская, надпись на колонне церкви 40 мучеников в Тырнове (в честь победы болгар при Клокотнице). См. Ф. И. Успенский. О древностях города Тырнова. — „Изв. Русск. Археол. Ин-та в Константинополе“, VI, вып. 1, 1907, стр. 1—24. Даже косвенных показаний нельзя извлечь и из греческих надписей Пресяна (IX в.), второй надписи в Филиппи, надписи Бориса (866 г.), надписи на Симеоновых столпах и др.

³ Еще больше подобных примеров в болгарской хронике XV в. (в рукоп. XVI в.). См. I. Bogdan. Ein Beitrag zur bulgar. und serb. Geschichtschreibung. — AfsiPh, Bd. XIII, 1891 и в светской литературе XIV—XVII вв.

⁴ Ц. Тодоров. Северозападните български говори. — СбНУ, XLI, 1936, стр. 277; Н. Тихов. Очерк грамматики зап.-болг. наречья по сб. болг. песен В. Качановского. Казань, 1891, стр. 109—111.

⁵ L. Miletič. Das Ostbulgarische Schriften d. Balkankommission, Linguist. Abteil. II. Wien, 1903 (особенно стр. 207).

⁶ Ср. работы В. Облака, А. Селищева, А. Мазона, М. Малѣцкого, И. Иванова и др.

⁷ См. также Л. Милетиč. Старото склонение и днешните български говори. — СбНУ, II, стр. 260—265.

⁸ Нам не ясно, насколько можно доверять архаичности системы склонения в Троянской притче.

В противном случае были бы неизбежны ошибки, связанные, между прочим, с необходимостью интерпретации ряда сложных примеров. Поэтому представляется более целесообразным ограничиться лишь некоторыми указаниями, относящимися к истории распада лок.

Примечание. В ряде случаев сведения о болгарском лок. содержатся в разделе, посвященном старославянскому языку.

О судьбе б/пр. лок. в среднеболгарских памятниках уже говорилось выше. Весьма частые отступления от старославянских памятников в тех местах, где в последних был б/пр. лок., хорошо известны и заставляют предполагать (вопреки отдельным случаям сохранения б/пр. лок. в среднеболгарских текстах), что в болгарском языке б/пр. лок. всех видов исчез довольно рано. Отдельные примеры, которые могли бы быть истолкованы как б/пр. лок. (кстати, их очень мало), не имеют доказательной силы и чаще объясняются иначе⁹.

Локативные конструкции с предлогом *о* в среднеболгарских памятниках встречаются часто. Особенно это относится к религиозным текстам, почти полностью сохранившим типы, известные нам из предыдущего раздела. Оригинальные памятники также содержат отдельные случаи лок. с предлогом *о*, правда, их немного (ср. в Дубровницкой грамоте Иоанна Асеня II: *о том либо ... о куме(р)ки то е въствъ*, 10, 11; в тырновской надписи: *изрѣдно о престѣви и чистѣви и преблагословенѣви владичици*; в зографской грамоте Ивана Александра 1342 г.: *кѣе же и о пать десатихъ перпирѣхъ еже задѣваахъ стажаниомъ того...*; в грамоте Ивана Александра (1.XII 1347 г.): *о в'семъ благоприятно*; в витошской грамоте Ивана Шишмана (ок. 1382 г.): *кто ли сѣ иметь покусити их и забавити яко и о единомъ властв да е проклѣтъ о оца...* (распространенная формула в грамотах того времени. Ср. хрисовул Мирчи I. 1399 г. и др.); в рыльской грамоте Ивана Шишмана (21.IX 1378 г.): *посилаеми о въсѣчьскихъ данехъ и работахъ* (оригинальный пример, раньше не встречавшийся); в Троянской притче при глаголах: *решти, сѣдити, прорицати, веселити сѣ* (также *бѣди весель*) и в заглавии: *повѣсти о извѣствованныхъ вѣрехъ* и т. д.). Представить себе по этим данным круг значений локативных конструкций с предлогом *о* в среднеболгарском едва ли можно. Обращает на себя внимание тот факт, что лок. с предлогом *о* в значении места встречается лишь в церковной литературе (да и здесь иногда в соответствии

⁹ Ср. некоторые из таких случаев: *прѣмагааше ихъ въсакои игръ*. Троян. притча, 251; *бילו хтѣние ср(ѣ)дцѣхъ*. Брашов. грам. Влада IV. Цепеша (75); *оставитъ вищъ у краи горѣ*. Грам. Влада II. Дракул (№ 36) (нельзя не согласиться с тем, что здесь дат. принадлежности. См. С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М.—Л., 1948, стр. 270, вопреки Милетицу); *юс-подсвужу ми всеи земли угрволахи...* Грам. Мирчи I Старого; *трпъ жжда водѣ*. Физиолог. Рукоп. 16 в. Иван., 13; *въ хлѣвинж не живѣше нь тробѣхъ*. Верков. Ев., 49 л. (ср. *въ*) и др. О примерах из Дубровницкой грамоты Ивана Асеня II говорилось выше. Некоторые другие факты приведены Бауэром (Pr. lok.). Здесь же указаны и примеры других типов.

со старослав. лок. с о является *окръсть*. Ср. Добрейш., Марк, 3, 32 и др.)¹⁰.

Еще важнее отметить, что уже в XII—XIII вв. начинают появляться примеры, свидетельствующие о вытеснении этой конструкции. Ср., например: *самъ отъ себе да глаголетъ*. Тырн. Ев., Иоанн, 9, 21 (Зогр. Мар. о свѣѣ); *что глѣши от тебе самомъ*. Врач. Ев., 1в; *оумьчахъ от благъ*. Погод. Пс., 38, 3 (Бол. Пс. о *благахъ*). Ср. также и другие примеры: *ftebi ѿ nadeem*. Чергед., 31; *слово за орла*. Иван., 314; *слово за вьлка*. Иван., 315. Физиолог [но и: *слово о зббри*. Иван., 312 и даже: *слово за льви о ури звѣрьствѣмъ*. Иван., 311 (!)]; *поплачите о мнѣ грѣшному... просльзите о мнѣ безумному*. Слова наказ., 23 и др.

Ряд соображений заставляет думать, что локативные типы с предлогом о вытеснялись довольно рано, заменяясь общим падежом. Встречающиеся в среднеболгарском языке (особенно часто в канцелярском) локативные формы при предлоге *отъ*, а также (реже) *до*, *безъ*, *надъ*, *подъ*, *прѣдъ* (*прѣдъ дверехъ*. Отр. Окт., Лавр. Обз., 238) являются искусственными образованиями¹¹, косвенно свидетельствующими об утверждении общего падежа. Примеры этого рода хорошо известны специалистам, ввиду чего считаем их перечень излишним.

Судьба старых локативных конструкций с предлогом *по*, общих в болгарском и старославянском языках, в основных чертах была указана нами раньше. Теперь следует отметить собственно болгарские особенности в развитии этих конструкций.

В соответствии с дат. с предлогом *по* в значении места, по поверхности которого разворачивается действие, в болгарском языке уже в ранних его памятниках нередко выступает лок. с этим же предлогом: *везѣхъ сѧ по мори*. Макед. Апост. Деян., 9, 17 (Шишат. *по морю*); *да не имаж(т)ъ по всѣхъ хорахъ*. Дубровн. грам. Иоанна Асеня II, 8; может быть, *ходатъ по всеи хорѣ*. Там же, 2 (но: *по всему Загориу* <ходат'>. Там же, 4); *посилаемо... по хорахъ и по градовѣхъ*. Виргинск. грам. Конст. Асеня; *имжѣтъ по хорахъ*. Там же; *искахъ его по всѣхъ градохъ*. Троян. притча, 258; *по Гръцѣхъ силнжъ воискжъ събрати*. Там же, 254 (менее определены: *по хорѣ*, *по свѣту*, *по граду*, *по суху*); *иджше... по обоихъ странахъ*. Учредит. хрисовул Владислава (ок. 1342 г.). Венел.; *да утврьдимъ закони... за кумеркъ по тръговахъ*. Брашов. грам., № 3, ср. также № 16, № 20, № 7 (*по вѣсѣхъ бродовохъ*), № 32 (*по планинахъ*) и др.; *и ходѣше по горахъ и по планина*. Коприщ. дамаск., 435, ср. 213: *въ горахъ и по пещерахъ*. Ср. также Лавр. Обз., 155 и т. д.

Впрочем, нужно думать, что лишь древнейшие из указанных примеров отражают состояние народных говоров, в той или иной мере охваченных известным и другим славянским языкам процессом распростра-

¹⁰ Ср. оригинальный пример: *приакинѣтѣ о ученицѣхъ*. Деяния. IX, 24—26. См. Б. Конески. Вранешнички апостол. Скопје, 1956.

¹¹ См. С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 257. Впрочем, ср. трактовку случаев типа *od zemi* в дебровском диалекте В. Облаком („Makedonische Studien“. Wien, 1896, S. 95).

нения локативных конструкций с предлогом *по* в местном значении. Остальные же случаи малопоказательны и свидетельствуют, пожалуй, о возможности употребления лок. в качестве общего падежа для мн. ч. Точно определить сферу распространения лок. с предлогом *по* едва ли возможно, тем более, что, с одной стороны, постоянно употребляется и дат. при этом предлоге (и в старейших памятниках с еще сохранявшимся синтетическим склонением, и в более поздних, где он употребляется по трафарету [также показательному]: ср. в валашских грамотах постоянное: *по въсему по Дунавиоу* и др.), а с другой стороны, лок. с предлогом *по* иногда встречается и в иных (чем местное) значениях; *посилаемихъ по милостехъ и по работахъ*. Брашов. Грам. Мирчи I

Старого; *иже оць мои боли мене е̇ ѡкож по различныхъ образохъ стии ть скаѡше...* Синод. Бор. (Дриновский список, 42) и др. Если принять еще во внимание употребление вин. с тем же *по* в местном значении (*по мѡста, по хора, по дрѣжаву, по трѣгове* и др.) и почти полное отсутствие остатков лок. с предлогом *по* в современных болгарских и македонских говорах (во мн. ч., как и других типов лок., их вообще нет)¹², то трудности в определении места, занимаемого лок. с предлогом *по* в первой половине среднеболгарского периода, возрастут еще более. Кроме того, и в других значениях представлено смешение лок. с предлогом *по* с вин.: *слово стаго иоана златоустаго по погребение тѡлоу гоу боу*. Злат., 1 (кажется, не обязательно соглашаться с конъектурным предположением Ягича: *на* вм. *по*); *наслѣдн(и)ци бѣдемъ по оупование жизни вѣчнѣи*. Макед. Апост., Тит., 3, 7 (в Шишат. *по оупованию*); *не по пѣнѣза ли съвѣштахъ*. Врач. Ев., Матф., 20, 13 (Зогр., Мар. *по пѣнѣзѣ*); *ишѣдѣше изъ гробъ по воскресеи*. Врач. Ев., Матф., 27, 53 (обычно в старых евангельских текстах: *по вѣскрѣснокени*); *по убиение вѣврѣшти въ геонѣ*. Врач. Ев., Лука, 12, 15 (обычно *по оубиени*; примеры из Врач. Ев. взяты у К. Мейера, 45); *съзидание цркве по възвращение изъ вавулона*. Погод. Пс., 95 (Син., Бол., Соф. *по възвращени*) и др. Не менее показательны и смешение с дат., правда, более редкое: *по немуу градѣше*. Слепч. и Макед. Апост. Деян., 9, 17 (Охр. *по немъ*); *по обѣтованию въздвигъ*. Макед. Апост. Деян., 13, 23 (Шишат. *по обѣтовани*); *ожидаж по съгрѣшению иѣ*. Слова наказ., 9; *и по распятию не възбрани*. Там же, 53 и др.

Таким образом, рано начавшееся разрушение синтетического склонения не дает возможности выяснить ряд важных вопросов из области локативного употребления и проверить некоторые интересные примеры¹³.

¹² См. St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1929, S. 239. Мы не считаем изредка встречающихся в западноболгарских говорах форм по сербскому образцу. Ср. *по градама*. Пирот., 69. В. Качановский. Памятники болгарского народного творчества. Вып. 1. Сб. зап.-болг. песен. СПб., 1882. Редкое исключение *пр вичери* отмечено Д. Ивановым („Гевгелийский говор“. София, 1932, стр. 83).

¹³ Ср. *по немъ подати* (правильнее: *повѣдати*). Злат. Яг., 325 и др.

Лок. при предлоге *при* ничего интересного по сравнению с другими языками не дает.¹⁴ Он также довольно рано подвергся вытеснению (ср. пример из Боянской надписи). Интересен пример из Бол. Псалт.: *дрѣво саженое при исходящихъ водѣ* (I) 1, 3¹⁵.

Но особенно значительные отклонения от общеславянского типа лок. представлены при предлогах *въ* и *на*, что, между прочим, имело исключительное значение в дальнейшей истории болгарского аналитического склонения. Наряду со случаями, многократно засвидетельствованными в старославянском [ср. среднеболг.: *посадити на прѣстолѣ*. Апост. Том., 253; *полагаеть на земи*. Злат. Яг., 193; *падошъ на Трои*. Троян. притча, 250; *и полагааше имъ на рогу*. Там же, 251; *и прѣложи на немъ свѣтлое оръжие*. Там же, 258; *положи емоу свои мѣ ржцѣ на рамѣ*. Там же, 259 (может быть, вин. дв. ч.?). *положихъ его... въ рацѣ новѣ*. Михаил-воин, Иван., 212; *паде ницѣ на земли*. Там же, 212; *поставихъ на столѣ златѣ*. Акир, Иван., 244; *плюнжѣвъ на очю кю*. Сречков. Ев., Марк, 8, 23; *постави на мѣстѣ томѣ*. Учредит. хрисовул Владисл.; *посадитѣ на прѣстолѣ моемѣ*. Рыльск. грам. Ивана Шишмана; то же в Виргинской грамоте Константина Асеня и, разумеется, в большом количестве в религиозной литературе, впрочем, не всегда показательной], среднеболгарские памятники дают многочисленные примеры, когда вместо ожидаемого вин. встречаем лок. Особенно интересны случаи при глаголах движения, приводящие к потере различия между выражением места и направления. Кроме примеров, приведенных у Мейера (третья группа), можно указать еще некоторые (в том числе и из нерелигиозных памятников): *и приидошу въ българскои земли*. Слова Павл. Иван., 311; *влѣзшоу въ корабѣ*. Тырн. Ев., Матф., 13, 2 (и тут же: *влѣзъ въ корабѣ*); *приблишишъ сѧ въ крсла имѣ*. Сречков. Ев., Марк, 11, 1; *и идѣта въ вѣси иже кѣтъ*. Там же, Матф., 21, 2; *и придѣ въ вѣси: (к)иже имѧ гетьсимани* (так!). Там же, Марк, 14, 32; *въидѣ въ вѣси самарѣньскѣ*. Там же, Лука, 9, 52; *въ цркви введе*. Макед. Апост. Деян., 25, 29 (Шишат. *въ црковь*); *и послеша его въ домоу*. Врач. Ев., Лука, 16, 27; *пошли въ окрестныхъ вѣсехъ и въ селѣхъ*. Добром. Ев., Лука, 9, 12; *о прѣселении во егуптѣ*. Лет. Йовча, 310; *на вратѣхъ... изыиде*. Слово Алекс. Surku, 86; *влѣзе... въ Трож... на високомѣ кастели*. Троян. притча, 258 и др. Ср. также лок. вместо более старого вин. и в ряде других случаев: *и въврѣзи ѧ въ овоцници*. Троян. притча, 251; *и въложить въ гробѣ кости моѧ*. Акир, Иван., 237 (при глаголах с приставкой *къ* старославянские памятники имеют вин.¹⁶); *омакавѣи сѧ множъ въ солилѣ рж*:

¹⁴ Заслуживают упоминания лок. с предлогом *при* в надписи Мостича: *сѣде лежить мостичъ чрыоубыла бывѣи при сумеоне цри*. Мост., 1 и др.

¹⁵ В ряде говоров предложная конструкция с *при* приобрела значение направления: *рекал да ѧа одведат при ахчийата; да флезна при азната на царю; пошлуо при маш'т'ехѣта; ошел... при нихната врата* и др. См. Х. Стоилов. Горноджумайский говор. — СбНУ, кн. 20, 1904, стр. 25—26.

¹⁶ Исключение представляет глагол *късѣтити* с лок. Сюда же следует отнести единственный пример лок. при *къвриши* в Супр. рукописи.

кж. Тырн. Ев. Матф., 26, 23 (обычно: *въ солило*); и *въ огни въверже и въ воды*. Сречков. Ев., Марк, 9, 22; *въложилъ въ сръдци*. Добром. Ев., Иоанн, 13, 2 (обычно: *въ срдце*); *любовь излибса въ срдцихъ вашихъ*. Охр., Шишат. Римл., 5, 5 (*въ сръдца <в>аша*. Макед. Апост. Впрочем, возможна и правка в соответствии с греч. *ἐν ταῖς καρδίαις* в Охр. и Шишат.); *въдажримъ сѧ намъ въ пѣчинѣ*. Шишат. Деян., 27, 27 (Макед. Апост. *въ пѣчинѣ* — также можно думать о правке; ср. греч. *ἐν τῷ ἄδρῑα*); *иже всади(сте) въ темници*. Макед. Апост. Деян., 5, 25 (Шишат. *въ темницу*); *осждатъ и на съмръти*. Сречков. Ев., Матф. 20, 18; Марк, 10, 23 (в ст.-сл. евангелиях: *на съмръть*); ввиду противоречия с греческим текстом сюда же, видимо, следует отнести: *приде поклонитисѧ въ иеросалимѣ*. Макед. Апост. Деян., 8, 27 (Слѣпч., Шишат. *въ иероусалимѣ*) и др. Грамоты XIV—XVI вв. еще довольно часто содержат локативные конструкции с *въ* и *на*, хотя обычно они встречаются в трафаретных местах; кроме того, есть несомненные указания на существование общего падежа при этих предлогах¹⁶. Особенно отчетливо показывает разрушение лок. появление вин. вместо него, частое в среднеболгарских памятниках (в ст.-сл. такие примеры единичны и, кроме того, не выступают — если можно так сказать — в „сильной позиции“, где противопоставление места и направления никак не может быть игнорировано): *тоу моиси въ темныхъ низѣ, яко и въ ковчезѣ въиспръ. тоу даниль въ прѣиспод’ни гробъ адовъ. тоу еремитѧ яко въ камѣ тимѣннѣжъ въ адъскы гробъ*. Злат. Яг., 300—302 (Супр. и другие Златоусты имеют: *въ прѣиспод’ниимъ гробѣ адовѣ, въ камѣ тимѣнѣнѣи въ адъстѣамъ гробѣ*); *тоу въ чрѣво адоскожъ лежитъ иона*. Злат. Яг., 303 (Супр. *въ чрѣвѣ адъстѣамъ*); *яко въ темнаа ложесна х’а проповѣда*. Златоуст, 308 (Супр. *въ тьмнѣхъ ложеснѣхъ*); и *быс члкъ въ дшж живж*. Парем. Лобк., л. 27 (Лавр. Обз.); может быть, *населиши сѧ въ вѣтви его*. Тырн. Ев., Лука, 13, 19 (в ст.-сл. еванг.: *къ кѣтвехъ его*); *прѣбывающее въ животъ вѣчны*. Врач. Ев., Иоанн, 6, 27; *Исоу (же) бывшоу въ вифаниѣ (въ домоу симона)*. Врач. Ев., Матф., 26, 6 (обычно: *въ вифани*); может быть, *симжре во всѧ вселенж*. Битол. Тр., 464; *въ хлѣвинѣ не живѣше*. Верков. Ев., л. 49; *въ вино (= в хмелю) не мжжаисѧ*. Слова наказ., 18; *въ него быс*. Там же, 18; *пребывающу... в ромѣнско село Рекитени*. Лет. Йовча, 316; постоянное предпочтение вин. в тех случаях, когда старославянские памятники имеют лок., показывает Добромирово Евангелие: ср. Лука, 21, 24; 7, 17; Иоанн, 7, 1; Марк, 13, 10; Марк, 16, 9 (правда, есть четыре противоположных примера, впрочем, имеющих прецеденты в некоторых старославянских текстах). Интересные примеры можно найти в Рыльской грамоте Ивана Шишмана.

Нередкое в среднеболгарских памятниках употребление предлога *над* вместо *на* также весьма показательное; между прочим, и потому, что уже

¹⁶ См. С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 311.

очень рано *на* начинает употребляться с дат.¹⁷ Следы этой новой конструкции Милетич видит уже в XIII в. в Цветной Триоди, исследованной им и описанной¹⁸. В валашских грамотах *на* в сочетании с общим падежом с несомненностью уже служит для выражения новых падежных отношений. Какова во всех подробностях эта эволюция от *на*+лок. через *на*+дат. к *на*+общий падеж, — вопрос весьма сложный и, кроме того, выходящий за границы нашего исследования. Поэтому мы и не беремся судить о нем, вдаваясь в подробности. Заметим лишь, что решение этого вопроса значительно бы облегчилось при принятии предположения Милетича о способности лок. с предлогом *на* приобретать притяжательное значение¹⁹. С другой стороны, нельзя не обратить внимания и на крайнюю ступень эволюции конструкций с *на*, представленную некоторыми македонскими говорами, где *на* выступает перед прямым дополнением²⁰ или в конструкциях с изъяснительным значением.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что „падение“ лок. происходило в условиях тесного контакта его с дат. и вин., а этот контакт объяснялся не только ролью предлогов, но и бесспорно внутренней близостью между этими падежами (особенно показательна в этом отношении связь лок. с дат., тем более, что *на* прежде никогда не соединялся с дат).

¹⁷ В статье П. Михова „За новобългарското изказване на дателен падеж“ („Изв. слав. семина. в София“, кн. III, 1911, стр. 301—326) перечислены глаголы, истари сочетавшиеся с *на*+дат.

¹⁸ А. Милетич. Интересен среднобългарски паметник от XIII век. — „Период. Спис.“ LXVI, св. 1—2, 1905, стр. 95—112.

¹⁹ См. СбНУ, II, 261 и СбНУ, XIII, 125—129.

²⁰ Примеры, имеющиеся в нашем распоряжении, как будто говорят о том, что *на* выступает перед прямым дополнением, обозначающим одушевленное лицо, и, следовательно, может быть сопоставлен с исп. *a*, рум. *pe* и т. д. Совершенно очевидно, что Милетич ошибался, считая, что *на* в этих говорах выступает только после глаголов со значением 'искаю', 'питаю' (СбНУ, II, 264); эта ошибка была указана А. Селищевым в „Очерках по македонской диалектологии“ (ч. I, 1918, стр. 185). Некоторые специфические примеры употребления предлога *на* отмечены Д. Угриновой (За употреба на предлогот *на*. — „Македонски јазик“, год. I, бр. 8, 1950, стр. 175—181).

XI. ЛОКАТИВ В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Сербохорватский лок. претерпел весьма значительные изменения на протяжении восьми веков письменной истории. Значительное количество памятников различных жанров и из разных мест дает возможность довольно подробно проследить эволюцию лок. Правда, далеко не все тексты могут быть использованы при выяснении тех или иных синтаксических проблем, так как многие из них написаны на церковно-славянском языке (в том числе и ряд древнейших памятников, в других отношениях весьма важных: Мирославово и Вуканово евангелия, Шишатоввацкий Апостол, отрывок Гршковичева Апостола, отрывок Михановича и др.). Поэтому же ограничены наши возможности и в отношении ряда других памятников сербского происхождения: например, весьма развитая агиографическая литература, целый ряд оригинальных художественных произведений¹ и т. д. могут быть использованы лишь отчасти. Есть и еще одна трудность, которая неизбежно возникает перед исследователем. Мы имеем в виду весьма существенные различия в области лок. по говорам (большие, чем, например, между чешским, словацким и польским языками). А воссоздать сколько-нибудь полную картину развития лок. в тех или иных говорах не всегда удается. В частности, это относится (до известной степени) и к говорам Хорватии, которые до XV в. известны преимущественно по дипломатическим материалам довольно однообразного содержания. Поэтому ряд особенностей локативных конструкций, хорошо представленных в произведениях Марулича и дубровницких писателей, появляется несколько неожиданно, без очевидной связи с более древними свидетельствами. С другой стороны, часто недостаточны сербские материалы XV—XVII и даже XVIII вв. Поэтому, а также ввиду весьма значительно продвинувшейся вперед эволюции сербохорватского лок. особое значение приобретают диалектные данные. Правда, их ценность заключается не столько в сохранении архаизмов (в этом отношении данные старых памятников интереснее), сколько в разрушении многих старых типов лок. и в замене их новыми конструкциями, являющимися иногда под влиянием иноязычных образцов, которые будут нами по возможности отмечаться.

¹ Даже произведения Д. Обрадовича часто оказываются весьма сомнительным источником для выяснения вопросов, связанных с нашей темой. И, разумеется, совершенно нецелесообразным было бы использование произведений „словено-русских“ писателей.

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

В отношении б/пр. лок. данные древних памятников сербохорватского языка крайне незначительны, что (в целом) согласуется с положением в других южнославянских языках (имеется в виду б/пр. лок. места).

Вполне надежных примеров б/пр. лок. такого рода в древнейших памятниках Сербии и Хорватии, по-видимому, нет². Некоторые случаи, которые могут быть поняты как б/пр. лок., скорее всего объясняются иначе: или исчезновением *v*, уже в ранних текстах, вероятно, билабильного, или иной падежной принадлежностью, или, наконец, гаплографией. Приведем несколько примеров такого рода: *что сте посадили лозиемь земле кралевства ми*. Моп. S., 20 (1234 г.); *свьршенѣ боудуци вашѣи вѣрѣ и любѣви и клетѣвѣ онои*. Там же, 20; *пакостиль или има пакостити Дубровѣчаномь или пределихь кнезьство дубровѣчкихь*. Моп. S., 31 (1247 г.); *да не пакостимо тебе... пределехь вашихь*. Там же, 32; *правда да буде нашимь людѣмь въ земляхь светого ти царства и петровехь*. Моп. S., 37 (1253 г.; ср. *въ земляхь... петровехь*); *мене оубо избравъ домоу отьца моѣго быти ми на(мѣ)стѣникоу*. Моп. S., 9 (1222—28 гг.); *да прѣбываѣтъ схранѣмо... домоу светыиѣк богородице*. Моп. S., 83 (1302—1321 г.); *кралквѣст(у)юцюу ми бозѣ.*, Моп. S., 180 (5 апр. 1370 г.); *звао двору*. Спом., № 156³; *мѣсто льбно раи бысть*. Рукоп. 1390 г. Schaf., 129; *блудѣи своихь стариихь и искушеннихь закон*. Винод. зак., 2; *da ju ubi [u] tom misti* (в рукоп. *tomisti*). Лет. Дукл., 29; *и узакониль записовати Хрисовуле словеса царьска*. Моп. S., 164 (1357 г.); может быть интересен следующий пример: *џа е врh zemle i pod zemlju i v zemli, gore i vode* (ср. *v zemli*). Хорв. проц. Ark. I, 204. Сомнительность подавляющего большинства подобных примеров возрастает, если учесть довольно позднее их появление и хорватское происхождение многих из них. Кроме того, б/пр. лок. места не встречается и в древнейших сербских церковнославянских памятниках, что, впрочем, не может рассматриваться как полноценное свидетельство. Более важно, что уже в древнейших текстах при обозначении места лок. всегда имеет при себе предлог, так, например, в сербских грамотах до 1200 г. встречается 10 лок. от названий населенных пунктов и всегда при лок. стоит предлог *в (у)*: *оу Призрѣнѣ, оу Милеихь, оу Голишевѣ, оу Зетѣ, у Стѣнци* и т. д. Такое же положение, кажется, было и в хорватских говорах этой же эпохи. Правда, хорватские тексты начинаются с более позднего времени (глаголическая Псалтырь Николая Рабского 1222 г., Врбницкий бревиар конца XIII в., описанный Вайсом, древней-

² Остатки б/пр. лок., вероятно, можно видеть в элементе *Cäri-* в названии *Cäri-grad*, ср. также *Vučipolje, Caribrdo*. См. V. Jagić. Die slavische Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. — AfslPh, Bd. 20, S. 520 и особенно P. Skok. Einige Wörterklärungen, XI. Zum Lokativ in den serbo-kroatischen Ortsnamen. — AfslPh, Bd. 35, 1914, S. 346—348.

³ Здесь, разумеется, проще видеть б/пр. дат., чем местн. ед. м. р., как это делает Майков. См. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа, М., 1857.

шие грамоты А. сг. и т. д.), причем указанные памятники бесполезны для наших целей. Интереснее в этом отношении хорватская летопись XII в. по па Дуклянина, дошедшая до нас в рукописи XVI в. В ней мы не встречаем б/пр. лок., хотя памятники XV—XVII вв. и далее, написанные в хорватской языковой области, содержат б/пр. лок. места. Следовательно, правильное употребление предложных лок. у Калетича (переписчик рукописи) зависит от точного следования тексту оригинала, не знавшего уже б/пр. лок. Данные латинских грамот этого и более раннего времени не могут нам помочь в выяснении хронологии вытеснения б/пр. лок. места предложным⁴. Таким образом, надежных примеров б/пр. лок. места в древнейших сербохорватских памятниках нет. Примеры, впервые приведенные Миклошичем (IV, 637) и с тех пор некритически переносимые из одной работы в другую (*dite se rodi Bethlehemi; ki|bog i Marija|nam daše dobro leto, stranah vino, poljah žito, našeh stranah dobro vino, turskih stranah gol lozina, našem polju gol pšenica, turskem polju ljutj travulja, našem polju snop na snopu, turskem polju grob na grobu; da ju životi pri mojem prihodu ne najdem; još životi se nahajajući*), взяты исключительно из хорватской области и относятся к позднему времени. Поэтому их нельзя рассматривать в той же плоскости, что и хорошо известные русские или чешские примеры. Понятно, что это явление того же порядка, что и соответствующие случаи других славянских языков, связанные с фонетическим исчезновением *v* в определенных условиях. Примерами такого рода изобилуют чакавские и кайкавские говоры, причем в последних фонетическая обусловленность исчезновения *v* более определена (только перед начальными *skr-*, *str-*, *v-*): *Mladenec ves strahu izišel je iz hiže*. Валяв., 24; *gospoda strahu, da ne bi Marko došel, nisu dala van pismo*. Там же, 74; *sadila sem rožmarin skrovnem mestu*. Kuk.-S. Pěsme, 210; *ja se vinu hmiwlem*. Pl.-H., 3, 46 (но и: *vsako jutro rano vo vini se vmivam*. Kuk.-S. Pěsme, 204); *drugu (sc. devojka) rani vinski gori*. Pl.-H., 3, 67; *ne je prala vodice, neg je ju praja v sozicaj*. Pl.-H., 2, 83 и др. Во многих примерах встречается *sredi, koli*, которые некоторыми исследователями⁵ приводятся как б/пр. лок, с чем, однако, едва ли следует соглашаться. Более разнообразны чакавские примеры, самые старые из которых напоминают кайкавские случаи (в отношении фонетических рамок): *kako človiku naučenu i mudru i visokomu ce-*

⁴ Дело в том, что во всех крупнейших собраниях латинских грамот (см. старый труд Луциуса и Фарлати, *Dipl. dalm.*, а также более поздние: *Mon. Slav. Merid.*; *Kuk.-S. Reg. docum.*, *Chron.* и др.) названия географических мест даны в латинской, а не в славянской форме (так как многие из них были издавна известны римлянам). Естественно, что здесь нельзя ожидать следов славянского б/пр. лок., как это было в латинских документах Чехии и Моравии. В случаях старых названий встречаем: *in Ragusa* (чаще: *in civitate Ragusii*), *in Dilato* и т. д.; в случаях новых названий обычно стоит славянский им.: *in suburbio Sibenig, in loco Kerec, in terra Chasma*. Возможно, что в названиях женского или среднего родов этот им. воспринимался как лат. *ablative*: *in Brškovo, in Sabuno, in Gorra, in Xabiniza, in Camarniza*.

⁵ L. Zima. *Nekoje, većinom sintaktične, razlike između Čakavštine, Kajkavštine i Štokavštine*. — „Djeja JAZU“, Knj. VII. Zagreb, 1887, str. 238.

sarstva stanju položenomu, tanko i knjižno govorila jesam. Kat. Zima, 219; *ter crnoj kad zemlji budeš me viditi, znam, da ćeš za žalos u sebi tuj riti.* Ран., 127; ср. также частые *vijeku*: Гунд., 18, 67, Налешк., 15, 218, Джордж., 28 и т. д. Другие примеры из старохорватских и дубровницких поэтов см. в указанном труде Л. Зимы (стр. 237—241). В теперешних чакавских говорах б/пр. лок. места (а также времени, состояния и т. д.) встречается гораздо чаще, причем в ряде случаев нарушая первоначально возможные фонетические условия своего появления. Укажем ряд примеров; *Ivanovet poļu sake vrsti rožie.* Микул., 148 (исчезновение *v* перед *il*); *opre se kraju kamara i va noj stol na-čiñen.* Микул., 2; *pa ga viša zelenoj jelici* Истр. п., 1, 67; *spravļaj, Mare, ruho, svatja ti su dvoru.* Там же, 2, 5; *nikogare gradu ne ostavja.* Там же, 2, 90; *prvem luge jedna jabučica, drugem luge jedna mendulica, tretjem luge ľuba Ivanova.* Там же, 2, 100; ср. Kolo, III, 40; *nočas sam seli bil.* Kolo, III, 47 (примеры из исследования Л. Зимы). Впрочем, этим примерам не всегда можно полностью доверять, так как указанные записи не имели в виду лингвистических целей. Более надежны материалы, извлекаемые из монографических работ, посвященных чакавским говорам. На их основании можно предположить, что ряд современных чакавских говоров в употреблении б/пр. лок. руководствуется уже не фонетическим критерием, а семантическим, перераспределяя предложные и беспредложные формы в соответствии с новыми требованиями. Мы имеем в виду тот не отмеченный исследователями факт, что в ряде говоров названия населенных пунктов в лок. употребляются всегда без предлога, тогда как другие слова, обозначающие местность, знают предложное или иногда предложно-беспредложное употребление лок. (ср. *Crese, Pule, Lovrenskon, bil je svetoj Buhatovice*, но: *f peće, f kuće*, но: *grade*⁶; *ja stojin Lošini, Zadri*, но и: *mori, nebesi, vau mori*⁷ и т. д.). К сожалению, в нашем распоряжении нет достаточного материала, необходимого для доказательства этого предположения. Нужно отметить, однако, что более или менее выразительно указанная тенденция проявляется лишь в ряде говоров северо-западной части чакавской области. В отношении же большинства говоров употребление предложного и беспредложного лок., по-видимому, в значительной степени факультативно⁸.

Говорить о лок. в современных штокавских говорах можно лишь условно, в историческом плане, помня, что с точки зрения настоящего этапа в развитии языка, бесспорно, правильнее говорить о едином падеже, объединившем в себе значения прежнего дат. и лок.⁹ Ср. в из-

⁶ M. T e n t o r. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso). — AfsIph, Bd. 30, 1908, S. 185 (ср. стр. 169, где автор наивно пытается связать б/пр. лок. с акцентными отношениями).

⁷ M. K u š a r. Rapski dijalekat. — Rad JAZU, knj. 188, 1874, str. 48.

⁸ Возможно, это относится даже к говору Врбника, издавна знающему б/пр. лок. См. R. S t r o h a l. Dijalekat grada Vrbnika na otoku Krku u prošlim vijekovima upoređen sa današnjim. — Rad JAZU, knj. 199, I, 1913, str. 129.

⁹ Разумеется, что сохраняющаяся в некоторых парадигмах разница в интонации не может изменить сути дела. Кстати, ряд исследователей отмечает, что подоб-

вестной степени сходные примеры из среднеболгарских памятников, где встречаем *в* и особенно *на* в сочетании с дат. В связи с этим интересными представляются такие случаи, как *а кад Луко Новом селу био*. Вук. С. нар. п., 4, 34; *кад су били бијелу Лијевну*. Там же, 3, 50; *они сједе данас Гори Црној*. Там же, 5, 5; *погуби га столну Цариграду*. Там же, 5, 430; *затвори се каменој пећини*. Там же, 5, 138; *кад су били белом манастиру*. Там же, 3, 45; Петран., 2, 158; 3, 526; *кад су били двору ђевојачком*. Там же, 1, 2; *а кад били личком Mustajbegu*. Јук., 320; *кад будемо рађину ђадору*. Там же, 603; *па кад будеш своду најнижему...* Стојад., 2, 41 и др. Немало примеров и такого рода: *један стоји равној Арбанији, други Боки и у Далмацији, трећи стоји земљи Кроацији, а четврти равној Славонији, пети стоји и Сријем богати, шести стоји код земље Мађарске*. Вук. С. нар. п., 5, 449.

Б/пр. лок. от существительных, обозначающих время, представлен гораздо полнее в сербохорватском языке, правда, в уже онареченном виде. Вот некоторые примеры из старых памятников и современных говоров: *јутрѣ отидеть*. Жит. Конст., 17 (возможно, церковнославянизм); *да даю јесени покрове*. Моп. С., 49; *јдномь дъне*. 45; *бјежати зими*. Жив. Јез. Хр. 1764, 137 (см. Микл., IV); по всем говорам и в литературных вариантах постоянно встречаются: *лани, зими, љети, ономадне, ономлани, ономане, полуноћи*. Преимущественно в говорах: *јутре, ноћи, јесени, пролети, оновечери*. Следует отметить, что такие случаи особенно часты в говорах южной Сербии¹⁰ и в точности напоминают соответствующие македонские факты¹¹. Значительное количество примеров б/пр. лок. времени приведено в недавней статье М. Ивич¹². Разумеется, что чакавские *prvom petku a turskome svetku onda će ti odsjecati glavu*. Коло, VIII, 64; *jagoda je sedmom leti bila*. Истр. п., 2, 124; *sedmom leti već na kraju doјdu blizu sela ...* Микул., 65; ср. постоянное *viјeku*, частое *javi*, правда, преимущественно, у дубровницких поэтов (ср. Менч., 101, 124; Ветр., 2, 3, но и: *и јави*. Менч., 151; Гунд., 29 и др.) и т. д. имеют иное происхождение, чем приведенные выше наречные формы.

К б/пр. лок. восходят в далеком прошлом и известные уже нам по другим языкам наречия и предлоги типа *доље, горе, врху, близу, среди* и др., не представляющие особого интереса в связи с сербохорватским материалом.

Б/пр. лок. при определенных глаголах (главным образом, с пристав-

ное различие отсутствует в ряде говоров даже в таких случаях, как *ствâри — ствâри*. Понятно, что *ствâри* является реликтовой формой, едва-едва поддерживаемой соответствующей интонацией во мн. ч. Ср. соответствующие факты русского языка. См. А. Vaillant. La langue de Dominko Zlatarić, II. Paris, 1931, p. 8.

¹⁰ См. А. Белић. Дијал. ист. јужн. Срб., 310 и соответствующие места в словаре Г. Елезовича.

¹¹ См. А. Белић. Гал. диал.

¹² М. Ивич. Из проблематике падежних временских конструкција. ЈФ, књ. XXI, 1955—1956, стр. 204—205.

кой *при-*) в сербохорватском языке старых памятников и (тем более) в современных говорах отсутствует, если не считать ряда спорных случаев, допускающих несколько объяснений (притом встречающихся в памятниках, написанных церковнославянским языком; тип: *надвѣюштимъ се вльшебной хитрости*. Алекс., 4). Примеры из церковнославянских текстов сербского происхождения в данном случае не могут быть привлечены (некоторые из них указаны в разделе, посвященном старославянскому лок.).

Перейдем к предложным локативным конструкциям, также претерпевшим весьма существенные изменения в своем развитии.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Локатив с предлогом *о*

Сочетания лок. с предлогом *о* в старых сербохорватских памятниках обладали той же совокупностью значений, что и аналогичные конструкции в других славянских языках древнего периода. Правда, не всегда можно найти достаточное количество примеров того или иного рода из древнейших памятников, что, впрочем, зависит от их жанровых особенностей.

Именно так обстоит дело с локативными конструкциями с предлогом *о* в значении места¹³, которые до конца XV в. встречаются очень редко (если не считать традиционных евангельских мест: *поисъ о чреслѣхъ* и т. п.): *о Тигрѣ же и Юфрату бывають*. Стеф. Лазар., 252; *наидоше у нашемъ мѣсту и о близѣ нашеѣхъ отокъ*. Пулич, 1, 162 (по сути дела плеоназм); *привежи же е о своєю вию*. Врбн. брев. Притчи Солом., III, 3; может быть, *да ми будемо дрѣжани о немъ*. Моп. S., 37 (1253) и т. д.¹⁴ У Марулича и дубровницких писателей таких примеров уже гораздо больше, хотя они и становятся более однообразными: *Absalon da za vlas obisnu o dubu*. Ветр., 152; *ociera mi matragu o pleći*. Држич, 417 (может быть, вин. дв. ч.?). *sablja o pasu, luk niz pleći*. Гунд., 331; *korde o pasu ... vise*. Он же, 441; *sablju o pasu, kopje u ruci, luk o plećach*. Он же, 285. Вин. в подобных случаях очень редок (древнейший из известных нам примеров встречаем у Марулича: *višaše o stup*. 51)¹⁵. Следует отметить, что уже в это время лок. с пред-

¹³ Наиболее точным определением значения этой конструкции в современном языке представляется нам то, которое было дано Даничицем: „С овим предлогом реч у седмом падежу показује да је оно што сама значи место на коме се што тако бави да се обузимајући га горњим делом своим држи да не падне“. С. Синт., 620. Для старого языка такое определение кажется слишком узким. Это подтверждается рядом примеров, в том числе и таких, где указанная конструкция приобретает уже переносное значение; например, *богъ да проститъ прваго шкумена Арсеніа, трудившаго се о мѣстѣ семъ светѣмъ*. Моп. S., 141 (1348 г.).

¹⁴ Любопытны примеры из Моп. S., 76, 82, 122, 199, допускающие двойное толкование.

¹⁵ В народной поэзии таких примеров больше: *обеси пушку о клин, објеси је о ункаш Шарину, па се тури нему о рамена*. С. Синт., 519; впрочем, эти конструк-

логом о такого типа изолирован и производит впечатление обычного штампа, наряду с которым известны и другие способы выражения (ср. у Гундулича: *i na vrat mi sablju nosi*. 528 и др.).

В языке народных песен локативные конструкции с предлогом о в значении места нередки, но условия их употребления крайне ограничены (почти исключительно при глаголах: *висјети* и *објесити* (се); реже: *носити*, также в безглагольных предложениях): *метните... саблю о седлу*. Эрланг. рук., 69; *носи деветь самогреза и десету... о рамену*. Там же, 203; *ново сито о клину виси*. Посл.; *виси као капља о листу*. Посл.; *о бедри му сабља окована*. Вук. С. нар. п., 2, 57; 3, 96; *објеси се дори о гривама о свом брату о бијелу врату*. Петран., 640; *но ти глава сад о концу виси*. Петр., 35; *о зиду виси дуга пушка*. Вук. Ковч., 42; *објесио пушку о рамену*. Петр., 15; *о врату му бисер објесила*. Вук. С. нар. п., 3, 49; *обојицу хоћу објесити о вратима града Вучитрна*. Там же, 2, 29; *објеси се о жутој неранчи*. Там же, 1, 735 (ср. *те се овѣситъ о жуту наран'чу*. Эрланг. рук., 2); *о вранцу му виси шејшана*. Там же, 5, 163; *исто ђевојке носе о грѣоцу*. 3, 21; *о врату носио*. Вук. Посл., 354; *и на коњу бојно седло и о седлу бритку сабљу и о сабљи рукавице*. Там же, 1, 262. Отметим, что таких примеров, видимо, почти нет в кайкавских¹⁶, чакавских¹⁷, косовских¹⁸ и призрено-тимочских¹⁹ говорах, вообще потерявших склонение. В записях народных песен, сделанных В. Богишичем, локативные конструкции с предлогом о в указанном значении изредка встречаются (*и корду Секулову о седлу објесио*. Богиш., 58; тут же: *и њему је на бедри сабља златом окована*, Богиш., 59, 68, 70 и т. д.; *нека тебе објеси*

ции имеют и несколько иное значение: „реч у четвртом падежу с предлогом о показује да је к ономе што сама значи примцање управљено тако да га обухвати па се у томе составши се с њим уставља на њему“. С. Синт., 518—519.

¹⁶ Ср. R. Strohal („Osobine današnjega delničkog narječja“. — Rad JAZU, knj. 153 и „Osobine današnjega lokvarskoga narječja“. — Rad JAZU, knj. 152), V. Oblak („Nešto o Megjumurskom narječju“. — „Zborn. za narodni život i obič. južn. Slav.“, I, str. 44—62), V. Rožić („Kajkavački dijalekat u Prigorju“. — Rad JAZU, knj. 115, 116, 118), А. М. Лукьяненко („Кайкавское наречие“. Киев, 1905) и др. или вообще не указывают лок. с предлогом о в таком значении, или дают примеры с *o = de*, *ob = circum*, *ad* (как правило, в выражении: *ob desnu* вин.). В сборниках Кукулевича-Сакцинского и Валявца также не удалось найти случаев лок. с предлогом о в значении места.

¹⁷ R. Strohal („Osobine današnjega riečkoga narječja“. — Rad JAZU, knj. 124; „Jezičke osobine u kotaru karlovačkom“. — Rad JAZU, knj. 146, str. 148; „Dijalekat grada Vrbnika na otoku Krku...“ — Rad JAZU, knj. 199); K. H. Meyer („Beiträge zur Čakavischen“. — AfslPh, Bd. 40, 1926, S. 264) и др. также указывают на конструкции с предлогом о в изъяснительном значении. Обычно это лок., но иногда и вин. (ср. Rad. JAZU, knj. 148, 5). В большей части работ по чакавским говорам (Неманич, Миачетич, Мейер, Кушар, Белич, Облак, Решетар и др.) какие-либо данные на этот счет отсутствуют. Интересно свидетельство Тентора (указ. статья, стр. 184) об отсутствии лок. с предлогом о в говоре Cres'a. Ср., впрочем: *sjaji ti riška o rameniš*. Марьян. Нrv. р.

¹⁸ Ср. Г. Елез., II, 1 („о“).

¹⁹ Ср. А. Белић. Дијал. ист. јуж. Срб., а также работы М. Станоевича по тимочским говорам в СДЗБ. II, III, известные нам лишь косвенно.

о врат'jem од Будима! Божиш., 15 и др.), но, к сожалению, составитель не указывает, где были сделаны те или иные записи. Одиноко стоит пример, приведенный Миклошичем из хорватской области: *sedī ni o desnici tojoj*. Микл. Псалмы Давида, S. Budinić, 91 и едва ли отражающий действительное положение. Дело в том, что вин. здесь засвидетельствован не только церковнославянскими памятниками сербского извода (*стоеща о десную ба*. Гршков., 50; *посаждь о десную себе*. Михан. отр. Ефес., I, 20, постоянно в Мирославовом Евангелии и Шишатовском Апостоле) и многочисленными сербскими текстами, но и хорватскими данными, новыми и старыми (*i tada raspeta bista s gnim dua rasboinicha, iedan o desnu stranu, a drugi o liuu*. Задар. лекц. Матф., 18, 38; *stojeći ob desnu*. Ран. лекц., 109. Деян., 7, 56; *jednoga ob desnu, a drugoga ob lijevu*. Там же, 188. Лука, 23, 33; *ob desnu*. Марул., 214, 240, 196 и т. д., Ветр., 380, Гунд., 446, Лулич Х. Суббот., 81 и т. д.). Исключения редки: *na desnu*. Гунд., 367, Задар. лекц., 16. Матф., 26, 64; *sjede se liva*. Гунд., 11, 126 и т. д., а также: *ob desne* (род.!) Берн. лекц., 83, 114; *ob desne i ob lijeve strane*. Ран. лекц., 200 (в соответствии с: *od desne i od live strane* в Берн. лекц.) — явление, впервые отмеченное М. Решетаром.

Единичные локативные примеры можно видеть в таких случаях, как *o ploči udri*. Марул., 49; *da se o njoj oprljim*. Менч., 19; *pa je š njome o tle udario*. Јук., 348; *da se razbie drěvo o tojoj zemlě* (in der Nähe meines Landes). Микл., при обычном здесь во всех сербохорватских говорах вин. с тем же предлогом.

Локативные конструкции с предлогом *о* во временном плане также были не чужды сербохорватскому языку в прошлом и продолжают (правда, в очень ограниченном числе случаев) существовать и сейчас: *прииде въ Охтаи... о зимѣ*. Стеф. Лазар., 277; *о пришьствии кю хотециимъ быти*. Жит. Сим.; *бывшихъ... о рождьствѣ кю*. Там же, 2; *дубровчци бише о томъ* (=при этом). Пулич, 158; *кои ми су дужнѣ давати кралеству ми о Власинихъ светьцихъ на трѣи днѣ месеца фреваря*. Моп. S., 232 (1398 г.); *а да се почну плаћати о прьвихъ Власинихъ свѣтсцихъ*. Там же, 232; *такожде да даю краљвству о всакомъ приходецѣмъ дмитрове дневе*. В. тисуци. Там же, 188 (1379 г.); *да vsako leto ĉa bude о Miheli...* Прот. Драг., 117; *и да се пристиѡо о Узмих*. Полицк. конст., 183; *и ки се нису причестили о Узмих оно годище...* Там же, 183; *kadno о svetkovini idu ро žipi prosit*. М. Држич, 364; *posred gora vode о zori tančas mili*. Гунд., 13; *отишли су о ђурђеву дан'ку*. Эрланг. рук., 18; *дођите сад о празнику*. Елез., II, 1; *izvede га поѡи о ропоѡи*. Јук., 329; *ра ти садји поѡи о ропоѡи*. Там же, 338; *да ти мени о јесени дођеш, о јесени, о Дмитрову данку*. Вук. С. нар. п., 2, 355; *снијег паде о ђурђеву дану*. Там же, 1, 311; *кад је било о петку другоме*. Там же, 3, 12; *кад у вече о вечери било*. Там же, 1, 245; *ал' кад јутро о зорици било*. Там же, 1, 636; *што га носи о васкрсенију*. Там же, 2, 42; *учинићеш крвцу о празнику*. Там же, 2, 68; *свагда је о великим празницима народ поучавао у цркви*. Вук. Даница, 4, 5; *о новом лету сазове у Београд све-*

војводе. Вук. Грађа, 30 (примеры из трудов Вука Караджича взяты из С. Синт., 622—623); *o Kukovi dne, o prohinoj žetvi, o škripcu dne, Jefrem je bio patrijarah o boju kosovskom*. Kolo., 15, 14 (См. Ивек.-Бр., 825). Нельзя пройти мимо двух фактов. Во-первых, указанная конструкция встречается теперь, кажется, почти исключительно в штокавских говорах²⁰. Во-вторых, в ряде случаев лок. с предлогом *o* во временном значении представляет собой новообразование, отсутствовавшее в старых памятниках (*o великим празницима, o prohinoj žetvi* и т. д.). В связи с этим характерен и сдвиг в значении конструкции (исчезновение в ряде случаев оттенка приблизительности, общности указания).

Примечание: И старые и новые тексты почти всегда показывают: *vob dan, ob noć*. В одном старом памятнике нам встретилось: *vsako godišće o svetoga Mihovila*. Naredbe kapitola senjskoga od god. 1380, Ark., II, 83.

Старые сербохорватские памятники и современные говоры в более или менее значительном количестве содержат примеры локативных конструкций с предлогом *o*, обладающих кругом значений, промежуточных между конкретными (местное, временное) и более отвлеченными (изъяснительное): состояние, социативность, средство действия, сфера деятельности, основание деятельности, причина действия, отношение и т. д. Несмотря на то, что в ряде случаев возникают сомнения относительно значения того или иного примера или относительно доказательной силы его (не церковнославянизм ли это?), все же именно сербохорватские материалы могли бы оказаться наиболее ценными для выяснения генезиса изъяснительного значения в локативной конструкции. Однако то обстоятельство, что именно сербохорватский язык элиминирует эту конструкцию, заменяя ее другими (а кое-где уже полностью заменив), снижает значение этих промежуточных случаев в данном вопросе.

Приведем некоторые примеры, помня, что границы этой группы не всегда определенно очерчены (особенно в той части, где она [группа] близко подходит к группе случаев с изъяснительным значением): *да има мо мирь по старому закону стрьки васа и все твое лоуди, кое имашь или кое учьнешь имати, о тьвлъ ихъ и добитькъ ихъ*. Моп. С., 43 (1254. 22 в. Дубр.); *одложе тко га море држати на свом и о свом*. Полицк. стат., 220²¹; *сьзда тоу црьковь о вь стльпа*. Сечен. лет., 68 (дважды), ср. у Микл.: *сьзда срьковь о два стльпа; о вьсьвь да су вольныи*. Зак. Стеф. Душ., 24; *и о семь събысть се*. Жив. Сим., 23; *сьбысть се о насъ*. Жив. краљ. и арх., 20; *исьплянающюму вьса о*

²⁰ Приведенный Миклошичем один пример: *o zori... strane* (Псалмы Давида, 20, из хорватской области) — малопоказателен. Хорватские примеры единичны: *o polnoći došal*. Курел.; *kad je bilo niku doba noći niku doba noći o pol noći*. Мажур.

²¹ Б. Д. Греков. Полица. М., 1951. Русский перевод (221) соответствующего места опирается на историко-юридические толкования А. Павича, Т. Матича и М. Решетара (см. стр. 60), игнорируя лингвистические возможности. Учитывая Моп. С., 37, может быть, лучше перевести: 'держатъ (с. влах) на свои средства' и 'при себе' ('около себя', 'при своем хозяйстве'). В этом случае *o свом* можно бы было понять в местном значении.

всѣмъ. Михан. отр. Ефес., I, 23; *вѣсаки о томъ да да сводь*. Зак. Стеф. Душ., 104; *о семь благоизволи*. Моп. S., 168 (1360 г.); *о семь благовалецу*. Моп. S., 205 (1387 г.); *а о своєї прѣмоудрости не величаи се*. Врбн. брев., 48. Притчи Солом., III, 5; *да о всемъ ихъ освободи*. Ст. срп. пов., I, 58 (ср. чешск. *oušet*); *да о всемъ се су... исправили*. Там же, I, 58 (1348 г.); 59 (1349 г.); *да стоѣ о нишу или о крушевуу*. Там же, II, 488; *да стоѣ о сигидину и о темишвару*. Там же, II, 488; *стоѣль... о всемъ*. Там же, I, 67 (1355 г.); *о томъ що к стоѣль*. Там же, I, 67 (1355 г.); *къ томуу посла о нѣкихъ*. Стеф. Лазар., 276; *ruk božji živiti o pići nebeskoj...* Марул., 47; *о slatkom tvom rozogu te se srce hrani*. Ран., 158; *о своєї воли дрѣжавоу имѣа*. Жив. Стеф. Деч.; 7; *zarovidiše na korist mostirsku, o koj vsi živihom*. Лет. Глав., 37; *о рице krstjanski kako mož trpiti*. Марул., 241; *къуптенъ же о нашъдшихъ иноплеменъницѣхъ пострадавшие много*. Алекс., 5; *распньшиихъ се о стадѣ христоименитѣмъ*. Там же, 246; *съпострадаше нѣци...* *о благочстии*. Там же, 246; *каково становиство имате о тихъ лудихъ*. Ивич. Грам., 206; *а чоув'ствие твое о доуши добро бити изволит се*. Врбн. брев., 45. Притчи Солом., 2, 10; *не боуди моудр' о себѣ*. Там же, 3, 7; *не прѣнемагаи о наказани гни*. Там же, 3, 11; *семоу же коньчавышоу се о мнѣ... оставихъ на прѣстолѣ моемъ*. Моп. S., 5 (1198—1199 Стеф. Нем.); *любовь, ѣже о бозѣ объяви се*. Копр. лет., 52. *о благочстии подвизае се*. Там же, 54; *подъвизаше се о храмѣ*. Жив. Сим., 10; *о христѣ оправдавшимъ се*. Карл. лет., 58; *и просветивъ землю люди своихъ о вѣсакымъ правилѣ*. Там же, 59; *и о себѣ добрѣ устроивше*. Там же, 64; *искоушающе его о всѣхъ хоудожьствыхъ*. Жит. Конст., 7; *и тако почи о господи*. Там же, 24; *ѣже зачехъ о господи*. Жив. Сим., 4; *и поженоу, господи, о тебѣ враги моѣ*. Там же, 24; *брате мои любимы и сладкыи о христѣ бозѣ*. Там же, 28; *да насладивъ се о господи бозѣ сладкые любьве*. Там же, 28; *сътвориста вѣса обильнаѣа о отърочети*. Жив. краљ. и арх., 12; *о неи же мученицы плоти и крови непощадѣша*. Жив. Стеф. Деч., 6; *и толико возможе о оукрѣпляющимъ его Христѣ*. Там же, 7; *о Isuse budi hvaljen*. Марул., 339; *и о насъ покажи чоудеса*. Кан. Феод., 144; *по не-исповѣдимѣи милости еже створи о насъ*. Моп. S., 11 (1222—1228 гг.); *отворена наша земла о всѣхъ вашихъ печалехъ*. Моп. S., 34 (1249 г.); *изволениемъ о Христѣ братства обновихомъ*. Моп. S., 57 (1293 г.); *о мнѣ прославить се име твое*. Моп. S., 58 (1293—1302 гг.); *мнѣ же хвалити се да не боудеть, тѣмко о силѣ и помощи господа*. Моп. S., 74 (1302—1321 гг.), ср. 78, 121 и т. д.; *створише о мнѣ*. Моп. S., 90 (1330 г.); *ѣви о мнѣ великоѣ милосрѣдѣи*. Там же, 90; *и кѣто исповѣсть, ѣже о мнѣ милосрѣдѣи божиѣ*. Моп. S., 99 (1330 г.); *сьмотрение ѣже о насъ свѣршивъ*. Моп. S., 121 (1336—1347 гг.); *о Христѣ светихъ*. Моп. S., 134. (1348 г.); *почивши... о законѣхъ и о всакоѣкихъ правинахъ*. Моп. S., 161 (1357 гг.); *царствуюцу ми о бозѣ*. Моп. S., 172 (1365 г.); *и о томъ благодарихъ бога*. Моп. S., 178 (1368 г.); *милосрѣдова о родѣ чловѣчьсѣмъ*. Моп. S., 187 (1378 г.); *и о томъ вѣсхоте*. Моп. S., 159 (1357 г.); *о господѣ... блаженъ*. Моп. S.,

561 (1286 г.); *о прѣдъреченномъ възвратим се*. Карл. лет., 64; *fsy ni sablasgneri budete o mni*. Задар. лекц., 15, Матф., 26, 31; *acho fsy sablasgneri budu o tebi*. Там же, 15, Матф., 26, 33; *koji se na sablazni o meni*. Ран. лекц., 100., Матф., 11, 6; *o gospe učini*. Марул., 210; *o drugom ni marit*. Менч., 331; *помотри о поноћноу стражи*. Соларич., Суббот., 515 и многие другие. Некоторые из этих примеров носят отпечаток церковнославянских образцов, но подвергнуть сомнению сербохорватское происхождение этих случаев в целом едва ли возможно. Следует указать, что подавляющее большинство приведенных образцов относится к сербской территории. Хорватские и далматинские примеры скуднее и однообразнее: в основном они встречаются в религиозной литературе; грамоты их почти не знают. Современные хорватские говоры, видимо, почти полностью утратили подобные типы. Известные примеры относятся к религиозным текстам (*da ja tiji o pomoći tvojoj*. Псалмы Давида, Vudinić. 33; *ne živi človik ob samom kruhu* и т. д.). Может быть, сюда же относятся архаические случаи, встреченные нами у Богшича: *и Лазара разбише, ни о чем не оставише*. 9; *турке бјеху разбили, ни о чему оставили*. Там же, 42 и др.

В языке сербской народной поэзии примеры такого рода не редки, хотя и они ощущаются как выражения идиоматического характера. Ряд подобных случаев сохраняется и в литературном языке в виде архаизмов: *иде о штапу*. Вук. Рјечн., 377; *да ја о вас не огрешим душе*. Вук. С. нар. п., 4, 39; *врана о буњишту а соко о месу (живи)*. Посл.; *саградио себи задужбину о свом лебу и о своје благоу*. Вук. С. нар. п., 2, 53; *о свом труду и муци живи*. Обрад.; *о том, брате, до Стамбола дође*. Грлица, 1838, 113; *о чем ћеш после натраг поћи*. Обрад.; *послије су му беглучили о својој храни*. Вук. Рјечн. и др. (см. С. Синт., 621)²².

Примечание. Появление вин. в конструкциях такого рода чрезвычайно редко: *излите се* (ср. кровь) *о безбожнаго*. . . *Исмаили*. Анналы 63 (XVI в.); *и о женское обличавь*. Жив. Стеф. Деч. 3, совр.: *о што је то теби! тадар турци кликнуше врлијем гласом об једнога* (= сви заједно). Богш., 8 и др.

Старые памятники сербохорватского языка в достаточной степени сохраняли локативные конструкции с предлогом *о* в изъяснительном значении, причем в текстах высокого стиля или документах, претендующих на особую официальность, такие конструкции встречались особенно часто, что (в той или иной степени) сохраняется до сих пор. Границу между выше рассмотренными примерами и примерами с собственно изъяснительным значением занимала большая группа случаев, в которых лок. с предлогом *о* соединялся с глаголами, выражающими душевные эмоции печали, горя, ненависти, гнева, радости, веселья и т. д. Преобладание того или иного оттенка значения зависело от особенностей контекста; так что и эта группа весьма далека от однородности. Приведем несколько примеров: *и весели се о семь*. Жит. Констант., 18; *веселецюу же се о бозѣ*. Там же, 18; *възвесели се о семь*. Там же, 19; *веселеи се о мнѣ*. Жив. краљ. и арх., 16; *и веселе се о бозѣ спасѣ*

²² В текстах с острова Корчула встретилось: *чови*к живи је о надници*. Моск. Корч. СДЗб., Књ. XI, 210.

свокъмъ. Там же, 21; *о всакомъ вашемъ добру веселити се а иномъ... болѣтъ*. Пуцич, 158; *veselite se o gospodinu bogu vašeti*. Берн. лекц., 119; *веселецеи се о зълх' и радующеи се о страшени и злѣ*. Врбн. брев., 46; *въвеселит се о чедѣх'*. Там же, Ekkles., 77; *веселю се доушею и тѣломъ о божьствѣнѣмъ дарѣ*. Моп. S., 115 (1342 г.); *веселецоу ми се о бозѣ*. Моп. S., 143 (1349 г.), ср. 164 (1357 г.); *веселяся и радуяся о господѣ*. Раич. Суббот., 453; *о семь царь възрадова се*. Алекс., 9; *радостию... испльнивъ се о рожден'номъ отрочетоу*. Там же, 9; *радоук се о господи*. Жив. краљ. и арх., 6, ср. 11, 11; *бисмо ради о всакомъ вашемъ складу и добру*. Пуцич, 160; *радостенъ о семь бывактѣ*. Жив. Стеф. Деч., 11; *радуеть се о грѣшнициѣ*. Моп. S., 5 (1198—99 гг.); *срадукмо... о благополучномъ избавленію*. Обрад. Суббот., 471; *о срѣднихъ дѣтехъ обрадоует'се*. Медиц. тексты 1390 г. Schaf., 129; *о писан'нихъ емоу оумиливъ се*. Алекс., 26; *негрѣдеце се о писании*. Жит. Конст., 9; *ликъствоуета о рождьствѣ твокъмъ*. Моп. S., 67 (1305—1307 гг.); *о семь... стоужив'ше си*. Алекс., 3; *о семь тоуживше*. Там же, 29; *о семь васъ много жалити м'ню*. Там же, 95; *жалостнь бывахъ о семь*. Там же, 95; *оумножакъ печаль о немъ*. Жив. Сим., 11; *плачоушти се... о чедѣ*. Жив. краљ. и арх., 10; *о томъ попечалите*. Пуцич, 28; *да не има печаль о пастырскои хранѣ ни о одеги*. Моп. S., 61 (1293—1302 гг.); *жалоующимъ о разлоучени кю*. Моп. S., 88 (1330 гг.); *жалость родителя о дечицы новой*. Обрад., 471; *о семь възненавидѣше іего*. Алекс., 10; *о смърти Филиповѣ азъ оскрѣбивъ се*. Там же, 21; *о семь расрѣчивъ се*. Там же, 143; *такова о благочестии Стефану ревность*. Жив. Стеф. Деч., 7; *о себѣ сама иметь бѣсновати се*. Моп. S., 14 (1222—1228 гг.); *поревноваасмо о монастырехъ*. Моп. S., 136 (1348 г.) и др.

Менее многочисленной была группа локативныхъ конструкций с предлогомъ *о* при глаголахъ *хвалить, славить, повелевать, поручить, благоволить, дивиться* и др., довольно редкая в другихъ славянскихъ языкахъ. Укажемъ несколько образцовъ: *хвале се тѣкмо о смръдециимъ семь*. Жит. Конст., 7; *и богоу хвалоу въздасть о всѣхъ сихъ*. Там же, 8; *хваляю бога моего о васъ*. Там же, 22; *неславит се богъ о семь*. Там же, 20; *о сихъ благодаривше*. Алекс., 25; *ни пороучихомъ ѿже о насъ*. Там же, 75; *повелѣвак о въсвождении възлюблѣнаго*. Стеф. Лазар., 244; *а о семь... да непочюдиться*. Жив. Сим., 3; *о томъ се много почудисмо*. Пуцич., 13; *дивити се вѣмъ о семь*. Жив. Сим., 23; *ни о семь незазирати*. Жив. Стеф. Деч., 3; *вельми оудивлѣнии быхомъ о жити моужъ тѣхъ светыхъ*. Моп. S., 137 (1348 г.); редкая по своей насыщенности церковнославянскими грамата; *о прѣсветѣи... госпожди... похвалоу принесемъ*. Моп. S., 67 (1305—1307 гг.); *о смѣрении оудивляють се*. Моп. S., 9 (1195—1224 гг.); *да имъ помагате за мою любовь о сикизи работѣ*. Моп. S., 158 (1357.); *о семь бо завета*. Моп. S., 99 (1330 г.); *богоу послѣштвоуюцоу ми о божьствѣнѣмъ кю дарѣ*. Моп. S., 78 (1302—1321 гг.) и др. Характерно, что указанные случаи встречаются чаще всего в агиографической литературе, откуда, возможно, они и были перенесены в некоторые тексты делового со-

держания. Современному литературному языку и (тем более) говорам такие конструкции чужды²³.

Укажем ряд примеров, когда лок. с предлогом о связан с глаголами, выражающими заботу (*печься, брѣшти, милосръдовати* и др.), а также при глаголах: *молити, радити, стезати се, просити* и т. д.: *пекы се о стадѣ своѣмъ*. Моп. S., 91 (1330 г.); *пеци се о души своєї*. Моп. S., 4 (1198—99 гг.); и *о црѣкв(а)хъ пеци се*. Моп. S., 5 (1198—1199 гг.); *о земли нашеи пекоуштоу се*. Алекс., 23; *о сихъ... небрѣвъ*. Там же, 23; *пекоушта се о семь душелюбъзнѣмъ има чедѣ*. Жит. краљ. и арх., 13; *о немъ же сѧ николиже никтоже попеклъ*. Жит. Меф., 3; *милосръдовавъ о мнѣ*. Жит. Сим., 5, 11; *оумилосръди се... о мнѣ грѣшнѣмъ*. Жив. краљ. и арх., 16; *и помолите ихъ о мнѣ*. Алекс., 30; *и моли се о мнѣ владыцѣ своѣмоу*. Жит. Сим., 12; *моли се... о възлюблєнихъ ти чедѣхъ и о всехъ*. Надп. кн. Евфим. (1389—1392 гг.) Рамáтку, 28; *молися о ономъ*. Жив. Стеф. Деч., 8; *умоливи... о спасени*. Моп. S., 110 (1321—1336 гг.); *мольбники... о нашему спасению*. Моп. S., 126 (1347 г.); *умоливише... о спасению*. Моп. S., 150 (1351 г.) *умолитель о насъ*. Моп. S., 150; *о содежнихъ ни оумолити*. Моп. S., 191 (1379 г.); *о побивающихъ те молаше*. Моп. S., 201 (1382 г.); *о сихъ молю*. Моп. S., 214 (1376—1399 гг.); *молецесе о себѣ и о мирѣ и о служецеи брати*. Тип. Хил., 171; *о томъ радили*. Пуцич, 15; *о бозѣ же се стезаемъ*. Жит. Конст., 11; *стезающоу се... о вещи сеи*. Жит. Сим., 7 и др.

Наконец, остается сказать о группе локативных конструкций с собственно изъяснительным значением (при глаголах говорения, мышления и т. д.). Эта группа наиболее многочисленна и лучше других известна (между прочим, и по чисто сербохорватским памятникам). Поэтому ограничимся лишь немногими образцами: *говорише... о кривинахъ*. Моп. S., 157; *то ере смо уговорили... о узѣмѣхъ*. Моп. S., 7; *govori... о баповот газбоји*. Хорв. суд., 317; *скажу в. м. о нашему невольному станию*. Моп. S., 560; *скажоу бо о семь чудеси*. Жит. Сим., 24; *о сеи бо рече*. Там же, 3; *свѣдѣтельствуютъ о семь*. Жив. краљ. и арх., 8; *свѣцаше о мнѣ*. Моп. S., 100; *о Isuse uslisime*. Катар., 467; *слоушаю... о всѣхъ работахъ*. Моп. S., 116; *слышахомъ многаа... о жити моужь тѣхъ*. Моп. S., 137; *о мнѣ провѣсть богъ*. Моп. S., 10; *о всѣхъ више реченихъ работахъ даи нам видѣть*. Пуцич, 266; *tko vede o smrti*. Ран., 139; *и никъди да не помислимо... о господину Влѣку*. Моп. S., 216; *mislit o životu veseli*. Луцич, 233; *o tebi misleći*. Марул., 209; *о всемъ разумесмо*. Пуцич, 44; *да о томъ ви... знате*. Стоянов., 1, 58; *успоменуше... о работахъ градукихъ и о законѣхъ*. Моп. S., 168; *вспоменути и о сръбскои земли*. Копр. лет., 51; *zabavih o tebi*. Д. Држич, 423; *azъ opatъ Drъžihâ pisahъ se o ledině... Башч. надп.; pisma o toj stvari netaju*. Истр. разв. XV в., 195; *пишемо о томъ о всемъ*. Пуцич, 55; *о нjoj рјечат*. Менч., 60;

²³ У писателей „славяно-русско-сербской“ школы и даже у Д. Обрадовича они еще встречаются.

о всеъ що се чуѣ. Пуѣич, 31; писахъ се о лединѣ. А. ср. Грам., 1100; о томь... одвещавамо. Пуѣич, 14; *izvještavaju zajedno o sporu radi međa*. Ист. разв. XV в., 200 и др. Следует заметить, что в памятниках церковной литературы круг глаголов, при которых выступают подобные конструкции, гораздо шире²⁴. Несмотря на значительное количество примеров лок. с предлогом *o* в изъяснительном значении, можно уже с довольно раннего времени наблюдать постепенное исчезновение таких конструкций и замену их другими, нередко различными в разных частях сербохорватской языковой области.

С середины XIII в. в говорах Хорватии и Далмации (реже Боснии) вместо лок. с предлогом *o* начинают выступать генитивные конструкции с предлогом *od*, возможно, иногда образуя компромиссные типы: лок. с предлогом *od* (такие случаи нередки в говоре современных дубровчан)²⁵. Укажем ряд примеров: *одъ томь оускорѣ дамь веденѣ*. Дубр. грам. от 22 мая 1254 г. (по изд. Шафарика, в Mon. S., 44. неправильно: *o томь*)²⁶; *ovo sada pišu vrimena mimošastna od carigrada i od bosne i od inih stran*. Хорв. лет. *Árk.*, IV, 37; *ča receno iest g nim od ditichia onoga*. Задар. лекц., 2, Лука, 2, 17; *slisa... od onih*. Там же, 2, Лука, 2, 18; *suidochuye od onih*. Там же, 5, Иоанн, 21, 24; *od gospodina... gouorechi*. Там же, 5; Мат., 2, 15, ср. 5, 6; 6, 10; 10, 11; 13, 13; 14, 15 и т. д.; *poče Isus govoriti narodom od Ivana*. Ран. лекц., 100, Матф., 11, 7; *što govoriš od tebe samoga?* Там же, 101, Иоанн, 1, 22; *rječena bjehu od pastijera*. Там же, 107, Лука, 2, 18 и т. д.; *ka pisana... od sina človičaskoga*. Берн. лекц., 22; *od Philipa govoraše*. Там же, 118; *svidočastvo od Isukrsta*. Там же, 161 и т. д.; *i poče njim od volje i odlučjenja govoriti*. Лет. Дукл., 13; *cića toga novoga pritanja od dostojnoga kristjanina*. Там же, 14 (но встречается нередко и лок. с предлогом *o*: 14, 16 и др.); *od keh gouori sueti prorok*. Катар, 462; *od koga... gouorih*. Там же, 458 (но и: *o Isuse uslisime*. 467); *пою мисе од светога григора*. Стоянов., II, 471 (1478); *говоре... од светога григора*. Там же, II, 471; *успоменуше... одъ реченихъ власталь и од опћинѣ*. Mon. S., 233 (1399 г.); *говореник... одъ приѣтель моихъ*. Mon. S., 204 (1386 г.); *рад бих разумити од вас*. Ивич. Грам., 206; особенно часты такие конструкции в текстах старых статутов приморских областей: *kapitul prvi ot sile ženske*. Стат. Крка, 281; *tužiti ot sile*. Там же, 281; *kapitul ot tatbi*. Там же 284; *od uda usččena*. Там же, 285 (загл.), ср. также в заглавиях статей: 285, 286 (6 раз), 289, 290 (2 раза), 292 (2 раза), 293, 294, 295, в заглавиях почти всех статей Полицкого статута (в тексте иногда встречается лок. с предло-

²⁴ Ср., между прочим: *o светѣмъ климентѣ надѣю се*. Жит. Констант., 9; *o немъ же и господь самъ послушествова*. Жив. Сим., 11; ср. также лок. с предлогом *o* при глаголах, крайне редких в деловых документах.

²⁵ P. Budmani. Dubrovački dijalekat, kako se sada govori. — Rad JAZU, knj. 65, 1883, str. 178.

²⁶ Другие примеры см. у М. Решетара: Die ragusanische Urkunden des 13—15 Jhs. — AfsIph, Bd. 17, 1895, S. 44.

гом о) и ряда других документов из этого места²⁷. Исключение представляет Винодольский закон, где таких примеров нет. Объясняется ли такое положение более ранним временем его написания²⁸ и точной передачей рукописи XV—XVI вв. (вообще очень небрежной), решить трудно, так как и локативные конструкции с предлогом о здесь отсутствуют.

У Марулича и в языке дубровницких писателей род. с *od* вместо старых локативных конструкций также част, хотя и не исключителен. См. Марул., 190, 191, 195, 219 (3 раза), 220, 222, 225, 229, 269, 320 и т. д.; Ран., 8, 11, 112, 113, 133, 138, 139, 145, 157, 158, 371 и др.; Менч., 23, 169, 307 и др., Ветр., 41, 351 и др.; Д. Држич, 423 и др.; Луич, 213, 265 и др. М. Држич, 133, 135 и др.; Гунд., 13, 349, 461, 467 и др.; Пальм., 233 и др. Интересно, что подобные примеры в подавляющем большинстве находятся в заглавиях; в самом же тексте они в общем довольно редки, уступая по количеству другим конструкциям с таким же значением, в том числе и лок. с предлогом о, отсутствующему в заглавиях. Иное положение встречаем в произведениях XVIII в. из той же области (ср. стихотворения Качича-Миошича 1690—1760 гг.), где род. с *od* в равной степени употребляется и в заглавиях и в самом тексте. То же и у А. Глеговича: *seto govorise od tebe istoga, od gljubavi besjedi od tvoj smarti besiedi* и др. (даже: *nemislechi od drugomu*). Глеч. Кач., 174.

Что касается современных говоров, то рассматриваемые конструкции распространены в них еще шире: исследователи хорватских и далматинских говоров постоянно отмечают подобные случаи. Записи диалектных текстов из этих областей также содержат значительное количество таких примеров. Больше того, они отмечены даже кое-где в говорах Боснии, Герцеговины, Славонии, Воеводины, хотя здесь они употребляются гораздо реже. Вот несколько образцов: *oni su se od njega divanili*. Валяв., 95; *ja sem senjala od jedne krilove čere*. Там же, 170; *kaj si pripovedaju od sakojačkih trav*. Там же, 251; *povedati od Bendeš Vile Mandalene*. Там же, 23; *je čul od toga čuda*. Там же, 102; *speval jod svete trojice*. Кук.-С. Реšме, 197 (кайравские говоры Хорватии)²⁹; *divanit od koga*. Ив. Шаптин., 154 (но не: о *kome!*); см. также материалы из сборников Петрановича и Юкича (впрочем, они часто малопоказательны)³⁰. Область распространения этих конструкций, некоторые особенности их распределения (на островах Адриатического моря, в хорватском приморье исключительно, к востоку и югу — реже) и, наконец, их состав, кажется, убедительно подтверждают мысль ряда

²⁷ См. V. Mošin. Poljičke konstitucije; ср. в заглавии: *od матримониа, од реда, од напоконега помазаньа, од посветилища мисе капитул, од сакрамента тила И(суса) Х(риста)* и т. д.; в тексте же есть и лок. (*и да о тих раде*).

²⁸ 1288 г. (В. Ягич. Зак. Винод., 106, 107). Раньше называли 1280 г.

²⁹ Эти примеры заимствованы из исследования Лукьяненко, стр. 271.

³⁰ В беднявском говоре вместо лок. с предлогом о регулярно появляется род. с предлогом *ed*: *senjoti ed kego, geveriti ed kego* и т. д. См. J. Jedvaj. Bednjanski govor. — HDZb, knj. I, 1956, str. 323.

лингвистов, видящих здесь проявление итальянского влияния (*di = od*). Ср. также распространение *od*+род. для выражения притяжательности. Впрочем, в ряде случаев можно думать и о самостоятельном происхождении подобных конструкций³¹.

Однако *od* с род. была не единственной конструкцией, вытеснявшей лок. с предлогом *o* в изъяснительном значении. В памятниках сербского происхождения очень рано в изъяснительном значении появляется аккузативная конструкция с предлогом *za*, вскоре ставшая преобладающей: *a ja gospodinъ банъ Стефанъ заклину се... за мене и за мохъ синова и за мохъ сиеме*. Моп. S., 107 (1333 г.); *и пренесоше Хрисулуе за Зигъ и за мѣсто зовомое Скорьпиа*. Моп. S., 126 (1347 г.); *да не дак за този свода*. Моп. S., 147 (1349 г.); *за онѣхъ молаше*. Моп. S., 201 (1382 г.); *и говори ми за работе и за трьговце и за слободу и за повелѣ господина*. Моп. S., 202 (1385 г.), ср. 204; *говоре за земле*. Моп. S., 233 (1399 г.); *говорише... за села*. Моп. S., 86 (1327 г.); *въждельвъ за вы*. Моп. S., 4 (1198 г.); *o христьянствѣ наипрво за христьянство*. Зак. Стеф. Душ., 8; *за невѣру*. Там же, 34 (загл.; Призренск. рукоп.; в более древнем списке: *o невѣрѣ*); *за попашу*. Там же, 44; *за мею и за землю*. Там же, 46; *o межъ сельскои, за межъ сельске*. Там же, 48; *за оправѣ котлене*. Там же, 50, ср. 94, 96; *за то... молимо*. Пулич, 30, 31, 33, 47, 49, 303 и др.; *уписать намъ o здравю и o пришьстию господина кнеза... и за наше трьговце*. Пулич, 31; *уписасте за радоню*. Пулич, 36; *пише за радоню*. Пулич, 46; *и зато одъ наась проси*. Пулич, 47; *узна за тужъ работу*. Пулич, 52 и др. Для нас эти примеры интересны в двух отношениях. Во-первых, во многих из них еще очевидна разница в значении по сравнению с лок. с предлогом *o* и хорошо прослеживается постепенное приобретение ими собственно изъяснительного значения. Во-вторых, указанные примеры с несомненностью свидетельствуют, что локативные конструкции с предлогом *o* в изъяснительном значении в XIV—XV вв. едва ли могли быть продуктивным явлением. Скорее всего их спорадическое появление обязано традиции³².

Источник аккузативной конструкции с предлогом *za* в таком значении был общим, видимо, для всех областей сербохорватского языка, хотя развитие этой конструкции пошло несколькими различными путями: в говорах центральной, восточной и южной частей теперешней Югославии *za* с вин. в изъяснительном значении стало преобладающим, а иногда и единственно возможным³³; в крайне западных говорах эта

³¹ Ср. замечания М. Решетара о случаях типа: *spomenite se od riči moje*. Задар. лекц., 59 и др., имеющих и в восточных говорах. См. „Primorski lektionari XV vjeka“. — Rad JAZU, knj. 136, 1898, str. 188.

³² Интересный пример (если только это не случайная описка) забвения старой конструкции: *отъ овце динарь, o праве динарь*. Зак. Стеф. Душ., 114 (вместо *от брава*, т. е. за вола — динар, за овцу — динар).

³³ Иное дело в литературных письменных стилях, где иногда лок. с предлогом *o* еще весьма устойчив, а в некоторых случаях преобладает (ср. научную литературу, газетный язык и т. д.). Примеры из говоров не приводим: они хорошо известны. Ср. хотя бы С. Синг., 416—452, где благодаря удачному расположению [приме-

конструкция не получила сколько-нибудь значительного распространения, показывая, впрочем, необычайную устойчивость в некоторых старых типах: ср. в древнейшей грамоте 1100 г.: *моли за не бога; molih se za te*. Ран. лекц., 186; постоянно у Марулича и дубровнидких поэтов: ср. Марул., 337; Ветр., 41, 427 и др.; *молите бѣа за мою душу*. Стоянов., II, 467 и теперь: *моли... за Гределу Радосава*. Богиш., 41 и др. Однако в ряде случаев и в этих говорах (в прошлом) встречается весьма частое употребление *за* с вин. в изъяснительном значении: первое место в этом отношении занимает уже упоминавшийся нами Кркский статут, в котором эта конструкция преобладает в заглавиях над другими способами выражения того же значения: она встречается около 20 раз (только в заглавиях статей), несмотря на малый объем памятника: *kapitul za konja jizdnoga*. 282; *kapitul za žrebca ali kobilu*. 282; *za osla*. 282; *za ul*. 283; *kapitul za kokoš i peteha*. 283 и др., ср. *законь за кокоши*. Полицк. стат., 240; *за неврство*. Там же. 268 (всего два случая). В Винодольском Законе такие примеры отсутствуют вовсе. Что касается употребления этих конструкций в самом тексте (а не в заглавиях), то в хорватских памятниках и в дубровницкой литературе они очень редки и, по-видимому, вскоре исчезли: *za to... govoraše*. Обл. Катар., 154; *просец насъ за нике дохотке*. Шурмин, 93 (1381 г.); *a za pineze što govori*. Хорв., суд. 318; *peznam za nje*. Там же, 318; *za to sve stvorenje poča se radovat*. Марул., 195; *čudi se sve za toj*. Ран., 14; *za to još pišu*. Гектор., 3; *за то имь... записа повелю*. Стоянов., I, 57; *за този царство ми да оговори*. Там же, I, 66; *за тои... уписасмо*. Там же, II, 487 (оттенок значения в этих примерах несколько иной, чем в локативных типах с предлогом *о*). В некоторых говорах в данном случае с предлогом *за* выступает род. (особенно в Боснии).³⁴

Гораздо более редкими и менее продуктивными оказались другие конструкции, соперничавшие с лок. с предлогом *о* в изъяснительном значении. Приведем несколько примеров: *vrh sreće*. Ран., 73, 74 (в загл.), *vrh lova jednoga*. Он же, 80; *pjesanca vrhu očenaša*. Ветр., 362; *ne plačite vrhu mene, ma plačite vrhu sebe i vrhu djece vaše*. Ран. лекц., 188; *razvidjenje vrhu ukazanja duše ...* Ark., 2, razd., 2, 320 (1699 г.) и т. д.; *ni u moje ni u vaše zdravlje, već o glavu Tomića Mijata! ... već o glavu Ibri delibašel* Juk., 595; *п(арна) о племеньщину*. Полицк. стат., 212; *а парна ће о землю*. Там же, 214; *законь о диленьа*. Там же, 224 (в загл.); *и волань е чов(и)къ ч(о)в(и)ка изъступити, тако ча е о племеньщину ...* Там же, 250; *о три кт'ера*. Vážný, Ml. ch., 521 (загл.); *иду тебе просити на двоји млади сватови*. Богиш., 35; *žaljahu nega*. Ран. лекц., 188; *plaćuće svoga dobroga gospodina*. Лет. Дукл., 21 и т. д.

ров хорошо видны промежуточные этапы развития этой конструкции по пути к типу с изъяснительным значением.

³⁴ Ср., например, Đ. Šurmin. Osobine današnjega sarajevskog govora. — Rad JAZU, knj. 121, 1895, str. 206.

Впрочем, все эти замены не вытеснили окончательно лок. при предлоге *о* в изъяснительном значении не только в литературном языке, где он удерживается довольно прочно (особенно в языке научных работ), но и кое-где по говорам: *nis ja nikad o tom snila...* Мажур., 171; *o svaćet se oni spominjaše*. Там же, 21; *govorili smo o materi*. Vážný. Čak., 216; *smo govorili o popi*. Там же, 89 и др.

Мы относительно подробно остановились на рассмотрении конструкций, конкурирующих с лок. с предлогом *о* в изъяснительном значении, не только для того, чтобы показать пути, на которых лок. с предлогом *о* прежде всего сдавал свои позиции, но и для того — и это главное, — чтобы показать ущербность этой конструкции в определенных условиях уже в ранний период письменной истории сербохорватского языка; обычно же место этого типа остается не совсем ясным для исследователей, поскольку они изучают часто только локативные (с предлогом *о*) сочетания, которые сами по себе не всегда могут быть использованы как доказательство их продуктивности.

Таким образом, в сербохорватском языке локативные конструкции с предлогом *о* в общем потерпели значительный урон и в большинстве случаев едва ли могут рассматриваться как продуктивные образования.

Локатив с предлогом *по*

Остановимся теперь на анализе конструкций, состоящих из лок. с предлогом *по*, оставляя в стороне ряд моментов из истории развития этих типов и ограничиваясь относительно немногими примерами, поскольку часть из них содержится в недавно появившейся ценной работе М. Ивић³⁵. Уже в древнейших памятниках сербохорватского языка лок. с предлогом *по* охватывает все те случаи, которым в других древнейших славянских языках (например, в старославянском или древнерусском) соответствуют локативные и дативные конструкции с предлогом *по*. Обычно считают, что следы последних в сербохорватских памятниках ничтожны. Больше того, некоторые исследователи готовы заподозрить доказательную силу ряда очевидно бесспорных примеров дативной конструкции с предлогом *по*³⁶ или — что еще хуже — готовы современное восприятие тех или иных случаев проецировать в глубокую древность, не замечая того, что падежная принадлежность формально одной и той же конструкции с течением времени может меняться³⁷. Но даже оставляя в стороне эти явные, по нашему мнению, недоразумения и считая, что дативная принадлежность таких древнейших примеров, как *да си ходе съ своими си тръги по всѣи земли области кралевѣства ми свободно и по Хльмьсѣвѣ Земли и по Зетѣ и по вса-*

³⁵ М. Ивић. О предлогу „по“ у српскохрватском језику. — ЈФ, 1951—1952, књ. 19, № 1—4, стр. 173—212.

³⁶ Именно так делает М. Решетар, видя в примерах типа *ходе по земљама* влияние церковнославянских текстов. См. Prim. leks., 129.

³⁷ Ср. М. Ивић. Указ. соч., стр. 175.

кимь трыгомь... Моп. S., 19 (1234 г.); да ходе по землям продаюкъ. Моп. S., 41 (1253 г.); как частые в грамотах: по вьсему трыгу, по моему владанию (уже в 1180 г.) и т. д.³⁸ — вне всяких сомнений, все-таки остается немало случаев, где определение падежа крайне трудно или даже невозможно. Впрочем, некоторые общие замечания могут оказаться полезными в дальнейшем. Старая точка зрения Даничича, считавшего, что сейчас в некоторых формах (типа: по граду и т. д.) можно видеть прежний дат., оказалась несостоятельной, как это доказал М. Решетар на основании акцентологических данных. Чакавские говоры, в той или иной степени сохранившие различия между дат. и лок. во мн. ч., а иногда и в ед. ч. (ср. говор Нового), имеют при предлоге по лок., а не дат. Следовательно, факт вытеснения дативной конструкции при предлоге по локативной очевиден. Сложнее решить другой вопрос: когда это произошло. Ответить на него можно, пожалуй, лишь в том случае, если это вытеснение произошло до XIV в. в штокавских говорах и до начала XVI в. в чакавских³⁹ (хронология, разумеется, весьма приблизительная), т. е. до того времени, когда в лок. основ на -о утвердилась флексия у-основ. Как раз в этот период встречаются некоторые особенности, которые, кажется, отчасти свидетельствуют, что при предлоге по в это время существовал еще дат. (по крайней мере, в ряде случаев). Мы имеем в виду наблюдение М. Решетара, подметившего, что в Задарском лекционаре при преобладании в интересующих нас формах окончания -i только после предлога по употребляются формы с -и в конце. См. Prim. leks., 129⁴⁰. То же, но в меньшей степени, констатирует М. Ивич и для Законника Стефана Душана, 176. Понятно, что здесь не может быть случайности. В дальнейшем подобные дативные конструкции были переосмыслены как локативные⁴¹. Это стало возможным лишь позже, когда в лок.-основ утверждалась флексия у-основ. Ср. отчасти сходное положе-

³⁸ Думается, что постоянные в церковнославянских памятниках сербского извода дат. с предлогом по в значении места также косвенно дают некоторые показания в пользу существования подобных типов в сербохорватском языке. Ср. по домоу ходе. Гршков. отр., 51; ходити по поутем' тьмним? Врби. брев., 46; растившоу... враци свою по странами. Жив. Сим., 5; по мнозъмь землями ходивша. Жит. Констант., 25. Иное дело, конечно, поздние случаи типа: ni razici po planinama. Кач.-М.; да потерпе све у злаку по ливадам траве. П. Соларич и др. или дат. с по у Д. Обрадовича.

³⁹ Ср. Задар. лекц., где в лок. ед. ч. о-основ преобладает -i (из -ѣ), -и реже; в Берн. лекц. чаще уже -и, чем -i, которое в Ран. лекц. вообще очень редко. В прозе Марулича только -и. Разумеется, в данном случае мы вынуждены игнорировать такие говоры, где -и не утвердилось, если эти говоры не имеют древних памятников.

⁴⁰ Еще раньше это было сделано А. Майковым в его „Истории сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа“. М., 1857, стр. 596, правда, менее четко.

⁴¹ Впрочем, остаются некоторые неясности в акцентуации. Однако они не являются препятствием для принятия нашей точки зрения. Ср., например, совр. према глави, према зѣмљи, где акцентно-интонационные данные определенно говорят в пользу лок., хотя раньше према употреблялся исключительно с дат. (было бы: прѣма глави, прѣма зѣмљи и т. д.).

ние в чешском языке. Если предложенная нами точка зрения верна, то известный спор Даничича (-у в лок. ед. ч. о-основ из старого дат.) и Решетара (-у в лок. ед. ч. о-основ из у-основ) оказывается в применении к данной категории случаев беспредметным. В заключение этого вводного экскурса отметим, что очевидных примеров локативных и дативных конструкций с предлогом *по* в значении места в древнейших памятниках очень немного. Показательно, что ранние примеры дат. с предлогом *по* встречаем в 1234 г., 1253 г., а лок. с тем же предлогом — в 1243 г. (*ни по морѣ ни по соуѣ*. Моп. S., 30), 1253 г. (*по всьехъ градовѣхъ*. Моп. S., 39).

Таким образом, с вероятностью можно предположить, что лок. с предлогом *по* в значении места утвердился в сербохорватском языке не раньше середины XIII в. (*terminus ad quem*).

Приведем еще несколько случаев локативных конструкций с предлогом *по* в местном значении. Поверхность, на которой происходит действие: *да приходе ихъ трьговци по земли и по трьовѣхъ кралевѣства ми*. Моп. S., 52 (1240—1272 гг.); *да си ходе... по трьохъ*. Там же, 52; *ходе трьговци... по трьовѣхъ и по путевѣхъ* Моп. S., 85 (1326 г.); *се законъ... яко и по нихъ урьквахъ*. Моп. S., 98 (1330 г.); ср. 119, 120, 146; *списасмо имена метохиямъ всѣмъ по Срьблкъ и по Романии*. Моп. S., 140 (1348 г.); *да постави урьковь... по всѣхъ трьовѣхъ*. Зак. Стеф. Душ., 12, ср. 14, 16, 16, 18, 20, 24 и т. д. Особо стоят случаи: *да не посилаю митрополитие по поповѣхъ*. Там же, 26; *и оць гдне деспоте молимо що годе к ималь стѣпашинь по людеѣ испѣва ти*. Стоянов., 212 (1413 г.); *ходе наши по туриѣхъ и по инѣхъ поганеѣхъ*. Там же, 442 (1412 г.) и др. Если первая разновидность развилась повсюду⁴², то вторая почти полностью исчезла в литературном языке и, видимо, в большинстве говоров: *аждуци отиду по јатацима, живе по својим људима, разносио је по бегуницама, да идем по бабама, иде по женама* и др. (примеры заимствованы у М. Ивич, стр. 179).

К этой же группе следует отнести лок. с предлогом *по* при глаголах со значением *ударить* и т. д.; *udri po glavi*. Лет. Дукл., 29; *udrišji prutom dva krat po stini*. Берн. лекц., 187; *po licu udiruc*. Марул., 190; *ali Turčin rani našega po livoj ruci*. Хрон. Силоб., 96; *udrivoši ju po vratu*. Starine, I, 224, но и: *bijahu obraz negov*. Ран. лекц., 187 (интерполяция: *po*); *čemo udriti na kulu*. Јук., 489 (несколько иное значение)⁴³. Если в старых памятниках восточных областей подобных примеров нам не встретилось, то в современных говорах они распространены по всей сербохорватской языковой области: *удари се руком по кољену*. Вук. С. нар. п., 3, 56; *удари вранца по сапима*. Там же, 3, 61; *он се бије руком по прсима*. 3, 8; *те куцај у Бошка по плећима*. 2, 45; *ter udara po svilenu pasu*. Јук., 332; *tad je Kom-*

⁴² О различии между лок. с *по* и просекутивным твор. см. М. Ивич, стр. 178.

⁴³ Ср. также: *he on ne smje udriti na Ivana!* Вук. С. нар. п., 3, 57; *удара на плећа јуначка*. Там же, 3, 55 и др.

nen plehnu po obrazu. Там же, 332; *udri po bijelu vratu*. Pl.-H., 55; *ударише по мрамор камену*. Петран., 84; *што га је бијо по главе*. Елез., 2, 82 и др.⁴⁴ В ряде случаев сюда же примыкают примеры типа *ићи по киши*, *ићи по сунцу*, *ићи по мраку* и др. Однако возможно и иное их понимание (в частности, во временном плане). Из старых текстов нам известен лишь один пример такого рода (*kako ću po tmi роć*. Ветр., 2, 104); образцы из современного языка см. в статье М. Ивич, на стр. 179 (ср. у Курелаца: *po sunsi hodila*. 312).

Наконец, следует отметить частое уже в древнейших памятниках по *срѣдѣ*, как правило, онаречившееся или ставшее предлогом: ср. Mon. S., 26, 61, 87, 99, 122, 187, 194 и др.; впрочем *посрѣдѣ*; 93, 95 и др.⁴⁶

Примечания. 1. В некоторых говорах вместо обычного в подобных случаях при предлоге по лок. встречаем вин.: *по земле и по владание наше да си ходите свободно*. Mon. S., 33 (1249 г.); *ne ulazi po vrata*. Берн. лекц., 117: *hvala nje роćita, nje propose dike po mora, po rike, po zemlje okol vas*. Марул., 61, ср. у Обрадовича: *ходио . . . петнайсет дана по такови мѣсты*. 474; это же отмечает Решетар в приморских лекционарах, 188, ср. также А. Ивич (AfsIph XXX, 213) — *padje snih po primorski planina*. Хрон. Силог., 98. Впрочем, кажется, здесь (как и в некоторых других случаях) лучше видеть исчезновение конечного придыхательного, ср. там же: *pade snih po Baškoj planini*. 111; *po Primorju*. 102 и др. Такие же примеры хорошо известны на юге штокавщины (особенно в Черногории) и находятся в связи с общим колебанием между лок. и вин. См. примеры у Зимы. Указ. соч., стр. 231—235 и М. Стевановича⁴⁶.

Изредка выступает в чакавских говорах твор. с *по*: *po trudnijem putom time и kraljevstvo svoje hti iti*. Кавалин. 338. См. М. Ивич, 206. Интересна компромиссная форма *po puten* (ср. *po putu* и *putem*) в одном из чакавских говоров. AfsIph XXX, 185.

2. Попытка связать отдельные разновидности местного значения локативных конструкций с предлогом *по* в порядке исторической эволюции сделана у М. Ивич, стр. 175—177.

3. Сербохорватскому языку чужды такие конструкции, как *стајати по боку твојему*, изредка встречающиеся в переводах. См. М. Ивич, стр. 180⁴⁷.

Локативные конструкции с предлогом *по* во временном плане также неоднородны. Старая праславянская конструкция, в которой слово, стоящее в лок., обозначает временную веку, после которой происходит действие, была хорошо представлена в старых текстах: *или кто и буде*

⁴⁴ Только вин. находим в примерах: *по биле се удратише руке, узеше је по бјеле руке* и др.

⁴⁵ Едва ли можно сюда же причислить и такие примеры, как *и мы дрѣжеше по немь*. Жит. Konst., 11. Предпочитаем видеть здесь не местное значение. Ср. там же: *и по Христиньскы се законь дрѣжешимь (!)*. 18. Ср. стр. 36.

⁴⁶ М. Стевановић. Ђаковачки говор. — СДЗб., књ. XI, 1950, стр. 145.

⁴⁷ Между прочим, неправильное употребление *по* с лок. в сербохорватском языке нередко встречается и в других случаях, что вполне понятно в условиях далеко зашедшего развития этих конструкций, значительной разницы в них между восточными и западными говорами и смешения с аккузативными конструкциями с тем же предлогом. В связи с этим делаются попытки упорядочить употребление лок. с предлогом *по*, о чем свидетельствует статья Ј. Вуковича „О рђавој употреби приједлога «по» с локативом“. — „Pitanja savremenog književnog jezika“, III, knj. 2, sv. 1. Sarajevo, 1951, str. 110—114 (речь идет прежде всего о конструкциях типа *дискутовати по том питању, заузети став по тој ствари* и т. д.).

владыка по мнѣ. Моп. S., 10 (1222—1228 гг.); или кто по таковомъ женоу дастъ. Моп. S., 15; иже будутъ по мнѣ архиепископи. Моп. S., 18 (1233 г.); ср. 24, 49, 57, 57, 68, 72, 75, 75, 77, 83, 87, 89; 90, 104, 105 и т. д.; особенно часты такие случаи в летописных текстах: како царствоваше отъ начала и по потопе. Копр. лет., 51; владиславъ же по нѣмъ прѣемлетъ краљѣство. Там же, 51, 51, 52, 52, 53; Карл. лет., 55, 56 (3х); по мнозѣ къ отцу ихъ посилаеть. Там же, 63, 64; и бысть по немъ трети брать. Сечен. лет., 70 (ср. Моп. S., 5), 72, 73, 73, 77; Лет. Дукл., 3, 4, 5, 12, 17 и др. Можно было бы привести примеры из приморских лекционаров и даже из дубровницких поэтов, но они не представляют собой ничего нового по сравнению с предыдущими примерами. Впрочем, далматинские писатели употребляют лок. с предлогом *по* в таком значении весьма редко, причем обычно в наречных случаях (*potom toga*). Знали они и иное употребление этой конструкции (см. ниже). В дальнейшем подобные примеры в западных говорах почти полностью исчезают: в диалектных текстах они нам не встретились. Сербские писатели XVIII—XIX вв. обычно употребляют такие конструкции лишь при именах, произведенных от глаголов совершенного вида: *по свршетку*, *по истеку*, *по открићу* и т. д.

Примечание. Иное дело у писателей „славяно-русско-сербского“ лагеря. Радич, например, употребляет подобные конструкции необычайно широко, не придерживаясь в точности ни сербского, ни русского, ни церковнославянского узуса; *сия война... производима была по двою или триех лѣтѣх*. Суббот., 462; *не по мнозѣже времени...* Там же, 460 и др.

Как отмечает М. Ивич, в XX в. употребление *по* с лок. во временном значении у сербохорватских писателей ограничено указанными выше рамками. Единственное исключение — Д. Радич, уроженец косовско-ресавской области, где эта конструкция является вполне обычной.⁴⁸

В старых текстах изредка встречались локативные конструкции с предлогом *по* при сравнительной и превосходной степенях: *никто ни прѣвѣ ниже по сихъ*. Копр. лет., 52; *кюже чѣстнѣишек по Соломону въ чловѣцѣхъ нѣсть*. Стеф. Лазар., 253; ср. *прѣвии по нѣмъ* и т. д.

В некоторых случаях оттенок 'после' в значительной степени теряется: ср. *vazda razumejuć po prvoj tatbi, po drugoj imej platiti po duplu, po tretoj tatbi imej biti oběšen*. Стат. Крка, 283 (но и *ako po prvu tatbu ali po drugu...* Там же, 283); *присегућ убо ш ню али она сама по првом траћѣ, имаю такнути руку и рећи*. Винод. зак., 78. В других случаях этот оттенок и вовсе исчезает: *ku (misu) služimo po nediľah*. Моп. croat., 135; *ter da su sluge gosposke morali redom po tejdneh dole spavat*. Razvid. Ark., II, 824 (1699 г.); *po danu zlo, po noći još gore*. Менч., 169; *po noći je kulu oblazio*. Јук., 338 (единственный не хорватский пример). Впрочем, такие случаи редки.

⁴⁸ См. Елез. II, 83. То же в црничском говоре. См. Б. Милетић. СДЗб., IX, стр. 498.

Наконец, временное значение лок. с предлогом *по* проявляется в случаях типа: *целе зиме смо по киши и мразу стално били напољу; тешко је путовати по киши и ветру* (см. М. Стеванович); *da hoju jutrom, kad je rosa, i ob dan po znoju*. Луцич, 237 и др.

Примечания. 1. Интересное развитие значения наблюдается в конструкции с предлогом *по* у јекавских писателей: *до данас сам те миловала, а по данас би те клала ка турчина*. (= 'с', 'от'). См. М. Ивич, 194.

2. В ряде говоров вместо лок. при предлоге *по* во временном значении выступает вин. или — гораздо реже — твор.

Локативные (с предлогом *по*) конструкции типа *итти по ком* (= 'за', 'вслед') в сербохорватском уже в древних памятниках были чрезвычайно редки (иное дело церковнославянские памятники) и, кроме того, обычно могут быть истолкованы и иначе: *по комь кѣе ходити слободно*. Пуцич, 35; *pojdu k oltaru od sekrestie, prie akoliti, po nem opustolski, po nem žiakan*. Naredbe. Ark., II., 81; *по мнѣ ходе*. Жит. Конст., 1; *po meni ako tko ulize, spasen bude*. Берн. лекц., 117 (обычно в лекционарах: *nasliduj mene*. Задар. лекц., 4; *nasljedovaše lega*. Ран. лекц., 155; *i nasljedovahu učenici nega*. Там же, 186 и т. д. В других памятниках чаще встречается твор. с предлогом *за*: *Adam i ini za nim*. Лет. Клим., 32; *za svom vojskom zada grediše Oloferne*. Марул., 12 и т. д.). В говорах от указанной конструкции почти ничего не осталось: в литературе известно лишь два примера из косовско-ресавских говоров⁵⁰ и, может быть, один из чакавского: *по њему (за њим) што иду*. (М. Стеванович. Указ. соч., 146). Возможно, что косвенные свидетельства следует видеть во фразах типа: *да узне децу по себе* (=са собом) и т. д.

Укажем еще на интересный гибридный случай, встретившийся нам у Божишича: *по за њему језду језди*. 63.

Примечание. В случае целевого оттенка при *по* выступает вин. Особенно часто это можно наблюдать при глаголе *послати*: *послати по њега* и т. д.

Значительная часть локативных конструкций с предлогом *по* выражает более абстрактные отношения, чем рассмотренные до сих пор. Во всяком случае, в ряде конструкций вытеснение дат. произошло позже, чем в конструкциях такого же рода, но с местным значением. Это легко можно подтвердить фактическими данными.

Среди случаев, которые нам предстоит проанализировать, по крайней мере, три более или менее обычны для большинства славянских языков. Мы имеем в виду тесно связанные друг с другом группы со значением: 1) 'на основе чего'⁵¹; 2) 'в соответствии с чем, согласно чему'; 3) 'из-за чего, по причине чего'. Укажем ряд примеров: *владикы надъ ними по правоу и по закону раставль*. Mon. S., 4 (1198—99 гг.), 20, 37, 43, 43,

⁴⁹ Ср., однако, М. Стевановић. Грам., 417.

⁵⁰ Елез., II, 83; М. Ивкович. Народне приповетке из Ресаве. — С. Етн. 36. ХLI, стр. 302. Эти случаи, бесспорно, находятся в связи с аналогичными македонскими и болгарскими.

⁵¹ М. Ивич называет эту группу лок. „критерия“ (ук. соч., стр. 182).

44, 45, 50, 170 и т. д.; и обновихъ и по изволеню владичице. Моп. S., 6, 65, 133, 136 и т. д.; и тишина бысть въ дъни владычества кю по слову пророка Давида. Моп. S., 9 (1222—1228 гг.)⁵²; оуставлень бысть... по воли, а не по ноужди игумена. Моп. S., 79 (1302—1321 гг.), 42; ако не поиде по печати. Моп. S., 13 (1222—1228 гг.), 15; по правдѣ изволи кралеѣство. Моп. S., 14; отацъ може по души улити свое синове од башѣине. Полицк. стат., 236; да вы како си се сте научили по клетвѣѣ наша села... кмати. Моп. S., 21 (1238 г.), 31; по милости, по милосердью. Моп. S., 5, 10, 11 (3х), 28, 32, 50, 67, 71, 84, 86 и т. д.; по любви. Моп. S., 81; по хътенью. Моп. S., 39; по враждѣ. Полицк. Стат., 226; по благославеню. Моп. S., 48; кому пристои по разлогу од племена. Полицк. стат., 230; да се не поставлактъ по мите или по наговору. Моп. S., 18; писа... по заповѣди. Стоянов., 178; по силѣ. Зак. Стеф. Душ., 28, 48, 62; по старому обичаѣу свoitнаке обирати закон имаю... Полицк. конст., 189; ... *budi van ugodno po vašem običajnot u oficialu činīt ...* Глаг. док., 1562 г., 219; ... *da bim učinil Marka Tobiju po našem oficiju ezaminati...* Глаг. док. 1585 г. и т. д. Такими примерами изобилуют старые памятники деловой литературы. Без существенных изменений продолжает эта группа существовать до сих пор. Диалектные материалы тоже содержат подобные конструкции. К приведенным примерам следует также отнести *по мени, по теби, по њему* и т. д. (со значением 'что касается меня' и т. д.), получившие широкое распространение в относительно недавнее время. Лишь изредка встречается лок. отношения: *он је добар по срцу* и т. д.⁵³ Несколько обособленно стоит сочетание *по имену*, генетически связанное с этой группой, а также *по богу* в случаях: *а ти робе, мој по Богу брате!* Божиш., 263; *po bogu sestrice*. Јук., 354, Петран., 618. Ср. *по чему сам душа твоја? иль по богу иль по роду*. Вук. С. нар. п., I, 632; *ја се вама молим по Богу*. Елез., II, 563. Также зависят от нее и примеры, в которых локативная конструкция с предлогом *по* выражает причину действия: *да не суде по страху цареву*. Зак. Стеф. Душ., 100 (ср. там же: *да суде по законьнику*. 100); *сырѣши по невѣсти*. Стоянов., 25 и т. д. (См. М. Ивич, 183). В современном языке таких примеров немало, причем их находят в самых различных говорах. Иное дело с такими (внешне похожими) случаями, как *po meni мнози и vas život ne vide zlata i tgu od glada*. М. Држич, 400; *сам све по теби изгубио* (разгов.); *biše izgubil vid mnogih slzah*. М. Ивич, 183 и др., которые отмечены исключительно в западных говорах. Интересно, что в этой группе случаев более ощутима связь с временным значением (= 'после'), чем в предыдущей (*сырѣши по невѣсти*).

Связи с указанными группами (причинное значение, основание действия) очевидны в хорошо известной и по другим языкам категории случаев, как-то: *sad po meni, što je ljubav, poznate*. Ран., 8; *ni ga*

⁵² Нужно помнить, что в XII—XIII вв. некоторые из этих примеров могли содержать дат., а не лок.

⁵³ Ср. *accus. limitationis*. Е л е з. Речн., II, 564 (тексты).

poznah po vjencu lovoru. М. Држич, 416; *по чьмь би смо могли изнаки того челоуька.* Пуцич, 10; *может быть, и по томь знате како сте ви по вашои любвь примили и похитили.* Там же, 17; *poznaj po sebi, jer slava človiaka najvesa.* Марул., 8; *по чьм сам то сад познао.* Обрад., 494; *on dobro poznaje po tomu pisanju.* Гектор., 69; *morel ona ku stvar uciniti, po kou bi mogla ona tebi uideti.* Катар., 459; *по прилицу њихе познаваше.* Петран., 633; *по трагу нађе га.* Елез., II, 552; *и по гласу познавао куму.* Вук. С. нар. п., 3, 45; *чоек се по беседи познаје.* Посл.; *toga clovika prioznat po očiје.* Vážný. Čak., 295; *по говору ги мош да разлиһиш.* Стеван. Ђаков., 146; *as je bil poznaj od nix po kantánu.* Сусек., 212 и т. д. (но он ти ји је познао по прстена сука злата. Богиш., 80 и др.). Оригинальной особенностью сербохорватского языка являются локативные конструкции с предлогом *по* в значении средства (или иногда более определенно: орудия) действия⁵⁴. Укажем примеры: *да би ми удаль по сихь послѣхь.* Mon. S., 54 (1240—1272 гг.), т. е. 'с помощью', 'через'; *що ни сте писали и поручили по вашихь почтенихь властелехь.* Mon. S., 536; *друго смо пакь поручили по вашехь властелехь.* Mon. S., 537; *кре примихоу одь много почтенога кнеза... по нашемь дикаоу по ниньцоу воукосаликю...* Письмо Скандерб. дубровч. 1459 г. Суббот., 58; *и да ми га удасте по момь калу҃кѣру и по момь дикаце.* Стоянов., I, 70; *и те динаре да се даду по мому мужу а друга по попу һаниньскому.* Там же, II, 478; *потвьрди по нашѣхь властелехь.* Пуцич, 13; *по Радосаву жупану примисмо лист.* Пуцич, 34; *листь ваше любве примисмо по будисаву и по милѣви.* Пуцич, 43; *писаник твок любве примисмо по вашемь служѣ.* Пуцич, 46; *хокѣмо господьствути по нашихь послѣхь.* Пуцич, 54; *книгу кою ми... посла по книгоношахь.* Пуцич, 301; *и обећа се показати по сведоцих.* Винод. зак., 71, ср. в Статуте Крка, 281, 283 (лишь внешне сходно: *по сихь же показаше емоу.* Жит. Konst., 7); *govori po svojem prokuratoru Gabre Vašiču.* Хорв. суд., 317 (не врем. знач.); *bisse po prorocih suogih upismih suetih... izložil.* Задар. лекц., 1. Римл., I, 2; *choga ulil i nas iest obilno po isucharstu spasiteglu nassem.* Там же, 2, Тит., 3, 7; *chi gouorase po stipanu.* Там же, 3, Деян., 6, 10; *po ieremigi pororochu gouorechi.* Там же, 5, Матф., 2, 17, ср. также 7, 8 и т. д.; Ран. лекц., 107, 283, Берн. лекц., 22, 118, 161, 188 и др. В современном литературном языке и особенно в говорах подобные конструкции встречаются нередко, хотя и неравномерно: западные говоры употребляют их гораздо чаще, чем восточные. Однако более важным представляется другое различие, заключающееся в неодинаковых условиях употребления этих конструкций. Дело в том, что в восточных говорах в лок. стоит слово, обозначающее одушевленный предмет. Кроме того, он возможен лишь при узком круге глаголов (*послати, поручити, јавити* и др.), предполагающих определенное движение при осуществлении действия. Всех этих ограничивающих условий не существует в западных говорах.

⁵⁴ Возможности других славянских языков в этом отношении гораздо уже: ср. *звонить по телефону, послать по почте* и т. д.

Поэтому в них встречаем даже такие примеры, как: *da ih narod po prstu kazuje; што нас људи по прсту казују* и т. д. (в Черногории и особенно в старых хорватских книгах: *Kupido ... po tankoj svirali jeda nas porazi*. Ветр., 2, 124; *kaji po jednoj riči vaskoliki svijet stvori Lastrić test*. 113а; *izbavljajući se po liku od nemoćih*. Кадич, 113 и др. (эти примеры взяты у М. Ивич). Поскольку в восточных говорах таких случаев нет, то обычно предполагают здесь итальянское влияние (ср. *map-dare per uno* и др.). Впрочем, в последнее время некоторые исследователи (М. Ивич) считают невозможным говорить о нем в данном случае на том основании, что в итальянском языке при обозначении средства, орудия употребляется не *per*, а *con* (*scrivere col lapis*). Нам это возражение кажется неубедительным по ряду причин. Важнейшая из них заключается в том, что едва ли возможно отделять подобные случаи от употребления лок. с предлогом *po* при страдательных оборотах, где соответствие с итальянским образцом поразительно. Кроме того, вопросы влияния нельзя сводить только к абсолютному калькированию (ср., на пример, итальянские конструкции с *per*, которые в одних случаях в хорватских говорах передаются через *po* с лок., в других — через *za* при инфинитиве (для выражения цели, иногда причины), но тем не менее итальянское влияние бесспорно в обоих типах. Ср. такое же положение в некоторых диалектах Словении). Впрочем, все эти рассуждения, разумеется, не имеют целью преуменьшить значение внутренней эволюции соответствующих хорватских конструкций, давшей возможность осуществиться иноязычному влиянию⁵⁵.

Примечание. Окончательное решение всех проблем, встающих перед исследователем в связи с историей этой группы локативных конструкций, зависит от того, были ли в восточных говорах в более ранние периоды случаи, аналогичные приведенным хорватским. Вопреки мнению М. Ивич, считаем, что их не было; примеры же типа: *поставлять по мите, уземь по силѣ* и т. д., с нашей точки зрения, сюда не относятся.

По особенностям строения, по сходству в значении и по одинаковости географического ареала в теснейшей связи с рассмотренной группой стоит категория случаев, в которых лок. с предлогом *po* выступает при глаголах или причастиях страдательного залога. Все примеры относятся к хорватским и далматинским памятникам. Следует отметить, что они характеризуют почти исключительно книжную речь: *kaji po Kostancu biše naučen u viru*. Лет. Дукл., 12; *kaji po poganeh bihu razsuti i požgani*. Там же, 13; *ki po poganih bi razrušen*. Там же, 18; *i po rečenom kralju... biše podloženi od voli v nevolju*. Там же, 36; *teško človeku tomu, po kom sin človečanski izdan bude*. Ран. лекц., 185, 283; *...po kom meni svit propet jest*. Там же, 283; *pisana po prorocih*. Берн. лекц., 22; *po njoj su spaseni... po njoj su ispravljani... po njoj se*

⁵⁵ Еще один любопытный пример итальянского влияния в области синтаксиса отмечен Поповичем. См. J. Popović. Una influenza sintattica italiana sui dialetti croati istriani. — „Ricerche slavistiche“, vol. 4, 1955—1956, p. 68—71.

otvoriše taj vrata od raja. Марул., 211. П. Будмани подобную конструкцию в современном дубровницком говоре⁵⁶ называет „варваризмом“.

Примечание. Изредка вместо лок. выступает вин. Ср. *spasitelj naš bi kršten po ruke Ivana*. Филипп., 3, 18а; *po nemilostive Gote biše požgan i razsut*. Лет. Дукл., 17.

Особую весьма малочисленную группу представляют случаи типа: *да се не говори по ерцеговачком нарјечју*. Вук. С. нар. п., I, 194. Ср. и нарече име кмоу Драмь, по сръбскомь кзыкоу Потечиште. Алекс., 14; *житие же его явлѣть по малоу сказоукмо*. Жит. Конст., 1 и т. д. В современных говорах такие примеры ограничены, кажется, западными областями.

Лишь старые церковнославянские памятники сербского извода содержат конструкции типа *плакати по ком*. В других источниках они отсутствуют, заменяясь другими типами⁵⁷.

Вряд ли что-либо существенное прибавится к нашей характеристике локативных конструкций с предлогом *по*, если упомянуть о некоторых случаях, встречавшихся в старых текстах (*по всѣмоу подобнь бысть оцуо своему*. Копр. лет., 51; *подобнь бывъ по всемоу развѣ грѣха*. Моп. S., 110; *по всему подобнь бысть оцу своему*. Печ., 107; *что бо ксть мнѣ слаждше . . . нь по свѣтѣ прощи живоу быти и оумрѣти*. Жит. Конст., 5; *поревновахъ по господѣ бозѣ*. Жив. Сим., 7; *ревнитель по ильи*. Жив. Стеф. Деч., 24; *до семерти подвизаи се по рѣснотѣ и зъ бѣ поборотъ по тебѣ*. Врбн. брев., 83; *i radi bismo od nega slišati po čet ju drži*. Хорв. проц., 204; *veruju po tebi*. Марул., 50; *primiše po jednom dinaru*. Prim. лекс., 188; *приѣше и ти по пенезоу*. Глаг. мисс. 1483 г., 218; *platiti po dupli*. Стат. Крка, 283, 284; *аще ли соуть кто по единому въ келияхъ . . .* Тип. Хил., 171 — в дистрибутивном значении почти всегда *по* с вин. — и т. д.) и в новых памятниках (*мири сати по цвијећу*, может быть, германизм? [ср. *riechen nach*]; *псовати по чему* и т. д.). Что касается примеров из старых текстов, то часть их, видимо, является церковнославянизмами; другая — имеет оттенки значения, приближающиеся к тем, которые были уже нами разобраны; в ряде случаев трудно определить, имеем ли мы дело с дат. или с лок.

Таковы особенности сербохорватского лок. с предлогом *по*.

Локатив с предлогом *при*

Что касается лок. с предлогом *при*, то следует сказать, что ни древнейшие памятники, ни данные современного языка (в том числе и говоров) не дают возможности выявить какие-либо особые характерные черты в развитии этой конструкции в сербохорватском языке, которые

⁵⁶ Rad JAZU, knj. 65, 1883, str. 178. Характерно также запретительное замечание в грамматике трех авторов. См. J. Brabec, M. Hraste, S. Živković. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1954, str. 225.

⁵⁷ Любопытный тип засвидетельствован в старых истрянских протоколах: *be klić po Jurėti*. *Frmeli, be klić po Mohore C(о)jеke, be klić po Brteti Tkalcі* и т. д. (так кончатся многие документы). См. RSI, knj. 1, 1952 (V. Štefantić).

(в общем плане) противоречили бы общей славянским языкам тенденции в отношении этой конструкции. Впрочем, следует сделать два замечания.

Во-первых, конструкции с местным значением, многочисленные в старом языке (да при коимь ихъ селъ четета наиде, да плати село ближнк. Моп. S., 52 (1240—1272 гг.), ср. там же, 74, 85, 189, 305, 309, 501, 506 и др.), в ряде случаев приобретали легкий подчинительный оттенок (ср. уже в грамоте 1240 г.: *печатъ, ка е при книзи*. Моп. S., 30; и далее: *i k tomu imije svaki pri sebi krunicu i Oсе naš*. Naredbe Med. 1589 г., 88; *i tamo je i danas pri njem*. Хорв. суд. 1613 г., 318; *svi pri njem bihu*. Лет. Дукл., 30; *pri vašem kralju bih*. Луцич, 256; *да остану при његовом двору*. Обрад., 496; *при себи има*. М. Видакович. Суббот., 529), сохранившийся в несколько трансформированном виде и сейчас, но ощущаемый уже как архаизм (*соба при земљи*. Вук. Стеф. Кар.; *месо при кости, а земља при кршу*. Посл. и т. д.). В ряде случаев намечаются и другие оттенки: *шта је проја при пшеници? шта је везир при султану, шта ли паша при везиру*. Посл. (= в сравнении); *pri tumenih njeje usti*. Луцич. 210; *ће идемо при нас, при вас*. Елез., II, 133 (направление); смешение по значению с *kog, k*, отмеченное и в некоторых других говорах [чакавских]⁵⁸ и проявляющееся, между прочим, и в употреблении *при* с дат. [иногда], ср. также говор Цреса; постоянно *при* с общим падежом выражает направление в призрено-тимочских говорах (*отиде при попа*. Белич. Дијал. ист. јуж. Срб., 663 и т. д.)⁵⁹, что, может быть, стоит в связи с употреблением этой конструкции в некоторых македонских говорах; ср. также *при+лок.* в значении допущения⁶⁰.

Во-вторых, в ряде говоров, а также в литературном языке в некоторых значениях употребление лок. с предлогом *при* сократилось. Прежде всего это относится к такой категории случаев с временным значением, как *въ царство благовѣрнаго цара грѣьскаго курь Михаила... при блаженнѣмъ и прѣподобнѣмъ отъци нашемъ протѣ светогорьсцѣмъ курь Арсении и при прѣподобнѣмъ отъци нашемъ курь Еустафии...* Моп. S., 48—49 (1261 г.); *бысть вътори соборъ... въ цариградѣ при цари Феодосии*. Сечен. лет., 66; *роусси кръстили се при владимируу отъ грековъ*. Там же, 67; *много лѣтъ воеваше при цароу ибрахимоу*. Рач. лет., 85; *pri kom bi potok*. Лет. Клим., 32; *при семь стльпотворение сътвори се*. Анналы, 57; *он pri Nesteru... razbi zтаја*. Гунд., 287 и др. Впрочем, кажется, и иное употребление этой конструкции (*при читању, при изласку* и т. д.) весьма редко и ощущается как архаизм, последовательно изгоняемый из разговорной речи⁶¹.

⁵⁸ См., например, М. Тентор. Указ. статья, стр. 183 (с *kol*); М. Стевановић. Указ. соч., стр. 146.

⁵⁹ Ср. старый пример совсем из другой области: *при него се матрмони учини*. Полицк. конет., 188.

⁶⁰ Т. Мареџић. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1931, 508; ср. также С. Синт., 635.

⁶¹ Весьма характерно предупредительное замечание М. Стевановича (Грам., 417): „нельзя употреблять *код читања, код изласка*“ и т. д.

Его обычно не отмечают в словарях и грамматиках современного языка⁶². Это же относится к ранее встречавшимся случаям типа: *se najde pri skončini vitez*. Лунич, 256; *при смрти* и т. д. У писателей „славяно-русско-сербского“ лагеря или близких к ним употребление таких конструкций несравненно более широкое. Ср. *при вечери приповѣдим я нѣму*. Видакович, 523 и даже (уже в другом значении): *кад сви при чистой памети буду*. Там же, 522 (ср. *pri slobodi smrt' ne haје*. Гунд., 153; ср. также *шта је ђердан при доброту, шта ли кавад при љубави*. Вук. С. нар. п., I, 451 и др.).

Даже в местном значении рассматриваемая конструкция все более уступает место другим (с *код*, *крај*, *поред* и т. д.), сосредоточиваясь, в основном, лишь на одной категории случаев (когда „предметы касаются друг друга“ Миклошич, IV, *pri: сабља при појасу* и т. д.)⁶³.

Некоторые примеры локативных конструкций с предлогом *при* иного рода можно найти в С. Синт., 634—635⁶⁴.

Локатив с предлогом *према*

Особенностью сербохорватского языка является употребление локативных конструкций с предлогом *према* (*прама*). Первоначально с этим предлогом соединялся дат., что засвидетельствовано не только старославянским употреблением (*сѣдлашти прѣмо гробоу*, ср. также в Шишатов. Апост.: *яко агньць прѣмо стригуццюмоу*. Деян., 3, 32), но и старым сербохорватским, хотя очевидных примеров немного (*оустрьми се прѣмо емоу*. Сечен. лет., 71 и др.). В современном языке (в литературном и в значительной части говоров) употребление лок. при этом предлоге бесспорно подтверждается акцентно-интонационными данными (об этом выше), а в говорах, где дат. и лок. различаются по флексии, — флексией (впрочем, последнее далеко не всегда).

Уже в старых памятниках встречаются локативные конструкции с *према*, обозначающие место, против (напротив), около которого происходит действие: *и свръши... на дань светого Михоила (так!) на планини на Буакоу прѣма нашемъ грааду Бродару*. Моп. S., 414 (1442 г.); *даровахъ едну воденицоу... коя е прѣма воденици комьске цркви*. Моп. S., 531 (1485 г.); *прѣма попашинихъ коуктахъ*. Гласн., XV, 300; *създа... прѣма косници храмъ*. Сечен. лет., 68 и др. Такие же случаи не раз встречались нам в языке народной поэзии: *прима њему сједи-јаше* Богиш., 43; *и он га је ставио прима себи на трпезу*. Там же, 44; *према њему на Морави ладној, онде беше Младене везире*. Вук. С. нар. п., 4, 321; *кад је царе био према цркви*. Там же, 2, 36; *онде се устави према војсци Аустријској*. С. Синт., 633 и др. Ср. также

⁶² Исследователи чакавских говоров согласно отмечают лишь одно значение у *при* с лок. — „аруд“.

⁶³ Однако и она, видимо, отсутствует в ряде говоров. Ср. Елез., II, 133.

⁶⁴ См. С. Синт., 633 (сноска). Укажем еще два примера из старых памятников (ранее не отмечены): *прѣма Варьдищемъ*. Моп. S., 94 (1330 г.); *спадаюкв... прѣма Луковимъ Потокомъ*. Там же, 95 — твор.

несколько особую категорию случаев: *прима себи Турак угледао*. Богиш., 249; *гледајући према себи драга*. Вук. С. нар. п., 1, 567 и др. Ср. в косовско-метохийских говорах. Елез., II, 196⁶⁵.

Значение направления может быть проиллюстрировано следующими примерами: *и прѣма их оустрѣми се*. Алекс., 3; *прима њему изиде из Будима*. Богиш., 46, 48; *отиде прима турцим на Косово*. Там же, 60; *кад изиђе према Пирлатору*. Вук. С. нар. п., 2, 303 (связь с значением 'против чего' < 'прямо к чему' в данной группе очевидна).

При отсутствии глаголов движения оттенок направления снимается: *питаху приема и супротива Калугургу*. Моп. S., 463; *ако би дошла њѣкоја сила, џа богъ не даи, прѣма чѣмъ не бисмо могли бити*. Моп. S., 216; *никада њѣсмо се нули прѣма његову почтеню*. Пуцич, 87; *gospod drži gnjev prema neprijateljima svojim*. Ивек.-Бр., II, 185 и др.

В связи с указанными группами легко понять и такие случаи, как *traži djevojki prema sebi*. Ивек.-Бр., II, 185; *već sam mlada prema tebi rasla*. Вук. С. нар. п., 1, 312; из литературных источников: *судећи према његову изгледу он нема виша од 50 година, према квалитету обрадиве земље Радан иде у богатије сѣљаке* и др., где выступает значение 'в соответствии', 'на основе'⁶⁶, а отсюда и 'по сравнению': *а јадан ти према њему, Марко. 2, 40; арнаутски је народ и према Српскоме мали*. С. Синт., 633.

Понятны и такие конструкции современного языка, как *према глави и оца по глави* (т. е. 'что касается головы...', 'что до головы'...). Один раз встретилось нам любопытное употребление *према* с лок: *кое имамо имавати отъ кнеза и отъ властео, прима тисући дви сти перперь*. Моп. S., 490 (= 'до?')⁶⁷.

В современном языке локативные конструкции с *према* имеют и ряд других значений (отношение: *љубав према коме* и т. д.).

В заключение следует отметить, что локативные конструкции с предлогом *према* утвердились не везде. В ряде говоров западных областей *према* не стало предлогом, а, как и в других славянских языках, осталось наречием (или иногда вторично стало им). Интересны в этом отношении данные языка далматинских писателей XV—XVII вв.: как предлог *према* выступает исключительно редко, зато постоянно как наречие в значении 'очень': *prem mila*. Ран., 67; *prem tvrd*. Он же, 11 и т. д. В некоторых говорах *према* исчезло окончательно. В этом отношении интересны данные двух статей Важного, посвященные чакавским и кайкавским говорам Словакии: они не знают вообще этого слова (ни как предлога, ни как наречия). Объясняется ли это отсутствием *према* в некоторых говорах метрополии в XV—XVI вв. (колонизация

⁶⁵ Ср. на *према*: *видели један огањ... на према себе*. Елез., II, 549.

⁶⁶ В старом языке таких примеров почти не встречалось. Древнейшие из известных см. у Даничића. Рјечн. стар., II, 494: *ми смо одписали капетану прѣма оному његову листу како прѣстои почтено*. Пуцич, 46; *замѣну, џо њ прѣма њѣму његова крилика*. Пуцич, 49.

⁶⁷ Единичный пример с временным значением указывает И. С. Ястребов: *према 'накануне'*. Ястребов. Обыч., 616.

относится к периоду после падения Константинополя до середины XVI в.) или позднейшей утратой в связи с иноязычным окружением, — решить не беремся. В других говорах с предлогом *према* выступают род. [явление достаточно распространенное; древнейшие из известных нам примеров см. в Mon. S., 92 (1330 г.) и 126 (1347 г.): *прѣма црѣкве, прѣма Коуметице*; ср. также: *koja ide prema Mischniz*. Истр. разв. XV в., 195; примеры из современного языка в большом количестве представлены у Даничича (С. Синт., 285—288); отличий в значении по сравнению с локативными конструкциями нет] или — особенно часто в чакавских говорах⁶⁸ — дат., что нужно рассматривать как архаизм.

Локатив с предлогами *в* и *на*

Локативные конструкции с предлогами *у* (= *в*) и *на* рассматриваться не будут: во-первых, они особенно подробно представлены в словарях и научной литературе (прежде всего следует указать С. Синт., 610—620 и 635—643 и Рјечн. стар., I, 164; II, 107—109; см. также соответствующие места в словаре JAZU); во-вторых, особенности этих конструкций в сербохорватском языке в основном те же, что и в других: отличия же настолько незначительны, что легко объяснимы из уже известных нам конструкций⁶⁹. Кроме того, они относятся лишь к современному языку.

Вкратце лишь скажем о вытеснении локативных конструкций с указанными предлогами в ряде случаев, где в других славянских языках единственно возможен лок.

Заметим лишь прежде, что при глаголах *положити, поставити, пасти (падати)* и др. в сербохорватском языке относительно рано утверждается вин., хотя локативные конструкции встречаются в чисто сербохорватских текстах и постоянно в церковнославянских. Укажем некоторые примеры из первых: *обрѣла... гнѣздо, на нѣмъже положить... птице свок*. Mon. S., 65 (1302 г.); *и на немь вулу положисмо*. Mon. S., 131 (1348 г.); *да су все клетви на немь паль*. Mon. S., 222 (1392 г.); менее убедительны такие случаи, где связь между глаголом и пред-

⁶⁸ См. К. Н. Мейер. Beiträge zur Čakavischen. — AfslPh, Bd. 40, 1926, S. 264; R. [Strohal. Jezičke osobine u kotaru karlovačkom. — Rad JAZU, knj. 146, 1901, str. 5; он же. Osobine današnjega riječkoga narječja. — Rad JAZU, knj. 124, 1895, str. 168. В сборниках Л. Марьяновича, Р. Ф. Плохла-Хердвигова и Ст. Мажуранича *према*, кажется, не встречается. Подробнее судить о состоянии хорватских говоров в отношении конструкций с *према* затрудняемся. Л. Маштрович (Lj. Maštrović. Ninski govor. — „Radovi Instituta JAZU“. Zagreb, 1955, str. 130) указывает, что при существительных *osičaj, ljubav* и др. лок. с предлогом *према* отсутствует; вместо него выступает твор. с предлогом *за*. Этот же автор, как и ряд других (см., например, И. Вуковић. О падежним конструкцијама с предлозима *над, изнад* и сл. — „Питања књижевности и језика“, I. Сарајево, 1954, стр. 49), указывает на различие конструкций с *према* и с *спрема* (*spram, spran*).

⁶⁹ Мнямая неупорядоченность в употреблении предлогов *па* и *и* при лок. (и вин.) в чакавских, реже кайкавских и совсем редко в штокавских говорах объяснена М. Храсте. См. М. Hraste. О употреби prijedloga *na* umjesto *u* uz geografska imena. — „Jezik“, 1954/55, Nr. 3, str. 70—72.

ложно-падежной конструкцией слабее или где один из членов всей конструкции употреблен в более отвлеченном (а иногда и переносном) смысле: *посаде на том месте*. Моп. S., 18 (1233 г.); *и ѿ поставлаю мою печать на сики книзѣ*. Моп. S., 70 (1273—1314 гг.); *да га постави на светои трапезе*. Зак. Стеф. Душ., 86; *положень бысть въ митрополи ахилскои*. Копр. лет., 52; *поставляють се въ нки царемъ*. Там же, 54. Характерны факты колебания между вин. и лок. при этих глаголах: *и на главою ко писанъ вѣн'ць златъ положише*. Алекс., 5, но и *на златомъ одрѣ положивше*. Там же, 19; *на рамо положи*. Там же, 72, но и *на златомъ ко одрѣ положише*. Там же, 72; *sede na misto njegovo*. Лет. Дукл., 9, но *sede na pristolje*. Там же, 2. Еще более показательным было бы сравнение позднейших конъектур или списков: ср., например, в „Житиях королей и архиепископов сербских“: *и падъ на земли*. 7 (в более позднем списке: *на землю*). Ср. также постоянные вин. с предлогами *у* и *на* в приморских лекционных (postavi u grob. Ран. лекц., 189; *rade na dobru zemlju*. Берн. лекц., 21; *palo u dobru zemlju*. Там же, 21; *padše na zemlju*. Там же, 67, 145 и т. д.) в соответствии с лок. с этими же предлогами в евангелических текстах XIII—XIV вв.

Одним словом, сербохорватский язык в отношении подобных случаев разделит судьбу, общую большинству других славянских языков. Хронологию вытеснения локативных конструкций установить, вероятно, невозможно, так как конструкция с вин. утверждалась на месте лок. в течение многих веков письменной истории.

Более специфичными, однако, являются случаи замены локативных (с *у* и *на*) конструкций аккузативными (с теми же предлогами), точнее, мена их, хотя обычно доминируют именно последние. Исследователи объясняют подобные факты потерей различия между обозначением места и направления. Добавим, что это находится в связи с частичной рашатанностью падежной системы в некоторых говорах (преимущественно западных и южных, переходных к призрено-тимочским)⁷⁰. Древнейшие примеры находим в трех дубровницких грамотах (1253 г., 15, VI и 1254 г., 22, V, [первая и вторая]), где наряду с возможными, хотя и несколько необычными: *ѿко су жили въ правду и любовь и въ истину*. Моп. S., 35; *суди въ правду*. Там же, 38; *буду дръжанъ у клетву и у миръ*. Там же, 44 (но и *царь стои у клетвѣ и у мирѣ*. Там же, 44) и т. д., находим: *и да стоеть въ Дубровникъ*. Моп. S., 37; *и да буду спасени и стрезени въ телахъ и въ добитькъ ихъ*. Там же, 37; *и да ти морешъ оу Дубровникъ коуповати*. 43; *да спасемо и стрезѣмо... все люди... у тѣлѣ ихъ и у добитекъ ихъ*. 43. Ср. там же: *по ваше свѣто царство*. 38; *кое имашъ... о тѣлѣ ихъ и добитькъ ихъ*. 43⁷¹.

Приведем еще несколько старых примеров такого же рода: *орѣахи*

⁷⁰ Ср., между прочим, AfslPh, Bd. 40, S. 259.

⁷¹ У П. Шафарика („Památku“, 22) в тексте этих грамот дважды стоит: *исправи... по стари законъ*. В Моп. S., 43 в соответствующих местах: *по старому закону*. Думается, что Шафарик был в этом случае точнее. Между прочим, о том же свидетельствует и текст этой грамоты у Карано-Твртковича. Спом., 19.

и *hizu Ioakimovu*. Берн. лекц., 50; *i kad biše Isus u Betaniji u dom Simuna*. Там же, 75; *bješe bo trava velika na mjesto*. Ран. лекц., 155; *ne ćeš biti u pustinju*. Жив. Јерол., 227; *v jezero pohladiti se hotiše*. Алекс., 257; *tako ki u primorske, kako ki u zagorske sztane bihu*. Лет. Дукл., 10; *u tempal se poklonivši...* Марул., 6; *Abram u trudih stav i u skrbost mnogu*. Он же, 34; *postila je bila na srid u komori*. Он же, 50; *dvorim u tvoj dvor*. Лунич, 203; *ter mirno u slobod počivaš*. Он же, 267; *ne stojim u linost*. Он же, 268; *pjesni t' se tuj poju, veće ner u Grecji Eleni sjeć Troje i u Rim Lukrecji*. Менч., 87; *za č u san i javi ne daš mi pokoja?* Он же, 101; *me srdačce stapla se kako led na gorko sunačce*. Он же, 158; *u oviј nevoļu pomož'te vi meni*. Ветр., 1, 266; *spjevaoci na saj svit*. Налешк., 4; *u toli plam velik čuju se goriti*. Ран., 8 и др.⁷² Более подробное собрание примеров см. у Зимы (Указ. соч., 231—235). Естественно, что есть примеры противоположного типа, где вместо обычного вин. встречаем при *у* и *на* лок. (при *по* такие явления несравненно реже): *viruje u ђem*. Берн. лекц., 182; *u kom se ufaju*. Там же, 98 (*u koje...* Ран. лекц., 171); *uljeze Isus u crkvi*. Ран. лекц., 157 и др. Впрочем такие случаи гораздо менее распространены, чем указанные выше. Интересные замечания по поводу соотношения этих двух групп между собой можно найти у М. Решетара, проведшего сравнение подобных случаев (правда, не полное) в приморских лекционариях⁷³. Укажем также некоторые примеры смешения вин. и лок. в современных говорах: *njegvo ruso telo vu Dunaj se vtapla*. Валяв., 296; *pokoj dala... mladomu junaku vu pole široko*. Там же, 297; *hladna voda na Dunaj*. Кук. S., 199, Лук., 271; *drži ga na kolena, posiva vrimе va plač* (но¹ и *stavi to vav sud u va ovin sudu*). Кушар., 49⁷⁴; *била са^а у Приградицу*. Моск. Корч., 204; *a ti zahvalim na takovu ljubav*. Курел., 289; *na tvoj dvor je zelen bor*. Истр. п., 3, 17; *bi(l) son u Split*. Хвар. Храсте, 48; *bi son u Stori Grod*. Там же, 48; *darži ga na ruke*. Брушек. Храсте, 209; *sidi na bānak*. Там же, 209; *ča imoš u justa*. Там же, 209 (автор видит в этом смешении проявление влияния итальянского языка); *kratke su gace v Klenovnik*. Рl.-Н., 3, 48; *имали смо овце у планину*. Елез., II, 549; *да пије воде на та студенац*. Там же, 550; *кад су били у Бабин Мос*. Там же, 556; *нашао Перу у његову кућу*. Там же, 557; *седи... у црквену избу*. Там же, 559; *ја сам био у земљу проклету*. Вук. С. нар. п., 2, 2; 5, 8; 5, 29; 5, 70, ср. также 2, 89; *кад су били на поле широко*. Јук., 2, 130; *и он књигу на колено пише*. Петран., 2, 236; *кад бијажу на Калда планину*. Там же, 3, 12; *кад су били у гору*

⁷² В таком примере, как *va vsaki grad vinodolski, v ki on gre, imaju mu dati obed*. Коло III, 1843, 63, предпочитаем видеть не мену лок. на вин., а аттракцию, связанную с вин. придаточного предложения.

⁷³ См. Rad JAZU, knj. 136, 1898; 187—188 и особенно: „Бернардинов лекционар и његови дубровачки преписи“. Београд, 1933, стр. 82—83. А. Шепич (А. Šepić. Jezik hrvatskih općinskih statuta istarskih i primorskih. — Rad JAZU, knj. 95, 1953, стр. 38) также указывает примеры вин. (вм. лок.) при предлогах *на* и *ро*.

⁷⁴ Rad JAZU, knj. 118, 1894, 49. В деревнях употребление более архаичное.

зелену. Там же, 2, 113 и др.⁷⁵. Довольно много таких примеров в говорах Баната⁷⁶ и Черногории⁷⁷. Несколько иной характер носит смешение падежей (вин. вместо лок. при всех локативных предлогах) в чакавском говоре с его сильно разрушенным склонением, в котором остались лишь отдельные случаи употребления лок.⁷⁸ В ряде случаев это поддерживается и некоторыми морфологическими явлениями. Впрочем, еще отчетливее такое положение представлено, кажется, в посавских говорах к востоку от Загреба, где во мн. ч. вместо лок. регулярно выступает род., ср. *oru na volova i kona, u oranaka, u Vinkovaca, na nosila, tako stoji u pisama sveti* и др.⁷⁹. Некоторые склонны видеть вытеснение лок. при предлогах *у* и *на* дат. падежом и обращают внимание на отдельные кайкавские говоры, как это делает А. М. Лукьяненко (вербовецкий диалект: *u tukam raklenim, tvoje u crikvam tojenje*. Pl.-H., 26). Однако можно дать и иное объяснение этим фактам, которых, впрочем, едва ли достаточно, чтобы сделать надежные выводы. Этими замечаниями из области локативных конструкций с предлогами *у* и *на* мы и ограничимся.

⁷⁵ При *у* и *на* в диалекте Нивицы на Крке К. Мейеру вообще не встретился лок. См. некоторые его интересные замечания в *AfsIPh*, Bd. 40, S. 259.

⁷⁶ См. П. Ивић. О говорима Баната. — *ЈФ*, књ. XVIII, 1949—1950, стр. 153 (тут же ряд примеров). Нельзя на согласиться с автором, видящим здесь влияние румынского синтаксиса.

⁷⁷ Именно по ним, если верить П. Будмани, можно безошибочно отличить жителей окрестных черногорских деревень от дубровчан. *Rad JAZU*, knj. 65, 1883, str. 179. О смешении лок. и вин. при предлогах *у* и *на* см. также А. Белић. — *ЈФ*, књ. XIV, 1935, стр. 177—178 (рецензия на работу М. Стевановича „Источно-црногорски дијалекат“). — *ЈФ*, књ. XIII, 1934—1935); Р. Бошковић. — *ГЭС* и *ВС*, II, 1935; Л. Вујовић. Историски пресејек губљења глаголаске реције у црногорским говорима. — *ЈФ*, књ. XX, 1953—1954, стр. 87—126.

⁷⁸ См., М. Стевановић. Указ. соч., стр. 145—146.

⁷⁹ *St. Ivšić. Današnji posavski govor*. — *Rad JAZU*, knj. 197, 1913, str. 119—120. Несколько иное дело в черногорских говорах, где в окончании род. мн. ч. иногда слышится придыхание, объяснявшееся раньше смешением в этом случае лок. с род.

ХП. ЛОКАТИВ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Значение данных словенского языка для нашей темы довольно ограничено. Прежде всего это объясняется тем, что о состоянии словенского лок. мы можем судить с достаточной определенностью лишь со второй половины XVI в., когда появляются первые переводы на словенский язык религиозной литературы, сделанные П. Трубарем, Ю. Далматином, Крелем, Юришичем, и первая словенская грамматика А. Богорича. В следующий период до середины XVIII в. словенская письменность продолжает оставаться крайне бедной и ограничивается по существу лишь новыми переводами религиозных памятников, отдельными грамотами, присягами и т. д. Лишь со времени М. Поглина и В. Водника исследователь получает достаточное количество материалов различных жанров. Правда, отдельные детали из области словенского лок. можно извлечь из Фрейзингенских (Брижинских) отрывков, а также из некоторых памятников конца XV — первой половины XVI в. (*Sopfessio generalis*, латинско-итальянско-славянский поминальник, описанный и изданный В. Облаком, а потом И. Бодуэном де Куртене; целоведская рукопись, содержащая „Символ веры“ и „Отче наш“, верхнеукраинская рукопись, состоящая из четырех формул присяги, и т. д.). Однако эти важнейшие в других отношениях документы для нас оказываются малополезными, так как локативные конструкции встречаются в них лишь единично, или даже вовсе отсутствуют. Кроме того, они содержат лишь такие случаи, которые хорошо известны и из более поздних памятников словенского языка, и из более ранних текстов других славянских языков, так что они не представляют значительного интереса. Исключение составляет один пример из Фрейзингенских отрывков. Из-за этого наблюдается известный разрыв между локативными конструкциями древнейших славянских памятников X—XIII вв. и словенских текстов XVI в. Некоторые утраченные звенья можно поэтому восстановить лишь гипотетически.

Если же еще учесть, что почти все старые памятники словенской письменности являются переводами с латинского, итальянского, реторманского или немецкого языков, то станет понятным, что и этими текстами можно пользоваться лишь отчасти, причем с большой осторожностью. Иноязычное влияние было чрезвычайно велико во всех областях словенского языка, в том числе и в синтаксисе. Оно оставило немалый

след и в локативных конструкциях, начиная с памятников XV—XVI вв. То же относится к современным говорам, иногда еще в большей степени.

Известные препятствия в изучении различных явлений словенского языка представляет необычайная диалектная раздробленность и весьма сложные взаимоотношения диалектов между собой.

Наконец, следует отметить и то обстоятельство, что словенский принадлежит к числу слабо исследованных языков славянского мира: нет полной истории языка, ряд важнейших памятников XVI—XVII вв. известен только в рукописях или в первых изданиях, нет достаточного количества надежных диалектных материалов из всех областей Словении; нет ни одной работы, посвященной лок. в словенском языке. Но даже и имеющийся скудный материал не удалось использовать полностью, так как в московских библиотеках он представлен весьма случайно.

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Естественно, что б/пр. лок. в памятниках словенского языка отсутствует¹. Единственный текст, где можно было бы его ожидать, — Фрейзингенские отрывки — не содержит ситуаций, в которых другие древнеславянские тексты знают б/пр. лок. (названия городов в лок., обозначение времени, б/пр. лок. при известных глаголах и т. д.). Лишь одно место, может быть, позволительно истолковать как свидетельство некоторой независимости лок. от предлога. Мы имеем в виду пример из первого отрывка: *ili vuéde ili ne vuéde Ili ú nepraudnei rote. ili úlsi. Ili tatbe. ili zavuziti*. Впрочем, иные объяснения не менее правдоподобны. Другое дело — наречные образования, весьма употребительные в словенском языке вплоть до настоящего времени: *gori, dolu, doli* (интересны их значения: *gori poneido*. Церк. ордн. 1564 г., 112; *ye on gori vstall*. Труб. Катехиз., 39; *gori gledanie imetj*. Любл. прис. XVII—XVIII вв., 205; *ima gori vsigniti tri perste*. Клятв. ф., 476; *usdignil gori*. Труб., Иоанн XVII, 328; *gori ustal*. Там же, Иоанн II, 319; *doli poloshitu*. Там же, Иоанн IX, 319; *gori postauil*. Церк. ордн. 1564 г., 82; *gore postaulena*. Стат. 1635 г., 179; *gore postauit*. Там же, 180; *so gore uselli...* Докум. 1663 г., 181, ср. еще 182; *jest tukai doli podpissan*. Завещ. Грег. Церв. 1685 г., 193; *pustiti doli*. Oblak. Trije rok., 283; *gori udarit*. Там же, 303; *šao je doli v štalico*. Штрек., I, 20; *sedi doli u zeleno travo*. Там же, III, 592; *gori postaven*. Прис. XVIII в., 276; *sim doli stepil*. Коланчн. 93; *doli shal*. Труб. Лука, X, 31; *pred nim doli padla*. Далм. Библ. 1584 г., 51; *dershite se doli*. Там же, 67, ср. Труб. Катехиз., 41; *gori ščemo zdigneti na nebesa*. Пропов. 1802—1830 гг., 135² и др.), ср. еще: *inoszi gori djal*. 5; по-

¹ Однако кое-какие следы б/пр. лок. сохраняются в топонимических названиях, ср. Friesach (из онемеченного лок. мн. ч. *Brežax, им. мн. ч. breže). См. F. Ramovš. Slav. Rev., 4, 1951, str. 141; E. Dickenson. Studien zur Hydronimie des Save systems. Budapest, 1939, S. 65.

² См. также V. Oblak. Drob., 243 (*gori k vočefu v nebu šal*).

dignimo gori. 28; miszmo tvojo szerditaszt gori zdignoli. Мол., 31 (все примеры из молитвы венгерских словенцев XVII³ в.); *vrhu* (Труб.), *blizu* (Труб.), *notri* (Труб.), возможно, с выпадением *v*, *veni/vine, predi, sredi, davi, drevi, lani, jeseni, jutri*, существование которых отмечено в говорах и в книжном языке. Возможно, б/пр. лок. дал начало таким случаям, как *noči per jej leži*. Штрек., I, 14, ср. 11, 19 и др.; *tisto nuocj pred tistim dnevam vzame zajca*. Клод., 27 и др. (известны в говорах).

Возмеется, к б/пр. лок. восходит и *trebi je* (нужно).

Иного порядка те случаи, где наблюдается фонетическое выпадение *v*: *nje tájšnix duklét, kùj Prosnide jx-jэ рét.* Платиш. диал. Мат., 16; *oфа náš ... vi ste nebèсах.* Музецк. диал. Мат., 101; сюда же следует отнести и некоторые членные примеры лок.: *kej zvjezdé je tù-firmamèntu.* Там же, 4; *kar ya-bò tu-tej citáдь.* Там же, 4; *tkej dlák kь-jè tu-moji suŋkŋě.* Там же, 5; *tù škwoďь njcsp-biŋw.* Там же, 6; *tu Bóžŋe kьsem-béw.* Там же, 9; *tu Plèstiččax so dwa borka.* Там же, 14 и т. д., но *kej zvjezdé je tuw firmamèntu?* Там же, 5 и др. См. также ниже. Наконец, в некоторых говорах Резьи б/пр. формы обязаны своим происхождением, видимо, начавшемуся разрушению склонения: примеры такого рода легко найти в указанном собрании диалектных текстов Бодуэна де Куртенэ. Правда, некоторые случаи можно объяснить и иначе: *tow-Do-leŋi Černei žakarajo sowsi laške. 137; znajo šè slovejske. 137; u Romandule žakerajo tekej laške, ko slovejske. 137* и др. при обычном: *po laške, po slovejske* и т. д. Бесспорно, что некоторые из указанных примеров возникли в условиях сильного иноязычного влияния (иногда даже в обстановке двуязычия). Однако следует подчеркнуть, что конструкции *položiti doli, postaviti gori* и т. д. никак не могут считаться германизмами, как думают некоторые исследователи. Славянская природа таких примеров очевидна.

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ

Локатив с предлогом *o/ob*

Локативные конструкции с предлогом *o/ob*⁴ в словенском языке весьма неравномерно распределены между книжным языком и народными говорами. Если первый широко развил подобные конструкции при глаголах говорения, мышления и т. д. и знает единичные случаи лок. с предлогом *o/ob* во временном значении, сближаясь в этом отношении с сербохорватским литературным языком, то говоры почти не знают

³ Однако эти примеры слишком прямолинейно рассматриваются Хадровичем. (St. sl., II, 394) как глагольные приставки.

⁴ Возможно, что в некоторых говорах *o* и *ob* являются не фонетическими вариантами одного предлога, а отдельными предлогами, связанными иногда с разными падежами (чаще всего *o* с лок., *ob* с-вин.). Однако недостаточность материала не дает возможности для категорических утверждений (тем более, что остается много неясного и в географическом распределении подобных случаев).

локативных конструкций с изъяснительным значением. Единственная локативная конструкция с предлогом *o/ob*, известная почти всем словенским говорам и книжному языку, имеет значение времени (с потерей в большинстве случаев оттенка приблизительности, общности указания). Приведем несколько примеров: *inu sdai nei vvezh greh suinsku messu iesti, ob soboti dellati, ne offrouati*. Церк. ордн., 69; *koku se pag vivotro ob prasnikih...* Там же, 73; *molytue ka..... ta cerkou ob nedelnih inu ob drugih prasnikih moli*. Там же, 76; *ob boshyžu*. 76; *ob velyki nozhi*. 76 и др.; *obtu se spodobu ob sobotah dobro sturiti*. Труб. Матф., XII, 12; *ob ti anaisti vri pag gre vun*. Там же, XX, 6; *ta Euangelium po shtukih ob-tih Nedelah inu drugih dneih v te Cerqui bere inu pridiguie*. Труб. Predgovor, Cap. VI; *ker so iogre ta perui krat kershenike iemenuali ob tem zhassu keder...* Скалар. рук. 1643 г., 6; ср. там же, 55; *ob ti pravi uri inu zhassu na to uachto priti*. Прис. XVII в., 281, ср. 283; *ob zhasu kralja Herodesha... shivel*. Равн., II, 3, ср. II, 6; 233, 288; *o polnozhi*. III—IV, 76, 77, 189, 269, 289 и др.; Коланчн.: *to-rej she ni bilo perpusheno ob sabotah mane nabirati*. 148; *o prasniku... brali*. 149; *o tem godu v selenih shotorih stanovati mogli*. 151; *o Velikanozhnim in Binkesshtnim prasniku in o prasniku selenih shotorov so mogli vsi Hebreji ...priti*. 152 и т. д. Следует отметить, что широкое распространение подобных случаев наблюдается прежде всего по говорам. Книжный язык ограничивается очень небольшим числом таких примеров: *o božiču, o sv. Juriju, ob nečasu, o pravem času, o kugi, o žetvi, o polnoči, ob sedmi uri* и т. д. Plet., I, 720. У Трубаря подобные конструкции очень редки, а в некоторых случаях отсутствуют совсем (например, в Катехизисе). Неупорядоченность употребления скаывается и в наличии у него таких примеров, как *v tim zhasu pride Johannes*. Матф., III, 1, ср. также XIV, 1 и др. Зато материалы говоров чрезвычайно богаты и более разнообразны: почти все имевшиеся в нашем распоряжении диалектные тексты содержат локативные конструкции с предлогом *o* в этом значении. Укажем ряд примеров: *so bile ob njegovem porodu* (=‘при’). Корошск. Möd., 6, 6 и даже: *to je pa odvisno od dneva [in svetosti časa ob rojstvu*. Там же, 6; *če delajo ljudje tudi še po zapovedanem počitku ... posebno ob sobotah in kvatrnih večerih*. Там же, 8; *o petkih*. Там же, 10; *neki hlapec je dobil na kresnico o polnoči*. Там же, 29; *o božiču in drugih večjih praznikah zve...* Там же, 22; *ob polnoletnosti pa naj dajo sino to...* Там же, 23; *ob dvanaajsti uri*. Там же, 27; *o mraku... prišla*. Там же, 29; *ki je bil pošel o kresu*. Там же, 33, ср. 38, 46, 47 и др.; *ob letu pride satan*. Штрек., I, 116; *o poldne bom eno uro stavil*. I, 131; *o krjesu*. I, 138; *sanjalo je o polnoči*. II, 202; *o Svetimu Martinu... kersti se*. Корошск. и Штайерск. Ахац., 79; *anu se communiat o Villichjnoggi*. Резьянск. Мат., I, 451, ср. также 5; *o-devetъ -urъ mi-uzamo jjestъ obat*. Там же, II, 64, ср. 139, 153 (3x), 162 и др. (впрочем, в последних примерах не всегда можно отличить вин. от лок., что объясняется не только действительным положением вещей в ряде случаев [ср. у Штрекеля: *o poldan*. V, 7 и др.], но и фонетической транскрипцией, применя-

емой Бодуэном де Куртене). Лишь в материалах, относящихся к говору Циркно, эта конструкция (как и другие с предлогом *o*) отсутствует⁵.

Остальные конструкции лок. с предлогом *o/ob* встречаются спорадически, причем нередко их достоверность сомнительна.

Так, в качестве примеров с местным значением из одной работы в другую переходят следующие случаи: *paša stopi o potoci; ob potoci lovec hodi; ob hribu hoditi; ob hiši stoji drevje; pesek ob morju; ob bedru meč visi; ob niti viseti; palica ob zidu sloni; težko mi je ob srcu*⁶. Большинство этих примеров взято из сборника „Slovenske pesmi krajnskega naroda“ (1—4, 1841, Ljubljana), являющегося весьма ненадежным источником (обилие „хорватизмов“). Можно привести и еще несколько примеров, причем некоторые из них более убедительны: *radi tega je vedno ostala povsod ob strani*. Möd., 20; *ob njivi leži široka cesta*. Штрек., IV, 699; *keri se je ob hladu (= 'в тени') popoldne na vertu sprehajal*. Коланчн., 6; *so ob kraji vode hodile*. Там же, 91, может быть, *ob hoji skosi Galilejsko... szel*. Равн., II, 190; еще более доказательно употребляющееся как наречие или предлог *okuli (okoli)*. См. Труб., Матф., III, 23; IX, 22; IX, 35; XXIII, 15; Möd., 18, 25 и др. Однако этот случай увел бы нас в очень отдаленную эпоху, тогда как для периода с XVI в. до сих пор показания весьма скудны⁷. Незначительным числом примеров можно проиллюстрировать и некоторые другие значения этой конструкции, хорошо известные и другим языкам: *o berglah hoditi*. Ахац., 153; *o (ob) palici hoditi* (ср. *hodi o šteri sam*. Валяв., 116); *človek ve živi le ampak ob vsaki besedi... ob kruhu*. Равн., II, 83⁸ в евангельских текстах; *ga je o preji živila*. Равн., I, 266; *žive ob zelih*. I, 327; *izučiti se česa ob nemškem jeziku; živi se brez plenka o petiju ko tič*. Водник, 1 (значение средства, орудия); *ob zgodnjem trpljenju, o preganjanju in obrevovani; o tujščini in ječi si delal iz Jožefa tako blazega moža*⁹; *ob tem takim (= 'при таких обстоятельствах'); ob tem on sam sebi veselo shivljenje kali*. Равн., I, 311, ср. III—IV, 108 и др. (обстоятельства, при которых совершается действие); *samo ob sebi umevno je*. Möd., 23; *Israelzi so Bogu saljubili in darili sami sebe ali drugi o sebe, shivali, dnarje, njihove...* Коланчн., 164;

⁵ Следует, впрочем, отметить наличие таких случаев, как *v tim času* и т. д., иногда встречающихся в тех же говорах, где употребляется и *o tim času*. В говоре Циркно отмечено наречие *osorej* (из **o sej orē = ob tej uri*). В савиньском диалекте — *orkorēx* (из *ob koji urē*; — *x* по аналогии с лок. мн. ч.). См. F. Ramovž. Hist. gram., VII, 159.

⁶ Ср. соответствующие разделы в грамматиках Метелки, Янежича, Левстика, Скета, Комеля, Шумана, Хостника, словарь Плетершника, Сравн. грамат. Миклошича и др.

⁷ Ср. в старых и новых словенских текстах постоянные: *sedi na desnici*. Труб. Катехиз., Итал.-слов. словарь Гр. Алафия из Соммарины. — LMS, 1891, str. 99, у М. Равникара и др.; *ie iemel pas zhes suite ledauie*. Труб. Матф., III, 4 и др. в соответствии с обычной локативной конструкцией с предлогом *o* в старейших памятниках других языков.

⁸ Ср. однако: *Zakaj ljudje žive?* заглавие рассказа Л. Толстого — вместо: *Ob čem ljudje žive?* См. М. Хостник. Грамм. слов., стр. 239.

⁹ У М. Равникара 57 в сходном примере употреблен вин. с предлогом *o*.

sam ob sebi je storil, samo ob sebi se umeje; potrpežljiv o trpljenju. Равн. и др. (отношение). Единственной оригинальной конструкцией с предлогом *o/ob* в словенском языке является *locativus materiae*, не встречающийся в других славянских языках и известный нам по трем примерам из словенского языка: *klobuke delati ob svili, ti zidovi so ob opeki; ob suknu je narejeno oblačilo.* Plet., I, 721. Крайняя ограниченность материала не дает возможности с определенностью выяснить происхождение этой странной конструкции. Более очевидной кажется связь с конструкциями, имеющими значение средства. Понятно, что подобные случаи могли возникнуть лишь в условиях забвения прежнего значения предлога. Конструкции лок. с предлогом *o/ob* в изъянительном значении в общем, видимо, чужды говорам и встречаются в них крайне редко (и то, вероятно, как результат посторонних влияний). В книжном языке подобные конструкции встречаются в точно таком употреблении, как в литературном языке сербохорватской письменности: в произведениях художественной литературы реже (например, у Водника отмечены лишь единичные случаи), в языке научных трудов и публицистики чаще. Ввиду этого нет необходимости приводить здесь соответствующие примеры. Укажем лишь случаи, не отмеченные в литературе: *shalost o pogrebu.* Равн., II, 299; *ob tih obeh zhudeshih ne bodo verjeli.* Коланчн., 95; *kdor bi o tem dvomil.* Möd., 20; *za človekem, o katerem sumis ... (!).* Там же, 32. Стоит отметить, что в ряде изданий народных песен и сказок составители регулярно заменяли диалектные конструкции род. с предлогом *od* локативной с предлогом *o*. Примеры род. с предлогом *od* вместо лок. также приводить не будем¹⁰: они общеизвестны; компромиссных случаев лок. с предлогом *od*, изредка встречающихся в говорах Хорватии, в Словении не обнаружено. Относительно времени вытеснения лок. с предлогом *o* в изъянительном значении словенский материал оставляет нас в неведении. Единственный пример такого рода в Фрейзингенских отрывках содержит вин.: *i obeti nasse im nezem oz-sepasgenige* (= *o спасеник*). Единственный пример из *Confessio generalis* представляет род. с предлогом *od*: *sam tw slissall pridigwyocz od buga, od zвете Marie od drugich swietikow ynw od meych greychw.* Conf. gen. 3. Эта же конструкция исключительно распространена и в других старых памятниках, в том числе у Трубаря. Следовательно, вытеснение здесь локативной конструкции произошло, видимо, в основном еще до XV в. Интересна в этом отношении одна деталь в парадигмах словенского склонения, данных Алафия из Соммарипы (1607 г.): лок. всюду отсутствует, вместо него Алафия помещает *abl.* (влияние латинских образцов) с предлогом *od*: *od ochieta (patre), od ochietie (patribus)* — примеры и переводы, поражающие бессмысленностью, если только не предположить изъянительного значения у род. с предлогом *od* при определенных глаголах.

¹⁰ См. В. Н. Топоров. *Slovenica*. — ВСЯ, № 4, 1959. Там же некоторые данные о хронологических границах этого типа (ср. решительное преобладание его у Ф. Прешерна).

Из числа других замен лок. с предлогом *o* в словенском языке следует указать на вин. с предлогом *za*, употребляющийся при определенных глаголах (*prositi, vprašati, marati, skrbeti, bati se, vedeti*, реже другие¹¹). В ряде случаев изъяснительное значение этих конструкций отступает на задний план, осложняясь новыми оттенками, приобретающими иногда самостоятельность. Вот несколько образцов: *on-nje-tew-ujedatъ nъъ za nas*. Мат., II, 76; *qn so-pjель rekuwje za џeџ*. Там же, II, 123; *aџzat o-pjew ше oџ za-tэa*. Там же, II, 123; *an эst na maraџ nъъ za moџa*. Там же, II, 160; *zatie bom Bayu prasila*. Циркно. Бод.-К., 201 (2x); *za gliho vet*. Штрек., I, 185; *prosi za nas*. Там же, IV, 621; *za to vedel*. Мөд., 22; *marati za koga, skrbeti za očeta, za svet vprašati, vprašati za svojega brata, vet za vse tvoje grehe, za katere sami ne veste*. Plet., II, 815. Раньше середины XVI в. такие примеры не встречены в памятниках словенской письменности (*prossim sa ta sneit*. Труб. Predgovor., Иоанн, XIII, ср. Сок., 329; *skerbite sa ta iutreshni dan*. Матф., IV, 34 и др.).

Примечание. В собрании текстов Möderndorfer'a встречаем: *ko sa ga vprašali za lezusom*, 28.

При глаголах, обозначающих понятия, связанные с духовной деятельностью, нередко является вин. с предлогом *na*: *je pozabila na to*. Мөд., 16; *spomnil se je na št. Ianža in na natek*. Там же, 13; *da se ti mislila na te*. Штрек., VI, 329; *smisli na me*. Слов. песни 1841 г., 126; несколько иное значение в примере из мажарвольского говора: *na rječ, kь zazdrjeje pгэсь, se dje „rano“*. Мат., II, 169. Древнейшие примеры такого рода находим у того же Трубаря: *taku misli na letery stuke*. Катехиз., 19¹²; *spomisli na oblubo boshyo*. Там же, 19; *spomisli na to vero*. Там же, 19; *smislimo na ta kratig zhas nashiga shiuota*. Труб., Nov. Testam., Слов. Календ. 1557 г. и др. Аккузативные конструкции с предлогом *o/ob* при определенных глаголах сейчас редки: *o nič ne marej*. Штрек., I, 124; *he vy ste pusal prou o noe*. Мат., I, 104; хотя Трубарь и его современники часто употребляли *ob to* в значении совр. *za to*¹³; правда, уже в XVI в. это сочетание в большей части случаев обросло рядом подчинительных значений. Оригинальной чертой словенского языка, свойственной прежде всего западным говорам и особенно тем, которые находятся в иноязычном окружении (Резьянская долина), являются конструкции вин. и (реже) род. с предлогом *super*. Этот предлог заимствован из фриульского диалекта ретороманского языка (об этом, между прочим, говорит сохранение старого латинского *u*, тогда как в других ретороманских говорах

¹¹ Ср. Plet., II, 815: *tudi za veliko družih rotivcev sem slišal...*

¹² Ср., однако, *ludye od sami sebe smislyo*. Труб. Катехиз. (Начальные страницы пагинации не имеют).

¹³ Ср. *ob tu my tudi tozimo*. Труб.; пример взят из статьи J. Čerin'a „Pesmi slovenskih protestantskih pesmarie, njih viri in njih poraba v poreformacijskih časih“. „Trubarjev zbornik“, Ljubljana, 1908; отчасти: *ob to ty nasse odwetnycze*. Conf. gen., 14 и др.

было бы *ü* или даже *i* (руманшский диалект), а в итальянском, в том числе в говорах от Венеции до Горицы и Триеста, *o*: *sopra*): несомненно, что и принципы употребления, а, значит, и основной круг значений оказались заимствованными¹⁴. Точной датировки проникновения этой конструкции в говоры словенского языка установить нельзя. В XVI—XVII вв. она встречается довольно часто: *ne gouori subper tuiga blishniga falsh*. Труб. Катехиз.; *subper to veist*. Там же, 124; может быть, *vsame na se ta velik serd boshy subper ta greh*. Там же, 26 (но и: *mogo stati subper*); *sam super sebe gouoril* Прис. XVII в., 476; *super te prauize*. Там же, 476; *super moie ueisti gouorim*. Там же, 476; *guori subper smotio*. Труб. Матф., XVIII; *prerokuie... Subper Iesusa Christusa*. Там же, XX; *chateri imαιο gouoriti super le to isbiragne...* Докум. 1663 г., 183 и др. Примеры из говоров широко представлены у Бодуэна де Куртенэ, Мат. I. В словенских говорах Италии в таком же значении кое-где употребляются конструкции с *de* (также из фриульских говоров, где лат. *de* > *de* (*e* открытое) > *die* > *de* [в открытом слоге дифтонг упрощался], также в Граубюндене; в итальянском *di*): *de kwo me jэ wprašu*. Мат., II, 6 (пластицкий говор), может быть, *de kapitanih*. Клод., 26 и др.

Это разнообразие замен локативных конструкций с предлогом *o* в изъяснительном значении свидетельствует не только о необычайной диалектной раздробленности словенского языка, но и — что в данном случае важнее — о давней непродуктивности лок. с предлогом *o* в этом значении в большинстве говоров; наличие этого типа в литературном языке вовсе не отражает состояния тех говоров, которые легли в его основу: это результат известного компромисса при выработке норм литературного языка.

Локатив с предлогом *po*

Локативные конструкции с предлогом *po* в словенском языке не представляют чего-либо принципиально нового по сравнению с соответствующими конструкциями большинства других славянских языков. С другой стороны, они не менее распространены, чем в других языках (как можно подумать, судя по синтаксису Миклошича, где указано только два значения этой конструкции).

Чаще всего лок. с предлогом *po* в словенском языке встречается при обозначении пространства, на поверхности которого происходит действие. Сюда же относятся, разумеется, и случаи типа: *hoditi po*

¹⁴ Конструкция с предлогом *super* (фр. *sur*, исп. *sobre*, порт. *sôbre*, итал. *sopra*, ретором. *super*, *süper* и т. д.) имеют изъяснительное значение почти во всех романских языках и, между прочим, уже в латинском языке (видимо, незадолго до нашей эры): *civiles super Urbe curae*. Гораций; *super sordida re dicere*, *super malo suspectare* и др. Иное дело в румынском, где *spre* не имеет такого значения (ср., однако, *despre*). В качестве семасиологической аналогии, правда, носящей следы иноязычного влияния, напомним хорватские примеры типа *govoriti vrhu koga*, или нем. *über etwas sprechen*.

hisah и т. д., а также *udariti po čem: dobila po herbtu*. Слов. песни, I, 84; *aŋ ġa jə začew butaty ġor po rit*. Мат., II, 12; *udariš škrate po grbi*. Möd., 8; *bil s pestjo po zidu*. Там же, 33 (ср. *je ŋdaru pu skal s tist palc*. Логар. Бришк., 43) и др. Примеров с собственно местным значением (*po planinah, po mori, po deželi* и др.) приводить не будем: они хорошо известны и решительно преобладают уже в ранних памятниках словенской литературы (не считая Фрейзингенских отрывков, в которых вообще нет такой ситуации). О существовании в прошлом в подобных случаях дативной конструкции можно судить по косвенному указанию двух старых примеров: *botomu ožstanem zich mirzcih del*. Фрейз., II; *mosete potomu, zinzi, uvideti*. Там же, II (наряду с: *potom nanarodzlovuezki strazti i petzali boido*. Там же, II), обладающих, впрочем, иным значением. Кроме того, в нижнекраинском диалекте при обозначении места (и некоторых других отношений) с предлогом *po* стоит дат., а не лок. (это особенно очевидно в тех случаях, где флексии этих падежей различны: *po mestu*, но: *v mesti*)¹⁵. Правда, такие примеры ограничиваются лишь ед. числом (во мн. ч. всегда лок.). Возможно, что и другие диалекты до сих пор знают нечто подобное, однако отсутствие достаточных данных о морфологических особенностях лок. и дат. по говорам не дает возможности доказать это.

В ряде говоров при *po* выступает вин. — явление, знакомое нам по сербохорватским говорам. Ср., например, *pa rit* (наряду с *pa riti*), *pa swit* (наряду с *pa switu*), *pa vass* (наряду с *po vasi*) и т. д. Циркно. Бод.-К., 443; *po svet gredo*. Штрек., I, 108; *po trg drobniti*. Там же, 141 (но: *po trgu drobeniti*. 140), *prastica ġre po ġoric*. Мат., II, 162 и др. (правда, иногда трудно определить, имеем ли мы дело с вин. или с усеченным лок.).

Примечание. В случаях типа: *da je ta po štihalmi* 'da er dort unter der Treppe ist'. Мат., I, 130; *pa to doesko*. Там же, 95 и др., подразумевается предлог *pod*. Ср. там же: *pot timi štihalmi*.

Значительное распространение получили локативные конструкции с предлогом *po* во временном значении. Наряду с известными всем славянским языкам случаями (*po tei iezhi Babiloniski Ieconias ie rodil Sahafiela*. Труб. Матф., I, 12; *pridemo po tim lebnu*. Труб., Nov. Testam., Predgovor, ср. Катехиз., 21; ср. также еще в Фрейзингенских отрывках: *imeti mi ie sivuot po zem*. I; *glagolite po naz* [несколько иной оттенок], много таких примеров у Равникара и Коланчника; гораздо реже в говорах: кое-где они полностью исчезли: так, их нет в „Материалах“ Бодуэна де Куртенэ, I, II¹⁶; в других говорах являются лишь спорадически: ср. Möd., 8, 8, 16, 16, 17, 22, 22, 24, 26; Штрек., I, 202; II, 884; Ахац., 26; Циркно. Бод.-К., 443, ср. также наречия *potem, po tem tedaj, po tem toga* и т. д.)¹⁷, встречаются и такие, где первоначальное

¹⁵ М. Хостник (Грамм. слов., 274) считает, что дат. с *po* вообще характерен для просторечья (в ед. ч.).

¹⁶ Единственное исключение — I, стр. 104.

¹⁷ Сюда же примыкают отдельные случаи употребления лок. с *po* при сравнительной степени прилагательного, не отмечаемые исследователями: *po tem'ti precej' bolši*

значение конструкции забыто; мы имеем в виду очень широко распространенные случаи со значением указания на более или менее длительный промежуток времени без уточнения его границ: *hodell po paradysu po puldneni*. Труб. Катехиз.; *po tei vezhery*. Там же, 175; *po nozhi*. Прис. XVII в., 283; *taku dobru po nozhi, kadar bo letega ura, kokor po dnehi*... Там же, 283, 285, 288; *da oni po nedelje te zvetke ima ju vucsiti*. Петрет., 102; в более позднее время количество примеров сильно увеличивается: они встречаются и в книжном языке, и особенно в говорах: *hodit je... na vahto po nosj an po dnev'*. Клод., 26; *dekla je šlo po noči v Šteben*. Möd., 17; *po noči pa je prišel njen fant*. Там же, 17; *po noči sta bedeli*. Там же, 17; *kadar sedijo družine po večerji*. Там же, 19; *preselil se je takoj po novem letu v drugo hišo*. Там же, 22; *po noči pa se je priprikazal*... Там же, 24. Циркно. Бод.-К., 443; 113; *po dnevi poje prelepo, po noči dela kratik čas*. Штрек., I, 185; *kar so po dnev' naredli*. Там же, IV, 593; *po polnoči*. Там же, V, 265; *lepši ko solnce po dnev'*. Там же, VI, 455, 457; *po noči vandrajo*. Там же, VI, 556; *so űbűžaly wsak po dneoj*. Мат., I, 14; *po jutru... je šal*... Там же, 104; *dva fjorina po dne sen-mu*. Там же, II, 7; *šэ po nofэ... seű tentum*. Там же, 15, ср. 59, 60, 72, 73, 87, 87, 87, 158 и др. Ср. также гибридные случаи из резыанского наречия: *nareale pri po tűmрh*. Там же, I, 249; *pri po tűmрh... bi spadaű snih*. Там же, I, 250, 304 и др.¹⁸

Примечание. У Трубаря однажды встречаем: *i puslednu po vsemi umerie tudi ta shena*. Матф., XXII, 27 (I).

Не сохранился в словенском языке лок. с предлогом *po* типа: *hoditi po kom*; о его существовании, возможно, говорят случаи вроде: *graf je poršu pa za nem*. Циркно. Бод.-К., 119; *ja gren jo pö za miga oho*. Мат., I, 5 и др. (обычно твор. с *za*; так уже в древнейших текстах).

Значительное распространение имеют локативные конструкции с предлогом *po*, обозначающие что-либо такое, в соответствии с чем происходит действие. Примеры такого рода нам уже встречались не раз, а так как словенская часть их не является в какой-либо степени оригинальной, то ограничимся лишь несколькими иллюстрациями: *Josef po angel-ski sapuuidi beshi... u to egiptouo deshelo*. Труб. Матф.; *on bode pouernil usakimu po nega deilih*. Там же, Матф., XVI, 27; *po nega dobri prauiz-hni inu sueti voli sturi*. Труб.; *Cristus po oblubi boshy inu po prerokouanu useh prerokou... ie prishal doli is nebes*. Там же, Nov Testam.; *tedai usakimu bode lonoual po ne ga veri inu diani*. Там же, Nov. Testam.; *po boshy stalti ga ye sturill*. Труб. Катехиз.; *taku shlushimo po tih desed sapuuidah*. Там же, Катехиз.; *inu de se po boshy besedi dershimu*. Там же, Катехиз.; *on se na vsim dershi le po boshym inu logrouim vuki*. Там же,

бо. Штрек., II, 202; *po tem ti precej hujši*. Там же, II, 202; *mlajši so po Mojsesovi-Kolanči*, 169 и др.

¹⁸ Ср. в местном значении: *bot za rođjo pa pri tēbi*. Штрек., I, 45. Есть и еще ряд примеров подобного рода, напоминающих прежде всего соответствующие словацкие примеры.

Катехиз., 238; ср. 240; *po sebi ga je sturill* (= 'по своему образцу'). Там же, Катехиз., 147; *kakur wy to po praudy morall dyati*. Conf. gen., 5; *po tech istih prauda* (так!) *daiati*. Прис. XVII в., 281; *po pravi ordnungi*, 284; *po gorski praudi... sturiti*. Горицк. зак. 1644 г., 303; *kada ie Erodesh... bil, po tim prorokovanju Iakovim...* Крель. (перевод с Шпангенберговой Постиллы), 216, то же у Юришича (XVI в.), LMS 1894, 217; *po uassi reguli*. Докум. 1663 г., 181 (дважды); *po uassik regulak inu dochounich postauak*. Там же, 3; *po dochounik postauak*. Там же, 183; *po reguli* (дважды). Там же, 183; *naredimo zloveka posvojim obrasu*. Коланчн., 3; *ter je shivel po Bogu*. Там же, 10; *po sile vzame raz roke*. Лег. Сол., 66 (уже с оттенком основания); *jo po sil vzameto*. Маролт., 58; *po sili vzame*. Штрек., I, 182, ср. *po sili obstoji*. Слов. песни 1841 г., 28 и др.¹⁹ В современном литературном языке эти случаи столь же употребительны, как и раньше. В говорах они, видимо, всегда встречались реже. Во всяком случае, сейчас состав таких примеров по диалектам уже и проще; помимо уже приведенного (почти идиоматического) *po sili*, ср. *wse po nəs*. Мат., I, 393, а также распространенные сочетания типа: *znat bratъ šэ po laskъn am po slovejskъn, pisatъ majku po laškъn*. Мат., II, 6; *jast tudi sьъ-jaw po ђix špaxъ*. Там же, II, 9, 9, 15, 20, 20, 21, 22, 22, 22, 34, 36; *po swojэъ ni ђakarajo*. Там же, II, 52, 56; *wlječe po rozjaъskэъ*. Там же, II, 61, 112; *morъ povjedat po moъersko*. Там же, II, 166 и др.

Укажем еще на обычное для словенского языка *po imenu*, засвидетельствованное уже с XVI в. (см. у Юришича: *da bi try kraly bili po tim imenu, Kaspar, Boltesar, Melhior*. LMS, 1894, 217, в соответствующем месте у Креля: *par imenu*) и частое до сих пор: *kje je moja sestrica po imenu Anečica?* Штрек., IV, 594; III, 588 и т. д. Несколько иной оттенок наблюдается в примере: *klicati po imeni*. Метелко; *po njegovim imenu imenuje*. Коланчн., 143.

Значение основания действия²⁰ легко обнаруживается в случаях вроде: *on bi bil po obrasu rad Iesusa posnal*. Равн., II, 285; *po tem bosh sposnal*. Коланчн., 102; *po dlanu mi spozna*. Штрек., I, 182. Ср. Лег. Сол., 66; впрочем, таких примеров немного в современном языке; в старых памятниках подобные случаи нам вовсе не встретились; Трубарь, например, всячески избегает их. Ср. *na nih sadu ie imate posnati*. Матф., VII, 16; *sposna is tih sapuidih boshih*. Катехиз., 242 и др. Отметим также редкие в других славянских языках случаи, как-то: *hodijo po vseh štirih*. (= 'на четвереньках'). Möd., 7; там же: *po dveh*. 7; *ki je hodil po zadnjih nogah*. Там же, 21; *do nje sme priti samo po kolenih*. Там же, 35 и даже: *kæ næ mörп sta pan nohah*. Мат., I, 393, 264 и др. В старых памятниках такие примеры отсутствуют. Впрочем, исследователи вообще не отмечают этой конструкции в словенском языке. Значение ее не всегда легко определить (во всяком случае,

¹⁹ Несколько особо стоит случай из Фрейзингенских отрывков: *igdase prides zодit siuim i mrtuim comusdo pozuem dele*. III (удивительно раннее проникновение лок. в этой ситуации).

²⁰ Некоторые менее точно определяют это значение как „средство деятельности“.

оно колеблется между указанием средства деятельности и способа его совершения). Сюда же относятся: *hoditi po palici* (= *ob palici*), *po prstih hoditi* и др. (часто с орудийным оттенком). Значение способа действия отмечается специалистами в случаях типа: *po krivem prise-gati*, а также полунаречных: *po malem*, *po vsem*, *po gostem*, *po nikakem*, *po nemarnem*, *po koncu*, *po strani*, *po vrhu* и др. (см. Plet. II, 67). Интересные примеры, известные, правда, уже из хорватских говоров, но не отмечавшиеся до сих пор в словенском, можно привести из литературы XIX в.: *me je bog po tebi oblagodaryl*. Равн., I, 47; *kakor jim je bil po Mosesu bog sapovedal*. Там же, 141; *v njem sta bila Urim in Tumim, po katerima je veliki duhoven od Boga odgovore prejemal*. Коланчн., 158; *po bogu sim dobila zhloveka*. Там же, 8 (ср. в сербохорватском (*bog*)... *po proroku rekka*. Кач.—М., 263); может быть, *zdrava bodi... po ajngelu Gabrielul* Штрек., III, 420. Впрочем, кажется, есть некоторые основания думать о неоригинальности этой конструкции в словенском языке; во всяком случае, у нас нет надежных примеров этого рода из современного языка. Отметим также отсутствие лок. с предлогом *po* при глаголах в страдательном залоге. Локативные конструкции с предлогом *po* в ряде случаев приобретают причинное значение: *v drugi smrtni grejh spadnejo... po pijanstvi... po srditosti... po gizdosti... po hotlivosti...* Валяв. Прис., 106; *po vponogom deli, po pogibelnosti duše i tela nigdar sam dobri dnevou nej mogao viditi*. Там же, 124; *po preslanem siru rado žeja*. Шуман, 347; *po negodnem sadju skomino dobiš*. Там же, 347; *po hruškah dišati* (ср. соответствующую хорватскую конструкцию) и др. В ряде примеров наблюдается употребление лок. с предлогом *po* при обозначении цены: *po čem vi raje prodate*. Штрек., I, 4; *jih je po zlatu rumenmu, jih tud po zlatu belimu* (т. е. 'продавать'). Там же, 5; *po čim te raje plačujete?* Там же, 19, 20; *ale jih po belih tolarjih, ali jih po zlatih rumenih, ali jih po to drugo zaltovo* (так!). Там же, 20, 20; *po čem raje prodajate? ene po zlatu belimu*. Там же, 139, 140; *bankanotati po sturajnižou*. Мат., I, 262 (ср. в собственно дистрибутивном значении: *dalæc hodiö, po pet, po šejš or dalæc*. Там же, I, 301 и др.), *po krajcarju, po goldinarju*, а также: *po kapljah, po žlici*, может быть, *blago se po niti nabira* и др.

Примечания. 1. Весьма любопытный пример встретился нам в музеевском говоре: *te jim paršlo tri sowte po moš* (= 'тогда им пришлось по три сольда на человека'). Мат., II, 96.

2. Нередко в дистрибутивном значении выступает вин. с предлогом *po*: *ejpelz ni umarjo po štjери-pet po zornādy* Мат., II, 127 и др.

Лок. отношения в словенском крайне редок. Можно указать лишь на единичные случаи: *po duhu in telesu zdrav*, идиоматическое: *samo po sebi*. Plet., II, 66.

В качестве особой группы выделяет Плетершник примеры, в которых лок. с предлогом *po* обозначает: „to, za čimer je obrnjeno dejanje“ (II, 66): *po svojih opravkah hoditi, po tem poslu ne boste nič več*

tod hodili, ti po sebi glej, po drugih se ozirati. В циркненских текстах нам встретилось: *po čem poslat.* Бод.-К., 280.

Особенно следует отметить локативные конструкции с изъяснительным значением, которых, кажется, нет в сербохорватском языке. Прежде всего речь идет о лок. с предлогом *po* при глаголах, выражающих скорбные чувства: *po gradu milo jokajo.* Grafen., 66; *in se po tebi, lepa Vida, milo joka.* Штрек., I, 126, 128, 129; *po svojim devištvu jokale.* Там же, IV, 710; *po sojim duome zdihavu.* Клод., 25; *po staremu oču solzice prelivš.* Водник, 14, ср. также лок. с предлогом *po* при *plakati, hrepeniti, žalovati, zdihovati, ihteti se, tožiti* и др. (ср. уже у Трубаря: *Rahel se plače po svojih otrocih* и др.)²¹. Такая же конструкция появляется в словенском языке и при некоторых других глаголах (*vprašati*, реже *misliti, veriti* и др.). Укажем ряд примеров: *spet vprašajo po Bogu.* Равн., I, 223; *po Simonu vprašajo.* Там же, III-IV, 192; *ne bodo verjeli po vsih zhudeshih.* Коланчн., 183 (очевидно, первоначальное временное значение); *ne misli po Jožefu več.* Равн.; такие же примеры встречаются уже в XVI в.: *nemislite po visokih rizhez.* Даам. Копит., 67; *vprashaite... po tim ditetu.* Труб. Матф.; *inu po nim* (т. е. вечная жизнь) *ne veruie.* Труб. Nov. Testam., Календ. и др. Бесспорную связь с этими случаями видим в таких, как: *po pameti ga pijmo.* Ахац., 74; *po kom... jaz ne pil.* Шуман, 346 и др. Таков круг локативных конструкций с предлогом *po* в словенском языке.

Локатив с предлогом *pri*

Предлог *pri* также выступает с лок. (это же относится к вариантам *per, par, pr*). Однако различия по говорам довольно существенны. Дело в том, что в западных говорах Словении (прежде всего в приморском и ровтарском), а также в словенских говорах северо-восточной Италии предлог *pri* уподобился формально близкому итальянскому предлогу *per*, круг значений которого весьма существенно отличается от такового в словенском *pri*. Поэтому первоначальное значение *pri* оказалось в значительной степени расшатанным, а вся конструкция оказалась подверженной влиянию итальянских сочетаний с *per*. Характерно, что в говорах итальянских словенцев наблюдаются случаи непосредственной инкорпорации итальянских или фриульских сочетаний с предлогом *per* (ср., например, *učijo sowsə pər — taljaŋ* Мат., II, 34; *rojeto per-latiŋ.* Там же, II, 98, 112, 112; *pər-furlaŋ.* II, 120, 120²²; *nabla wera deg-bot per-jentik.* II, 119; *per pluj.* II, 120; *a ejŋe nu-nə-γredō, te to nje pər-plažəj, za nɔč.* II, 26²³; иное дело: *pər formadi, ... per rezoŋ... pər dufiš trej.* II, 109). Еще бóльшим числом примеров

²¹ Ср. также: *aŋ wsi judje so jo jokal.* Мат., II, 144 и др.

²² Впрочем, такое употребление неизвестно итальянскому языку в целом (ср. *parlare italiano, parlare in lingua italiano*).

²³ Ср. также в Резьянском Катехизисе: *par nas liberat... od Pekla.* I, 448 (рукопись А).

можно проиллюстрировать те случаи, когда под влиянием иноязычных образцов словенская локативная конструкция с предлогом *pri/per* приобретает не свойственные ей раньше значения. Однако такие случаи игнорировались исследователями словенского языка, поскольку их внимание привлекали прежде всего вопросы нормативной грамматики. Даже в наиболее полном перечне локативных конструкций с предлогом *pri*, содержащемся в словаре Плетершника и грамматике Шумана, указываются лишь те конструкции, которые известны и другим славянским языкам (место, около которого происходит действие; время, когда происходит действие [одновременность], состояние, способ действия). Единственный словенский синтаксический идиоматизм, отмечаемый специалистами, это лок. с предлогом *pri* при клятвенном обещании: *pri moji veri! pri moji dušil pri moji kokošil pri bogu!* и др. (ср. нем. *bei meiner Ehre!* и др.)²⁴. Поэтому, не повторяя хорошо известных примеров, остановимся на некоторых специфических особенностях словенских локативных конструкций с предлогом *pri/per*.

Примечание. Предварительно заметим, что едва ли возможно в полной степени отождествлять предлог *pri* и предлог *per/par*. Несмотря на различия в их употреблении в территориальном плане (западные говоры — *per/par*, паннонские, штайерские, ббльшая часть крайних говоров, а также литературный язык — *pri*)²⁵, нельзя говорить о полном соответствии этих предлогов потому, что круг их значений и значений конструкций, в состав которых они входят, более или менее значительно различаются между собой (в какой-то степени это зависит от различий в самой форме предлогов). Лишь в интересах экономии места и ввиду недостаточного количества материала даем обзор локативных конструкций с предлогами *pri* и *per*²⁶ вместе.

Среди локативных конструкций с предлогом *pri/per* значительное распространение получили случаи, где явно выступает оттенок несамостоятельности, подчиненности, который в других славянских языках или не развился вовсе, или появился довольно поздно, как, например, в русском языке. Надо думать, что и в словенском языке подобные случаи развились относительно недавно. Во всяком случае, в памятниках XVI в. их очень немного и они не всегда очевидны: *sakai oni vshe tri dni per meni prebiuao*. Труб. Матф., XV; *saslushil per bugi*. Труб., Nov. Testam.; *Moises kadar ye druguzh per gospudi bogu ...* Труб. Катехиз.; *vy moshye imate per suyh shenah sastopnu*

²⁴ См. А. Вајес. О *predlogih in predponah*. — „Jezik in slovstvo“, letn. II, šte. 7, 1956—1957, str. 293.

²⁵ Исключения в общем невелики.

²⁶ Хронологические границы введения *per* в словенских говорах определить трудно, поскольку ни во Фрейзингенских отрывках, ни в Латинско-итальянско-славянском поминальнике, ни в *Confessio generalis*, ни в Целовецкой рукописи XV в. нет ситуаций, где бы ожидался предлог *pri* или *per*. У Трубаря, Далматина, Креля употребляется, видимо, исключительно *per*. Поэтому в качестве *terminus post quem* можно считать середину XVI в. Впрочем, некоторые факты в языке Трубаря (*periatele* и *priatele*, ср. также *perpuidi* и др.) говорят, кажется, о том, что предлог *per* вошел в язык относительно незадолго до середины XVI в. См. также В. В. Качановский. Заметки о славянском языке XV и XVI вв. Зарождение литературы у словянцев. Примус Трубарь, Исследование Арк. Соколова. (Киев, 1878.), — ЖМНП, 1878 г., сент., стр. 111.

prebiuati. Там же, 133; может быть, *per bugi ye nash besednik*. Там же, 160; *inu per sledni Fari Shulmoistre inu Shularie dersbati, ... per tih Farah*. Церк. ордн. 1564 г., 117; *do tle sem per uas prebiual*. Иоанн, XIII, 33 (Сок., 325); *per gostji bodi*. Далм., 143 (См. Копит.); *Jesus Maria bodi par mene, inu par nas*. Слов. письмо 1688 г., 188. В дальнейшем число таких случаев значительно увеличивается, и оттенок подчинительности становится все более очевидным: *ga per njih ostati prosijo*. Равн., III—IV, 273; *sam Lukesh je per meni*. Там же, III—IV, 313; *da morem koj per čedi bit*. Ахац., 98; *pri hiši pa gartele imam*. Штрек., V, 3, ср. также: *pri hišie pa le štiri okenca imam*. Там же, V, 7; *pri hišie' pa dosti blaga imam*. V, 7; *pri hišie le eno posteljco imam*. V, 7, где *pri* в значительной степени теряет свое лексическое значение: *pri čredah so se igrali*. Там же, I, 25; *hlapec je vstopil pri njem v službo*. Möd. 13, (опять-таки с частичной потерей значения предлога); *pri nekem kmetu sta služili dve dekli*. Там же, 21; *na-wan-koventa n-žena par-xišь* Мат., II, 24 (трижды); *je meč tudi adneya pastirija pər xiš*. Логар. Бришск., 42²⁷ и др.

Только из текстов последнего столетия известны нам примеры с легким социативным оттенком: *nosi pri sebe očetov pas*. Möd., 8; *nosi kost črnega mačka pri sebi*. Там же, 28; *patle jæ jemu por seb anya kajne n pa samu piet krajcerjcu*. Циркно. Бод.-К., 116; *per njem je pisemce blo*, Алекс., 348 и др. (несколько иначе у Коланчника: *she shivo per njem najde*. 106)²⁸.

Исключительно отчетливо потеря прежнего лексического значения предлога *pri/per* выступает в ряде примеров из западнословенских говоров (по преимуществу), где более оправданным с точки зрения литературного языка было бы употребление *v* или *u*. Древнейшие примеры такого рода встречаем еще у Трубаря: *per nas so bili sedem bratou*. Матф., XX, 25 (сличение с немецким и латинским текстами делает невозможным предположение о влиянии оригинала), может быть, ... *gnade boshye katero le per Iesusi Christusi dobodemo*. Катехиз. ('с помощью', 'через'); *kir pag bodo per Iesusi sueto gnade iskali*. Катехиз., 152; *da bi pak bollie per miru mogle u Clostri siueti ...* Докум. 1663 г., 182²⁹.

²⁷ Против понимания этих двух примеров во временном плане предостерегает М. Хостник (Грамм. слов., 270). Конструкции такого рода с временным значением в словенском отсутствуют ('при Петре Великом'—*za Petra Velikega, ob času Petra Velikega*).

²⁸ Ср. похожее: *ne rodisse zlouec vanno snau inu per bozin imenu*. А. Соммар.—LMS, 1891, стр. 99.

²⁹ См. М. Рупел. Указ. соч. В этом же документе еще один раз встречается *per* с лок.: *da chir bi eno uezh lubilla, per tek drusich useck bi pochuischogna ne storilla*. 181. В других формулах отлучения (1660—1666), опубликованных в той же статье М. Рупеля, дважды отмечено: ... *per veliki rani prepueto* ... 187, 188. В „Послании“ эрцгерцога Фердинанда (словенский перевод 1598 г.) находим: *nemo tudi per te isto službe rako ienu ... tude per sua oblastai obaruuatj; Aku je glioh neim Landterischam ieno nemu Khraisau suaketerumo posebe per stu Shlatah Slatem prepouedanu bellu* ... 53. См. М. Рупел. Slovenski akt ob protireformacijski

Более очевидные случаи широко представлены в словенских говорах Италии и реже в говорах самой Словении. Укажем ряд примеров: *pri nas navade take ni*. Grafen., 66; Штрек., I, 182 (ср. уже указанные примеры V, 7) (3 раза); *pri mojem srcu zdravja ni*. I, 140; *pri mojim serzu dobro ni*. Слов. песни 1841 г., 22; *per ljudih in zverinah prebiva smertna tihost*. Ахац., 18; *per an hiš nisa jimil ki jst*. Циркно. Бод.-К., 110; *per usak hiš jæ nu taku*. Там же, 275; *kulk žebjeu pa majnka pr anmu dabr padkavanmu kajnu* (!) Там же, 278; *ko baj se nalaza nōvaha jyzdœ pri was?* Мат., I, 255; *tadaž an stōjy den temp spet ta pri hiše*. Там же, I, 307; *ta dōboe par Križih... sto bila dwa bratra*. Там же, I, 106; *pr nas njebilo tej užanče*. II, 15; *pr nas jūdje ne poznajo aši*. Мат., II, 9; *a tlœ pr was sta tako špōrkæ, dæ was tejō ūše snjēst̃ žiōvæ*. Там же, II, 9; *an tlœ pr nas ne rivoamo*. Там же, II, 14; *tlœ pr nas ač̃i ospwōt̃, kapelan*, Там же, II, 14; *zat ni sæ wzōmæ ju ta par ospwōdu*. Там же, II, 46; *an tūdi ta par nas trikrat ni kl̃ičæju tu-cjērkvæ*. Там же, II, 46; *ni ne znaju poroz̃bjajskeŋ tle par nas*. Там же, II, 112; *dow par Wēkaco so storlb kazōŋ*. Там же, II, 127; *pr nas imato dost krav*. Там же, II, 195; *pr nas imajo uraže na štrijamente le kake ženæ*. Там же, II, 195; *aŋ sma bla ob nwof ta pr dni xiš*. Там же, II, 146; ср. II, 135; *tamo malo xōst pr nas*. Там же, II, 165 и т. д. В какой-то степени с этим типом связаны примеры вроде: *per schlecht tobarschi glaba boli* или *per veliko besedah je malo resnize* (Kretz.) 165. Естественно, что утрата прежнего значения во многом способствовала развитию новых локативных конструкций с этим предлогом (также пока не отмеченных).

В некоторых из них еще прослеживаются связи с прежним употреблением (*pri metanju spozna pijanec*. Möd., 8 [обычно ро+лок.]; *da bug bode per tebi stal* Труб. [‘за, на стороне’]³⁰; *per miru on ročiva*. Ахац., 20 [‘с миром’, ‘в мире’]; *per miru jo pustite*. Равн., II, 302 [Plet., II, 297]. *per vsimu se so vedli ravnati*. Там же, III—IV, 77; *persegel sam per sebi*. Коланчн., 168; *oba sta bila pravizhna per Bogu*. Равн., II, 3 [‘в отношении’]; *rasel... v starosti je per Bogu in ljudeh*. Там же, II, 65; *aŋ to mat aŋ muj ofa fjo pr sile, nej se ožēnŋ*. Мат., II, 160 [‘непреремно’] и др.), в других — эти связи почти полностью утратились или даже не существовали вообще, если конструкция возникла исключительно под иноязычным влиянием: *sakai tu ye dobru inu pryetnu per bugi nashimu*. Труб. Катехиз., 132³¹; *da bi trie krali bili par imenu, Kaspar, Baltasar, Melhior*. Крель, 217; ср. итал. *chiamar per nome; voda jez sim stara per šest tavžent let*. Ахац., 84; ср. итал. конструкции с *per* в значении оценки, приблизительности; *tiga suetiga Euangelia ... per vas sturil*. Труб. Матф.; ср. итал. *feci per voi; Iesus sam*

epizodi v Vipavi, 1598. — Slav. Rev., IX, 1956. Эти примеры показывают, что в конце XVI—XVII вв. *per* с лок. был распространенной конструкцией.

³⁰ Пример взят из отрывков трубаревских текстов, приведенных в статье J. Čerin'a. *Resmi slovenskih protestantskih pesmarie...*, 151, помещенной в юбилейном Трубаревском Сборнике.

³¹ Ср. итал. обороты с *per* в значении ‘commodi’ или ‘склонности’.

premore otim oli per tim kruhi nam dati jeisti snye tellu. Труб. Катехиз., 44; ср. итал. конструкции с *per* в значении средства, образа действия; *od teya borka Prixujskeya ni su tarjъ borkъ saŋ, s teŋ krā-jaŋ, saŋ u ten krāju wodъ par sownъ.* Мат., II, 36. (с солнечной стороны), может быть, *ima gori vsignio ti tri perste, per tem peruim... ta sastopoti Bog Otscha, per tem drugim perstu, Bog Syn, per tem tertiem perstu, Bog Sueti Duh.* Прис. XVII в., 476; *inu kar Bog ozha ali nega Syn per takih Suetinah gouori.* Труб. Катехиз., 44 ('через'); *od tih skriunih Suetyn prauili samerkaite de per tih, snaminah imate vselei smisliti kai Bug gouori kai nam per tih.* Там же, 66; может быть, *pertih Sacramentih poslushati besedo boshyo.* Там же, 62; *per tim vas prossim.* Труб., Nov. Testam. ('о том' или 'при этом?') и некоторые другие. Таким образом, значения локативных конструкций с предлогом *pri/per* в словенском языке гораздо многообразнее, чем обычно думают. Крайней точки эволюции достигли словенские говоры Италии, где наряду со словенскими сильно романизированными конструкциями существуют и чисто итальянские или фриульские. Новые материалы по этим говорам, несомненно, вскрыли бы дальнейшие следы иноязычного влияния в области этих конструкций.

Примечания. 1. В некоторых говорах (в частности, в резьянских) *pr* сочетается не с лок., а с дат. См. F. Ramovš. Morf., 87. Впрочем, такая же мена падежей известна и при других предлогах.

2. Относительно локативной конструкции с предлогом (сложным) *po-pri* говорилось выше.

Локатив с предлогами *v* и *na*

Все существенные типы локативных конструкций с предлогами *v* и *na* указаны в словаре Плелершника (II, 744; I, 623) и в грамматике Шумана (344—345) с достаточной подробностью; приведены даже кое-какие диалектные данные: *na enem očesi slepna eno oko slep.* Шуман, 345; ср. также словенские синтаксические идиоматизмы: *živela na rokah; umrl je na plučni bolezni na silni rani, bolan sem na jetrih* (лок. отношения), но и: *umrl je za jetiko.* Šolar; то же при предлоге *v*: *v životu majhen beše,* но: *v pleča ga je veliko.* Šolar; *zdaj je na tem* = 'jetzt steht die Sache so'; *na nogah stati*³²; *na dnini živeti, ta konj je na velicih denarjih, v gotovem denarju izplačati; v dveh dneh* ('в течение', 'через'); *govoriti v podobah;* ср. *ostavi bratine ... dukat deset u zlati.* Лат.-итал.-слав. помин., 39. Наречные: *v resnici, v tem, na naglem, na skorem, na tihem, na skrivnem, na kratkem, na tesnem,* а также: *na nagli, na skori, na dolzi, na gosti*³³ и др.; ср. еще лок. с *v* или *na* при названии стран: *na Krajskem, na Laškem, na Turškem,* но: *v Rusiji, v Turčiji* и т. д. Кроме того, ряд любопытных, ранее не отмеченных конструкций, обязанных немецкому, сербохорват-

³² Ср. более обычное: *po nogah stati.*

³³ Такого рода примеры, восходящие к лок. ед. ч., особенно характерны для прекурского диалекта: *našārci, nakosci, nalājci, natēnci* и т. д. см. F. Ramovš. Указ. соч., VII, стр. 192.

скому и русскому влиянию, привел недавно А. Баец в уже упоминавшейся статье („Jezik in slovstvo“. — letn. II, štev. 7, str. 289—290).

Поэтому ограничимся несколькими замечаниями, имеющими отношение к специфически словенским явлениям.

Замечательной особенностью словенского языка в целом является сохранение в ряде случаев весьма тонкого различия между локативными конструкциями с предлогом *v* и с предлогом *na* в значении места (реже направления)³⁴. В других славянских языках эти различия нивелированы в гораздо большей степени, чем в словенском. В подавляющем большинстве случаев в лок. с предлогом *na* в словенском языке стоит название предмета, на поверхности которого происходит действие. Лок. же с предлогом *v* указывает пространство, внутри которого совершается действие. Исключений весьма немного, и они обычно объясняются влиянием иноязычных оборотов (*se uči na gimnaziji, na vseučilišči*³⁵, ср. нем. *sein [lernen] auf der Universität; se šeta na vrtu*. Хостник, 272; ср. *na ulici, na cesti*, но: *v Prešernovih ulicah*; ср. нем. *auf der Gasse* но: *in der Herrengasse*³⁶ и др.). Некоторые случаи лишь кажутся исключениями (ср. *v Gorici, v Bistrici*, поскольку первоначальное значение этих географических названий оказалось затушеванным). Поразительную аналогию этому явлению находим в немецких (верхне-аллеманских) говорах Швейцарии (Граубюнден, Wallser-Tal), насколько о них можно судить по материалам, приведенным в работе М. Шадровского³⁷, и в ретороманских диалектах. Эти говоры также сохраняют древнюю точность в употреблении предлогов, имеющих отношение к обозначению местности. Нам кажется справедливым мнение Шадровского о подкреплении старонемецкого узуса ретороманским влиянием (говоры Граубюндена)³⁸. То же самое, вероятно, следует предположить и для соответствующих словенских фактов (прежде всего в говорах Италии).

Примечание. Наша точка зрения подтверждается и некоторыми другими соображениями, касающимися существования общих (типологически) черт в предложно-падежном синтаксисе словенских говоров Италии (собственно Фриульской долины), верхне-аллеманских говоров Wallser-Tal'a и ретороманских говоров Граубюндена. Отметим еще одну особенность, роднящую указанные словенские говоры с верхне-аллеманскими и ретороманскими³⁹. В Wallser-Tal обычно предпочитают говорить: *uf's tach ufə 'auf Dach hinauf', ins loch abə 'ins Loch hinab', uf-em tach obe 'auf dem Dach oben', in der stuben inne* и т. д. Немало такого рода примеров и в словенских говорах: *dna-kīša tuw-Kolūn*. Мат., II, 45, где *tuw* примерно соответствует *uf-em*, т. е. он состоит из соединения артикля *tu* (первоначально уточняющая место частица)

³⁴ См. некоторые замечания по этому поводу в грамматике М. Хостника (стр. 271, 272). С другой стороны, А. Баец (Указ. статья, стр. 289) указывает, что иногда выбор между *v* и *na* довольно затруднителен.

³⁵ Ср. соответствующие чешские и лужицкие факты.

³⁶ F. Ilešić. Slovenica. — „Zbornik u slavu V. Jagiča“. Wien, 1908, str. 547—552.

³⁷ M. Szadrowsky. Zur hochallemanischen Syntax. — „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“, Bd. 54. Halle, 1930, S. 65—137, I.

³⁸ M. Szadrowsky. Ibid., S. 65, S. 66, 79—84, 113, 114.

³⁹ Подробнее об этом см.: В. Н. Топоров. Slovenica, — ВСЯ, № 4, 1959.

с предлогом *v*; укажем еще несколько примеров такого рода: *tow sjěncь c teŋ krājaŋ*. Там же, II, 37; *tikaj tow cjerkuв, kuj tow-škwolъ*. Там же, II, 34; *tow Carneŋь tow Karnicax, tow subīdu, tow Tanjebol, tow Viškwōršь*. Там же, II, 33; *mālo fortūnъ tow blāze*. Там же, II, 25; *pst frāŋkъ tow-Tijpāne kwintal*. Там же, II, 25; *tri zwōne tow tūrne*. Там же, II, 21; *z ɣa pūstili tana pōti*. Там же, II, 18 (характерен перевод: оставили его [там] на дороге); *majō krīš tana xrbātu*. Там же, II, 11; *so ubuili tjēna Zelēnij Dolīni*. Там же, II, 18; *k-jъ mew tana plačь*. Там же, II, 45; ср. также в параллельных местах: *kěj zvjezdē je tuw firmamēntu?* и *tkej zvjezdē je še ɣor-u-firmamēntu*. Там же, II, 5; *tana Prjēxōde* и: *maju cjerkow dol na Prjēxōde*. Там же, II, 21⁴⁰ и др. О первоначально членной природе *t* не может быть и речи, что легко доказывается даже на современном материале. В ряде случаев в словенских говорах Италии (а иногда и в Словении) наблюдается смешение лок. и вин. при предлогах *v* и *na* при обозначении места и направления⁴¹.

Таким, образом, едва ли можно указанные словенские факты отрывать от соответствующих явлений в ретороманских и немецких говорах Альп⁴². В заключение отметим ряд особых случаев в словенских говорах Италии, которым в литературном языке и в большинстве говоров соответствует лок. с предлогом *v*: *tu Bōzŋe kь sem bēw*. Мат., II, 9; *eŋe tlъ tu našej wasi nu učijo*. Там же, II, 35; *zak o nъ djēlbj žarcē tu ruku*. Там же, II, 37, 38; *on э rēštu sām tu cjerkuв*. Там же, II, 41; *e rēštu tu bošku*. Там же, II, 41; *ni kličju tu cjerkve*. Там же, II, 46 и др.

Интересно, что подобные случаи встречаются, как правило, при указании на место. Исключения редки (*te ɣrjēx tu nedēju plēsать*. Там же, II, 35, 35 и др.).

В некоторых говорах, возможно, при обозначении места и направления различаются и членно-предложные частицы (ср. в брезинском говоре [Montemaggiore]: *jьtь tu Dermāŋjo*, но: *tow Dermāŋji to se ljeuše stojī*. Мат., II, 25), однако для доказательства потребовался бы больший материал, чем тот, которым мы располагаем.

Подводя итог нашим замечаниям о словенском лок., еще раз отметим, что в данном случае нас интересовали прежде всего отклонения от общеславянского типа в области локативных конструкций, отклонения, возникшие под влиянием особых условий развития словенского языка. На материале словенских говоров особенно хорошо заметны некоторые внутренние свойства и возможности славянского лок. С общетеоретической точки зрения это представляет существенный интерес.

⁴⁰ Ср. также: *prjēt smo mjeli komujski oficix tlъ -u-Plestiščou*, II, 14 и др. Любопытно, что итал. *Udine* восходит к **tuц Wjъdne*.

⁴¹ Ср. то же явление в верхнеаллеманских говорах. М. Шадровский. Указ. соч., стр. 113. Словенские примеры не приводим: они хорошо известны не только в западных говорах (например, в Циркно, Бод.-К., 454 и др.).

⁴² Плодотворность совместного изучения языковых фактов словенских, ретороманских и немецких говоров этого района видна на примере ряда последних трудов И. Хубшида, ставящего перед собой, правда, несколько иные задачи.

Часть II

Предыдущие разделы были посвящены рассмотрению лок. в славянских языках, начиная с древнейших памятников. Была сделана попытка учесть по возможности все разнообразие локативных типов и выделить специфические черты, присущие лок. в отдельных языках. При этом мы старались не предрешать вопроса об иерархии или очередности возникновения тех или иных конструкций, если только сам материал не содержал в себе достаточно очевидных указаний. Разумеется, что решение указанного вопроса было бы существенно важным, если не самым главным звеном в изучении истории славянского лок., однако ответ на этот вопрос потребовал бы подробнейших исследований по каждому отдельному славянскому языку с применением дескриптивного анализа, приложенного к диахроническому плану. Понятно, что настоящая монография не в состоянии осветить проблему в таком направлении. Пользоваться же обычными для многих лингвистов аргументами (вроде *post hoc ergo propter hoc* для объяснения возникновения причинного значения) мы считаем недопустимым, несмотря на то, что в ряде случаев они кажутся привлекательными. Характерно, однако, что все эти случаи могут быть переформулированы в терминах строго дескриптивного анализа в плане вероятностей, в данной ситуации в рамках проблемы лингвистической ожидаемости при учете особенностей семантического поля, образуемого данным контекстом, а иногда и всей ситуацией, сопровождающей этот контекст. Лишь в тех случаях, когда памятники содержали документальные свидетельства изменения прежних условий употребления лок. (расширение или сужение круга глаголов, с которыми связаны лок., появление предлогов или замена их другими и т. д.) и, следовательно, свидетельства возникновения новых оттенков значения у локативной конструкции, часто подтверждаемых изменением отношений падежной синонимии, — лишь при таких условиях можно было с уверенностью говорить о преемственной связи между двумя локативными конструкциями.

Нужно сказать, что материалы памятников далеко не всегда давали возможность для выводов, относящихся к указанным проблемам. Эти возможности оказывались предельно ограниченными в тех случаях, когда локативные конструкции определенного рода уже в древнейших текстах обладали развитой системой значений, предполагающей большой разрыв между первыми памятниками и временем становления этой системы. Впрочем, не при всех обстоятельствах этот пробел имеет

одинаково серьезные последствия. В самом деле, может ли и должен ли лингвист-славист заниматься вопросами последовательности возникновения вин. объекта, вин. места, вин. направления, вин. времени, вин. охвата пространства, вин. содержания и т. д.? Разумеется, не может. Дело в том, что указанные значения вин. возникали не в отдельных славянских языках и даже не в праславянскую эпоху, а гораздо раньше. Поэтому славист может интересоваться самое большее лишь тем, каков был круг значений вин. в эпоху выделения праславянского языка из языковой общности более древней формации. Попытки же установить в таком случае иерархию значений и последовательность возникновения конструкций не могут не быть обреченными на неудачу. В них мы видим стремление возродить старые поиски основного значения того или иного падежа методами, скомпрометировавшими себя еще в XIX в.¹

Иначе обстоит дело, когда приходится изучать падеж, возникший уже в самом праславянском или, тем более, в отдельных славянских языках. Здесь исследователь вправе заниматься указанными выше проблемами, если, разумеется, этому не препятствует отсутствие или недостаточное количество материала. В случае слишком большой ограниченности материала воссоздание более или менее полной истории падежа невозможно, что, однако, не исключает целесообразности исследования отдельных элементов этой истории.

Из предыдущих рассуждений ясно, что прежде чем заняться рассмотрением лок. в более древние эпохи, нужно остановиться на двух вопросах:

1. Источники и методы изучения древнейших судеб славянского лок. (проблемы реконструкции [теоретическая часть]);
2. Время возникновения лок. (праславянская или индоевропейская эпоха?) и его природа.

Остановимся на первом вопросе, не упуская из виду, что наши рассуждения о проблемах реконструкции относятся лишь к падежной системе и — еще уже — к лок. и не претендуют на решение общих вопросов реконструкции дописменных языковых явлений.

В первой части было установлено, что отдельные славянские языки обнаруживают очень значительное сходство в области локативных конструкций. Это сходство будет еще более значительным (в ряде случаев оно граничит с тождеством) в эпоху древнейших памятников. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что уже в дописменную эпоху в славянских языках существовал б/пр. лок. места от названий населенных пунктов, б/пр. лок. времени, локативные конструкции с предлогом *o* в местном, временном, изъяснительном значениях, локативные конструкции с предлогом *po* типа *iti po komy* (= 'за кем'), *kъnežitī po komy* (= 'после кого'), *plakati po komy*, локативные конструкции с предлогом *pri* в значении места и времени, значительное число

¹ Понятно, что определение общего значения падежа (*Gesamtbedeutung*) в том виде, как оно было предложено Р. О. Якобсоном, никак не связано с тем направлением поисков основного значения, которое мы сейчас критикуем.

локативных конструкций с предлогами *у* и *ла* и т. д. Больше того, нельзя сомневаться, что указанные конструкции существовали уже в праславянскую эпоху (по крайней мере, в ее конце). Доказательством являются два факта, взятые в совокупности: наличие указанных конструкций с одинаковыми значениями во всех славянских языках эпохи древнейших памятников и исключительная краткость периода обособленного развития славянских языков от их выделения из праславянского языка до эпохи древнейших памятников, в течение которого не могло произойти сколько-нибудь существенных изменений в области локативных конструкций².

Однако такое решение вопроса нельзя признать принципиальным. Оно не имеет ничего общего с реконструкцией, а лишь ограничивается учетом некоторых выгодных условий и их оценкой. Такой путь в решении вопроса был бы гораздо менее достоверным в применении к германским языкам и уж совсем маловероятным в применении к балтийским языкам.

К сожалению, именно по этому пути идут обычно исследователи, пытающиеся ответить на вопрос о древнейших судьбах того или иного явления в дописьменный период.

Приступая к реконструкции какого-либо явления, мы должны учесть все данные (прямые и косвенные), касающиеся этого явления в языках, непосредственно восходящих к тому языку, к которому приурочивается реконструкция, и в языках родственных ему.

Что же конкретно необходимо иметь в виду в нашем случае? Прежде всего, разумеется, исследователь не может обойтись без всестороннего учета всех данных, относящихся к истории явления в славянских языках. Естественно, что при прочих равных условиях предпочтение отдается более древнему периоду, во-первых, и языку, где древнейшие отношения выражены лучше, чем в других языках, во-вторых. Но нельзя игнорировать и данные позднейших периодов и данные языков, отражающих древнее состояние менее точно. Дело в том, что одним из основных источников реконструкции является определение общего направления

² Независимо от оценки взглядов Н. С. Трубецкого о времени распада праславянского языка, изложенных им в двух статьях „Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun“. — *RÉSl*, t. II, fasc. 3-4, 1922 и „Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Sprach-einheit“. — *ZfslPh*, Bd. I, H. 3-4, 1924, мы вправе вообще пренебречь периодом между концом праславянского языка и появлением первых славянских текстов в отношении нашей темы, поскольку он лишен конкретных фактов развития локативных конструкций. Кроме того, нас интересует здесь не то, что в начале письменной эпохи уже создались определенные восточнославянское, чешское, польское, болгарское, сербское и др. койны, связанные с наличием государственных образований, а исключительно лингвистическая ситуация, не позволяющая рассматривать эти койны иначе как диалекты одного языка. Кстати, диалектный характер их прослеживается лишь в отношении фонетических, морфологических, лексических, но не синтаксических (в данном случае, связанных с лок.) фактов. Учитывая все это, в одинаковых локативных конструкциях древнейших славянских языков должно видеть результат единого происхождения, а не следствие параллельного, но независимого развития: оно прослеживается лишь с более позднего времени.

в развитии явления, а его можно выявить лишь на материале памятников, охватывающих возможно больший период времени. И чем больше этот период, чем разнообразнее эти общие направления в разных языках одной группы, тем увереннее ретроспективная реконструкция, тем больше возможности для предположений различного рода.

Поэтому первая часть нашего исследования и была посвящена рассмотрению данных славянских языков с преимущественным вниманием к памятникам древнейшей эпохи (X—XIV вв.) и к языкам, сохраняющим в своих старых текстах локативные конструкции в наименее измененном виде.

Результаты этого анализа имеют неодинаковую ценность. Сравнение локативных конструкций в древнейший период письменной истории отдельных славянских языков показывает исключительно большую близость между ними; специфических явлений, свойственных одному или нескольким языкам в противоположность остальным, почти нет³. Поэтому данные этого рода оказывают лишь минимальную пользу исследователю, реконструирующему более древнее состояние. Однако именно они прежде всего и часто исключительно использовались в целях реконструкции, степень вероятности которой, естественно, не могла быть значительной.

Другое дело — данные исторического развития локативных конструкций в славянских языках. Их свидетельства имеют весьма существенное значение для восстановления дописьменного состояния. Изучая шаг за шагом историю развития локативных конструкций, их связей между собой и с другими способами выражения тех же отношений, можно определить некоторые общие и частные тенденции в их развитии. Сравнение с подобными или сходными тенденциями всех славянских языков дает надежный критерий для продления этой тенденции еще дальше в древность, уже за пределы письменного периода. Поясним это положение примером. В настоящее время в русском языке почти полностью исчезли локативные конструкции с предлогом *о* в значении места, около или вокруг которого происходит действие (исключение составляют отдельные говоры, еще сохраняющие эту конструкцию, правда, часто с иным значением: ср. *стоять о середине избы* = 'в', 'на'). В XVII—XVIII вв. отдельные, хотя и очень редкие, примеры этой конструкции встречаются даже в языке произведений художественной литературы. В XV—XVI вв. такие конструкции употребляются в более значительном количестве случаев и в более разнообразных ситуациях (ср. *стоять о князе* и т. д.). Для памятников XI—XIV вв. этот тип лок. вообще обычен, хотя сфера его употребления все-таки довольно ограничена. Таким образом, история этой конструкции в русском языке представляет собой процесс постепенного ее ис-

³ Правда, изредка в древнейших памятниках того или иного языка мы не находим некоторых конструкций, что, однако, объясняется, как правило, случайными обстоятельствами (недостаток материала, особенности жанра, отсутствие подходящего контекста и т. д.).

чезновения. Если учесть, что параллельно ему идет противоположный процесс развития конструкций род. с вторичными предлогами *около, подле, возле* и т. д. с тем же значением, то становится очевидной динамика развития локативной конструкции с предлогом *о* в значении места в русском языке. Такой же процесс развития отмечен в общем и в других славянских языках. Поэтому вполне достоверным будет вывод, что в дописьменную эпоху эта конструкция была более употребительной и выступала в более разнообразных ситуациях. Осторожное сопоставление с данными индоевропейских языков еще более подтвердит наши умозаключения. Точно так же можно думать о более широкой сфере употребления до X в. н. э. б/пр. лок. или, наоборот, о более узкой сфере употребления локативных конструкций с предлогом *po* и т. д. К сожалению, эта сторона дела обычно очень мало учитывается в трудах по славянскому синтаксису.

Для нас же изложенный выше принцип является основным и наиболее надежным средством реконструкции, по крайней мере, для последних этапов развития лок. в праславянском языке. Еще более совершенным был бы структурный анализ лок. в системе других падежей, проведенный в диахроническом плане, однако в настоящее время это едва ли осуществимо.

До сих пор, говоря о данных славянских языков в плане реконструкции, мы имели в виду показания самих локативных конструкций, а также показания других способов, выражающих те же отношения или вообще смежных с локативными сочетаниями. Однако есть и некоторые другие вспомогательные источники, полезные при реконструкции. Это данные морфологического и этимологического порядка, учитывающие и ряд семантических моментов.

Известно, какое важное конститутивное значение имеет предлог, входящий в локативную конструкцию. Очевидно, его нельзя игнорировать и при исследовании дописьменных судеб лок. Однако методология использования данных предлогов остается неразработанной, поскольку мы не знаем первоначальных условий употребления предлогов и первоначального круга их значений. Помощь в этом отношении могут оказать данные соответствующих глагольных приставок, которые, как и предлоги, некогда были образованиями наречного типа и сохранили в ряде случаев следы более древнего состояния, уже утраченного в предлогах. Так, например, в славянских языках предлог *po* нигде не имеет отложительного значения, а глагольная приставка *po-* таким значением обладает, что было уже неоднократно доказано. На этом основании можно заключить, что и предлог *po*, вероятно, мог иметь подобное же значение и, значит, мог связываться с падежом, выражавшим отложительное значение. Или, например, значение и употребление глагольной приставки *pri-* в некоторых случаях дает возможность предположить существование падежно-предложной конструкции со значением направления (тип **iti pri četъ*). Число примеров можно было бы продолжить, но и из приведенных уже видно, что при реконструкции древнейших отношений необходим учет данных глагольных приставок.

Некоторые полезные указания можно извлечь из сходства или тождества лок. с другими падежами. Так, например, различия во флексии лок. и дат., как правило, относительно позднего происхождения. Если же еще принять во внимание, что локативные и дативные конструкции обладают рядом общих значений и нередко взаимодействуют друг с другом, то становится очевидным, что нельзя пройти мимо факта близости этих двух падежей.

В этой же связи необходимо учитывать и акцентно-интонационные данные, которым принадлежит весьма важная роль в определении характера и хронологии локативно-дативных связей.

Этимологические данные в некоторой степени могут объяснить строение лок. и более раннее значение отдельных его элементов, помочь в определении значений предлогов и т. д. Однако эти данные (как отчасти и морфологические) не могут иметь существенного значения как в силу особенностей рассматриваемого материала, так и ввиду того, что подобные методы анализа увели бы нас, вероятно, гораздо дальше праславянского состояния, поскольку элементы лок. и предлоги, связанные с ним, возникли еще раньше.

Рассмотренные до сих пор источники реконструкции содержатся в самих славянских языках. На их основании должна осуществляться внутренняя реконструкция локативных типов, являющаяся наиболее достоверным и свободным от анахронизмов способом проникновения в древнейшие периоды развития. Применение этого способа позволило разрешить ряд важных вопросов, которые были камнем преткновения для исследователей, игнорировавших внутреннюю реконструкцию. Но не нужно забывать, что этот метод имеет и определенные недостатки, связанные с тем, что материалы отдельной группы языков (славянской) в отношении некоторых явлений (локативные конструкции) могут оказаться недостаточными для реконструкции тех или иных фактов. В таком случае приходится идти на сознательный проигрыш в строгости и прибегнуть к традиционному использованию данных других индоевропейских языков, помня, что они не столько аргументы, сколько одна из новых возможностей объяснения (часто в типологическом плане).

Поэтому и эти данные должны быть учтены и оценены при реконструкции. Разумеется, что их значение во многом зависит от решения второго вопроса (является ли лок. индоевропейским или праславянским образованием). В последнем случае индоевропейские данные имеют относительно небольшое значение в общей системе доказательств, хотя они дают довольно значительный материал для предположений (ср., например, такие факты, как вероятность наличия в индоевропейском праязыке общих источников формирования лок., сложившегося уже в отдельных языках, элементы параллельного развития и т. д.).

Более благоприятные условия для сравнения возникнут в том случае, если удастся доказать, что лок. является общеиндоевропейским или, по крайней мере, общим для определенной области индоевропейского мира образованием. Правда, и при таких условиях привлечение этих данных для реконструкции праславянских отношений будет достаточно

убедительным лишь в том случае, если нам известна история изучаемого явления в используемых для реконструкции индоевропейских языках. Знание истории развития лок. в этих языках помогло бы определить направление его эволюции, позволило бы отделить генетически родственные явления от параллельных или даже вообще случайных и, следовательно, дало бы возможность дополнить показания славянских источников.

В применении к синтаксису попытки исследований такого рода никогда не предпринимались. Это, в свою очередь, породило известный скептицизм или даже агностицизм в отношении использования сравнительно-исторического метода в целях реконструкции. Понимая ограниченность исследовательских возможностей в этой области, мы все-таки считаем, что эта ограниченность была бы в некоторой степени уменьшена, если бы предварительно была изучена история соответствующих явлений в отдельных индоевропейских языках. Что же касается лок., то в литературе обнаруживается явный недостаток исследований такого рода. Некоторым исключением является древнеиндийский язык, локативные конструкции которого исследовались в различные периоды его существования⁴. Если же еще принять во внимание и другие преимущества древнеиндийского материала (глубокая древность, обилие памятников, исключительно длительная, непрерываемая традиция и т. д.), то станет очевидным, почему в дальнейшем древнеиндийские факты будут использоваться особенно охотно.

В той или иной степени по мере надобности мы будем обращаться и к показаниям других языков, прежде всего тех, которые развили лок.

Особое внимание при восстановлении праславянских фактов будет, естественно, уделено показаниям балтийских языков. Независимо от окончательного решения вопроса о древнейших балто-славянских связях они являются необходимым элементом при рассуждениях о праславянском лок. К сожалению, в нашем распоряжении не оказалось удовлетворительных работ о лок. в балтийских языках, написанных в историческом плане⁵. Исключительное значение балтийских данных состоит

⁴ Ср. В. Delbrück. *Altindische Syntax* (Halle, 1888) и его другие работы; особенно J. S. Speier. *Sanskrit. Syntax*. Leiden, 1886; он же. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg, 1896. E. Willmann-Grabowska. *Le locatif dans le Rigveda*. — PF, t. X, 1928; S. Sen. *The Use of Cases in Vedic Prose*. Poona, 1932. H. Oertel. *The Syntax of Cases in the Narrative and Descriptive Prose of Brahmanas*, t. I (Heidelberg, 1926) и его многочисленные труды в области надежных вариаций (ср. такие же работы М. Блумфильда и Ф. Эджертона); S. Sen. *Syntax of Buddhistic Sanskrit*. — „Journal of the Department of Letters. Univ. of Calcutta“, vol. 17, 1928; S. Sen. *Historical Syntax of Middle Indo-Aryan*. — „Indian Linguistics“, vol. 13, pt. 1—2. Calcutta, 1952—1953 и др. Среди русских работ можно назвать лишь книги братьев Шердлей, богатые примерами, но крайне слабые в методологическом отношении.

⁵ Материалы известной работы Э. Френкеля „*Syntax der litauischen Kasus*“ (Kaunas, 1928) и недавней диссертации А. Laigonaite „*Vietininkų reikšmė ir var-tesena dabartinėje lietuvių kalboje*“ (Vilnius, 1957) оказались недостаточными для

не только в их особой близости к славянским фактам, но и в их архаичности, позволяющей считать эти данные надежным критерием в хронологическом плане.

Что касается сравнений типологического порядка как источника для реконструкции славянских фактов, то следует отметить, что их значение в данном случае пока, видимо, ничтожно и ими можно пренебречь.

Заканчивая обзор источников реконструкции праславянского лок., необходимо отметить, что восстановление того или иного типа локативных конструкций тем надежнее, чем большим числом источников оно подтверждается. В иерархии же источников по степени достоверности на первом месте стоит внутренняя реконструкция славянских фактов.

* * *

Теперь нам предстоит коснуться второго вопроса, от разрешения которого зависит многое в отношении пределов нашей реконструкции и в отношении оценки самих источников реконструкции. Мы имеем в виду вопрос о том, когда возник лок., засвидетельствованный в древнейших текстах языков, занимающих, как правило, восточную часть индоевропейской области.

Еще в начале XX в. такой вопрос показался бы абсурдным. По общему мнению, лок. возник в индоевропейском праязыке и был унаследован языками, развившимися из него: однако некоторые из них (латинский, кельтские, германские) еще в дописьменный период потеряли лок. (главным образом, вследствие его совпадения с другими падежами), сохранив, впрочем, кое-какие следы в виде наречных образований. Такая точка зрения преобладает и сейчас, хотя уже в значительной степени это объясняется инерцией. Данные отдельных языков уже давно колеблют старую концепцию. Но в полном объеме вопрос еще поставлен не был. А сделать это необходимо ввиду новых данных и новых соображений теоретического порядка.

В течение целого века после основополагающих работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков лингвисты находились под гипнозом древнеиндийских фактов. Их приоритет в древности подавляющего количества явлений принимался как нечто доказанное даже теми, кто сумел избавиться от преувеличенности и односторонности шлейхеровских взглядов на значение древнеиндийских фактов. На основании этих данных, а также сходных явлений в языке Авесты, в балтийских, славянском и отчасти армянском языках была установлена восьмипадежная система, якобы существовавшая в индоевропейском праязыке. В ее состав входил лок. в качестве самостоятельного падежа. В 10—20-е годы XX в. были открыты и расшифрованы клинописные памятники хеттского языка, большая часть которых восходит к середине

наших целей. Поэтому большую часть материала пришлось черпать непосредственно из памятников и диалектных текстов.

2-го тысячелетия до н. э.⁶ Преимущество в древности хеттских клинописных текстов (а также и текстов некоторых других индоевропейских языков Малой Азии) по сравнению с памятниками других языков очевидно (некоторое исключение составляют сейчас лишь крито-микенские тексты 2-го тысячелетия до н. э., однако они довольно однообразны по форме и бедны по содержанию). Поэтому исследователь не может игнорировать хеттские факты. А они весьма поучительны.

В хеттском языке клинописных надписей нет лок. как особого падежа⁷. Та падежная форма, которой в восточной части индоевропейских языков соответствует лок., является в хеттском средством выражения дативных и локативных отношений безразлично⁸. О неразграничении этих отношений в хеттском языке свидетельствует, возможно, смешение вопросов „где“ и „куда“, а также не совсем правильное употребление аккадских предлогов *ANA* и *INA* в хеттских текстах. В аккадском языке *ANA* всегда обозначал направление и выражал дативные отношения, *INA* — только местные. Хеттские тексты знают и несколько другое употребление этих аккадских предлогов. Ср. *na-áš-ta EN ZÜR I. NA Ê ši-na-ap-ši-ia an-da pa-a-an-zi*. Папаникри, IV, 27⁹ 'потом жертвователи входят в шинапши — дом'¹⁰; то же, Папаникри, IV, 30; *I-NA URU TIL 'Ku-un-nu-ú na-an-na ob-hu-un*. Муршилиш, 1—2¹¹ 'пришел я в город Тиль-Кунну', ср. также Муршилиш, 30, 38; *na-áš-ta A. NA MU-ŠEN UZU ŠA(G) šá-ra-a da-a-i*. Папаникри, III, 14—15 'потом он вынимает внутренности у (из) птицы'; то же, III, 28; ср. еще IV, 10 и др.¹² Однако в силу ряда обстоятельств не все эти и им подобные примеры вполне убедительны.

Интересно отметить, что этот единый дат.-лок. выражает весьма широкий круг значений¹³ (место, направление, цель, мера, dat. ethicus, сравнение, логический субъект при пассиве, принадлежность¹⁴, вероятно,

⁶ Некоторые из хеттских текстов эпохи 2-го царства (1450—1200 гг. до н. э.) представляют собой копии с надписей или рецензий текстов, восходящих к эпохе 1-го царства (1900—1650 гг. до н. э.). Кстати, отдельные элементы языка в этих остатках эпохи 1-го царства свидетельствуют о большей древности. См. E. Sturtevant, *A Comparative Grammar of the Hittite Language*. Philadelphia, 1933, p. 29.

⁷ То же можно сказать и о других индоевропейских языках Малой Азии, хотя их данные очень скудны.

⁸ Исследователи различно называют этот падеж: Э. Стертевант и А. Хан — дат., Х. Педерсен — лок. (дат.), И. Фридрих и большинство других исследователей — дат.-лок.

⁹ F. Sommer und H. Ehelolf. *Das hethitische Ritual des Papanikri von Kamaña* (KBo. V 1-Bo. 2001). Leipzig, 1924.

¹⁰ Термин точно не определен. См. F. Sommer und H. Ehelolf. Указ. соч., стр. 90: „wohl eine heilige Stätte“.

¹¹ A. Götzе, H. Pedersen. *Muršilis Sprachlähmung. Ein hethitischer Text*. København, 1934.

¹² См. также И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 176, 177. Укажем еще любопытный пример dat. possessivus с *A-NA* в Папаникри, I, 10.

¹³ См. И. Фридрих. Указ. соч., стр. 129, 130.

¹⁴ См. E. Benveniste. *Sur l'emploi des cas en hittite*. — „Archiv Orientalní“, Bd. XVII, Praha, 1949, p. 44—45.

время¹⁵ и т. д.) без всякой дифференциации флексий. Едва ли можно предполагать, что некогда существовали отдельный дат. и отдельный лок. с различными флексиями и лишь потом они слились. Скорее нужно думать о первоначальной неразграниченности дат. и лок. Между прочим, это подтверждается, кажется, наличием в хеттском языке бесфлексивных форм, соответствующих по значению не только лок., но и дат. (ср. *da-ga-an*, *ta-ga-a-an*, *Ē-ir*, *UD-at-ši-i-wa-at* и др.)¹⁶; в древнеиндийском и древнеиранском языках подобные образования имеют лишь локативное значение. Может быть, сюда же следует отнести дат.-лок. на *-u* от *u*-основ (*gi-nu=kenu*. KUB, 14, 15, 2, 6), который мы предпочитаем сравнивать не с др.-инд. лок. *vastō*, авест. *haētō* (из **-eu*), как это делает Э. Стертевант (указ. соч., 172), а с др.-инд. формами лок. ед. ч. ср. р. на *-uni*, дважды засвидетельствованными в Ригведе (*-ni* обычно в ср. р.), и с однотипными случаями в *u*-основах, где наряду с *tanvi*, *camvi* встречаем изредка *tanū*, *camū*¹⁷. То же, может быть, следует сказать о лок. ед. ч. *i*-основ типа *ha-an-te-iz-zi*, который вовсе необязательно сравнивать с греч. дат. *πόλι*; предпочитаем сравнение с др.-инд. лок. ед. ч. *i*-основ ср. р. (и в хеттском указанный тип среднего рода!) типа *vāriṇi* (ср. также ведийский лок. *guri* и нек. др.)¹⁸. Встречающиеся иногда лок. *a*-основ на *a* (вроде хетт. *a-ra*, *a-ru-na*, *a-aš-ka*, *ha-an-ti-ya-ra*, *gi-im-ra* и др.) в принципе можно было бы интерпретировать так же (ср., между прочим, вед. *doṣā*, возможно, восходящее к лок.), но мы здесь придерживаемся традиционного взгляда¹⁹.

Приведем еще один чрезвычайно характерный факт. Дат.-лок. мн. ч. в хеттском языке во всех типах склонения имеет окончание *-aš*²⁰, совпадающее с род. мн. ч., а иногда и с им. мн. ч. имен общего рода²¹.

¹⁵ Дат.-лок. в этом значении в текстах не отмечен и поэтому ускользнул от внимания исследователей. Но это, разумеется, случайность, обусловленная тем, что обозначение времени (числительное), даты, протяженности во времени в хеттских текстах выражено аккадскими средствами. Ср. Папаникри, I, 56, 58; II, 6; Муршилиш, 38. Ср. также наречие *1-etta* 'вместе, заодно', восходящее, видимо, к дат.-лок. См. И. Фридрих. Указ. соч., стр. 81.

¹⁶ См. Н. Pedersen. Hittitisch und die andere indo-europäische Sprachen. København, 1938, § 20; И. Фридрих. Указ. соч., стр. 58; F. Sommer und A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II). München, 1938, S. 96. В хеттском иероглифическом такое положение вообще обычно.

¹⁷ Ср. также в Атхарваведе *tāyū*. 18, 4, 4. См. С. R. Lanman. Noun Inflection in the Veda. 1880, а также RV, 5, 73, 1: *purā purubhujā*. См. F. Specht. Zum Lok. Sg. der *ū*-St. — ZfInd. u. Iran., Bd. V, 1927, S. 247—250 (также: *kūcid*, *kuvid*, *kū-kuva*).

¹⁸ См. L. Renou. Grammaire védique. Lyon, 1953, § 265.

¹⁹ Ввиду таких случаев, как *tunnakišna* при Nom. *tunnakessar* — 'святое место' (?). С этим не согласен Ю. Курилович („Études indo-européennes“, I, Kraków, 1935, str. 145, 147).

²⁰ Объяснение этой флексии см. у Э. Бенвениста, — BSL, t. 34, p. 27, Ю. Ломана, — IF, Bd. 54, S. 281, а также в указ. соч. Э. Стертеванта, X. Педерсена, В. Куврера.

²¹ См. J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches, I. Leipzig, 1926, S. 36, 37.

Здесь важно не столько флективное тождество дат.-лок. с некоторыми другими падежами²², сколько то, что указанное окончание не встречается в дат. или лок. мн. ч. ни в одном из индоевропейских языков. В лувийских текстах пока вообще не обнаружено особой формы для дат.-лок. мн. ч.²³ Флексия *-in* дат.-лок. мн. ч. в хеттском иероглифическом не имеет надежных соответствий в других индоевропейских языках. Все эти факты, а также прозрачное строение локативной флексии во мн. ч. в других языках (**-oisu:oi* — окончание лок. ед. ч., *s* — показатель мн. ч., *u* — локальная частица; так же **-oisi*, **-asu* и т. д.; ср. такой же агглютинативный принцип в строении флексии вин. мн. ч. **-ons: -om* — вин. ед. ч., *s* — показатель мн. ч.) с очевидностью свидетельствуют об относительно позднем оформлении особой флексии у лок. мн. ч. (ср. также наличие диалектных вариантов **-oisu*, **-oisi*, **-oise(n)* и др.).

Приведенные факты, кажется, говорят в пользу нашей точки зрения. Различия между дат. и лок. в хеттском, видимо, так и не выработались, хотя одно время (до 1780—1765 гг. до н. э., по Е. Форреру) в языке можно было заметить некоторую тенденцию к разграничению места и направления (формы с *-i* обозначали место, с *-a* — направление)²⁴. Впрочем, материалы такого рода так малы по количеству и так непоследовательны²⁵, что делать какие-либо определенные выводы едва ли возможно.

В свете хеттских данных по-новому объясняются и факты некоторых других индоевропейских языков, в которых локативные и дативные отношения выражаются одним и тем же падежом (ср. греч., герм., кельтск.). Однако в некоторых из этих языков (особенно в их древнейших памятниках) встречаются примеры, которые могут дать повод для опровержения нашей точки зрения. Поэтому, оставляя в стороне германские²⁶,

²² В ряде случаев оно может быть результатом относительно позднего совпадения. Прежде всего это касается окончания род. мн. ч. (имеем в виду остатки старой флексии в некоторых формулах и среди местоимений).

²³ См. Н. Otten. *Luvische Texte in Umschrift*. Berlin, 1953, а также комментарии к ним; *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen*. Berlin, 1953.

²⁴ См. Е. Sturtevant. Указ. соч., стр. 172; он же. — „Language“, V, p. 139—146; Е. Forrer. Ein siebenter Kasus im Alt-Kanisichen. — „Altorientalischen Studien“, I, 1928.

²⁵ Кстати, уже в древнейшей надписи Аниттаса (BoTu. № 7) эти формы на *-a* выступают и в других функциях (Nom. Gen. в status constructus. Ср. пример из статьи Е. Форрера: *anitta Tur bidhang Lugal (Uru-) kuššara kibima* 'Аниттас, сын Бидхана, царь Кушшара, говорят', 34.

²⁶ Данные указанных языков в этом случае оказываются мало полезными. Древнейшие памятники германских языков знают только дат., выражающий и локативные отношения. Ср., например, Н. Winkler. *Germanische Kasussyntax, I. Der Dativ, Instrumental, örtliche und halbörtliche Verhältnisse*. Berlin, 1896 и др. Что касается флексии дат. ед. ч., то она теоретически может возводиться к и.-е. флексии дат. и к и.-е. флексии лок. (в некоторых случаях возможны и иные объяснения). Во всех основах (кроме *o-* и *ā-*основ) окончание дат. германисты предпочитают обычно выводить из и.-е. лок., что, впрочем, не остается без возражений. Этот вопрос может получить свое разрешение лишь в случае точного установления флексий дат. и лок. в индоевропейском языке или в прагерманском, если в нем эти два падежа были уже

кельтские²⁷, венетские²⁸ данные, коротко остановимся на греческих, италийских и мессапских фактах.

В греческом языке, который во многих отношениях занимает положение, промежуточное между восточными и западными языками, со второго тысячелетия до нашей эры²⁹ вплоть до средних веков³⁰ письменно засвидетельствован дат., выражавший и локативные отношения. В мн. и дв. числах не сохранилось никаких следов различий между дат. и лок., несмотря на то, что диалектные варианты в этой форме представлены довольно широко. В дат. ед. ч. атематического склонения обычным окончанием является *-i*, которое теоретически может быть возведено и к флексии дат. и к флексии лок.³¹ Исследователи чаще отдают предпочтение предположению о локативном происхождении этого *-i*, ввиду того, что в других индоевропейских языках флексия дат. указанных основ восходит к *-ei*, которое, кстати, сохранило свой след и в некоторых греческих примерах (ср. в кипрских Эдалийских таблицах — Δι Φειφιλος³², кипр. Δειθεις³³, коринф. Δει³³, аттич. Δειτρέφης³², по мнению некоторых, даже δόρει у Софокла. Oed. Col., 620)³⁴. Однако в этих случаях мы бы не решились видеть намек на прежние

дифференцированы. Однако независимо от решения этого вопроса германские факты не будут противоречить нашим соображениям.

²⁷ В кельтских языках в ед. ч. совпали в едином падеже (дат.) твор., отлож., (лок.) дат. Исключение составляет галльский язык, знающий собственно дат. (См. Н. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, II. Göttingen, 1911—1913, S. 78). Следовательно, и кельтские данные в этой связи остаются бесполезными, несмотря на формы вроде др.-ирл. *less* < *płtsu, валл. *kreis* < *k'rdsu и т. д.

²⁸ Были ли различия между дат. и лок. в венетском языке, сказать трудно, так как в текстах, кажется, не встречается ситуаций, в которых бы ожидалось употребление лок., если не считать примера из надписи PID, 143 (Падуа): *.e.n.θo..l.lo.u.ki. De.r.mo. n* 'This is the boundary marker within the (sacred?) grove'. См. M. S. Beeler. The Venetic Language. Los-Angeles, 1949. Кроме того, не ясно, являлось ли окончание венетского дат. *-oi* долгим или кратким. Кстати, мы вообще не видим принципиальных оснований категорически возводить это *-oi* к и.-е. *-ōi*, как это делают некоторые исследователи.

²⁹ Имеются ввиду данные крито-микенских надписей линейного типа B, ставшие доступными после дешифровки М. Вентриса и Д. Чадвика. („Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives“. — „Journal of Hellenic Studies“, vol. LXXVIII, 1953, p. 84—103).

³⁰ J. Humbert. La disparition du datif en grec. Paris, 1930.

³¹ Здесь мы не говорим о более древней эпохе, для которой, видимо, приходится реконструировать бесфлексивную форму — чистую основу на *-i*.

³² П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 44.

³³ A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte, erster Teil, zweite Aufl. von E. Kieckers. Heidelberg, 1932, S. 132.

³⁴ В пилосской надписи Tn. 614 во второй строке читаем: *ti-ri-po e-me po-de o-wo-we* ΤΡΙΠΟΔΕ 1. В этой фразе (независимо от ее интерпретации Вентрисом—Чадвиком [См. С. W. Blegen. — „American Journal of Archeology“, vol. LXIII, 1954] и В. Георгиевым [„Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей“, София, 1954]) находим 2 дат. ед. ч. атематических основ, окончание которых восходит к **-ei*: *e-me* (**αιει*) и *po-de* (**ποδει*), ср. **αις, -ιδος* 'горшок' и *ποός, ποδός* 'нога'. Есть и другие примеры такого рода.

различия между дат. и лок. в атематических основах, поскольку указанные формы являются редчайшим исключением, во-первых, и допускают иные объяснения, во-вторых³⁵.

Более сложная картина в дат. ед. ч. о-основ. Здесь наряду с *φ (из *-ōi) встречаем и отдельные формы на -οι, которые нельзя признать результатом сокращения ωι³⁶. Сюда относятся прежде всего такие случаи, как: Ἰοῦδοι, Μεγαροῖ, οἴχοι, πέδοι, ποῖ и т. д., которые обычно признаются остатками древнего лок., а также формы на -οι, появляющиеся в известное время на территории, охватывающей Фессалию, Этолию, Фокиду, отчасти Беотию, западную Локриду, Акарнанию, Элиду и Аркадию (интересно сравнение с областью широкого употребления наречий на -οι/-εἰ)³⁷.

Не являются ли эти факты опровержением точки зрения о невозможности дифференцировать лок. и дат. в древнейшие периоды греческого языка? Видимо, нет. Дело в том, что примеры первого рода следует рассматривать скорее как исконные наречия, чем как адвербиализованные лок. В пользу именно такого взгляда говорит ряд фактов: круг слов, от которых известны образования на -οι, специфически наречный (особенно ποῖ и др., ср. также 'εχεῖ, 'αεῖ, εἰ и др.); почти во всех говорах довольно широко распространены наречия на -οι/εἰ³⁸, наконец, необычный лок. от ā-основ Μεγαροῖ (ожидалось бы *Μεγαραι) и др.³⁹

Что же касается примеров второго рода, то они весьма поздние по происхождению и датируются началом II в. н. э. (terminus post quem)⁴⁰. Их появление было связано с вытеснением дат. на φ и, видимо, обуславливалось экспансией наречных образований на -οι, в итоге ставших парадигматическими. Разумеется, что многое остается скрытым от нас в этом процессе становления лок., и мы не имеем возможности

³⁵ Можно обратить внимание на греч. наречия (часто локальные) на -εἰ (вм. -οι или наряду с ними), засвидетельствованные надписями западной Локриды, Фокиды, Мегары, Коринфа, Тарента и Гераклеи, Лаконии, Родоса и Аркадии. См. F. Bechtel. Die griechischen Dialekte, I, S. 375; II, S. 140—141, 196, 269, 357, 412, 648; A. Thumb. Указ. соч. S. 89, 101, 124, 134, 142, 193, 205. Эти формы нельзя смешивать с критск. типа 'ατελεῖ (из* 'ατελέσ-ι). Отметим также флексию дат. мн. ч. атематических основ -εσσι, [встречающуюся преимущественно в эолийских говорах (в качестве „волизмов“ уже у Гомера), а позднее и в некоторых других.

³⁶ Исключение, видимо, составляют ионийские надписи с Эвбеи и некоторые аттические.

³⁷ F. Bechtel. Указ. соч., I, S. 199, 382—383; II, S. 37—38, 69, 75; A. Thumb. Указ. соч., S. 244, 253, 269, 292; П. Шантрен. Указ. соч., стр. 26.

³⁸ Ср. также вообще широкое употребление наречных форм для выражения тех или иных отношений в греческом языке: -θι (кстати, у Гомера есть σῆχοθι при οἴχοι, οἴχει), -θεν, -φι и др.

³⁹ Ср. также случаи вроде: οὐς τέχην Ἀστυόχη δόμῳ Ἄχτορος Ἀλείδαο. В. 513; здесь, может быть, следует принять конъектуру Б. Дельбрюка — δόμοι. См. „Ablativ, Localis, Instrumentalis im altind., lat., griech. und deutschen“. Berlin, 1867, S. 27.

⁴⁰ Однако в ряде случаев формы на φ еще долгое время продолжают сосуществовать с новыми лок. на -οι. Ср. надпись Стратоса (IV в. н. э.). A. Thumb. Указ. соч., S. 253 и др.

вдаваться в анализ деталей. Однако и сказанного до сих пор, видимо, достаточно, чтобы поставить под сомнение существование лок. как особого падежа в греческом языке догомеровской эпохи.

Приблизительно к таким же выводам можно придти на основании латинских, осских и умбрских данных.

В латинском языке (как и в других италийских) во мн. ч. нет никаких следов лок. В ед. ч. есть некоторые факты, которые могли бы быть истолкованы как остатки лок. Все они относятся ко 2-му склонению существительных⁴¹. Мы имеем в виду следующее. В старолатинских надписях встречаем *Ladinei* (CIL, 1¹, 25b) *Delei* (CIL, 1², 747), отличающиеся как от род. на *-ī* (из **ī*, а не из дифтонга), так и от дат., восходящего к **-ōi* (древнейший пример из надписи на Пренестинской фибуле — *Numasioi*, правда, без обозначения количества). Во-вторых, в ряде случаев слова с основой на *-iō* не знают слияния *-ī* окончания с предшествующим *i* основы (*Brundisī* из *Brundisie-i*), тогда как в других примерах такого же рода происходит слияние⁴². В-третьих, трактовка *domī* и подобных как лок. (а не как род.) связана с употреблением во мн. ч. отлож., а не род. Второй и третий пункты не могут иметь серьезного значения, так как их показания являются косвенными и допускают другие объяснения. В формах типа *Delei*, *Ladinei* мы также не можем видеть остатки лок. Прежде всего удивительно, почему исход слов с *o*-основой имеет *-e*, которого нет более ни в одной падежной форме. Далее, *-ei* находим не только у слов с *o*-основой, но и у согласных основ (ср. плавтовские *Sicyoni*, *Accherunti*, *Carthagini* и т. д. с *i* из **-ei*). В третьих, *-ei* может в равной степени быть окончанием и лок. и дат., но исключительно в атематическом типе склонения. В четвертых, выведение *-ei* из **-oi* в безударном положении, видимо, опровергается наличием местоименных *heic*, *heice* (CIL, 1, 581). Наконец, некоторые слова на *-ei* нельзя считать показательными из-за того, что они осско-умбрского происхождения⁴³. Учитывая греческие случаи типа οἶχοι — οἶχει и семантику латинских слов, выступающих в лок., приходится заключить, что и в данном случае разумнее говорить не о лок., а о наречном образовании, так и не ставшем самостоятельным падежом (может быть, в связи с совпадением — фонетическим — с формами других падежей).

Несколько иное положение в осском и умбрском языках, в которых у слов с основой на *-o* в ед. ч. различаются дат. (*-ui*) и лок. (*-ei*, умбр. *-e*, *-ie* из **-ei*). Вследствие относительно долгого сохранения

⁴¹ Образования типа *Carthaginī* (3-е склонение) имеют особое объяснение. См., например, А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 24 и др. Примеры типа *Romae* (ср. *Romai* в „Corpus Inscriptionum Latinarum“, I², р. 561), *Tusculī* (из **-ei*), *vicinia*, *peregrī* и т. д. не дают возможности отделить дат. от лок. (и даже от род.).

⁴² См. А. Эрну. Указ. соч., стр. 47. Оставляем в стороне совершенно беспочвенные утверждения некоторых ученых, что *-ī* в род. слов 2-го склонения восходит к локативному окончанию *-ei*.

⁴³ Так, например, на монете из *Ager Frentanus* читаем: „LADINEI“. См. И. Ц в е т а е в. Сборник осских надписей. Киев, 1877, стр. 55, 158b.

дифтонгов в оскском языке⁴⁴ формы лок., находящиеся в процессе становления в известных нам памятниках, не смешивались с другими формами. В умбрском в результате монофтонгизации дифтонга *-ei и ряда других процессов⁴⁵ очень рано обнаружилась тенденция к смешению лок. с отлож., подробно проиллюстрированная в ряде работ, посвященных этому языку. В оскском эта тенденция действовала несравненно слабее. Бесспорным является факт наличия особого падежа — лок. — в этих языках, порвавшего в значительной степени с наречными образованиями (ср. в лат. *dōmī*, но: *in domo istae, in domo meae* и т. д., а в оск.: *eizeic zicelkei* — ‘в тот день’, *alttrei pūtereipid akenei* — ‘в каждом другом году’ (?), *pūstreī iūklei* — ‘при следующей церемонии’ (?), в умб.: *tertie sviseve* — ‘в третьем горшке’, *tote louine* ‘в городе Игувии’ и т. д.). Тем не менее наречное происхождение этого лок. вне сомнений, если учесть сказанное выше о соответствующих латинских формах и добавить еще два факта (косвенных отчасти) из самих оскского и умбрского языков (первое: лок. в этих языках известен только в ед. ч. о-основ, а это является известной гарантией его позднего происхождения; единственное исключение, кажется, *ocri* (из **ocrei*) в Игувинских таблицах (i-основа); второе: в оскском встречаются формы с локативным значением типа *hūrtin* = лат. *in horto, veritīn* (= *in cereali*) и т. д., где *-in, -im* восходят к послелогу⁴⁶, выступающему не при лок. или отлож.)⁴⁷.

Мессапские данные слишком скудны, чтобы сделать на их основании сколько-нибудь доказательные выводы. Заметим лишь, что в мессапских надписях формально никак не различаются падежные образования с локативным и с дативным значениями⁴⁸. И те и другие в словах с а-, о-основами имеют окончание *-aihi* (*divinaihi*. PID. 442; *tabaraihe*. PID. 455) или (графика) *-ahi, -ahe* (*borrahe*. PID. 436; *bostahi*. PID. 485 и др.). В свете латинских данных интересно, что точно такое же окончание имеет род. ед. ч.⁴⁹

Таким образом, материалы западных индоевропейских языков не обнаруживают искомого различия между дат. и лок., восходящего к древнейшим эпохам. Попытки дифференциации этих форм обычно относятся к сравнительно поздним временам.

⁴⁴ Ср., впрочем, *pei* и *pe, ni; neip* и *nep* и др.

⁴⁵ Подробнее об этом см. С. D. Buck. A. Grammar of Oscan and Umbrian. Boston, 1904, p. 203—205, 207.

⁴⁶ Впервые эту точку зрения высказал И. Цветаев (указ. соч., стр. 119), опровергнув традиционную точку зрения W. Corssen'a.

⁴⁷ Несколько иначе обстояло бы дело, если бы мы приняли старую точку зрения о переходе *oi > ei* в оскском и в умбрском языках.

⁴⁸ Едва ли можно признать правомерным разделение лок. и дат. в мессапском языке, как это делает, например, О. Хаас. См. O. Haas. Die vier längeren messapischen Inschriften. — „Lingua Poznaniensis“, IV, 1953, S. 64—84.

⁴⁹ Кстати, некоторые считают, что *-aihi* и т. д. первоначально было окончанием именно род. ед. ч. i-основ, впоследствии перенесенным на другие основы. В этом случае *-aihi* = **-ois + *ī*, т. е. оно содержит в себе двойное генитивное окончание. См. также L. H. Gray. The Ogham Genitive Singular in *-AIS*. — „Language“, vol. V, 1929, p. 251—253.

В связи с этими данными получают свое объяснение и некоторые факты из восточных индоевропейских языков, прежде всего из индоиранских. Давно было замечено, что в ведийском и авестийском языках нередки образования с локативным значением, представляющие собой чистую основу. Хр. Бартоломэ насчитал до двух десятков таких лок.⁵⁰ (ср. вед. *ahar, ahan, udan, āsan, çiršan, akšan, asar*, авест. *zamar, išarə, handarə* и др.). Против такой интерпретации указанных форм первым выступил Х. Педерсен (KZ, Bd. 32, S. 268, 269), сомневавшийся в возможности образования двух лок. (на *-r* и на *-n*) от одной основы. Окончательное решение вопроса было дано Э. Бенвенистом, доказавшим, что „исходить из лок. при объяснении этих форм значит перевернуть отношение фактов и принять результат за причину“⁵¹, что формы на *-r, -n* суть остатки *casus indefinitus*, совпадающего с основой среднего рода⁵² и употребляющегося в качестве наречия (ср. хетт. **lammar*, греч. ἦμαρ, ὄναρ, ὄπαρ, ὄβητωρ, лат. *cūr, instar*, готск. *hvar, jainar*, лит. *kur, tur, visur*, арм. *andr, ur*, санскр. *kar-hi, tar-hi* и т. д.; ср. греч. οἶγα, λίπα и т. д. из **n*). Не будем останавливаться на доказательстве Бенвениста: оно хорошо известно. Заметим лишь, что и лок. на *-i* в ряде случаев допускает подобную трактовку⁵³.

В славянских и балтийских языках также есть случаи, подобные вышеприведенным индоиранским, однако они менее очевидные, чем, видимо, и объясняется тот факт, что они оставались малозаметными при рассмотрении вопроса о древности лок. Мы имеем в виду такие формы, как *камене, словесе* и др., состоящие из чистой основы с послелогом, сравниваемым с греч. ἐν, лат. *in*, готск. *in*, прусск. *en* и т. д.⁵⁴ Чистая основа представлена, по существу, и в лок. ед. ч. слов с основой на *-i* и на *-u*. Еще более показательны балтийские факты. В прусском языке лок. вообще нет⁵⁵.

⁵⁰ См. ВВ, Bd. XV, S. 14—43. См. J. Schmidt, — KZ, Bd. 27, S. 287.

⁵¹ См. E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indo-européen, I. Paris, 1935, p. 88.

⁵² Несколько иначе думал Г. Хирт. См. IF, Bd. XVII, S. 425; IF, Bd. XXXII, S. 267; „Indogermanische Grammatik“, III, 1927, S. 48. Ср. также A. Ludwig, Der Infinitiv im Veda. Prag, 1871, S. 9.

⁵³ См. A. Meillet. — BSL, t. XXXII, p. 188; Ф. Шпехт („Der Ursprung der indogermanischen Deklination“. Göttingen, 1947, S. 380) вслед за И. Шмидтом (KZ, Bd. 27, S. 306, 307) думает иначе (*-i*- постпозиция). Объяснение греч. χαράϊ см. в указ. соч. Э. Бенвениста, стр. 97. Греческие инфинитивы на *-εσαι, -μεσαι* объяснены А. Мейе (BSL, t. XXXII, p. 192—193). О соответствующих балтийских фактах, кроме литературы, указанной у Э. Бенвениста (Указ. соч., стр. 130), см. еще F. Sprock. Zur Bildung des Infinitivs im Baltischen. — IF, Bd. LXI, H. 2—3, 1954, S. 249—256.

⁵⁴ А. Мейе („Общеславянский язык“. М., 1951, стр. 341) сравнивает этот послелог (*-e*) с др.-перс. *-ā*.

⁵⁵ Если не считать одного местоименного примера из Энциридиона: *bhe stalleti pērdin en schisman ackewijstin krixtiāniskan astin*, стр. 77, 15, который, кстати, ничего не доказывает, поскольку не имеет соответствий (в формальном отношении) в других языках (укажем, впрочем, лок. ед. ч. пикенского указат. местоим. *esmen*. См. А. v. Blumenstahl. Das Pikenische. — IF, Bd. 47, S. 71). Локативом признает И. Эндзелин („Baltu valodu skaņas un formas“. Rīgā, 1948, стр. 116) и

В литовском языке формы, соответствующие лок. других языков, сохраняются обычно лишь в особых условиях (в наречиях: *namīē, oriē, vakariē; toli, anksti*, при послелогох: *mergaip, dieviop* наряду с *dievor*; может быть, в некоторых старолитовских прилагательных и т. д.; также в \bar{a} -основах). В большинстве же случаев литовской лок. представляет собой основу с послелогом *-en*⁵⁶, а иногда (по говорам) и без него⁵⁷ (ср. *Vilnuo* но: *danguo-je*)⁵⁸.

В латышском языке у слов с основами на *-ā* и на *-o* в лок. ед. ч. в окончании выступает *-ā* (из **-ai*⁵⁹; в *o*-основы *-ā* перенесено из \bar{a} -основ⁶⁰). В других основах окончание лок. ед. ч. имеет аналогичское происхождение, и поэтому оно в данном случае не представляет особого интереса.

Характерны древнеармянские данные. Лок. ед. ч. во всех основах (кроме основ на *-o*) совпадает с род. и дат. В основах же на *-o* лок. ед. ч. совпадает с им.-вин. И лишь в случаях типа *teṭi* 'место' лок. ед. ч. имеет особую форму (*teṭwoj*), отличную и от род.-дат. и от им.-вин. В мн. ч. невозможно отделить лок. от вин. В методологическом отношении весьма интересны данные тохарских языков, расположенных на восточной окраине индоевропейского мира. Ни тохарский А, ни тохарский В не имеют лок., формально сходного с лок. других индоевропейских языков. То, что обычно называют лок. в тохарских языках, представляет собой особую вторичного происхождения форму, выступающую и в ед. и во мн. числах. Она состоит из формы косвенного падежа и послелога *-a/ṃ, /a/ne*. Сам же косвенный восходит к и.-е. вин. Так называемый \bar{a} -падеж, выражающий локативные и инструментальные отношения, связывается с формой на *-sa* в тохарском В. Он явно позднего происхождения (его окончание иногда сопоставляют с лат. предлогом *ad*) и также не имеет ничего общего с лок. других древних языков⁶¹.

прусс. *bītai*, дважды встречающееся в Энциклионе (51, 7; 51, 29). Однако это, бесспорно, наречие и на его основании нельзя сделать вывода о существовании в прусском языке лок. Между прочим, Р. Траутманн видит здесь не локативное, а дативное окончание. См. R. Trautmann. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, S. 312.

⁵⁶ См. И. Эндзелин. Указ. соч., стр. 116; он же. Lettische Grammatik. Riga, 1922, § 227. Иначе J. Zubatý. Baltische Miscellen. — IF, Bd. 6, 1896, S. 269—288; O. Widemann. Handbuch der litauischen Sprache. 1897 (*vilka* < **vilkei + en*); F. Specht. Lit. Mundarten, II, S. 102, 103; T. Torbiörnsson. Einige litauische Kasusformen und der Lautübergang *ai > ie*. — IF, Bd. 49, 1931, S. 121—126 (*namē* < **namie-e*).

⁵⁷ Ср. IF, Bd. 42, S. 295 и особенно F. Specht. Lituania, XI. — KZ, Bd. 63, 1936, S. 68—69, где приведены примеры бесфлексивного лок. от *i*-основ у Мажвидаса и Бреткуна.

⁵⁸ Лишь условно можно считать лок. формы литовского директива (точнее — иллатива) типа *dešinēn, kairēn, pievon* и т. д. и аллатива типа *dievor, vakarop, galop* и т. д.

⁵⁹ См. J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Riga, 1951, стр. 416; он же. Baltu valodu skaņas un formas, стр. 124. Подобные факты хорошо известны и из жемайтских говоров (лок. ед. ч.: *žmuono* вм. аукшт. *žmonoje*).

⁶⁰ См. J. Zubatý. — IF, Bd. VI, S. 281.

⁶¹ Подробнее см. E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Tocharische Gram-

Вся сумма приведенных выше сведений позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, под лок. в разных индоевропейских языках часто понимают различные по форме образования, объединенные лишь приблизительным сходством значений. Во-вторых, во всех индоевропейских языках находим очевидные следы еще не оформившегося лок. (особенно характерно, что это наблюдается в согласных основах и иногда в основах на *-i*, *-u*; в наиболее продуктивных основах на *-ā* и на *-o* такие случаи очень редки). В-третьих, предположение о наречном происхождении лок. подтверждается еще большим числом фактов, чем обратное предположение (в применении к западным индоевропейским языкам). В-четвертых, едва ли можно считать лок. общеиндоевропейским падежом. В-пятых, ряд соображений свидетельствует об исконном тождестве лок. и дат.

Бесспорно, что нельзя не учитывать и другой возможности. История среднеиндийских, среднеиранских и ряда других языков знакома с фактами исчезновения лок.; похожие явления можно отметить в некоторых литовских говорах Клайпедского края; поучительна (хотя и в несколько ином плане) история раннего исчезновения лок. в болгарском языке. Но все эти факты, как и некоторые другие, позднего происхождения; они показывают лишь то, что лок. в этих языках сравнительно неустойчив, факультативен и относительно легко выходит из употребления⁶². Общего вывода такие факты поколебать не могут, хотя в деталях многое еще остается невыясненным.

Совокупность уже разобранных данных и некоторые методологические постулаты, относящиеся к доказательству (принцип большей простоты), заставляют нас признать лок. падежом позднего происхождения, неизвестным индоевропейскому праязыку. Такой вывод находится в соответствии со взглядами некоторых ученых и относительно ряда других падежей.

БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В первой части с возможной подробностью были рассмотрены остатки б/пр. лок. в славянских языках. Нас интересовали условия употребления б/пр. лок., его типы по характеру образования и значения, его распространение и, наконец, время его вытеснения другими конструкциями в отдельных языках.

Подводя итоги, можно сказать, что б/пр. лок. употреблялся, как правило, лишь в текстах древнейшей поры старославянского, древнерусского, древнеболгарского и древнечешского языков. Приводимые обычно примеры б/пр. лок. из других славянских языков (исключая

matik. Göttingen, 1931 (по тох. А.); Н. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der i.-eur. Sprachvergleichung. København, 1941; G. S. Lane. Studies in Kuchean Grammar, I. Declension. — Supplement to JAOS, Nr. 13, 1954, March.

⁶² Ср. отнесение лок. В. Вундтом к падежам „внешней детерминации“ в противоположность имен., вин., род. и дат. (См. Völkerpsychologie, II. Die Sprache. Neue Aufl., 1922).

полунаречные б/пр. лок. времени) неубедительны и поэтому не могут быть использованы при решении реконструктивных задач. Б/пр. лок. обычно употребляется в трех случаях: 1) при обозначении места (от названия населенных пунктов), 2) при обозначении времени (от слов: *день, ночь, лето, зима, век, год* и т. д.), 3) при некоторых глаголах (обычно „сильного“ управления) в местном, направительном и объектном значениях. Кроме того, существуют еще случаи, в той или иной мере связанные с б/пр. лок. и расширяющие до известной степени наши представления о нем (ср. *кромѣ, вѣнѣ, зади, скорѣ, добрѣ, элѣ* и др.). В соответствии с условиями употребления б/пр. лок. намечается и основной круг значений. Сфера распространения б/пр. лок. в древнейших текстах в общем весьма ограничена; почти во всех случаях б/пр. лок. имел уже конкурентов в виде других конструкций, причем почти всегда последние преобладали по употребительности над б/пр. лок. Исключением является б/пр. лок. при некоторых глаголах „сильного“ управления в старославянских памятниках, б/пр. лок. от названий населенных пунктов в древнерусском языке и, может быть, в древнечешском; особое положение характеризовало б/пр. лок. времени, который в силу ряда обстоятельств рано превратился в наречие.

Что касается времени исчезновения б/пр. лок. места, то только для древнерусского языка можно указать дату с достаточной определенностью — середина XIII в. Однако и она является слишком общей, поскольку некоторые соображения заставляют предполагать, что в южнорусской языковой области б/пр. лок. исчез раньше, чем в северной. Древнечешские примеры, извлеченные из латинских грамот и хроник, в качестве рубежа позволяют наметить также середину XIII в., причем, видимо, возможно некоторое снижение этой даты (до первой четверти XIII в.). Для старославянского языка нельзя установить сколько-нибудь определенной хронологии исчезновения б/пр. лок. места прежде всего потому, что нам, в общем, остается неизвестной точная хронология самих памятников, а также из-за неясного в деталях отношения к греческому тексту. Однако все-таки можно предполагать, что в XI в. б/пр. лок. места был уже редким исключением и, вероятно, вскоре исчез. В восточно-болгарских памятниках старославянского языка б/пр. лок., видимо, удерживался несколько дольше.

Следовательно, можно заключить, что в промежуток между XI в. и серединой XIII в. б/пр. лок. места исчез во всех славянских языках, причем на севере славянского мира он удерживался дольше, чем на юге. Во всяком случае, в древнерусском и древнечешском языках б/пр. лок. встречается и тогда, когда в старославянском, древнеболгарском и древнесербском его уже не было. В этой связи особенно показательны сербские факты, свидетельствующие о том, что уже в конце XII в. б/пр. лок. места был вытеснен предложным. Б/пр. лок. при определенных глаголах засвидетельствован, строго говоря, лишь в старославянских, древнеболгарских и древнерусских памятниках, причем в последних весьма трудно отделить церковнославянские конструкции от древнерусских; данные болгарских памятников также не совсем показательны,

поскольку рассматриваемые сейчас конструкции с б/пр. лок. встречаются преимущественно в традиционных религиозных текстах. Ввиду этого трудно говорить и о времени исчезновения б/пр. лок. этого типа. Можно ограничиться лишь самыми общими замечаниями: в древнерусском языке употребление б/пр. лок. при известных глаголах едва ли выходит за пределы XIII в., в старославянском и древнеболгарском он удерживался дольше, чем б/пр. лок. места, став, видимо, принадлежностью определенных стилистических приемов.

По указанным выше соображениям оставляем в стороне рассмотренные хронологии б/пр. лок. времени.

Примечание. Точно так же не касаемся здесь рассмотрения вторичных б/пр. лок. фонетического (первоначально) происхождения, сохраняющихся в различных местах славянского мира, тем более, что, строго говоря, такой лок. не является беспредложным, поскольку отсутствие предлога *у* наблюдается лишь в особых фонетических условиях „нейтрализации“ (в слабой позиции) или в условиях песенного исполнения особого типа. Эти явления фонетико-мелодического свойства морфологизовались, пожалуй, лишь в некоторых чакавских говорах, где они не зависят от фонетических условий начала слова, стоящего в лок. Однако и здесь в основе лежали фонетические процессы, результаты которых, видимо, были переразложены в соответствии с семантическими критериями (имеется в виду б/пр. лок. места при названиях городов).

Те славянские языки, которые сохранили б/пр. лок., наглядно показывают, что его история в письменный период заключается в постепенном сужении сферы его употребления, в сокращении значений, в общей деградации, приведшей к полному исчезновению ряда типов или к замене их другими конструкциями. В более древних памятниках употребление б/пр. лок. возрастает. Поэтому было бы закономерно продолжить линию общего направления в развитии б/пр. лок. еще дальше в дописьменный период и в нем искать новые типы б/пр. лок., в дальнейшем исчезнувшие.

Однако предварительно необходимо решить вопрос: достаточны ли старославянские, древнеболгарские, древнечешские и древнерусские данные, чтобы на их основании сделать заключение о существовании б/пр. лок. в других славянских языках и о том же направлении в его развитии, что и в указанных выше языках?

Думается, что на этот вопрос нужно ответить положительно. Во-первых, в свете хронологическо-географических соображений мы не можем ожидать, что польские, кашубские, полабские, лужицкие, словацкие, сербохорватские и словенские памятники сохраняют б/пр. лок. в качестве продуктивного или хотя бы живого образования. Во-вторых, некоторые данные из этих языков все-таки содержат намеки на существование в прошлом б/пр. лок., ср. временные наречия, восходящие по форме к б/пр. лок. Они в той или иной степени сохранились во всех славянских языках, причем почти всюду они или исчезли в ходе своего развития, или заменились иными конструкциями, или, наконец, сохранились как чисто наречные образования с чрезвычайно узкой сферой употребления. Несмотря на некоторые существенные особенности б/пр. лок. времени по сравнению с другими типами б/пр. лок., он все-таки показывает значительный параллелизм в своей судьбе с последними.

Поэтому история развития б/пр. лок. времени до известной степени отражает общую эволюцию б/пр. лок. в этих языках. Наличие же в них некоторых наречных и предложных типов, связанных с лок., также дает основания для того, чтобы распространить наши выводы о б/пр. лок. и на те языки, которые непосредственно не зафиксировали б/пр. лок. в своих письменных памятниках¹.

Один из основных выводов, касающийся б/пр. лок. в праславянском языке, заключается в том, что б/пр. лок. места от названий населенных пунктов, несомненно, существовал в эту эпоху и в виде архаизма дожил в славянских языках до X—XIII вв. Следовательно, подобные случаи нужно рассматривать как последние остатки, сохранившиеся от эпохи более широкого употребления б/пр. лок. места.

Что же обусловило особую стойкость б/пр. лок. именно этого типа в славянских языках?

Думается, что причиной этого было особое положение слов, обозначающих названия мест. Они представляли собой компактную и несколько изолированную группу, объединенную элементом известной безотносительности, точности указания, не допускающей двусмысленности, близостью к наречным образованиям, которая сделала возможным столь долгое „невыхождение“ в парадигму.

Однако мы не будем заниматься выявлением более тонких нюансов в значении этих образований, так как для этого, с нашей точки зрения, нет достаточных оснований. Дело в том, что выявление каких-либо различий методологически оправдано лишь в одинаковых условиях контекста — принцип, равно применимый к разным областям языкознания. У нас же этих условий нет (случаи типа: *Кыевѣ* — *въ домѣ*, естественно, отпадают), так как довольно частые в древнерусских памятниках пары: *въ Кыевѣ* — *Кыевѣ*, *въ Новѣгородѣ* — *Новѣгородѣ* и др. относятся ко времени окончательного распада б/пр. лок. и интенсивного включения его остатков в парадигму и не показывают никакого различия

¹ Любопытно, что кое-где топонимические названия сохраняют следы б/пр. лок. См. P. Skok. Des lois toponomastiques. — „Quatrième Congrès International de Sciences Onomastiques“. Uppsala, 1952, p. 495—504. О том, что локатив и другие падежные (в том числе предложные) формы легко становятся топонимами, особенно при заимствованиях, см. V. Jagić. Synkretische Formen von Städtenamen. — AfsI Ph, Bd. 12, 1890, S. 315; P. Skok. — ZfsI Ph, Bd. 2, 1935, S. 391—400 и др. Ср. характерный пример из словенского поминальника, опубликованного Бодуэном де Куртене (и Облаком): *ki se kliče v Pekol*. [30 (!) Превращение лок. в топонимическое название известно и из других языков, см. G. Rolfs, II, стр. 25—26; G. Deeters. — MNHMNE XAPIN, Gedenkschrift P. Kretschmer, I, 1956, S. 85—88 u. a. В принципе о том же говорят [некоторые ливские данные (употребление внешних местных падежей почти исключительно от местных названий).] С другой стороны, следы старого беспредложного лок. сохраняются иногда и в первом члене сложных личных имен: *Doma-slaw*, *Domie-slaw*, *Voji-slaw*, *Siedle wit*, *Peci-slaw*, *Puti-slaw* и т. д.; эта особенность разделяется также индоиранскими и греческим языками. См. T. Milewski. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych. — BPTJ, 16, 1957, str. 49. Отчасти такие примеры могли бы сделать более вероятным предположение о лок. в сложных словах типа *polu-noštnъ*, *domu-zakonъnikъ* и т. д. См. С. А. Mastrelli. La traduzione slava dei Vangeli. — AGIt., 27, 1952, p. 158.

между собой даже в деталях: по сути дела, *въ Киевѣ — Киевѣ* — факты двух разных эпох, не противопоставляющиеся друг другу в синхронном плане. Полнейшая преемственность этих конструкций свидетельствует о том, что было бы неправомерно искать различий между ними.

Языки разных групп показывают, что славянские факты (особое положение слов, обозначающих место) не являются исключением. Обходя некоторые ведийские факты такого рода, недостаточно убедительные из-за редкого употребления в лок. названий населенных пунктов в текстах, остановимся на двух случаях поразительного сходства, первый из которых дает, может быть, некоторые основания для предположения о взаимной зависимости их и славянских фактов.

Мы имеем в виду случаи б/пр. употребления названий населенных пунктов в языке ахеменидских древнеперсидских надписей при предложном или послеложном употреблении других слов в лок. Ограничимся лишь несколькими примерами: *drauga dahyuwā vasaiy abava utā pārsaiy utā mādaiy ut[ā an]jiyā(x)uvā dahyušuvā*. Бегист., 1, 34 'лжи в стране было много, как в Персии, так и в Мидии, также и в других странах' (*pārsaiy, mādaiy* — лок. без послелога; *dahyuwā, aniyāxuvā, dahyušuvā* — лок. с послелогом *ā*); *hauw udapatatā (x)uvajaiy*. Бегист., 1, 74 'он восстал в Сузиане', ср. 1, 78, но: *ava ahūyūā dipiyā naiy nipištam*. Бегист., 4, 47 'в этой надписи это же написано' и др. В лок. ед. ч. такое положение для ахеменидских надписей обязательно², что подтверждается и некоторыми новооткрытыми надписями за последнюю четверть века. В Авесте из-за недостатка примеров лок. от слов, обозначающих названия мест, выяснить положение труднее. Заметим лишь, что в лок. нарицательных имен места наряду с беспредложным употреблением (*buyāṭ ahmi nmāne*. Яшт., 13, 52; *yō čišča ahmi nmāne yō aiṅhe vīsi yō ahmi zantvō yō aiṅhe daiṅhvō aēnaṅhā asti mašyō...* Ясна, 9, 28 и т. д.) встречаем уже примеры послеложного лок. (с—*ā*): *nmānyāča vīsyāča zantvača daṅhavača...* Виспрат., 12, 5 и др.

Так же примерно обстоит дело с распределением предложных и беспредложных форм в латинском языке: *Lemni habuit aliam (uxorem)*. Теренций, Phorm., 942; ср. 1012; *filius meus illic apud vos servit captus Alide*. Плавт., Capt., 330 и т. д., но: *in urbe* и др. Правда, есть и противоречащие факты: *belli esse, cordi esse*, но: *in Sicilia, in terra Italia, in Cecropia insula* и др.³ Язык гомеровских поэм такого распределения не знает.

² A. Meillet, E. Benveniste. Grammaire du vieux perse. Paris, 1931, p. 174, 216. R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1950, p. 58—59. Любопытно, что и в согдийском языке лок. четко дифференцируется по своим показателям (только артикль или артикль и флексия), но эта дифференциация определяется видом основы.

³ Исчерпывающий материал по данному вопросу в латинском языке и его интерпретация даны в исследовании И. Хекманна „Über präpositionslose Ortbezeichnung im Altlateinischen“. — IF, Bd. 18, S. 296—376, представляющем собой изложение его диссертации. Наши примеры заимствованы у И. Хекманна. См. также. E. Hermann, Die Konstruktion der Städte- und Landernamen im Lateinischen. — KZ, Bd. 56, 1929. S. 138—139.

Как далеко в глубь праславянского языка идут указанные конструкции с б/пр. лок., сказать трудно, можно лишь, видимо, отметить, что в древности такие б/пр. лок. имели более разнообразное употребление, причем в дальнейшем они были, возможно, переосмыслены и стали восприниматься как дат., а иногда и род., чему способствовали и совпадения в области флексии. Мы имеем в виду некоторые древнерусские, древнечешские и особенно древнесербские факты, которые находятся в известном противоречии с нормами последующих времен, когда они были переоформлены или переосмыслены. В древнейших памятниках указанных языков нередко встречаются конструкции типа *и бысть князь Киевоу, поставленъ бысть Новугородоу, краль Зети, Зети одь бога венъчанаго, может бысть, Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ* при дважды повторяющемся... в *Путивлѣ на забралѣ* и др. В более широком плане сюда же следует отнести употребление *dat. possessivus* и от слов, не обозначающих названия населенных пунктов: ср. *храмъ молитѣ*. Матф., XXI, 13; *дѣлателе неправдѣ*. Лука, XIII, 27 и даже в несколько ином значении: *рабѣ естъ грѣхоу*. Иоанн, VIII, 34 и др.

Примечание. Употребление *dat. притяжательного* в старославянских памятниках, разумеется, нельзя объяснить исключительно влиянием греческого оригинала ввиду многочисленных расхождений с ним, а также ввиду некоторых фактов других славянских языков.

Следует отметить, что в дальнейшей истории этих славянских языков *dat. притяжательный* повсюду исчез, не считая незначительных остатков особого рода⁴. Поэтому несомненно, что уже в древнейших памятниках он являлся архаизмом. Слависты до сих пор не обращали должного внимания на соотношение *род. притяжательного* и *dat. притяжательного* — в связи с данными других индоевропейских языков и в связи со сферой употребления этих падежей в самих славянских языках⁵. А между прочим, нетрудно заметить, что *dat. притяжательный* употребляется реже, чем соответствующий *род.* и — это главное — обычно в тех случаях, когда в конструкции наличествует некоторый оттенок цели, *commodi*, предназначенности, объективности (*dativus obiectivus*) и т. д.; ср. *храмъ молитѣ* (=‘для’), *поставленъ Кыквоу* (=‘киевлянам’, ‘для Киева’, ‘чтобы править Киевом’), *Зети венъчанаго* (=‘предназначенному этому городу’), *рабѣ естъ грѣхоу* (=‘в отношении греха’), *дѣлателе неправдѣ* (ср. *делающий неправду* — *dat. obiectivus*⁶) и др.

⁴ Ср. употребление *dat. притяжательного* от личных местоимений в современном болгарском языке и смешение *dat.* и *род.* в среднеболгарском поддержанное, вероятно, влиянием балканского субстрата. Ср. подобные факты и в других языках балканского языкового союза.

⁵ Ср. отчасти J. Schröpfer. Zur inneren Sprachform der Balkanvölker. — Zf Sl. I, № 4, 1956, S. 139—159; его же. Über Wesen und Herkunft Funktion (в подготовительных материалах к Белградскому съезду славистов, № 3). Недавно объявлено о скором появлении большой работы того же автора о синтаксисе славянского *dat.*

⁶ Наличие *дѣлатели неправдѣ* при *дѣлатели неправды* и возможная разница между ними в оттенках значения приобретают особый вес в связи с др.-инд. и др.-иранск. фактами (ср. др.-инд. *kārtā satyam*, но: *kārtā satyasya*), а также в некоторой мере с гомеровскими. Если еще учесть значительное сходство в строении и природе *poemēn*

Разумеется, что в условиях возрастающего распространения род. притяжательного и вытеснения дат. притяжательного первоначальные границы употребления этих двух падежей оказались смещенными, вследствие чего в ряде случаев появился сдвиг в значениях. Любопытно, что это произошло прежде всего в род. притяжательном, вторгшемся в область дат. притяжательного.

Индоевропейские данные не менее показательны. В древнегреческом языке дат. притяжательный употребляется прежде всего при глаголах *εἶμι* и *ἵγνομαι*, а затем уже и при некоторых других глаголах в значении 'у меня, у него, у них есть' (делается, происходит и т. д.). Интересно, что у Гомера есть немало конструкций, построенных по типу: *у данайцев есть обычай, у троянцев было войско* и т. д., где *у данайцев, у троянцев* стоит в дат. Употребление же род. притяжательного гораздо шире, причем иногда оно вклинивается в сферу дат. В таких же условиях и с тем же значением встречается дат. притяжательный в латинском языке: *an nescis, longas regibus esse manus?* Овид. Героиды, 17, 'иль ты не знаешь, что длинны у царей руки', ср. также *mihī nomen est* и др. То же и в некоторых других языках: ср. готск. *saurga mis ist mikila*. Вульф. Римл., IX, 2, в полном соответствии с греч. *λόπη μοι ἐστὶν μεγάλη*, лтш. *man ir gramata* 'у меня есть книга', *jums bija draugs* 'у вас был друг' и т. д. В хеттском языке дат. притяжательный выступает обычно при глаголе *eš* — 'быть'^{6а}: *ANA SES — JA NU. GÁL kuitki* 'у моего брата нет ничего'. Род., встречающийся также при *eš-*, имеет другое, чем дат., значение (dat. de possession, no *gen. d'appartenance*)⁷.

Приведенные примеры позволяют сделать два вывода: 1) в древности существовало противопоставление дат. притяжательного и род. притяжательного, причем в более древние эпохи оно было выражено четче, 2) дат. притяжательный в индоевропейских языках употреблялся прежде всего при глаголе *быть* и имел локально-личное значение⁸.

Значение славянского дат. притяжательного также концентрируется в семантических пределах древнего дат.-лок.

Но особенно показательны, пожалуй, индоиранские факты. В древнеиндийском и древнеиранском языках нет дат. притяжательного ни изолированно, ни в чередовании с род. притяжательным⁹. Зато всем *pe-agentis* на *-ter/-tel* в указанных языках, то становится понятной необходимость связи между славянскими и индоиранскими явлениями этого типа.

^{6а} Иное дело — дат. меры. См. И. Фридрих. Указ. соч., стр. 129. Ср., однако, Tunnavi, XXXI, 39—40; Paraniakri, III, 14, 28 и др.

⁷ Ср. E. Benveniste. Sur l'emploi des cas en hittite. — „Archiv Orientalni“, t. XVII, 1949, p. 44—45.

⁸ Отсюда началось развитие dat. sympatheticus. См. W. Havers. Untersuchungen zur Kasussyntax der idg. Sprachen. Strassburg, 1911.

⁹ Отмеченные Ф. Эджертоном („Vedic Variants“, III, 61—62) и Г. Эртелем („Gen.-Abl. des Femin. auf -ās in dativ. Funktion“. — KZ, Bd. 63, 1936, S. 206) случаи чередования дат. с род. не относятся к сфере „притяжательности“ (так же обстоит дело с известными из авестийских текстов примерами смешения этих падежей). См. Н. Reichelt. Указ. соч., стр. 255—256: дативный род. в младших частях Авесты; более спорны случаи, указанные Г. Хюбшманном („Zur Kasuslehre“. Mün-

речисленным конструкциям с дат. притяжательным в этих языках соответствует лок. Приведем несколько примеров: *iva yo didhiṣṭyuo bhād deva ... jane*. RV, 195, 1 'стал желанным, как бог у человека (человеку)', *yasmin sapta raṣṭmayas ... netari ... viṣvaṃ tad invati*. RV, 196, 2 'у которого вождя семь. поводьев ... тот все это подчиняет своей силе'; *santi karveṣu vaḥ duvaḥ*. RV, 37, 14 'у потомков Канвы есть для вас дары' и т. д.¹⁰; образцы такого типа хорошо известны и из Авесты. Число таких примеров при желании можно бы было многократно увеличить, но и уже приведенных достаточно для того, чтобы доказать исключительное сходство между индоиранским лок. этого рода и дат. притяжательным других языков. Если же к этому добавить, что в древнеиндийском и древнеиранском лок. еще выражал цель (*nimitta-sarpatāṃ* индийских грамматиков), отношение¹¹, объектные отношения и т. д., то станут очевидными и связи со славянским дат. притяжательным указанного типа. Аналогия между индоиранским *locativus absolutus*, славянским дат. самостоятельным и греческим род. самостоятельным и чередование лок. и род. в индо-иранском является лишним свидетельством в пользу того, что анализируемые сейчас славянские факты находятся в теснейшей связи с индоиранскими и что источником славянского дат. в исследуемых конструкциях мог быть, видимо, тот падеж, который пока лучше всего называть б/пр. лок. -дат.

Однако, если мы хотим, чтобы заключения были более доказательны, нам придется в пределах всей сферы употребления дат. притяжательного ограничиться лишь одной категорией случаев, а именно: князь *Киеву*, князь *Зете*, где мы с большей вероятностью можем подозревать старый лок.-дат. ввиду исключительных по сходству древнеперсидских конструкций: *xšāyađiya pārsaiy*. Бехист., 1, 2. 'царь Персии' (лок.) (при: *xšāyađiya dahyānām* 'царь стран' (род. мн.)¹², повторяющихся регулярно, но только при географических названиях).

К сожалению, мы лишены возможности сколько-нибудь определенно (ср. 1875, S. 220) и Г. Райхельтом (стр. 244). Другое дело, что эти примеры смешения были первыми провозвестниками будущего безразличия в употреблении дат. и род. в среднеиндийских и среднеиранских языках, приведшего к полному совпадению этих двух падежей уже в пали (кроме некоторых случаев в основах на *-a/ < и.-е. -o/ : devassa — devāya*) и во всех пракритах, а также во всех среднеиранских языках, в том числе и в наиболее архаичных восточно-иранских. Ср. соответствующие разделы в исследованиях: E. Benveniste. *Essai de grammaire sogdienne*. Paris, 1929; St. Konow. *Khotansakische Grammatik*. Leipzig, 1941; P. Tedesco. *Ostiranische Nominalflexion*. — „Zf. Ind. u. Iran.“, Bd. IV, S. 94—166; А. А. Фрейман. *Хорезмийский язык*. М.—Л., 1951 и др. Тем более это относится к теперешним восточноиранским языкам, которые повсюду выработали вместо прежнего род.-дат. общий косвенный. Иное дело современный осетинский язык, различающий дат. от род. Однако, построенные по агглютинативному принципу, эти падежи являются вторичными и не имеют прямой связи с древними род. и дат.

¹⁰ Примеры такого рода есть и в более поздних памятниках, в частности, в пракритах. См. S. Sen. Указ. соч., p. 57.

¹¹ См. J. S. Speyer. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg, 1896, S. 21, 22.

¹² Но в надписи на гробнице Дария встречаем: *xšāyađiya ahyāyā būmiyā*. Нахш-и-Рустам II 'царь этой земли'. Иное дело — в Хамаданской надписи *xšāyađiya pārsā* 'царь персидский'.

установить хронологические границы реконструируемого нами праславянского сочетания, типологически близкого к индоиранским¹³.

Можно думать и еще об одной группе б/пр. лок. в праславянском языке, исчезнувшей в дальнейшем. Мы имеем в виду б/пр. лок. от слов, выражающих пространственные понятия и имеющих (часто) относительное значение, точнее определяющееся лишь в конкретной ситуации: *край, крома, сторона, бок, перед, зад, верх, низ, дол, середина, место, межа, близь, даль*, может быть, более конкретные: *дом, двор, поле, лес, гора* и т. д., что, однако, едва ли доказуемо на славянском материале.

Что касается слов первой группы, то в разных славянских языках, особенно в их древнейший период, встречаются наречные формы на -ѣ, приведенные в первой части нашего исследования. По своему образованию эти слова славянского происхождения, хотя, разумеется, они и этимологизируются с индоевропейской точки зрения. Поэтому, являясь в эпоху первых письменных памятников глубокими архаизмами, стоящими вне парадигмы, с праславянской точки зрения они представляют собой вполне обычные образования, возникшие, видимо, после того, как выделился праславянский язык в качестве самостоятельного диалекта. Времени превращения этих форм в наречия и предлоги мы определить не можем, поскольку в основном это произошло в дописьменный период. Слова второй группы имели другую судьбу: б/пр. лок. от них исчез еще до появления памятников, заменившись лок. с предлогом *у*. Наше предположение о б/пр. употреблении этих слов в праславянском языке, помимо общих соображений, покоится на некоторых разрозненных славянских фактах (особая способность к образованию наречий: *дома, домой, домовъ* и — в первую очередь — *горѣ*, может быть, *вънѣ* при *вънѣ, извъноу, вонках*, если в нем видеть лок. ед. ч. от слова, родственного с др.-инд. *vana* 'лес', как это принимает И. Зубатый)¹⁴ и индоевропейских аналогиях: *oïhoi/oïketi*, *domi* и т. д., прежде всего литовских. Дело в том, что этимологические и морфологические основания для сравнения славянского лок. о-основ (-ѣ из *-oi) с литовским имеются лишь у нескольких литовских слов, которые как раз принадлежат к той же сфере, что и рассматриваемые славянские слова. Мы имеем в виду литовские *namie, orie, arti* есть и *artiē, toli* (из *-ei или *-oi)¹⁵. Лишь эти слова имели в литовском беспредложные формы.

¹³ Подробнее об этом см. В. Н. Топоров. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. — КСИС, вып. 28, 1960.

¹⁴ См. J. Zubatý. Slov. *вънѣ, вънѣ*. — „Zbornik u slavu V. Jagicá“. Wien, 1908, str. 396—400. Иначе Ф. Миклошич (др.-инд. *vinā* 'без', пр. *winna*); ср. P. Persson. — IF, Bd. 2, S. 213; J. Schmidt (KZ, Bd. 27, S. 288 u. a.). A. F. Pott. Etymologische Forschungen, 1², S. 718. Ср. также А. Мейс. Études, I, p. 154, (**ud-no*). Ср. также греч. *ἄνευ*.

¹⁵ По этому поводу существуют разные точки зрения, которые довольно полно изложены в докладе В. Поржезинского на 1-м съезде Польского языковедческого товарищества и в работе Е. Нименена „Der urindogerm. Ausgang -āi des Nom.-Akk. Plur. des Neutrums im Baltischen“. Helsinki, 1922. Относительно литовских форм типа *namie* см. еще А. Bezzenberger. — BB, Bd. 27, S. 158 и F. Specht. Litauische Mundarten, Bd. II. Leipzig, 1922, S. 93—94. Из последних работ, посвященных источникам вост.-балт. *ie*, см. Ch. S. Stang. Die Flexion des Verbs *iet*

Остальные слова, принадлежащие к основам на *-o*, употреблялись с послелогом *-e(n)* (ср. *laukè < *lauk-e(n)*) и поэтому, строго говоря, не могут быть непосредственно сопоставлены со славянским лок.

В связи с некоторыми из приведенных выше наречий встает вопрос о наличии в праславянском языке б/пр. лок. в значении направления. Данные современных славянских языков в этом вопросе ничтожны и ими можно пренебречь. Факты эпохи древнейших памятников делают возможными некоторые выводы, поскольку в них содержатся отдельные намеки на более древнее состояние.

В ранних текстах разных славянских языков (а иногда и в современном языке, особенно в говорах) отмечены наречия (*долу, горѣ, врѣху, низу, кромѣ* и др.), употребляющиеся как в значении места, так и в значении направления' (при глаголах движения). Характерно, что в дальнейшей истории славянских языков наблюдается тенденция к разграничению этих двух значений, в большей части уже осуществившаяся. В других случаях слово, первоначально выражавшее значения места и направления, переходило в другой класс слов, теряло эти значения, сохранив или развив какое-то третье (ср. *кромѣ*). Поэтому общее направление в развитии этих примеров понятно, и мы не ошибемся, если предположим, что в праславянском языке сочетание в одной форме значений места и направления было еще более частым, а в его древнейшие эпохи — вообще обычным. Славянские языки доставляют нам еще целый ряд доказательств по этому вопросу.

Начнем с древнейших по времени. В ранних текстах некоторых славянских языков отмечены местоименные наречия или просто наречия, окончания которых безразлично выражают значения места и направления: *къдѣ, коудѣ, съдѣ, тоудѣ, сюдѣ, индѣ, ондѣ* и, как можно предполагать, *срѣдѣ, задѣ, передѣ*, хотя последние примеры менее убедительны; впрочем, показателен уже факт их употребления в связи с глаголами пребывания на месте и с глаголами движения: *быть задѣ, передѣ — итти задѣ, передѣ* и т. д. Подобное неразличение значений места и направления в словах этого рода встречается до сих пор в ряде говоров отдельных языков. Оставляя в стороне некоторые лужицкие, кашубские (словинские), западно-словенские факты, которые могут быть вторичными, возникшими в связи с немецким влиянием, сошлемся лишь на общеизвестные случаи в польском языке.

Однако есть некоторые аргументы в пользу неразличения рассматриваемых значений в праславянском языке, извлеченные из более поздних эпох, чем примеры только что разобранный типа.

Прежде всего это относится к древнерусским примерам б/пр. лок. направления. Случаев такого типа очень немного, но, будучи взяты в связи с очевидными предыдущими и не менее очевидными последующими фактами, они находят себе место в общей картине б/пр. лок.

im Lettischen und das Problem vom Ursprung des Diphtongs *ie*. NTS, 8, 1947, S. 257—262; он же. Ein Beitrag zum Problem vom Diphtong *ie* im Litauischen. — „Die Welt der Slaven“, Bd. I, 1956, S. 137—139; J. Kuryłowicz. Lotewska — litewska monoftongizacja *ai, ei > ie*. — BPTJ, zesz. XV, 1956, str. 113—126.

в значении места и направления и принципиально, по-видимому, не могут вызвать сомнений. Кроме того, в правильности нашего предположения о б/пр. лок. направления убеждают некоторые косвенные факты. В древнерусском языке встречаются изредка случаи употребления лок. с предлогами *в* и *на* в значении направления: *сего внесше утръ в пещерѣ*. К.-Печ. Пат.; *приведоша его в монастыри*. Син., 100; *воротишася на Новемь Тѣргу*. Син., 27; *приведуть... на Тѣери*. ГНП, 1446—47 гг. и т. д. А поскольку именно эти предложные лок. явились прямыми продолжателями древнейших беспредложных конструкций со значением места, времени и т. д., то в указанных предложных лок. направления с известной вероятностью можно видеть следы б/пр. лок. с тем же значением, что, впрочем, не дает основания отрицать возможность существования лок. с предлогами *в* и *на* в значении направления уже в праславянском языке.

Сюда же следует отнести и примеры несколько иного плана, а именно, употребление лок. с предлогами *в* и *на* при глаголах (по)ставить, (по)ложить, класти, садити, пасти [падати], възлести, съвати [въсъвати], поклонити са и т. д., весьма распространенное в древних памятниках разных славянских языков, причем в старославянских текстах такое употребление почти монополюсно. В дальнейшем славянские языки заменяли обычно эту конструкцию вин. падежом с теми же предлогами. Некоторым исключением является польский язык, до сих пор изобилующий в подобных ситуациях локативными конструкциями¹⁶. Употребление лок. при указанных глаголах является несомненным архаизмом в древнеславянских памятниках, что, между прочим, подтверждается огромным материалом из области других индоевропейских языков, из которого мы приведем лишь несколько примеров: *ateidamiĵ angelai giedaia liksma giesme ant masza bernelia, edza su pagulditq.* Мажвидас. Катех., 161¹⁷ 'уходя, ангелы пели радостную песню о маленьком младенце, положенном в яслях', *pona dangaus pagulde nauyeme akmens grabe.* Мажвидас. *Gesmes Chriksczoniskas*, 444¹⁸; *ir padeia ghy prakarte.* Виллент. Энхир., 50, 3 (Лука, II, 7; теперь: *pagulde jĵ prakartq*)¹⁹; литовские примеры такого рода известны и из говоров (прежде всего у аукштайтских *rytiečiai*. См. у Шпехта и Френкеля)²⁰; еще больше примеров такого рода можно бы было привести из латышского языка, где эта конструкция вполне сохраняется и теперь: ср. *sēdināt zirga*

¹⁶ Однако и здесь увеличивается число конструкций с вин. при указанных глаголах (прежде всего в контексте с переносным значением. Ср. *klášė na karb, klášė na rachunek, przekładać na muzykę* и т. д.).

¹⁷ См. „Pirmoji lietuviška knyga“. Vilnius, 1947. В соответствующем издании Ю. Геруллеса, стр. 74, предлог *su* вставлен ошибочно.

¹⁸ J. Gerullis. *Mažvydas. Seniausieji lietuvių kalbos paminklai iki 1570 m.* Kaunas, 1923.

¹⁹ См. еще E. Fraenkel. *Syntax*, S. 216—218.

²⁰ С этими случаями нельзя смешивать примеры из тех говоров, где во мн. ч. совпадают лок. и директ. (-*na*). Более обычными для современного языка являются, однако, директ., *j* с вин., *ant* с род. при указанных глаголах. Отметим один любопытный случай из говора Скопшской парафии: *atsiguļa prie grobui* (вм. *prie grobo*). *Sprecht. Lit. Mund.*, 18 'улерся при гробе' и т. д.

tugurā 'посадить на спине лошади', *likt cietumā* 'посадить в тюрьму', даже: *iešaut maīzi krasnī* 'поставить хлеб в печь' и т. д.; в прусском языке, естественно, нельзя ожидать таких конструкций; др.-инд. *sa garbham eṣu bhuvaneṣu didharat*. RV, 236, 10 'он вложил плод в эти существа' (в лок.); *ā...dadhe...divi kṣayam*. RV, 236, 13 'поместил жилище на небе'; *nābhā ny asādi hota*. RV, 238, 4 'жрец опустился на пуп (земли)'; *mahānt dhruva ā niṣatto*. RV, 240, 4 'великий усажен на крепком месте'; *budhne...nyerire*. RV, 193, 3 'посадили...на земле', ср. 193, 4; 194, 1; 200, 1; ср. также лок. при глаголе *бросать*²¹, а также постоянно при *быть впряженным, впрягаться* (ср. RV, 6, 2; 39, 6; 64, 7; 240, 6 и т. д.)²², *брать в руки* и т. д.²³; авест. *zastāišta yā nā xadre dāyāt*. Ясна, 50, 5 'знак рукой, который нас переносит в рай' (в лок.); *kaḍa ašāi drujam zastayō dyam*. Ясна, 44, 14 'пусть я доставлю Арте Друджу в руки'; *yehya ntmānē...pāḍā nidadāiti*. Яшт., III. В. 6 'в чьем доме ноги... ставит'²⁴; наряду с этим вин. и даже род. (I)²⁵; греч. *ὁ δ' ἐν χονίῃδι χαμαὶ πέδεν*. Δ 482, ρ 490, ср. N 618, γλώσσας ἐν πυρὶ βάλλον. γ 341, ср. γ 446, ξ 422 и т. д.; ср. у Вергилия: *pec prius absistit quam septem ingentia victor corpora fundat humi*. Aen. I, 192—193 и др.; показательны хеттские примеры: *na-at-ša-an wa-ar-pu-i da-a-i*. Tunnawī, VI, 28 'и кладет его на речной берег'; *nu-uš-ša-an TI-IA-DU pid-da-ni da-a-i*. Там же, XIV, 13 'и она кладет TI-IA-DU на поднос'; *dam-mi-li pi-di da-a-i*. Parānikri, I, 13 'в другом месте ставит'; число хеттских примеров можно бы было значительно увеличить, особенно если взять случаи с послелогом или с приставочными глаголами (ср. *pid-da-ni-i kat-ta ḥa-an-da-iz-zi*. Tunnawī, IX, 51 на поднос (вниз) ставит'; то же, XIX, 40; XXI, 51; XXX, 57; *dam-mi-li pi-e-di pi-e-da-an-zi*. Там же, XXVII, 17 'приносят на другое место'; *ma-a-an e-es-ri-es-si a-ar-pa ka-ru-u-i-li at-ta-as* SIG₅-*at-ta*. КВо., III, 7 'когда отец свое существо в прежнее [состояние] привел' и т. д.). Ср. также: *nušmaškan peruni parhanzi*. КВо., XIII, 3; II, 13 'они погонят вас на скалу'²⁶.

²¹ В. Delbrück. Altindische Syntax, S. 121; A. Holzmänn. Grammatisches aus dem Mahābhārata, § 304.

²² Ср., однако, RV, 235, 1: *yūñje adrim* 'я впрягаюсь в камень Сомы' (=пресс).

²³ Уже в Ригведе, впрочем, встречаются подобные конструкции и с вин., особенно при глаголах со значением 'садить'. Ср. RV, 38, 10; 238, 4; 238, 8; 238, 11; 247, 1; 194, 1; 194, 8 и т. д. Показательно, что в эпосе и в классическом санскрите число подобных примеров все возрастает; в пракритах лок. при этих глаголах, видимо, целиком отсутствует. Во всяком случае, он не встретился нам и не отмечен в исследованиях по пракритскому синтаксису. Следовательно, как и в большинстве славянских и в литовском языках, в древнеиндийском наблюдается та же тенденция к вытеснению лок. при указанных глаголах.

²⁴ Ср. J. Hertel. Yašt, 14, 16, 17. Text, Übersetzung und Erläuterung. Töttingen, 1931.

²⁵ См. F. Spiegel. Vergleichende Grammatik der alteränischen Sprachen. Leipzig, 1882, S. 448.

²⁶ Впрочем, в подобных случаях встречается и вин.: *pu-ru-ut da-a-i*. Tunnawī; VII, 34 'и ставит (его) на грязь', ср. X, 54 и др.

Указанные примеры²⁷ и, главное, общее направление в развитии подобных конструкций подтверждают наше предположение о преобладании в праславянском языке лок. при указанных глаголах.

Однако мы лишены возможности определить время замены б/пр. лок. такого рода предложным. Можно лишь указать, что именно предлогные формы способствовали особенно долгому сохранению лок.

Это замечание в полной мере относится, видимо, еще к одной группе случаев, в которой б/пр. лок. имеет значение направления: б/пр. лок. при глаголах типа *прикоснуться*, *привязать*, *приложить(ся)*, *причастить(ся)*, *присязать*, *присидеть*, *прилепить(ся)*, *нападать*, *опереть(ся)*, *обесить(ся)*, *уткнуть(ся)*, *зазреть* и т. д., очень распространенный в старославянских текстах (на этом основании Миклошич считал его „паннонизмом“), а также в древнерусском и — гораздо реже — в некоторых других славянских языках эпохи древнейших памятников. Нужно думать, что конструкции такого типа были свойственны всем славянским языкам, причем уже в XI—XII вв. они стали постепенно уступать место другим конструкциям. Правда, нужно считаться с возможностью некоторого расширения круга глаголов, употреблявшихся с б/пр. лок. в памятниках церковнославянской письменности XI—XIII вв., что было связано не только с забвением старых принципов употребления, но и, видимо, с восприятием таких случаев как определенных стилистических архаизмов.

В первой части книги мы высказали мысль, что в примерах типа *прикоснѣтисѧ къмь* нужно видеть старый б/пр. лок., а не относительно недавний, возникший в результате переразложения конструкции с предлогом — *коснѣтисѧ при къмь*. Там же были приведены славянские данные в пользу такого решения вопроса. Вполне удовлетворительных аналогий из других индоевропейских языков нет, поскольку или нет глаголов одинакового корня со славянскими, при которых выступает б/пр. лок., или они употребляются с другими падежами. Ср. лит. *prilipti ką* или *prilipti prie ko*, лтш. *pielipt pie kā* (др.-инд. *lip-*, *limp-*, греч. *ἀλείφω*, лат. *lippio*, гот. *bileiban* 'bleiben' и т. д. имеют другое значение). Ср. также *ἄπτειν* с род., лат. *tangere* с вин. и т. д. Обоснованную аналогию типологического плана можно привести из древнеиндийских текстов: *nī spr̥ṣa... tanvī ṣrutasya*. RV, 705, 11 'коснись тела (лок.) знаменитого', ср. RV, 490, 12; *hṛdi... paspar̥ṣad*. RV, 337, 1 'пусть бы коснулся сердца'; *yājñam deveṣu piṣpr̥ṣaḥ*. RV, 456, 18 'пусть жертва достигнет богов' и др.; *ṣṛṅge navah... pratīspr̥ṣa*. Шатапатхабрахм., I, 8, 1, ср. там же: *vṛkṣe nāvam pratibadhniṣva; villajjāmānā vastrānte jagrāha*. Махабх. Наль., V, 27 'скромная взялась за край одежды', но и с вин.: *spṛṣyam... pādau etau*. Там же, XXIV, 31 'пусть я коснусь этих двух ног' и др.²⁸

²⁷ Ср. еще K. Gädicke. Der Akkusativ im Veda, 1880, S. 128—129. В. Delbrück. Grundr., III², S. 221—222; Altind. Synt., S. 121 и др.

²⁸ Другие примеры лок. при подобных глаголах и их дублеты в брахманической прозе исчерпывающе приведены в работах Г. Эртеля.

Сходство с указанными раньше славянскими фактами заставляет, кажется, согласиться с предположением о существовании б/пр. лок. в этой конструкции в праславянском языке.

Рассмотренные до сих пор случаи б/пр. лок. направления в славянских языках пока находили регулярное соответствие в индоевропейских языках, и, учитывая общее направление в развитии этих конструкций, можно было с уверенностью проецировать подобные случаи в праславянскую эпоху. Несколько особое положение встречаем в конструкциях с глаголами движения, выражающими его наиболее четко: *ехать, идти, приходиться, приближаться, нести, везти* и т. д. В славянских языках вполне надежных примеров б/пр. лок. при этих глаголах нет (не считая наречных образований). В других индоевропейских языках их довольно много. Ср. др.-инд. *uruṣyad agniḥ pitror upasthe*. RV, 239, 8 'ушел Агни в утробу родителей'; *chrayasva vana-spate varṣman pṛthivyā*. RV, 242, 3 'распространись, о господин, на вершину земли'; *ā deveṣu yatata*. RV, 250, 4 'к богам стремится'; *sa gomati vraje*. RV, 548, 10 'идет к барьеру'; 666, 9; 1020, 5 то же; *gachatho vivare*. RV, 112, 18 'идите вы в расселину (горы)', ср. 937, 10; *eṣi sānavi*. RV, 762, 2 'ты идешь на вершину'; *rājani... eti*. RV, 346, 8 'к царю... он идет' и т. д.; в брахманической прозе таких примеров гораздо меньше, в эпическом и классическом санскритах они вообще очень редки, а в среднеиндийских языках отсутствуют полностью²⁹. К сожалению, подобные случаи не выделяются обычно из среды описанных до сих пор; тем более обходят авторы вопросы, связанные с направлением развития этих конструкций. Авестийские примеры менее убедительны, поскольку в них лок. направления находится лишь в связи с приставочными глаголами (ср. *yō xšaθriśva avāiti*. Яшт., 14, 12 'wenn es (das Kamel) auf die Weibchen losgeht', ср. Яшт., 17, 14; Видевд., 18, 32; Ясна, 31, 18 и т. д.; особенно любопытен пример приименного лок.: *ā paīdī dātānē*. Ясна, 50, 4 'на пути к дому'). Хеттские примеры дат.-лок. направления хорошо известны; они наиболее архаичны среди всех примеров других индоевропейских языков, так как вин. при глаголах движения в хеттском чрезвычайно редок³⁰. Характерны примеры из балтийских языков. В литовских говорах встречаем изредка: *dabar tas vyrs parei' nime*. Клайп. Bezz., Lit. Forsch. Gött. 1882, 41, 'теперь этот муж приехал домой' (здесь *nime* из **nam-ei*; ср. обычное для этих говоров *e* в соотв. литерат. *ie*); *parvar' nime*. Там же, 41 (2 раза); *sugriñža nimeī*. Андреевск. гов. Явнис. Россиенск. гов. Описание Росс. уезда. Ковна 1893, 25 'вернулся домой'; *parjoje nomei*. Specht. Ž. T., 336; *parwykes nomei*. Там же, 340; *parweže nomei*. Там же, 340; *parein' numi*. Паграм. Ионикас, 89³¹ может быть, в клай-

²⁹ Интересно сравнение близких конструкций: в Ригведе встречаем еще *śaraṇe divo jyotir ayaṅsta sūryaḥ*. 645, 19 'Сурья устремляет свет под защиту (лок.) неба'; в избыливающей такими примерами палийской „Saraṇagāmaṇa“ — только вин. *buddhaṃ saraṇaṃ gacchāmi*.

³⁰ См. И. Фридрих. Краткая грамматика, стр. 129.

³¹ P. Jonikas. Pagramančio tarmė. Kaunas, 1939.

педских говорах (см. J. Balys, 85, 86, 87, 87, 88 и др.). Раньше такие примеры встречались и в письменных текстах: *eija wel namie*. Бретк. Тов., 1, 25; *pareik namie*. Бретк. Mat., 9, 6, *pareija Saulas namie*. Бретк., I. Sam., 24, 23; *sugrinsza namie*. Бретк. Пост., 2, 260 и т. д.³²

Примечание. Наряду с этой формой в значении направления выступают и другие: *numen*. Balys. Клайп., 78, 79, 79, 79, 83, 83 и т. д., *потуп*. Шпехт, 301; *потип*. Шпехт, 336; *numien*. Паграм. Ионикас., 76; *namien*. Прусс. Герулис-Станг, 57³³; *namol*. Шпехт, 125 (3 раза), 126, 178, 178 и т. д.; *namol*. Клайп. Balys, 26; *i nam* (*jlin namus*). Шпехт, 118, 121 (3 раза) 183 (3 раза) 188, 252 и т. д.; *namus*. Э. Вольтер. Лит. Хрестом., II, 1904, 382 (тверещк. говор), наконец, обычное *namo/nama*. Ср. также *arti/artie/artei/artyn; toli/tolyn* и др.

Латышские примеры лок. при глаголах движения чрезвычайно многочисленны, так как именно лок. обозначает в латышском языке направление³⁴. Однако не все они убедительны из-за совпадения в лок. прежнего лок. и директива (иллатива), отмеченного в ряде примеров в старых памятниках (формы на *-n*)³⁵. Достовернее примеры из западной Курляндии и из некоторых других мест, где еще отчасти сохраняется старый лок. на *-ai*, зафиксированный в грамматике Адольфи 1685 г.³⁶ Но среди этих примеров лок. направления как раз отсутствует.

Ввиду всех этих фактов, показывающих общий, в основном, тип развития лок. при глаголах движения (исключая латышские факты вторичного происхождения), с одной стороны, и ввиду сходных славянских явлений в употреблении лок. при глаголах несколько иного типа (*поставить, положить, падать, прикоснуться, прилежать* и др.), с другой, — представляется целесообразным и в праславянском языке предполагать конструкции типа *идти + б/пр.* лок. места.

Учитывая некоторые данные об употребительности лок. при глаголах „сильного“ управления в древнейших славянских памятниках и сравнивая их с соответствующими явлениями в других индоевропейских языках, можно предположить, что дифференциация места и направления началась в праславянском языке прежде всего при глаголах, у которых понятие движения было выражено особенно четко и не допускало переносного употребления (*идти, ехать, везти, нести* и т. д.). Славянские данные о лок. при этих глаголах ничтожны и часто двусмысленны. Затем дифференциация наступила в локативных конструкциях при глаголах *прикоснуться, причаститься, прицепиться, прилежать, нападать* и т. д. Ранние славянские тексты некоторых языков еще довольно

³² См. также E. Fraenkel. Synt., S. 219 и A. Bezzenberger. Lit. Forsch., S. 133.

³³ J. Gerullis, Chr. Stang. Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje. Kaunas, 1933.

³⁴ Примеры см. у И. Эндзелина в „Latviešu valodas gramatika“. Rīgā, 1951, стр. 589—590.

³⁵ И. Эндзелин. Указ. соч., стр. 460—461. Директив регулярно отмечается и в старейшей латышской грамматике, приложенной к словарю Яна Лангия. См. Niccas un Bārtos mācītāja Jāna Langija 1685 gada latviski-vāciskā vārdnīca ar isu latviešu gramatiku. Rīgā. 1936, стр. 367—368, 416.

³⁶ Диалектные примеры см. J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika, стр. 416; A. Bielenstein. Die lettische Sprache nach ihrem Lauten und Formen, II. Berlin, 1864, S. 15—17.

полно сохраняют остатки прежнего неразличения места и направления. Можно думать, что начало дифференциации относилось к самому концу праславянского периода или даже к началу обособленной жизни отдельных славянских языков. Позднее всего произошла дифференциация значений места и направления при глаголах с ослабленной моторностью, допускающих переносное употребление (*поставить, положить, посадить, сеять* и т. д.). Почти все славянские языки сохранили в своих старых памятниках безраздельное употребление лок. при этих глаголах. В ряде случаев факультативное употребление здесь лок. возможно и теперь. В польском и кашубском языках лок. в подобных ситуациях является нормальным до сих пор. Следовательно, праславянский язык, возможно, знал лишь локативные конструкции при этих глаголах; сочетания с вин. могли появиться позднее.

Указанная последовательность в вытеснении лок. при глаголах, имеющих отношение к движению, подтверждается не только данными внутренней реконструкции славянских языков и индоевропейскими фактами, но и некоторыми особенностями, связанными с иерархией лингвистических явлений. В данном случае во главе иерархии стояли конструкции с теми глаголами, где понятие движения выражалось наиболее очевидно и где, следовательно, в первую очередь было необходимо отделить друг от друга значения места и направления.

До сих пор мы постоянно употребляли термин лок. направления в значении противоположном лок. места. С точки зрения современного восприятия фактов такое употребление термина вполне закономерно, тем более, что, строго говоря, нельзя фактически доказать иное восприятие конструкции типа *идти + (в)* лок. в самом праславянском языке. Однако некоторые общие и частные соображения, кажется, свидетельствуют в пользу отсутствия принципиального разграничения между лок. места и лок. направления. Во-первых, понимание лок. в местном или направительном плане в значительной степени субъективно, поскольку оно зависит от позиции наблюдателя по отношению к пунктам начала и конца движения. В современных славянских языках местный и направительный аспект того или иного падежа четко осознается лишь потому, что они не встречаются в одинаковых условиях и поэтому являются, по сути дела, разными комбинаторными вариантами падежа с более общим значением. В праславянском же языке (в его ранний период) этого противопоставления двух планов не могло быть ввиду отсутствия каких-либо дифференциальных признаков: *шел + (в)* лок. и *был + (в)* лок. не обнаруживали никакой грамматической разницы и, следовательно, были одной конструкцией, а не вариантами.

Есть соображения и другого рода. В некоторых индоевропейских языках (прежде всего в индоиранских) при глаголах движения наряду с лок. употребляется вин. и дат. Оставив в стороне конструкцию с вин., основательно разобранную К. Гедике, укажем, что различие между сочетаниями глагола движения с дат. и с лок. заключается в том, что предмет, название которого стоит в дат., рассматривается как еще не достигнутая цель, тогда как предмет, название которого стоит в лок.,

обозначает уже достигнутую цель, собственно, место, уже переставшее быть целью. Точнее всего это можно показать на примерах из RV: ср. лок. при глаголах *arṣ* (729, 3), *inv* (809, 10), *ir* (245, 9; 446, 2; 683, 3), *kṣar* (740, явно: 810, 11 и др.), *dhā* (несколько десятков примеров), *dhav* (729, 4; 779, 14), а также *bhar*, *yam*, *ruh*, *van*, *var*, *varṣ*, *vas*, *sad*, *sic*, *hu* и несколько приставочных глаголов, а с другой стороны, дат. при тех же глаголах (154, 3; 31, 7; 46, 7; 131, 1; 117, 9; 157, 3; 39, 10; 13, 11; 117, 7; 24, 1; 118, 7; 176, 4; 132, 4; 164, 4; 74, 1 — примеры приведены только из первой мандалы Ригведы и т. д.³⁷); ср. также у Гомера: ἔστιχον ὄφρ' ἐν Τρωσὶ μέγα φρονέοντες ὄρουσαν. Π., 258 вместо более обычного εἰς, ср. также E 161, E 363, O 624 и т. д. (ср. особенно очевидный пример: ἄνδ' ἔβαν ἐν δῖφροισι. Ψ 132 'взошли на колесницы' вм. εἰς). На основании подобных примеров уже в 70-х годах прошлого века было доказано, что лок. в ведийском и гомеровском диалектах всегда обозначает место (в том числе и при глаголах движения) и никогда не выражает направления или цели³⁸. Представление Б. Дельбрюка о лок. как о „wo — und wohin — Kasus'e“ было отвергнуто³⁹.

Древнеславянские факты вполне согласуются с указанными индоевропейскими и, по-видимому, так же объясняются.

Поэтому все перечисленные нами выше праславянские лок. направления первоначально являлись лок. места в конструкциях с глаголами „слабой“ связи, и лишь со временем в результате более тесного взаимодействия глагола с лок. место стало восприниматься как пункт, к которому направлено движение (оформление „тесной“ связи глагола с лок.). Однако период такого переосмысления хронологически трудно определить. Косвенные показания об относительной хронологии этого переосмысления можно почерпнуть из данных о последовательности исчезновения лок. при трех группах конструкций, намеченных выше.

К рассмотренным уже случаям лок. при глаголах движения следует, видимо, отнести еще две архаичные конструкции, сохранившиеся кое-где в ранних славянских, преимущественно древнерусских, текстах, а именно: *поѣти женѣ* и *ити ротѣ*. Определить место этих конструкций в дописьменную эпоху весьма трудно из-за крайней скудости славянских данных. Однако для первого примера можно указать типологическую аналогию в древнеиндийском языке эпических произведений (ср. *devam patitve varayāsva* Махабх. Наль, III, 6 'бога в супружество выбери себе'; *varayāmāsa caivainam patitve*. Там же, V, 28 'и выбрала же его

³⁷ Подробнее см. В. Delbrück. Über den idg., speciell vedischen Dativ. — KZ, Bd. 18, 1869, S. 81—106.

³⁸ См. обстоятельную и до сих пор важную в методологическом отношении статью М. Хольцманна. Der sogenannte Lok. des Zieles im Rigveda und in den homerischen Gedichten. — Zf. Völk. Psych., Bd. X, 1878, S. 182—230.

³⁹ Еще раньше против дельбрюковской точки зрения выступили Г. Хюбшманн („Zur Kasuslehre“. München, 1875, S. 244) и Хефер (ZfdWiss. u. Spr., 2, S. 193), считавшие, что лок. или всегда падеж места, или места и направления одновременно. Ошибка Дельбрюка объяснялась неправильными принципами перевода. Попытка возродить старое мнение была предпринята недавно Г. Железничером. См. Н. Schelesniker. Der lok. als Richtungskasus im Slavischen. — KZ, Bd. 73, 1956, S. 103—108.

в супружество, может быть, *ājuhāva... svayamvare*. Там же, V, 1 'позвала на собственный выбор' (свадьбу)⁴⁰. Впрочем, древнеиндийские факты понятнее ввиду того, что *patitva* является отвлеченным существительным состояния. Для *ити ротв* нет надежных аналогий в других индоевропейских языках, хотя наиболее близкие аналогии скорее говорят все-таки в пользу лок., чем дат.⁴¹

В заключение анализа употребления б/пр. лок. в сочетании с глаголами „тесной“ связи остановимся на группе разрозненных случаев, встречающихся крайне редко и почти всегда в памятниках церковнославянской литературы (исключение составляют несколько древнерусских примеров). Эти (нередко спорные) случаи представлены б/пр. лок. при глаголах бытия (*быть, пребывать, ять, иметь*), при глаголе *надеяться* и, может быть, при церковнославянских *въпнати, въсхотѣти, глаголати, вѣдати, промышлати, съвѣдетельствовати, пециса, пспѣшствоватьати, въздрекновати* и т. д. Ввиду того, что б/пр. лок. при этих глаголах весьма малоупотребителен и из-за почти полного отсутствия этих конструкций вне церковнославянских текстов, было бы неосторожным проецировать их в праславянскую древность, поскольку нам все равно останется неясным их место и их хронологические рамки. Данные других языков также не могут существенно помочь, так как среди них нет генетически родственными славянским образцам конструкций⁴². Поэтому ограничимся лишь несколькими аналогиями структурного порядка: *ahāre vā vihāre vā na kaṣṣid akaron manah*. Рамаяна, II, 40, 14 'о еде или увеселении никто и не думал'; *asyām ahan tvayi ca samprati vitacintah*. Цакунтала. Калидаса, 53, 17 'о ней и о тебе я не озабочен' (правда, здесь есть *samprati*); *pidite patau*. Хитопад., 560 'радующиеся мужу (лок.)'; *devane gatacetasaṁ*. Махабх. Наль, VIII, 1 'ушедшего мыслью (думающего об) в игру'; *buddhir nyavartata damayantyā visarjane*. Там же, X, 15 'мысль остановилась на оставлении Дамаянти'; ср. XXVI, 10, *veṣeṣu 'tsukah*. Панини, II, 3, 55—5 'о волосах заботящийся'. Интересно, что такие примеры обычны в позднесанскритской литературе и чрезвычайно редки в ведах и брахманической прозе (ср. *ṣāsane raṇanti*. RV, 241, '5 'радоваться по поводу приказа', может быть, *tava dhāmāny ā cake*. 237, 10 'я получаю (радость) относительно твоего обычая' с приставочным глаголом и в более конкретном значении и т. д.). Учитывая это, можно предположить, что славянский б/пр.

⁴⁰ В ведах подобные случаи не встречаются. Есть лишь конструкции с вин.: RV, 119, 5; 866, 9; то же есть и в эпосе.

⁴¹ См. В. Н. Топоров. Slovenica. — ВСЯ, № 4, 1959. Здесь же параллели из некоторых индоевропейских языков.

⁴² Разумеется, кроме типа: *vrate ... syāma*. RV, 24, 15 'да будем мы в работе (службе) (у тебя)'. Ср. *работв быти*. Ипат., 738, 792, 835; *ṣaddhāyām asti* 'он есть в вере (верует)'. Ср. лат. *credo*; *прѣбывати вѣрѣ*. Кормчая Ефр. Сирина и т. д. Укажем еще поразительно близкую авестийскую аналогию: лок. от *nomen actionis* при глаголах *kar* 'делать' и *as* 'быть' — *vīspqm hvqm tanūm ayaozdāta korənoiti*. Видевд., 8, 40 'все свое тело делает нечистым' (собственно приводит в нечистоту). Ср. лок. при *as-* в Ясне, 32, 8. См. об этом Н. Reichelt, стр. 262, Chr. Bartholomae, Altiran. Wb. S. 271, 445.

лок. при указанных глаголах также возник не сразу, а в результате более или менее длительного процесса развития локативных значений в условиях употребления в переносном смысле уже на праславянской почве. Однако определить, когда это произошло и в каком соотношении эти конструкции находились с сочетаниями тех же глаголов с лок. при предлоге *o*, едва ли возможно.

Подводя итоги рассмотрению б/пр. лок. при глаголах „сильной“ связи (термин, имеющий значение лишь для позднего периода), следует отметить его значительное сходство с соответствующими фактами в индоиранских языках. Бесспорно, что более тщательные разыскания в области индоиранского лок. помогут открыть новые детали сходства со славянским лок. и объяснят происхождение и характер этих совпадений.

Несомненно, что в праславянском языке были б/пр. лок. и в других значениях. В первую очередь сюда следует отнести лок. времени, хорошо известный всем славянским языкам. Сокращение употребления этого типа лок. в истории отдельных славянских языков, его онаречивание и замена инопадежными конструкциями делают бесспорной праславянскую реконструкцию б/пр. лок. в этом значении. Впрочем, необходимо дифференцировать внешне однородные праславянские факты. Признавая локативную принадлежность таких форм как *zimě, lěťě, dnyě, noči* и т. д., мы отказываемся видеть остатки б/пр. лок. в *nyně, davě* и т. д. Больше того, кажется именно эти наречия и послужили образцом для *zimě, lěťě* и т. д., которые лишь позже стали парадигматическими образованиями (хотя и с весьма ограниченным употреблением). В этом предположении нас укрепляет тот факт, что ни в одном индоевропейском языке нет существительного с корнем, на основании которого были бы образованы наречия типа *nyně, davě*.

Что касается собственно б/пр. лок. времени, то образования, формально одинаковые с праславянскими, хорошо известны во многих индоевропейских языках. В ряде случаев сходство столь велико и касается таких частных деталей, что целесообразно считать эти формы продолжением одной и той же общеиндоевропейской формы (это, разумеется, не предрешает вопроса о времени возникновения парадигматического б/пр. лок.). Соответствующих индоевропейских примеров приводить не будем: они хорошо известны и их можно легко найти в существующей литературе⁴³. Ограничимся лишь отдельными замечаниями. Б/пр. лок. времени сохранился в славянских языках до начала письменного периода

⁴³ Считаю необходимым заметить, что б/пр. лок. дат. времени не был чужд хеттскому языку: GUD *pu-u-ḫu-ga-ri-in-ma ku-e-da-ni UD-ti ú-nu-e-ir*. Муршил., 18 'но в какой день украсили они жертвенного (?) быка' [das Sühne-Rind (??)]; *nu-za* ^DUTUst. *a-pi-e-da-ni UD-ti ıa-ar-ap-ta*. Муршил., 19. 'в этот день сын купался', ср. там же, 41, 11b, 23b, 24b, 25b (у Папаникри всегда UD-az. I, 57; IV, 34), может быть, URU-*an šašti ıalḫun*. КВо., IV, 4; III, 36 и сл. 'я напал на город во время сна' (*šaštaš* — ложе, постель. См. Н. Ehelolf. — OLZ, 29, S. 988; J. Friedrich. — ZA. NF, 5, S. 73; E. Sturtevant, Hitt. Glossary, 1931, p. 58). Пример заимствован из книги Фридриха, 129 и т. д. Истинное положение б/пр. лок. времени в клинописном хеттском сильно затуманено из-за преобладания аккадского или шумерского способа выражения на письме тех ситуаций, где ожидался бы б/пр. лок. времени.

в очень ограниченном числе случаев от нескольких слов. Эти формы для X—XIV вв. были уже глубокими архаизмами и стояли особняком в ряду других способов выражения временного значения (ср. такие же архаизмы в др.-инд. лок. *ahan/ahar* при *ahani/ahari*, *heman*, может быть, *vasar*, *punar*; X. Бартоломэ реконструировал еще **vatsar*, **xšapar*, **vasan*). Поэтому закономерно предположить, что и значение этих б/пр. лок. может иметь весьма древние черты. Однако славянские данные (в том числе и сравнение б/пр. лок. времени с предложным лок., род., твор., вин. с предлогом и без предлога, выражающими время) ввиду непреодолимых экзегетических трудностей в этом случае оказываются бесполезными. Между прочим, это относится и к формальному преемнику б/пр. лок. времени предложному (*v*) лок., поскольку он оказался или непродуктивным в данной ситуации, или изменял свое значение и уступал место иным способам выражения (если *Кыевѣ* всегда заменялось через *въ Кыевѣ*, то *зимѣ* лишь формально заменялось сочетанием *въ зимѣ*, имевшим иное значение, оказавшимся непродуктивным и уступившим место твор. *зимой* и т. д.).

Факты других древних индоевропейских языков не могут существенно помочь в восстановлении праславянского состояния, но позволяют предположить, что оно было более сложным и, может быть, несколько иным по сравнению с тем, что зафиксировано в древнеписьменных славянских памятниках. Ряд примеров из древнеиндийского и авестийского языков показывает, что употребление б/пр. лок. времени в них было гораздо шире, чем в славянских языках.

Во-первых, был несравненно обширнее круг слов, от которых употреблялся б/пр. лок. с временным значением, причем лок. мог образовываться не только от слов, выражающих чисто временные понятия (как в славянских языках), но и от слов иного плана, приобретающих в лок. значение сопровождающего обстоятельства. Ср. *asyā uṣaso vuy-ṣtau*. RV, 319, 5 'при вспыхивании зари', ср. 118, 11; *upāyana uṣasām*. RV, 219, 2 'при восходе зорь'; *vajrasya patane*. RV, 461, 5 'при падении дубинки (Индры)'; *ghṛtakirttau*. Шатапатха-Брахм., I, 4, 1, 13 'при упоминании слова *ghṛta*' и т. д.; авест. *aṭ tā mōi nōit asruštā pairyaoužā*. Ясна, 43, 12 'приказаа ты мне, чтобы я не слушал при непослушном'; *vaēdō. dām daēnābiš abyastā ahūm yē vaṇhēuš manahō*. Ясна, 53, 5 '...при ревностном труде', ср. также Видевд., 18, 54; Ясна, 19, 5; Видевд., 18, 37 и т. д. (ср. еще: *yehya zanḍaeca vaxšaeca apadvarat ahrō mainyuš haca zəmat*. Яшт., В., 19. Хертель: 'bei dessen Geburt wie bei dessen Wachstum der finstere Geist davonlief von der Erde'). Может быть, к этому же разряду нужно отнести лит. *gaideliuose* 'при петухах' ('во время пения петухов'), которое поддается, впрочем, и другому толкованию. Ср. лш. *pirmuos gaiuos*. BW, 6787⁴⁴ 'при первых петухах' и т. д.

Возможно, что праславянский язык, занимающий в отношении ряда явлений промежуточное положение между индоиранскими и балтийскими

⁴⁴ Kr. Barons un H. Visendorfs. Latvju dainas, I—IV. Ср. также K. Mü-lenbachs. Latviešu valodas vārdnīca, I sējums. Rīgā, 1923—1925, стр. 584—585.

языками, имел подобные случаи, но в меньшем количестве, чем его восточный сосед. Бесспорно, что и в чисто временном значении в праславянском языке выступало большее количество слов, нежели в эпоху письменных памятников. Сравнивая чрезвычайно широкие в этом отношении возможности древнеиндийского⁴⁵ и авестийского с довольно ограниченными балтийскими, можно предположить, что праславянский язык и здесь занимал промежуточную позицию.

Во-вторых, можно подозревать, что б/пр. лок. времени в праславянском языке имел значение не только точечного (или вообще недифференцированного) указания времени, но и обозначал протяженность во времени, отрезок времени. Помимо того, что такому предположению не противоречат славянские факты, оно, как будто, находит опору в сравнении индоиранских фактов с литовскими.

Наиболее существенны здесь, как и во многих других случаях, древнеиндийские примеры. Анализируя ситуации, при которых нужно употреблять лок., Панини указывает, что слова, выражающие временной отрезок между двумя действиями (то же и в местном плане) ставятся в лок. (или в отлож.). Именно так можно понять караку II, 3, 7⁴⁶, объяснения схолиаста⁴⁷ и комментарии Б. Либиха⁴⁸, О. Бетлингга⁴⁹ и Л. Рену⁵⁰. Пример, приведенный Панини, подтверждает такое толкование: *adya bhuktvā devadatto dvyāhe bhoktā* 'поевши сегодня, Д. (имя рек) будет есть через два дня' (= 'после двухдневного перерыва'). Это значение могло развиться лишь из значения временного отрезка, которое подтверждается, видимо, и некоторыми ведийскими примерами (ср. *yathā ... minṁtasi dyavi-dyavi*. RV, 25, 1 'когда ... мы проходим (проживаем) день за днем'; *trir ahann āyajante dive-dive*, 238, 1 'трижды в течение дня день за днем добывают (жертву)' и др.⁵¹). Наличие таких случаев в эпическом и классическом санскрите, а также в среднеиндийских языках отмечают и некоторые исследователи⁵².

⁴⁵ В ведах эти возможности ограниченнее, чем в более поздние эпохи. Видимо, то же направление в развитии этих конструкций наблюдается при сравнении гат с позднейшими частями Авесты.

⁴⁶ О. Böhtlingk. Paṇini's acht Bücher, Bd. 1—2, Bonn, 1839—1840 (пагинация индийская): *saptamīpañcamyau kārakamadhya*.

⁴⁷ Схолии: *kārakayor madhya yau kālādhvānau tābhyām saptamīpañcamyau bhavatah*.

⁴⁸ B. Liebig. Das Kasuslehre der indischen Grammatiker verglichen mit dem Gebrauch der Kasus im Aitareya-Brahmana. Ein Beitrag zur Syntax der Sanskrit-Sprache. — BB, Bd. X, 1886, S. 224—226; XI, 1886, S. 298—299.

⁴⁹ О. Böhtlingk. Paṇini's Grammatik. Leipzig, 1887.

⁵⁰ L. Renou. Le grammaire de Pāṇini. — Trad. du sanskrit avec des extraits des commentaires indigènes. Paris, 1947, fasc. 1 (*adhyāya*. 1, 2, 3), p. 72.

⁵¹ Ср. *saṁvatsare* в значении 'в течение года'. См. Г. Эртель. Zu den Kasusvariationen. . . , S. 16.

⁵² См. L. Renou. Grammaire sanskrite, vol. II. Paris, 1930, p. 312; S. Sen. Historical Syntax of Middle Indo-Aryan. I. — „Indian Linguistics“, vol. XIII, pt. 1—2, 1952—1953, p. 57. Отчасти сходные примеры есть и в греческом, ср. крито-мик. *we-te-i-we-te-i* 'ежегодно, год за годом' (удвоенный лок. от *Γέτος* 'год', ср. *ἀμφίτετι*). См. M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge. 1956, p. 90, 279.

Примечание. Следует указать, что в свое время была сделана попытка доказать, что древнеиндийский лок. не мог обозначать времени, после которого совершается действие, потому что он всегда имеет значение 'in' и что значение 'после' могло возникнуть в результате ошибки ученых, равняющихся на современное употребление⁵³. Не касаясь существа этой точки зрения, заметим, что она никак не может опровергнуть утверждения о наличии у лок. значения времени, рассматриваемого как дифференцированный отрезок.

Характерный пример можно привести из Авесты: *dathaḥ spento maimyuš dathaḥ zrvāne akarane*. Видевд., 19, 33 'Создал Сп. М., он создал в бесконечное время'. Другие примеры см. в трудах Шпигеля, Рейхельта и Бартоломэ.

Примечание. Некоторую аналогию индоиранским примерам могут составить греч. ἐνιαυτόν τινα 'приблизительно один год' и особенно: ἐνιαυτῷ 'после года', 'через год', πολλῷ χρόνῳ 'после долгого времени', а также отдельные предложные примеры. Ср. еще Q 324 и др.

Не ясно, были ли подобные случаи в хеттском или нет. Во всяком случае, их можно подозревать в ситуациях типа: ^DUTU⁴⁴ -ma-za GUD pu-u-ḫu-ga-ri EGIR-an-da I. NA UD 7. KAM šu-up-ra ца-ar-ar-zi 'солнце купается после жертвенного (?) быка в чистой воде в течение семи дней'. Муршил., 23, 24.

В восточнобалтийских языках случаи, подобные индоиранским, встречаются гораздо реже и не всегда убедительны. Почти все они относятся к XVI—XVII вв.: *giesme ape Berneli Jesu kurę giest dienasu Christaus vsz gimima*. Мажвид. Катех., 159 'песня о младенце Иисусе, которую поют в дни рождения Христа'; *keturis kartus kosznūsu metūsu*. Виллент. Энх., 6, 1 'четырежды в течение каждого года'; может быть, *byn karta metusy spawiedokes*. Жем. Катех. MSL, 13, 126 (см. Френкель. Synt. 213); Мажвид. Катех., 113, 2; 140, 13; 165, 5; 166, 22—23; Ширвид. Punktaу Sakimū, 107, 28; Виллент. Энхиридион, 31, 27; Даукша. Постилла, 124, 19/20. Примеры из современного языка (правда, в несколько ином роде) можно найти у И. Яблонского⁵⁴. Ср. также лтш. *ta dzīvo un strādā... gad gadā... LP, VII, 363*⁵⁵ 'она живет и работает... в течение многих лет'; *pašuos zieda (-u) gaduos* 'в самые годы расцвета'; *stipri gaduos* 'ты в годах'⁵⁶; ср. обычное *tris reizītēs dieniņa* (= лит. *triskart dienoje*) и т. д.

Принимая во внимание индоиранские и балтийские факты, можно думать, что и праславянский язык знал нечто подобное в развитии временного значения лок. Впрочем, более обстоятельное решение вопроса затруднено тем, что указанное значение в балтийских языках явно исчезает, а в древнеиндийском, наоборот, развивается, образуя довольно широкую гамму темпоральных оттенков: ср. *samvatsare*.

⁵³ См. E. W. Hopkins. Phrases of Time and Age in the Sanskrit Epic. — JAOS, 1902, p. 151; он же. Limitation of Time by Means of Cases in Epic Sanskrit. — „Amer. Journ. of Phil.“, vol. XXIV, 1903, p. 4—6.

⁵⁴ J. Jablonskis. Lietuvių kalbos gramatika. Kaunas, 1922, стр. 74; Lietuvių kalbos sintaksė. Seiniai, 1911.

⁵⁵ Anss Lerchis-Puškaitis. Latviešu tautas (teikas un) pasakas. См. K. Mūlenbachs. Latv. val. vārdn., I, стр. 582.

⁵⁶ K. Mūlenbachs. Latv. val. vārdn., I, стр. 582 и др.

RV, 161, 3 'в конце года'; см. Л. Рену. *Gramm. véd.*, 414; К. Ф. Гельднер 'nach Jahresfrist'⁵⁷; лок. даты, постоянный в надписях и др. Кроме того, трудно определить границы использования славянских предложно-локативных конструкций типа 'в старых годах', 'трижды в году' и т. д.

Между прочим, это препятствие весьма серьезно и в более широком плане. Индоиранские языки обладают еще целым рядом лок. без предлога в особых значениях (loc. materiae, loc. limitationis, лок. превосходства, лок. одежды, лок. сосуда, лок. цели [прежде всего, инфинитивы] и т. д.), которым в славянских языках соответствуют локативные конструкции с предлогом *у*. Учитывая эти совпадения, а также преобладание б/пр. лок. и лок. с предлогом *у* в ряде случаев в славянских языках, можно бы было предположить существование б/пр. лок. этих типов в праславянском языке. Однако из-за отсутствия более конкретных данных и из-за особого положения в отношении этих конструкций в балтийских языках, следует воздержаться от попыток подобных реконструкций.

Разобранные до сих пор примеры б/пр. лок. в праславянском показывают, что в отношении этого образования, условий его употребления и круга значений (а иногда и в отношении его дальнейшей судьбы) праславянский язык занимает промежуточную позицию между индоиранским и восточнобалтийскими языками, в одних случаях примыкая ближе к иранским и индийским образцам, в других — к восточнобалтийским⁵⁸. Иногда общая для всех этих языков изоглосса тускнеет в славянской области, а иногда и вовсе прерывается, оставляя исследователю возможность для многочисленных гипотез.

В заключение обзора б/пр. лок. упомянем еще одно образование, формально связанное с ним, но по-разному истолковываемое различными лингвистами. Мы имеем в виду славянские наречия на *-ě* (*dobrě, xudě, malě, skorě* и т. д.), имеющие точное соответствие с лит. наречиями на *ai* (*gerai, blogai, labai, šaltai* и т. д.), лтш. на *-i* (*labi, slikti, ilgi, salti* и т. д. из **-ai*), прусск. на *-ai* (*labbai, laimiskai, deineniskai, deiwiskai, drūktai* и т. д.)⁵⁹. Славянские языки показывают разное направление в развитии этих наречий: в русском, как и во многих других языках, они довольно скоро исчезают, оставляя немногочисленные следы в предложных образованиях, в чешском, наоборот, выходят за пределы употребления их в древнейших памятниках, вытесняя ста-

⁵⁷ Ср. в том же значении *saṃvatsaram* в Пратишакхье-Брахмане, 4, 10, 7 и в Шатапатха-Брахмане, 9, 5, 1, 68. Соотношение его с *saṃvatsare*, а также значение вариантов *varṣān-varṣāsu* и др. объяснены в указ. соч. Г. Эртеля, стр. 9—23.

⁵⁸ В ряде случаев трудно определить характер этих совпадений. Иногда очевиден их региональный характер, ср. белор. и польск. конструкция типа *ходити в двоих* и лит. *jie dviese atėjo, jie trisu (trise) rugius kulia*. F. Specht. *Lit. Mund.*, I, S. 58; I, S. 80; II, S. 186—188; P. Готье. *Buividze*, p. 149; E. Fraenke l. *Syntax*, S. 216 и др.

⁵⁹ См. R. Trautmann. *Die altpreuss. Sprachdenk.*, S. 249, а также J. Endzeliņš. *Baltu valodu skaņas un formas*, стр. 228—229; он же. *Latviešu valodas gramatika*, стр. 604 и след.; A. Bezenberger. — *BB*, Bd. XV, S. 302 и др.

рые наречия на -о в довольно большом числе случаев и вызывая к действию новые принципы распределения -ě и -о в наречных образованиях. В меньшей степени то же можно сказать и о других западнославянских языках. В южнославянских языках возобладали формы на -о, кроме отдельных разрозненных случаев (ср. болг. *добре, зле, сетне, твърде*⁶⁰ и др.).

Поскольку нас интересует древнейшая картина употребления наречий на -ě, более ценными представляются данные южнославянских и особенно восточнославянских языков, в которых эти наречия, видимо, не вышли за пределы их первоначального употребления⁶¹. А эти данные с очевидностью свидетельствуют в пользу локативной принадлежности наречий на -ě (а не какой-либо еще⁶², как думают некоторые). Приведем их. Наречия на -ě вроде: *явѣ, скорѣ, брѣзѣ, малѣ, чужѣ, таинѣ* и др. — в древних славянских памятниках имеют предложные дублеты: *въявѣ, въскорѣ, въбрѣзѣ, въмалѣ, въчужѣ, вътаинѣ*, причем последние со временем увеличиваются в числе и вытесняют первые. Формы же *вскорѣ, въмалѣ* и т. д. представляют собой следы лок. с предлогом *в*, а не вин. прилагательных ср. рода, что подтверждается аналогиями с *в скором (времени), в малом (количестве)* и т. д. (ср. также болг. *наяве* и др.). Локативная принадлежность подобных форм свидетельствуется и сравнением с древнерусскими примерами типа *поиде брѣзѣхъ*. Син., 55, *поиде въбѣ(о)рѣзѣхъ* (частое в памятниках XI—XIV вв.) и т. д. Отсутствие в славянских языках каких-либо следов им.-вин. ед. ч. ср. р. на -ě (из -*oi) делает невероятным предположение о таком происхождении указанных форм. Наконец, некоторые древнеиндийские формы, качественно определяющие действие и еще не порвавшие окончательно с лок., имеют окончание, соответствующее славянскому -ě (ср. *kṣipre* 'вскоре' *dūre* 'вдали' и др.). Ср. также греч. *κοινῆ, ἰδίᾳ, δημοσίᾳ* и др. Все это противоречит точке зрения И. Шмидта⁶³ о связи наречий на -ě, лит., прусск. -ai, лтш. -i с вин. ср. р., в той или иной степени разделяемой многими учеными, принимающими шмидтовскую гипотезу об образованиях ср. р. на -ai. Более правильной кажется нам точка зрения Эндзелена и Френкеля (отчасти Бартоломэ), связывающая наречия на -ai (слав. -ě) с лок.

Мы не считаем возможным отделять друг от друга, а значит, и от обычных лок. на -ě (*Кыевѣ, въ домѣ* и т. д.), указанные выше случаи.

⁶⁰ Ср. примеры, приведенные П. Маждраковым „Обстоятелствени думи (наречия) в българските народни говори“. — „Известия на семинара по славянската филология“, кн. IV. София, 1921, стр. 394—512).

⁶¹ Отсюда следует исключить западноукраинские и западнобелорусские наречия, окончания которых восходят к -ě и связываются с соответствующими польскими и чешскими (реже словацкими) фактами. Иное дело — реликты, ср. общebelор. *пейне* и т. д.

⁶² J. Zubatý. Studie a články, č. 1. Praha, 1945, str. 61—76: *lze, nelze*. См. также A. Meillet. Quelques adverbess latins et slaves. — MSL, t. 20, 1916, p. 89—94; он же. Общеславянский язык, стр. 327 и возражения ему со стороны Шпехта (F. Sprech t. Lat. *propere ocuis*, — KZ, Bd. 62, 1935, S. 243—245).

⁶³ J. Schmidt. Die Pluralbildung der idg. Neutra. Weimar, 1889.

Разница между тремя группами форм на -ѣ лишь во времени их происхождения (*кромѣ, развѣ, гдѣ* и т. д. — самые древние) и в дальнейшей судьбе: одни из них навсегда остались наречиями, другие оформились в парадигматическое образование — лок., сохранившийся до сих пор или снова онаречившийся (*добрѣ*), чему способствовали его некоторые структурные особенности (принадлежность к группе прилагательных) и специфическое значение („изобразительный лок.“ — „ausmalender Lokativ“).

ПРЕДЛОЖНЫЙ ЛОКАТИВ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Локатив с предлогами *у* и *на*

Эти конструкции составляют основную массу всех локативных типов. Их удельный вес и сфера употребления растут во всех славянских языках (разумеется, кроме болгарского и македонского), несмотря на утрату некоторых отдельных типов, отмеченную выше. Данные славянских языков позволяют сделать ряд выводов относительно указанных конструкций. Несомненно, что, в основном, экспансия лок. с предлогами *у* и *на* началась относительно поздно, когда уже вполне оформилась большая часть других локативных типов. Об этом свидетельствует ряд фактов, из которых упомянем важнейшие. В древних славянских памятниках локативные конструкции с предлогами *у* и *на* представлены весьма компактной группой, объединенной со стороны значения рядом вполне логичных переходов от одного типа к другому, причем связь между самыми различными типами почти всегда очевидна. Этим объясняется крайне узкая сфера употребления таких конструкций в сочетании с глаголами „сильного“ управления, но даже в этой ограниченной области относительно легко прослеживаются первоначальные конкретные значения конструкции. Отсюда — незначительное развитие идиоматики в значениях этих сочетаний, что придает им еще более цельный вид. Лишь со временем, уже в письменный период, начинает интенсивно распадаться эта цельность, обособляются значения, растет идиоматика локативных конструкций с предлогами *у* и *на*, одним словом, до известной степени теряется единство каждой из этих двух групп.

Характерно в этой связи сравнение с локативными группами с предлогами *о* (в некоторой степени с *ро* и с б/пр. лок.). Несмотря на их меньшее распространение, исчезновение некоторых значений и даже несмотря на ущербность всего типа в целом (б/пр. лок.), значения внутри каждой из этих групп настолько разнообразны, что даже самый тщательный анализ не может с очевидностью восстановить пути развития значений, утраченные переходы и направление эволюции. Поэтому сильное развитие локативных конструкций указанных типов в связи с глаголами „тесной“ связи, вызывающее рост идиоматики, часто остается необъясненным. Все это нужно рассматривать как свидетельство длительности развития этих групп, приводящего иногда к двусмысленности.

Об относительно позднем распространении локативных конструкций с предлогами *у* и *па* говорит, возможно, и факт вытеснения некоторых других конструкций, употребляющихся в тех же ситуациях, что и лок. с названными предлогами (ср., например, *ехать санями, купить/продать гривной, пить кружкой, одеться одеждой, итти двумя сотнями* и т. д.).

Наконец, весьма важно, что лок. с предлогом *у* во многих случаях заменял б/пр. лок., не внося ничего нового в значение конструкции и являясь, по сути дела, лишь структурным нововведением. Во всяком случае, в области местного и временного значений лок. с предлогом *у* был приемником б/пр. лок., и это можно считать доказанным.

Таким образом, нужно констатировать, что локативные конструкции с предлогами *у* и *па* возникли относительно поздно и в X—XIV вв. еще сохраняли в основном единство значения. Принципиально незначительные различия, обнаруживаемые в современных славянских языках между лок. с предлогами *у* и *па*, возникли позже. Все эти обстоятельства делают невозможной реконструкцию праславянских локативных сочетаний с предлогами *у* и *па*, поскольку отсутствуют необходимые предпосылки для этого, намеченные выше. Приведем еще два соображения в пользу отказа от попыток реконструкции этих локативных групп. В историческом языкознании, как и в некоторых других научных дисциплинах, массовые, наиболее продуктивные явления, перешагнувшие сферу своего первоначального употребления, представляют наибольший интерес при воссоздании картины той эпохи, к которой они относятся. Для реконструкции более древних эпох они дают чрезвычайно мало; если мы хотим реконструировать более древние периоды по явлениям, известным из позднейших периодов, то нужно обратить внимание не на массовые и продуктивные явления, а, наоборот, на редкие, непродуктивные, нехарактерные для этих позднейших периодов, выходящие из рамок системы.

Наконец, данные других индоевропейских языков также не могут оказать нам сколько-нибудь существенной помощи в реконструкции праславянского лок. с предлогами *у* и *па*. Индоиранские языки показывают противоположный славянскому путь развития локативных конструкций с предлогом *а*: они исчезают; балтийские языки вообще не имеют локативных сочетаний с предлогами *ī* (лтш. *-ie-*, прусск. *en*) и *lio* (лтш. *no*, прусск. *na, no*), причем предлог *liu/no* в литовском и латышском языках изменил свое значение. Литовский же предлог *ant*⁶⁴,

⁶⁴ Есть и *int* (pendant *ī/in*). См. у Бреткуна. L. Geitler. Litauische Studien, Prag, 1875, S. 13 и в говорах: Новоалександр. у. Там же, стр. 24, Вилкомирский у. Там же, стр. 86, у Барановского в „Anykščių šilėlis“, стр. 220, у Доне-лайтиса в „Metal“, стр. 334, в годлевском говоре, см. A. Leskien—K. Brugmann. Litauische Volkslieder und Märchen. Strassburg, 1882, S. 312), в сувалкском (Lit. Mitteil., IV, S. 170), в слонимском (Lit. Mitteil., IV, S. 170), Balys, VII, стр. 86, Specht P, 4, 11, стр. 123. Впрочем, Мейе (MSL, t. IX, p. 156) и Прельвиц (Etym. Wörterb., S. 25) предпочитают сравнивать *int* с гот. *und* 'до', против чего выступают Ф. Фортунатов (BB, Bd. III, S. 63) и И. Эндзелин („Латышские предлоги“, Г. Юрьев, 1905, стр. 87—88).

по значению сходный со славянским *па*, употребляется с род. или вин., а не с лок. А балтийские данные в этом случае могли бы быть особенно полезны, так как только в них и в славянских языках оформился предлог *по* (в других языках иначе: греч. *ὑπό*, др.-инд. *apa*, авест. *apa*, готск. *apa*, лат. *ap* в *anhelo*, может быть, умбрск. *am* в *ampeña* 'то, что жертвуется на могиле'. Игув. Табл., Па, 29⁶⁵, *an-dendu* и т. д.).

Однако балтийские языки не сохранили никаких следов лок. при *į*, *nuo*, *ant* даже в тех условиях, когда при других предлогах можно подозревать некогда бывшее локативное употребление.

Примечание. В „Литовской грамматике“ Шлейхер, давший описание говоров прусской Литвы, привел пример употребления лок. с предлогом *į* в значении места: *jis yra į darže* 'он в огороде', заявив, что такое употребление характерно для ряда говоров к югу от Мемеля (Клайпеда). Куршат, также исследовавший эти говоры, отметил в подобных случаях вин. с предлогом *į*. Шлейхеровский пример привлек внимание славистов, и они неоднократно использовали его без достаточной осмотрительности. Не отрицая в принципе возможности существования подобных конструкций, встречающихся и в других языках, утрачивающих склонение и путающих обозначения места и направления, мы все-таки не склонны доверять Шлейхеру. Во-первых, один пример очень мало показателен. Во-вторых, пример явно неудачный, поскольку в говорах Клайпедского края и *į darže*, и *į daržq* (т. е. и лок. и вин.) звучат одинаково: *i darž'a* и, следовательно, невозможно определить падеж. В-третьих, имеющиеся в нашем распоряжении несколько десятков примеров убедительно показывают, что в подобной ситуации в клайпедских говорах можно говорить о *casus generalis*, сформировавшемся на основе вин. или — реже — о вин., различимом сейчас только в местоимениях. Поскольку опровержение шлейхеровского примера представляется нам чрезвычайно важным, приведем несколько примеров, выбрав тексты, опубликованные Баалисом, так как они даны в фонетической записи: *į tq gir bov butelioks*. 79 'в том лесу был домик' (вм. *giriōje*); *į tq buteliok gyven dvi lap*. 79; *dabar į butelak nebgyven*. 79; *stempels bov į galv*. 83; *su stempel į kakt*. 83; *į kar sėbel sulūž*. 84; *galėj patelpt į arkl aus*. 85; *tas vyrs į lauks bov ekēt*. 85; *į dvar ons pradėj didelius bleins daryt*. 85; *gulėj į vėn lov*. 85; *bov... į vėn mēst šlukur-jomarks*. 87; *į vėnq dvarq... gyveno vėns besoks*. 88; *buvo mēškos į rugių laukq įsitaisios*. 88 и др.⁶⁶ Может быть, большее внимание следует обратить на иногда встречающееся в прусском языке употребление дат. с предлогами *ep*, *pa/no*.

Разумеется, отдельные элементы из истории праславянских локативных конструкций с предлогами *u* и *pa* с некоторой долей вероятности восстановить все-таки можно. В частности, зная из предыдущего последовательность в исчезновении б/пр. лок. ряда групп, естественно заключить, что проникновение локативных конструкций с предлогом *u* шло в обратной последовательности (например, если б/пр. лок. при названии географического пункта уцелел дольше, чем при названиях нарицательных имен, то лок. с предлогом *u* прежде укрепился в последнем случае и лишь позже во втором).

Бесспорно, что в отношении лок. с предлогами *u* и *pa* остается много неясного, причем не только в значениях, но даже и в струк-

⁶⁵ См. K. Olzsch a. Umbrisch *persi* und *pesondro*. — „Glotta“, Bd. XXX, 1943, S. 234.

⁶⁶ Естественно, что в этих говорах обозначения места и направления формально не различаются. Ср. там же: *į peklq įmet*. 86; *įej į jauj*. 85; *tos laps kad dūm į giri* 79 и др.

туре. В самом деле, каково соотношение тавтологического лок. *въ kamene* (**ṛ kamen e(n)*) и обычного лок. *въ polě* (**ṛ poloi*)? Чем объяснить отличное от славянского строение литовского лок., в свою очередь также двойного (*namie* < **namoi(ei)* и *miške* < **mišk e(n)*)? Почему в балтийских языках лок. не развил при себе предлогов? Наконец, как объяснить разницу в положении между славянскими и балтийскими предлогами (первые употреблялись препозитивно [ср. однако: *камене*], вторые — постпозитивно [**mišk-e(n)*], ср. однако вин. с предлогом *i* или род. с предлогом *liu* и т. д.)? Все эти вопросы при своем решении, несомненно, могли бы оказать пользу для реконструкции праславянских фактов. Однако они не только не решены, но даже и не поставлены. Поскольку же они выходят за пределы нашей непосредственной темы, мы должны оставить их в стороне.

Примечания. 1. Хочется обратить внимание на один важный факт, представленный славянскими и прусским языками. Мы имеем в виду поразительное формальное и смысловое сходство между предлогами *v* и *na*, прусск. *ep* — *na/no*. Формальная близость в славянских языках затухала, но в более ранний период она очевидна⁶⁷. Параллелизм в значениях настолько очевиден еще для эпохи первых памятников, что в первой части мы сочли возможным в ряде случаев анализировать эти две конструкции вместе. Наконец, синтаксические связи этих предлогов также одинаковы: с вин. и с лок. Ни в одном другом языке нет такого совпадения ни по форме, ни по значению, ни по синтаксическим связям. Поэтому тесная связь славянских предлогов *v* и *na* должна рассматриваться как сохранение глубокого архаизма, от которого нужно отличать некоторые позднейшие явления⁶⁸.

2. Литовский предлог *li*, латышский *lo*, вероятно, первоначально имели такое же значение, что и слав. *na*, прусск. *na/na*. Семантический переход значения был обоснован рядом ученых⁶⁹. Поэтому в современном расхождении между значениями *na* и *liu* следует видеть относительно позднее явление.

Локатив с предлогом *o*

Проблема восстановления предложных конструкций существенно отличается от выше рассмотренных вопросов реконструкции б/пр. лок.

При анализе праславянского б/пр. лок. — если отвлечься от некоторых частных — нас интересовал лишь один вопрос: условия употребления (а отсюда значения) этой одной формы. При исследовании предложных локативных конструкций в дописьменный период перед лингвистом встает задача с рядом неизвестных величин, причем часто не ясно, обуславливает ли одна из неизвестных величин другую или нет, т. е., употребляя математическую терминологию, относятся ли они к одной системе уравнений, в которой, определив один член, находим и другие, или же они относятся к разным системам, каждую из которых нужно решать самостоятельно.

Этими неизвестными искомыми величинами в применении к пред-

⁶⁷ Не вдаемся в подробное рассмотрение этого вопроса, так как старые взгляды по этому поводу неудовлетворительны с точки зрения новейших теорий, которые, однако, сами дают несколько возможностей для выбора.

⁶⁸ См., например, совпадение значений у литовских предлогов *i* и *ant* в говорах Укмерге. См. *Sprech t. Lit. Mund. R.* 4, S. 123 и др.

⁶⁹ См. особенно И. Эндзелин. Латышские предлоги, I. Юрьев, 1905.

ложным локативным конструкциям являются следующие факты: условия употребления (и, следовательно, значения) отдельной локативной формы, условия употребления предлога и его значения, условия и возможности сочетаемости лок. с данным предлогом, условия и время, когда преверб стал предлогом, и — в связи с этим — относительная хронология возникновения лок. (как самостоятельного падежа) и появления предлогов, сочетающихся с лок.

Естественно, что некоторые из этих условий останутся еще долгое время невыясненными и поэтому возможности строго научной реконструкции предложного лок. весьма ограничены. Однако практически эта ограниченность несколько уменьшается при сравнении славянских данных с соответствующими фактами других индоевропейских языков, поскольку трудно предположить случайность при наличии сходства в ряде или даже во всех элементах соответствующих конструкций в разных языках, причем некоторые из этих совпадений касаются весьма специфических деталей.

Прежде чем приступить к анализу конкретных вопросов, касающихся праславянских локативных конструкций с предлогами, сделаем несколько замечаний относительно самих предлогов в связи с проблемой реконструкции и некоторыми более общими вопросами из области условий применения сравнительно-исторического метода.

Выше было сказано, что сравнительно-исторический метод опирается на реконструкцию морфем, восстановление же слов гораздо более проблематично и менее убедительно. Казалось бы, что предлоги, являющиеся большей частью одноморфемными словами, представляют особенно благоприятный материал для применения сравнительно-исторического метода, и поэтому установление их древнейшей формы (а иногда — и значения) не может быть слишком сложной задачей.

Однако это не так. Предлоги занимают особое место в предложении, легко становясь энклитиками и ввиду этого меняя свой звуковой облик (в этом отношении они до некоторой степени напоминают флексии). Внутренняя аналогия, играющая столь заметную роль в выравнивании отклоняющихся форм в имени, местоимениях, в данном случае не может служить сдерживающим началом, поскольку отдельный предлог не образует самостоятельной системы из ряда слов и, следовательно, стоит несколько изолированно. Этим объясняется относительно большая изменчивость звукового вида предлогов, существенно препятствующая применению сравнительно-исторического метода. Еще большее препятствие представляет та легкость, с которой предлоги подвергаются действию внешней аналогии, в частности, контаминации с другими предлогами. Наличие же у каждого предлога способности к употреблению в ряде ситуаций (при обозначении места, времени, более отвлеченных отношений) привело к созданию известной взаимоперекрещенности значений, облегчившей еще более процесс контаминации.

Наконец, должно учесть и то обстоятельство, что ряд предлогов, разошедшихся в процессе своего развития, некогда произошли из од-

ной или нескольких этимологически родственных форм, о чем иногда сохраняются свидетельства в исторически зафиксированных предложениях. Ср. **ц* и **но*, **opi*/**epi*, **pe*/**pi*, **po*/**pa*, **ebhi*/**obhi*, **pr(e)i*/**per(i)*/**para* и т. д.

Все эти обстоятельства серьезно затрудняют восстановление древнего состояния и препятствуют выяснению древнейших судеб предложных конструкций.

С трудностями такого рода мы встречаемся сразу же, как только приступаем к рассмотрению лок. с предлогом *o/ob(ъ)* в праславянскую эпоху. Данные славянских языков, начиная со времени древнейших письменных памятников, не дают возможности определить различия между *o* и *ob* в значении и в падежных связях, которые бы восходили к праславянскому языку. Обычно *o* и *ob* полностью совпадают и по значению и по падежным связям, что делает возможным обобщение какого-либо одного варианта. Обычно им является *o*, хотя кое-где решительное преобладание получает *ob* (см. белорусский язык). В ряде случаев употребление того или иного варианта в значительной степени факультативно, но чаще оно определяется фонетическими условиями начала следующего слова. Наконец, иногда различия между *o* и *ob* следует связывать с разницей синтаксических связей, которая, впрочем, не проведена с достаточной последовательностью. В этом отношении характерен старославянский язык, в котором предлог *ob* употребляется лишь с вин., тогда как *o* и с вин. и с лок. Впрочем, ограниченность материала и однообразие ситуаций, в которых выступает предлог *ob* в этом языке (*объ онъ полъ*, *об ношть* и т. д.), мешает сделать какие-либо выводы в связи с более древними периодами. Более того, мы не знаем, восходят ли эти варианты к одному и тому же предлогу или к разным. Принимая во внимание данные всех славянских языков в отношении этого предлога, соответствующего префикса и именных образований (*обыръ* < **obi-tjo*⁷⁰; *обьдо*. Супр., 327, 5 < **obido-* и др.), оказываются возможными следующие варианты: *o*, *ob*, *объ*, *о-*, *ob-*, *объ-*, *обь-*, *оби-*, *обо-*, *оба-*. Отбросив явно вторичные *оба-*, *оба-*, возникшие после прояснения редуцированных гласных, получаем **o*, **ob*, **объ*, **обь-*, **оби-*. Кажется несомненным, что **объ* позднего происхождения и возникло pendant к **обь* в зависимости от фонетических условий (думать только о графике нельзя ввиду русск. *обо-*, серб.-хорв. *оба-*); между прочим, характерно отсутствие префикса **обы-* < **оба-* как варианта к **оби* > *объ*, хотя при *объ* < **оби* есть удлиненный вариант **оби* > *оби-* (*обиходити*, *обисвсти*, *обистоупити*), параллельный лит. *apyaušris*, *apykausta*, *apyblogis* и т. д. наряду с *api*, отмеченным в некоторых диалектных записях⁷¹. Поэтому нужно еще более

⁷⁰ См. A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, I, p. 381; V. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, 12, S. 589; E. Fraenkel. Bedeutungsveränderungen von Wörtern der heutigen litauischen Schriftsprache. — ZfsiPh, Bd. 6, 1929, S. 95—96.

⁷¹ A. Leskien — K. Brugmann. Litauische Volkslieder und Märchen. Strassburg, 1882, S. 264, 311: иное дело *api-*. Появление *ъ* в конце предлогов в позд-

сузить круг возможных вариантов: *o, *ob, *obl-. Последний гласный звук в *obl с точностью определить трудно, поскольку индоиранские и балтийские языки различаются между собой в этом пункте. Однако ввиду *obl/*obl- следует отдать предпочтение индоиранским фактам: *abhi, aibi, aiwi, abiy* и др. из *ebhi или *obhi. Ср., может быть, лит. *api — apý*. Возможно, что к этим же праформам восходит и *ob, утратившее конечный гласный, как, например, в др.-ир. *af-*. Но вполне правдоподобно и другое решение, считающее *ob первичным образованием, на основе которого развилось *obl-. Во всяком случае, лат. *ob-, op- (oppidum, obitus, obliviscor* и т. д.), оскск. *op, ip* (ср. *Tabula Bantina, 14, 24*), венецк. *op*, готск. *if-* (в *iftuma* 'ближайший, следующий'), может быть, даже лтш. *ap* в части случаев (ср. *apaks*) можно возводить к древним типам без конечного гласного. Что касается согласного в *ob, то он, вероятнее всего, восходит к *bh*, что подтверждается случаями вроде *abhi, aibi*, лат. *ob-*, может быть, арфí, лат. *amb-*, герм. *bi, umb, umbi*, ирл. *imb, imm* (< *ṛbhi).

Примечание. Едва ли сюда можно отнести *ab*, предлог латышских инфлянтов Витебской области (*ab ūtru runðdama* 'о другом говоря'. — Э. Вольтер. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, I. СПб., 1890, 244; *ab manī aprunoja*. Там же, I, 257⁷² и т. д.). Здесь нужно думать о славянском влиянии.

Впрочем, теоретически *ob* может восходить и к *op- с озвончением перед звонким согласным следующего слова и обобщением звонкого согласного или быть параллельным вариантом наряду с *op- (ср. лат. *op-, ob*)⁷³. Однако доказать такое происхождение согласного в *ob* едва ли возможно, тем более, что среди приставочных глаголов нет типов вроде **opchoditi, *opstojati* и т. д. с оглушением конечного согласного приставки, а такие примеры, как *остояти, одръжати, остати* и др., двусмысленны в отношении приставок.

Еще менее определенно происхождение предлога *o*. Наиболее распространенной является точка зрения, выдвинутая в 1905 г. И. Эндзелелином⁷⁴, согласно которой в славянском *o(ob)* совпали два предлога **op(b)* (ср. балт. *ap(i), ep(i)* и **ob(b)* (др.-инд. *abhi*, др.-ир. *aibi, abiy*). Помимо фонетических возможностей, единственным аргументом в пользу такого предположения является то обстоятельство, что в одних случаях предлог *o* употребляется в тех же ситуациях, что и др.-инд. *abhi*, а в других приставка *o-* встречается там, где ей нет древнеиндийского соответствия в виде *abhi*, но есть балтийские аналогии в виде *ap-* (ср. *окружить*, лит. *apsiausti, apsupti*, лтш. *apstat* и др.). Мы допускаем

нее время известно и в других случаях. См. предлоги на -э; кстати, и здесь первичными являются варианты на -э и -эь. См. И. Эндзелин. Латышские предлоги, I, стр. 3—4.

⁷² См. еще И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 22; K. Müllenbachs. Latv. val. vārdn. I, стр. 5.

⁷³ О связи слав. *ob* с лит. *apie* см. E. Fraenkel. Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen. Heidelberg, 1929, S. 211—212.

⁷⁴ См. И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 25—26, а также R. Trautmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, S. 1; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 124 и др.

вероятность такого предположения, однако приводимую обычно аргументацию не можем считать удовлетворительной из-за существенных фактических упущений и — главное — из-за логической несостоятельности некоторых элементов в системе доказательства.

Прежде всего есть целый ряд случаев, где славянскому префиксу *o-* довольно близок древнеиндийский префикс *abhi-*: при глаголах *añj, as, idh, dhā, bhū, mad, rakṣ, vas, sad, sthā* и т. д. То же и в древнеиранском языке. Противопоставлять древнеиндийское *abhi* славянскому *o (ob)*, хотя бы в части случаев, едва ли правильно, поскольку при внимательном анализе можно заметить, что первоначально *abhi* имело другое значение, чем то, которое является характерным для письменных памятников. Мы имеем в виду случаи типа RV. 86, 5; 248, 4; 250, 4; 303, 4; 377, 1; 440, 2; 477, 5; 531, 2; 697, 2; 822, 9; 945, 8 и др., а также некоторые производные типа *abhitas* 'вокруг' (8 случаев в Ригведе), *abhinabhya* 'околооблачное пространство', RV. 945, 12; *abhika* 'около, перед'. RV. 324, 3 и др.⁷⁵ Сравнение с авест. *aibi, avi, aoi* еще более подтверждает наличие у этого предлога первоначального значения места, около которого происходит действие. Правда, оттенок приблизительности предельно ослаблен: ср. *avi madāte vastre*. Видевд., 15, 41 'посередине пастбища' и др. Интересно, что ахеменидские надписи показывают то же развитие значений этого предлога, что и древнеиндийские памятники: ср. *abiy avam ašiyava*. Бегист., I, 40 'он пришел к нему' (случаев такого рода в одной только Бегистунской надписи Дария около 20)⁷⁶. Греч. *ἀμφί*, лат. *amb-*, готск. *umb, umbi* также согласуются с нашим мнением о первоначальном значении др.-инд. *abhi*.

Кроме того, предположение И. Эндзелина нельзя считать доказанным и потому, что, реконструируя два праславянских предлога **ob(b)* и *op(b)*, из которых один сходен с балтийским, а другой с древнеиндийским, он не обратил внимания на то, что в отношении значений др.-инд. *abhi* и лит. *apie*, лтш. *ap* часто совпадают и что поэтому между ними трудно-провести разграничение. Кстати, такое же положение создается и при сравнении др.-ир. *airí* в значении 'над' с др.-инд. *abhi* в том же значении.

Наконец, доказательство Эндзелина не вполне убедительно и потому, что в др.-инд. и др.-ир. есть два близких по значению предлога: *api* — *abhi, airí* — *aibi*, причем они постоянно взаимодействуют. Большая общность значений, а также достаточное формальное сходство привели к необходимости дифференциации в употреблении этих предлогов и к перераспределению значений. Так, встречающийся в Ригведе около двадцати раз предлог *api*, в брахманической литературе и позднее уже не встречается, употребляясь лишь как наречие или усилительная

⁷⁵ См. также W. Neisser. Zum Wörterbuch des Rigveda. Leipzig, 1924, S. 62.

⁷⁶ Единственное косвенное свидетельство старого состояния находим в Бегист., I, 86: *utā abiš nāvīyā āha*, по-разному объясняемое: 'war auf dem Schiffe'. — Шпигель. Указ. соч., стр. 454; 'et là (?) se trouvait la flotte'. — А. Мейе. Указ. соч., стр. 234; *abiš = abiy + s*.

частица⁷⁷. Др.-ир. *apī*, изредка встречающийся в Авесте как предлог, в древнеперсидском известен исключительно в виде послелога (ср. частое *dūraiy apiy* 'вдали'), если не считать одного темного места⁷⁸. Об изменении в значениях предлогов *abhi*, *aibi* уже было сказано.

Естественно, что при таких условиях нельзя провести четкую границу между этими двумя предлогами (*abhi—api*, *aibī—apī*), а тем более нельзя использовать индоиранские факты для непосредственного сравнения со славянскими явлениями и особенно для реконструкции праславянских предлогов. То же относится и к балтийским показаниям (отсутствие в прусском подобного предлога, исчезновение его в значительной части латышских говоров, сохранение лишь одного варианта с *-p-*: *apie*, *ap* и т. д.).

Мы остановились на вопросе о происхождении предлога *o/ob* с такой подробностью потому, что от этого зависит весьма многое в дальнейших наших рассуждениях; в частности, в отношении привлекаемых фактов других индоевропейских языков и в отношении вероятности тех или иных реконструкций. Поскольку точное происхождение этого предлога остается неизвестным, первоначальные отношения, несомненно, были затушеваны и перераспределены в результате позднейших процессов, мы находимся в затруднительном положении относительно ряда важных вопросов: с чем сравнивать славянские конструкции с предлогом *o* в изъяснительном значении — с греч. сочетаниями с *ἐπί* или с *ἀμφί*? Сопоставлять ли лок. с предлогом *o* в значении места с соответствующими типами с лит. *apie*, лтш. *ap*, др.-инд. *api*, др.-ир. *apī*, или с *abhi*, *aibī*, ? и т. д. С определенностью ответить на эти вопросы нельзя. Придется учитывать двойкую вероятность, в связи с чем достоверность выводов значительно падает.

* * *

Среди локативных конструкций с предлогом *o* наиболее древними являются те, которые с приблизительной точностью указывают место или время действия. Об этом с очевидностью свидетельствует ряд фактов и соображений: данные общего порядка о развитии падежных конструкций в связи с эволюцией значений, наличие в других индоевропейских языках надежных параллелей лишь для этой группы случаев, сведения, почерпнутые из самих славянских языков, некоторые указания предлога и т. д.

Уже в древнейших памятниках славянских языков локативные конструкции с предлогом *o* в местном значении встречаются редко, причем в весьма ограниченных условиях (при глаголах пребывания, как правило). В этих ситуациях наиболее полно сохраняется первоначальное значение предлога *o* — 'около', 'вокруг', 'вблизи'. Здесь оно лучше всего

⁷⁷ Впрочем, следы предложного употребления можно еще заметить в некоторых современных индийских языках в приставочных образованиях. Ср. L. P. Tessitori. On the origin of the Dative and Genitive postpositions in Gujarāti and Māṅwāri. — JRAS, 1913, p. 557.

⁷⁸ (*ap)imaiy* 'en outre par moi'. См. А. Мейе. Указ. соч., стр. 227.

удерживается и в дальнейшем, поскольку не подвергается тем изменениям, которые обычны в условиях переносного употребления, идиоматических сочетаний и т. д. Тем не менее, история этой конструкции в письменный период представляет картину вытеснения ее, приведшего в большинстве славянских языков к полному исчезновению этого типа. В тех же языках, где эта конструкция встречается и сейчас, она представлена единичными примерами одного типа (ср. сербохорватский), выступающими как архаизм, или примерами, в которых первоначальное значение конструкции оказалось забытым (ср. некоторые русские говоры). Таким образом, не может быть сомнений в общем направлении в развитии лок. с предлогом *о* в местном значении. Это подтверждается и интенсивным развитием сходных по значению предложных конструкций, уже на почве отдельных славянских языков. Имеются в виду сочетания с предлогами *возле*, *вокруг* и т. д., отличающиеся между собою в деталях по отдельным славянским языкам. Значительный рост подобных конструкций после XIV—XV вв. косвенно свидетельствует о вытеснении лок. с предлогом *о*.

Приблизительно то же можно наблюдать и в других индоевропейских языках. Выше уже говорилось, что нередкие в ведийской поэзии локативные конструкции с *api*⁷⁹ в брахманической прозе уже отсутствуют, хотя в ряде случаев употребление союза *api* дает некоторые намеки на особенности прежнего употребления соответствующего предлога⁸⁰. Предлог *abhi*, употреблявшийся, впрочем, с вин., также терял свое старое значение. Судьба соответствующих иранских конструкций уже была указана⁸¹. В балтийских языках употребление предлога *ap(ie)* в сочетании с вин. в значении места, вокруг или около которого происходит действие, отмечено в ряде случаев. Особенно многочисленны подобные примеры в латышском языке: достаточное число их приведено в научной литературе⁸². Следует специально отметить преобладание четко выраженного значения 'вокруг' ('около' гораздо реже) в указанных латышских конструкциях: *zeme griežas ap sauli* 'земля вращается вокруг солнца', *viņš apsēja kaklautu ap kaklu* 'он повязал галстук вокруг шеи' и др. (в славянских примерах значение 'вокруг' определяется не столько самим предлогом, сколько значением контекста в целом).

Однако вполне обычными эти конструкции являются лишь в нижнелатышских говорах; примеры из верхнелатышских и латгальских диалектов единичны. Здесь, как, впрочем, отчасти и в нижнелатышских

⁷⁹ Вот несколько примеров из Ригведы: 385, 9; 706, 12; 912, 4; может быть, 489, 16; есть еще около 15 примеров лок. с предлогом *api*, однако уже с потерей первоначального оттенка 'около'.

⁸⁰ То же, видимо, можно сказать об армянском *ev*, ставшем союзом.

⁸¹ В среднеиранских языках отмечаются следы интересующих нас предлогов преимущественно в виде глагольных префиксов; ср. хот.-сакс. *puvad* 'бояться' (из **api* . . .), *bijū* 'оживать' (из **abi* . . .). См. St. Konow. Khotansakische Grammatik. Leipzig. 1942, S. 66.

⁸² См. И. Эндзелин. Лтш. предл. I, стр. 27—28; А. Биленштейн. Die lettische Sprache, II, S. 291; K. Mülenbachs. Latv. val. vārdn. I, стр. 71 и др.

говорах, вин. с предлогом *ap* в местном значении вытесняется другими конструкциями с предлогами *apkārt*, *aplik*, *kārt*, *visaplik*, *visapkārt*, *par apār*, *visapār*, *apart* и др. (часть из них диалектные варианты), примеры которых все более и более увеличиваются в теперешних текстах.

Примечание. В некоторых говорах при *apkārt* при обозначении места выступает род. Трудно сказать, какой падеж лежал в основе формы *apkārt*. В равной степени можно думать о лок. и вин. (может быть, твор.?). Литовское диалектное *apikarto*, отмеченное у Довконга, предлогом не стало. Однако ввиду лит. *aplinkui* (< **ap-linkōi*), *išlinkai* (< **iš-lin-koi*) некоторые готовы думать об **ap-kar-toi*.

В современном литературном литовском языке вин. с предлогом *apie* в значении места весьма редок и представлен рядом однообразных случаев ('вокруг'), перечисленных в грамматике И. Яблонского и в словаре И. Бальчикониса⁸³ (здесь же примеры из некоторых говоров). Дополним эти данные рядом примеров несколько иного типа: *wejis ape ousis szwilp'a*. Шпехт, R 3, 83; *ir tam apmauk'a ape ousis*. Там же, R 3, 76; *susedi apie statu*. Там же, R 3, 86; *prisirinka dougyb'a poukszezu apie tu krot'ali*. R 3, 93; *susirinka ape ta arkli*. Там же, R 1₂, 182; *stow' apei liepu kulyna*. Там же, RW₂, 258; *užtaise jis didelės raštavõnes apie lizda*. Янишск. гов. Вольтер. Лит. Хрест., II, 334; *jos apie sawa karalių raites'*. С. Jurkschat, I, 118 и др. Такие примеры в литературном языке сейчас отсутствуют. В аналогичных ситуациях выступает предлог *aplink(ui)* с вин. или некоторые другие конструкции.

Следовательно, и в балтийских языках (в прусском подобных примеров нет) круг употребления указанной конструкции суживается.

Интересно, что греч. ἀμφί с род. и дат. (иное дело в вин.), наиболее близкий по значению к балтийскому *ap(ie)*, в истории греческого языка также претерпевает ряд ограничительных процессов (иначе ἐπί с род. и дат.).

Факты других языков менее показательны, отчасти спорны, а иногда и вовсе отсутствуют.

Однако кажется несомненным общий вывод, заключающийся в том, что сочетания с указанным предлогом были в местном значении и в других индоевропейских языках и относительно рано начали исчезать. Поэтому можно заключить о индоевропейском (по времени) происхождении таких случаев (в тени пока остается вопрос о падежной форме). В каком состоянии унаследовал праславянский язык эту конструкцию, сказать невозможно. Поэтому ограничимся рядом замечаний, касающихся рассматриваемой конструкции в более поздние периоды развития праславянского языка.

Примечание. Вопрос о первоначальной падежной принадлежности формы, выступающей при предлоге *o/job* в первый период развития праславянского языка, чрезвычайно сложен. Дело в том, что в славянских языках конструкции лок. и вин.

⁸³ См. R y g i ų k i ų J o n o. Lietuvių kalbos gramatika. Kaunas, 1922, стр. 172, 173; J. B a l č i k o n i s. Lietuvių kalbos žodynas, I. Vilnius, 1941, стр. 162—163.

с предлогом *o/ob* сосуществуют в большинстве ситуаций, причем не представляется возможным наметить старое различие в значении этих конструкций; более ощутимы некоторые второстепенные различия, возникшие уже в отдельных славянских языках или в последний период праславянского языка. Но они не могут оказать нам существенной помощи.

Все же, кажется, можно предположить, что преимущество в древности имеет вин. с предлогом *o*, отмеченный во всех языках, знающих соответствующие славянскому *o/ob* предлоги⁸⁴. Предположение иного рода, связанное с экспансией конструкций вин. с предлогом *o* в сферы употребления лок., было бы слишком смелым и едва ли вытекало бы из имеющихся в нашем распоряжении фактов. Позже, видимо, возникли сочетания лок. с предлогом *o* как новый структурный тип. Они во многих случаях заменили старые аккузативные конструкции. Этот процесс проходил, вероятно, весьма долго. Во всяком случае, славянские языки сохранили некоторые следы его в своих памятниках. Интересно отметить, что славянские и некоторые другие языки удержали именно те аккузативные конструкции с предлогом *o* и его соответствиями, которые специализировали свое значение и в согласии с более старыми образцами стали обозначать направление, цель и т. д. Ср. слав. типы „биться о что-либо“ (в прямом и переносном значении), „споткнуться о что-либо“, „метать жребий о что-либо“, может быть, гипотетическое „идти о что-либо“ (=‘за чем-нибудь, с целью’. . .) и др., подтверждаемые соответствующими (но уже переосмысленными) примерами из древнеиндийского, из древнеиранского (ср. также: *abiŋ avam ašiyava* ‘он пришел к нему’. Бегист., 40 и др.), из древнегреческого (тип: *Ξέρξης ἦλθεν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα, ἀναβαίνειν ἐφ’ ἵππων* и т. д.) и др. Бесспорно, что такие случаи вторичны с индоевропейской точки зрения и возникли в условиях конкуренции с соответствующими локативными конструкциями с целью дифференциации однозначных типов. Наметив в общих чертах взаимоотношение указанных локативных и аккузативных типов, мы, тем не менее, остаемся в неведении относительно хронологического приурочения этих явлений.

В связи с анализом локативных конструкций с предлогом *o/ob* указанного типа было бы важно выяснить более точно значение этого сочетания, а именно, определить неизвестную его часть — значение предлога. Однако сделать это весьма трудно по ряду причин. Во-первых, в нашем распоряжении нет надежных средств для определения значения лок. с предлогом *o* в древних памятниках славянской письменности, поскольку количество примеров довольно ограничено, трудно учесть вклад всего контекста в значение конструкций и, наконец, поскольку не всегда возможно отрешиться от ассоциаций с примерами из более поздних периодов. Во-вторых, уже в X—XIII вв. указанные конструкции состояли из ряда типов с несколько отличными значениями (‘вокруг’, ‘около’, ‘за’: *запроша истобъку о нихъ* и др.), причем некоторые из них (последний пример) не имеют очевидных соответствий в других языках и, видимо, возникли в разные периоды. Наконец, наличие ряда переходных случаев, иногда еще сохраняющих связь с указанными типами, также препятствует определению исходного значения в более ранние времена.

Все же, кажется, можно предположить, что наиболее древней разновидностью были конструкции, состоящие из лок. с предлогом *o/ob* при глаголах типа *быть, стоять, лежать, висеть* и т. д. Это, так сказать, „сильная“ позиция сочетания, наиболее удобная для определения

⁸⁴ Исключение составляет ведийское *ari*, употребляющееся лишь с лок.

значения. Данные ряда индоевропейских языков, некоторые этимологические соображения, отдельные намеки, содержащиеся в славянских языках (глагольный префикс *о-*, *об-*, ряд слов типа: *общий*, *облый*, *объдо* и др.; *около*, *округ* и др.), заставляют признать, что значение 'вокруг' в указанной конструкции было более древним, чем 'вблизи', которое развилось позднее в особых условиях контекста (ср. семантическую параллель — развитие значений у предлога *около*: *circum* > *apud*).

Впрочем, такие заключения можно сделать на основании анализа „локальной“ разновидности этой конструкции. Соответствующая „временная“ разновидность не является в полной мере параллельной: этому мешает специфика ее значения, отмеченная в первой части нашего исследования.

История развития лок. с предлогом *о* в значении времени в общем повторяет тот же путь, что проделала соответствующая конструкция „локального“ плана, если не считать того, что в отдельных говорах некоторых славянских языков довольно прочно укрепились отдельные примеры полуидиоматического свойства, кое-где (некоторые западнославянские говоры) выйдя за пределы старого (X—XIV вв.) употребления. Глубокая древность этого типа подтверждается примерами из ряда других языков: др.-инд. *api-carvara*. RV, 243, 7; 621, 29 'с ночью граничащий', т. е. 'раннее утро'; др.-иранск. *api zādet*. Ясна, 47, 5 'после рождения', ср. Видевд., 5, 65; *yahmi aipi vidiši*. Яшт., 10, 80 'во время чьего суда'; *apē pacja vidūnakty i vē užē velnju ir velnjuka!* Колтын. гов. Вольтер. Лит. хрест., II, 65; *wokaro gi, apie d'awintu adynu dasizinojom, kad tie studintei do n'asugfiži*. Шпехт., R 4, 46; *ape pus'ryti sugrizti ir musu panaktinys*. Шпехт., A 3, 83; *o kaip tas atsitikimc žiemo buwa ape kaėedas*. Шпехт., R 1 $\frac{1}{2}$, 180; *wiena karta jau wėlai wakare ape d'aszimta adyna ein karalaus sūnus ...* Шпехт., Wž. 255 и др.⁸⁵; *wakkar ap to septita stunda palaido to tas drudzis*. Латышск. Еванг. 1671 г., I, 201; *tad nomannia tas tems ap to stunda essam*. Там же I, 201; *ap vakaru, ap pusnakti, ap pulksten septiņiem* и др.⁸⁶; ср. также дат. с *ēpi* в греческом или случай: *ὁ ἀμφὶ τὸν χειμῶνα χρόνος*.

Впрочем, развитие конструкций лок. с предлогами, соответствующими славянскому *о*, в ряде языков характеризовалось специфическими отклонениями от указанного типа, вызванными, видимо, употреблением этих сочетаний в ситуациях, ранее игнорируемых. Мы имеем в виду случаи, когда исследуемая конструкция обозначает не время, а количество, меру: тип *ждать около часа* (= 'приблизительно час'), но: *встать о полночи*. Поскольку предлог *около* является несомненным продолжателем старого *о*, то можно думать, что славянские языки некогда знали конструкцию с предлогом *о* в значении приблизительного количества.

⁸⁵ См. еще J. Balčikonis. — LKŽ, I, стр. 162 и E. Fraenkel. Syntax der Postp. und Praepos.

⁸⁶ Любопытный пример находим в первом латышском катехизисе 1585 г.: *appeskan Pontio Pilato* 'во времена Понтия Пилата'. См. Э. Вольтер. К истории первопечатных книг. Первый латышский катехизис 1585 г. — Сб. ИОРЯС, т. 94, 1916, стр. 9. Ср. такое же употребление в говоре латышских инфлянтов.

Правда, у нас нет прямых доказательств наличия лок. при этом предлоге, но кое-какие косвенные данные заставляют признать вероятность лок. в этой ситуации. Все славянские языки в той или иной степени сохранили старый тип *змея о трех головах, дом о двух комнатах* и т. д. Попытки его объяснения путем выведения из конструкций с локальным значением, видимо, обречены на неуспех. Считаем также возможным оставить в стороне явно вторичные случаи, получившие значительное развитие в западнославянских языках (ср. *człowiek o wybitnych zdolnościach, motor o wielkiej sile, potrubí o nízkém tlaku* и др.). То же относится и к отдельным случаям, в которых поверх значения средства, орудия накладывается легкий социативный оттенок (*ходить о палке, может быть, жить о хлебе* и т. д.). Возвращаясь к типу *змея о трех головах*, следует обратить внимание на то, что социативный оттенок здесь явно вторичен: он не вытекает из этимологических особенностей предлога; кстати характерно, что отсутствуют соответствующие примеры без числительного: при *змея о трех головах, голова об одном глазе* нет *змея о головах, голова о глазе* и т. д. Социативный смысл всех этих примеров одинаково присущ им. Поэтому с этой точки зрения нельзя объяснить отсутствие сочетаний типа *змея о головах*. Остается, кажется, единственная возможность связать анализируемый тип *змея о трех головах* с рядом: *месяц о тридцати днях* ← *пробыть где-либо о пяти днях* (т. е. около 5 дней, приблизительно 5 дней) ← *проснуться о двух часах ночи* ← *случиться о третьем часу* и т. д. Эволюция такого рода, несмотря на то, что многие ее звенья и детали остаются неясными, все-таки кажется более вероятной, чем развитие из местного значения лок. с предлогом *о*. Это тем более возможно, что из других индоевропейских языков нам известны некоторые примеры, соответствующие отдельным гипотетически восстановленным нами этапам славянской эволюции: ср. греч. ἐπί (с вин.) при определении количества, меры (ἐπ' ἀσπίδας πέντε καὶ εἴκοσι 'по 25 в ряд'), при обозначении протяженности во времени (ἐπὶ δέκα' ἐτη μιαιβοῦν 'нанимать на 10 лет' и др.), может быть, ἀμφί в случаях вроде: ἀμφί τὰ εἴκοσι ἔτη 'около 20 лет'; ср. лит. *apie mėnesį važinėjo*. Янишск. гов. 'около месяца ехали'; *apie šimtą vyrų išvarė*. Там же 'около сотни мужчин выгнали'; *Afrikoj apie penkius milijonus hektarų žemės apžėlę*. Бальч. LKŽ, I, 162 'в Африке около 5 млн. гектаров земли озеленено'; *jis dabar apie šimtą rublių laimėjęs*. Там же 'он теперь выиграл около ста рублей'; *suwada jis... apie piñkioliku kuntu masos*. Шпехт., R 5, 2; ср. лтш. *ap divi pēdi garš* 'приблизительно на 2 шага дальше'; *ap seši māroiņi smags* 'приблизительно на 6 фунтов тяжелее'; *ap deviņi gadi vēc* 'приблизительно на 9 лет старше' (параллельно к соответствующим польским случаям. Müllenb. Latv. val. vārds, I, 70).

Впрочем, хронология этого типа остается неясной.

Наконец, можно думать и о своего рода переразложении конструкции: *о змее три головы* — *змея о трех головах*, подтверждаемом, может быть, такими примерами, как: *прыщи на лице* — *лицо в прыщах, орден на груди* — *грудь в орденах*.

Все же мы не можем определенно высказаться в пользу того или иного решения, поскольку недостаточность материала представляет целый ряд возможностей для различных выводов.

То же следует сказать и о случаях типа *ходить о палке, жить о хлебе* и др., которые могли бы помочь и при анализе предыдущего типа. Однако ввиду единичности славянских примеров и отсутствия подобных конструкций в других языках⁸⁷ благоразумнее воздержаться от попыток объяснения этого типа.

Существенной трудностью при изучении древних локативных конструкций с предлогом *о* является определение их значений. Это объясняется тем, что в конце праславянского периода и в начале обособленного существования славянских языков подобные конструкции получили чрезвычайно широкое развитие, причем предлог *о* выступал уже не только в исконных для него конкретных ситуациях (= 'около', 'вокруг'), но и в некоторых других, в том числе и в переносных. Естественно, что потеря первоначального значения предлога и грамматикализация его в разных случаях протекали по-разному. Это способствовало развитию многообразия в значениях конструкций и нередко затрудняло правильное их понимание, делая необходимым принятие во внимание слишком широкого контекста, а иногда и внеязыковых реалий. Некоторые случаи такого рода были приведены еще в первой части. Укажем еще один пример, взятый из древнерусского языка (можно думать, впрочем, что такой тип существовал и раньше). Бесспорно, что сочетание *ходить о комь / о чемь* в древнерусском языке обозначало 'ходить вокруг кого / чего, около кого / чего'. Но наряду с этим встречаются формально тождественные случаи типа: *ходиша на Емь молодци о Вышатѣ о Василевици*. Син., 38; *поехаше... о посадникѣ Ильи*. Пск. лет., III, 98 и др., значение которых осложнено оттенками, которые не могли непосредственно развиться из значения указанного выше типа *ходить о комь* (= 'вокруг кого'), но из типа: ... *стоять о комь* (= 'вокруг кого', 'под началом, под предводительством')⁸⁸. Не считая возможным выделять эти случаи в самостоятельную группу, поскольку они не имеют самостоятельной грамматической характеристики по сравнению с конструкцией *ходить о ком* в значении 'вокруг кого', заметим, что они не могут не привлечь особого внимания исследователя, так как они являются симптомом, а в некоторой степени уже и результатом деградации локативных конструкций с предлогом *о* в конкретных значениях. Лишь в таких условиях становится понятным возникновение локативных конструкций с предлогом *о* в изъяснительном значении, а так как в X—XIV вв. такие конструкции в славянских языках имели уже значительное распространение, предполагающее достаточно длительную эволюцию, то следует отнести начало разложения локативных конструкций с предлогом *о* в конкретных

⁸⁷ Некоторую аналогию можно видеть в отдельных греч. примерах типа: *ἐπί πρὸς τὸ πλάγιον τῆς χερσὶν* 'итти (опираясь) об руку служанки'; *ἐπ' ἰσᾶ* 'поровну'; *ἐπί μᾶλλον, ἐπί πολὺ* и др.

⁸⁸ Ср. греч. дат. с *ἐπί* при обозначении подчиненности, зависимости.

значениях к гораздо более раннему времени, чем первые славянские памятники.

Сделаем некоторые замечания о древнейших судьбах этой специфически славянской конструкции.

Определить общее направление в развитии лок. с предлогом *о* в изъянительном значении в славянских языках в целом или даже по отдельности весьма сложно, а в некоторых случаях и невозможно. Объясняется это целым рядом причин. Прежде всего, следует отметить существенные различия в судьбе исследуемого типа в отдельных славянских языках. Особенно показательны сравнение современного литературного русского языка, в котором указанная конструкция получила весьма значительное развитие, став основной в „изъянительной“ ситуации, и украинского языка, где локативная конструкция с предлогом *о* в этом значении оказалась в основном вытесненной другими типами. Столь же поучительно сопоставление верхне- и нижнелужицких данных. При сравнении других славянских языков также заметны различия в употреблении этой конструкции (ср., например, западнославянские данные с белорусскими или русскими). К сожалению, далеко не всегда можно выяснить, каким образом и когда возникли и развились эти различия. Во всяком случае, материалы письменных памятников часто не в состоянии разрешить недоумения исследователя. Впрочем, в самом общем виде, обходя детали, можно воссоздать картину развития исследуемой конструкции в отдельных литературных славянских языках, опираясь на показания памятников. Однако было бы ошибочным перенести выводы о развитии этого типа в литературных вариантах языков на судьбу лок. с предлогом *о* в изъянительном значении в отдельных диалектах. Дело в том, что различия между литературными языками и диалектами в этом отношении чрезвычайно велики; более того — их данные часто находятся в резком противоречии между собой. Так, в литературных вариантах сербохорватского, словенского, верхнелужицкого языков лок. с предлогом *о* в изъянительном значении обычен и, по существу, мало отличается от лок. с этим же предлогом в русском или польском языках. В диалектах же этих языков указанные конструкции или отсутствуют вовсе, или встречаются крайне редко (причем в ряде случаев как результат влияния письменного языка). В несколько меньшей степени то же отмечено и в других языках (ср. русские данные). Вообще следует отметить, что говоры (большей частью) весьма неохотно пользуются подобными конструкциями, заменяя их дублетами разного типа или вовсе избегая „изъянительных“ ситуаций.

Примечание. Лишь кажущимся исключением являются галицко-волинские говоры, употребляющие лок. с предлогом *о* в изъянительном значении, в противоположность литературному языку, предпочитающему вин. с предлогом *про*. Дело в том, что в силу исторических условий эти говоры оказались на долгое время оторванными от центральной и восточной Украины, в результате чего образовалось два литературных варианта: западно- и восточнукраинский. При этом первый охотно употреблял локативные конструкции с предлогом *о* в изъянительном значении.

Интересно, что в основу ряда литературных языков, знающих лок. с предлогом *о* в изъянительном значении, легли говоры, не имеющие

подобной конструкции (сербохорватский, словенский). Повтому указанный тип в этих языках является в известной степени искусственным, удержавшимся в результате сохранения старого употребления.

Хотя трудности в более глубоком освещении путей развития этой конструкции в славянских языках очень велики, все-таки можно отметить некоторые детали. Так, например, во всех славянских языках исчезли „промежуточные“ между конкретными и изъяснительным значениями случаи (ср. старые примеры лок. с предлогом *о* при глаголах *каяться*, *благодарить*, *простить*, *прославиться*, *хвалиться*, *соблазниться*, *гневаться*, *обличать*, *постыдиться*, *насладиться*, *довлеться*, *негодовать*, *ужасаться*, *удивляться*, *радоваться*, *чудиться* и др.). Во многих языках этот процесс пошел еще дальше, захватив глаголы, выражающие желания, заботу, печаль. С другой стороны, как правило, исчезли и те локативные конструкции с предлогом *о*, которые были более конкретны, чем указанные случаи: примеры с целевым, причинным и т. д. значениями. Таким образом, во всех славянских языках в настоящее время образовался разрыв между локативными конструкциями с предлогом *о* в конкретных и в изъяснительном значениях. В связи с этим во всех славянских языках сузился круг смысловых ситуаций, в которых выступает указанная конструкция, охватывая теперь в большей части случаев лишь собственно „изъяснительное“ значение. С другой стороны, внутри собственно „изъяснительной“ ситуации увеличивается круг глаголов и имён (отглагольных и неотглагольных), при которых выступает лок. Подобное употребление нередко проникает и в говоры, довольно легко усваиваясь и распространяясь; причем иногда поддерживающее влияние оказывают старые типы с предлогом *о*, имеющие изъяснительное значение.

Еще более осложняется вопрос, если коснуться дублетных конструкций, возникших, видимо, относительно поздно и существенно различающихся по языкам (конструкции с предлогами *про*, *за*, *од*, *per / par*, *na*, *vrh*, *о + вин.* и др.). Обилие и разнообразие дублетных типов, кажется, говорит о расхождении отдельных языков в отношении судеб старой изъяснительной конструкции лок. с предлогом *о*, отчасти ограничиваемом нормами литературных языков. С другой стороны, наблюдения над лок. с предлогом *о* в литературных языках, его устойчивость и даже распространение в указанных выше пределах заставляют думать о создании особого, в значительной степени грамматикализованного способа выражения изъяснительного значения. Во всяком случае, для ряда языков такое предположение вполне правдоподобно, хотя и нуждается в доказательстве и подробном обосновании.

Из числа конструкций, являющихся дублетными к лок. с предлогом *о* в изъяснительном значении, особо следует отметить вин. с тем же предлогом. В отличие от указанных выше дублетных типов ее можно назвать параллельной, поскольку ее связи с лок. с предлогом *о* настолько тесны в отношении формы, состава, условий употребления, значений, исторических судеб, что следует предполагать, что в известный период они находились между собой в таком же отношении, как

Кыевѣ — *въ Кыевѣ, ноци* (б/пр. лок.) — *ночи* (род.), *итти по землям* — *итти по землях* и т. д. Среди других дублетных конструкций вин. с предлогом *о* выделяется и тем, что он знаком или был знаком (в изъяснительном значении) всем славянским языкам, причем выступал обычно в одинаковых условиях. Учитывая эти данные, а также литовские, латышские и греческие конструкции с соответствующим предлогом *apie, ap, ἐπί*), приходится признать за вин. с предлогом *о* в изъяснительном значении большую древность (иногда, видимо, индоевропейскую).

Уже в древнейших славянских памятниках письменности аккузативные сочетания с предлогом *о* значительно уступают соответствующим локативным конструкциям в изъяснительном значении. Самые тщательные разыскания едва ли смогут выявить семантическое различие между этими конструкциями. Во всяком случае, в большей части славянских языков они нередко употребляются в совершенно одинаковых ситуациях. Встает вопрос: почему в таких условиях не наблюдаем решительного вытеснения вин. с предлогом *о*, которое — даже там, где оно все-таки совершилось — происходило очень медленно, причем сочеталось с попытками закрепить аккузативное употребление в некоторых особых условиях? Видимо, это объясняется рядом причин, среди которых далеко не последнее место занимают наличие у этой конструкции ряда конкретных значений, отличающихся от значений лок. с предлогом *о*, употребление в изъяснительном значении некоторых других предлогов с вин. (*za, pri* и др.) и т. д.

С отдельными примерами распределения в употреблении между вин. и лок. с предлогом *о* мы познакомились еще в первой части (ср. *о*+вин. в заглавиях, *о*+лок. в остальных случаях; *о*+вин. при глаголе, *о*+лок. при глаголе с прямым дополнением; *о*+вин. при глаголах одного рода [*заботиться, стараться, печься, просить, молить, надеяться* и т. д.], *о*+лок. при собственно „изъяснительных“ ситуациях и т. д.). Однако эти различия обычно определяются внешними условиями и не определяют разницы в значениях. Это становится понятным, если предположить, что эти конструкции возникли в разные эпохи, причем локативная создавалась как наследница значений вин. с предлогом *о*. Во всяком случае, данные других индоевропейских языков с несомненностью показывают, что при предлогах **ebhi/obhi, *epi/opi* в конкретных значениях вин. предшествовал локативу. Что касается изъяснительного значения, то основные этапы в развитии средств его выражения очевидны на материале индоевропейских языков: I. „Сказать“ ...+вин. без предлога. II. „Сказать“ ...+вин. с предлогами (в том числе и с **ebhi/obhi, *epi/opi*). III. „Сказать“ ...+лок. с предлогом **ebhi/obhi, *epi/opi* (этот этап лучше всего засвидетельствован в славянских языках, отчасти в греческом, где выступает *ἐπί*+дат. [= лок.], видимо, возобладавший в этих условиях над вин. с тем же предлогом; ср. *ἐπί*+дат. при глаголах *χαίρειν, λυπεῖσθαι, θαυμάζειν, ἀγαπᾷτεῖν, αἰσχύνησθαι, πάσχειν, γελᾷν, ἀεθλεύειν* и даже *λέγειν* и др.⁸⁹; заметим что изъяснительное значение

⁸⁹ В древнеиндийском и древнеиранском нет подобных примеров, что объясняется изменением в значении предлога, ставшего обозначать направление.

этих конструкций в греческом языке несколько ослаблено и завуалировано оттенками причины, цели, основания действия и т. д.).

Возможно, что некоторые намеки на прежнюю судьбу исследуемой конструкции следует видеть в соотносительных случаях типа: *плакать о ком* — *оплакивать кого*, *говорить о ком* — *оговаривать кого*, *судить о ком* — *осудить кого* и др.

Во всяком случае, нам кажется возможным предполагать наличие аккузативных конструкций с предлогом *о* в ряде значений в праславянском языке в тех ситуациях, где позже утвердились соответственные локативные конструкции. Однако время протекания этого процесса вытеснения можно определить лишь самым общим образом: после предполагаемой балто-славянской эпохи вплоть до настоящего времени (в ряде языков), причем в большинстве случаев локативные конструкции получили решающее преобладание, оставив на долю аккузативных сочетаний некоторые специфические ситуации. Детали этого процесса также остаются не совсем ясными. Можно лишь указать, что появление лок. с предлогом *о* в изъяснительном значении должно было предполагать: 1) наличие лок. с тем же предлогом в ряде конкретных значений, а также более отвлеченных: причины, цели, основания действия, 2) наличие вин. с предлогом *о* в изъяснительном значении. Кажется также бесспорным, что внедрение локативных сочетаний происходило прежде всего у глаголов с ослабленной „изъяснительностью“, допускавших иногда и более конкретное употребление лок.: ср. *покаявсь о семь мѣствъ* — *покаявсь о грѣсѣхъ*. Однако, видимо, в праславянскую эпоху лок. с предлогом *о* в этих случаях сосуществовал с вин. Во всяком случае, на рубеже письменной и дописьменной эпох такие случаи были известны. Лишь после того, как лок. с предлогом *о* утвердился (хотя бы в части примеров) при глаголах с ослабленной „изъяснительностью“, началась экспансия этого сочетания в условиях собственно „изъяснительных“ глаголов. При таком предположении возникает вопрос: почему же именно в этой группе случаев, возникшей позднее, чем другие, в письменную эпоху аккузативных конструкций с предлогом *о* встречается гораздо меньше, чем в других группах. По-видимому, утверждение здесь лок. с предлогом *о* было обусловлено тем, что при собственно „изъяснительных“ глаголах скорее всего проявилась невозможность осмысления лок. с предлогом в конкретном плане, что именно здесь были наиболее удобные условия для потери предлогом, а затем и всей конструкцией своего первоначального значения. Там же, где эти условия были менее благоприятны, сосуществование лок. с вин. было дольше.

Что касается причин вытеснения вин. с предлогом *о* локативом, то они, видимо, объясняются некоторыми соображениями общеструктурного порядка, в которые здесь мы не будем вдаваться. Отметим лишь, что балтийские данные не могут считаться противоречащими славянским фактам, так как в балтийских языках лок. формально не получил того же развития, что в славянских языках. Поэтому славянские и балтийские конструкции указанного типа не являются результатом различных путей развития: они относятся друг к другу как вторичное к первичному.

Примечание. Возможно, что в праславянском языке одно время вин. с предлогом *о* конкурировал не с лок. (или не только с лок.), но с род. с предлогом *о* (ср. некоторые балтийские и греческие данные). Это лишний раз подтверждает нашу мысль, что вин. с предлогом *о* потерял ряд своих прежних значений не потому, что возник лок., а, наоборот, лок. появился в связи с тем (между прочим), что вин. с предлогом *о* (и без него) в силу ряда структурных сдвигов не мог не потерять способности выражения ряда значений, которые стали выражаться другими падежами (лок., род. и т. д.).

Локатив с предлогом *ро*

Перейдем теперь к рассмотрению лок. с предлогом *ро* в истории славянских языков и к анализу его древнейших судеб в первую очередь.

Предварительно лишь заметим, что рассмотрение этого вопроса сопряжено с такими же, а иногда и с еще большими трудностями, чем те, которые нам встретились при анализе локативных конструкций с предлогом *о*. Эти новые трудности заключаются в этимологической неясности предлога *ро* и в наличии при этом предлоге уже в праславянском языке трех падежей (лок., дат., вин.), а в балтийских — они являются единственным внеславянским источником при изучении данной конструкции — даже пяти (лок., дат., вин., род., твор.), причем разнопадежные типы часто имеют одно и то же значение.

Что касается индоевропейской этимологии *ро*, то ее установление („жесткая“ этимология), по нашему мнению, невозможно, по крайней мере, в настоящее время. Дело в том, что ни одно из сопоставлений, выдвинутых до сих пор (**apo*, **uro*, **pos*)⁹⁰, не является удовлетворительным ни в отношении значений, ни в формальном отношении (если не считать **pos*, которому, однако, противоречат балт. *po*, едва ли отделимое от соответствующих славянских фактов). Так ряд **apo*, представленный др.-инд. *apa*⁹¹, др.-иранск. *apa*⁹², греч. ἄπο, ἀπό, лат. *ab*,

⁹⁰ См. К. Бругманн. Grundr.² II, 2, 75, S. 806—809; он же KVG., § 613; А. Потт. Etymologische Forschungen. 1², S. 213, 665 и след.; Е. Лейманн. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Leipzig., 1907, S. 40; Б. Дельбрюк. Vergl. Synt. I, § 283; Н. Grassmann, — KZ, Bd. XXIII, S. 569; И. Энджелин. Латышские предлоги, I, стр. 139—140; О. Гуэр. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910, str. 29—30; А. Вальде—Ю. Покорный. Vergl. Wörterb. der idg. Sprachen, I, S. 47; II, S. 78 и т. д.

⁹¹ Вопреки Дельбрюку (Altind. Synt., стр. 448) и Рену (Gramm. véd., стр. 317) *apa* выступает в древнейших индийских текстах (впрочем, очень редко) и в виде предлога (не только префикса). См. Г. Грассманн. Указ. соч., стр. 72; И. С. [Шпейер. Указ. соч., стр. 25—26 (один пример отмечен у Панини).

⁹² В др.-иранск. и др.-перс. *apa* встречается лишь в виде префикса, хотя некоторые имена с префиксом *apa* указывают на существование предлога *apa* в прошлом. Особенное значение имеют данные некоторых среднеиранских языков, сохраняющих более древнее состояние (в этом случае), чем древнеиранский. Ср. согдийск. предлог 'pw (в буддийских текстах), pw (в христианских текстах), наряду с соответствующим негативным префиксом 'p (правда, Э. Бенвенист [„Essai de gramm. sogd.“, стр. 163] лишь 'pw возводит к **apo*). В хотан-сакском и хорезмийском *pa* (из **apo*) встречается лишь как преверб. Ср. хот.-сак. *patālt* 'отрезать', *panasš* 'исчезать'. С. Конов. Khotansak. Gramm., стр. 65, хор. *parāc* (**apa* + *rāta*-) 'развод', стр. 58 и след; *pādabāvak* (**apa* + арабск. *adab*) 'невежливость'. См. А. Фрейманн. Хорезм. яв. стр. 114.

готск. *af*, алб. *pa* и т. д., повсюду содержит указание на отделение, удаление, которое отсутствует в славянском предлоге *po* (о соответствующем значении в префиксе см. ниже). Кроме того, везде содержится звук *a* в начале предлога; исчезновение же его в славянском и балтийском предлогах фонетически не объяснимо. Ряд **uro*, осуществленный в др.-инд. *ura*, др.-иранск. *ura*, готск. *uf*, весьма разнообразен по своим значениям, причем индо-иранские факты находят славянское соответствие лишь в очень ограниченной группе случаев (тип *стоять по ком*). В формальном отношении идентифицировать славянское *po*, балтийское *po*, *pa* с указанными предлогами также нельзя, поскольку в балтийских языках *i* должно было бы сохраниться, а в славянских было бы: **uro* > **ъro* > *ъро* (или с перестановкой второй и третьей стадий). Ряд **ros* вообще остается проблематичным, так как единственный надежный пример находим в литовском *ras*. В качестве более далекой параллели можно привести лат. *post*, осиск. *pūst*, *post*, умбрск. *post* и даже *rus*, обладающие, правда, совсем другим значением. Что же касается аркадско-кипрского *πός*, то оно, кажется, так относится к *πρός*, как волийское *poti* к *proti*⁹³. Поэтому, несмотря на возможность фонетической эволюции **ros* > *ro*, считаем невероятным сравнение славянского предлога с **ros*. Разница в значениях и наличие в литовском языке предлога *ro* (наряду с *ras*) лишний раз подтверждает правильность такого мнения.

Очевидные препятствия, возникающие при попытке возведения славянского *po* к одному из указанных выше предлогов, заставили ряд ученых признать тройное (иногда — двойное) происхождение славянского *po*. Этот взгляд остается неопровергнутым и сейчас, хотя его несостоятельность в целом очевидна. При прочих равных условиях нужно считать лучшим то объяснение, которое воздерживается от дополнительных промежуточных гипотез. Следовательно, славянский предлог *po* лучше всего выводить из **ro*, сравнимого с соответствующими балтийскими фактами и некоторыми другими примерами, выступающими в осложненном виде (сюда же, вероятно, следует отнести лат. *po-* в *po-sino*). Непосредственное же сопоставление с **aro* и т. д. следует отбросить (тем более, что подобное соотношение [*ἄπο:po*] выступает и в других случаях [*ἄνα:na*]). Однако приведенные нами сведения о прошлом предлога *po* оказываются весьма ограниченными во временном плане и до известной степени изолированными от фактов других индоевропейских языков (кроме балтийских).

Впрочем, этим не исчерпываются трудности, встающие перед исследователем при анализе древнейших фактов такого рода. Важнейшая из них заключается в том, что из балтийских языков, по-видимому, только латышский обладает предлогом, точно соответствующим славянскому *po* — *pa* (< **ro*). Литовский предлог *ro* и прусский *ro*, трижды встречающийся в Энхиридионе с долгим гласным (61, 16; 67, 12; 79, 36),

⁹³ См. W. Porzig. Untersuchungen zu den altgriechischen Dialekten. — IF, Bd. 61, H. 2—3, 1954, S. 102.

удобнее возводить к *рб⁹⁴ (с этими предлогами мы бы сравнили латышский префикс *ro-*, отмеченный И. Эндзелином в дондангенском, ангермюндском и попенском говорах, вместо общелатышского *ra-*). С другой стороны, в прусском языке (в том числе и в Энхиридионе) встречается предлог *ro* без всяких следов долготы у гласного (16 раз), а в литовском языке *ra*, причем не только там, где оно могло бы быть из *ro*, что делает более возможным сопоставление этого предлога с **ro*. Если же еще принять во внимание различия в форме префиксов между этими языками (а иногда и внутри отдельных языков: ср. латышский язык), большую подверженность аналогическим процессам и трудность в разделении индоевропейских по времени фактов и относительно поздних (диалектных), то станет понятным, что привести все вышеуказанные факты в строгую систему едва ли возможно. Об этом необходимо помнить, сравнивая славянские факты с балтийскими.

Наконец, последнее предварительное замечание. В литовском языке существует некоторое число случаев, когда выступают формы на *-р* (адессив и аллатив): *dievor*, *dievier*, *velnior* и др. Сейчас их осталось весьма немного (главным образом, кое-где в диалектах), но в старых памятниках они изобиловали, на что указывают исследователи⁹⁵. Кроме того, есть ряд искони наречных слов: *tarp*, *kaip*, *taip*, *visaip*, *kurp turp* и др. Последняя группа, естественно, не может иметь непосредственного отношения к славянским фактам⁹⁶. Сложнее обстоит дело с первой группой, обладающей характерным значением, поскольку остается неизвестным происхождение *-р*. Предполагаемое обычно *-рб* > *-р* бездоказательно, так как значение диалектного *tarpu* (ср. Шпехт, I, 250, 256, 295, 338 и др.; Вольтер, II, 353 и др.), могущего восходить к **tarpo* > **tarpuo*, сводится на нет встречающимся в говорах *tarpe* (ср. Шпехт, I, 224, 295 и др.)⁹⁷. Восстанавливать *-р* < **-ро* крайне рискованно и потому, что в старых памятниках нередки случаи вроде: *dešineipi*. Marg. Theol., 203 (при *dešineip*. Там же, 51); *schirdipi*. Бретк., II. Макк., 3, 16; *Matheipi*. Мажвид. Катех., 110; *prisakimapi*. Там же, 111; *schwentamipi Markupi*. Там же, 111 и др.⁹⁸, но, видимо, нет примеров на *-ри*, *-ро*. Поэтому мы бы предпочли восстановить послелог с вокализмом *-е*: **-pe(i)* > **-pie* > **-pi*. Естественно, что этот послелог не мо-

⁹⁴ Однако в таком случае трудно объяснить, почему в говоре Энхиридиона после губного согласного *б* не перешло в *и* (ср. *pūton*, *puieiti* < **pō-*).

⁹⁵ Между прочим, уже в „Grammatica Litvanica“ 1653 г. Д. Клейна отмечены *dievor* (141), *bažniciospi* (29), *dievip* (141), *ponip* (141).

⁹⁶ Если не считать некоторых генетических вопросов. Ср., например, общелит. *kaip*, *taip* при *kap*, *tep* у капсов (из **q^{od}-p* ... *ted-p*). См. Ф. Шпехт. Lituanica 11. — KZ, Bd. 63, 1936, S. 80, а также KZ, Bd. 60, S. 270. Не смешивать с *kap*, *tarp* некоторых жемайтских говоров, где *ai* > *a* или (с ограничением) *ai* > *o* (в районе южнее Клайпеды. См. Ю. Геруллине. Baltica. — AfsI Ph, Bd. 39, 1925, S. 47).

⁹⁷ Особо следует рассматривать диалектное *kaipo*. Ср. Мажвид. Катех., 110, 121, 125 и др.

⁹⁸ Ср. также А. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen, 1877, S. 251.

жет быть непосредственно сопоставлен со славянским *po*, балтийскими *pa*, *po*.

Примечание. Значение и форма послелога *-pi* (из **-pie*) может дать повод к сравнению его с латышским предлогом *pie* и литовским (в говорах около Клайпеды) *pie*, *py*, *pi* (ср. Valys. Указ. соч., 80 (6 раз), 81 (3 раза), 85, 86 и т. д.). Литовские примеры остались в науке мало замеченными. Латышские же объясняются из *pie* с потерей *r*⁹⁹. Литовский послелог *-pi*, по Эндзелину, имеет такое же происхождение. Однако нам кажется, что такое объяснение неудовлетворительно, поскольку оно противоречит некоторым фактам географического распространения указанных форм¹⁰⁰. Более рациональным считаем не выводить *-pi* из *pie*, *pie*, а рассматривать их как самостоятельные (хотя некогда, может быть, и параллельные) формы, подобно тому как; *πρός* : *πρός*; *πρότι*, *prati*, *проти*(въ) — *пóти* и др.

* * *

Данные славянских языков относительно локативных конструкций с предлогом *po* образуют весьма сложную, нередко противоречивую картину, отдельные детали которой могут быть интерпретированы по-разному. Впрочем, есть ряд явлений, направление развития которых вполне ясно. С таких случаев мы и начнем наш анализ.

Как известно, локативные конструкции с предлогом *po*, обозначающие пространство, на котором происходит действие (имеются в виду не только такие случаи, как: *ходить по горам*, но и: *ходить по дорогам*, *бить по лицу* и т. д.), широко распространены в славянских языках. Больше того, во всех этих языках, кроме болгарского, утратившего склонение, и русского, сохранившего в подобных ситуациях дат., локативная конструкция с предлогом *po* в указанном значении безраздельно укрепились в литературных вариантах этих языков. Учитывая, что в старых болгарских памятниках лок. с предлогом *po* в этом значении нередок и что в ряде русских говоров (в том числе и в тех, которые свободны от украинского или белорусского влияния) такие конструкции также известны, можно было бы предположить, что лок. с предлогом *po* в значении места, по поверхности которого разворачивается действие, является праславянской конструкцией. Именно так и рассуждали некоторые ученые (преимущественно чешские и сербские)¹⁰¹ в прошлом веке.

Однако исторические и диалектологические исследования полностью опровергают такой взгляд. Древнейшие памятники русского, украинского, белорусского, польского, болгарского, сербского языков и старославянские тексты сохраняют дат. при предлоге *po* в этой категории случаев, хотя наряду с ним в ранних польских, болгарских и сербохорватских памятниках в подобных ситуациях выступает и лок. В после-

⁹⁹ См. И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 168—171; он же. Latv. val. грам., стр. 679—680.

¹⁰⁰ Чрезвычайно редкие в старых памятниках случаи вроде *namopri* вм. *namopi* мы склонны объяснять как гиперграмматизмы (См. A. Bezenberger. Указ. соч., стр. 254). Ср. еще локр.-арг. *пои* (= *πρός*): *pie* и некоторые хеттские и тохарские факты.

¹⁰¹ Впрочем, определеннее всех выступил В. Миллер в статье „Die Praeposition *kā* im Slavischen“ (K.-Schl. B., Bd. VIII, 1874, S. 101—107).

дующие века он становится преобладающим и вскоре совсем (или почти совсем) вытесняет дат. в польских, болгарских и сербских текстах. Особенно показательны в этом отношении украинские и белорусские данные, дающие возможность детально проследить путь развития от полного преобладания дат. при предлоге *po* в этом значении через период сосуществования обеих конструкций до окончательной победы лок. при этом предлоге.

Не может вызвать недоумения тот факт, что кашубские, сербо-лужицкие, словацкие и словенские тексты знают, как правило, лишь лок. с предлогом *po* в значении места. Дело в том, что памятники этих языков или слишком позднего происхождения или слишком незначительны по размеру, так что ни в том, ни в другом случае не могут быть полезными для наших целей. Большие сложности представляют чешские факты. Но и они могут быть решены в свете хронологических данных. Дело в том, что процесс вытеснения дат. локативом при предлоге *po* в разных славянских языках протекал неодновременно и с неодинаковыми темпами. В украинском и белорусском языках до XV в. нет сколько-нибудь надежных примеров лок. с предлогом *po* в значении места, в XV в. они единичны, в XVI в. редки в белорусском и более часты в украинском. Лишь в XVII в. они становятся обычными, хотя и в дальнейшем конкуренция с дат. продолжалась, а по говорам продолжается и теперь. Если учесть известное несовершенство письменных памятников в отражении процессов, происходящих в живой речи, и допустить наличие некоторого элемента случайности, то с уверенностью можно утверждать, что усиленное проникновение лок. в данной ситуации в этих двух языках едва ли могло начаться ранее второй половины XV—первой половины XVI в., причем в украинском языке этот процесс начался, видимо, немногим раньше, чем в белорусском.

В польском языке лок. при предлоге *po* является преобладающим уже в ранних памятниках, однако примеры дат. нередки вплоть до конца XV в. Лишь с XVI в. можно говорить об окончательном вытеснении дат. с предлогом *po* в значении места (оставляя в стороне некоторые диалектные данные). Видимо, широкая экспансия локативных конструкций началась не раньше конца XIII—начала XIV вв. (во всяком случае, это наиболее вероятное решение вопроса, если принять во внимание последующие темпы эволюции этой конструкции). Еще ранее лок. с предлогом *po* утвердился в южнославянских языках. В сербохорватском это произошло около середины XIII в.; болгарские же памятники уже в XII в. хорошо знакомы с подобными конструкциями.

Таким образом, можно заключить, что проникновение локативных сочетаний при предлоге *po* началось раньше всего в болгарской языковой области, потом в сербохорватской (и, вероятно, в словенской), далее, видимо, в чешской и словацкой, несколько позже в яшской и, наконец, в западной части восточнославянских языков. Учитывая известные закономерности в хронологии и географии утверждения лок. с предлогом *po*, можно предположить, что в чешском языке это явление

имело место несколько раньше, чем в польском и несколько позже, чем в болгарском, т. е., вероятно, около середины XIII в. Этим объясняется тот факт, что древнейшие чешские памятники XIV в. знают в подобных случаях лишь лок. Более ранние тексты (гlossы, Островская песнь, Кунгутина песнь и др.), к сожалению, не содержат ситуаций, в которых можно бы было выяснить падежную принадлежность слов, выступающих при предлоге *po* в интересующем нас значении. Следовательно, и чешские факты не противоречат общей картине развития.

Можно еще добавить, что для ряда языков есть некоторые косвенные данные, свидетельствующие о существовании в прошлом дат. при предлоге *po*: такие случаи были разобраны в первой части нашей диссертации (ср. чешск. *po všem světu* при: *po všem světě*; данные смежных групп, проявляющих колебания: распределительное значение, тип „говорить по-немецки“ и т. д., наконец, акцентологические и интонационные данные, особенно полезные в применении к сербохорватскому¹⁰², словенскому¹⁰³ и русскому языкам¹⁰⁴). Однако поскольку эти данные второстепенны и не всегда очевидны, позволим себе не останавливаться на них здесь специально.

Бесспорно, что в истории конкуренции лок. и дат. при предлоге *po* в локальном значении есть ряд моментов, выяснение которых принесло бы большую пользу и, может быть, даже помогло бы в разрешении некоторых праславянских загадок. Так, например, важно бы было знать, почему русский язык в основном избежал локативной конструкции при предлоге *po* в данном значении, почему в сербохорватском языке вытеснение дат. при предлоге *po* оказалось более радикальным, чем в польском языке; каковы вообще причины вытеснения дат. и утверждения лок. и т. д. На все эти вопросы у нас нет удовлетворительного ответа. Заметим лишь, что имеющие до сих пор хождение взгляды об основной роли фонетической унификации флексий дат. и лок. в вытеснении дат. являются бездоказательными или даже вовсе неправильными ввиду некоторых сербских и южнорусских фактов (имеются в виду случаи, когда дат. и лок. различаются между собой в акцентологическом отношении). Скорее можно думать о целом комплексе причин, среди которых важное место занимают семантические: кажется, следует предполагать, что дат. с предлогом *po* некогда обозначал не столько место действия, сколько направление (ср. случаи типа *ударить по лицу*, сербск. *sipati vodu po podu* и др.). Предположение такого значения в конструкции дат. с предлогом *po* хорошо согласуется с падежной семантикой дат. и легко

¹⁰² См. Ђ. Даничић. Српски акценти. Београд, 1925.

¹⁰³ См. A. Breznik. Slovenska slovnica za srednje šole. Ljubljana, 1916.

¹⁰⁴ Здесь прежде всего следует отметить блестящее исследование Ф. Е. Корша (Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении. — Сб. ОРЯС, т. 67, № 8, 1901, стр. 1—121), в котором делаются важные выводы на основании минимального материала. Некоторые замечания по этим вопросам можно найти у Ю. Куриловича в его работах по акцентологии: „Le problème des intonations balto-slaves“. — RS, t. X, 1931, p. 1—80; „Intonation et morphologie en slave commun“. — RS, t. XIV, 1938, p. 1—66; „L'Accentuation des langues indo-européennes“. Kraków, 1958.

допускает объяснения дальнейших путей в развитии конструкции (*ходить по горам*). Переосмысление указанных типов в локальном плане создало необходимые предпосылки для проникновения лок.

Но несмотря на целый ряд неясностей в деталях основной вывод находится вне всяких сомнений: в X—XI вв., а тем более в праславянскую эпоху лок. с предлогом *po* в значении места, по поверхности которого распространяется действие, отсутствовал; он возник позже — в разных языках одновременно — как наследник и продолжатель соответствующей дативной конструкции. В некоторой степени такое заключение подтверждается и данными балтийских языков, не знающих лок. при предлоге *po*, но сохраняющих еще (правда, в небольшом количестве и не всегда в полностью тождественных ситуациях) дат.; ср. *wiens po kairei, antras po deszinei*. Галбрастск. диал. (Вост. Прусс.). Вольтер. Лит. Хрест., II, 291 (ср. *dešinioji po kairia pusia, kairioji po d'āšinia pusia*. Янишск. диал. Там же, II, 333); *po kairei runkai*. R. 4. Шпехт, I, 64; *po kairei*. Там же, I, 64; *po deszinei runkai*. Там же, I, 66; *po deszinei*. Там же, I, 428; *aik po tiesume*. R. Ž. Шпехт, I, 157; *ramatys po kaire puse dvaro*. Там же, I, 157; ср. еще I, 205 (5 раз); ср. соответствующее место в книге Е. Френкеля о литовских предлогах; лтш. *Imi pa želam*. Magaz., XIV, 180; *po vārtiem vadīdama*. BW, 12, 1; *nākrite...pa zariņu zariņiem*. Спрогис, 33 и др.¹⁰⁵; прусский язык лишь косвенно подтверждает некогда существовавшее дативное употребление: оно исчезло там, где было первоначально, но уцелело в некоторых аналогических примерах с другим значением (= 'под'), ср. 5, 30; 11, 29; 31, 12; 77, 35. Древность большинства из указанных балтийских примеров неоспорима: характерно, что они сохраняются в незначительных остатках в виде наречных и полунаречных образований.

Установление того факта, что в указанном значении при предлоге *po* некогда выступал дат., а не лок., имеет принципиальное значение, поскольку от этого в значительной степени зависит наше представление о природе конструкций с *po* в других значениях в дописьменную эпоху и — глубже — в праславянскую, а также в более поздние времена. О последних сделаем некоторые замечания.

Как и разобранный выше конструкция, сочетания с предлогом *po* в значении основания действия, средства или орудия, дистрибутивном, цены и т. д. (не говоря уж о некоторых специфических случаях) стали употребляться в большинстве славянских языков с лок. (а не с дат.), видимо, не в силу внутренней эволюции каждой из этих групп, а в результате аналогического перенесения лок. из самой продуктивной группы, обозначающей место действия. В противном случае было бы непонятно основание для смены падежей при предлоге *po* в группах, не имеющих ничего общего с локальными отношениями. Кроме того, конкретные факты из истории различных славянских языков с очевидностью свидетельствуют, что лок. при предлоге *po* в указанных значениях стал упс-

¹⁰⁵ См. И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 142; он же. Latv. val. gram., стр. 666. Ср., однако: *po labu, kreisu roku*. (вин.).

требляться лишь после того, как появился лок. при предлоге *po* в местном значении. Если же предположить, что указанные локативные типы приобрели лок. при предлоге *po* в связи с лок. при этом предлоге в группах со значением времени или следования, которые существовали уже в самых ранних славянских памятниках, то было бы законным ожидать случаи типа *делать по законам*, *узнать по голосе*, *дать по гроше* в более ранний период, чем появление конструкции типа *ходить по горах*. Однако такой картины нигде не наблюдается. Между прочим, этого нет даже в тех языках, которые (вследствие некоторых хронологических особенностей) не могли бы не отразить подобных сочетаний, если бы они существовали (ср. белорусский, украинский, польский языки). Следовательно, приходится признать, что связи между этими двумя типами локативных конструкций с предлогом *po* не было; а это является косвенным подтверждением нашего предположения о происхождении лок. при предлоге *po* в группах случаев, обозначающих основание действия, средство, дистрибутивность и т. д.

Таким образом, должно считать, что и в этих типах при предлоге *po* первоначально выступал дат., заменившийся в большинстве славянских языков лок. (в той последовательности, в которой появлялся лок. в типе „ходить по горам“) и сохранившийся в полной мере лишь в русском и старославянском языках.

Между прочим, это могло бы подтвердиться и некоторыми балтийскими фактами: ср. показательный пример из Энциридиона 1561 г.: *Quei stas wirts Deiwas kalziwingiskai bhe skijstan mukints wirst bhe mes dijgi Swintai kai stai malnijkai Deiwas postesmu giwammai*. 35, 4—5, 'где это божье слово громко и чисто учимо, (там) и мы даже святы, как эти божьи дети по нему (т. е. по слову) живем'; весьма характерны еще два случая (*postesmu nadruwisnan*. 43, 31 'в соответствии с этой надеждой' и *posteimans Dessimtons Pallaiptsans*. 43, 31 'по десяти заповедям'), где местоимение при предлоге *po* выступает в дат., а согласующееся с ним существительное — в вин. Ср. также литовский пример из тверечского говора: *pā trupučiai peñėė*. Отрембск., указ. соч., I, 438; в других говорах такие случаи редки, зато в старых памятниках дат. с предлогом *po* в дистрибутивном значении нередок: *eme alwienas po graschei*. SEE 39, Бреткун. Пост., 230, *gawa alwienas pa graschei*. Бреткун. Пост., 230; *kosnam ghis po graschei dūst*. Там же, 235 и т. д.¹⁰⁸ (ср. также наречные *pastraiptsniui*, *pagalviui*, *padaikčiui* и др.). Но наиболее показателен в этом отношении латышский язык, широко употребляющий дат. при предлоге *pa* в тех же значениях, что и русский язык (основание действия, дистрибутивность, цена и т. д.).

Примечания. 1. Как „русизмы“ нужно рассматривать литовское *po teisybei* 'по правде', а также другие конструкции с *po* типа: *kostiumas pasiutas po brėžinio*, *jis višas paėjo po tėviu* и др., собранные в ценном реестре ошибок П. Бутенаса¹⁰⁷.

¹⁰⁸ См. A. Bezenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprachen, S. 245. Ср. еще *kelaunu po sawam*. Lit. Mitteil., I, S. 72.

¹⁰⁷ P. Būtenas. Lietuvių kalbos prielinksnių mokslas. Teorijai ir praktikai. Kaunas, 1930, стр. 172—176.

2. Вопрос о происхождении конструкций с предлогом *po* в указанных выше значениях мы исследовать не будем, поскольку он выходит за пределы нашей темы и должен явиться предметом изучения в связи с анализом дат. в древнейшие эпохи.

Рассмотрим теперь те конструкции, в которых при предлоге *po* уже в древнейших памятниках выступает лок.

В пространственном плане есть лишь одна несомненно общеславянская конструкция, выступающая во всех древних текстах славянских языков (во всяком случае, до XV в.). Мы имеем в виду примеры типа *пойти по ком* (= 'вслед за кем'), частые в старославянском и древнерусском языках, менее употребительные в сербохорватском, древнеболгарском и чешском, довольно редкие в польском и кашубском и вовсе исчезнувшие в серболужицких и словенском языках. Любопытно, что хронология вытеснения этого типа и замены его другими конструкциями в общем совпадает с хронологией вытеснения дат. при предлоге *po* в местном значении. Разумеется, мы не собираемся ставить в связь эти два процесса, общие черты которых проще объясняются более быстрыми темпами развития южнославянских языков, чем западнославянских и (тем более) восточнославянских, среди которых русский язык в ряде случаев особенно архаичен.

Показательно, что судьба указанной конструкции оказалась одинаковой во всех славянских языках. Причины ее исчезновения, вероятно, те же, что и у остальных старых локативных конструкций с предлогом *po*, и заключаются, видимо, в перенасыщенности значениями предлога *po*, приведшей в ряде случаев к двусмысленности. В некоторой степени вытеснению этой конструкции, может быть, способствовали специфические условия в отдельных славянских языках, связанные с развитием близких по структуре типов (*ходить по горах* и т. д.; русский язык, не выработавший такой конструкции, тем не менее утратил тип *идти по ком* [= 'вслед за кем'], однако это произошло позже, чем в других славянских языках). Можно также отметить, что утрата анализируемой конструкции находилась, видимо, в связи с потерей предлогом *po* значения 'около, вблизи, при' и, может быть, развившегося из него оттенка 'сзади, позади'. Наличие таких значений у славянского *po* очевидно¹⁰⁸; сравнение с соответствующими инославянскими фактами лишний раз убеждает нас в этом. Потеря же или, по крайней мере, ослабление этих значений в период деградации рассматриваемого типа подтверждается наличием примеров с содиативным, целевым и др. оттенками (ср. также *в пользу кого*)¹⁰⁹. Характерно, что во всех локативных конструкциях с предлогом *po*, утраченных славянскими языками, можно наблюдать подобную картину и, наоборот, вновь развившиеся типы содержат предлог *po* с совершенно другими значениями.

¹⁰⁸ Ср. поразительный по сходству со славянскими фактами хеттск. тип *appa + pai* 'идти сзади, обратно'.

¹⁰⁹ См. их в соответствующих местах первой части, а также в содержательной статье И. Немеца: J. Němec. O slovanské předponě *po-* slovesně. — „Slavia“, roč. XXIII, seš. 1, 1954, str. 15. Можно указать на некоторые замечания А. Потебни Этимол., стр. 40. Из зап. по русск. грам., III. Харьков, 1899, стр. 40) по этому поводу.

Принимая во внимание указанные соображения, а также некоторые факты косвенного значения (ср. *потомство*, *поколение*, *поход*, *потуга* — польск. *potęga*, чешск. *rojď*, *ropes*¹¹⁰, некоторые другие данные о славянском глагольном префиксе *po-*), мы не ошибемся, если предположим, что конструкция типа „идти по ком“ существовала уже в праславянском языке. Однако ее хронологическое приурочение и детальная картина происхождения и последующих связей остаются неясными¹¹¹. Лишь относительно некоторых частных случаев можно догадываться. Так, вероятно, в праславянский период эта конструкция не была столь изолированной от других типов, как в памятниках X—XV вв. Ее специализация началась позднее и была, видимо, вызвана диспропорцией, которая образовалась в результате протекавшего в это время процесса исчезновения некоторых однотипных конструкций. Прежде всего, мы имеем в виду лок. с предлогом *po* при глаголах, обозначающих пребывание (а не движение), например, *стоять по ком/по чем*. Понятно, что эта конструкция генетически родственна с типом *идти по ком*; различия в значениях между ними являются второстепенными, позиционно обусловленными. Однако сочетания типа *стоять по ком/по чем* имели несколько иную судьбу, чем конструкция *идти по ком*. Если древнейшие памятники славянских языков довольно хорошо сохраняют последнюю конструкцию¹¹², причем в ряде языков она является основной, а иногда и единственной в данной ситуации и обычно выступает в своем прямом значении, то тип *стоять по ком* сохранился лишь в древнейших текстах старославянского, русского и чешского языков (ср. *їже бо нѣсть на ны по касъ естъ*. Лука, IX, 50; *богъ по насъ* и т. д.) в крайне незначительных остатках (обычно единичных), вскоре оказавшихся вытесненными полностью¹¹³. При этом следует отметить, что в чисто локальном значении указанная конструкция при названиях одушевленных предметов не встречается вовсе: она всегда обременена иными оттенками, не менее богатыми, чем у предыдущей конструкции¹¹⁴. Иногда может даже со-

¹¹⁰ См. И. Немец. Указ. ст., стр. 15.

¹¹¹ К сожалению, почти никак не могут помочь данные балтийских языков, так как прусский язык не знает подобных конструкций, а литовский и латышский сохранили незначительные остатки или косвенные свидетельства (ср. лат. *vārds pa vārdam*, лит. *eik paskui mane* и др.). Кроме того, относительно некоторых литовских примеров можно думать, что они вызваны славянским влиянием. Ср. *jis po tėvu pasekės, vyrai po žabomis iškažiavo*. П. Бутенас. Указ. соч., стр. 172. Правда, Б. Серейский, строго различающий славянизмы, все-таки указывает конструкции: *po ko* 'за кем, чем следовать'. См. его „Литовско-русский словарь“. Каунас, 1934, стр. 716.

¹¹² В ряде говоров она сохраняется и сейчас. Ср., например, польские диалекты.

¹¹³ Кроме некоторых случаев, ставших идиомами. Ср. *čert po něm!* XVI в. Fr. Oberpfalser. *Jazyk knih černých, jinak smoln. ch.* Praha, 1935, str. 116; *níc po něm (není)* и т. д.

¹¹⁴ Поэтому мы не можем согласиться с А. Потемней, считавшим, что значение 'за кого-либо, в пользу кого-либо' и т. д. могло развиваться только из значения следования (указ. соч., III, стр. 133). Бесспорно, что это значение развивалось независимо у обеих конструкций. Ср. чешск.: *bůh po nich stojí*. В этом мы согласны с Гувром (Slov. deklin. jmenná, стр. 28; ср. его параллель из немецкого языка: *nache, Nachbar > nach*) и И. Немецом (указ. соч., стр. 14).

здать впечатление, что мы имеем особую конструкцию (ср. ст.-сл. по господи вора. Клоц., 1, 601 и др. Ср. *поборник, побарати; помощник, помогать*: *помогу по градѣ семь*. Златоуст. Миклош., IV; есть и др.).

Несколько иначе сложилась судьба лок. с предлогом *po* от имен, обозначающих неодушевленные предметы. Эта группа представлена незначительным числом однородных примеров, в ряде случаев уцелевших до сих пор (ср. чешск.: *po straně, po zatku, posředu* и др.). Ввиду недостаточности материала и его однородности едва ли можно делать какие-либо выводы о прошлом этой конструкции (тем более, что точные балтийские соответствия отсутствуют). Однако бесспорно, что если тип *идти по ком* относится к праславянской эпохе, то и конструкция *стоять по ком/по чем* является праславянской. Возможно, ее древность весьма значительна. Во всяком случае, нечто подобное есть и в других индоевропейских языках. Ср., например, *upa + sthā*. RV, 11, 6; 95, 6; 194, 10; *upastha, upasthāya; upa + bhā, upa + dhā, upa + sad*¹¹⁵ и т. д.

На основании представленных до сих пор рассуждений можно составить следующую схему локативных конструкций с предлогом *po* в праславянском языке (по крайней мере, в его последний период):

по + лок.			
1	2	3	4
стоять по чем (<i>по стороне, по сре́ду</i> и т. д.)	стоять по ком (<i>бог по нас</i> и др.)	идти по ком (=след за кем и др.)	?

При рассмотрении схемы, естественно, возникает вопрос: что же представляет собой четвертая, неизвестная группа, противопоставленная третьей по признаку неодушевленности, а первой — по признаку моторности глагола? В своем уже не раз упоминавшемся труде И. Немец приходит к выводу, что четвертым типом были случаи „идти по чем“ (*ходить по горах* и т. д.), т. е. те локативные конструкции с *po*, возникновение которых, как мы доказали выше, имело место лишь в XI—XV вв., но не раньше. Чтобы спасти свое предположение, Немец вынужден признать, что исконной в данном значении при предлоге *po* была локативная, а не дативная конструкция, следовательно, что чешские факты старше древнерусских и старославянских. Более того, даже в ст.-сл. *посрѣдоу* (лок. дв. ч.) И. Немец видит подтверждение своей точки зрения, не замечая, что *посрѣдоу* относится к первой группе (ср. *по стороне* и т. д.) и не имеет ничего общего по происхождению с конструкцией *ходить по горах*.

По нашему мнению, четвертая группа, синхронная первым трем, могла быть представлена примерами типа *идти по стороне, идти*

¹¹⁵ О лок. при этих глаголах с приставкой *upa* см. Н. Oertel. Zu den Kasusvariationen in der vedischen Prosa. München, 1937.

позади и т. д., в которых предлог сохраняет то же значение, что и в первых трех группах. Разумеется, эти случаи нельзя сравнивать с внешне подобными примерами типа *идти по горах*, где, строго говоря, выражается не место (точечное), а пространство, на всем протяжении которого совершается действие (линейное).

Лишь при таком предположении оказываются соблюденными хронологические и логические условия.

Примечание. Некоторые случаи лок. с предлогом *po* от неодушевленных имен со значением цели (ср. польск. *pošet po prośunam xleb'je*. Нитч. Wybór., 170; *jezdziot po ogniu* Zb. Wiad. do antrop. krajów., VII, 26; белор. *ісці па грыбок* и т. д.) не имеют непосредственной связи с указанным типом, так как они позднего происхождения.

К праславянскому периоду следует отнести еще одну локативную конструкцию с предлогом *po* во временном значении (= после). В ее развитии много общего с уже разобранными типами: постепенное вытеснение ее во всех славянских языках, кроме отдельных специфических случаев. Более благоприятные условия создаются, видимо, в том случае, когда происходит переосмысление конструкции (*спать по ночи*: 'после', > 'в течение').

Несколько труднее решить другой вопрос: существовала ли в праславянском языке конструкция типа *плакать по ком* и т. д., бесспорно, связанная с указанным выше временным типом? Дело в том, что материалы относительно подобных примеров для ряда языков ненадежны, а в некоторых случаях отсутствуют вовсе. Интересно, что в старославянских памятниках македонского извода, несмотря на их древность и наличие требуемых ситуаций, таких примеров нет.

Следует подчеркнуть, что ни в одном из балтийских языков (тем более в других индоевропейских) нет подобных конструкций, если не считать явных „руссизмов“, отмеченных П. Бутенасом в литовском языке: *rusų emigrantai po tėvynė ilgisi, ta mano motinėle po manim verkia* и др. В то же время этим языкам хорошо известен лок. с предлогом *po/pa* во временном значении: ср. прусск. 7, 24; 13, 25; 49, 10; 53, 21; 67, 21; 79, 36 (все с вин.), литовск. (приводим лишь те примеры, где с *po* сочетается дат.; случаи с род. хорошо известны, а с твор. не имеют непосредственного отношения к нашей теме¹¹⁶) *po misziom szwintom*. Шпехт, I, 43; *po wolundai*. 57; *po inwadimui*, 59; *po w'aselijai*, 456; *po tai kalbai*. 201, ср. также 224 (2 раза), 227, 234 (3 раза), 236, 237, 246 (2 раза), может быть, 224 и др.¹¹⁷; лтш. *pa gadam sērst atbrauc*. BW, 269; *kad Kače pa labam brīdim iegāja...*

¹¹⁶ См. F. Sprech. Указ. соч., I, стр. 198, 201, 202, 276 (*po czesu* 'слишком поздно'), II, стр. 386, 443 и др.

¹¹⁷ Ср. еще Ф. Куршат. Gramm. d. lit. Spr., § 1472; А. Лескин — К. Бругманн. Указ. соч., стр. 313; А. Bezenberger. Beiträge zur Geschichte der lit. Spr., S. 245; Э. Вольтер. Об этнограф. поездке, стр. 75; И. Эндзелин. Лтш. предл. I, стр. 143—144.

atpakal' kambari. Яншевск. *Apskats*, I, 165 и др.¹¹⁸. При этом следует подчеркнуть, что в литовском и прусском (вплоть до его исчезновения) эта конструкция продуктивна и не обнаруживает никаких признаков ущербности.

Таковы, в общем, те выводы, которые можно сделать из рассмотрения лок. с предлогом *ro* в славянских языках. В отличие от уже исследованных типов с другими предлогами в данном случае возможности реконструкции праславянского состояния были предельно ограничены; в ряде случаев приходилось сомневаться даже относительно некоторых деталей, относящихся к X—XIII вв. Крайняя незначительность соответствующих индоевропейских фактов также затрудняла решение нашей задачи.

Естественно, что все это не могло не отразиться на ограниченности наших реконструкций во времени и на степени доказательности тех или иных предположений. По этой же причине остались нерассмотренными некоторые интересные детали из истории праславянского лок., о которых можно догадываться лишь по косвенным намекам со стороны славянского глагольного префикса *ro-* или со стороны других индоевропейских языков, прежде всего балтийских. Лишь на один из таких вопросов мы укажем в следующем примечании.

Примечание. В ряде случаев можно подозревать, что локативной конструкции с предлогом *ro* некогда предшествовала инопадежная конструкция с тем же предлогом. Более того, поскольку предлог *ro* несомненно старше, чем локативная конструкция с этим предлогом, само собой разумеется, что существовали нелокативные конструкции с предлогом *ro*. Возникает вопрос: какой падеж (или падежи) употреблялся с предлогом *ro*? Есть основания предполагать, что с предлогом *ro* мог соединяться род. Укажем некоторые из них.

Как известно, предлог и приставка имеют общее происхождение из наречия, определявшего глагольное действие и употреблявшегося преимущественно при глаголах и лишь позже при именах. Поэтому данные глагольных префиксов помогают заглянуть в более отдаленные периоды развития языка. Впрочем, лишь немногие факты могут быть использованы с достаточной надежностью. Это замечание особенно уместно в данном случае. Дело в том, что приставка *ro-* принадлежит к числу наиболее грамматикализованных; сферы ее употребления не совпадают с первоначальными пределами; большое количество значений затрудняет определение первоначального назначения этой приставки (ср. *chvaliti — pochvaliti* — видовое значение, *nesp — ro-nesp* — временное; *sedēti — posedēti* — ограничительное или демунитивное; *krasti — ro-krasti* — дистрибутивное или суммарное; *liti — politi* — локальное и др.)¹¹⁹. Для наших целей полезнее использовать не эти случаи, а те, в которых живая связь между приставочным и бесприставочным глаголами потеряна и которые не поддаются синхроническому объяснению; ср., например, *помочь — помогать*, *подать — дать*, *помнить — понимать* и др., указывающие на старое вещественное значение приставки *ro-*. Характерно, что в большинстве случаев приставочные глаголы с *ro-* образуются от глаголов, соединявшихся прежде (а иногда и сейчас) с род. (*postpiti*, *rogubnpti*, *pokryti se*, *postydēti sē*, *poznati*, *poēsti* и т. д.). В ряде примеров возможно более конкретное определение значения приставки *ro-*. Ср. русск. *пошел* (*von*) = 'уходи'. (См. то же значение в др.-инд. *apa + i: apa durmatih asmad etu*. RV,

¹¹⁸ И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 43; он же. Latv. val. gram., стр. 665. Впрочем едва ли основательны сомнения Эндзелина в правильности этих примеров (ввиду *rag* с тем же значением).

¹¹⁹ См. И. Немец. Указ. соч., стр. 2—3.

676, 15 'недоброжелательство пусть от нас уйдет!'; *apaity asyah*. RV, 124, 8 'уходит от нее'; *arānyad ety abhy anyad eti*. RV, 123, 7 'одна [половина дня] уходит, другая приходит'; ср. также 50, 2, где *apa yaui* приобретает значение 'красться из'; параллельный семантический переход известен и славянским языкам.) Отложительное значение очевидно у этого предлога и в древнегреческом, готском и др. языках. Об иранских данных см. выше. В пользу отложительного значения, кажется, говорит сравнение таких случаев, как: *бѣжнаѣ кычени*. Супр., 250 и *пѣвѣни отъ лица нѣа*, Супр., 195. Ср. ст.-чешск. *dobrého spieše poběhne ve zlém ja*. Алекс. В., 549, ср. еще *побег, поход* и т. д.

И. Немец приводит интересные примеры, показывающие замену у некоторых глаголов старой приставки *ro-* на *od-*, *z-* и др. (указ. соч., стр. 6): ст.-чешск. *robiehati* (*čeho*), *roběhnúti* — совр. чешск. *odbihati*, *ubíhati*, *zběhnouti*, др.-русск. *поступати* — совр. русск. *отступать* и др. Одним словом, наличие в праславянском языке глагольного префикса *ro-* с отложительным значением, употреблявшегося в глаголах, связанных с род., несомненно (мы исходим из предположения, что праславянский язык не знал отложительного падежа).

Какие же локативные конструкции с предлогом *ro* можно рассматривать как продолжателей старых генитивных типов с тем же предлогом?¹²⁰ По-видимому, те, в которых предлог *ro* имеет значение 'сади', 'за', 'в стороне', 'после', иначе говоря, конструкций с предлогом, имеющим отложительное значение, конкретизирующееся в зависимости от условий контекста, в сравнении с чем-нибудь. Любопытно, что и другие предлоги такого рода, даже если они обозначают место, соединяются не с лок., как того, казалось бы, требует падежная семантика, а с другими падежами, что хорошо отражает более древние отношения. Ср. предлоги *перед, над, под, за, между* с твор. — явление, понятное лишь в том случае, если предположить, у этих предлогов сравнительное значение (*над холмом* = 'выше, чем холм').¹²¹ В том же, что *ro* в праславянскую эпоху имело отложительный характер, сомневаться нельзя. Ряд случаев из древнеславянских памятников еще сохраняет намек на это (ср. *стоять по ком, идти по ком* и т. д.). Наличие в др.-инд. и др.-иранск. *para, parata* — сравнительной и превосходной степени от не засвидетельствованного в этих языках **ra-* со значением 'крайний', 'дальний' и т. д. — весьма показательно, так как степени сравнения могут образовываться лишь от слов с относительным значением. Характерно и то, что в указанных примерах встречаемся с древнейшим способом образования степеней сравнения, переставшим быть продуктивным уже в эпоху древнейших ведийских и иранских текстов и характерным именно для наречно-предложных слов: ср. *adhara, adhata, madhyata* и др. Укажем еще на греч. предлог *παρά* 'от, со стороны кого-либо, чего-либо' и др.¹²² Все это наводит нас на мысль, что конструкции типа *идти по ком* (= 'за кем'), *случиться по чем* (= 'после'), будучи отнесенными к отдаленным периодам праславянского языка, должны интерпретироваться как *итти сзати по сравнению с кем, случиться после* (в сравнении с чем-либо)

¹²⁰ Заметим, что этот вопрос мог бы оказаться праздным, если бы было доказано, что ко времени возникновения предлога *ro* отложительное значение приставки исчезло или решительно ослабло.

¹²¹ A. Belić. Sur le développement des syntagmes adverbiaux. — „Mélanges linguistiques offerts à M. H. Pedersen“. Aarhus, 1937, стр. 406—408. В связи с этой проблемой разгорелась целая дискуссия. См. J. Вуковић. О падежним конструкцијама с предлозима *над, изнад* и след. — „Pitanja književnosti i jezika“, knj. 1. Sarajevo, 1954, стр. 5—49; он же. Semantička baza za predložke konstrukcije s predlozima *nad, pod* i sl. — „Pitanja književnosti i jezika“, књ. 2. Сарајево, 1955, стр. 73—85; И. Стевовић. О питању конструкција падежа с предлозима. ЈФ, XXI, 1955—1956, стр. 215—236; отчасти А. Белич. Падежна система и происхождение предлогов. ЈФ, XXII, стр. 1—18; он же. Zur Entwicklung der Sprachrelationen. — „Die Welt der Slaven“, Bd. I, 1956, S. 4—10 и др.

¹²² Ср. хеттск. *parā* 'вперед, впереди, перед, кроме', по значению соответствующее др.-инд. *paraś*, готск. *faur* 'vor' и т. д.

т. д. Бесспорно, что такие конструкции сложились еще в то время, когда *po* было наречием. В таком случае понятен отложительно-сравнительный характер конструкции, выражающийся в славянском языке род. Характерно, что род. выступает при сравнении в древнегреческом языке (отчасти в санскрите); для древнеиндийского и латинского языков показателен отлож. падеж. Ср. также русск. *сильнее кого*, сербск. *више от кога* (характерен предлог, хотя он здесь и позднего происхождения)¹²³.

Помимо указанных соображений, о связи праславянского *po* с род. (в перечисленных случаях) говорят, кажется, и балтийские факты. Литовские примеры типа *po pietų, po to, vienas po kito* распространены весьма широко, и мы на них специально останавливаться не будем. Латышские примеры были приведены выше. Укажем лишь, что в наречии прусских латышей отмечены такие примеры, как: *pa Preilu nāk Pārviļka*. ВВ, 28, 261 'за Прейлем лежит Первельк'; *pa kalna*. Там же, 'за горой' и др.¹²⁴ Ср. также *parīt* 'послезавтра', *vienpadesmit* 'одиннадцать' и т. д.¹²⁵ Эти факты вполне достоверны, поскольку их эволюция в балтийских языках совпадает с тем направлением в развитии указанных типов, которое мы предполагаем для праславянского языка. Как известно, в латышском языке *pa* с род. во временном значении почти полностью исчезло, заменяясь *pa* с твор. В литовском языке, видимо, такое вытеснение лишь начинается. Ср. *po to* но и: *po tam* (< **po tamui*), *po tą*. Правда, в говорах оно уже довольно значительно. См. F. S p e c h t. Указ. соч. II, стр. 123, 340, 386, 413, 443, 483 и др. Любопытно, что греч. *παρά* в указанном значении встречается именно с род. Были ли в праславянском языке конструкции род. с предлогом *po* типа *плакать по ком, страх по ком, старший по ком* и т. д., сказать трудно, поскольку у нас нет возможности выяснить, появились ли эти типы в то время, когда *po* еще соединялось с род., или они возникли позже, когда при этом предлоге уже был известен лок. Во всяком случае, отдельные параллели из других языков (ср. греч. φόβος 'από τινος, θαυμάζειναι 'από, τινος 'απ' αὐτῶν 'έρχων χρίνειν и т. д.) не могут быть существенным подспорьем в системе доказательств применительно к праславянскому языку.

Возможно, что были и другие (нелокативные) конструкции с предлогом *po* в праславянском языке. Однако ничего достоверного о них сказать нельзя. Даже для гипотез на их счет у нас нет достаточных оснований. Поэтому целесообразно ограничиться тем, что уже было сказано о праславянских конструкциях с предлогом *po*.

Локатив с предлогом *pri*

История локативных конструкций с предлогом *pri* в славянских языках весьма проста. За тысячелетний период произошли лишь незначительные сдвиги в условиях употребления и в значении этих групп. По сути дела, они ограничиваются возникновением в отдельных языках некоторых дополнительных оттенков значения в пределах указанных конструкций, причем эти оттенки не затемняют первоначального значения и не становятся самоудовлетворяющими. Ср., например, легкий оттенок подчиненности, зависимости в случаях типа *сад при доме, секретарь*

¹²³ Поэтому кажется неправдоподобным мнение А. Галлиса, видящего лок. в слав. типе *boljii vasъ*. См. A. Gallis. Etudes sur la comparaison slave. Oslo, 1946, p. 151—152.

¹²⁴ И. Эндзелин (Лтш. предл., I, стр. 144) думает о возможности здесь литовского влияния.

¹²⁵ В прусском языке при предлоге *po* во временном плане выступает не род., а вин., но это позднее явление, закономерное в условиях становления *casus generalis* на основе вин.

при директоре, оттенок сравнительности в сербохорв. *шта је проја при пшеници* и др.

Лишь в очень немногих случаях локативная конструкция с предлогом *pri* приобретает новые, ранее ей не свойственные значения. Обычно такое явление приходится наблюдать в условиях иноязычного влияния, особенно в обстановке „двуязычия“. Именно так мы объясняли специфические словенские конструкции с предлогом *pri* (*per*, *par*), встречающиеся в говоре кашубских словинцев случаи типа *přa može w^očas*, наконец, может быть, известные из некоторых западнославянских и словенского языков идиоматические выражения вроде *při Bohul*, *při moji duši!*¹²⁶, словенские примеры с оттенком *commodi* (*per uas sturil*), приблизительности (*voda jez sim stara per 6000 let*) и др.

Особо обстоит дело в тех говорах, которые, утратив склонение, часто теряют ощущение разницы между местными и направлятельными предлогами. Этим объясняется появление лок. с предлогом *pri* в связи с глаголами движения в македонском языке и в призрено-тимочских говорах сербохорватского языка.

Таким образом, можно сказать, что в основном лок. с предлогом *pri* и сейчас представляет собой весьма монолитную, в значительной степени изолированную группу, малоспособную к развитию новых оттенков значения, употребляющуюся в ограниченных условиях контекста. Более того, в ряде языков в отдельных случаях сфера употребления лок. с предлогом *pri* сократилась, иногда весьма существенно. В связи с этим в аналогичных ситуациях начинают появляться другие предложные конструкции, вторгающиеся часто и в литературные варианты языков, несмотря на запретительные пометки в нормативных грамматиках и в словарях.

Все эти значения показывают, что наши возможности определения эволюции локативных конструкций с предлогом *pri* в отдельных славянских языках весьма ограничены. Тем более это относится к общеславянскому развитию указанной конструкции. Если же еще учесть структурную простоту этого типа, узость и однородность его значений, то станет ясно, что славянские факты не дают оснований для далеко идущей реконструкции.

Примечание. Некоторое исключение представляют данные именного и особенно глагольного префикса *pri-*, осторожное использование которых может принести результаты, не идущие, впрочем, дальше последнего периода праславянского языка.

Бесспорно, что реконструктивные возможности в данном случае ограничиваются и другими обстоятельствами. Укажем из них лишь два. Первое, предлог *pri* связывается лишь с лок., а это создает особую изолированность конструкции. В этом отношении анализ локативных

¹²⁶ Впрочем, такая конструкция могла развиваться и на славянской почве. Ср. чешск. *přisahati při živém Bohu*, *býti při dobré vůli*. Если мы все же предпочитаем говорить о иноязычном влиянии, то делаем это потому, что в некоторых иных случаях это влияние несомненно. Ср., например, лтш. *kur pie juoda ciema gani*. BW, 743 'где-чорт возьми, соседские пастухи' (нем. *zum Teufel*).

групп с предлогами *o* и *po* был значительно проще, поскольку сравнение их с вин. с предлогом *o*, с дат. и с вин. с предлогом *po* расширяло наши представления о прошлом лок. с предлогами *o* и *po*.

Примечание. Изредка встречаются генитивные (ср. серболужицкий) или дативные (ср. чакавский говор Cres'a) конструкции с предлогом *pri*. Однако их вторичное (я к тому же позднее) происхождение совершенно очевидно.

Второе, — индоевропейские языки, кроме балтийских, не дают материалов для сравнения, хотя имеются отдельные случаи, допускающие сравнение со славянским предлогом: ср. кельтск. *fri*, умбрск. и пелигнск. *pri*, готск. *frisahts* и др.

Основной вопрос, касающийся древнейших судеб локативных конструкций с предлогом *pri* в праславянском языке, заключается в определении относительной хронологии двух типов: *стоять при чем* — *пристоять чем*, *близиться при чем* — *приблизиться чем*. Эти две разновидности лок. при глаголах пребывания и при глаголах движения довольно рано избрали различные пути развития. Во всяком случае, древнейшие тексты не знают уже единого типа лок. с предлогом *pri* в связи с глаголами обеих категорий. Поэтому целесообразно рассмотреть эти два случая отдельно.

Конструкция типа *стоять при чем* хорошо известна всем славянским языкам в их древнеписьменный период; она была достаточно широко распространена и выступала в качестве основной в ситуациях подобного рода. Иное дело конструкция типа *пристоять чем* (лок.), широко известная лишь старославянским и древнеболгарским памятникам, гораздо более редкая в древнерусском и фактически отсутствующая в других языках. На этом основании некоторые ученые отказывались видеть в ней общеславянское образование. Однако такое заключение было бы неверным, поскольку оно опровергается некоторыми фактами. Во-первых, в ряде случаев указанные конструкции встречаются в древнерусских памятниках, почти полностью свободных от церковнославянского влияния; во-вторых, круг этих конструкций в старославянском и в древнерусском языках несколько различен; в-третьих, дальнейшая судьба этих типов в староболгарских и в других славянских памятниках одинакова, что делает правдоподобным предположение о первоначальном тождестве этих типов¹²⁷ и, наконец, в-четвертых, все, что нам известно о хронологических и географических особенностях эволюции локативных конструкций, убеждает в том, что именно в старославянском и в древнерусском языках пережитки указанных конструкций должны были сохраниться дольше всего. Поэтому мы не видим серьезных оснований сомневаться в общеславянском характере этих конструкций.

¹²⁷ Ср. следующее отношение: ст.-сл. *прилжати горахъ* так относится к ст.-сл. *лжати при горахъ*, как русск., чешск., польск., сербск. и т. д. *x* относится к русск., чешск., польск., сербск. и т. д. *лежать при горах*, откуда *x* = *прилежать горах*. Ср. еще такие слова, как *прилежание*, *присяга*, *присутствие* и т. д.

Общетеоретические соображения и многочисленные факты замены старых примеров вроде *прилежать горах* новыми (*лежать при горах*), которые в изобилии встречаются в староболгарской и древнерусской письменности (особенно показательно в этом отношении сравнение одинаковых текстов, например, евангелических), с несомненностью свидетельствуют, что типу *стоять при чем* предшествовала конструкция *пристоять чем*.

Примечание: Характерно, что тип *прилежать, пристоять, присязать* и т. д. + лок. дольше всего сохранялся в тех случаях, когда в лок. стояло слово, обозначающее абстрактное понятие: *прилежати добрыхъ дѣлъхъ* и др. Вытеснение б/пр. лок. при указанных глаголах началось в примерах с четко выраженным конкретным местным значением. При этом следует отметить, что лок. с предлогом *при* скорее укреплялся в тех случаях, где не было соответствующего приставочного (с *при*) глагола или он имел другое значение. Так, случаи типа *къ же тоу стадо сьиню пасомо кѣмъ при горѣ, хода же при мори галинѣисциѣмъ* и т. д. в старославянских памятниках гораздо более обычны, чем *мжаашъ при вратѣхъ* и т. д., поскольку последние знают и другой вариант: *прилежаашъ вратѣхъ*.

Иначе обстояло дело при глаголах движения. Уже древнейшие славянские тексты не содержат ни одного примера лок. с предлогом *при* в связи с моторными глаголами. Точно так же неизвестны случаи б/пр. лок. при глаголах с четко выраженной идеей движения (*приходить, приезжать, прибегать, приносить, привозить* и др.). Исключения составляют примеры с глаголами с ослабленной моторностью (*приложить, прилепить, привозить, припадать, привязать, приступить, прикоснуться* и др.; ср., однако, *приблизиться*), имеющие при себе б/пр. лок. Если учесть данные балтийских языков, знающих конструкции с глаголами движения с приставкой *prīe* — в значении направления, а также тот факт, что в условиях формальной дифференциации местного и направительного планов преобразования должны были прежде всего коснуться наиболее ярких случаев, содержащих глаголы движения с б/пр. лок., то станет несомненным факт наличия б/пр. лок. в значении направления и при таких глаголах, как *приходить, приезжать, привозить* и др. Отсутствие же при глаголах движения лок. с предлогом *при*, видимо, не случайно и объясняется тем, что вытеснение лок. из сферы выражения „направления“ происходило ранее, чем на смену конструкциям „глагол с приставкой *при* + б/пр. лок.“ пришли новые типы, состоящие из глагола и лок. с предлогом *при*¹²⁸.

Таким образом, в качестве древнейших (бесспорно, праславянских) конструкций, кажется, следует признать два типа *пристоять чем* и *прийти чем*. Пределы употребления первой группы в хронологическом плане очевидны — X—XIII вв.; для второй группы такую границу определить едва ли возможно, хотя, кажется, она не могла быть намного раньше X—XI вв., если учесть, что глаголы с ослабленной моторностью и даже глагол *приблизиться* в древнейших текстах еще употребляются с б/пр. лок.

¹²⁸ Разумеется, сюда не относятся случаи вроде: *хода же при мори галинѣисциѣмъ*.

Однако нам остаются неясными, по крайней мере, два вопроса. 1. Когда появились сочетания типа *стоять при чем?* 2. Что предшествовало конструкциям типа *простоять чем* (лок.), *прийти чем* (лок.)? Решение этих вопросов имело бы исключительно важное значение, поскольку тогда стало бы ясно, имел ли праславянский язык лок. с предлогом *при* в значении места и направления.

Ответ на первый вопрос может быть дан лишь в относительном виде: появление сочетания *стоять при чем* произошло, видимо, тогда же, когда началась постепенная деградация типа *простоять чем* (лок.). Следует заметить, что этот период мог быть довольно длительным, поскольку в различных группах преобразования могли происходить не одновременно.

Что касается второго вопроса, то его можно несколько сузить и конкретизировать: не развились ли конструкции *простоять чем* (лок.), *прийти чем* (лок.) из предложных сочетаний *стоять при чем*, *идти при чем?* Мы склоняемся к отрицательному ответу. Прежде всего кажется маловероятным „круг“ в развитии этих конструкций: *стоять при чем* > *простоять чем* (лок.) > *стоять при чем* (так же со второй конструкцией). Далее, принять переход *стоять при чем* > *простоять чем* (лок.) — значит, не считаться с общими тенденциями развития подобных типов (беспредложные конструкции > предложные конструкции). Единственное основание, ради которого стоило бы признать первоначальность типа *стоять при чем*, *идти при чем*, могло бы заключаться в том, что наличие лок. требует для своего объяснения предлога. Однако в данном случае такое предположение несостоятельно, поскольку лок. объясним и без предлога (ср. древнейший тип б/пр. лок. при глаголах движения с приставкой и без нее).

Наличие б/пр. лок. при глаголах типа *зазърѣти*, *прѣтыкати сѧ*, *уткнути сѧ*, *свѣзкупити* и др., а также при бесприставочных *коснѣти сѧ*, *висѣти*, *дрѣжати* и др. свидетельствует о том, что объяснять конструкцию *простоять чем* (лок.) из *стоять при чем* нецелесообразно.

Если же говорить о предшествующих по времени конструкциях, то ими, по-видимому, являются *стоять чем при*, *идти чем при*, где *при* выступает в роли наречия, ставшего позднее превербом. Можно думать, что эта стадия была известна и балтийским языкам, которые, однако, в дальнейшем пошли несколько иным путем (это относится прежде всего к примерам при глаголах движения). Во всяком случае, наличие таких примеров, как лит. *prieiti prie ko*, кажется, дает повод думать, что в балтийских языках наречие *prie*, употребляясь преимущественно или исключительно перед именем, стало предлогом, а не приставкой (последняя закономерно возникла как усиление). В таком случае, возможно, проще бы объяснялось наличие род. при *prie* в литовском и в латышском языках. Особенно же характерны случаи, когда падежная форма с *prie* выступает при бесприставочных глаголах. Наиболее очевидные примеры такого рода известны из прусского и латышского языков: *prei stru immati*. 71, 29 'zu Herzen nehmen' (дат.); *samtauy lesuns preipekollin*. 5, 31 'niedergestiegen zu der Helle'; то же, 11, 30.

31, 15; *prēistan perēit*, 33, 6 'zu ihm kommen' и т. д. (в последних примерах везде вин.); *tee pie mana arājina*. BW, 444 'беги к моему пахарю'; *iet māšina...pie dzārāja*. Спрогис, 8 'идет замуж сестричка за пьяницу' и др.¹²⁹ Литовские примеры (ср. *artėjant prie tėviškes*. Виенуолис, Puodžiunkiemis и т. д.) менее очевидны ввиду гораздо более многочисленных случаев типа *priartėjant prie tėviškes*.

Впрочем, мы не настаиваем именно на таком пути развития указанных конструкций в балтийских языках. Возможны и иные объяснения, при которых расхождения по сравнению со славянским состоянием следует отнести к более позднему периоду. Наконец, факты различных балтийских языков во многих случаях неоднозначны и допускают различную интерпретацию.

Примечание. Особый вопрос может возникнуть в том случае, если принять во внимание конструкцию дат. с предлогом *prie*, встретившуюся 8 раз в прусских текстах (5, 32; 11, 31; 41, 5; 16, 33; 65, 18; 67, 1; 71, 29; 19, 19) и известную из восточнолитовских говоров. Ср. Шпехт, I, 18, 33, 42, 44, 45, 46, 68, 68, 68, 69, 70, 71; II, 123 (преимущественно R4, R5); Отрембский. Твер. нар., 441 и др.; ср. наречное *prie tam*. Однако все эти факты, во-первых, недостаточно изучены, а во-вторых, приходится, видимо, думать о славянском влиянии для литовского языка и немецком для прусского, поскольку прусский предлог *prei* во многих случаях, несомненно, идентифицировался с немецким *zu*. Ср. употребление *prei* перед инфинитивом или в примерах вроде: *bela prey swaians maldajsins*. 7, 13 'sprach zu seinen Jüngern', ср. 13, 12 и др. Точно так же мы вынуждены за отсутствием достаточного материала оставить без рассмотрения интересные указания старых латышских грамматиков о *pie* с вин. в значении направления. См. Adolphi, 242, Hugenberger. Mag., II, 2, 78.

Нам известны древнейшие судьбы других славянских локативных конструкций с предлогом *pri*, хотя бесспорно общеславянскими являются те из них, которые выступают в значении времени и состояния. Однако где лежит их начало, сказать невозможно, поскольку факты отдельных славянских языков не дают для этого оснований, а показания балтийских языков отсутствуют вовсе, если не считать явных „германизмов“ в латышском (*pie laika, pie dienas, pie svētdienas*) и, вероятно, в прусском (*prei swaian kerdan*. 53, 15; 61, 17 'zu seiner Zeit'), а также литовских „славизмов“ вроде: *viso ko prie pietų davė; ar prie pinigų?; jis turi nemaža žemes, prie to, dar ir pinigų jam nestokoja; prie tokių salygų, prie tokių aplinkybių* и т. д.

Лишь некоторые частности (например, несколько различные способы употребления лок. с предлогом *pri* для обозначения времени и т. д.) говорят, кажется, за то, что локативные конструкции с предлогом *pri* в указанных значениях не стоит относить слишком далеко за пределы эпохи первых письменных памятников славянских языков.

Этими замечаниями исчерпываются наши возможности в отношении истории лок. с предлогом *pri* в дописьменный период.

¹²⁹ См. И. Эндзелин. Лтш. предл., I, стр. 171, 174. Особенно интересны примеры род. с *pie* при глаголах со значением 'брать', 'держат', 'хватать', 'вешать', 'вязать' и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования заключаются в следующем:

1. Нами собран материал из письменных памятников (преимущественно старых) и диалектных текстов всех славянских языков, относящийся к локативным конструкциям с предлогами и без предлогов. Стараясь не упустить из виду и некоторые второстепенные, иногда весьма специфические детали, мы, тем не менее, сосредоточили свое внимание на двух задачах: а) дать описание локативных конструкций в древнейшие периоды каждого славянского языка, зафиксированные письменными памятниками; б) представить эволюцию локативных типов в каждом славянском языке, особо выделяя основные структурные тенденции. Где было необходимо, мы останавливались на смежных с локативными конструкциях, интересуясь прежде всего теми случаями, в которых наблюдается хотя бы частичное структурное сходство с локативными конструкциями.

2. В исследовании намечены некоторые теоретические принципы реконструкции синтаксических явлений в применении к локативным типам; сделана попытка установить пути и средства для реконструкции подобного рода; определить значение данных других индоевропейских языков в осуществлении поставленной задачи; оценить степень вероятности предположений, касающихся отдельных деталей из истории локативных конструкций в дописьменный период. В связи с этим нами был затронут вопрос о древности индоевропейского лок. и о его соотношении с формами, представляющими чистую основу и признаваемую многими исследователями за лок.

3. Во второй части монографии сделана попытка проникнуть в прошлое некоторых локативных типов, определить предшествующие им конструкции, выяснить эволюцию значений, наметить, где можно, хронологические пределы существования той или иной конструкции (разумеется, в относительном плане), установить некоторые закономерности в особенностях географического распространения отдельных типов.

Основным орудием был для нас метод внутренней реконструкции. Данные других индоевропейских языков использовались, как правило, лишь в той степени, в которой они подтверждали или, по крайней мере, не противоречили показаниям славянского материала. В этой части на-

шего исследования мы не можем претендовать на особую обстоятельность рассуждений и надежность выводов.

Неразработанность проблемы вынудила нас ограничиться гораздо более скромной, чем было бы желательно, задачей: наметить некоторые этапы в дописьменной истории славянского лок.

* * *

В процессе решения указанных выше трех задач мы пришли к ряду выводов более частного свойства. Из них укажем лишь некоторые наиболее общие, представляющие интерес не столько для отдельных славянских языков, сколько для общеславянского лок. в целом. Более частные выводы, иногда весьма специфические и поучительные, указывать не будем: их можно найти в соответствующих частях книги.

1. Взгляды традиционной индоевропейской грамматики, приписывающей общеиндоевропейскому праязыку восемь падежей, несостоятельны. Бесспорно, что в этот период лок. как самостоятельный и отдельный падеж не существовал. Его функции исполнялись рядом других образований, из которых следует отметить лишь два: представляющее чистую основу и форму с элементом *-i*. Но первое из этих образований выступало и в других функциях; поэтому можно признать удачным термин *casus indefinitus*; форма с элементом *-i* выражала значения, которые в дальнейшем стали характерны для дат. и лок. Самостоятельная формальная характеристика лок. мн. ч. с элементом *-s-* возникла позднее. Подобное положение характеризовало не только общеиндоевропейский праязык: оно в достаточно полной степени сохранялось в западной группе древних индоевропейских языков.

2. Лишь языки, относящиеся к восточной части индоевропейской области (исключения незначительны), развили особый самостоятельный падеж лок., достаточно четко противопоставленный другим падежам, в том числе и дат. (во всяком случае, в наиболее продуктивных типах склонения).

Особое место занимают данные балтийских языков, существенно расходящихся между собой в отношении лок. С другой стороны, они представляют исключительную ценность для исследователя древнейшей истории славянских локативных конструкций, поскольку в ряде случаев они являются единственным источником для сравнения (ср. конструкции с предлогами *po — po/pa; pri — prie/pie/prei*, отчасти *o — apie* и т. д.).

3. Картина развития праславянских локативных конструкций в целом весьма проблематична, хотя, кажется, можно наметить некоторые наиболее вероятные детали.

Так, бесспорно, что древнейшим локативным типом были беспредложные образования. В праславянский период они были широко известны, выступая в различных ситуациях. Можно думать, что б/пр. лок. в это время употреблялся при названиях населенных пунктов, племен, в ситуациях, в которых позднее был обычен дат. притяжательный, при словах, выражающих пространственные понятия и имеющих относительное зна-

чение (*край, крома, сторона, верх, низ, дол, перед, зад, середина* и т. д.), при словах с временным значением, в случаях с „изобразительным“ оттенком (*добрѣ, хоудѣ, малѣ, скорѣ* и т. д.), при глаголах движения в значении направления и т. д. Показательна относительная хронология процессов дифференциации значений места и направления в б/пр. лок., связанном с глаголами движения: 1) в б/пр. лок. в связи с глаголами, наиболее четко выражающими идею движения (*идти, ехать, везти, нести* и др.); 2) в б/пр. лок., выступающем при глаголах с ослабленным значением движения, часто снабженных приставкой ([*при-*] *коснуться, причаститься, нападать* и т. д.); 3) в б/пр. лок. при глаголах типа *поставить, положить, посадить, сеять* и т. д., часто допускающих переносное употребление.

Возможно, б/пр. лок. следует видеть в конструкциях *пояти женѣ, ходити ротѣ*.

В эпоху древнейших письменных памятников славянских языков б/пр. лок. встречается в гораздо более ограниченном числе случаев, причем преимущественно в старославянском и древнерусском языках. В первом из них б/пр. лок. выступает главным образом при глаголах известного типа, во втором — от слов, обозначающих названия населенных пунктов. Б/пр. лок. времени претерпевае постепенный процесс адвербиализации или подвергается переосмыслению (ср. *ночи*. б/пр. лок. > род. п.). Показательно, что б/пр. лок. дольше всего сохранялся в особых условиях: при глаголах „сильного“ управления и от слов, обозначающих названия населенных пунктов. Этот факт в сочетании с некоторыми другими соображениями и сведениями относительно замены этих конструкций в дальнейшем дает основания для утверждения, что смена б/пр. лок. (*Киевѣ*) предложным (*въ Киевѣ*) была вызвана не необходимостью более точно определить место действия, как думают многие исследователи, а более глубокими причинами структурного порядка.

По-видимому, б/ пр. лок. на юге славянской языковой области исчезал несколько раньше, чем на западе и особенно на северо-востоке. Середина XIII в. является, вероятно, пределом употребления б/пр. лок. в славянских языках в целом.

От б/пр. лок. древнейшего типа следует отличать вторичный б/пр. лок. фонетического происхождения, распространенный во многих говорах различных славянских языков.

4. Локативные конструкции с предлогом *о* (как и с предлогом *ро, pri*) появились позже, чем б/пр. лок. Есть ряд аргументов, представленных самими славянскими и другими индоевропейскими языками, которые делают вероятным предположение, что локативу с предлогом *о* в праславянском языке некогда предшествовал вин. с тем же предлогом.

Среди локативных типов с предлогом *о* древнейшим является тот, который обозначает место. Именно в нем отчетливее всего просвечивает основное значение предлога — ‘вокруг’, лишь потом развившее новые оттенки (‘вблизи’, ‘рядом’, ‘с помощью’, ‘с’ и т. д.). В качестве удачной аналогии к типу с местным значением приведем развитие значений, в предлоге ‘около’: *circum* > *apud*.

Другие разновидности локативных конструкций с предлогом *о* в конкретных значениях следует признать более поздними. Во всяком случае, наличие в праславянском языке примеров со значением средства или орудия, с социативным оттенком, со значением приблизительности (особенно при обозначении количества) и т. д. заставляет предполагать весьма длительную эволюцию, многие звенья которой скрыты от нас. Некоторые из них мы, однако, пытались восстановить в виде гипотетических построений, учитывая общее направление в развитии данного типа и уже известные (хотя и более поздние) результаты. Так, было высказано предположение о наличии в праславянском языке лок. с предлогом *о* для обозначения приблизительности.

Особое внимание было уделено нами истории локативных типов с предлогом *о* в „изъяснительном“ значении. Было установлено, что утверждение лок. в этой конструкции (вместо старого вин.) произошло гораздо позднее, чем в сочетаниях с конкретными значениями. Во всяком случае, даже письменные памятники славянских языков вплоть до настоящего времени (это относится лишь к некоторым славянским языкам) отражают конкуренцию этих двух типов.

С очевидностью можно заключить, что в дописьменный период связь между локативными конструкциями с предлогом *о* в конкретных (прежде всего — причинном) и „изъяснительном“ значениях была гораздо теснее, а различия между ними были минимальны. Материалы древнейших славянских текстов дают много примеров с еще неустановившимся „изъяснительным“ значением. Исчезновение в дальнейшем лок. с предлогом *о* при весьма обширной группе глаголов (*простить, прославиться, хвалиться, соблазниться, каяться, насладиться, стыдиться, ужасаться, гневаться, негодовать, доветься* и др.), а также интенсивное вытеснение локативных конструкций с предлогом *о* в конкретных значениях, приведшее к почти полному исчезновению этих типов (если не считать отдельных полуидиоматических или полунаречных случаев), существенно способствовали изоляции и внутреннему сплочению группы с „изъяснительным“ значением, настолько далеко ушедшей от своего первоначального состояния, что в ряде случаев, может быть, есть основания говорить о формировании особого падежа.

Интересно отметить, что в отношении локативных конструкций с предлогом *о* в „изъяснительном“ значении разные славянские языки ведут себя по-разному. Наибольшее развитие этот тип получил в русском языке, наименьшее — в языках, лежащих на периферии славянского мира: в серболужицких, словенском, сербохорватском. Более того, в ряде случаев наблюдается картина полной противоположности между данными говоров и литературных вариантов одного и того же языка. В этой связи были рассмотрены смежные способы выражения этой ситуации.

5) Круг локативных конструкций с предлогом *по* и их значения в праславянском языке были существенно отличны от того положения, которое нам известно из ранних славянских текстов. Один из наиболее существенных выводов заключается в том, что праславянский язык не

знал локативных конструкций с предлогом *po*, обозначающих поверхность, на которой происходит действие. Вместо них употреблялся дат. с тем же предлогом. Это заключение представляется нам особенно важным, поскольку в науке до сих пор высказывается противоположная точка зрения, не встречающая опровержения. Кроме того, разрешение этой проблемы объясняет историю многих других локативных типов с предлогом *po*, возникших уже в письменный период большинства славянских языков (лок. с предлогом *po* в значении основания действия, средства или орудия, цены, в дистрибутивном значении и т. д.).

Зато праславянскому языку были свойственны такие локативные конструкции с предлогом *po*, которые в отдельных языках оказались непродуктивными и, как правило, вскоре после появления славянской письменности исчезали совсем или решительно оттеснялись, становясь принадлежностью особых стилей. Мы имеем в виду лок. с предлогом *po* типа „стоять по стороне“, „идти по стороне“, „стоять по ком-либо“ (с оттенком „за“, „в пользу“), „идти по ком-либо“ (= вслед за).

Более устойчивой оказалась локативная конструкция с предлогом *po* во временном значении (=‘после’), хотя в целом и она претерпела существенную деградацию, что проявилось в ее вытеснении другими типами и в переосмыслении ее старого значения (‘после’ → ‘в течение’).

С этой конструкцией генетически был связан тип „плакать по ком“, не получивший, однако, столь широкого развития.

Следует заметить, что в отношении локативных конструкций с предлогом *po* славянские языки представляют чрезвычайно пеструю картину. Достаточно сравнить русский язык, не имеющий сейчас ни одного продуктивного типа лок. с предлогом *po* (оставляем в стороне отдельные говоры), с сербохорватским, наиболее полно представляющим данный тип образований.

Есть основания думать, что в более отдаленные периоды праславянского языка в некоторых случаях вместо появившейся позже локативной конструкции употреблялся род. с предлогом *po*; прежде всего это относится к примерам, в которых выступало отложительное значение. В известной степени наша гипотеза подтверждается и данными балтийских языков, которые являются единственным достаточно надежным источником для сравнения со славянским локативным типом с предлогом *po*.

6. Локативные конструкции с предлогом *pri* претерпели наименьшие изменения в истории развития славянских языков, в большей части их, лишь незначительно сузив или расширив сферу употребления по сравнению с тем положением, которое встречаем в первых памятниках письменности.

В дописьменный период, включая сюда и праславянский, в ряде случаев, где в более позднее время был обычен лок. с предлогом *pri*, он отсутствовал и вместо него выступал б/пр. лок. Отсюда становится ясной хронология таких типов, как „простоять чем“ (лок.) — „стоять при чем“, „прилежать чем“ (лок.) — „лежать при чем“ и т. д. В свою очередь тип „простоять чем“ (лок.) развился, видимо, не из предложной конструкции „стоять при чем“, как думают некоторые ученые, а из со-

четания с наречием *при*, ставшим позднее глагольной приставкой. В этом плане нужно, кажется, рассматривать и предполагаемые нами для праславянского периода конструкции типа „*прийти ком-чем*“ (лок.) со значением направления. Учитывая эти факты, а также данные балтийских языков, показывающие несколько иной путь развития, можно внести некоторые поправки в проблему древности локативных конструкций с предлогом *ргі* в применении к довольно многочисленной группе случаев.

7. Локативные конструкции с предлогами *у* и *на* представляют в целом последний слой локативных образований в славянских языках. Сравнительно-историческое исследование древнейших судеб этих двух типов показывает значительный параллелизм их между собой, впоследствии несколько нарушившийся.

Хронология возникновения указанных типов в ряде случаев определяется данными о времени исчезновения б/пр. лок. Существенным в этой связи является факт довольно точной дифференциации локативных и аккузативных конструкций при предлогах *у* и *на*.

Вся дальнейшая история локативных групп с этими предлогами заключается в расширении сфер употребления, приводящем в ряде случаев к образованию устойчивых единств с глаголами „сильной“ связи. Характерно, что для периода X—XV вв. нельзя обнаружить сколь угодно существенных различий в отношении данных типов между разными славянскими языками.

8. Локативные конструкции в славянских языках представлены рядом разновидностей, часто мало связанных друг с другом. Учитывая их многообразие и сложность развития, едва ли можно говорить о какой-либо особой общей тенденции в развитии славянского лок. в целом. Целесообразнее рассматривать каждую разновидность отдельно, определяя более частные тенденции. Именно так мы и поступали в процессе изучения славянских локативных конструкций.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ К I ЧАСТИ¹

Русский язык

- Акад. — Академический список Новгородской летописи.
- Акты — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, I. М., 1952.
- Алекс. — Александрия. См. Гудз.
- Артакс. — Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подгот. текста . . . И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957.
- Арх. Стр. — Архив П. М. Строева II. Русская историческая библиотека, т. XXXV. Пг., 1917.
- Арх. Холм. Гранд. — А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, 1907.
- Астрах. Петр. — Н. Петровский. Материалы для этнографии Астраханского края. — РФВ, т. 52, 1910.
- Афан. Нар. ск. — А. Н. Афанасьев. Народные сказки, т. II. Гослитиздат, 1938.
- Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948.
- Барс. — Е. В. Барсов. Причитанья Северного края, ч. 1—2. М., 1872—1882.
- Брянск. Тихан. — П. Н. Тиханов. Брянский говор. — Сб. ОРЯС, т. XXVI, № 2, 1904.
- Булс. — Ф. Буслеев. Русская Хрестоматия, 10-е изд. М., 1907.
- Ведом. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.
- Верхоянск. Худяк. — И. А. Худяков. Верхоянский сборник. Иркутск, 1890.
- Ворон. Гринк. — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. — ИОРЯС, т. II, 1929.
- Ворон. Гринк. Вор. диал. — Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. — „Уч. Зап. ЛГПИ им. Герцена“, т. 55, 1947.
- Ворон. Дикар. — М. А. Дикарев. Воронежский Этнографический сборник. Воронеж, 1891.
- Ворон. Филат. — К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежской губернии. — РФВ, т. 37—40, 1895—1898.
- Г. Ам. — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, тт. I—III. Пг.—Л., 1920—1930.
- Гильф. Он. Был. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. СПб., 1896; т. III, М.—Л., 1940.
- ГНП — Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- Гол. Два века — М. Голубкова. Два века. М., 1946.
- Гудз. — Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, 4-е изд. . СПб., 1912—1914.

¹ Условные сокращения в названиях местностей и в названиях памятников, принятые в цитируемых источниках, сохраняются.

- Даль. Посл. — В. И. Даль. Пословицы русского народа, тт. I—II. М., 1862.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
- Дело Ник. — Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
- Домостр. — Домострой по Коншинскому списку и подобным, изд. А. С. Орлов, кн. 1—2. М., 1908—1910.
- Др. пам. — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1863.
- Жит. Авв. — Житие протопопы Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., „Academia“, 1934.
- Жит. Алекс. — В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.
- Жит. Ал. Невск. — В. Мансиikka. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913.
- Жит. Ант. Римл. — Житие Антония Римлянина. См. Бусл.
- Жит. Б. и Гл. — Д. И. Абрамович. Жития св. Бориса и Глеба и службы им. — „Памятники древнерусской литературы“, II. Пг., 1916.
- Жит. Мих. Клопск. — Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.
- Жит. Стеф. Перм. — Житие Стефана Пермского. См. Гулд.
- Жит. Феод. Печ. — Житие Феодосия Печерского. — „Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских“, кн. 1, 1879.
- Задонщ. — В. Ф. Ржига. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве. — „Уч. Зап. МГПИ им. В. И. Ленина“, т. XLIII, 1947.
- Зелен. Ск. Перм. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пг., 1914.
- Ив. Пересв. — Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956.
- Илар. — Митрополит Иларий. Слово „О законе и благодати“. — „Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава“, I. М., 1844.
- Ипат. — Ипатьевский список летописи. — ПСРЛ, II. СПб., 1908.
- Кат.-Рост. — И. М. Катырев-Ростовский. Летописная книга. „Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени“, 3-е изд. Л., 1925.
- Кир. Тур. Проп. — Кирилл Туровский. Проповеди (в кн.: К. Ф. Калайдович. Памятники российской словесности XII в. М., 1821).
- Колым. Селищ. — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921.
- Комисс. — Комиссионный список Новгородской летописи.
- Котош. — Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, 4-е изд. М., 1906.
- К.-Печ. Пат. — Киево-Печерский Патерик. СПб., 1911.
- Курск. Труды — Труды Курской Архивной Комиссии, I. Курск, 1911.
- Курск. Хал. — М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. — Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 5. СПб., 1904.
- Лавр. — Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, I. Л., 1926—1827.
- Лет. Пер. Сузд. — Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
- Луга. Каринск. — Н. М. Каринский. О некоторых говорах по течению рек Луга и Ореджа. — РФВ, т. 40, 1898.
- Мат. — Материалы для изучения великорусских говоров. — ИОРЯС (том указан в тексте).
- Мол. Дан. Зат. — Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
- Моск. Дурн. — Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губ. — РФВ, т. 44—50, 1900—1903.
- Нашок. — В. А. Нащокин. Записки В. А. Нащокина. СПб., 1842.
- Новг. бер. — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из

- раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.), М., 1958.
- Новг. Солов. — В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда. — Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 7, 1904.
- Обоян. Резанов — В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ, 1897.
- Ончук. Сев. ск. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909.
- Переп. Ив. Грозн. — Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951.
- Письма Петра I — Письма и бумаги императора Петра Великого, I. СПб., 1887.
- Пов. И. Новг. — Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим. — „Памятники старинной русской литературы“, Вып. I. СПб., 1860.
- Пов. Дм. Ив. — Повесть о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича. См. Гудз.
- Пов. об Азов. сид. — Повесть об азовском осадном сидении донских казаков. См. Гудз.
- Пов. о П. и Февр. — Повесть о Петре и Февронии. См. Гудз.
- Пов. о прих. Бат. на Ряз. — Повесть о приходе Батюга на Рязань. См. Гудз.
- Пов. о Сав. Грудц. — Повесть о Савве Грудцыне. См. Гудз.
- Пов. о Фр. Скоб. — Повесть о Фроле Скобееве. См. Гудз.
- Посошк. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
- Праздн. каб. яр. — В. П. Адрианова-Перетц. „Праздник кабацких ярыжек“. Пародия-сатира второй половины XVII в. — „Труды отдела древнерусской литературы“, I. М.—Л., 1936.
- ПРП — Памятники русского права, вып. 2. М., 1953.
- Пск. лет. — Псковские летописи, вып. 1—2. М., 1941—1955.
- Пск. судн. гр. — И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота. М., 1951.
- ПСРА — Полное Собрание Русских Летописей, т. 1—23. СПб., 1846—1910.
- Радзивил. — Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб, 1902.
- Рич. Джемс. — П. К. Симонови. Великорусские песни, {записанные в 1619—1920 гг. для Ричарда Джемса. СПб, 1907.
- Р. Пр. — М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Ряз. Будде — Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанских говоров. — РФВ, т. 28, 1892.
- Сб. Имп. Р. Ист. Общ. — Сборник Императорского Российского Исторического Общества.
- Сим. Пол. — Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.—Л., 1953.
- Син. — Синодальный список. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950.
- Син. Пат. — Синайский патерик. (В кн.: И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879).
- Сип. Русск. пов. — В. Ф. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905.
- Сказ. Авр. Палиц. — Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955.
- Сказ. о Б. и Гл. — Сказание о Борясе и Глебе. — „Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских“, кн. 2., 1899.
- Сказ. о кн. Владим. — Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.
- Сл. о вере лат. Феод. Печ. — Слово о вере латинской, или варяжской Феодосия Печерского. См. Бусл.
- Сл. о п. Иг. — А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946.
- Смол. Добр. — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, I—IV, 1891—1903.
- Собр. Гос. Грам. и Дого. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, I—IV. М., 1813—1824.
- Сок. Ск. Белоз. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

- Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. I—III. СПб., 1893—1912.
- Срезн. Пам. — И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868.
- Толст. — Толстовский список Новгородской летописи.
- Тульск. Будде — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь. — Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 3, 1904.
- Ф. — Шакл. — Розыские дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках, I. СПб., 1884.
- Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи.
- Хожд. бог. — Хождение богородицы по мукам (в кн.: Н. С. Тихомиров. Памятники отреченной русской литературы, II, М., 1863).
- Хож. иг. Дан. — Житие и хоженье Даниила, русския земли игумена 1106—1107 гг. — „Палестинский сборник“, т. 1. СПб., 1885.
- Хрон. И. Мал. — В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малады в славянском переводе. СПб., 1911—1914.
- Чудинск. — Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.
- Яросл. Мельн. — Г. Г. Мельниченко. К диалектологии Ярославской области. — „Уч. Зап. Ярославского государственного педагогического института“, 1944.

Белорусский язык

- Акты Вил. Ком. — Акты, изд. Виленской комиссиею для разбора древних актов, т. I—XXXI. Вильна, 1865—1912.
- Алекс. — Александрия. См. Хрест.
- Бел. сб. — Белорусский сборник, I. Киев, 1886 и сл.
- Белор. Арх. др. гр. — Белорусский Архив древних грамот, ч. I. М., 1824.
- Brückner. Codex Racz. — A. Brückner. Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräffisch-Raczyński'schen Bibliothek in Posen. — Afskrift, Bd. IX, 1886.
- Булгаковский — Д. Г. Булгаковский. Пинчуки. — Этнографический сборник, Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. XIII, вып. 3. СПб., 1890.
- Бычко-Машко — И. Е. Бычко-Машко. Сборник народных песен... Гродненской губ. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIX, № 4. СПб., 1911.
- Виленск. Карск. — Е. Ф. Карский. Белорусские песни деревни Новоселок-Затрокских Виленской губ. Троцкого уезда. — РФВ, т. XXI, 1889.
- Гильтебр. Сб. Сев.-зап. — П. Гильтебрандт. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае, вып. 1. Вильна, 1866.
- Карск. Мат. — Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров. — ИОРЯС, тт. II—IV, 1897—1899.
- Касьян Рымл. Ерамита — С. Некрашевич. Мова кнігі Касьяна Рымляніна Ераміты: ω уставах монастырских, 1641. Зап. аддзелу гуман. навук, кн. 2. Працы класы філэл., т. I. Менск, 1928.
- Каминск. — В. А. Каминский. Белоруссы Ново-Александровского уезда Ковенской губ. в их песнях, обрядах и обычаях. Воронеж, 1910.
- Лет. Авр. — Летопись Авраамки. — ПСРА, т. XVII. СПб., 1907.
- Лет. лит. — Сказание о русских князьях. Летописец великих князей литовских. — ПСРА, т. XVII. СПб., 1907.
- Малев. — С. Малевич. Белорусские народные песни. — Сб. ОРЯС, т. LXXXII, № 5. СПб., 1907.
- Мат. Гродн. Роман. — Е. Р. Романов. Материалы по этнографии Гродненской губ., вып. 1. Вильна, 1897.
- Мял. — Палітычная сатыра. Прамова Івана Мялешкі. См. Хрест.
- Нечаев — А. Д. Нечаев. Материалы по Стародубскому уезду. — Варшавские Университетские Известия, IX, 1914.

- Носов. — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Носов. Послов. — И. И. Носович. Сборник белорусских пословиц. СПб., 1874.
- Полевой — А. Полевой. О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губ. Минск, 1926.
- Псалт. XV в., XVI в., XVII в. — Е. Ф. Карский. Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896.
- Радченко — Э. Радченко. Гомельские народные песни. — „Записки русского Географического Общества по Отделению этнографии“, т. XIII, вып. 2. СПб. 1888.
- Сербов — И. А. Сербов. Белорусы-сакуны. — Сб. ОРЯС, XCIV, № 1. Пг., 1915.
- Сержпут. — А. К. Сержпутовский. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина Слуцкого у. Минской губ. — Сб. ОРЯС, CXXXIX, № 1. СПб., 1911.
- Стат. 1588 г. — Статут княжества Литовского 1588 г. — „Временник Императорского Общества Истории и Древностей Российских“, кн. 19, 1854.
- Супр. — Супрасльский список 1519 г. — ПСРА, т. XVII. СПб., 1907.
- Тяпинск. ев. — М. Довнар-Запольский. В. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие. — ИОРЯС, IV, 1899.
- Хрест. — В. Барысенка. Белорусская литература. Хрестоматия для педагогичных вучылішчаў. Минск, 1953.
- Шамяк. — І. Шамякін. У добры час. Минск, 1953.
- Шейн — П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, тт. I—III. СПб., 1890—1902.
- Ян. Куп. — Янка Купала. Сбор твораў, т. II. Минск, 1952.

Украинский язык

- Акты Зап. Росс. — Акты, относящиеся к истории Западной России, I—V. СПб., 1846—1853.
- Акты Южи. и Зап. Росс. — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, I—XI. СПб., 1863—1879.
- Акт. Стародубск. — Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 г. Чернигов, 1914. Под ред. В. Л. Модзалевского.
- Апокр. — Апокрифи і легенди. Львів, 1910, т. V. Вид. И. Франко.
- Апокрис. — Апокрисис. Русская историческая библиотека, т. VII, кн. 2. СПб., 1882.
- Арх. ЮЗР — Архив Юго-Западной России. Киев, 1859—1914.
- Баран. Трубы слов. — Л. Баранович. Трубы словес проповѣдных. См. Хрест. Бессар. Херс. — И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Херсонской губ. — Сб. ОРЯС, т. 94, XCIV. Пг., 1916.
- Ващенко. Полт. — В. С. Ващенко. Полтавські говори. Харків, 1957.
- Верхр. Бат. — И. Верхратський. Говір Батюків. Львів, 1912.
- Верхр. Доливск. — И. Верхратський. Про говір Долівський. — ЗНТ, т. 35, 36.
- Верхр. Знадоби. — И. Верхратський. Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів. — ЗНТ, т. 27—30, 40, 44—45.
- Вирши Клим. Зин. — Вірші Климентія Зиновієва сина. См. Хрест.
- Вишенск. — Иван Вишенский. Сочинения. М. — Л., 1955.
- Гаватов. Интерм. — Интермедіи до драми Я. Гаватовича. См. Хрест.
- Галят. Ключ разум. — І. Галятовський. Ключ разумѣнія. См. Хрест.
- Гладкий — П. Гладкий. Говірка села Нехворощи Андрушівського р-ну Бердичівської округи. — Укр. Діал. Збірн., II. 1929.
- Гнат. Пряш. — В. Гнатюк. Русини Пряшівської епархії і їх говори. — ЗНТ, т. 35—36.
- Гнедич — П. А. Гнедич. Материалы по народной словесности Полтавской губернии (Роменский уезд), вып. I—IV. Полтава, 1915—1916.
- Голов. Галицк.-Угорск. — Я. Головацкий. Песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878, I—IV.

- Голов. Пам. — Я. Головацкий. Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем галицко-володимирском княжестве в XIV—XV стол., Львов, 1865—1867.
- Г. Смотрицк. Ключ царства — Герасим Смотрицкий. Ключ царства небесного. См. Хрест.
- Де-Волл. — Г. А. Де-Воллан. Угро-русские народные песни. — „Записки Русского Географического Общества“, т. XIII. СПб., 1885.
- Етн. Зб. — Етнографічний Збірник. Львів. т. 1—36.
- Ж. Стар. — Живая Старина.
- Зах. Копист. — Захарія Копистенський. Палинодия. См. Хрест.
- ЗНТ — Записки Науки Товариства імени Шевченка. Львів.
- Каминск. — В. Каминский. Краткое описание говора Косарева Дубенского у. — РФВ, т. 51.
- Kolb. — O. Kolberg. Rokucie, I—IV. Kraków, 1883.
- Кравченко — В. Кравченко. Етнографічні матеріали. Житомир, 1911.
- К. Стар. — Киевская старина.
- Курило — О. Курило. Матеріали до української діалектології та фольклористики. Київ, 1928.
- Лет. Величка — Летопись Величка. Киев, 1851.
- Лет. Грабянки — Летопись Грабянки. См. Хрест.
- Лет. Самов. — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878.
- Лукьяненко — А. М. Лукьяненко. Новые данные для характеристики гуцульских говоров. — „Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому“. Киев, 1902.
- Львовск. лет. — Львовская летопись. М., 1839.
- Малор. пов. — Г. Основьяненко. Малороссийские повести. 1834.
- Мам. поб. — С. Шамбиняго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.
- Манж. — И. И. Манжура. Сказки, пословицы и т. д., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. Харьков, 1890.
- Метлинск. — А. Метлицкий. Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
- Милорад. — В. П. Милорадович. Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губ. Харьков, 1897.
- Номис — Номис. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Спб., 1864.
- Опис. Киевск. Замков — Описания Киевских и других замков 1552. — Архив Юго-Западной России, т. 7. Киев, 1887.
- Пам. 16—17 вв. — Памятники полемического письменства кінця 16 і поч. 17 в., I. Львів, 1906. Видав К. Студинський.
- Паньк. Укр. гов. — І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областях. Praha, 1938.
- Паули — Żegota Pauli. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. Lwów, 1839.
- Перестор. — Пересторога. М. Возняк. Письменницка діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Львів, 1954.
- Петров. Мат. — А. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1906—1914.
- Приступа — П. І. Приступа. Говірки Брюховицького району Львівської області. Київ, 1957.
- Прокоп. Владим. — Ф. Прокопович. Владимир. Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. 2. СПб., 1874.
- Прокоп. Мил. бож. — Ф. Прокопович. Милость божія. См. Хрест.
- Путеш. Иерус. — Ипполит Вишенский. Пелгримация или Путешествием честного неромнаха Ипполита Вишенского. — „Православный Палестинский Сборник“, вып. 61. СПб., 1914.
- Резанов. Драма укр. — В. Резанов. Драма українська, Київ, 1926.
- Розов — В. Розов. Українські грамоти, т. I. Київ, 1928.
- Sborn. Filol. — Sbornik filologický. Praha.
- Smal.-St. — Gartn. — S. Smal-Stoický, T. Gartner. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.

- Тимч. — Е. Тимченко. Льокатив в українській мові. Київ, 1925.
 Федьк. — Федькович. Пoesія Іосифа Федьковича. Киев, 1862.
 Харьк. сб. — Харьковский сборник, вып. 1 и след. Харьков.
 Хрест. — Хрестоматія давньої української літератури (доба феодалізму). Упорядкував О. І. Билецький. Київ, 1949.
 Чубинск. — П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, т. VII. СПб., 1877.
 Шимановск. — В. Шимановский. Звуковые и формальные особенности народных говоров Холмской Руси. Варшава, 1877.
 Шухевич — В. Шухевич. Гуцульщина, I—IV. Львів, 1900—1904.
 Щепотьев. — В. Щепотьев. Народные песни, записанные в Полтавской губ. Полтава, 1915.
 Яворск. — Ю. А. Яворский. Памятники галицко-волинской народной словесности, вып. 1. Киев, 1915.
 Ярош. Молд. — В. Ярошенко. Українська мова в молдавських грамотах 14—15 вв. — „Збірник комісії для дослідження історії української мови“, I. Київ, 1931.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- Altp. Sprd. — W. Nehring. Altpolnische Sprachdenkmäler. Systematische Übersicht, Würdigung und Texte. Berlin, 1886.
 Arch. Kom. Prawn. — Archiv Komisji Prawniczej, III. Kraków, 1895. Wyd. Fr. Piekosiński.
 Bajki Warm. Maz. — Bajki Warmii i Mazur. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.
 Bąk — S. Bąk. Teksty gwarowe z polskiego Śląska, I, 1939, Wydawnictwa Śląskie, — „Prace Język.“, № 4.
 Бельск. — М. Bielski. Kronika wszystkiego świata (по отрывкам из Брандта, Tasz и др.).
 Библ. Леоп. — Biblia tłumaczenia Jana Leopolda. 1561. См. Линде.
 Библ. Соф. — Biblia królowej Zofii. Wyd. przez A. Małeckiego. Lwów, 1871.
 Бирк. Kaz. przygodne — F. Birkowski. Kazania przygodne i pogrzebowe, См. Брандт.
 Бирк. Kwiaty koron — F. Birkowski. Kwiaty koron królewskich nieśmiertelne. См. Брандт.
 BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego.
 Брандт — Р. Брандт. Выписки из старопольской словесности. М., 1900.
 Brückner. Drobne zab. — A. Brückner. Drobne zabytki języka polskiego XV w. Pieśni, modlitwy, głosy. Kraków, 1896.
 Brückner. Dzieje — A. Brückner. Dzieje języka polskiego. Lwów, 1913.
 Brückner. P. pr. średn. — A. Brückner. Polska proza średniowieczna. Kraków, 1923.
 Brückner. Średn. p. — A. Brückner. Średniowieczna pieśń religijna polska. Kraków, 1923.
 Cantil. — Cantilena a beato patre Ladislao Gielnovio 1488. См. Altp. Sprd.
 Хвальч. Kron. — St. Chwałczewski. Kronika polska, I—II. Warszawa, 1829.
 Cinciały — A. Cinciały. Przysłowia... ludu polskiego na Śląsku.
 Диковск. код. — Диковский код. См. Arch. Kom. Prawn.
 Флор. — W. Nehring. Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit. Posnaniae, 1883.
 Флор. Add. — Addenda к Флоринской Псалтыри. См. Флор.
 Fortunat — Fortunat (około r. 1570). Wyd. J. Krzyżanowski. Kraków, 1926.
 Gdacjusz. Append. — Adam Gdacjusz. Appendix, t. j. przydatek do dyskursu o panskim y szlacheckim albo rycerskim stanie. См. Tasz.
 Гнезн. проп. — Zabytki języka i literatury polskiej. Nr. 2. Kazania gnieźnieńskie. Wyd. St. Vrtel-Wierczyński. Poznań, 1953.
 Gołąb — P. Gołąb. Gwara Schodni i okolicy. Wrocław, 1956.

- Гроховск. Kołęda — St. Grochowski. Kołęda: Nowe lato i Szczodry dzień. См. Брандт.
- Гроховск. Тор. нocy — St. Grochowski. Toruńskie nocy. См. Брандт.
- Гурницк. Dworz. — Łukasz Górnicki. Dworzanin polski. Kraków, 1928.
- Гурск. Rada — Jakóba Górskiego Rada Pańska 1597. Wyd. W. Czermak. Kraków, 1892.
- Hist. Troj. — Historia Trojańska 1563. Wyd. S. Adalberg. Kraków, 1896.
- Hube — R. Hube. Roty przysięg krakowskich z końca w. XIV. Kraków, 1875.
- Ян Кохан. — Jan Kochanowski. Dzieła polskie, t. I—III. Warszawa, 1955. (Apoft. — Apoftegmata; Fraszki; Odpr. posl. — Odprawa posłów greckich; Pieśni; Psalt. Daw. — Psalterz Dawidów; Wróżki).
- JP — Język Polski.
- Karłowicz. Pieśni maz. — J. Karłowicz. Dziesięć pieśni mazurskich — Pr. fil. II, 1888.
- Карлович. Сл. gw. p. — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. I—VI. Kraków, 1900—1911.
- Kat. mon. Bo — Katalog monumentów Biblioteki Ossolińskich, I.
- Кленов. Flis — S. F. Klonowicz. Flis. Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI w. do końca XVII w. I. Warszawa, 1954.
- Кленов. Worek Jud. — S. F. Klonowicz. Worek Judaszów. Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI w. do końca XVII w. I. Warszawa, 1954.
- Кнапск. Thesaur. — G. Knapski (Cnapius). Thesaurus polono-latino-graecus. Kraków, 1621.
- Kolb. Kiel. — O. Kolberg. Kieleckie.
- Kolb. Krak. — O. Kolberg. Krakowskie.
- Kolb. Pozn. — O. Kolberg. Poznańskie.
- Komed. o miasop. — A. Kalina. Komedyja o mięsopuście z rękopisu z początku XVI wieku. — Pr. fil., II, 1888.
- Козл. Pieśni — K. Kozłowski. Pieśni podania, baśnie, zwyczaje i przesady ludu z Mazowsza Czerskiego. Warszawa, 1869.
- Крак. судов. земск. кн. — М. Караś, Z. Perzanowski. Teksty polskie z XIV-wiecznych ksiąg sądowych ziemskich krakowskich. — JP, XXXVII, z. 2, 1957.
- Kur.-W. — Wł. Kuraszkiewicz, Ad. Wolff. Zapiski i rotы polskie XV—XVI wieku z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej. Kraków, 1950.
- Лег. о св. Алекс. — Legenda о św. Aleksym. См. Brückner. Średn. p.
- Линде — M. Samuel Bogumił Linde. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Warszawa, 1951 (wyd. trzecie).
- Lubom. O stylu — S. H. Lubomirski. Rozmowy Artaxessa y Ewandra. См. Tasz.
- Мацевевск. Pam. słow. — A. W. Maciejowski. Pamiętniki о dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Peterburg—Lipsk, 1839.
- Магдеб. право. Kalina — Artykuły prawa Majdeburskiego. A. Kalina. Rozpr. i sprawozd., VII, 1880.
- Małeckі. Gram. większa — A. Małeckі. Gramatyka języka polskiego większa. Lwów, 1863.
- Małeckі. Nowy Testament. — Jan Małeckі. Nowy Testament 1552. См. Rospond.
- Малин. Powieści — L. Malinowski. Powieści ludu na Śląsku. — Mat. AAE., IV, 1900; V, 1901.
- Mat. AAE. — Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne.
- Mikl. — F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV. Wien, 1883 (2-е изд.).
- Моджевск. Mowy — A. F. Modrzewski. Mowy. PAN, 1954.
- Mon. PP — Monumenta Poloniae palaeographica. Edidit St. Krzyżanowski, I. Cracoviae, 1908.
- MPKJ — Materiały i prace Komisji Językowej AU.
- Murzynowski — см. Rospond.

- Навойк. Молитв. — Навойкин („Ядвигин“). Молитвенник. См. Вержб.
 Nitsch. Dial. p. Śląska — K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, I. Kraków, 1939.
 Nitsch. Dial. Pr. Zach. — K. Nitsch. Dialekty Prus Zachodnich. — WPP, III.
 Nitsch. Póln.-p. teksty gwar — K. Nitsch. Pólnocno-polskie teksty gwarowe od Kaszub po Mazury. Kraków, 1955.
 Nitsch. Wybór — K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych. Lwów, 1929.
 Опаливск. — K. Опалиński. Satyry. Poznań, 1840.
 Ожеховск. Rozmowa — St. Orzechowski. Rozmowa albo dialog. Kraków, 1858.
 Ожеховск. Dial. polit. — St. Orzechowski. Polskie dialogi polityczne. Biblioteka Pisarzy Polskich, Wyd. J. Łoś.
 Pam. AU. — Pamiętnik Akademii Umiejętności.
 Pasek. Pam. — Jan Pasek. Pamiętniki. Warszawa, 1955.
 Pawł. — E. Pawłowski. Gwara Podegrodzka. Wrocław—Kraków, 1955.
 Pazardur. — A. Pazardurówna. Gwara wsi Wzdół w powiecie kieleckim.—Rozpr. Kom. Jęz., V, 1957.
 Песнь Богородица — R. Pilat. Pieśń Boga Rodzica. — Pam. AU, t. IV. Kraków, 1880.
 Песня Анд. Тенч. — Песня на убийство Андрея Тенчинского. См. Altp. Sprd.
 Pieśni o św. Krzyst. — Pieśni o św. Krzystofie i św. Dorocie. См. Brückner. Sredn. p.
 Pieśni p. w. — Pieśni postne a wielkanocne. См. Brückner. Średn. p.
 П. Кохан. Goffr. — Piotr Kochanowski. Goffred abo Ieruzalem wyzwolona. См. Линде. Tasz.
 Poncj'an — Poncj'an. Historia o siedmiu mędracach. Kraków, 1927.
 Por. Jęz. — Poradnik Językowy.
 Post. polska — Postila polska. См. Rospond.
 Pr. fil. — Prace filologiczne.
 Pr. Kom. Jęz. — Prace Komisji Językowej.
 Права mazow. — Права земли mazowieckiej. См. Brückner. P. pr. sredn.
 Пул. Пс. — S. Słóński. Psalterz Puławski. Warszawa, 1916.
 Рей. Wizer. — M. Rej. Wizerunek własny. M. Rej. Pisma wierszem, Wrocław, 1954.
 Рей. Еванг. — M. Rej. Świętych słów a spraw pańskich... См. Tasz.
 Рей. Zwiерć. — M. Rej. Zwiерciadło. В кн.: M. Rej. Pisma wierszem. Wrocław, 1954.
 Rospond — St. Rospond. Studia nad językiem polskim XVI wieku. Wrocław, 1949.
 Rospr. AU — Wydz. Fil. — Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny.
 Rozpr. Kom. Jęz. — Rozprawy Komisji Językowej.
 Рук. XVI в. Малин. — L. Malinowski. Zabytek języka polskiego z początku wieku XVI. Kraków, 1898.
 Сатира на ленив. мужика — Три zabytki języka polskiego XIV i XV wieku. — Rozpr. i sprawozd. z posiedz. Wydz. Fil. AU, I, 1874.
 С. Шаж. — M. Sęp Szarzyński. Poezycie Mikołaja Sępa Szarzyńskiego i Tobiasza Wiszniewskiego. Kraków, 1858.
 Секлюц. — Katech. — J. Seklucjan. Katechizmu text prosti. 1545. См. Rospond.
 Скарга Kaz. przygod. — P. Skarga. Kazania przygodne. См. Бранат.
 Скарга. Kaz. sejm. — Piotr Skarga. Kazania seymowe. 1597. См. Tasz.
 Скарга. Żyw. — P. Skarga. Żywoty świętych, I—II. Wilna, 1780.
 Smith — C. Smith. Grammatik der polnischen Sprache, 1. Aufl., 1845.
 Sobler. — Z. Sobierajski. Gwary kujawskie. Poznań, 1952.
 Steuer. Бабор. — F. Steuer. Narzeczce Baborowskie. Kraków, 1937.
 Steuer. Сулковск. — F. Steuer. Dialekt Sulkowski. Kraków, 1934.
 Страдомск. код. — Страдомский кодекс. См. Arch. Kom. Prawn.
 Стрыйк. Крон. — M. O. Strujkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. 1582. См. Линде.
 Stud. z. fil. pol. i słow. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, I. Warszawa, 1955.

- Свентокрж. — Kazania tzw. świętokrzyskie. Wyd. J. Łoś i W. Semkowicz. Kraków, 1934.
- Шимон. Siel. — Szymon Szymonowicz. Sielanki. Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI w. do końca XVII w., I. Warszawa, 1954.
- Tasz. — W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII wieku. Warszawa, 1955.
- Testam. Now. — Testament Nowy 1553 r. См. Rospond.
- Томаш. — А. Томашевский. Gwara Lopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce Kraków, 1930.
- Тушинск. Два пам. — Pamiętnik Jana Floriana Drobysza Tuszyńskiego. Dwa pamiętniki z XVII wieku. Wrocław.—Kraków, 1954.
- Ul. — B. Ulanowski. Roty przysięg krakowskich z lat 1399—1418. — Sprawozd. Kom. Jęz. AU., III, 1884.
- Василевск. Jag. — Wasilewski. Jagodne. См. Карлович. Ст. gw. р., IV, 147.
- Вереж. Regula — Pisma polityczne Ks. Józefa Wereszczyńskiego Wyd. Turowski.
- Вержб. — Ф. Вержбовский. Польская хрестоматия. Варшава, 1888 (2-е изд.)
- Висл. стат. — O. Grünenthal. Das Statut von Wislica in polnischer Fassung kritische Ausgabe. Heidelberg, 1925.
- Витв. О. Hucułach — S. Witwicki. О Hucułach. См. Карлович. Ст. gw. р., IV, 146.
- WPP — K. Nitsch. Wybór Pism Polonistycznych. I—IV. Wrocław—Kraków, 1954—1958.
- Бук — Biblia to jest księgi starego i nowego testamentu z łacińskiego na język polski przełożone przez ks. D. Jakóba Wujka. Warszawa, 1950.
- Zbiór WAK — Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.
- Збылит. Wieśn. — Andrzej Zbylitowski. Wieśniak. Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskich XVI—XVIII w., zes. III. Warszawa, 1893.
- Zejszner — L. Zejszner. Pieśni ludu Podhalan.
- Зимор. Siel. — Sielanki Szymona Zimorowicza. Lipsk, 1836.
- Жал. умир. — Жалоба умирающего. См. Altp. Sprd.
- Жит. Блаж. — Żywot św. Błażeja. Biblioteka Ossolińskich, t. IV. Lwów, 1863.
- Жолкевск. — Pisma Stanisława Żółkiewskiego. Lwów, 1861.

Кашубский язык

- Будз. Nów. Spiéwě. — W. Budzysz. Nówotné Spiéwě. 1910.
- Гильф. — А. Ф. Гильфердинг. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.
- Gryf. — Gryf. t. I, — III, 1909 — 1911.
- Derd. O panu Czorl. — J. Derdowski. O panu Czorlińscim, co do Pucka po sece jachoł. Toruń, 1880.
- JP. — Język Polski.
- Лоренц. Gesch. — F. Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin, 1925.
- Лоренц. Т. пом. — F. Lorentz. Teksty pomorskie czyli słowiańsko-kaszubskie, zes. I—III. Kraków, 1913—1925.
- Mitt. — Mitteilungen des Vereins für kaszubische Volkskunde. H. 1—6, herausgegeben von F. Lorentz; H. 7—8, herausgegeben von I. Gulgowski. Leipzig, 1908—1913.
- MPKJ — Materiały i prace Komisji Językowej AU.
- Nitsch. Półń.-p. teksty gwar. — K. Nitsch. Północno-polskie teksty gwarowe od Kaszub po Mazury. Kraków, 1955.
- Nitsch. WPP. — K. Nitsch. Wybór Pism Polonistycznych, I—IV. Wrocław—Kraków, 1954—1958.
- Por. Jęz. — Poradnik Językowy.

Ram. Teksty kasz. — St. Ramułt. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893 (Teksty kaszubskie).

Смочинск. — P. Smoczyński. Stosunek dzisiejszego dialektu Sławoszyna do języka Cenowy. „Konferencja pomorska (1954)“. Warszawa, 1956.

Полабский язык

Гени. — Генниг. См. Рост.

П.-Ш. — Парум-Шульце. См. Рост.

Рост. — P. Rost. Die Sprachreste der Dravāno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.

Лужицкие языки

Chrest. — Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa, I. zw., zbierał, zestał... Fr. Mätšk, Berlin, 1956.

ČMS — Časopis Maćicy Serbskeje, Budyšin.

Фабриц. — Fabricius. Nowy Testament naschogo kněsa Jesom Kristuša. Barlin, 1860.

Фриц. — J. F. Fryc. Psalmy Dabita do serskeje řečy pschestawjone wot J. F. Fryca. Barlin, 1860.

Handr. — M. Handrik-Slepjanski. Słownik Slepjanskeje narěče. — ČMS, 1905, 1906.

Hórnik. Dodaw. — M. Hórnik. Dodawki i varianty ludowych pěśni. — ČMS, 1875.

H.-Schm. — L. Haupt, J. E. Schmaier. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lauzitz, I—II. Grimma, 1841—1843.

Якуб. — Якубица. A. Leskien. Das sorbische Neue Testament von 1548. — AfslPh, I, 1876.

Кренц. — K. Krjenc. Jan. Roman pytačeho čłowjeka. Budyšin, 1955.

Ліпа серб. — Lipa Serbska Časopis mlodych Serbow.

Любор. прис. — E. Muka. Delnjoserbska přisaha města Luboraza, Pomnik delnjoserbskeje řeče z 1. pol. XVI lětstotka. — ČMS, 1905.

Луж. прис. — M. Hórnik. Serbska přisaha. — ČMS, 1875.

Мука. Deln. p. — E. Muka. Delnołužiske pěsnje. — ČMS, 1877.

Мука. Lud. p. Rog. — Muka. Ludowa pěseň z Pogowa. — ČMS, 1880.

Мука. Lud. p. — E. Muka. Ludowe pěsnje z delnołužiskich pomjezow. — ČMS, 1875.

Мука. Lud. p. Rog. — E. Muka. Ludowa pěseň z Rogowa. — ČMS, 1880.

Мука. Wb. — Ə. Muka. Словарь нижелужицкого языка, I—III. Пр.—Praha, 1921—1928.

Нуčka — J. B. Nučka. Bludne zele. — ČMS, 1901.

Пф. — C. T. Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Posol. stat. — Posolski statki. См. Фабриц.

Radyserb — J. Radyserb. Baja bajki. — ČMS, 1876.

Рукоп. агенда — M. Hórnik. Rukopisna agenda z lěta 1667. — ČMS, 1869.

Schneider. Gramm. — F. Schneider. Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialekt's. Bautzen, 1853.

Stieber — Z. Stieber. Tekst delnołužicki z Żyłowa pod Chociebuszem. — „Lud Słowiański“, III, z. 1, 1933.

Щерб. — A. B. Щерба. Восточнолуژیцкое наречие, т. I. Пр., 1915.

Варих. — K. H. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius 1527. Leipzig, 1923.

Вольф. Псалт. — R. Trautmann. Der Wolfenbüttler niedersorbische Psalter. Leipzig, 1928.

Wjełan — J. Wjełan. Morwy doł. — ČMS, 1876.

Чешский и словацкий языки

Алекс. — M. Hattala, A. Patera. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Praha, 1881 (списки: Будейовицкий, Будейовицко-Музейный, Индржихо-Градецкий, Музейный и Сватовитский).

- Альб. Вел. Км. мр. — Albert Veliký. Knihy mravní. См. Šaf. Výb.
 Альб. Вел. Рáj duše — Albert Veliký. Ráj duše. См. Gebauer, IV.
 Андр. Д. — Ondřeje z Dubé výklad na právo země české. См. Šaf. Výb.
 Antol. — J. Jireček. Antologie ze staré literatury české. Praha, 1861.
 AP — Archiv český čili staré písemné památky české i moravské. Vyd. F. Palacký, I—III. Praha, 1840—1844.
 Bart. — Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, I—II. Brno, 1886—1895.
 Bart. Skladba — Fr. Bartoš. Skladba jazyka českého. Praha, 1899 (8-е изд.).
 Барт. Хрон. Праж. — Bartošova Kronika Pražská 1524—1530. Vyd. K. J. Erben. Praha, 1863.
 Bělič — J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954.
 Бр. Библ. — Bratrská (Kralická) Bible, 1579—1593. См. Zikmund. Skladba.
 Buffa — F. Buffa. Nářečí Dhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
 Čas. Mus. — Časopis Musea Českého. Praha.
 Czamb. — S. Czambel. Slovenská řeč a její místo v rodině slovanských jazykův, I. Východoslovenské nářečí. Turč. Sv. Martin, 1906.
 Далим. — Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Vyd. B. Havránek, J. Daňhelka. Praha, 1957 и Dop.—Doplňek.
 Далим Г. — Dalimilova Chronika česká. Vyd. V. Hanka, Lipsk—Praha, 1849.
 Далим М. — Kronika Dalimilova. Vyd. V. E. Mourek. Praha, 1892.
 Desat. káz. — Desatero kázání božích. См. Šaf. и Град. рук.
 Доп. бав. — Dopisy bavorské. AP I.
 Доп. тáb. — Dopisy tábořské. AP I.
 Доп. звик. — Dopisy zvíkovské. AP I.
 Дух. песни — Духовные песни. См. Hanka. V.
 Erb. Prost. — K. J. Erben. Prstonárodní české písně a říkadla. Praha, 1864.
 Erb. Sebr. Sp. — K. J. Erben. Mistra Jana Husi Sebrané Spisy České, I—III. Praha, 1865.
 Erb. Výb. — K. J. Erben. Výbor z literatury české. Díl II. Praha, 1857—1864.
 Exc. kn. Pam. — Excerpta z knihy Pamětní. См. Gebauer, IV.
 Флашка NR — Smil Flaška. Nová Rada. См. Šaf. Výb.
 Флашка Podk. — Smil Flaška. Podkoní a zák. См. Šaf. Výb.
 Флашка R. otce. — Smil Flaška. Rada otce synovi. См. Šaf. Výb.
 Флашка Svár — Smil Flaška. Svár vedre s vínem. — Čas. Mus. 1832.
 Гаек — Václav Hájek z Libočan. Kronika česká. Antol.
 Гарант. Cesta — Haranta z Polžic. Cesta do Jerusalema. 1608. Zikmund Skladba.
 Gebauer — J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, I—IV. Praha, 1894—1929.
 Gebauer. Sl. staroč. — J. Gebauer. Slovník staročeský, I. Praha, 1903.
 Gesta Rom. Jireč. — J. Jireček. České sbírky rozprávek pod názvem „Gesta Romanorum“ znaných. — Čas. Mus. 1863.
 Gesta Rom. Novák. — J. V. Novák. Staročeská Gesta Romanorum. Rozpr. Č. Ak. tř. III, 1895.
 Град. Рук. — Hradecký rukopis. Vyd. A. Patera. Praha, 1882.
 Hanka — V. Hanka. Starobylá skládání, I—V. Praha, 1817—1823.
 Havr. — B. Havránek. Nářečí česká. Československá Vlastivěda, III. Praha, 1934.
 Herb. — Herbář. См. Erb. Výb.
 Hos. — J. Hošek. Nářečí českomoravské. Díl I. Podřečí polenské. Díl II. Podřečí polnické. Rozpr. Č. Ak. VIII, IX, 1900.
 Иречек — J. Jireček. Podřečí východích Čech. — Čas. Mus. 1863.
 Ян Гус. List. — Listové. См. Erb. Sebr. Sp.
 Ян Гус О шести блуд. — O šesti bludích. См. Erb. Sebr. Sp.
 Ян Гус Пост. — Postilla 1414 См. Erb. Sebr. Sp.
 Ян Гус Výkl. Šal. — Výklad pesniček Šalomúnových. См. Erb. Sebr. Sp.
 Ян Гус Výkl. — Výklad věry. См. Erb. Sebr. Sp.
 Jan Lobk. Putov. — Jana Hasištejnského z Lobkovic Putování do svatých zemí. Vyd. F. Strejček. Rozpr. Č. Ak. tř. III, 1902.

- Jan Příbr. — M. Jan z Příbrami. См. Erb. Výb.
 Jaz. štúd. — Jazykovedné štúdije. Bratislava.
- Юнгманн. — J. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
- Карл. Жер. — Patnáctero psaní pana Karia z Žerotína z roků 1628—1631. — Čas. Mus. 1836.
- Карер. Жер. — Listy paní Kateřiny z Žerotína. 1631, 1632. Vyd. F. Dvorský. Praha, 1894.
- Kellner. Štramb. — A. Kellner. Štramberské nářečí. Brno, 1939.
- Kellner. Východol. — A. Kellner. Východolašská nářečí. Brno, 1946.
- Клем. Псалт. — Žaltář Klementinský Vyd. A. Pařera. Praha, 1890.
- K. Poh — Kulda. Moravské národní pohádky, I—II. Brno, 1874—1875.
- Kn. pňh. — Knihy pňhonne a nálezové. Vyd. V. Brandl.
- Kn. Rosenb. — Kniha starého pána z Rosenberka. — AP, I.
- Kn. svěd. — Kniha svědomí. 1569.
- Комен. Корр. — Jana Amosa Komenského korespondence. Vyd. A. Pařera. — Rozpr. Č. Ak. tř., III, 1892.
- Комен. Лабур. — J. A. Коменский. Лабуринт světa. См. Антол.
- Кор. — F. Кореčný. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centrálního. Praha, 1957.
- Кореčný. Zákl. č. skl. — F. Кореčný. Základy české skladby. Praha, 1958.
- Kott — Fr. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
- Крум. рук. — См. Gebauer, IV, 485.
- Кунг. рук. — Кунгутина рукопись. См. Gebauer, III.
- Kub. Кладск. — J. Kubín. Lidomluva Čechů kladských. Praha, 1913.
- Kub. Подкркон. — J. Kubín. Lidové povídky z českého Podkrkonoší, I—III. Praha, 1922—1926.
- Lampr. — A. Lamprucht. Středoopavské nářečí. Praha, 1953.
- Léčit. — Léčitelství. См. Erb. Výb.
- Лег. Карер. — Legenda o sv. Kateřině. См. Šaf. Výb.
- Лег. Петр. — Legenda o sv. Petru. См. Šaf. Výб.
- Лег. Прок. — Legenda o sv. Prokopu. См. Šaf. Výб.
- Лег. — Staří letopisové čeští 1378—1526. Vyd. F. Palacký. Praha, 1829.
- Лег. Троян. — Kronika Trojanská. См. Zikmund. Skladba.
- Lf. — Listy filologické.
- Listy Žer. — См. Карл. Жер. Kott.
- Listy. soukr. — Listiny soukromé. Výpisy ze starých desk zemských 1391—1456. AP, II.
- Манд. — F. Šimek. Cestopis t. zv. Mandevilla. Praha, 1911.
- Mar. — A. Pařera. Staročeský zlomek legendy o panně Marii. — Čas. Mus., 1879.
- Markolt — Č. Zíbrt. Markolt a Nevim v literatuře staročeské. Praha, 1909.
- Маст. — Mastičkář. Hanka V. См. Šaf. Výб.
- Mihál — J. Mihál. Charakteristika breznianského nářečia. — Jaz. štúd., II, 1957.
- Modl. — См. Gebauer, IV.
- Modl. leg. — Modlitby i legendy. См. Šaf. Výб.
- Nejst. list. č. — Nejstarší listiny české. См. Šaf. Výб.
- Num. — A. Pařera. Zbytek staročeského překladu IV-té knihy Mojžíšovy „Numeri“ ze XIV st. — Čas. Mus., 1895.
- Oberpf. — Fr. Oberpfalcer. Jazyk knih černých, jinak smolných. Praha, 1935.
- Oldř. Pref. — Oldřich Prefát. Cesta do sv. země.
- Олом Биба. — Bible Olomoucká 1417. Olomouc, 1933.
- Олом Еванг. — E. Černý. Evangeliář Olomoucký. — Rozpr. Č. Ak. tř., III, 1901.
- Olom. pov. — E. Petruš. Olomoucké povídky. Praha, 1957.
- Ondrus — P. Ondrus. Stredoslovenské nářečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava, 1956.
- Пасс. — Passionál 1495. См. Gebauer, IV.
- Пат. Gl. — A. Pařera. České a starobulharské glossy XII století v latinském rukopise kapitulní knihovny v Praze. — Čas. Mus., 1878.

- Pašije — Pašije dle sv. Marka. См. Олом. Еванг.
 Pauliny — E. Pauliny. Nářečie zátopových osád na hornej Orave Turč. sv. Martin, 1947.
 P. duch. — Písňě duchovní. См. Hanka, V.
 Pil. Jud. — Pilat a Judáš. См. Šaf. Výb.
 Písňě sv. — Písňě světské. См. Erb. Výb.
 Пост. Хельч. — Postilla Petra Chelčického. См. Erb. Výb.
 Práva praž. — Práva pražská.
 Přem. Otak. — Král Přemysl Otakar a Závěš. — Čas. Mus., 1828.
 Psaní Sigm. — Psaní česká císaře Sigmunda 1414—1437. — AP, I.
 Psaní Vil. Pernšt. — Psaní pána Viléma z Pernšteina 1520 r. — AP, I.
 Пулк. Хрон. — Pulkavová Kronika. Vyd. F. Procházka. Praha, 1786.
 Řád. zem. — Řád práva zemského. — AP, II.
 Reg. — K. J. Erben (vyd.). Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars., I. Pragae, 1855.
 Řeh. Hr. — Řehoř Hrubý z Jelení.
 Rozpr. Č. Ak. — Rozpravy České Akademie. Praha.
 Рудн. рук. — См. Gebauer, IV.
 Рук. Бавор. — J. Loriš. Sborník hraběte Bavorovského. — Rozpr. Č. Akad. tř., III, 1903.
 Сат. о ремесл. — Satyry o řemeslnících. См. Šaf. Výb.
 Sedmn. psaní — Sedmnáctero psaní o záctí mezi Gindřichem z Dubé a Petrem Malovcem z Pacova. 1413. — Čas. Mus., 1836.
 Sezn. svědk. — Seznání svědkův. — AP, I.
 Slov. listy. Varsík — B. Varsík. Slovenské listy a listiny z XV a XVI storočia. Bratislava, 1956.
 Slov. l'ud. p. Polocz. — F. Poloczek. Slovenské l'udové piesne, II. Bratislava, 1954.
 Sl. P. — Slovanský Pohl'ed.
 Slov. pov. — A. Škultetý, P. Dobšinský. Slovenské povesti. Rožňam, 1858.
 Snář. — Snář. См. Erb. Výb.
 Сольф. — Solfenus. См. Erb. Výб.
 Срезн. — И. И. Срезневский. Памятники и образцы народного языка и словесности Западных Славян. СПб., 1852—1856.
 Stan. Lipt. — I. Stanislav. Liptovské nářečia. Turč, sv. Martin, 1932.
 Stanislav. Dejiny — J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, II. Bratislava, 1958.
 Stieber — Z. Stieber. Ze studjów nad gwarami słowackiemi południowego Spisza. Lud Słowiański, I A, 1929.
 Stred. č. list. — S. Kniezsa. Stredoveké české listiny. Budapest, 1952.
 Sušil — F. Sušil. Moravské národní písňě. Brno. 1859.
 Šaf. Výb. — P. Šafařík. Výbor z literatury české, I. Od nejstarších časův až do počátku XV století. Praha, 1845.
 Шмиллауэр. Новоč. skl. — V. Šmilauer. Novočeská sklaba. Praha, 1947.
 Штитн. — K. J. Erben (vyd.) Tomáše Štítného Knížky šestery o obecných věcech křest'anských. Praha, 1852.
 Штитн. Опат. сб. — T. Štítný. Sbornik Opatovický. См. Gebauer, IV.
 Штитн. Řeči — T. Štítný. Řeči nedělní a sváteční. См. Gebauer, IV.
 Štolc. J — J. Štoic. Nářečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku. Bratislava, 1949.
 Ткадл. — Tkadleček. См. Šaf. Výб. и Gebauer, IV.
 Trávníček. Mluv. spis. č. — F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1951.
 Tristr. — Tristram. См. Hanka, IV.
 Urbář — Urbář kláštera zd'árského, 1875.
 Václ. — Král Václav a jednota panská. — AP, I.
 Vážný — V. Vážný. Nářečí slovenská. Československá Vlastivěda, III. Praha, 1934.
 Велесл. — Veleslavin. См. Antol. и Gebauer, IV.

- Велесл. Kal. hist. — Veleslavín. Kalendář historický. Praha, 1578. См. Gebauer, IV.
 Викт. Корн. — Viktorin Kornelin ze Všehrd. O práviech zemí české knihy deva-
 tery. — Čas. Mus., 1836 и см. Antol.
 Витт. Псалт. — Žaltář Wittenberský. Vyd. J. Gebauer. Praha, 1880.
 Výр. kn. svѣd. — Výpisky z Bílé knihy svědomí. — Čas. Mus., 1863.
 Výр. пр. — Výpiski právní a soudní ze starých desk zemských království Českého.
 1345 r. — AP, II.
 Voráč — J. Voráč. Česká nářečí jihozápadní. Praha, 1955.
 Záп. osob. — Záписы rozličných osob — AP, III.
 Záп. praž. — Záписы pražské obecní — AP, III.
 Záп. Štern. — Staré záписы rodu Šternberského — AP, I.
 Záп. Žer. — Spisy Karla Staršího z Žerotína, t. 1—2. Vyd. V. Brandl. Brno,
 1866—1872.
 Zbyt. č. písní — Zbytky českých písní národních ze 14 do 18 věku. Vyd. J. Jireček. —
 Čas. Mus., 1879.
 Zíbrt. Zb. svѣt. — Č. Zíbrt. Zbytky českých písní světských z vv. XVI, XVII
 a XVIII. — Čas. Mus., 1895.
 Zikmund. Skladba. — V. Zikmund. Skladba jazyka českého. Praha. — Litomyšl, 1863.
 Žív. Jež. Kr. — Život Ježíše Krista. См. Šaf. Výб.
 Žív. Jiř. — Život sv. Jiří. См. Šaf. Výб.
 Žív. Kateř. — Život sv. Kateřiny. Vyd. K. J. Erben. Praha.
 Žív. Klim. — Život sv. Klimenta. См. Šaf. Výб.
 Žív. sv. Otc. — E. Smetánka (vyd.). Staročeské životy svatých Otcův. Praha, 1909.
 Žív. Víta — Život sv. Víta. См. Šaf. Výб.

Старославянский язык¹

- Апост. Том. — Апостол Томича. См. Щепк.
 Асс. — Evangeliorum Assemani. Codex Vaticanus 3. Slavicus Glagoliticus. Tomus, II.
 Edid. J. Vajs, J. Kurz. Pragae, 1955.
 Бол. Пс. — V. Jagić. Psalterium Bononiense. Vindobonae—Berolini—Petropolitani,
 1907.
 Вайян. Руков. — А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
 Верков. Ев. — Евангелие Верковича.
 Вондрак. Vgl. slav. Gramm. — W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik,
 I—II. Göttingen, 1924—1928.
 Врач. Ев. — Б. Цонев. Врачанско Евангеле. — „Български старини“, кн. IV, 1914.
 Г. Амарт. — В. М. Истрин. „Книги временныя и образныя Георгия Мниха“. Хро-
 ника Георгия Амартла в древнем славянорусском переводе. Текст, исследова-
 ние и словарь, I—III. Пг.—Л., 1920—1930.
 Горалек. Evang. — К. Ногалек. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954.
 Грам. Иоанна Асеня II — Г. Ильинский. Грамота царя Иоанна Асеня II. Изве-
 стия Русского Археологического Института в Константинополе, т. VII, вып. 1,
 1901.
 Добрейш. — Б. Цонев. Добрейшово Четвероевангеле. — „Български старини“, I,
 1906.
 Жит. Констант. — Житие Константина Философа. П. А. Лавров. Материалы по исто-
 рии возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды славянской
 комиссии, I. Л., 1930.
 Злат. Яг. — V. Jagić. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14.
 Jh. Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl., Bd. 139. Wien, 1908.
 Зогр. — V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc
 Petropolitanus. Berolini, 1879.

¹ В этом списке отмечен также ряд среднеболгарских и церковнославянских па-
 мятников разных изводов, примеры из которых содержатся в разделе „Локатив в старо-
 славянском языке“.

- Зогр. лл. — P. A. Lavrov. Les feuillets du Zograph. — RESI, t. VII, 1926.
- Иван. — И. Иванов. Старобългарски разкази. София, 1935.
- Иоанин Экз. Болг. — Иоанин Экзарх Болгарский.
- Киев. мисс. — V. Jagić. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1900.
- Клод. — W. Vondrák. Glagolita Clozů. Praha, 1893.
- Лавр. Обз. — П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
- Lfil. — Listy filologické.
- Łoś. Gram. — J. Łoś. Gramatyka starsłowiańska. Lwów, 1922.
- Макед. глаг. л. — Г. Ильинский. Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина. — ПСЯ, I, вып. 6, СПб., 1909.
- Макед. кирилл. л. — Г. Ильинский. Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности XI—XII вв. — ПСЯ, I, вып. 5, СПб., 1906.
- Мар. — V. Jagić. Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus. S.-Ptb., 1883.
- Meyer — K. H. Meyer. Der Untergang der Deklination in Bulgarischen. 1923.
- Миклошич. Lexicon. — Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Миросл. Ев. — Мирославово Евангелие. Фототипическое издание Љ. Стојановића. Београд, 1897.
- Надп. Самуила — Надпись царя Самуила. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, т. IV, кн. 1, 1899.
- Никольск. Ев. — Ђ. Даничић. Никольско Јеванђеље. Београд, 1854.
- Опис. Синод. — Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855.
- Остр. — А. Востоков. Остромирово Евангелие. СПб., 1843.
- Охр. Апост. — С. М. Кульбакин. Охридская рукопись Апостола конца XII в. — „Български старина“, кн. III, 1907.
- Панд. Ант. — Пандекты монаха Антроха. Подготовил О. М. Бодянский. М., 1913.
- Погод. — Погодинская псалтырь. См. Срезн. Пам.
- Поч. Ефр. Сир. — Поучения Ефрема Сирина.
- Праж. глаг. отр. — Н. К. Грунский. Пражские глаголические отрывки. — ПСЯ, I, вып. 4, 1905.
- Пражск. Ев. — J. Polívka. Bugarsko četveroevangjelje u biblioteci českog muzeja u Pragu. — Starine, XIX, 1887.
- Прол. — Пролог сербского извода XIV в. См. Miklosich. Vgl. Gramm., IV.
- ПСЯ — „Памятники старославянского языка“ (название серии).
- Рачки — F. Rački. Assemanov ili Vatikanski evangeljistar. Zagreb, 1865.
- Савв. — В. Н. Щепкин. Саввина книга. — ПСЯ, I, вып. 2, СПб., 1903.
- Син. Пат. — Синайский патерик. В кн.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879.
- Син. пс. — L. Geitler. Psalterium. Glagolski spomenik monastira Sinai brda. Zagreb, 1883.
- Син. Требн. — L. Geitler. Euchologium. Glagolski spomenik monastira Sinai brda. Zagreb, 1882.
- Слепч. Апост. — Слепченский Апостол. См. Срезн. Пам.
- Софийск. — Софийская Псалтырь. См. Meyer.
- Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III, СПб., 1893—1912.
- Срезн. Пам. — И. И. Срезневский. Древнеславянские памятники юсового письма, СПб., 1868.
- Сречков. Ев. — J. Polívka. Srednjebugarsko jevangjelje Srećkovićevo i njegov odnošaj prema ostalim crkvenoslovenskim versijama jevangjelja. — Starine, XXX, 1898.

- Супр. — С. Северьянов. Супрасльская рукопись. — ПСЯ, II, вып. 1, 1904.
- Тихонр. Пам. — Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, I—II. М. — СПб., 1863.
- Троян. притча — См. Иван.
- Тырн. Ев. — М. Valjavec. Trnovsko tetrajevandeliје XIII veka. — Starine, XX, 1888; XXI, 1889.
- Унд. лл. — Е. Ф. Карский. Листки Ундольского. Отрывки кирилловского Евангелия XI в. — ПСЯ, I, вып. 3, 1904.
- Хиланд. лл. — С. Кульбакин. Хиландарские листки. Отрывок кирилловской письменности XI в. — ПСЯ, I, вып. 1, 1900.
- Ном. var. — *Homiliae variorum*. См. Miklosich. Vgl. Gramm., IV.
- Чрнич — J. Crnčić. *Assemanovo izbornog evanđelje*. Rim, 1878.
- Чуд. Пс. — В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI в. СПб., 1910.
- Шишат. Апост. — F. Miklosich. *Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice*. Wien, 1853.
- Щепк. — В. М. Щепкин. Болонская псалтырь. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 6. СПб., 1906. Приложения.

Среднеболгарский язык

[Сокращения, не отмеченные здесь, см. в предыдущем разделе]

- Бауэр. Pr. lok — J. Bauer. *Prostý lokál ve středobulharských památkách*. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University. Roč. III, čís. 3. Řady jazykovědné (A)., č. 2.
- Битол. Тр. — Битольская триодь. См. Иван.
- Брашов. грам. — Л. Милетич. Нови влахо-български грамоти от Брашов. — Сб. НУ. XIII, 1896.
- Венел. — Ю. Венелин. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб., 1840.
- Грам. — И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931 (Надписи и заметки из Охриды, Битольские листы, Битольская Триодь, Ватопедская, Виргинская, Зографская, Рылская, Витошская грамоты и др.).
- Добром. Ев. — V. Jagić. *Evangelium Dobromiri*. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jh. Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl., Bd. 138, 139. Wien, 1898, 1899.
- Коприщ. дамаск. — Л. Милетич. Коприщенски Дамаскин. Новобългарски паметник от XVII в. — „Български старини“, кн. II, 1908.
- Лет. Йовча — П. Славейков. Из летописа на поп Йовча. — Сб. НУ, II, 1890.
- Макед. Апост. — G. Polivka. *Macedonische Praxapostol*. — AfsIph, Bd. X, 1887.
- Мост. — Надписьт на чъргубиля Мостяч. София, 1955.
- Отр. Окт. — Отрывок Октоиха. См. Лавр. Обз.
- Парем. Лобк. — Паремейник Лобкова. См. Лавр. Обз.
- Свищ. Дамаск. — Л. Милетич. Свищовски Дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. — „Български старини“, кн. VII, 1923.
- Синод. Бор. — М. Г. Попруженко. Синодик царя Бориса. — „Български старини“, кн. VIII, 1928.
- Слова наказ. — П. А. Лавров. Слова наказательные воеводы валашского Иоанна Негоя к сыну Феодосию. — Памятники древней письменности и искусства, СЛII, 1904.
- Слова Павл. — Слова Иоанна Златоуста о происхождении Павликиан. См. Иван.
- Слово Алекс. Syrku — Слово о ветхом Александре. P. Syrku. *Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus Bulgarischen*. — AfsIph, Bd. VII, 1884.
- Чергед. — Л. Милетич. Седмоградските българии и техния език. — „Периодическо Списание на БАН“, кн. 33, 1926.

Сербохорватский язык

- А. ср. — Acta croatica. Listiny hrvatske. Fdid. J. Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1863.
- Алекс. — Ст. Новаковић. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. — „Гласник“, књ. 9. Београд, 1878.
- Анналы — Е. Каџуџиаски. Über zwei noch unbekannte Abschriften der serb. Annalen. — AfsIPh, XVI, 1894.
- Арк. — Arkiv za pověstnicu jugoslavensku.
- Башч. надп. — Башчанская надпись. Ј. Намм. Datiranje glagoljskih. tekstova. — RSI, књ. 1, 1952.
- Белић. Дијал. ист. јужн. Срб. — А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905.
- Белић. Гал. дијал. — А. Белић Галички дијалекат. Београд, 1935.
- Берн. лекц. — Т. Maretić. Lekcionarij Bernardina Splječanina na prvom izdanju od god. 1495. — Djela JAZU, књ. V. Zagreb, 1885.
- Богиш. — В. Богишић. Народне пјесме из старих, највише приморских записа. Београд, 1878.
- Брушск. Храсте. — М. Hraсте. Crtice v bruškom dialektu. — ЈФ, VI, 1926—1927.
- Chron. — Е. Fermedžin. Chronicon observantis provinciae Bosnae Argentinae ordinis s. Francisci Seraphia. — Starine, XXII, 1890.
- Хрон. Силоб. — Ст. Zlatović. Kronika O. Pavla Silobadovića o četovanju u Primorju (1662—1686). — Starine, XXI, 1889.
- Даничић. Рјечн. стар. — Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I—III. Београд, 1863—1864.
- Dipl. dalm. — Diplome dalmatisch-charvatischer Fürsten in lateinischer Sprache mit untermischten illyrischen Wörtern von J. 837 bis 1100, abgedruckt bei Lucius und Farlati.
- Джордж. — Saltjer slovinski spievan po D. Ignaciju Gjorgji. Zagreb, 1951.
- Д. Држич. — Пјесме Шишка Менџетића Vlahovića и Gjore Držića. — SPH, II, 1870.
- Елез. — Г. Елезовић. Речник косовско-метохишког дијалекта, I—II. Београд. 1932, 1935.
- Эрланг. рук. — Г. Геземан. Ерлангенски рукопис старих српскохрватских народних песама. — Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. XII, 1925, Ср. Карловци.
- Гектор — Пјесме Petra Hektorovića и Hanibala Lucića. — SPH, VI, 1874.
- Глаг. док. — V. Ekl. Dvije nove glagoljske isprave iz Rijeka. Jadranski Zbornik. Prilozi za povijest Istre, Rijeke и hrvatskog Pomorja, I. Rijeka-Pula, 1956.
- Глаг. мисс. — Глаголический миссал (в кн.: F. Poffjanec. Istorija srpskohrvatskog književnog jezika. Београд, 1931).
- Гласн. — Гласник српског ученог друштва.
- Глеч. Кач. — В. Качановский. Неизданный дубровницкий поэт Антон Марин Глегович. СПб., 1882.
- Грица — Г р л и ц а. Календар Црнгорски. На Цетињу, 1838.
- Гршков. — отр. — V. Jagić. Grškovićev odlomak glagoljskog apostola. — Starine, XXVI, 1893.
- Гунд. — Djela Iva Frana Gundulića. — SPH, IX, 1877.
- HDZb. — Hrvatski Dijalektološki Zbornik.
- Хорв. лет. — S. Kukuljević Sakcinski. Kratki ljetopisi hrvatski. — Ark., IV, 1857.
- Хорв. суд. — Hrvatske parba i osuda od god. 1613. — Ark., II, 1852.
- Хорв. проц. — Stari hrvatski sudovi. — Ark., I, 1851.
- Хвар. Храсте. — М. Hraсте. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. — ЈФ, XIV, 1935.
- Истр. п. — Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri и na kvarnerskih otocih. Trst, 1880.
- Истр. разв. — М. Kos. Pet istarskih razvoda iz XV stoljeća. — „Jadranski zbornik“, I. Rijeka-Pula, 1956.

- Ивек. — Бр. — F. Iveković, J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.
- Ивич. Грам. — A. Ivić. Neue cyrillische Urkunden. — AfslPh, XXX, 1908.
- Ив. Шаптин. — A. Ivić. Šaptinovačko narječje. — Rad JAZU, knj. 168, 1907.
- Ягич. Зак. Винод. — И. В. Ягич. Закон Винодольский. СПб., 1880.
- Ястребов. Обыч. — И. С. Ястребов. Обычаи и песни турецких Сербов. СПб., 1889.
- Јук. — J. Jukić, L. Hercegovač. Narodne pjesme bosanske i hercegovačke. U Osieku, 1858.
- ЈФ. — Јужнословенски Филолог.
- Кач. — М. — Качић-Миошић.
- Кан. Феод. — Ђ. Сп. Родојичић. Теодосијев канон општи Симеону Немањи и Сави. — ЈФ, XXI, 1955—1956.
- Карл. лет. — Карловачская летопись. См. Památky.
- Кат. — См. Zima.
- Катар. — V. Jagić, F. Mikuličić. Katharinen-Legende in altkroatischer Fassung. — AfslPh, IX, 1886.
- Коло — Коло. Članci za literaturu itd. Zagreb.
- Копр. лет. — Копривницкая летопись. См. Památky.
- Кук.-S. Reg. docum. — J. Kukuljević Sakcinski. Regesta documentorum regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae saeculi XIII. — Starine, XXI—XXII, 1889—1890.
- Кук.-S. Пјесме. — Пјесме J. Kukuljevića Sakcinskoga. Zagreb, 1847.
- Курел. — F. Kurelac. Jačke ili narodne pjesme puka hrvatskoga po župah šopronskoj, mošonskoj i železnoj na Ugrih. Zagreb, 1871.
- Кушар. — М. Кушар. Rapski dijalekat. — Rad JAZU, knj. 118, 1894.
- Лет. Дука. — I. Črnčić. Popa Dukljanina letopis po latinsku i toga nekoliko i još nešto po hrvatsku po prepisu popa Jerolima Kaletića. U Kraljevici, 1874 и J. Kukuljević Sakcinski. Kronika hrvatska iz XII vjeka. — Ark., I, 1851.
- Лет. Глав. — Летопись Главича. J. Kukuljević Sakcinski. Kratki ljetopisi hrvatski. — Ark., IV, 1857.
- Лет. Клим. — Летопись Климентовича. J. Kukuljević Sakcinski. Kratki ljetopisi hrvatski. — Ark., IV, 1857.
- Лук. — А. М. Лукьяненко. Кайкавское наречие. Киев, 1905.
- Марул. — Пјесме Марка Марулића. — SPH, I, 1869.
- Марьян Нрв. р. — L. Marjanović. Hrvatske narodne pjesme. Zagreb, 1864.
- Мажур. — S. Mažuranić. Hrvatske narodne pjesme. U Seniu, 1876.
- М. Држич. — Djela Marina Držića. — SPH, VII, 1875.
- Менч. — Пјесме Шишка Менчетића Влаховића и Gjore Držića. — SPH, II, 1870.
- Михан. отр. — V. Jagić. Michanovićev odlomak. — Rad. JAZU, knj. 2.
- Микул. — F. Mikuličić. Narodne pripovjedke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. U Kraljevici, 1876.
- Мон. Croat. — Monumenta croatica.
- Мон. S. — Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Vindobonae, 1858 (Edid. F. Miklosich).
- Мон. Slav. — S. Ljubić. Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium. Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike, knj. 1, (960—1335). Zagreb, 1868.
- Моск. Корч. — М. Московљевић. Говор острова Корчуле. — СДЗБ, XI.
- Налешк. — Nalešković. Djela. — SPH, VIII, 1876.
- Наредбе Мод. — J. Kukuljević Sakcinski. Naredbe biskupie Modruske od god. 1589. — Ark., II, 1852.
- Обл. Катар. — V. Oblak. Ein Beitrag zur Katharina-Legende in der älteren kroatischen Literatur. — AfslPh, XX, 1898.
- Обрад. — Д. Обрадовић. Djela. См. также Суббот.
- Пальм. — Пальмотић. Djela. См. Суббот.
- Památky — P. Šafařík. Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Praha, 1873 (vyd. druhé).

- Печ. лет. — Печская летопись. См. V. Jagić. — AfslPh, II, 1877.
- Петр. — П. Петровић. Лажни цар Шћепан Мали. Загреб, 1851.
- Петран. — Б. Петрановић. Српске народне пјесме. Сарајево-Београд, 1867.
- Pl.-H. — R. F. Plohl-Herdvigo. Hrvatske narodne pjesme. Varaždin, 1868.
- Полицк. конст. — V. Mošin. Poljičke konstitucije iz 1620 i 1688 godine. — RSI, knj. 1, 1952.
- Полицк. стат. — Б. Д. Греков. Полица. М., 1951.
- Посл. — Пословца.
- Prim. лекс. — М. Rešetar. Primorski leksionari XV v. — Rad. JAZU, knj. 136.
- Прот. Драг. — V. Štefanić. Glagoljski notarski protokol iz Draguča u Istri (1595—1639). — RSI, knj. I, 1952.
- Пуцич — М. Пуцич. Споменици српски од 1395 до 1423, I—II. Београд, 1858—1862.
- Рач. лет. — Рачская летопись. См. Рамáтку.
- Ран. — Пјесни razlike Dinka Rañine. — SPH, XVIII, 1891.
- Ран. лекц. — М. Rešetar. Zadarski i Rañinin leksionar. — Djeja JAZU, knj. XIII, Zagreb, 1894.
- Razvid. — J. Kukuljević Sakcinski. Razvidjenje vrhu ukazanja duše pokojnoga biskupa senjskoga Iačinta Dimitra. — Ark. II, 1852.
- Рјечн. JAZU — Рјечник hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU. Zagreb, 1880 и след.
- Рјечн. стар. — Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, I—III. Београд, 1863—1864.
- RSI — Radovi Staroslavenskog Instituta. Zagreb.
- Schaf. — P. Šafařík. Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Pest, 1833.
- СДЗб. — Српски Дијалектолошки Зборник. Београд.
- Сечен. лет. — Сеченицкая летопись. См. Рамáтку.
- СЕТНЗб. — Српски Етнографички Зборник.
- SPH — Stari pisci hrvatski. Zagreb.
- Спом. — П. Карано-Тврковић. Србски споменици, I. Београд, 1840.
- С. Сянт. — Ђ. Даничић. Српска синтакса. Београд, 1858.
- Стат. Крка — Statut otoka Krka od god. 1388. — Ark., II, 1852.
- Стеф. Лазар. — В. Ягич. Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српскога. — Гласн., XLII, 1875.
- Стев. Ђаков. — М. Стевановић. Ђаковачки говор. — СДЗб, XI, 1950.
- Стеван. Грам. — М. Стевановић. Граматика српскохрватског језика за више разреде гимназије. Београд, 1951.
- Стојад. — Б. Стојадиновић. Српске народне пјесме (епске), I—II. Београд, 1869.
- Стојанов. — Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма. I. Дубровник и његови суседи. I—II, Ср. Карловци-Београд, 1929—1934.
- Суббот. — Ј. Субботић. Цветник српске словесности, I—II. Беч, 1853.
- Сусек — Ј. Намм, М. Нр҃сте, P. Guberina. Govor otoka Suska. — HDZb, knj. I, 1956.
- Тип. Хил. — Типик Хиландарски. — Гласн., XXIV, 1868.
- Ваљв. — М. К. Valjavec. Narodne pripovjedke. Varaždin, 1858.
- Vážný. Čak. — V. Vážný. Čakavské nářečí v slovenském Podunají. — Sbornik filozofické fakulty Univ. Komenského v Bratislavě, V, č. 47, 1927.
- Vážný. Ml. ch. — V. Vážný. Mluva charvátských osád v republice Československé. Československá Vlastivěda, III. Praha, 1934.
- Ветр. — Vetranić. Djela. — SPH, III—IV, 1871—1872.
- Винод. Зак. — См. Ягич. Зак. Винод.
- Врбн. брев. — Ј. Вајс. Nejstarší Breviář chrvatsko-hlagolský. Prvý Breviář Vrbnický. Praha, 1910.
- Вук. Даница — Вук Караџић. Даница. — Забавник за годину 1829. Беч.
- Вук. Грађа. — Вук. Караџић. Милош Обреновић или грађа за српску историју нашег времена. Будим, 1828.

- Вук. Ковч. — Вук Караџић. Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона, I. Беч, 1849.
- Вук. Посл. — Вук Караџић. Народне српске пословице. Цетиње, 1836.
- Вук. Рјечи. — Вук Караџић. Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма, Беч, 1852.
- Вук. С. нар. п. — Вук Караџић. Српске народне пјесме, I—V. Беч.
- Задар. лекц. — М. Rešetar. Zadarski i Račinin lektionar. — Djeja JAZU, knj. XIII, 1894.
- Зак. Стеф. Душ. — Ф. Зигель. Законик Стефана Душана. СПб., 1872.
- Zima — L. Zima. Nekoje, većinom sintaktične, razlike između Čakavštine, Kajkavštine i Štokavštine. — Djeja JAZU, knj. VII, 1887.
- Жит. Констант. — Житие св. Константина, речен. Кирилла. Београд, 1868.
- Жит. Меф. — Житие св. Мефодия. Београд, 1868.
- Жит. Сим. — Житие св. Симеона. Београд, 1868.
- Жив. Јерол. — Живот. св. Јеролима — Starine, I, 1869.
- Жив. Јеа. Хр. — Живот господина Језуса Христа. См. Миклошич, IV.
- Жив. краљ. и арх. — Ђ. Даничић. Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866.
- Жив. Стеф. Деч. — Живот Стефана Дечанскога, краља србскога. — Ark., IV, 1857.

Словенский язык

- Алекс. — К. Strekelj. Zur Alexiuslegende. — AfslPh, X, 1887.
- Ахац. — М. Ahacel. Koroške ino Štajerske pesme. U Celovci, 1852.
- Церк. ордн. — Slovenska cerkovna ordninga. F. Kidrič. Die protestantische Kirchenordnung der Slovenen im 16. Jh. Heidelberg, 1919.
- Циркно. Бод. К. — J. Baudoin de Courtenay. Der Dialekt von Cirčno (Kirchheim). — AfslPh, VII, 1884.
- Conf. gen. — F. Miklosich. Denkmal der neuslovenischen Sprache (Generalis Confessio). — Slavische Bibliothek, II.
- Даал. Библи. — Далматин. Библия 1584 г. См. Копит.
- Докум. — Документы 1663 г. См. Rupel.
- Фрейз. — F. Ramovš in M. Kos. Brižinski spomeniki. Ljubljana 1937.
- Горицк. зак. — Горицкий закон. См. Oblak. Trije rok.
- Хостник. Грамм. слов. — М. Хостник. Грамматика словинского языка. Горца, 1900.
- Клод. — А. Клодич. О наречии венецианских словенцев. СПб., 1878.
- Клятв. Ф. — V. Oblak. Zwei slovenische Schwurformeln aus XVII. Jh. — AfslPh, XIV, 1892.
- Коланчи. — Kolančnik. Petere Mojsesove bukve okrajšane. Ljubljana, 1840.
- Копит. — В. Копитар. Grammatik der slavische Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. Laibach, 1808.
- Крель — Крель. Постилаа. V. Oblak. Protestantske postile v slovenskem prevodu. — LMS, 1894.
- Kretz. — L. Kretzenbacher. Slovenski predgovori v starih štajerskih rokopisih. — „Slovenski Etnograf“, V, 1952.
- Лат.-итал.-слав. помин. — И. Бодуэн де Куртенэ. Латинско-итальянско-славянский поминальник XV и XVI стол. СПб., 1906. Вып. 1. См. также: V. Oblak. Das älteste datirte slovenische Denxmal. — AfslPh, XIV, 1892.
- Лег. Сол. — J. Grafenauer. Legenda o Salomonu v slovenski narodni pesmi. — „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“. M Wien, 1908.
- LMS — Letopis Matice Slovenske. Ljubljana.
- Логар. Бришск. — Т. Logar. Dialektološke studija. — „Slav. rev.“, IX, 1956.
- Любл. прис. — Fr. Simonič. Prisege Ljubljanskega mesta. — LMS, 1884.
- Маролт — F. Marolt. Slovenske narodoslovne studije. Drugi zvezek. Tri obreda iz Bele Krajine. Ljubljana, 1936.
- Мат. — И. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южно-славянской диалектологии

- и этнографии. СПб., 1904. J. Baudoin de Courtenay. Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. I. Resianische Texte. SPb., 1895.
- Метелко — F. Metelko. Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen. Laibach, 1825.
- Мөд. — V. Möderndorfer. Narodno blago koroških slovencev. Maribor, 1934.
- Мол. — L. Hadrovics. Ein Bußgebet der ungarländischen Slowenen aus dem 17. Jh. — St. sl., II, 1956.
- Облак. Дроб. — V. Oblak. Drobiz iz starejše književnosti slovenske. — LMS, 1895.
- Облак. Дон. — V. Oblak. Doneski k historični slovenski dialektologiji, I—II. — LMS, 1890—1891.
- Облак. Трије рок. — V. Oblak. Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stol. — LMS, 1887.
- Петрет. — A. Raič. Peter Petretič. — LMS, 1887.
- Плет. — M. Pleteršnik. Slovensko-nemski slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
- Прешерн. — Poezije Doktorja Fr. Prešerna. Beograd, 1951.
- Прис. XVIII в. — Присяга XVIII в. K. Glaser. Zgodovina slovenskega slovstva, II. Ljubljana, 1895.
- Прис. XVII в. — См. Oblak. Trije rok.
- Пропов. — M. Valjavec. Izgledi slovenskega jezika na Ogerskem. Predge z letn. 1802—1830. — LMS, 1874.
- Рамовш. Hist. gram. — F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, II, VII. Ljubljana, 1924, 1932.
- Рамовш. Morf. — F. Ramovš. — Morfologija slovenskega jezika Ljubljana, 1952.
- Равн. — M. Ravnikar. Sgodbe svetiga pisma sa mlade ljudi, I—IV. Ljubljana, 1815—1817.
- Рупел. — M. Rupel. Prispevki k protireformacijski dobi. — „Slav. Rev.“, V—VII, 1954.
- Скалар. рук. — См. Oblak. Дон.
- Slav. Rev. — Slavistična Revija. Ljubljana.
- Слов. песни — Slovenske pesmi krajskiga naroda, I—IV. Ljubljana, 1841.
- Слов. письмо — См. Rupel.
- Сок. — А. Соколов. Зарождение литературы у словинцев. Примус Трубер. — „Университетские Известия“. Киев, 1878, № 4 (апрель).
- Соммар — Alafia Sommaripa. См. Oblak. Дон.
- Стат. — Статут. См. Rupel.
- St. sl. — Studia Slavica. Budapest.
- Труб. Катехиз. — Trubarjew catechismus. Catechismus in der windischen Sprache. Ljubljana, 1935.
- Труб. Матф. — P. Truber. Ta Evangeli svetiga Mateusza. 1555.
- Труб. — P. Truber. Ta prvi deil tiga noviga testamenta. Tübingen, 1557.
- Штрек. — K. Štrekelj. Slovenske narodne pesmi, I—VII. Ljubljana, 1895—1903.
- Шуман — J. Šuman. Slovenska slovnica po Miklošičevi primerjalni spisal J. Š. Ljubljana, 1882.
- Валјав. — M. Valjavec. Izgledi slovenskega jezika na Ogerskem. Predge z letn. 1802—1830. — LMS, 1874.
- Водник. — A. Vodnik. Pesni. Ljubljana, 1869.
- Завещ. Грег. Церв. — Завещание Грегора Цервича. См. Rupel.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ КО II ЧАСТИ

I

- Вся — Вопросы славянского языкознания Института славяноведения АН СССР.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
- ЖС — Живая старина.

ИАН ОЛЯ — Известия АН СССР Отделения литературы и языка.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН.
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.
 Чтения ОИДР — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при
 Московском университете.
 РФВ — Русский филологический вестник.
 Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН.
 Уч. зап. — Ученые записки.
 Фил. Зап. — Филологические записки.

II

AfslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin.
 АО — Archiv orientální. Praha.
 Balčikonis. LKŽ — J. Balčikonis. Lietuvių kalbos žodynas, I—IV. Kaunas —
 Vilnius, 1940—1958.
 Bartholomae, Altiran. Wb. — Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch Stras-
 sburg, 1904.
 BB — Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen, hrsg. von; A. [Bezenberg.
 Göttingen.
 Бегист. — Бегистунская клинописная надпись.
 Бенвенист. Essai de gramm. sogd. — E. Benveniste. Essai de grammaire
 sogdienne. Paris, 1926.
 Bezenberger BGLS — A. Bezenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen
 Sprachen. Göttingen, 1877.
 Bezenberger. Lit. Forsch. — A. Bezenberger. Litauische Forschungen. Göttingen,
 1882.
 Бретк. — Бреткунас.
 BW — K. Barons un H. Wissendorfs. Latvju dainas, I—IV. Jelgavā un
 Petrogradā, 1894—1915.
 Capt — Captivi.
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
 Delbrück. Altind. Synt. — B. Delbrück. Altindische Syntax. Halle, 1888.
 Эндзелин. Лтш. предл. — И. Эндзелин. Латышские предлоги, I—II. Юрьев,
 1905—1906.
 Endzelins — Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
 Fraenkel. Syntax Kas. — E. Fraenkel. Syntax der litauischen Kasus. Kaunas,
 1926—27.
 Fraenkel. Syntax Post. praep. — E. Fraenkel. Syntax der litauischen Postpo-
 sitionen und Praepositionen. Heidelberg, 1929.
 Фрейман. Хорезм. яз. — А. Фрейман. Хорезмийский язык. М., 1951.
 Friedrich. Staatsv. — J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches, I.
 Leipzig, 1926.
 Грассманн. — H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
 Grundr. — K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Gram-
 matik der indogermanischen Sprachen, Bd. I—V. Strassburg, 1888—1906.
 Her. — Heroides.
 JAOS — Journal of American Oriental Society. New Haven.
 ЈФ — Јужнословенскиј филолог. Београд.
 Куршат. Gramm. d. lit. Spr. — F. Kurschat. Grammatik der litauischen
 Sprachen. Halle, 1876.
 KVG — K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen
 Sprachen. Strassburg, 1902—1904.
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermani-
 schen Sprachen, von A. Kuhn. Berlin, Göttingen.
 Lit. Mittell. — Litauische Mitteilungen.

- Мажвид. Катех. — Мажвидас. Катехизис.
 Махабх. — Махабхарата.
 K. Mülenbachs. Latv. val. vārdn — K. Mülenbachs. Latviešu vaiodas vārdnīca, I—IV. Rīgā, 1923—1940.
 Муршиаш. — A. Götzе, H. Pedersen. Mursilis Sprachlähmung. Ein hethitischer Text. Kopenhagen, 1934.
 Oed. Col. — Oedipus Coloneus.
 Отрембский. Твер. нар. — J. Otrębski. Narzecze twereckie, I, III. Kraków, 1932, 1934.
 Папаникри — F. Sommer und H. Ehelolf. Das hethitische Ritual des Papnikri von Komana (KBo. V, 1-Bo. 2001). Leipzig, 1924.
 Phorm. — Phormio.
 PID — R. S. Conway, J. Whatmough, S. E. Johnson. The Prae-Italic Dialects of Italy. London, 1933.
 Рену. Gramm. véd. — L. Renou. Grammaire védique. Paris, 1952.
 RV — Rigveda (изд. Th. Aufrecht'a).
 Sen — Sukumar Sen. Historical Syntax of Middle Indo-Aryan — „Indian Linguistics“, vol. 13, 1952—1953.
 Somm.-Falk. — F. Sommer, A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili, I (Labarna II). München, 1938.
 Specht. Lit. Mund. — F. Specht. Litauische Mundarten, I—II. Heidelberg. 1920—1922.
 Шпейер — J. S. Speyer. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.
 SSS — W. Schulze, E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
 Sturt. A comp. gr. — E. Sturtevant. A comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933.
 TCLP — Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Praha.
 Trautmann. Die Altpreuss. Sprachdenkm. — R. Trautmann. Die Altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
 Tunnavi — A. Goetze, E. Sturtevant. The Hittite Ritual of Tunnavi. New Haven, 1938.
 Вольтер. Лит. Хрестом. — Э. Вольтер. Литовская хрестоматия, I—II. СПб., 1903—1904.
 ZA. NF — Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge.
 Zf. Ind. u. Iran. — Zeitschrift für Indologie und Iranistik.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Часть I	9
I. Локатив в русском языке	9
Беспредложный локатив	10
Предложный локатив	37
Локатив с предлогом <i>о</i>	38
Локатив с предлогом <i>по</i>	52
Локатив с предлогом <i>при</i>	62
Локатив с предлогом <i>в</i>	66
Локатив с предлогом <i>на</i>	75
II. Локатив в белорусском языке	82
III. Локатив в украинском языке	89
IV. Локатив в польском языке	99
Беспредложный локатив	99
Предложный локатив	104
Локатив с предлогом <i>о</i>	104
Локатив с предлогом <i>po</i>	109
Локатив с предлогом <i>przy</i>	115
Локатив с предлогами <i>w</i> и <i>na</i>	117
V. Локатив в кашубском языке	122
VI. Данные полабского языка о локативе	128
VII. Локатив в лужицких языках	132
VIII. Локатив в чешском и словацком языках	142
Беспредложный локатив	144
Предложный локатив	153
Локатив с предлогом <i>o</i>	153
Локатив с предлогом <i>po</i>	168
Локатив с предлогом <i>pi</i>	176
IX. Локатив в старославянском языке	182
Беспредложный локатив	183
Предложный локатив	193
Локатив с предлогом <i>o</i>	193
Локатив с предлогом <i>po</i>	199
Локатив с предлогом <i>при</i>	202
Локатив с предлогами <i>в</i> и <i>на</i>	203
X. Локатив в болгарском языке	207
XI. Локатив в сербохорватском языке	215
Беспредложный локатив	216
Предложный локатив	220
Локатив с предлогом <i>o</i>	220
Локатив с предлогом <i>po</i>	232
Локатив с предлогом <i>при</i>	241
Локатив с предлогом <i>према</i>	243
Локатив с предлогами <i>в</i> и <i>на</i>	245

XII. Локатив в словенском языке	249
Беспредложный локатив	250
Предложный локатив	251
Локатив с предлогом <i>o/ob</i>	251
Локатив с предлогом <i>po</i>	256
Локатив с предлогом <i>pri</i>	261
Локатив с предлогами <i>v</i> и <i>na</i>	265
Часть II	268
Беспредложный локатив в праславянском языке	285
Предложный локатив в праславянском языке	309
Локатив с предлогами <i>v</i> и <i>na</i>	309
Локатив с предлогом <i>o</i>	312
Локатив с предлогом <i>po</i>	328
Локатив с предлогом <i>pri</i>	342
Заключение	348
Условные сокращения к первой части	354
Условные сокращения ко второй части	375

Топоров Владимир Николаевич
Локатив в славянских языках

•
Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР
•

Редактор издательства *Г. А. Лескис*
Переплет художника *Б. Н. Персиянцева*
Технический редактор *Н. Д. Новичкова*
•

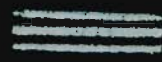
РИСО АН СССР № 112-94В. Сдано в набор 15/II 1960 г.
Подписано к печати 31/III 1961 г.
Формат 70×108^{2/16} 23^{3/4}, печ. л. = 32,53 усл. печ. л. 30,3 уч.-издатель. л.
Тираж 2500 экз. Т-03455. Изд. № 4202. Тип. зак. № 836

Цена 1 руб. 92 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12



1р.92к.



В.Н.ГОЩОРОВ • ЛОКАТИВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

